

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

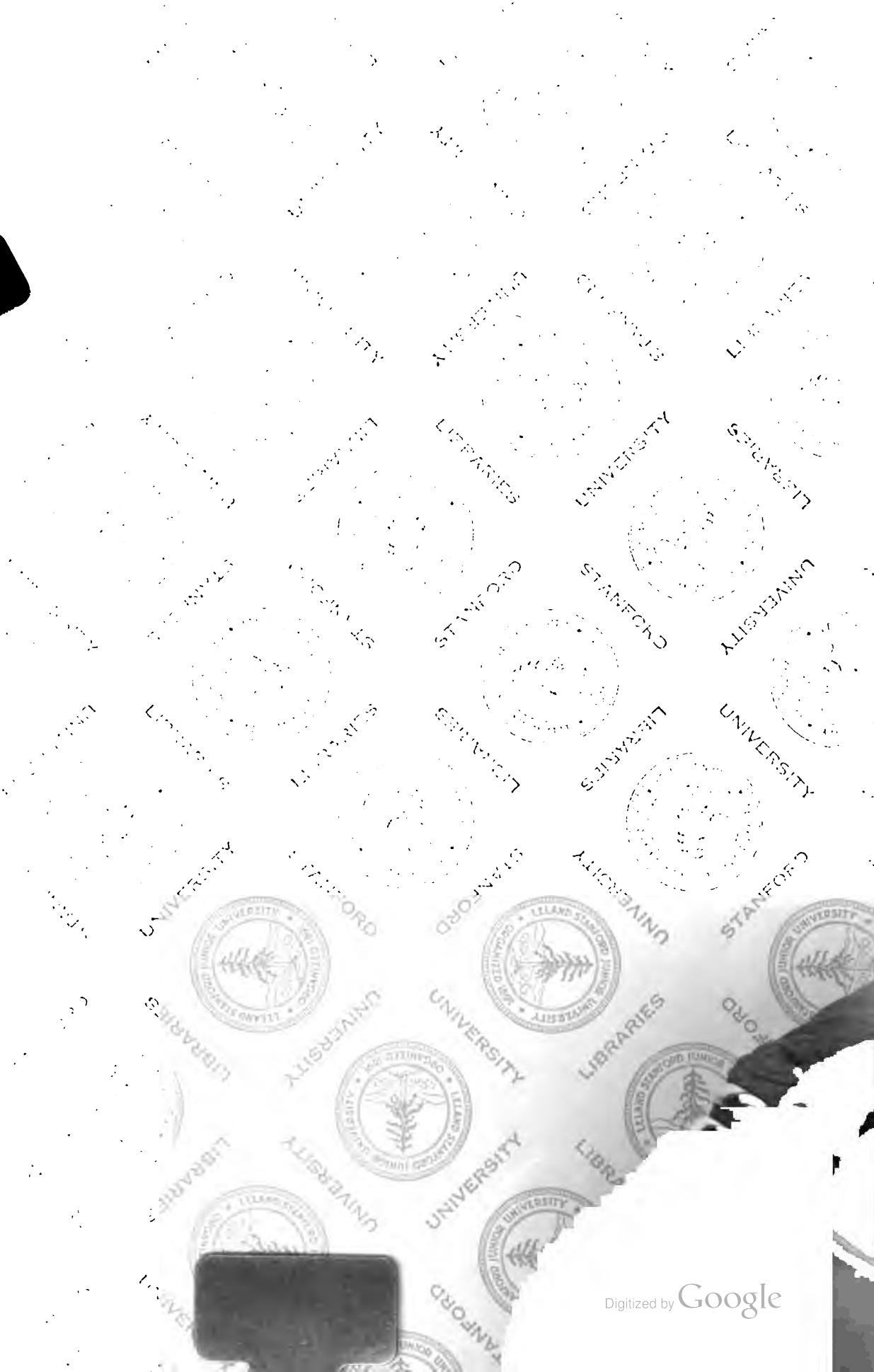
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СТРАНСТВОВАНІЯ
Василѣя Григоровича-Барскаго
по
СВЯТЫМЪ МѢСТЫМЪ
ВОСТОКА
съ 1723 по 1747 г.

ИЗДАНЫ
ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
НИКОЛАЯ ВАРСУКОВА

Часть I

С. Петербургъ
1885

Vasilii, monk.
"

СТРАНСТВОВАНІЯ
Василія Григоровича-Барскаго
по
СВЯТЫМЪ МѢСТЫМЪ
ВОСТОКА
съ 1723 по 1747 г.

ИЗДАНЫ
ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

Часть I

С. Петербургъ
Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.
1885

45

25045
G 460
V 33
v. 1

Отъ Спб. Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 16 Мая 1885 г.

СТРАНСТВОВАНІЯ

Василья Григоровича Барскаго

по

СВЯТЫМЪ МѢСТЯМЪ

ВОСТОКА

Часть I

1723 — 1727 гг.

На границахъ временъ, раздѣляющихъ конецъ древней и начало новой Исторіи Россіи, а именно въ 1701 году, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, подъ сѣнію „небесеподобной“, Печерской Лавры, въ Печерской слободѣ, у небогатаго торговца родился будущій нашъ странствователь по Святымъ мѣстамъ Востока Василій Григорьевичъ Барскій.

Предки его были жителями города Бара, нынѣ заштатнаго города Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда, принадлежавшаго въ то время Польскому Королевству ¹. Во время казацкихъ войнъ, въ 1648 году, Баръ былъ взятъ, а въ 1651 году обращенъ въ пепелъ. Это событіе понудило дѣда Василя Григорьевича, Ивана Григоровича покинуть городъ отцевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ переселиться въ Малороссію. Одинъ изъ сыновей Ивана Григоровича, Григорій, отецъ нашего странствователя, по смерти отца женился въ Малороссійскомъ мѣстечкѣ Лѣткѣ нынѣ Черниговской губерніи, Остерскаго уѣзда, на дѣвицѣ Маріи и вскорѣ послѣ того переѣхавъ въ Кіевъ, поселился тамъ въ Печерской слободѣ. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ ихъ сыну Василю довелось быть свидѣтелемъ страшнаго прояв-

¹ Городъ Баръ, въ древности Ровъ, такъ названъ только въ XVI вѣкѣ, Воною Сфорца, супругою Польскаго короля Сигизмунда I въ воспоминаніе города Бари, въ которомъ почиваютъ мощи Святителя Христова Николая.

II

ленія гнѣва Божія. Въ 1710 году, въ Кіевѣ явилась чума. вмѣстѣ съ другими этотъ бичъ Божій принудилъ и Григорія Ивановича Барскаго оставить Кіевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ выселиться „въ поле“. Когда же опасность миновала, онъ снова возвратился въ Кіевъ и поселился на Подолѣ близъ соборнаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы.

О жизни сына его Василія мы имѣемъ единственные свѣдѣнія, которыя находимъ на страницахъ его „Странствованія по Святымъ мѣстамъ Востока“. Отецъ Василія, Григорій Ивановичъ, по свидѣтельству сына, былъ „книжень точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи“. Занятый торговлею и къ тому же имѣя предубѣжденіе противъ ученыхъ, примѣчая въ нихъ „излишнее прѣнне, гордость, тщеславіе, славолюбіе, зависть и прочая“, очень естественно старался отклонить своего сына отъ ученаго поприща и пріучить къ торговымъ занятіямъ. А между тѣмъ Василій, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, по свидѣтельству его брата Ивана, былъ „любопытень“ ко всякимъ наукамъ и художествамъ и „имѣлъ охоту видѣть чужія страны“. Такимъ образомъ, юный Василій невольно долженъ былъ стать въ противорѣчіе съ желаніями отца, что сдѣлало жизнь его въ родительскомъ домѣ не особенно радостною. По счастью, въ своемъ стремленіи къ ученію, Василій нашелъ поддержку въ своей матери, которая съумѣла убѣдить своего мужа не препятствовать благу желанію ихъ сына. Василій поступилъ въ Кіевскую Академію, и какъ слѣдуетъ предполагать, во время ректорства въ оной знаменитаго Теофана Прокоповича (1709—1716). Судьба не дозволила однакожь Барскому окончить курсъ въ Академіи. Когда онъ достигъ уже до „началь философскихъ“, то у него открылась на лѣвой ногѣ язва, лишившая его возможности ходить. Онъ принужденъ былъ

оставить Академію и принятъся за лѣченіе. Пользовавшіе его Кіевскіе врачи не принесли ему пользы. Въ то время, когда больной потерялъ уже всякую надежду „исцѣлится“, до него доходитъ слухъ, что одинъ изъ его товарищей, нѣкто Іустинъ Леницкій, братъ бывшаго архіепископа Суздальскаго Варлаама¹, задумалъ ѣхать „въ Полшу до града Льова, ради совершенія болшихъ наукъ“. Это извѣстіе оживило Барскаго и имѣло на него рѣшающее значеніе. „Виждь“, восклицаетъ онъ, „нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе“. И онъ „тому поревновахъ“, рѣшился вмѣстѣ съ Іустиномъ ѣхать во Львовъ. Пользуясь отсутствіемъ отца, онъ оставляетъ родительскій домъ, и мать „съ многими рыданіемъ и слезами“ благословляетъ своего сына на далекій путь.

Двадцатидвухлѣтній Василій вмѣстѣ съ товарищемъ Іустиномъ выѣхали изъ Кіева 20 Іюля 1723 г. Едва они покинули городъ, какъ возвратился домой отецъ Барскаго и тотчасъ послалъ слугу за сыномъ въ погоню. На всѣ увѣщанія слуги вернуться домой, Василій остался непреклоненъ и пославъ отцу „должній синовній поклонъ“, продолжалъ свое путешествіе. Изъ Почаева, отъ 13-го Августа, онъ отправилъ къ отцу письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Простѣте и благословѣте, а не клѣнѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божіимъ и вашимъ отеческимъ, всякіе замысли и поступки благополучніи были“. О дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ Барскій пишетъ въ этомъ письмѣ нерѣшительно: „Извѣщаю, же иду до Льова, а пѣвнѣ не извѣщаю гдѣ буду; Богъ вѣсть, може еще и далѣй пойду?“ Очевидно, что на первыхъ порахъ Барскій не имѣлъ

¹ Варлаамъ хиротонисанъ 31 Мал 1719 г.

какихъ либо опредѣленныхъ цѣлей, а одно только неопредѣленное желаніе видѣть свѣтъ и „иныхъ людей обычаи“. Во Львовѣ искусный врачъ вылѣчилъ ногу Барскаго и онъ сталъ хлопотать о поступленіи во Львовскую іезуитскую академію. „Да искусимъ“, пишетъ Барскій, „ихъ преданія ученій“. Но православныхъ, и особенно Кіевскихъ, въ эту академію не допускали; а потому для достиженія своей цѣли Василій вмѣстѣ съ Іустиномъ рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, въ то время весьма обычной. Они объявили себя братьями Барскими, уроженцами Польскаго города Бара. Такимъ путемъ они проникли въ академію и поступили въ классъ риторики. Обманъ однакоже вскорѣ открылся и они были изгнаны изъ академіи „яко волци отъ лѣсовъ Кіевскихъ“. Барскій не упалъ духомъ и утѣшалъ себя благочестивымъ размышленіемъ, что Богу неугодно было оставить ихъ, воспитанныхъ въ православной вѣрѣ, среди латиновъ и онъ сталъ убѣждать своего спутника Іустина: „да идемъ къ инымъ градомъ и видимъ иныхъ людей обычаи“. Къ исполненію этого намѣренія Барскаго способствовало и слѣдующее обстоятельство. Во Львовѣ они сошлись съ Русскимъ священникомъ, Стефаномъ Протанскимъ. Онъ потерялъ жену и „ради разгнанія своей печали“, рѣшился отправиться въ Римъ. Узнавъ объ этомъ, Барскій и Іустинъ предложили Протанскому идти туда вмѣстѣ и Протанскій съ радостию принялъ ихъ предложеніе. „Мнѣ же“, пишетъ по этому поводу Барскій, „не бысть толь желаніе до Рима, елико до Святителя Христова Николая въ Баръ градъ“. Денегъ для этого путешествія Барскій имѣлъ хотя и „зѣло мало“, но онъ возложилъ все свое упованіе на Бога и „на милость христіанскую“. Предприимая дальнее путешествіе, Барскій запасается не только патентомъ отъ

архієпископа Львовскаго, долженствующимъ открыть ему двери католиковъ, но даже и отъ Львовскаго еврейскаго кагала. Наши путешественники, въ одѣяніи Римскихъ пилигримовъ, вышли 23 Апрѣля 1724 года, изъ Львова. Перебравшись черезъ сѣверо-восточный уголь Карпатскихъ горъ, достигли города Кашау, гдѣ, не имѣя чѣмъ жить, ходили по городу и просили милостыню. Это такъ непріятно поразило священника Протанскаго, что онъ рѣшился разстаться съ своими товарищами. Для самаго же Барскаго это „художество“ не могло быть новымъ. Онъ въ Кіевѣ довольно насмотрѣлся, какъ тамошніе ученики цѣлыми десятками расходились по разнымъ городамъ и селамъ Кіевской и Черниговской губерніи, для собиранія подаяній. Кромѣ того многіе бѣдные ученики каждый день въ обѣденное время ходили по Кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ пѣли разные священные стихи, испрашивая у жителей христіанской милостыни. Изъ Кашау Барскій черезъ Эрлау пришелъ въ Пешть, гдѣ нашелъ помощь у православныхъ Сербовъ, и думалъ, чрезъ Сербію и Далмацію, отправиться въ Венецію; но „благоразсудніи людіе“ имъ посоветовали идти туда на Вѣну, „да и столицу цесарскую узримъ и крѣпкими себѣ въоружимъ патентами“. Такъ они и сдѣлали. Разставаясь съ Венгрією, Барскій съ благодарностью отзывается о страннolюбіи ея жителей. Иное встрѣтилъ онъ, когда вступилъ въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ не нашелъ „никаковаго страннolюбія, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго“. Но къ чести Нѣмцевъ Барскій сообщаетъ, что земля ихъ „мырна есть отъ разбійниковъ“. 1-го Іюня 1724 года, путешественники увидѣли передъ собою „славный градъ“ Вѣну. Всевозможныя затрудненія при-

шлось имъ преодолѣть, чтобы проникнуть въ самый городъ, который показался Барскому „аки прекрасный рай“. Здѣсь нашимъ бѣднымъ странникамъ удалось достать себѣ патенты отъ папскаго нунція и отъ Венеціанскаго посла. Полученіе этихъ патентовъ было крайне для нихъ необходимо; ибо Барскій отъ кого то слышалъ, что немѣющихся „Вѣденскаго (Вѣнскаго) патента берутъ на галелы, си есть на вѣчную въ узахъ работу“. Черезъ Штирію и Каринтію путешественники добрались до Венеціи. Когда Барскій увидалъ въ первый разъ море, то помянулъ Пророка, вопіюща: „Нисходящіи на море въ кораблехъ и творящіи дѣланія въ водахъ многихъ, тѣи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ“. По прибытіи въ Венецію, Барскій на другой же день отправился въ Православную церковь Св. Георгія. Такъ какъ Барскій въ то время еще не зналъ Греческаго языка, то очутился въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго его выручали дѣти Грековъ, обучавшіеся въ церковной школѣ Латинскому языку. Они завязали разговоръ съ нимъ на этомъ языкѣ. Подошли и учителя и стали бесѣдовать о вѣрѣ. Донесли протопопу, что пришедшіе странники „суть православны и благочестивыи христіане“; да къ тому же родомъ „отъ Россійскихъ странъ“. По поводу послѣдняго показанія, Барскій замѣчаетъ: „зѣло бо тамо таковыхъ людей любятъ“. Въ Венеціи, въ этотъ разъ, Барскій пробылъ всего только два дня. Чрезъ Падую, Феррару, Болонью, Пезаро, Фано и Анкону, слѣдуя берегомъ Адріатическаго моря, онъ пришелъ въ Лорето. Изъ Лорето путешественникамъ предстояло два пути: кратчайшій—въ Римъ, дальнѣйшій—въ Бари. Барскій настоялъ идти въ Бари прямо изъ Лорето. „Аще“, пишетъ онъ, „пойдемъ первѣе къ Риму, доволни будемъ видѣніемъ величества, кра-

соти и славы его и облѣнимся пойти поклониться мощемъ угодника Божія Святителя Христова Николая.“ Невыразимыя страданія пришлось испытать нашимъ путешественникамъ, когда они шли въ самое жаркое время года, по сухой, неплодной, безводной Калабріи. Къ довершенію бѣды близъ Барлеты, Барскій потерялъ свои патенты, а пилигримъ безъ патентовъ, по замѣчанію Барскаго, тоже что „человѣкъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ крыль, древо безъ листвія“. Наконецъ, послѣ девятидневныхъ страданій, Барскій достигаетъ давнишней своей цѣли, пресловутаго града Бара, и онъ удрученный потерей патентовъ и болѣзнію ноги, „присно же приходяхъ къ гробу Святителя Христова Николая, моля его слезами, да ми поможетъ въ обѣхъ тѣхъ“. Молитва его была услышана. Нога его исцѣлилась и патенты его нашлись; но вслѣдъ за тѣмъ Барскаго постигаетъ новая бѣда. Жестокая лихорадка удерживаетъ его въ Барлетѣ; а спутникъ его Іустинъ, не желая дожидаться выздоровленія своего товарища, уходитъ въ Римъ, оставляя Барскаго одного „скорбна и болѣзненна“. Съ тѣхъ поръ товарищи уже не сходились и судьба Іустина Леницкаго остается намъ неизвѣстною. Въ это трудное время, какъ и всегда, Барскій не упалъ духомъ и онъ „помянухъ Бога и возвеселихся“. Одинъ одиноконекъ, въ чужой землѣ, зная только книжный Латинскій языкъ, котораго не разумѣлъ простой народъ въ Италіи, безъ денегъ, въ лютой лихорадкѣ, томимый жаждою, шель онъ по пути къ Риму и наконецъ, наканунѣ Успенія, дотащился до Неаполя, гдѣ въ гостиницѣ Св. Троицы Барскій нашелъ себѣ пріютъ и успокоеніе. Пробывъ нѣсколько дней въ Неаполѣ, Барскій отправился въ Римъ сухимъ путемъ и 29 Августа 1724 года, взорамъ его открылся вѣчный городъ. „И видѣхъ“, пишетъ онъ,

VIII

„Римъ отвнѣ зѣло много красенъ; много бо услаждають зѣнниці людскіе оніе церкви древнимъ строеніемъ съ многими главами, цѣнію и мѣдоу покровенни и позлащеніе на себѣ крести имущими“. По цѣлымъ днямъ Барскій бродилъ по Риму: заходилъ въ церкви, осматривалъ княжескіе и кардинальскіе дворы и палаты, любовался красотою града, наблюдалъ нравы и обычаи народа. Между прочимъ ему удалось воспользоваться даже гостепріимствомъ самаго Папы. Въ Римѣ Барскій прожилъ около 3-хъ недѣль и оставилъ вѣчный городъ, сознавая, что о великомъ и пресловутомъ отъ запада до востока градѣ Римѣ „многія повѣсти требѣ, по достоянію славы и лѣпоти его“. Путь свой Барскій направилъ опять въ Венецію, идя туда черезъ Флоренцію, Болонью и Феррару, съ надеждою вернуться оттуда прежнимъ путемъ „въ страну Полескую“. Въ Венеціи Барскій пріютился въ богадѣльнѣ знакомой ему уже греческой церкви и не рассчитывалъ долго пробыть въ Венеціи мечтая возвратиться на родину черезъ Далмацію, Боснію, Сербію и Болгарію. Вслѣдствіе сего онъ почти ежедневно ходилъ на пристань развѣдывать: нѣтъ ли корабля, отправлявшагося въ Зару. „Не виденія ради“, хотѣлъ онъ посѣтить этотъ городъ, „понеже многа видѣхъ красна и чудесна; но посѣщенія ради мощей угодника Божія святаго Симеона Богопріимца“. Проходила недѣля за недѣлею, а онъ не находилъ добродѣтельнаго капитана, который довезъ бы его до Зары „Христа ради“. Вызванные его прошеніемъ упрeki, что пилигримъ, путешествуя по свѣту и обходя страны и земли „многія собираетъ бацисъ есть денги“, заставляють Барскаго излить свою скорбь въ одной изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ своихъ записокъ: „Всякъ бо путникъ“, пишетъ онъ, „аще истиненъ путникъ есть, аще путешествуетъ Христа ради,

не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мирѣ, не видѣнія ради мирскихъ красоть и разнствованія земель, народовъ и обикновеній, но аще путешествуетъ или по общанію, или по желанію, или спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъ же шествоваху, или биша, или стоястѣ нозѣ Господа нашего Ісуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, — таковій долженъ есть ангельское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя. Сего ради“, продолжаетъ онъ, „путникъ аще и нагло помретъ, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученическій воспрійметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варъ, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяся даже до смерти самоволно, Христа ради“. Въ безвыходныхъ хлопотахъ объ отъѣздѣ изъ Венеціи, прошелъ для Барскаго мѣсяцъ Октябрь. Наступили холода, вѣтры, и онъ рѣшился зимовать въ Венеціи. Протопопъ о. Василій благословилъ Барскаго остаться при Греческой церкви. Между тѣмъ ему „омерзѣ дозѣла“ праздное препровожденіе времени и онъ рѣшился посвятить свободное время изученію Греческаго языка. Къ тому же Греки, какъ единовѣрцы, очень полюбили Барскаго и охотно допустили его до занятій въ церковной школѣ. Только товарищи Барскаго по богадѣльнѣ отнеслись съ насмѣшкой къ этимъ занятіямъ его и со смѣхомъ называли его „премудримъ Соломономъ“. Барскій съ сожалѣніемъ говоритъ, что ему мало времени удавалось посвящать занятіямъ, такъ какъ онъ принужденъ былъ часто ходить по городу и просить милостыню. Не рѣдко Барскій заходилъ и на площадь Св. Марка, гдѣ ему пришлось однажды присутствовать при зрѣлищѣ, которое его, какъ малороссіянина, возмутило до глубины души. Травили вола собаками. И можетъ быть, смотря

на это, вспомнилась ему его далекая родина, гдѣ воля есть неизмѣнный спутникъ и кормилецъ человѣка. И можетъ быть зазвучали въ душѣ его родныя пѣсни, величающія столь любезное Малороссіянамъ чумакованье. Пѣсни, отражающія въ своей унылой однообразной мелодіи безбрежную степь, съ безоблачнымъ небомъ, палящимъ солнцемъ и въ этой величавой обстановкѣ, мѣрное, „съ важностью спокойной“ движеніе воловъ, сопровождаемое загорѣлыми чумаками. Когда же на чужой сторонѣ представилось ему это зрѣлище травы и веселіе зрителей, то изъ его души вылились слѣдующія прочувствованныя строки: „азъ едва не плакахъ, видящи таковое мученіе незлобиваго звѣри, отъ неблагословенной бестіи терпимое лють. Помянухъ бо азъ грѣшный тогда, глаголющи въ умѣ своемъ, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единъ отъ иннихъ въ вертепѣ рождшемуся Христу Господу не сподобился служить, токмо онъ и подобный другъ его незлобивый осель“. Между тѣмъ наступилъ 1725 годъ, а съ нимъ и Италіянская весна. Пахнуло „отъ теплоты диханія морскаго“. Вмѣстѣ съ весною у Барскаго обновилась непреодолимая жажда къ путешествію. Однажды случилось ему разговариваться объ этомъ предметѣ съ однимъ ученикомъ Греческаго училища, который замѣтилъ Барскому, что не мѣшало бы ему побывать въ „волной Греціи“. Тамъ, сообщалъ онъ, „Святыхъ Божіихъ мощи“, а люди „милосердны на путниковъ“. Эти слова запали въ душу Барскаго и потянули его на Святой Востокъ. Одно только нѣсколько печалило Барскаго: не было у него спутника, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить труды и трудности страннической жизни. Случайно на площади Св. Марка столкнулся Барскій съ такимъ спутникомъ. Это былъ бывшій архимандритъ Тихвинскаго монастыря Рувимъ Гурскій, нѣ-

когда любимецъ митрополитовъ Стефана Яворскаго и Іова Новгородскаго, довѣренное лицо царицы Прасковьи Теодоровны и царевича Алексѣя Петровича, но принужденный бѣжать изъ отечества и искать себѣ такого мѣста, „идѣже бы мя токмо Единъ знаяше Богъ и азъ Его“. Съ этой минуты и до самой кончины Рувима Барскій уже съ нимъ не разлучался. Съ такимъ спутникомъ Барскому впервые пришла мысль „пойти въ Іерусалимъ поклониться Гробу Христову“. Они стали дѣятельно приготовляться къ отѣзду. Нашелся благодѣтель, въ лицѣ нѣкоего сербскаго капитана Вукола, который взялся быть ходатаемъ за нашихъ странниковъ предъ однимъ великимъ Венеціанскимъ боляриномъ, обладателемъ многихъ кораблей и просить его „да укораблить“ ихъ до Корфу. Наконецъ все устроилось и въ мартѣ 1725 г. Рувимъ и Барскій оставили Венецію и поплыли къ острову Корфу.

Вообще тяжело было имъ это путешествіе. Взятые на корабль Христа ради, они принуждены были цѣлые дни проводить, что называется въ проголодь. Хозяинъ корабля латынинъ, такъ ихъ любилъ, „яко волкъ агнца“, видѣть же ему ихъ было такъ пріятно „яко соль въ очесехъ и вѣру ми ими, благій читателю“, продолжаетъ Барскій, что Латыни гораздо болѣе любятъ жида и турка, чѣмъ насъ православныхъ. Въ наши дни, когда такъ часто приходится слышать: *„Православіе падаетъ. Надо поддержать Православіе*, какъ бы въ опроверженіе этихъ богохульныхъ жалобъ и дерзостныхъ намѣреній, не мѣшаетъ выслушать слѣдующія вдохновенныя строки, которыя вылились изъ глубины вѣрующей души Барскаго: „Но не удивляйся сему правовѣрный читателю, изначала бо мира никогда въ мирѣ не бистъ Церковь Христова, но всегда гонима, иногда отъ идолопоклоникъ, иногда же отъ невѣрныхъ, иногда же отъ ере-

XII

тиковъ и иныхъ враговъ, иногда и отъ своихъ величавыхъ и высокоудръствующихъ латиновъ, но никогда же, ни отъ кого же преодоленна бываетъ, ниже будетъ. Стоитъ бо недвижима, аки гора, красится красотою аки невѣста, сіяетъ въ семь мирѣ, аки слонце, свѣтя на благія и злыя, пребываетъ тверда, аки адамантъ, процвѣтаетъ яко кринь посредѣ тернія, горитъ всегда непрестаннымъ пламенемъ любви, яже къ Богу, его же никакимъ видомъ всякіе еретичествующихъ вѣтри угасити не могутъ, никогда смущается, всегда веселится, побѣдну воспѣвающе пѣснь“.

Подплывая къ Корфу, Барскій, любуясь представившеюся его взорамъ картиною прекрасныхъ горъ, долинъ, деревень, садовъ масличныхъ, благодарилъ Бога за то, что Онъ „вѣру нашу православную на благой, мягкой и плодovитой насаждаетъ землѣ“. Здѣсь Рувимъ и Барскій пріютились при церкви Св. чудотворца Спиридона. Вскорѣ они завели знакомство съ Корфіотами. Многіе изъ нихъ стали приглашать Рувима совершать литургію и святить воду. При этомъ нельзя не замѣтить, что архимандритъ Рувимъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, а въ томъ числѣ и Греческаго, и слѣдовательно служилъ литургію для Корфіотовъ на Славянскомъ языкѣ.

Въ началѣ Мая, „именемъ Христовымъ“, поплыли они въ Хіосъ и достигнувъ мѣстечка Миконо, лежащаго на одномъ маленькомъ островѣ вступили въ Турецкія владѣнія. Слышавъ, что Россія не мирна съ Турціею, они побоялись выходить на берегъ, дабы не сдѣлаться невольниками. Но опасенія ихъ были напрасны и Турокъ ихъ „ни о чемъ же вопросы“. Таже боязнь овладѣла ими, когда они пристали къ острову Хіосу, но также напрасно. Чрезъ Греческаго толмача, Турецкій чиновникъ, задалъ имъ обыкновенные вопросы:

„Откуда еси, и почто прійдохомъ тамо и камо грядемо?“ На эти вопросы отвѣчалъ Барскій и за себя и за своего старца. Потомъ турокъ потребовалъ ихъ патенты; и посмотрѣвъ на нихъ, какъ выражается Барскій „своима очима скверними сѣмо и овамо“ сказали имъ: Идите куда хотите. Барскій вознесъ благодарственную молитву къ Богу за то что Онъ „умягчи сердце нечестиваго“, который не только не взялъ съ нихъ дани но даже не сказалъ имъ и дурнаго слова. Узнавъ, что на островѣ Хіосѣ пребываетъ Іерусалимскій патріархъ Хрисанъ ¹ пріѣхавшій сюда просить милостыни на искупленіе Гроба Христова, они не мало сему удивились, что „самъ труждается, бывши толь великая персона“ и явились къ нему за благословеніемъ и совѣтомъ. Когда они сообщили патріарху, о своемъ намѣреніи отправиться въ Іерусалимъ, то получили отъ него извѣстіе, что на такое путешествіе требуется сумма превосходящая ихъ средства. Тогда они измѣнили планъ своего путешествія и рѣшились вмѣсто Іерусалима идти на Аѳонъ. Барскій думалъ только поклониться Святѣмъ, а потомъ возвратиться въ отечество, а Рувимъ на всегда тамъ остаться. Но Всевышній судилъ иначе. Архимандритъ Рувимъ Гурскій, уже преутруженный старецъ, внезапно заболѣлъ и скончался въ Хіосѣ. „И погребоша его честно, съ великимъ надгробнымъ пѣніемъ“, подъ спудомъ церкви во имя Св. Виктора. „И азъ“ пишетъ Барскій, „присутствовахъ, провождая его честніи

¹ Хрисанфъ, патріархъ Іерусалимскій съ 1707 по 1731 г. Уроженецъ Константинополя, родственникъ Іерусалимскаго патріарха Досіея, которому онъ наследовалъ. Учился въ Константинополѣ, Италіи и посѣтилъ европейскіе университеты. Извѣстенъ какъ знатокъ патристики, классическихъ языковъ и метафизики, а также какъ хорошій проповѣдникъ. Въ его патріаршество исправленъ храмъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Свое описаніе Св. Града онъ посвятилъ Императору Петру Великому.

мощи къ гробу, плача и рыдая“. Надъ одиночествомъ Барскаго и его безденежествомъ сжалились Греческіе купцы и въ особенности одинъ изъ нихъ по имени Іоаннъ Маврокордато, который съ ногъ до головы одѣлъ Барскаго и далъ ему возможность доѣхать до Солуня, куда онъ и приплылъ, испытавъ сильную бурю, 23 Сентября 1725 года. Здѣсь онъ провелъ только день и имѣлъ утѣшеніе встрѣтиться съ своими соотечественниками, а также и съ Болгарами. Они его угостили и проводили въ дорогу.

На Аѳонѣ Барскій отправился пѣшкомъ и претерпѣлъ много путевыхъ невзгодъ, обходя всѣ монастыри. Постояннымъ мѣстопребываніемъ его былъ монастырь Св. Пантелеймона. Изъ Русскихъ въ этомъ монастырѣ былъ только одинъ человѣкъ, а то или Греки, или Болгаре. По замѣчанію Барскаго „Наша Русь не токмо тамо, ни въ коемъ иномъ Святія Гори монастырѣ не можетъ долго пребывать, развѣ кто подражаетъ Іовлеву терпѣнію“; а прочіе бѣгутъ оттуда „яко дивіе серны отъ тенета“. Это явленіе Барскій объясняетъ матеріальною обезпеченностью нашихъ монастырей, которые въ то время владѣли деревнями. Эта обезпеченность давала нашимъ инокамъ возможность жить въ монастыряхъ какъ „святые въ раю, во всякомъ довольствѣ и безмолвіи“ и думать исключительно о своемъ спасеніи. Между тѣмъ Аѳонскіе монахи принуждены день и ночь трудиться, работать „съ изліяніемъ пота; днемъ копающе землю, нощію же о спасеніи своемъ“. Самому же Барскому было не легко жить на Аѳонѣ. „Богъ же вѣсть“, пишетъ онъ, „коликое гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребываючи въ Горѣ Аѳонской“. Ему пришлось вынести цѣлое гоненіе за свое путешествіе въ Римъ и обѣдъ у

Папы. Его даже не допускали до Причастія и только послѣ архіерейскаго разрѣшенія онъ былъ допущенъ къ „Пренайсвятѣйшей Евхаристіи“. Получивъ свѣдѣнія, что „повсюду миръ и тишина слишится“, Барскій 1 Февраля 1726 года, вышелъ изъ Святой Горы обратно въ Солунь и здѣсь прожилъ до Сентября того же года. Благопріятный случай доставилъ ему возможность помѣститься безмездно на кораблѣ, плывшемъ съ поклонниками во Святую Землю. Въ концѣ Сентября, Барскій прибылъ въ Яффу. По пути, онъ заѣзжалъ въ Родосъ и Кипръ. На первыхъ порахъ, въ Яффѣ, мы видимъ Барскаго стоящимъ за дверьми гостинницы, когда другіе обѣдали и „созирахъ бывшее“ и тутъ же, по окончаніи стола вмѣстѣ съ слугами питающимся остатками отъ общей трапезы.

Изъ Яффы, Барскій вмѣстѣ съ другими бѣдняками шелъ за караваномъ пѣшкомъ. „Сіи на верблюдахъ, аки на колесницехъ“, пишетъ онъ, „ми же, въ имя Господа Бога нашего грядомъ пѣши“. Между Рамлѣ и Іерусалимомъ Барскій былъ ограбленъ и избитъ Арабами. Изобразивъ въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ этихъ Арабовъ, преграждающихъ путь ко Святому Граду, Барскій какъ бы испугался чтобы описаніемъ своимъ не отвлечь другихъ отъ путешествія ко Святому Гробу, и спѣшитъ оговориться: „Сія убо толь многореченная отъ мене слышай, благоразсудній читателю, не усумнѣвайся и не угашай любовію горящее сердце твое къ мѣстомъ святымъ. Всякому, богатому же и убогому, совѣтую о Христѣ не ужасатися путешествовати къ святому граду Іерусалиму, ниже лишатися поклоненія живоноснаго Гроба Господня. Аще же кто хощетъ миренъ и безмятеженъ путь имѣти, да ослѣпитъ серебромъ всякое завистное око, что бо есть раздати таларь или два Еѳіопомъ, любве ради Божія и

XVI

Мѣсть Святыхъ“. Въ заключеніе Барскій взываетъ къ своимъ соотечественникамъ и ко всѣмъ христіянамъ: „Богомъ избранній Россійскій роде и вси повсюду далече отстоящіи христіяне потщитесь отъ всего сердца вашего простерти нозѣ ваша на шествіе къ Святимъ Мѣстомъ и руки въ подаваніе милостини на откупленіе тѣхъжде, студи бо намъ есть и поношеніе отъ еретиковъ и невѣрныхъ. Несите же имѣнія ваша съ собою, и положите я въ неветшающемъ влагалищи, въ гробѣ Христа Спасителя“. Въ Іерусалимѣ Барскій окончилъ 1726 и встрѣтилъ новый 1727 годъ. Въ это время онъ обошелъ окрестности Святаго Града. Былъ на Іорданѣ и на Мертвомъ морѣ, посѣтилъ Виѡлеемъ и неоднократно бывалъ въ Лаврѣ Св. Саввы. Въ заключеніе своего описанія Іерусалима, Барскій пишетъ: „Славлю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онимъ“. Изъ Іерусалима Барскій имѣлъ желаніе отправиться на Синай и 17 Апрѣля поплылъ по направленію къ Даміеттѣ. Но буря отнесла корабль къ острову Кипру. Въ этомъ Барскій усмотрѣлъ волю Божию и провелъ 3 мѣсяца, странствуя по городамъ и монастырямъ Кипрскимъ. Отсюда онъ отправился въ Каиръ, гдѣ патріархъ Александрійскій Косма¹, сжалился надъ нимъ и приютилъ его на своемъ подворьѣ. Барскій рѣшился жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ пройти къ Синаю, а чтобы не ѣсть даромъ монастырскаго хлѣба, сдѣлался трапезаремъ и упражнялся въ Греческомъ языкѣ, чтобы не терять даромъ время. Его очень полюбили Каирскіе иноки и онъ иногда прогуливался съ ними по Каиру, любуясь красотою и величествомъ города и

¹ Косма, патріархъ Александрійскій въ 1724—1737 г.

наблюдая народные обычаи. Болѣе восьми мѣсяцевъ суждено было Барскому прожить въ Каирѣ. Въ день Богоявленія 1728 г. онъ вмѣстѣ съ патріаршими иноками обходилъ дома и носилъ сосудъ со святою водою и это дало ему возможность собрать на дорогу „нѣсколько пѣнизей“. Наконецъ, послѣ, казалось, непреодолимыхъ трудностей, Барскій проникъ на Синай, гдѣ обозрѣлъ всѣ святыя мѣста, и покинулъ Египетъ въ Даміеттѣ.

Барскій вышелъ на берегъ въ древнемъ Сидонѣ. На первыхъ же порахъ, онъ былъ пораженъ до глубины души тѣми церковными нестроениями, которые онъ нашелъ въ Антиохійской патріархіи. „Богъ токмо да уврачуеъ Церковь Христову Православную“. Въ Дамаскѣ Барскій увидѣлъ магометанъ, католиковъ, уніатовъ, армянъ, маронитовъ, евреевъ, а православныхъ христіанъ оказалось самое наименьшее число, да и тѣ, по наблюденію Барскаго, были не весьма тверды въ вѣрѣ. Самаго патріарха Сильвестра ¹ въ это время не было въ Дамаскѣ, онъ пребывалъ въ Константинополѣ. Барскій отправился въ Антиохію, гдѣ встрѣтился съ „торговцами Греческими, пришелцами отъ земли Болгарской, отъ града Филиппополя“, которые угостили

¹ Въ это время патріархомъ Антиохійскимъ былъ Сильвестръ, родомъ съ острова Кипра. Онъ былъ архидіакономъ при Антиохійскомъ патріархѣ Аеанасіи, который передъ смертію своею назначилъ его своимъ преемникомъ. Въ это время Сильвестръ находился на Аeonѣ. Константинопольскій синодъ, узнавъ о желаніи покойнаго патріарха, 27 Сентября 1724 года призвалъ Сильвестра патріархомъ. По отзыву современниковъ это былъ мужъ „не злобивый, не коварный, не сребролюбивый, паче же добродѣтельный и многомилостивый, хранитель отеческихъ преданій, знатокъ правилъ церковныхъ, исполнитель церковныхъ чиноположеній и уставовъ, но не обладалъ политическимъ тактомъ, а мнѣнія его были перемѣнчивы“. Онъ скончался 13 Марта 1766 года, будучи во время своего 38 лѣтнаго патріаршества принуждаемъ неоднократно оставлять свой престолъ, побуждаемый къ тому противною ему партією, поставившею антипатріархомъ Кирилла.

XVIII

нашего путешественника „трапезою и одромъ честно“. Эта встрѣча произвела на Барскаго отрадное впечатлѣніе, „яко языкомъ ихъ собесѣдовахъ“. Народъ ихъ, замѣчаетъ Барскій, есть „естественно страннолюбивъ“. Печальную картину взорамъ Барскаго представилъ „сей иногда преславній и великій, именуемій Божій, градъ Антіохія“. Въ 1728 году она казалась селомъ. Въ этой бывшей столицѣ Антіохійскаго патріарха, Барскій не нашелъ ни одной церкви, а тамошніе магометане ненавидѣли христіанъ и стремились выжить ихъ изъ Антіохіи. Но христіане тамъ живущіе, съ утѣшеніемъ замѣчаетъ Барскій, „не точію не умяются, но паче избыточествуютъ“. Достигнувъ границъ, отдѣляющихъ Антіохійскій патріархатъ отъ Константинопольскаго, Барскій располагалъ отплыть моремъ въ Константинополь, „понеже“ пишетъ онъ, „утрудился и возненавидѣхъ по вся дни шествующи землею“. Но жестокая лихорадка заставила Барскаго измѣнить планъ своего путешествія. Онъ уклонился отъ моря и направился въ Алеппо. Въ маленькомъ городкѣ Бейланъ, онъ присоединился къ купцамъ, идущимъ на верблюдахъ въ Алеппо. Не найдя въ этомъ городѣ пріюта у митрополита, который оказался гордымъ, скупымъ и страннореневистнымъ, Барскій отправился на торжище и водворился въ одномъ купеческомъ дворѣ. Болѣзнь замедлила выѣздъ его изъ Алеппо. Между тѣмъ приближался праздникъ Рождества Христова и Барскій былъ опечаленъ тѣмъ, что не могъ найти здѣсь православнаго священника, который бы его исповѣдалъ и причастилъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ близлежащее мѣстечко Едлибъ, въ которомъ жили православные христіане; но и здѣсь онъ не могъ найти Греческаго священника и принужденъ былъ исповѣдываться

у Арабскаго. По этому поводу мы узнаемъ, что Барскій зналъ уже по арабски.

Барскій, встрѣтивъ новый 1729 г. въ монастырѣ Св. Георгія близъ Триполя и получивъ нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, замыслилъ вторично посѣтить Іерусалимъ, уповая отъ Святыхъ мѣстъ „совершенное получить здравіе“. Путь Барскаго во Святый Градъ шелъ на этотъ разъ изъ Триполя черезъ Назаретъ и Самарію. Близъ Іерусалима, Барскій опять попалъ въ руки разбойниковъ, которые его не только избили, но и „отъ одежды обнажиша въ вся“. Къ довершенію бѣды у него не оказалось денегъ, для уплаты магометанскихъ даней. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Барскій рѣшился прикинуться юродивымъ Христа ради, „безчинствуя и неподобная глаголя и бѣхъ въ поруганіе всему народу“ и въ такомъ видѣ дошелъ, 23 Марта 1729 г. „даже до Святаго Града“. Проведя здѣсь Пасху и посѣтивъ еще разъ окрестности до Виелеема, Барскій отправился въ Яффу, а отсюда, 15 Мая, въ Птоломаиду. За тѣмъ посѣтилъ вторично Назаретъ, прошелъ всю Галилею до источниковъ Іордана, всходилъ на Оаворъ и Кармилъ, посѣтилъ остатки Каны Галилейской, видѣлъ мѣсто благословенія пяти хлѣбовъ и гору Блаженствъ. Изъ Птоломаиды Барскій отплылъ „ладією по морю“ въ Триполи. Сердце путника уже жаждало возвратиться въ Кіевъ. Онъ видѣлъ все, чего желалъ видѣть. Царьградъ, гдѣ онъ еще не былъ, лежалъ на пути въ Россію. Но, человекъкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Слѣдующее обстоятельство заставило Барскаго остаться въ Триполѣ. Въ этомъ городѣ существовало Греческое православное училище, основанное тогдашнимъ патріархомъ Сильвестромъ, съ тою цѣлію, чтобы умножить, по словамъ Барскаго, „разумнихъ и словесныхъ мужей

и искусныхъ философовъ“, способныхъ бороться съ врагами Церкви Христовой. Дидаскаломъ этого училища былъ съ острова Патмоса іеромонахъ Іаковъ. Барскій не находитъ словъ для похвалы этому достойному мужу. Равнаго ему, пишетъ Барскій, „ни въ Іерусалимѣ отъ Отець, ни въ Горѣ Синайской, ни обрѣтающесе въ горѣ Аѳонской, обрѣсти ми не случися“. Іаковъ, замѣтивъ способности и любознательность Барскаго, уговорилъ его остаться въ училищѣ для изученія Греческаго языка. Это предложеніе совпало съ завѣтными мыслями Барскаго и онъ остался въ Триполѣ и прожилъ здѣсь при своемъ дидаскалѣ въ теченіе почти пяти лѣтъ „начертахъ на сердци моемъ“, пишетъ Барскій, „благій по Бозѣ житія его образъ“. Въ Іюлѣ 1730 года, Барскій долженъ былъ на нѣсколько времени прекратить свои занятія и отправиться въ Египетъ, частію по порученію своего дидаскала, а частію по собственнымъ дѣламъ, для поклоненія святѣйшему патріарху Космѣ и для принятія благословенія его къ собиранію милостыни. Патріархъ принялъ Барскаго „благимъ сердцемъ и лицемъ веселимъ“, исполнилъ его просьбы и далъ ему пріютъ на своемъ патріаршемъ дворѣ. Въ концѣ 1730 года, Барскій вернулся въ Триполь и продолжалъ тамъ свои занятія Греческимъ языкомъ. Лѣтомъ 1731 года, Барскій былъ посланъ своимъ дидаскаломъ на островъ Патмосъ къ тамошнему богослову іеродіакону Макарію, для рѣшенія недоумѣній по поводу одного вопроса, возбужденнаго въ Антіохіи спорами палистовъ и уніатовъ съ православными. На островѣ Патмосѣ, при святой пещерѣ, „въ ней же святый Іоаннъ Богословъ исписа Божественное Евангеліе и Откровеніе, якоже пишутъ древніе книги Греческія кожаныя“, процвѣтало Греческое училище, подъ руководствомъ іеро-

діакона Макарія. Объ этомъ святомъ старцѣ Барскій сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія. „Безъ сомнѣнія“, пишетъ В. И. Ламанскій, іеродіаконъ Макарій „займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду людей, приготовившихъ возрожденіе Грековъ. Не знаю“, пишетъ далѣе г. Ламанскій, сохранились ли у Грековъ подробныя извѣстія объ этомъ славномъ труженикѣ просвѣщенія и народности, во всякомъ случаѣ для нихъ должны быть чрезвычайно дороги слова о немъ нашего Барскаго, такъ какъ онъ коротко зналъ Макарія“. По поводу же порученія, даннаго Барскому къ о. Макарію, г. Ламанскій пишетъ: „Замѣчу кстати, что такъ послужили дѣлу Грековъ не одинъ Русскій. Не мало Русскихъ богословцевъ перебывало на островахъ Греческихъ до Барскаго, и конечно большая ихъ часть поступила также подобно Барскому. Кстати напомнимъ, что въ XVIII столѣтіи, одинъ Русскій, именемъ Парѣеній Небоза, былъ митрополитомъ Лаодикійскимъ“. Во время пребыванія своего на островѣ Патмосѣ, Барскій каждый день ходилъ въ училище „и вѣдѣхъ“, пишетъ онъ, „оного избраннаго мужа бистроуміе и добродѣтель, и чудихся“. О. Макарій, любя Барскаго, совѣтовалъ ему оставить странническую жизнь и заняться изученіемъ Греческаго языка „въ ползу себѣ и отечеству. Азъ же“, просто душно сознается Барскій, „тогда младъ сущи, и аки младъ мудрствующѣ же улаждахся лучше путешествіемъ и исторією разныхъ мѣстъ, нежели поученіемъ“. Но тѣмъ не менѣе совѣтъ Макарія Барскій навсегда сохранилъ въ сердцѣ своемъ. Невольно припоминается, что въ нашемъ отечествѣ, еще въ XIV столѣтіи въ Ростовѣ Великомъ существовалъ при архіерейскомъ домѣ иноческій затворъ богослововъ. Здѣсь учились и подвизались иноки богословы, къ числу коихъ принад-

XXII

лежали: просвѣтитель Перми—Св. Стефанъ, біографъ преподобнаго Сергія — Епифаній Премудрый, преподобный Григорій Пельшемскій, Вологодскій чудотворецъ. Здѣсь были ученыя прѣнія и братство иноковъ, службу церковную пѣло по Славянски и по Гречески. Но на прежнее возвратимся. Исполнивъ въ Патмосѣ, возложенное порученіе, Барскій отправился обратно въ Триполь, по пути заѣзжалъ въ Самосъ, гдѣ между святыми памятниками христіанства, онъ не забылъ посѣтить горы, съ которыми связано имя Пифагора. Въ Хіосѣ нашелъ онъ своихъ старыхъ знакомыхъ „мужей благородныхъ“ и помянулъ скончавшагося здѣсь сопутника своего о. Рувима. На Самосѣ увидѣлъ Барскій впервые патріарха Сильвестра и нашелъ въ патріархѣ „мужа возрастомъ и умомъ благонравна и добродѣтельна и милосердна“. Возвратившись въ Триполь Барскій засталъ тамъ чуму. Въ виду этаго бѣдствія, школа была закрыта, а о. Іаковъ съ учениками, къ которымъ присоединился Барскій, переселились въ Дамаскъ. Въ это время изъ Дамаска въ Москву отправлялся, по своимъ торговымъ дѣламъ, одинъ богатый купецъ, по имени Спандонѣй „мужъ“, по отзыву Барскаго „благороденъ и благоразуменъ“. Пользуясь этою оказіей, Барскій написалъ къ своимъ родителямъ письмо, въ которомъ между прочимъ читаетъ: „Пребываю до времени въ престолѣ Антиохійскомъ въ пресловутомъ и въ великоименитомъ градѣ Дамаску, въ дворѣ святѣйшаго патріарха господина киръ Сильвестра, иже великую ко мнѣ показываетъ любовь, страннолюбіе и учусь въ его училищѣ по Греческу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ своихъ родителей принять Спандонѣя и „почтiti честно, понеже мой есть зѣло любезный другъ“. Въ этомъ же письмѣ Барскій вспоминаетъ о своемъ старомъ и его покинувшемъ спутникѣ: „Іустинъ Ле-

ниці не вѣмъ гдѣ обрѣтается, зъ которымъ я вѣхалъ
 вкупѣ до Полци, и если есть въ Кіевѣ, поздравляйте его
 отъ мене“. Усиливающаяся съ каждымъ днемъ Римская
 пропаганда принудила патріарха Сильвестра послать „сло-
 вѣсенѣйшаго дидакола“ Іакова „въ предѣлы Сиріи и
 Килѣкѣи и въ весь Антіохійскій престолъ, ради проповѣди
 Божія Слова и утвержденія православныхъ“. По отшествіи
 о. Іакова, школа осталась безъ учителя и Барскій рѣшился
 удалиться на островъ Патмосъ къ іеродіакону Макарію,
 „къ совершенію ученія греческаго“. Но патріархъ,
 полюбившій очень за это время Барскаго, желалъ его
 удержать при себѣ, и самъ 1 Января 1734 года по-
 стригъ его въ монашескій санъ. Ни расположеніе па-
 тріарха, ни постриженіе въ монахи, не измѣнили одна-
 коже намѣренія Барскаго удалиться изъ Дамаска, но
 вѣрный своему призванію пилигрима и любознательна-
 го путешественника, инокъ Василій не хотѣлъ оста-
 вить Сиріи, не осмотра въ ней всего, что можно было
 видѣть. Съ этою цѣлью, онъ снова отправился къ вер-
 ховьямъ Іордана и оттуда проникъ даже въ Харанъ,
 отечество Өарры, отца Авраама. Въ Дамаскъ онъ вер-
 нулся съ караваномъ богомольцевъ, ѣхавшихъ изъ Мекки.
 О своихъ же спутникахъ, Меккскихъ богомольцахъ,
 Барскій пишетъ, что они отходятъ въ Мекку „над-
 менни, яростни, неприступни, горди, богати и здрави“,
 а возвращаются оттуда: „кротки, смиренни, убоги, не-
 мощни“. Никто изъ этихъ богомольцевъ и не подозрѣ-
 валъ, что съ ними ѣдетъ христіанинъ, такъ какъ Бар-
 скій будучи въ „худомъ и странномъ одѣянніи“, являлъ
 собою образъ дервиша, то есть „убогаго турецкаго пут-
 ника“. И подъ симъ образомъ, онъ, по пріѣздѣ въ Да-
 маскъ, вмѣстѣ съ богомольцами проникъ въ неприступ-
 ную тогда для христіанъ Дамаскую мечеть. Изъ

мечети, не переодѣваясь, Барскій отправился прямо на патріаршій дворъ: „И чудяхуся вси, полагающе на себѣ крестное знаменіе, недоумѣвающе въ себѣ и глаголющи: Василиї ли есмь“: Самъ святѣйшій патріархъ не мало удивился „толѣ хитростному“ его „притворенію“ и былъ очень радъ его возвращенію. Патріархъ продолжалъ оказывать нашему Василию свою любовь и расположеніе и по прежнему приглашалъ его къ своей трапезѣ. Едва оправившись отъ постигшей его вновь болѣзни, Барскій отправляется въ Триполь, а оттуда въ половинѣ Сентября 1734 г. вторично на островъ Кипръ, гдѣ тогдашній архіепископъ Кипрскій Филофей, жившій въ Левкосіи, узнавъ, что Барскій владѣетъ латинскимъ языкомъ, убѣдилъ его остаться на зиму при себѣ, для преподаванія этого языка въ православномъ Греческомъ училищѣ. Барскій преклонился „благовѣтливымъ его словесемъ“. Архіепископъ помѣстилъ его на своемъ дворѣ и оказывалъ ему „почестъ и любовь велию“. Барскій же позналъ въ немъ „мужа мудра, благонравна, добродѣтелна и словесна и велие попеченіе имуща о поученіи“. Учительство Барскаго продолжалось съ Октября 1734 и до Апрѣля 1735. Бѣдствія, постигшія Кипръ, прервали занятія. На Святой было тамъ страшное землетрясеніе. Къ этому бѣдствію вскорѣ присоединилось и другое—явилась чума. Тогда архіепископъ „изійде отъ престола“ и уединился въ одномъ изъ далекихъ монастырей. А нашъ о. Василій „облекшися въ худы ризи и изійдохъ отъ града Левкосіи, и шествовахъ пѣшеходно между горами и пустынями, проходящи отъ монастыря въ монастырь зрѣнія ради и поклоненія“. Осмотрѣвши подробно въ теченіе полугода почти всѣ Кипрскіе монастыри, Барскій возвратился въ Левкосію и помѣстился по прежнему на архіерейскомъ дворѣ, съ на-

мѣреніемъ вскорѣ отправиться на островъ Патмосъ „пользованія ради Греческихъ ученій“; но лихорадка и приближающееся время платы хараджа, который турки ежегодно снимали со всѣхъ иновѣрцевъ, задержали Барскаго въ Кипрѣ. Въ это время прибыли на этотъ островъ благодѣтель Барскаго, Блаженнѣйшій Патріархъ Антіохійскій Сильвестръ, а съ нимъ вмѣстѣ и возлюбленный Барскаго дидаскаль іеромонахъ Іаковъ и онъ остался на о. Кипрѣ еще почти годъ до Августа 1736 года. Возникшая война между Россією и Турцією понудила его поспѣшить отъѣздомъ на островъ Патмосъ. И послѣ „многочисленнаго и прискорбнаго шествованія морскаго“, предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, Барскій достигъ, наконецъ, „совершенія желанія“ своего блаженнаго острова Патмоса. На другой же день, онъ отправился къ „пресловутому философу и богослову“ о. Макарію; но, къ сердечному своему прискорбію, засталъ учителя лежащимъ на смертномъ одрѣ. Барскій имѣлъ только одно утѣшеніе: присутствовать при поучительной его кончинѣ. Вскорѣ по кончинѣ его, на островѣ Патмосѣ явилась чума. Тогда весь народъ разбѣжался по горамъ и вертепамъ, монастырь Св. Іоанна Богослова и училище „затворишася“, но Барскій остался въ запустѣломъ городѣ и въ виду грознаго образа смерти, съ христіанскою твердостью трудился надъ изученіемъ Греческаго языка, уповая этимъ знаніемъ принести пользу своему отечеству, такъ какъ, по замѣчанію Барскаго Россійскій народъ „не тѣпашеся о Еллинскомъ діалектѣ“. Здѣсь въ 1738 г., его посѣтилъ землякъ, настоятель посольской церкви въ Константинополѣ іеромонахъ Константинъ ¹, по отзыву Барскаго „словесный мужъ въ

¹ До своего назначенія въ Константинополь, Константинъ былъ іеро-

Латинскомъ ученіи“. Между ними завязалась переписка и до насъ дошло нѣсколько писемъ Константина къ Барскому. На о. Патмосѣ Барскій получилъ извѣстіе о кончинѣ отца и по этому поводу писалъ (отъ 21 Апрѣля 1741 года) къ своему брату Ивану: „Понеже, Божиимъ смотрѣніемъ, удостоился еси быти наслѣдникъ отческій, тщи-ся достойно званіе свое совершати, съ прилежаніемъ по-

монахомъ Кіевскаго Софійскаго монастыря. Свидѣнія о немъ находятся въ „Сказаніи о страданіяхъ священномученика Христова Константія Россіянина“, написанное аеонскимъ іеромонахомъ Іоною на греческомъ языкѣ въ русскомъ переводѣ напечатанное архимандритомъ Леонидомъ въ Чтеніяхъ И. О. И. Д. Р. 1869. Кн. 1-я. По свидѣтельству аеонскаго іеромонаха Іоны, о. Константинъ, состоя при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, „тихо и мирно проводилъ жизнь свою“. Во время войны нашей съ турками, бывшей въ царствованіе Анны Іоанновны (1736—1739) посольство наше вышло изъ Константинополя, а іеромонахъ Константинъ удалился на Аеонскую гору и поселился въ Лаврѣ св. Аеанасія. Оттуда въ видѣ простаго странника онъ посѣтилъ Іерусалимъ, Патмосъ и прочія Святія мѣста. Когда война кончилась, тогда о. Константинъ возвратился въ Константинополь. Резидентъ нашъ А. А. Вешняковъ принялъ его „съ любовью и обращался съ нимъ съ чувствомъ уваженія и почтенія“. Черезъ нѣсколько времени, неизвѣстно по какой причинѣ, возникли между ними неудовольствія. Въ бумагахъ архіепископа Псковскаго Симона Тодорскаго нашлось письмо къ нему іеромонаха Константина (отъ 18 Апрѣля 1741 г.), въ которомъ изображается мрачное состояніе души его. „Нѣкоторые возстали на меня и запрещается мнѣ учить животворному слову Божію. И это дѣлаютъ не агаряне, не евреи, не еретики, но наши и притомъ іереи“. Будучи въ такомъ настроеніи о. Константинъ рѣшился на неожиданный поступокъ. Онъ скрылся изъ посольства и явившись въ верховный диванъ объявилъ, что онъ желаетъ лично представиться султану Махмуду I (1730—1754), для того, чтобы предъ нимъ отречься отъ Христа и „исповѣдать Магомета истиннымъ пророкомъ великаго Аллаха“. Желаніе его было исполнено, султанъ осыпалъ его милостями своими. Но всеблагій Господь коснулся своею благодатію сердца Константина, мысль его вдругъ озарилась Божественнымъ свѣтомъ и онъ подобно Петру „плакался горько“. Тогда, повязавъ голову свою ветхимъ платкомъ и въ раздранной ризѣ явился предъ султаномъ исповѣдникомъ Христовой вѣры. Онъ былъ схваченъ и на дворцовой площади 26 Декабря 1742 года отсѣкли ему голову. Константинопольская церковь причислила его какъ священномученика къ лику святыхъ и празднуетъ память его 26 Декабря.

печеніи дому и о вдовствующей при старости родительницы нашей, и аки мужественъ сій, утѣшай всячески немощъ женскую благовѣтливими глаголы, съ должнимъ почитаніемъ, говѣніемъ же и крайнимъ послушаніемъ, поминающе Божіе приказаніе: чти отца твоего и мать твою и долголѣтенъ будеши на земли“. Въ отвѣтъ же на просьбу брата и матери вернуться въ Кіевъ, Барскій писалъ брату: „Не ревнуй нравомъ женскимъ, плачущи и болѣзную о медлѣннѣ возвращенія моего, да не къ тому стужаеши и горлицы плачевной матери утробу, но дерзай мужественно, образъ себе показуя къ прогнанію всякой скорби“. Въ другомъ письмѣ, отъ 6 Мая 1742 года, Барскій опять напоминаетъ брату: „Чти отца твоего и мать твою“ и предписываетъ ему, быть во всемъ послушнымъ матери. „Кромѣ аще ты попускаетъ къ женитвѣ, не слушай, на се бо ускоряти не полезно есть; еще же еси и младъ, якоже познахъ отъ числа лѣтъ твоихъ, совершенный возрастъ мужу тридесять лѣтъ. Ожидай убо моего пришествія и лучше ти будетъ сотворити предъ очима моима, и неприлично тебѣ совѣта моего преслушати, почитающему мя вмѣсто отца. Живи же въ чистотѣ и цѣломудріи, елико мощно, ибо юность многими сѣтми уловяема бываетъ. Сего ради блюстися ти нужда есть, да чистими очеси и непорочнымъ сердцемъ можеши взирати къ Богу вышнему. Блаженніи чистіи сердцемъ, яко тии Бога узрятъ“.

Между тѣмъ еще въ 1740 году до Барскаго дошелъ слухъ, что въ Кіевѣ повелѣніемъ Императрицы Анны Іоанновны учреждено Греческое училище, въ которомъ учителемъ назначенъ мужъ „зѣло искусный въ Греческой мудрости“. Живо заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, Барскій проситъ своихъ родныхъ сообщить ему свѣдѣнія какъ объ учителѣ, такъ и о предполагаемомъ Гре-

XXVIII

ческомъ училищѣ. Учитель же, былъ никто иной, какъ пользовавшійся извѣстностью Симонъ Тодорскій; впоследствии архіепископъ Псковскій и Нарвскій и, какъ слѣдуетъ полагать, товарищъ Барскаго по Кіевской академіи.

Получивъ свѣдѣніе о Тодорскомъ, Барскій написалъ ему письмо на Греческомъ языкѣ и послалъ его въ Кіевъ въ Апрѣлѣ 1741 г. при письмѣ къ своему брату Ивану „Потщися убо самъ своими руками сіе словеснѣйшему и премудрому оному учителю отцу Симону Тодорскому подати съ подобающимъ отъ меня поклоненіемъ и моли его прилѣжно, да на сіе отпишетъ мнѣ отвѣтъ тимъже Еллино-греческимъ діалектомъ, а не инымъ. И да вѣси, возлюбленный брате, яко листъ онаго учителя больше васъ имать ползовати возвращеніи моемъ къ вамъ, нежели слезная ваше ко мнѣ моленіе, будетъ бо мнѣ, аки магнитъ, влекущій мя къ отечеству. Если же“, пишетъ Барскій далѣе, „не

¹ Симонъ Тодорскій по окончаніи курса въ академіи былъ отправленъ на счетъ кіевского митрополита Рафаила за границу, гдѣ въ Галлскомъ и Іенскомъ университетахъ изучалъ Догматику, Екзегетику, Физику, а также языки: Греческій, Еврейскій, Сирскій, Арабскій и Халдейскій. Въ этихъ предметахъ Тодорскій сдѣлалъ такіе успѣхи, что современники удивлялись его познаніямъ. Кромѣ того, онъ до совершенства изучилъ Нѣмецкій языкъ. Въ 1738 году Тодорскій вернулся въ Кіевъ. Блестящій дипломъ, въ которомъ самъ знаменитый Михаэлисъ свидѣтельствовалъ объ отличныхъ познаніяхъ Тодорскаго, далъ возможность Митрополиту Рафаилу открыть въ академіи классы: Еврейскаго, Греческаго и Нѣмецкаго языковъ и преподаваніе этихъ языковъ поручить Тодорскому. 17 Мая 1740 года Симонъ Тодорскій принялъ монашескій санъ и по воскресеньямъ всему народу толковалъ пространный Катихизисъ. Молва объ отличныхъ способностяхъ и познаніяхъ о. Симона скоро распространилась и достигла Петербурга. Высочайшимъ указомъ, отъ 31 мая 1742 года онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, гдѣ ждалъ его высокій постъ законоучителя Наслѣдника Русскаго Престола, а также избранной невѣсты его Принцессы Цербской будущей Великой Екатерины. Симонъ пережилъ Барскаго только семью годами и скончался 22 Февраля 1754 года, въ Псковѣ въ санѣ архіепископа.

получу отвѣта, то отъ Патма не двигнуся“. Какъ слѣдуетъ предполагать Барскій просилъ Тодорскаго пристроить его при Греческомъ училищѣ. Желанный отвѣтъ Барскій получилъ только въ Маѣ 1742, и какъ видно вполне имъ удовлетворился, ибо съ радостью извѣщаетъ своего брата: „Многожелателенъ листъ Греческій потщался еси послати мнѣ, въ немъ же, аки въ прекрасномъ вертоградѣ, насытыхся довольно различныхъ красованій и понуждаюся благоувѣтливыми премудраго учителя отца Симона словеси желаніе ваше исполнити (т. е. вернуться въ отечество). Когда же се имать быти, се на Божіе возлагаемъ смотрѣніе“. Къ сожалѣнію до насъ не дошла эта переписка Барскаго съ Тодорскимъ; но съ достовѣрностью можемъ предположить, что Императрица Елисавета Петровна и Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій узнали отъ о. Симона о существованіи Барскаго на островѣ Патмосѣ и приняли въ немъ участіе; ибо въ Маѣ 1743 года, Барскій получилъ отъ нашего резидента въ Константинополѣ А. А. Вешнякова письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что вслѣдствіе Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ Барскій вызывается въ Константинополь „понеже здѣсь“, пишетъ Вешняковъ „въ персонѣ вашей особливо не безъ нужды есть“. Но Барскій, по полученіи этого письма, почувствовалъ не радость, а печаль. Ему грустно стало разставаться съ своими трудами, съ своимъ уединеніемъ, съ своимъ таинственнымъ Патмосомъ, хотя, пишетъ онъ, „и нужное и прискорбное“ было его тамъ житіе, но „плоди ученія, услаждающіи мя до зѣла, укрѣпляютъ мя къ терпѣнію“. Наступилъ день отъѣзда его изъ Патмоса. Со слезами простился онъ какъ съ духовными, такъ и съ начальнѣйшими гражданами, и 26 Сентября, въ день Св. Іоанна Богослова 1743 года, сѣлъ на корабль и

отплылъ въ Константинополь, вооруженный султанскимъ фирманомъ. Казалось наступило время, когда Барскій начинаетъ пожинаать плоды долготѣнныхъ трудовъ своихъ. Находясь подъ покровительствомъ державныхъ особъ, онъ теперь вездѣ встрѣчаетъ почетъ, уваженіе. Болѣе мѣсяца прожилъ Барскій въ Ефесѣ „созиранія ради знаменитыхъ зданій ветхихъ“. При вступленіи на островъ Хіосъ, его было остановилъ таможенный чиновникъ изъ евреевъ, но какъ только онъ показалъ фирманъ, то тотчасъ же „свободно и честно“ былъ пропущенъ. Когда о пріѣздѣ его на островъ Хіосъ узнали иноки монастыря Агіамона, то прислали къ нему цѣлую депутацію „отъ соборныхъ старцевъ“ съ просьбою посѣтить ихъ монастырь. На это приглашеніе Барскій съ ироніею имъ замѣтилъ, что онъ уже дважды посѣщалъ ихъ монастырь и тогда былъ ими принятъ какъ хударизецъ, просящій хлѣба. Это замѣчаніе Барскій сдѣлалъ старцамъ съ тою цѣлію, чтобы обличить ихъ „тогдашнее нестраннолюбіе и нинѣшнее ласкательство“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая показать „по себѣ гордости и презрѣнія образъ“, согласился посѣтить ихъ монастырь. Въ Хіосѣ же къ Барскому приходило много русскихъ невольниковъ и невольницъ, которые со слезами просили его ходатайства объ освобожденіи ихъ „отъ плѣненія“. Барскій принялъ сердечное участіе въ ихъ участи и общалъ сдѣлать въ Константинополѣ все что можетъ и въ концѣ 1743 г., Барскій увидѣлъ „царствующій градъ“. А. А. Вешняковъ, познакомившись съ трудами его „похвалилъ его передъ всѣми“, далъ ему „милостыню не малу“ и „причтъ мя“, пишетъ Барскій, къ „своей господской трапезѣ“. Пользуясь теперь, столь непривычными для него, всѣми удобствами жизни, Барскій благодарилъ Всемогущаго Творца „яко отъ гноища вознесе нища“. Полученными же день-

гами онъ распорядился такимъ образомъ: часть изъ нихъ отдѣлилъ на покупку книгъ, другую на одежду; ибо, разсуждалъ Барскій, „безчестіе бысть Двору въ раздраннихъ тамо мнѣ смѣшатися ризахъ, якоже прежде навикохъ“; третью часть и большую онъ послалъ на островъ Патмосъ въ монастырь св. Евангелиста Іоанна Богослова „не вмѣсто милостини“, замѣчаетъ Барскій, но „вмѣсто благодарствія за благодѣяніе и милостину“, а остальную и малую часть денегъ оставилъ у себя на всякій случай. Такъ закончилъ Барскій 1743 и встрѣтилъ 1744 годъ. При резидентѣ Барскій не имѣлъ опредѣленныхъ какихъ либо обязанностей и былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ любилъ бродить по Константинополю, сначала въ сопровожденіи янычара, а потомъ и одинъ. Часто „ради полезной бесѣды“ заходилъ онъ къ патріарху, архіереямъ, и учителямъ. Въ прогулкахъ своихъ онъ осматривалъ „древнія зданія царей Греческихъ, и знаменити оніи столпи, иже обрѣтаются въ Цареградѣ“, любовался красотою и расположеніемъ города, наблюдалъ за обычаями народа. Барскій долго не зналъ зачѣмъ Вешняковъ его удерживаетъ при себѣ; но когда узналъ о намѣреніи резидента сдѣлать его своимъ „капелляномъ“, то это намѣреніе очень смутило Барскаго. Во 1-хъ, онъ считалъ себя недостойнымъ „такого чина“ и неспособнымъ „къ таковому званію“; во 2-хъ, что это ему послужитъ препятствіемъ къ „безмолвному поученію“; въ 3-хъ, что это не дастъ ему возможности посѣтить нѣкоторые „изрядныя мѣста и монастыри“; въ 4-хъ, отдалить время возвращенія его въ отечество и, наконецъ сознаніе, что „иноку между мірскими тяжело есть жителствовать“. Боголюбивая душа Барскаго стремилась къ наукѣ, неотрвавшейся отъ неба. Когда онъ

узналъ, что въ Кіевскомъ домѣ ихъ поселился какой то ученый, то онъ написалъ изъ Константинополя къ своей престарѣлой матери слѣдующія замѣчательныя строки: „За немалое себѣ причитаю благополучіе, яко въ дворѣ вашемъ на квартири живетъ ученый человѣкъ. Идѣже бо ученіе, тамо просвѣщеніе ума, а идѣже просвѣщеніе ума, тамо познаніе истины, тамо мудрость Божія, тамо добродѣтель, а идѣже добродѣтель, тамо и вся благодать Духа Святаго“. Барскій всѣми силами души стремился изучить исторію человѣчества и, при томъ, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, и не прошедшую только, но и настоящую и, при томъ, исторію жизни не одного только человѣчества, но и всей видимой природы, которая была для него не мертвой массой, но одушевленнымъ храмомъ Божиимъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, были идеалы Барскаго. Сообразивъ все вышесказанное нами, станетъ понятнымъ почему Барскій тяготился своимъ пребываніемъ въ Константинополѣ и обратился къ Вешнякову съ просьбою „отплыть къ Святой Горѣ“. Резидентъ, не имѣя вѣроятно дальнѣйшихъ указаній на счетъ Барскаго, не удерживая его, исполнилъ его просьбу „безъ всякаго прекословія“, а для спокойнаго путешествія снабдилъ его султанскимъ фирманомъ. Въ Маѣ 1744 года, Барскій вступилъ вторично на Святую Гору Аѳонскую. Теперь нашего Барскаго приняли на Аѳонѣ не такъ какъ прежде, но съ „многочратною любовью и почитаніемъ“. Эту перемену самъ Барскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, своимъ знаніемъ Греческаго языка и „сладокъ имъ мнихся быти“, пишетъ онъ, „въ привѣтствіяхъ и разглагоствованіяхъ“; во 2-хъ, величіемъ Россіи, отъ которой Греки, наипаче же иноки, чаяли получить избавленіе, и, наконецъ, самъ Барскій въ это время былъ почтенъ

фирманомъ „отъ Цариграда и грамотою отъ высокоблагороднаго господина резидента Алексѣя Андреевича Вешнякова“. Пользуясь этими благопріятными условіями, Барскій, по выраженію митрополита Евгенія, „любопытство свое простеръ даже до сокровенныхъ монастырскихъ архивовъ“ и своимъ подробнымъ описаніемъ Аѳона, познакомилъ съ богатствомъ историческихъ источниковъ, скрывающихся въ Аѳонскихъ библіотекахъ.

Описаніемъ своего вторичнаго посѣщенія Аѳона оканчиваетъ Барскій рукопись своихъ странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свою автобіографію. По привычкѣ Барскаго сперва писать краткія замѣтки на мѣстѣ, а потомъ ихъ отдѣлывать и переписывать, слѣдуетъ предполагать, что замѣтки о послѣднихъ 3-хъ годахъ его жизни были имъ оставлены, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошли. Дальнѣйшую жизнь его намъ приходится излагать по его письмамъ и рисункамъ, судя по которымъ Барскій, какъ слѣдуетъ полагать, свои странствованія началъ отъ Салоникъ, откуда сухимъ путемъ прошелъ въ Трикалу и Арту, посѣтивъ по дорогѣ Метеорскіе монастыри. Изъ Арты моремъ перебрался Барскій въ Патрасъ, откуда посѣтилъ Калавритъ. Затѣмъ мы его встрѣчаемъ въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ. Должно думать, что изъ Аѳинъ отправился Барскій на о. Критъ, откуда, въ половинѣ 1746 г., онъ вернулся въ Константинополь, гдѣ нашелъ однакоже весьма неблагопріятную для себя перемѣну.

Мѣсто умершаго 29 Іюля 1745 года ¹ А. А. Вешнякова, занялъ Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ, назначенный

¹ Этими свѣдѣніями мы обязаны просвѣщенному вниманію барона Ф. А. Бюлера, который одновременно сообщилъ, что въ реляціяхъ нашихъ Константинопольскихъ резидентовъ, за это время, къ сожалѣнію, не встрѣчается никакихъ упоминаній о Барскомъ.

11 Ноября того же года резидентомъ при Портѣ, и передъ которымъ какіе-то „недоброхоты“ успѣли оклеветать Барскаго. При своемъ же оправданіи сей послѣдній произнесъ какія-то „дерзновенныя слова“, за которыя Неплюевъ приказалъ было подъ „жестокою стражею“, на первомъ отходящемъ кораблѣ, отправить его въ Петербургъ, однако же ему удалось инымъ образомъ покинуть Константинополь. Дошедшіе до насъ письма къ Барскому патріарха Антіохійскаго Сильвестра¹, отчасти объясняютъ причину размолвки Барскаго съ Неплюевымъ. „Мы тебя вразумляемъ, пишетъ патріархъ, чтобъ ты заботился объ обузданіи языка и неразумнаго гнѣва“. Кромѣ того, въ размолвкѣ игралъ нѣкоторую роль Спандонѣй или Спадонаки, купецъ, уроженецъ Цареградскій, человѣкъ близкій къ Антіохійской патріархіи и часто посѣщавшій Россію. Самъ Барскій, вообще сдержанный, въ письмѣ къ матери, изъ Бухарешта, отъ 31 Октября 1746 г., не упоминая даже имени Неплюева, весьма глухо говоритъ о постигшихъ его неприятностяхъ: „Извѣщаю, яко многихъ ради случившихся препятій, не могохъ по намѣреніи моему остаться въ Константинополѣ для исполненія моей нужды. Для того и не хотя отдалихся отгуду и пріѣхамъ съ всею моею тяготую въ землю Мултянскую“. Здѣсь въ Бухарештѣ, Барскій получилъ отъ Префекта Кіево-Подольскихъ школъ Варлаама Лашевскаго письмо, въ которомъ онъ „именами и соизволеніемъ преосвященныхъ архипастыревъ, Псковскаго киръ Симона и Кіевскаго киръ Рафаила“, приглашался въ Кіевъ, чтобы тамъ занять кафедру Греческаго языка. Такимъ образомъ, уже близко было

¹ Переводъ греческой переписки Барскаго съ патріархомъ Сильвестромъ крайне обязательно былъ сдѣланъ для насъ профессоромъ В. К. Эрнштедомъ.

„совершенство“ задушевнаго желанія Барскаго послужить Отечеству своимъ познаніемъ Греческаго языка и исполнить завѣтъ Патмосскаго богослова Макарія. Но Богъ судилъ иначе. Тяжкая болѣзнь задержала Барскаго въ Бухарештѣ и только въ Іюлѣ 1747 г. онъ, „желая живымъ добратся до родины“, поспѣшилъ черезъ Яссы и Могилевъ на Днѣстрѣ въ Кіевъ, куда прибылъ 5 Сентября того же года и когда, послѣ двадцати четырехъ лѣтняго отсутствія, вступилъ въ родительскій домъ, то его мать въ теченіи пѣлаго часа не могла признать, въ пришедшемъ монахѣ своего сына. „Ни живъ, ни мертвъ“, писалъ самъ Барскій къ Патріарху Сильвестру, „прѣхалъ я въ Кіевъ и лежу измученный, представляя собою жалкій трупъ, какъ въ Бухарештѣ, и даже хуже. Врачамъ расходую мои деньги на лѣченіе. Больше печали причинила болѣзнь моя роднымъ и друзьямъ, нежели радости о прибытіи моемъ. Высокопреосвященный Кіевскій съ великою радостію и заботливостію принялъ меня, свыше заслугъ моихъ и ожиданія, и отпустилъ меня на покой въ домъ моей матери, пока не вылечусь, а тогда имѣетъ намѣреніе взять меня подъ ярмо послушанія“. „Вы мнѣ запрещаете“, пишетъ онъ далѣе, „пить вино, я нынѣ нахожусь въ такомъ состояніи, что не пользуюсь другою пищею, кромѣ ячневой и рисовой кашицы (τῆρρα), и при всемъ столь долгомъ воздержаніи, еще не могу поправиться, и съ трудомъ лежу въ постели, начерталъ я настоящее письмо“.

Казалось, задача всей жизни нашего подвижника рѣшилась съ окончаніемъ странствованія и съ возвращеніемъ его на родину. Едва мѣсяцъ довелось ему прожить въ родительскомъ домѣ... „преставился рабъ Божій монахъ Василій, писатель книги сея, року

XXXVI

1747 мѣсяца октоврия 7 числа въ среду рано“. Такъ гласить краткая записъ, помѣщенная въ концѣ подлинной рукописи его „Странствованій“.

Кіевъ почтилъ преставльшагося инокъ Василя торжественнымъ погребеніемъ. Печальный обрядъ былъ совершенъ преосвященнымъ Макаріемъ, Митрополитомъ Ойваидскимъ, въ сослуженіи съ архимандритомъ Братскимъ Сильвестромъ Ласкоронскимъ. Во гробъ съ нимъ положили разрѣшительную грамоту, подписанную Хрисанеомъ патріархомъ Іерусалимскимъ.

Прахъ Барскаго покойся въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, близъ алтаря соборной церкви. Сочувственная ему рука начертала на его надгробномъ камнѣ слѣдующіе стихи.

Того Василя сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень,
И лучъ премудрости снизшедъ къ его уму,
Святѣя посѣтитъ мѣста влилъ мысль ему:
Онъ вдохновеніемъ Божественнымъ внимая,
Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
За свято имуть что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое Отечество увѣрилъ,
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ, окончивъ жизнь трудахъ,
Оставилъ бренныя составы здѣсь тѣлесны;
А духъ его прешелъ въ селенія небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

ГРОВНИЦА
Василія Григоровича - Барського
въ Києві.

Когда надпись эта стала стираться, вѣроятно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ее отлили на чугунной доскѣ, которую помѣстили на наружной восточной стѣнѣ собора, противъ надгробнаго камня Барскаго.

Въ настоящее время, гробница Барскаго приходитъ въ совершенное разрушеніе, но нетлѣннымъ памятникомъ остались его *Странствованія по Святымъ мѣстамъ Востока*, совершенныя и описанныя имъ, по собственному его свидѣтельству, „ради отпущенія своихъ грѣховъ, и ради пользы же и духовнаго утѣшенія чтущимъ и слышащимъ во славу Святыя, Единосущныя и Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа“.

Собственноручное описаніе Барскимъ его странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока, оставалось послѣ его смерти, въ домѣ его матери и у его родныхъ до 1794 г., какъ это видно изъ фамиліныхъ замѣтокъ въ концѣ рукописи, которая впослѣдствіи перешла къ Ивану Никитичу Царскому, а отъ него поступила въ библіотечу покойнаго графа А. С. Уварова, находящуюся въ с. Порѣчьѣ, Можайскаго у. Московской губ.

Объемъ рукописи, какъ слѣдуетъ полагать, былъ причиною, что до насъ дошло относительно незначительное число списковъ съ оной.

Кромѣ подлинной рукописи намъ извѣстны лишь три списка, принадлежащіе: 1) Археографической Коммисіи, 2) Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю и 3) Императорскому Казанскому Университету.

Подлинная рукопись описана П. М. Строевымъ въ его: „Рукописи Славянскія и Россійскія, принадлежащія Ивану Никитичу Царскому, М. 1848, № 601 и 602“. Она in 4°, въ одной книгѣ, вновь пере-

XXXVIII

плетенной, и заключаетъ въ себѣ 560 перенумерованныхъ листовъ, въ дѣйствительности же ихъ всего 559, такъ какъ 157 листа не достають. Заглавіе написано рукою П. М. Строева: „Странствованія монаха Василия Григоровича. Рукопись своеручная автора“. Вѣрность мнѣнія П. М. Строева подтверждается сходствомъ почерковъ, которымъ написана рукопись съ сохранившимися подлинными письмами Барскаго. Только первые семь листовъ, а также листы съ 94 по 101, 384, 385, 388, 389 и 423 утрачены и переписаны другою рукою. Въ концѣ книги приложены слѣдующія статьи, писанныя тоже рукою Барскаго:

л. 486. О созданіи Цариграда и о плѣненіи его отъ Турковъ;

л. 490. О мощехъ великаго царя Константина и письма Греческая обрѣтающаяся на гробѣ великаго Константина;

л. 490 об. Толкъ литеръ Греческихъ, сложенныхъ отъ Геннадія Патріарха;

л. 491 Толкъ литеръ, переведенъ на Словенскій; ¹

л. 492 *Κατάλογος τῶν ἐπισκοπῶν ἐκκλησιῶν καὶ μοναστηρίων, ὁμοίως καὶ ἐνκτηρίων οἰκῶν ὅπῃ εὐρίσκοντο εἰς τὴν Κωνσταντινῆ-πολιν πρὸ τῆς ἀλώσεως καὶ πρῶτον περὶ τῶν ἀφιεραμένων εἰς τὸν Χρυστόν:* ²

л. 496. Разные рисунки и портреты, въ концѣ два листа бѣлые.

¹ Статьи эти съ 466 по 492 стр. почти дословно напечатаны въ книгѣ „Исторія о раззореніи послѣднемъ Святаго града Иерусалима и о взятіи Константинополя, столичнаго града Греческой монархіи, изъ разныхъ авторовъ собранная; противъ перваго изданія девятымъ тисненіемъ напечатана, Въ Санктъпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1793 года“, стр. 142—156. Первое изданіе этой книги относится къ 1713 г. — ² Списокъ знаменитѣйшихъ церквей и монастырей, а также и молитвенныхъ домовъ, находившихся въ Константинополѣ до взятія (его). И во-первыхъ о посвященныхъ Христу.

л. 555. Кіевскія лѣтописныя и домашнія замѣтки, писанныя разными руками, съ 1749 до 1794 годъ ¹.

Рисунки, находящіеся въ рукописи и приложенія въ особомъ альбомѣ № 602, описаны ниже.

Списокъ Археографической Коммисіи описанъ мною въ моемъ трудѣ „Рукописи Археографической Коммисіи, Спб. 1882, № 156“. Онъ написанъ скорописью XVIII вѣка, in fol. на 62 нумерованныхъ тетрадахъ, въ которыхъ 986 нумерованныхъ и 13 нумерованныхъ страницъ (въ дѣйствительности 974 нумерованныхъ и 13 нумерованныхъ страницъ, такъ какъ изъ 62 тетрадей: 59 состоятъ изъ 8 полулистовъ, 2 тетради изъ 18, 53-ья изъ 6, и 58-ая изъ 10 полулистовъ; кромѣ того въ двухъ мѣстахъ встрѣчается переходъ, по ошибкѣ, нумераціи съ 549 на 560 и съ 752 на 755 стр.), въ кожаномъ переплетѣ и въ одномъ томѣ. Въ началѣ озаглавлена: „Сія книга глаголемая Путникъ“. Рукопись принесена въ даръ Археографической Коммисіи корреспондентомъ ея Л. А. Артамоновымъ въ 1874 году. На первой ея страницѣ написано: „Жертвованіе въ монастырь преподобнаго Іоны Клеменскаго монастыря ², отцу игумену Ираклію въ знакъ 38 лѣтней дружбы, 1872 года. Даръ купца Анемподиста Тиханова Селянова“. На стр. 5—11, 15—35 скрѣпа по листамъ другою рукою: „Сія книга Клеменскаго монастыря подарена С.-Петербургскимъ купцомъ Анемподистомъ Тихановымъ Селяновымъ“. Въ концѣ текста тою же рукою, какою написана вся рукопись, помѣщена слѣдующая замѣтка. „Преставися рабъ Божій Василій монахъ, иже потрудися въ путешествіи семъ и въ писаніи книги сея року

¹ Часть этихъ замѣтокъ напечатана О. Г. Лебединцевымъ, въ „Кіевской Старинѣ“ Апрель, 1884, стр. 688—690. — ² Николаевскій Климецкій монастырь находится на островѣ Онежскаго озера.

1747, мѣсяца Октовріа 7 числа, въ среду, рано, по пяти недѣляхъ прибытія своего въ Кіевъ“. Подъ симъ другою рукою написано „1778“. Такъ какъ это годъ перваго печатнаго изданія Барскаго, то нельзя опредѣлить, хотѣлъ ли писатель этимъ годомъ отмѣтить время написанія рукописи, или изданія путешествія. Послѣ сего на 19 ненумерованныхъ страницахъ идетъ оглавленіе „знаменитѣйшихъ вещей, яже обрѣтаются въ сей путешественной книгѣ; означенни красными знаками на поляхъ“. Рукопись вся написана четко и одною рукою и заключаетъ описаніе всего путешествія Барскаго, но безъ рисунковъ.

Списокъ Кіевского Михайловскаго Златоверхаго монастыря ¹. Рукопись состоитъ изъ двухъ книгъ in 4°. Въ 1-й книгѣ 389 писанныхъ и 11 бѣлыхъ листовъ, во 2-й 409 писанныхъ и 1 бѣлый листъ. Писана скорописью. Первая книга писана однимъ почеркомъ, вторая разными. Почеркъ первой старше. На оборотѣ переплета 1-й книги написано: „Изъ библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря. Библіотекаръ іеромонахъ Серафимъ ². 1838. Генваря 23“, на слѣдующемъ бѣломъ листѣ: „№ 1741. Изъ числа книгъ Библіотеки Кіево-Златоверхо-Михайловскаго первокласснаго монастыря 1862 г. Августа 2“. Эта вторая надпись повторена и во 2-й книгѣ. Рукопись неполная. Въ ней не достаётъ описанія слѣдующихъ Сирійскихъ монастырей, посѣщенныхъ Барскимъ въ 1728 году: Белемента, Натура, Нурія, Кофуна, Хантура и начала монастыря св. Антонія въ Ливанѣ.

Списокъ Императорскаго Казанскаго Университета по составленному А. И. Артемьевымъ „Описанію рукописей, хранящихся въ Библіотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета, № 1561“, заключаетъ въ

¹ Описанъ мною во время бытности моеѣ въ Кіевѣ, осенью 1880 года.--

² Нынѣ Архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

себѣ двѣ книги, in fol. Въ первой 93 листа (кромѣ рисунковъ), во 2-й 276 листовъ писанныхъ и четыре въ концѣ бѣлыхъ, только на послѣднемъ сверху написано: „Сем. полку 10 руб. капралъ Акуловъ“. На первомъ бѣломъ листѣ книги 1-й, рукою бывшаго библіотекаря Кондырева написано: „Пѣшеходца Василя Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе по Св. Мѣстамъ, въ Европѣ, Азій и Африкѣ находящимся, предпринятое 1723 и оконченное 1747 года имъ самимъ писанное“. Далѣе: „Книга сія была потомъ напечатана на издѣвненіи князя Г. А. Потемкина 1778 въ Спб. Книга первая“. Другою рукою написано: „Въ сей книгѣ находится десять листовъ съ изображеніями“. Вся первая книга написана однимъ почеркомъ, сначала довольно мелко, но съ 27 листа нѣсколько крупнѣе и разгонистѣе. Въ этой книгѣ содержится описаніе путешествія отъ Кіева до Іерусалима. На первомъ бѣломъ листѣ книги второй, рукою Кондырева написано „Книга вторая“. Эта книга писана разными почерками и притомъ со многими описками, пропусками, поправками на поляхъ и между строкъ. На поляхъ этой рукописи вездѣ остались типографскія отмѣтки, означающія переносъ набора на другой листъ. Въ этой книгѣ есть нѣкоторыя поправки, сдѣланныя рукою Рубана и она писана позднѣе первой. Она заключаетъ въ себѣ только описаніе Кипра и Аѳона. Такимъ образомъ Казанскій списокъ неполонъ. Въ немъ недостаетъ: описанія острововъ Средиземнаго моря, Палестины, Сиріи и Синайской горы, посѣщенныхъ Барскимъ въ теченіе 1726—1734 годовъ. Въ концѣ второй книги приложены слѣдующія статьи:

л. 268. О созданіи Цариградъ и о плѣненіи его отъ Турокъ;

л. 271. О мощахъ великаго Царя Константина;

л. 272. Писмена Греческая, обрѣтшаяся на гробѣ великаго Константина. Толкъ литеръ Греческихъ, сложенныхъ отъ Геннадія патріарха. На оборотѣ: Толкъ литеръ, переведенъ на Славянскій. Описаніе Константинополя, заключающее въ себѣ собственно перечисленіе церквей, находившихся тамъ до завоеванія его Турками. Всѣ эти статьи находятся въ подлинной рукописи Барскаго.

л. 276 об. Описаніе города Солуня.

Въ обѣихъ послѣднихъ рукописяхъ находятся рисунки, сдѣланные перомъ и тушью.

Кромѣ исчисленныхъ списковъ, въ библіотекѣ Н. П. Дурова хранился рукописный отрывокъ путешествія Барскаго, заключавшій начало его странствованій, гдѣ онъ нынѣ находится—намъ неизвѣстно.

Дополненіемъ къ рукописи Барскаго служатъ сдѣланные имъ перомъ рисунки, сохранившіеся въ собственноручной его рукописи и въ особомъ альбомѣ, принадлежащемъ нынѣ Одесскому обществу исторіи и древностей. Этотъ альбомъ, какъ видно, тотъ же, на который ссылается Рубанъ въ своемъ изданіи и который въ его время принадлежалъ Архіерейской Псковской библіотекѣ. По всей вѣроятности, онъ былъ присланъ самимъ Барскимъ въ подарокъ Симону Тодорскому, въ то время Архіепископу Псковскому, послѣ котораго онъ поступилъ въ Архіерейскую библіотеку. Въ Одесское общество исторіи и древностей альбомъ этотъ былъ пожертвованъ Гавріиломъ Архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, которому какъ онъ достался неизвѣстно. Можно предполагать, что изъ Пскова альбомъ этотъ попалъ вмѣстѣ съ бумагами князя Г. А. Потемкина въ Екатеринославъ, гдѣ Преосвященный Гавріиль былъ съ 1828 по 1837 г. Архіепископомъ.

Кромѣ того, въ обоихъ спискахъ Кіевскомъ и Казанскомъ сохранились копіи нѣкоторыхъ изъ подлинныхъ, до насъ не дошедшихъ, рисунковъ Барскаго.

Представляя списокъ всѣхъ рисунковъ Барскаго, считаемъ долгомъ оговорить, что при каждомъ изъ нихъ, мы нашли необходимымъ подробно отмѣтить, сохранился ли онъ въ подлинникѣ или въ копіи, и гдѣ именно. а также длину и ширину рисунка въ дюймахъ, принимая въ основаніе только самый рисунокъ,¹ при чемъ въ этомъ перечнѣ рисунковъ мы употребляемъ слѣдующія сокращенія обозначающія:

подл. — подлинникъ.

коп. — копія.

дл. — длина, считая сверху внизъ рисунка.

шир. — ширина, считая отъ лѣвой къ правой сторонѣ.

У. — Уваровскій списокъ или подлинная рукопись.

О. — альбомъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

З. — списокъ Кіевскаго Михайловскаго Злато-верхаго монастыря.

К. — списокъ Казанскаго Университета.

М. — списокъ Θ. Мочульскаго.

П. — альбомъ Архіерейской Псковской бібліотеки.

БК. — списокъ Бантышъ-Каменскаго.

Послѣдніе три упоминаются въ изданіи Рубана.

Кромѣ того *курсивомъ* обозначено изъ какого именно списка заимствованъ рисунокъ для настоящаго изданія.

1. Цистерна 1001 колонны въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 5; М. № 7; дл. 7, шир. 12,4.

2. Обелискъ Θεодосія въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 8; дл. 10,2, шир. 2,7.

¹ Показаніе это, тѣмъ болѣе необходимо, что мы, по требованію изданія, принуждены были уменьшить размѣръ нѣкоторыхъ рисунковъ.

3. Зѣбная колонна въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 9; дл. 6, шир. 1,8.

4. Колонна Константина въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 10; дл. 10, шир. 1,7.

Рисунки №№ 2, 3 и 4 какъ въ подлинникѣ, такъ и въ копіи помѣщены на одной страницѣ. Верхъ рисунковъ №№ 1—4 въ подлинникѣ оторванъ.

5. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 19; коп. въ К. стр. 10; М. № 11; дл. 3,9, шир. 7,1.

6. Видъ монастыря (безъ названія, но какъ видно оборотная сторона предыдущаго вида), подл. въ У. стр. 19; коп., въ К. стр. 10 обор; М. № 12; дл. 5, шир. 4,4.

7. Видъ (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (1); коп. въ К. стр. 93; М. № 13; дл. 12,3 шир. 8.

8. Видъ монастыря (безъ названія съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (2); коп. въ К. стр. 93; М. № 14; дл. 6,2, шир. 8,4.

9. Видъ монастыря Св. Варнавы, подл. въ У. стр. 122 (3); коп. К. стр. 93; М. № 15; дл. 5,9, шир. 8,2.

10. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (4); коп. въ К. стр. 93; М. № 16; дл. 5,1 шир. 7,8.

11. Развалины храма Геры на о. Самосѣ, подл. въ У. стр. 122 (4 об.); коп. въ К. стр. 93; М. № 17; дл. 5,3, шир. 7,8.

12. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (5); коп. въ К. стр. 93; М. № 18; дл. 5,6, шир. 7,9.

13. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (5 об.); коп. въ К. стр. 93; М. № 23; дл. 1,8, шир. 3,5.

14. Монастырь Св. Георгія Ригатисъ, подл. въ У. стр. 122 (6); коп. въ К. стр. 93; М. № 19; дл. 5,4, шир. 7,8.

15. Монастырь Лакатомійскій Св. Архангеловъ, подл. въ У. стр. 122 (7); коп. въ К. стр. 93; М. № 20; дл. 5,4, шир. 8.

16. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (8); коп. въ К. стр. 93; М. № 21; дл. 5,7, шир. 7,8.

17. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (9); коп. въ К. стр. 93; М. № 22; дл. 12,7, шир. 25,6.

18. Монастырь Св. Троицы, подл. въ У. стр. 122 (10); коп. въ К. стр. 1; М. № 1; дл. 6,2, шир. 8,4.

19. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (11 об.); коп. въ К. стр. 1; М. № 2; дл. 6, шир. 8,6.

20. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (12); коп. въ К. стр. 1; М. № 3; дл. 4,2, шир. 7.

21. Видъ города (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (12 об.); коп. въ К. стр. 1; М. № 4; дл. 5,5, шир. 8,4.

22. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (13); коп. въ К. стр. 1; М. № 5; дл. 6, шир. 8,2.

23. Яффа, подл. въ У. стр. 129; коп. въ З. стр. 234; М. № 1; БК. № 1; дл. 1,8, шир. 5,6.

24. Домъ Св. Меланіи на Елеонской горѣ, подл. въ У. стр. 148; коп. въ З. стр. 268; М. № 2 (1); дл. 2,3 шир. 4,7.

25. Мѣсто вознесенія Христова, подл. въ У. стр. 148; коп. въ З. стр. 268; М. № 2 (2); дл. 2,5, шир. 2,2.

Правая сторона рисунковъ №№ 24 и 25 въ подлинникѣ обрѣзана.

26. Вершина Елеонской горы, подл. въ У. стр. 148; коп. въ З. стр. 269; М. № 3; БК. № 2; дл. 1,8, шир. 5,9.

27. Гробница Рахили близъ Виелеема, подл. въ У.

XLVI

стр. 160; коп. въ З. стр. 294; М. № 5 (2); БК. № 3; дл. 1,3, шир. 2,2.

28. Виелеемъ, подл. въ У. стр. 161; коп. въ З. стр. 294; М. № 5 (1); БК. № 4; дл. 2,4, шир. 5,4.

29. Домъ Евфрафовъ, подл. въ У. стр. 163; коп. въ З. стр. 299; М. № 6; БК. № 5; дл. 3,3, шир., 5,6.

30. Монастырь Св. Иліи близъ Іерусалима, подл. въ У. стр. 166; коп. въ З. стр. 303; М. № 7; БК. № 6; дл. 3,2, шир. 5,2.

31. Іорданъ, подл. въ У. стр. 169; коп. въ З. стр. 308; М. № 8; БК. № 7; дл. 6,1 шир. 1,8.

32. Горная, подл. въ У. стр. 171; коп. въ З. стр. 312; М. № 9; БК. № 8; дл. 2,1, шир. 6,2.

33. Монастырь Св. Креста на о. Кипръ, подл. въ У. стр. 175 (1); коп. въ З. стр. 330; М. № 14; дл. 6,1, шир. 8.

34. Храмъ Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, подл. въ У. стр. 175 (2); коп. въ М. № 10; дл. 4,5, шир. 8,1.

35. Назаретъ, подл. въ У. стр. 175 (3); коп. въ М. № 22; БК. № 21 (1); дл. 3,8, шир. 8,1.

36. Тиверіадское озеро, подл. въ У. стр. 175 (4); коп. въ М. № 23; БК. № 21 (2); дл. 4,8, шир. 8,1.

37. Левкосія, подл. въ У. стр. 178; коп. въ З. стр. 324; М. № 11; БК. № 9; дл. 3, шир. 6,1.

38. Аликесъ и Ларнака, подл. въ У. стр. 178; коп. въ М. № 12; БК. № 10 и 12; дл. 3,1, шир. 6,4.

39. Монастырь Св. Маманта, подл. въ У. стр. 181; коп. въ З. стр. 329; М. № 13; БК. № 11; дл. 3,1, шир. 4,6.

40. Монастырь Св. Креста на о. Кипръ (тоже что № 33, только съ другой стороны), подл. въ У. стр. 182; коп. въ М. № 4; дл. 5,5, шир. 6,1.

41. Рахитъ, подл. въ У. стр. 183; коп. въ З. стр. 332; М. № 15; БК. № 13; дл. 5,4, шир. 6.

42. Колодезь Іосифа въ Каирѣ, подл. въ У. стр. 190; коп. въ З. стр. 343; М. № 16; БК. № 14; дл. 5,6, шир. 2,8.

43. Источники Моисея близъ Суэца, подл. въ У. стр. 193; коп. въ З. стр. 348; М. № 17; БК. № 15; дл. 1,8, шир. 5,3.

44. Церковь Св. Георгія близъ Бейрута, подл. въ У. стр. 209; коп. въ З. стр. 382; М. № 18; БК. № 16; дл. 2,5, шир. 3,5.

45. Кедры Ливанскіе, подл. въ У. стр. 217; дл. 1,7, шир. 1,4.

46. Горы Ливанскія, подл. въ У. стр. 218; коп. въ М. № 19; БК. № 17; дл. 3,2, шир. 6,2.

47. Мѣсто сокрытія Св. Варвары въ Балбекѣ, подл. въ У. стр. 220; коп. въ М. № 20 (1); БК. № 18 (1); дл. 0,9, шир. 1.

48. Мѣсто устѣченія главы Св. Іуліанія въ Балбекѣ, подл. въ У. стр. 220; коп. въ М. № 20 (2); БК. № 18 (2); дл. 0,6, шир. 2.

49. Большой камень въ Іліополисѣ, подл. въ У. стр. 220; дл. 0,6, шир. 2,8.

50. Церковь Св. Варвары въ Іліополисѣ, подл. въ У. стр. 220; дл. 1, шир. 1,8.

51. Монастырь Св. Моисея Мурина, подл. въ У. стр. 228; коп. въ БК. № 19; дл. 3, шир. 5,1.

52. Гробница Св. мученика Іуліана, подл. въ У. стр. 230 (1); коп. въ М. № 21; БК. № 20; дл. 1,9, шир. 5,4.

53. Монастырь Св. Георгія въ Орфѣ, подл. въ У. стр. 230 (2); дл. 4,2, шир. 7.

54. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 230 (3); дл. 1,9, шир. 4,4.

XLVIII

55. Гора Кармилъ, подл. въ У. стр. 240; коп. въ М. № 24; БК. № 22; дл. 1,4, шир. 5,3.

56. Фамагустъ, подл. въ У. стр. 242; коп. въ М. № 25; БК. № 23; дл. 3,3, шир. 5,2.

57. Александрія, подл. въ У. стр. 244; коп. въ М. № 26; БК. № 24; дл. 5,2, шир. 7,9.

58. Столбъ Помпеевъ, подл. въ У. стр. 244; коп. въ М. № 27 (1); БК. № 25 (1); дл. 7, шир. 2,1.

59. Игла Клеопатры, подл. въ У. стр. 244; коп. въ М. № 27 (2); БК. № 25 (2); дл. 7, шир. 1,3.

Рисунки №№ 58 и 59 помѣщены въ подлинникѣ на одной страницѣ.

60. Иппократовъ платанъ на о. Косѣ, подл. въ У. стр. 249; коп. въ М. № 28; дл. 3,6, шир. 5,7.

61. Леросскіе сосуды, подл. въ У. стр. 251; дл. 1,5 шир. 0,7.

62. Островъ Патмосъ, подл. въ У. стр. 252; коп. въ М. № 29; БК. № 26; дл. 4,6, шир. 8,1.

63. Храмъ въ монастырѣ Св. Іоанна Богослова на о. Патмосѣ, подл. въ У. стр. 254; коп. въ М. № 30; БК. № 37; дл. 1,9, шир. 1,9.

64. Храмъ Св. Георгія въ Харанѣ (внѣшній видъ), подл. въ У. стр. 268; коп. въ М. № 31; БК. № 28; дл. 1, шир. 1.

65. Храмъ Св. Георгія въ Харанѣ (внутренній видъ), подл. въ У. стр. 268; коп. въ М. № 31; БК. № 28; дл. 1, шир. 1,7.

66. Саркофагъ въ Изрѣ, подл. въ У. стр. 269; коп. въ М. № 32; БК. № 29; дл. 1,2, шир. 4,5.

67. Развалины алтаря Аѳанасія Зинодора, подл. въ У. стр. 270; коп. въ М. № 33; БК. № 30; дл. 2,1, шир. 3,2.

68. Монастырь Св. Антонія, подл. въ У. стр. 275; коп. въ К. II ч. стр. 1; М. № 1; дл. 8,2, шир. 12,7.

69. Монастырь Сейдная близъ Дамаска, подл. въ У. стр. 280; коп. въ К. II ч. стр. 7; М. № 3; дл. 5,5, шир. 8,4.

70. Армянскій монастырь Св. Іакова, подл. въ У. стр. 281; коп. въ К. II ч. стр. 6; М. № 2; дл. 3,7, шир. 7,2.

71. Ковчегъ съ главою Св. апостола Филиппа, подл. въ У. стр. 292 (1); коп. въ БК. № 31 (1); дл. 1,8, шир. 1,2.

72. Кость локтя Св. апостола Филиппа, подл. въ У. стр. 292 (2); коп. въ БК. № 31 (2); дл. 0,4, шир. 3,5.

73. Миры Ликійскія; подл. въ У. стр. 312; коп. въ К. II ч. стр. 49; М. № 4; дл. 2,5 шир. 6,1.

74. Крестильница Св. Іоанна Богослова; подл. въ У. стр. 324; коп. въ БК. № 32; дл. 0,5, шир. 0,9.

75. Врата Ефесскія, подл. въ У. стр. 324; коп. въ К. II ч. стр. 63; М. № 5; БК. № 33; дл. 1,7, шир. 1,8.

76. Желѣзные жезлы Св. Аѳанасія, подл. въ У. стр. 336; коп. въ К. II ч. стр. 271; БК. № 34; дл. 0,7, шир. 4,3.

77. Кадильницы въ Аѳонскихъ монастыряхъ; подл. въ У. стр. 356; дл. 0,7, шир. 1,6.

78. Мантиношеніе въ лаврѣ Св. Аѳанасія, подл. въ У. стр. 356; коп. въ М. № 6; дл. 2, шир. 1,4.

79. Планъ монастыря Пантократоръ, подл. въ У. стр. 393; коп. въ К. II ч. стр. 167; М. № 7; дл. 2,2, шир. 2.

80. Портретъ Хрисанѳа, патріарха Іерусалимскаго (нарисованъ тушью), подл. въ У. въ концѣ ¹; дл. 6,3 шир. 3.

¹ Въ концѣ подлинной рукописи, кромѣ портрета Хрисанѳа, помѣщены еще слѣдующіе портреты, не относящіеся, впрочемъ, до странствованія Барскаго, но которые, по всей вѣроятности, срисованы имъ съ оригиналовъ, когда онъ учился рисованію:

1. Портретъ Эрцгерцога Рудольфа III († 1307), сына Императора Альберта I, дл. 6, шир. 5,1.

L

81. Каиръ, коп. въ *К.* стр. 1, М. № 6; дл. 5, 3, шир. 10,6.

82. Видъ монастыря (безъ названія), коп. въ *К.* II ч. стр. 271; дл. 10,8, шир. 9,3.

Послѣдніе два рисунка №№ 81 и 82 сохранились только въ копіяхъ.

83. Трапеза лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *О* въ началѣ, дл. 0,8, шир. 4,8.

84. Чинъ трапезы лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *О.* № 1, стр. 3 об.; П. № 1 (2); дл. 10,8, шир. 8,5.

85. Чинъ церковный лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *О* № 1, стр. 3; П. № 1 (3); дл. 7,8, шир. 7,7.

86. Монастырь Каракалль, подл. въ *О.* № 2, стр. 4; П. № 2; дл. 7,8, шир. 15.

87. Монастырь Филофей, подл. въ *О.* № 3, стр. 5; П. № 3; дл. 7,9, шир. 12,5.

88. Монастырь Иверскій, подл. въ *О.* № 4, стр. 6; П. № 4; дл. 8,2, шир. 14,8.

89. Монастырь Котломущъ, подл. въ *О.* № 5, стр. 7; П. № 5; дл. 8,9, шир. 14,6.

90. Монастырь Ставроникита, подл. въ *О.* № 6, стр. 8; П. № 6; дл. 7,8, шир. 12,3.

91. Монастырь Пантократоръ, подл. въ *О.* № 7, стр. 9; П. № 7; дл. 7,8, шир. 12,2.

92. Монастырь Есфименъ, подл. въ *О.* № 9, стр. 10; П. № 9; дл. 9,2, шир. 14,2.

2. Портретъ Андрея (Кардинала † 1600 г.), сына Эрцгерцога Фердинанда II, дл. 6,1, шир. 5,1.

3. Портретъ Алберта II († 1397 г.), основателя Вѣнскаго университета, сына Алберта I, дл. 5,9, шир. 5.

4. Портретъ Леопольда IV Гордаго († 1411 г.), сына Леопольда III, дл. 6, шир. 4,9.

Всѣ эти портреты членовъ Габсбургскаго дома нарисованы тушью.

Кромѣ того на 52 листахъ той же рукописи помѣщены разные рисунки.

93. Водосвятильница Ватопедскаго монастыря, подл. въ *О.* № 9, стр. 11; *П.* № 8 (3); дл. 6,9, шир. 7,9.

94. Монастырь Зографъ, подл. въ *О.* № 11, стр. 12. *П.* № 11; дл. 9,2, шир. 14,6.

95. Монастырь Костамонитъ, подл. въ *О.* № 12, стр. 13; *П.* № 12; дл. 8,5, шир. 13,1.

96. Монастырь Дохиаръ, подл. въ *О.* № 13, стр. 14; *П.* № 13; дл. 9,2, шир. 14,7.

97. Монастырь Ксенофъ, подл. въ *О.* № 14, стр. 15; *П.* № 14; дл. 7,6, шир. 12,4.

98. Монастырь Русскій Св. Пантелеймона, подл. въ *О.* № 15, стр. 16; *П.* № 15; дл. 7,7, шир. 12,5.

99. Монастырь Ксиропотамъ, подл. въ *О.* № 16, стр. 17; *П.* № 16; дл. 11,3, шир. 15,5.

100. Монастырь Симопетра, подл. въ *О.* № 17 стр. 18; *П.* № 17; дл. 14,1, шир. 9,5.

101. Монастырь Григоріатъ, подл. въ *О.* № 18, стр. 19; *П.* № 18; дл. 8, шир. 12,4.

102. Монастырь Діонисіатъ, подл. въ *О.* № 19, стр. 20; *П.* № 19; дл. 9,6, шир. 14,1.

103. Монастырь Св. Павла, подл. въ *О.* № 20, стр. 21 коп. въ *М.* № 8; *П.* № 20; дл. 15, шир. 11,3.

104. Монастырь Преображенскій, подл. въ *О.* № 2, стр. 22; *П.* № 2; дл. 13,9, шир. 12,4.

105. Монастырь Спасскій Русанъ, подл. въ *О.* № 3, стр. 23; *П.* № 3; дл. 11,3, шир. 7,9.

106. Монастырь Спасскій Дузскій, подл. въ *О.* № 4, стр. 24; *П.* № 4; дл. 9,2, шир. 13,9.

107. Монастырь Троицкій, подл. въ *О.* № 5, стр. 25; *П.* № 5; дл. 12,3, шир. 9,4.

108. Врата монастыря Аркадія на о. Критъ, подл. въ *О.* № 6, стр. 26; *П.* № 6; дл. 12,1, шир. 8,3.

109. Монастырь Св. Георгія Азрани на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 7, стр. 27; *П.* № 7; дл. 8,4, шир. 13,3.

110. Монастырь Спасскій Флампури въ горахъ Дмитріадскихъ или Загури, подл. въ *О.* № 9, стр. 28; *П.* № 9; дл. 9,3, шир. 13,9.

111. Церковь Успенія въ Аѣинахъ, подл. въ *О.* № 10, стр. 29; *П.* № 10; дл. 4,5, шир. 10,3.

112. Монастырь Введенскій близъ Аѣинъ, подл. въ *О.* № 11, стр. 30; *П.* № 11; дл. 7,3, шир. 11,2.

113. Островъ Санторинъ, подл. въ *О.* № 12, стр. 31; *П.* № 12; дл. 8,5, шир. 13,3.

114. Монастырь Благовѣщенскій на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 13, стр. 32; *П.* № 13; дл. 9,2, шир. 13,9.

115. Изображеніе иконостаса (безъ названія), подл. въ *О.* стр. 32 об.; дл. 3,9, шир. 12,7.

116. Метеорскіе монастыри, подл. въ *О.* № 14, стр. 33; *П.* № 14; дл. 12,4, шир. 18,8.

117. Церковь Св. Георгія въ Аѣинахъ, подл. въ *О.* № 16, стр. 34; *П.* № 15; дл. 5,5, шир. 11,3.

118. Монастырь Св. Георгія Апаностенфи на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 15, стр. 35; *П.* № 16; дл. 8,8, шир. 19,5.

119. Пещера Св. Іоанна Крестителя, подл. въ *О.* № 17, стр. 36; дл. 3,1, шир. 6,6.

120. Гробницы Авессалома и пророка Захаріи, подл. въ *О.* № 17, стр. 36; *П.* № 17; дл. 4,1, шир. 7,3.

Рисунки №№ 119 и 120 находятся въ подлинникѣ на одной страницѣ.

121. Монастырь Троицкій Акротиръ на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 18, стр. 37; *П.* № 18; дл. 12,1, шир. 17,3.

122. Монастырь Успенскій Пендели близъ Аѣинъ, подл. въ *О.* № 19, стр. 38; *П.* № 19; дл. 12,4, шир. 17.

123. Монастырь Св. Архангеловъ въ Пелопонезѣ, подл. въ *О.* № 20, стр. 39; *П.* № 20; дл. 10,9, шир. 15,2.

124. Монастырь Св. Варлаама, подл. въ *О.* № 21, стр. 40; *П.* № 21; дл. 13,9, шир. 9,4.

125. Монастырь Никольскій и скитъ Предтеченскій, подл. въ *О.* № 24, стр. 41; *П.* № 24; дл. 11,3, шир. 7,9.

126. Монастырь Успенскій, великая пещера близъ Калавриты, подл. въ *О.* № 25, стр. 42; *П.* № 25; дл. 7,5, шир. 11,4.

127. Водосвятильница Иверскаго монастыря, подл. въ *О.* № 26, стр. 43; *П.* № 26; дл. 7,6, шир. 5,7.

128. Гробница Св. Евангелиста Луки въ Оивахъ, подл. въ *О.* № 27, стр. 44; *П.* № 27; дл. 3,2, шир. 7,8.

129. Внутренность храма Св. Луки въ Ливадіи, подл. въ *О.* № 28, стр. 45; *П.* № 28; дл. 6,2, шир. 8,5.

130. Монастырь Успенскій на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 29, стр. 46; *П.* № 29; дл. 7,9, шир. 11,4.

131. Монастырь Св. Стефана, подл. въ *О.* № 30, стр. 47; *П.* № 30; дл. 10,4, шир. 8,7.

132. Гробъ Господень, подл. въ *О.* № 31, стр. 48; *П.* № 31; дл. 7,1, шир. 6,3.

133. Монастырь Богородицы Влахернской въ Артѣ, подл. въ *О.* № 32, стр. 49; *П.* № 32; дл. 6,9, шир. 9,4.

134. Планъ церкви Богородицы Влахернской въ Артѣ, подл. въ *О.* стр. 49 об.; дл. 4, шир. 2,5.

135. Монастырь Св. Луки въ Ливадіи, подл. въ *О.* № 33, стр. 50; *П.* № 33; дл. 9, шир. 17,7.

136. Крестъ Ксиропотамскаго монастыря, подл. въ *О.* № 34, стр. 51; *П.* № 34; дл. 11,3, шир. 5,4.

137. Монастырь Живоноснаго источника на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 35, стр. 52; *П.* № 35; дл. 8,1, шир. 12,4.

Кромѣ этихъ вышеприведенныхъ рисунковъ, Рубанъ

перечисляетъ еще слѣдующіе, существовавшіе въ его время и до насъ не дошедшіе.

138. Лавра Св. Аѳанасія, въ П. № 1 (1).

139. Монастырь Ватопедъ, въ П. № 8 (1).

140. Помость Ветопедской церкви, въ П. № 8 (2).

141. Монастырь Хиландарь, въ П. № 10 (1).

142. Мѣра Хиландарскаго креста, въ П. № 10 (2).

143. Карта Александрійской патріархіи, въ П. № 1.

144. Монастырь Богородицы на о. Аморгосъ, въ П. № 8.

145. Монастырь Преображенскій Аркадія на о. Критѣ, въ П. № 22.

146. Мраморный фонтанъ при монастырѣ Св. Антонія, въ П. № 23.

147. Разныя вещи и храмъ Св. Софіи въ Царьградѣ, въ П. № 36.

148. Греческія монеты, въ П. № 37.

Такимъ образомъ, изъ 148 рисунковъ, оставленныхъ Барскимъ, какъ дополненіе къ описанію его странствованій, 2—№№ 81 и 82 сохранились только въ копіяхъ и 11—№№ 138—148 затеряны, если только по ближайшему изслѣдованію, они не отыщутся въ числѣ поименованныхъ выше рисунковъ безъ названій.

Кромѣ рисунковъ, какъ наслѣдство отъ Барскаго, до насъ дошли 12 его писемъ, сохранившіеся въ особомъ альбомѣ, принадлежащемъ также графу А. С. Уварову, а именно:

1. отъ 1723г. Августа 24, къ отцу.

2. „ 1738 „ Августа 1, изъ Дамаска, къ родителямъ.

3. „ 1738 „ Августа (?), изъ Дамаска, къ родителямъ.

4. „ 1740 „ Августа 31, изъ Патмоса, къ родителямъ.

5. „ 1741 „ Апрѣля 21, изъ Патмоса, къ брату.

6. „ 1742 „ Января 25, изъ Патмоса, къ матери.

7. отъ 1742 г. Марта 12, изъ Патмоса, къ брату.
8. „ 1742 „ Мая 13, изъ Патмоса, къ брату.
9. „ 1744 „ Января 11, изъ Царьграда, къ брату.
10. „ 1744 „ Юня (безъ означенія числа) изъ Царьграда, къ матери.
11. „ 1744 „ Юня (безъ означенія числа), изъ Царьграда, къ брату.
12. „ 1746 „ Октября 31, изъ Букарешта, къ матери.

Всѣ эти письма были уже напечатаны А. М. Лазаревскимъ въ Русскомъ Архивѣ 1874 г. № 9, стр. 514—532.

Наконецъ, въ томъ же альбомѣ сохранились слѣдующіе, касающіеся Барскаго, документы:

1—5. Пять писемъ Іеромонаха Константина Политанскаго къ Барскому, изъ Константинополя, отъ 15 Октября 1740 г., 12 Мая 1741 г., начала 1742 г. безъ числа, 28 Мая и 5 Юня 1742 г.

6. Отрывки праздничныхъ евангелій на арабскомъ языкѣ, съ русскою сверху транскрипціей, а именно:

а) На Воскресеніе Свѣтлой Пасхи—отъ Іоанна, гл. I, ст. 1—17.

б) На вечерни перваго дня Пасхи — отъ Іоанна, гл. XX, ст. 19—25.

в) На обѣднѣ въ Рождество Христово—отъ Матѳея, гл. II, ст. 1—12.

г) На обѣднѣ въ Богоявленіе—отъ Матѳея, гл. III, ст. 13—17.

7. Свидѣтельство Филарета игумена Креховской обители, отъ 24 Апрѣля 1724 г.

8. Грамата Львовскаго архіепископа Іоанна Скарбека, отъ 27 Апрѣля 1724 г.

9. Грамата Агрскаго (Эрлаускаго) епископа Георгія Фоглара, отъ 29 Мая 1724 г.

10. Паспортъ Франциска Донато, Венеціанскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, отъ 13 Іюня 1724 г.

11. Паспортъ графа Льва де-Пейри, въ Неаполѣ, отъ 29 Августа 1724 г.

12. Грамата Винцентія Аламанни, Папскаго нунція въ Неаполѣ, 29 Августа 1724 г.

13. Грамата патріарха Антіохійскаго Сильвестра, на арабскомъ языкѣ, отъ 5 Мая 1734 г.

14. Грамата патріарха Антіохійскаго Сильвестра, данная Барскому, безъ означенія года и числа.

15. Письмо патріарха Антіохійскаго Сильвестра къ Барскому, изъ Адріанополя отъ 6 Апрѣля 1744 г.

16. Отвѣтъ Барскаго патріарху Сильвестру, изъ Константинополя, отъ Мая (послѣ 9) 1744 г.

17. Свидѣтельство Дамаскина, игумена Ксиропотамскаго монастыря, данная Барскому, отъ 2 Ноября 1744 г., на оборотѣ переводъ ея на Русскій языкъ.

18. Письмо Виссаріона, ризничаго Иверскаго монастыря къ Барскому, отъ 18 Ноября 1744 г.

19. Письмо патріарха Антіохійскаго Сильвестра къ Барскому, изъ Бухарешта, отъ 14 Августа 1747 г.

20. Отвѣтъ Барскаго патріарху Сильвестру, изъ Кіева, отъ Сентября (послѣ 8) 1747 г.

Сличая эти подлинныя документы съ помѣщенными въ изданіи Рубана, мы увидимъ, что семь изъ нихъ, а именно: №№ 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14 и 17 были извѣстны Рубану и помѣщены имъ въ переводѣ, какъ приложеніе къ его изданію, остальные тринадцать были ему неизвѣстны. Въ свою очередь, Рубанъ помѣстилъ слѣдующіе 28 документовъ, которые въ подлинникѣ до насъ не дошли и сохранились только въ его изданіи.

21. Грамата Іеронима Грималди, Папскаго нунція въ Вѣнѣ, отъ 19 Іюня 1724 г.

22. Паспортъ, выданный Барскому, въ Барлеттѣ, отъ 5 Августа 1724 г.

23. Грамата Кардинала Чіенфугоса, въ Римѣ, отъ 13 Сентября 1724 г.

24. Грамата Кардинала Албанскаго, въ Римѣ, отъ 15 Сентября 1724 г.

25. Свидѣтельство Спиридона Караса, Священника Греческой Георгіевской церкви, въ Венеціи, отъ 15 Октября 1724 г.

26. Свидѣтельство Священника Греческой Георгіевской церкви, выданное Архимандриту Рувиму и Барскому, въ Венеціи 2 Марта 1725 г.

27. Грамата Іоанникія Архіепископа Синайскаго, въ Каирѣ, 1 Мая 1728 г.

28. Письмо А. А. Вешнякова къ Барскому, изъ Константинополя, отъ 17 Апрѣля 1743 г.

29. Паспортъ А. А. Вешнякова, Русскаго резидента, въ Константинополь, отъ 17 Апрѣля 1743 г.

30. Султанскій фирманъ, на проѣздъ Барскаго съ о. Патмоса въ Константинополь, отъ Апрѣля 1743 г.

31. Султанскій фирманъ, для проѣзда Барскаго на Аѳонъ, отъ Апрѣля 1744 г.

32. Паспортъ А. А. Вешнякова, Русскаго резидента, въ Константинополь, отъ 4 Іюня 1744 г.

33. Свидѣтельство Кирилла, проигумена Ватопедскаго, отъ 1744 г.

34. Грамата патріарха Александрійскаго Матѳея, данная Барскому, въ Бухарештѣ, отъ Февраля 1747 г.

Харачи (Турецкія свидѣтельства) выданныя:

35. Въ Сакизѣ, 1139 (1725) г. желтаго цвѣта.

36. Въ Кутчеримѣ или Іерусалимѣ, 1140 (1726) г. розоваго цвѣта.

37. Въ Кипрѣ, 1141 (1727) г. бѣлаго цвѣта.

38. Въ Іерусалимѣ, 1142 (1728) г. желтаго цвѣта.
39. Въ Іерусалимѣ, 1143 (1729) г. кирпичнаго цвѣта.
40. Въ Дамаскѣ, 1144 (1730) г. розоваго цвѣта.
41. Въ Сакизѣ, 1145 (1731) г. бѣлаго цвѣта.
42. Въ Дамаскѣ, 1146 (1732) г. желтаго цвѣта.
43. Въ Дамаскѣ, 1147 (1733) г. темнобѣлаго цвѣта.
44. Въ Кипрѣ, 1148 (1734) г. свѣтлобѣлаго цвѣта.
45. Въ Кипрѣ, 1149 (1735) г. розоваго цвѣта.
46. Въ Кипрѣ, 1150 (1736) г. желтаго цвѣта.
47. Въ Патмосѣ, 1157 (1743) г. розоваго цвѣта.
48. Въ Македоніи, 1158 (1744) г. желтаго цвѣта.

Первая мысль объ изданіи въ свѣтъ странствованій Барскаго принадлежала архіепископу Псковскому Симону Тодорскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ этою рукописью своего земляка графа А. Г. Разумовскаго. Но кончина Преосвященнаго въ 1754 году, помѣшала исполненію этого намѣренія. Послѣ кончины Преосвященнаго Симона, за это дѣло взялся графъ Разумовскій, который уже сносился объ этомъ предметѣ съ Архіепископомъ Московскимъ Амвросіемъ, прося его прислать для напечатанія исправный списокъ путешествія Барскаго. Но и на сей разъ, за смертью Разумовскаго въ 1771 г., дѣло не состоялось. Только черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Барскаго, на его рукопись обратилъ вниманіе князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій, который поручилъ В. Г. Рубану изданіе оной. Рубанъ пользовался для своего изданія слѣдующими тремя рукописями, принадлежавшими тогда: 1. архіепископу Ростовскому Самуилу въ десть безъ рисунковъ, 2. Н. Н. Бантышъ-Каменскому, изъ библіотеки архіепископа Московскаго Амвросія, въ 4-ую долю, съ нѣкоторыми ри-

сунками ¹ и 3. архимандриту Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Θεоктисту Мочульскому, изъ библіотеки митрополита Кіевскаго Арсенія Могилянскаго, со многими рисунками, въ 3-хъ книгахъ, — въ десть. При этомъ нельзя не замѣтить, что Рубанъ не упоминаетъ о подлинной рукописи Барскаго, которая должна была быть ему извѣстна, такъ какъ онъ находился въ сношеніи съ братомъ Барскаго.

Въ 1778 году вышло 1-е изданіе странствованій Барскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святѣмъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніе Его Свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина для пользы общества изданное въ свѣтъ, подъ смотрѣніемъ Василія Григорьевича Рубана. Санктъ-Петербургъ. При Императорской Академіи Наукъ, 1778, in 4°, стр. XII, 796.

„Не безприлично“, пишетъ Рубанъ, „упомануть объ *отмѣнахъ*, учиненныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при печатаніи сей книги, противъ подлинника, которыя читавшіе оригиналъ, и съ нимъ сличающіе, могутъ безъ сомнѣнія примѣтить. Отмѣны сіи состоятъ по большей части въ повѣстьяхъ, кои находятся уже въ другихъ Россійскихъ церковныхъ, или гражданскихъ книгахъ, почему здѣсь и исключены, дабы повтореніемъ извѣстныхъ исторій, ни книги, ни читателей, не обременить. Напротивъ того, въ мѣстахъ сдѣланы дополненія изъ различныхъ историческихъ, географическихъ и путеше-

¹ Какъ слѣдуетъ предполагать, приготовленную митрополитомъ Амвросіемъ, по требованію графа А. Г. Разумовскаго.

ственныхъ книгъ“. Чтобы наглядно представить отношенія Рубана къ подлиннику, мы считаемъ долгомъ привести нѣсколько отрывковъ.

У Рубана пс изданію 1778 г.

Стр. 494. „И абіе присла (Резидентъ Вешняковъ) ко мнѣ на брегъ Россійскаго студента Василя Стефанова сына Рубанова и съ нимъ одного янычара“.

Стр. 498. Нынѣ же для любопытства твоего читателю, сообщаю выписки учиненныя мною изъ разныхъ Греческихъ и другихъ книгъ, содержащихъ роспись Благочестивыхъ Христіанскихъ церквей, бывшихъ въ семь, прославіемъ нѣкогда процвѣтающемъ градѣ, изъ которыхъ до нынѣ весьма немногіе уже оставшася, слыши убо о семь въ кратцѣ.

Стр. 505. Константинополь бысть иногда величайшая и сильнѣйшая столица Восточной, си есть Греческой Монархіи, а Западной, или Римской имперіи сверстница, и есть совершеннымъ междустѣніемъ, или

У Барскаго по подлинной рукописи.

Л. 326 об. И абіе присла къ мнѣ на брегъ Турчина ясактѣя при себѣ служаща.

Сего не находится, а сама роспись помѣщена по Гречески и не въ текстѣ, а въ приложеніи л. 492.

Л. 328, 329. Азъ часто преѣздахъ обонь ко Цариграду изначала съ провожденіемъ янычара Турчина при дворѣ служащаго, послѣди же и самъ. И ходихъ часто до патріархъ и архіереовъ и учителей ради полезной бе-

соединеніемъ Азіи съ Европою. Онъ силою страшнаго своего оружія и славою побѣдъ своихъ; всѣ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ лежащія грады, кромѣ Рима, превозвышаше. Въ семъ царствующемъ градѣ бысть иногда оеатръ Христіанскія славы, изъ него же произойдоша многіе мудростію и добродѣтелями просіявшіе Цари, Богоносные Отцы и непобѣдимые столпы церкви Христовой, иже Богодухновеннымъ ученіемъ своимъ всѣхъ на Христа Спасителя и Святѣйшую Церковь Его воставшихъ еретиковъ и развратниковъ Истинныя Вѣры, побѣдиша, а благоправіемъ и человеколюбіемъ своимъ жестокосердыхъ укротиша варваровъ, и изъ всего правду и истинное ученіе любящаго свѣта, несравненною и сушею Христовой благодати и истинны наполненною проповѣдію, тьму заблуждающаго невѣденія прогнаша. Во истинну тотъ человекъ не погрѣшитъ, иже Констан-

сѣди, таже обхождахъ и созирахъ древнія зданія царей Греческихъ, и знаменити они столпы, иже обрѣтаются въ Цариградѣ и звѣри дивіи различніи, храниміи отъ султана, и прочіи вещи достойни зрѣнія. И разсмотряхъ красоту и расположеніе града, и пристанище различныхъ кораблей, и обычай народовъ и прочая. О нихъ же всѣхъ подробну напишу тебѣ повѣсть, любезный читателю, егда опишу Цариградъ. Еще бо многіи вещи (аще Богъ изволитъ), достойніи зрѣніимамъ разсмотрѣти.

тинополь ключемъ вселен-
 ныя, средоточіемъ царствъ
 и сердцемъ всѣхъ частей
 свѣта назоветъ. Сей единъ
 градъ совершенно того до-
 стоинъ, дабы раздѣленной
 Вѣрѣ Христовой, паки въ
 немъ соединитися, о чемъ
 первенствующая и Право-
 славная Греческая Церковь,
 въ праведныхъ своихъ мо-
 литвахъ, ежедневно у Соз-
 дателя Бога просить, дабы
 Христіанскіе Цари, многими
 Областями владычеству-
 ющіе, престолъ свой по преж-
 нему тамо возымѣли, науки
 яко въ крѣпкомъ забралѣ,
 безъ упадка процвѣтали,
 и всему Христіанству полез-
 ные законы изъ него, яко
 изъ главнаго источника, по
 знанію славы и величанію
 имени Іисусъ Христова, не-
 оскудно бы проистекали.
 Но къ общему всѣхъ Хри-
 стіанъ жалѣнію, въ неска-
 занный упадокъ сей пре-
 славный градъ пришелъ.
 Красота Царскихъ палатъ,
 великолѣпіе превосходив-
 шее вѣроятіе, сокровища
 святыхъ Божіихъ церьквей;

мраморомъ, живописью, мусією, златомъ и серебромъ преукрашенные Христіянскіе храмы и монастыри, Княжескіе и знатнѣйшихъ гражданъ великіе дома, на высочайшую степень возшедшія науки и художества, почти въ совершенное уничтоженіе придоша. Святѣя церкви въ Магометовыкапища и въ мусульманскія мечети съ 1453 году обращены. Мудрость безуміемъ, а наука невѣжествомъ поглощена, а притомъ гордостію и тиранствомъ окована.

Другія „отмѣны“, сдѣланныя Рубаномъ противъ подлинника, заключаются въ томъ, что онъ, стараясь представить Барскаго, такъ сказать, въ облагороженномъ видѣ, искажилъ первоначальный текстъ Барскаго, который въ этой передѣлкѣ потерялъ всю свою своеобразность и типичность.

Но указавъ на погрѣшности Рубана по изданію Барскаго, было бы грѣшно умалять заслуги его по обнародованію рукописи Барскаго, которой безъ него, вѣроятно, долго бы пришлось оставаться мало извѣстною.

Вслѣдъ за первымъ изданіемъ послѣдовали: 2-е—1785 г., 3-ье—1793 г., 5-ое 1800 г. и 6-ое—1819 г. Всѣ эти изданія были напечатаны при Академіи Наукъ и составляютъ только перепечатку перваго изданія. М. Полуденскій въ статьѣ своей: Путешествіе по Святѣмъ

мѣстамъ Василія Барскаго, помѣщенной въ Библиографическихъ Запискахъ 1859 г. № 9, стр. 254—282, отмѣчаетъ слѣдующія замѣченныя имъ разницы въ изданіяхъ: во второмъ, третьемъ и пятомъ сохранена та же нумерація страницъ, для чего не поставленъ въ счетъ бѣлый оборотъ страницы 411, листокъ для заглавія второй части и первая ея страница, на которую перенесены съ 411 страницы послѣднія 30 строкъ текста. Въ шестомъ изданіи измѣнено только слѣдующее: вторая часть имѣетъ свою особую помѣтку страницъ съ 1 по 391, алфавитъ напечатанъ не такъ убористо, такъ что онъ занимаетъ въ этомъ шестомъ изданіи 13 страницъ, а не 10, и помѣта внизу сдѣлана не литерами, а цифрами. Говоря объ этихъ изданіяхъ, нельзя не обратить вниманія, что послѣ *третьяго*—1793 г. слѣдуетъ *пятое*—1800 г., *четвертое* же, долженствовавшее существовать между ними, не видѣлъ ни одинъ изъ изслѣдователей Барскаго и годъ этого изданія не указывается ни въ одномъ изъ печатныхъ каталоговъ. Все это заставляетъ предполагать, что *четвертаго* изданія, дѣйствительно, не существуетъ, но какія причины побудили Академію перейти прямо съ *третьяго* на *пятое*, остается доселѣ неизвѣстнымъ.

Кромѣ этихъ изданій имѣется еще одно, нынѣ весьма рѣдкое, напечатанное съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Сія книга пешеходца Василія Григоровича Барскаго-Плако-Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, напечатанная въ С.-Петербургѣ Пріимператорской Академіи Наукъ въ 1778 году. Нынѣ же вышенапечатанная Книга Путешествія, перепечатана съ указаго дозволенія, съ засвидѣтельствованіемъ Сѣверскаго Новгородскаго Намѣстничества нижняго Земскаго Суражскаго суда, и подписана суда при-

сутствующими, и печатью утверждена: скоторой нынѣ напечатана, въ вольной типографіи Клинцовскаго посада второй гильдіи купца, Дмитрія Руковишникова. 1788 году Іюня 15 дня“. Раскольническое изданіе это, нынѣ весьма рѣдкое, представляетъ дословную перепечатку перваго изданія Рубана, съ слѣдующими только измѣненіями: напечатано оно in fol., алфавитъ въ одинъ, а не два столбца, отчего вмѣсто 10 страницъ перваго изданія занимаетъ 18 страницъ и, наконецъ, за неимѣніемъ вѣроятно въ Клинцовской типографіи иностранныхъ буквъ, вездѣ, гдѣ таковыя встрѣчаются въ первомъ изданіи, здѣсь оставлены пробѣлы.

Кромѣ того «Странствованія Барскаго» были издаваемы въ извлеченіяхъ. Еще въ 1770 г., издававшемся С.-Петербургскомъ журналѣ: Парнасскій Щепетильникъ, Іюль, стр. 119, былъ напечатанъ отрывокъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Описаніе города Солуня. называемаго другимъ именемъ Салоники, по латинѣ Thessalonika, учиненное тамъ бывшимъ Россійскимъ путешественникомъ Василиемъ Григоровичемъ, гражданиномъ Кіевскимъ, во время странствованія его по свѣту, чрезъ 25 лѣтъ, которое описано и у многихъ въ манускриптѣ хранится“.

Въ 1847 году было издано въ Москвѣ: „Путешествіе въ Іерусалимъ“ и перепечатано въ 1849 и въ 1851 г. Тамъ же въ 1864 г. „Извлеченіе изъ описанія путешествія въ Іерусалимъ въ 1726 г. В. Г. Барскаго. Описаніе Іерусалима и его окрестностей. Въ 1867 г. „Изъ путешествія въ 1726—1744 г. Аѳонская Лавра Св. Аѳанасія“. Наконецъ въ 1882 г. о. Архимандритъ Леонидъ издалъ: „Три древнихъ сказанія о Св. Горѣ Аѳонской и краткое описаніе Св. Горы составленное въ первое посѣщеніе оной Василиемъ Барскимъ 1725—1726 г. (по Казанскому списку).

Настоящее изданіе странствованій Василія Григоровича-Барскаго предпринято Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, на средства, пожертвованныя на этотъ предметъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ, Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, при чемъ редакція странствованія была обязательно возложена Обществомъ на меня.

Въ основаніи настоящаго изданія принята подлинная рукопись Барскаго. Въ тѣхъ же немногихъ мѣстахъ, гдѣ она писана чужою рукою, принятъ въ основаніе списокъ Археографической Коммиссіи, какъ самый полный и безошибочный, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ существеннѣйшіе варианты къ нему подобраны изъ списковъ: Михайловскаго Златоверхаго монастыря и Казанскаго Университета. При ссылкахъ мы употребляли, для обозначенія списковъ, слѣдующія сокращенія: подлинной рукописи — *Ув.*, списка Михайловскаго монастыря — *М.* и списка Казанскаго Университета — *К.*

Всѣ сохранившіеся 137 рисунковъ Барскаго, а равно палеографическій снимокъ съ подлиннаго его письма и фотографическій снимокъ съ его надгробнаго камня воспроизведены съ возможною точностью противъ подлинниковъ, въ фотолитографическомъ заведеніи Н. Т. Индутаго.

Да послужить это новое изданіе странствованій Василія Григоровича-Барскаго, предпринятое Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, „на увѣдѣніе и на память и на молитву благовѣрнымъ человѣкомъ“.

Николай Барсуковъ.

10 Октября 1884 г.
Сельцо Ивановка.

Елико неоткровенна есть премудрость Божія, то-
лико недомислимое Его о насъ промишленіе же и смот-
рѣніе: *Его же судьби суть бездна многа*, ибо не точію
истинная благая, но и мнимая злая приводитъ къ бла-
гому концу. И толикое, кромѣ сего, имать человѣколю-
біе, яко не точію тимъ, иже Его ищутъ, но и тимъ,
иже ниже о чесомъ благомъ помышляють, многажды ве-
ликіе даруетъ благодати, яко же азъ искусствомъ въ себѣ
познахъ, иже никогда же помислихъ ходити по толи-
кихъ далекихъ странахъ, и понести и подяти толь ве-
ликіе труды, и свободитися отъ множества бѣдъ, и по-
клонитися святымъ многымъ мѣстамъ, зрѣти же и описати
изрядная зданія и преславутіи монастыры, скити, цер-
ковніи чини, къ тому же житія и дѣянія добродѣтелныхъ
музей и инни достопамятни и достохвални вещи; обаче
сподоби мя премилосердній Богъ, аще и грѣшна. Сего
ради и азъ вся описахъ въ славу и благодареніе Божіе и
въ ползу чтущимъ и слышащимъ, не съ иннимъ намѣ-
реніемъ, точію да молитвуютъ о недостойнствѣ моемъ
и да удивляются Божію промишленію и смотрѣнію, отъ
каковаго гнилого основанія и отъ каковаго некрѣпкаго
начала приведе мя и настави къ толь благополучному
концу.

Во времена, въ няже правяше престоль Кієвскій блаженной памяти преосвященной Іоасафъ Краковскій и по немъ Варлаамъ Ванатовичъ, быхъ азъ тогда въ младихъ лѣтахъ и поучахся въ школахъ Латинскихъ; аще же и не силенъ въ науцѣ быхъ, обаче благодатию Божією пройдохъ маліе школы даже до Реторики и началъ философскихъ, до которыхъ наукъ самъ азъ вдадохся на поученіе, кромѣ изволенія отца моего, и кромѣ помощи домашнего инспектора. Отецъ бо мой бяше книженъ точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи, мужъ аще и благовѣненъ, обаче нравомъ простъ, и видя въ ученіяхъ излишнее прѣнье, гордость, тщеславіе, славолюбіе, зависть и прочая случаемъ, мняше, яко отъ науки имъ сія бывають, а не отъ самоволнаго произволенія, тщася всячески воспятити ми намѣреніе, но не можаше, помоществующей мнѣ матери. Многажды же и послѣди развращашеся совѣти своими и совѣтоваше оставить непотребную сію науку и въ церковной упражняться практицѣ; видя же во мнѣ нѣкую къ сему естественну склонность и охоту, прочее остави мя мирна. Доспѣвшу убо мнѣ, яко же предрекохъ, до началъ философскихъ, Божіимъ попущеніемъ проявися мнѣ на лѣвой нозѣ толъ язва велія, яко не могохъ ходити. Тогда оставихъ школы и врачевался. Врачемъ же тогда неискуснымъ сущимъ, и многимъ проходящимъ и премѣняющимся, и денги немали взяша отъ родителей и болшую язву отверзоша и не могоша мя исцѣлити, и сиче мало иде время кромѣ ученія, яко 21 день, ¹ еже азъ оставихъ уже вся со всѣмъ моимъ намѣреніемъ, понеже не чаяхъ уже исцѣлитися. Но виждь нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе: нѣкто Іустинъ Леницкій, братъ бывшаго архіепископа Суждалскаго Варлаама, мой же соученикъ и сверстникъ, отъезжаше

¹ годъ одинъ. Уг. проп. К.

тогда въ Полшу до града Лвова, ради совершенія болшихъ наукъ, тому поревновахъ, возжелахъ отъѣхати съ нимъ вкупѣ, тоеяжде ради вини, найпаче же ради исцѣленія ноги, слышахъ бо, яко тамо искусни обрѣтахуся врачеве. Начахъ убо молити матеръ мою, да отпуститъ мя; она же вину благословну представивши, неприсутствіе отца, никако же хотяше первіе соизволити, ибо отецъ мой купецъ бывъ, въ далекомъ медляше пути, котораго ожидать нелзя было при такъ случной оказіи. Молящи же азъ многажды матеръ и преклоняющи ю благословною виною врачеванія своего, аще и жена сущи и болше, аки мати, къ чадомъ соболѣзнованіе имѣеть, нежели отецъ, обаче, смотрѣніемъ Божиимъ, соизволи и давши мнѣ молитву и благословеніе и вся нужная на путь и на харчъ, отпусти со многими риданіемъ и слезами. Егда же отъехали мы внѣ предѣловъ Кіевскихъ на нѣсколко мпѣ, отецъ отъ пути тогожде дня повратившись, посла абіе скоро за мною коннаго слугу, иже достигши мя, увѣщаваше, прекланяше мя всячески къ возвращенію, яко же ему повелѣнно есть. Азъ видящи случай мнѣ благополучень, препославши ему должній синовній поклонъ, не повинухся его совѣту, ниже отлучихся друга своего, но возративши слугу воспать, яхся пути прилѣжно. Бысть же тогда годъ 1723, егда изійдохъ исъ Кіева, мѣсяць Іудій, память святаго пророка Іліи; возраста же моего баше лѣтъ около двадцати и двоихъ. И преѣхавъ чрезу Острогъ городъ и чрезу Почаевъ, идѣже есть монастырь унѣятскій Успенія Пресвятія Богородицы, и тамо бываетъ на всякъ годъ въ праздникъ соборъ народа многа и ярмарокъ, на немъ же случихомся и ми бити. Тамъ есть стопа Богородична въ церкви, въ камени, и мощи цѣліе святаго Желѣза, яже достовѣрни суть, или ни, того

*

не испитахъ: не бяхъ бо тогда еще любопитній. Оттуду. аще и не по пути, прїѣхавъ до града, нарицаемаго Броди. Минувшимъ бо намъ нѣкое мѣсто, стрегущіи рай- тари силою взявши тамо насъ отведоша и озлобиша насъ тамо Жиди много. Броди есть градъ, стѣною ка- менною обведенъ, стоитъ на мѣстѣ равномъ и нискомъ, окрестъ же себе имать блати и води мелко, оттуду бо нарекошася и Броди, яко до града чрезъ води брести тресбѣ. Тамо Жидовъ множество и власть ихъ великая. Оттуду прїѣхавъ до града Лвова прослутаго, каменная зданія въ себѣ имуще и церкви изрядни, и звоницы, и школы, и полѣтического народа довольно. Тамо азъ купно съ сопутникомъ моимъ Іустиномъ наяхомъ на предградіи нарочно домъ, съ кормленіемъ, и поплаща- хомъ на мѣсяцъ, еже согласихомъ, по тамошнему обы- чаю, и обрѣтши азъ тамо врача искусна, исцѣлихъ свою ногу въ малѣ времени и благодарихъ Бога. Обрѣтохомъ же тамо многихъ страннолюбивыхъ людей отъ Русовъ, духовныхъ же и мірскихъ, и угощеваху насъ часто, найпаче же тіи, иже на Унѣю бяху насилуванни, въ тайнѣ же зѣло православни. Въ Львовѣ обрѣтается Ака- демія Езувитская прослутая, въ которую ми желающи сочетатися, да искусимъ ихъ преданія ученій и да ви- димъ предъуспѣяніе учащихся; боящихся же да не како познаеми будемъ, яко весма православни, не прїимають бо тамо таковыхъ, найпаче же Кіевскихъ, и хотящи утаитися, поживши малое время, поученія ради ихъ языка и привѣствій, оставихомъ своя прежняя проимено- ванія и нарекохомся Барскіи, единымъ проименова- ніемъ, притворшеся быти брата родна и аки би отъ Бара суща, иже въ Ляшеской сторонѣ обрѣтается на Подоліи. Вистъ же Іустинъ, сѣпутникъ мой, мало ста- рѣйшій и той мняшеся быти братъ первій, азъ же вто-

рій. И съ сипцевимъ согласіємъ явившися предъ префекта, аще и вопрошаеми бихомъ, гдѣ первіе учихомся, отвѣщавши нѣкимъ тамо въ окрестныхъ градѣхъ знаючи имена вѣроятни, возмѣнихомся ему быти, яко непреткновенно и сладко ему отвѣтствовахомъ Латинскимъ языкомъ, и по прошенію убо нашему сочета насъ въ Реторику. Бысть же сіе, мню, попущеніемъ Божиимъ, искушенія ради ихъ и нашего; но не восхотѣ да пребудемъ тамъ многое время и не остави чадъ, воспитанныхъ ученіемъ православнымъ, повредитися отъ злославныхъ нравовъ многовременнымъ сочетаніемъ, яко же то пострадала мнозы, но слыши, что устрои. Ходящимъ намъ въ школу точію осмь или десять днѣй, не вѣмъ, отъ характера ли писанія, или отъ сочиненія, или отъ бесѣды Лешеского языка, начаху съ ученикы познавати насъ, яко нѣсми отъ Полскихъ странъ, найпаче же тамошніи Руси унѣяти, о семъ любопытливѣ суть, но не могуци явѣ обличити насъ, понеже отъ префекта предъистязанни сущи, пріяти бихомъ честно, такожъ и отъ професора риторического, завистію убо, или ненавистію наполненни суще, умышляютъ коварство хитростно сипцево: сочиняетъ нѣкто лукавшій отъ нихъ посланіе Руское притворное, аки бы намъ съ Кіева отъ родителей писанное съ великимъ плачемъ и слезами, ради непоноснаго нашего отъ ихъ разлученія, и аки бы поучителное и увѣщательное, да блюдемъ себе всячески отъ кваса унѣятскаго и отъ яда папѣжскаго, и прочая, елика его бѣсъ научи. Такъ же запечатавши, вручи нѣкоей старой бабѣ и научи ю, да мимо ходя предъ школами вопрошаетъ, кому надлежитъ отдать сіе писаніе, купци бо нѣки мимоходящіи вручиша мнѣ сіе. Виждь, каковая орудія избра себѣ дьяволъ въ мірѣ семъ къ дѣланію воли своей, всегда бо

злотворная дѣла, найпаче сими средствѣми, бывають или діаволомъ, или бабою, или отрокомъ. Сотворшей же бабѣ, яко же наученна бѣ, намъ ничтоже о семъ вѣдающимъ, ниже присутствующимъ, абіе похитивши писаніе отъ рукъ бабиныхъ, на сіе согласившіися и видящи надписанная наши проименованія, распчаташа и прочетши между собою, отнесоша къ префекту. Префектъ же абіе написа ексклюзію, си есть изгнаніе, и пригвозди на вратѣхъ внѣшнихъ академіи. Предъ окончаніемъ же, егда имѣяху исходити профессори со учениками изъ школь, прійде первіе до Риторикѣ и привѣтствовалъ учителя нашего рече: „Согрѣшихъ въ невѣжествѣ и сочетавъ овцамъ прокаженни козлища“. Всѣмъ же созирающимъ другъ на друга и удивляющимся реченію, абіе зва насъ по имени и повелѣ намъ изійти изъ школы. Абіе же намъ изшедшимъ въ пріосѣненіе рече: „Бѣжѣте отсюду лицемѣри и къ тому здѣ не возвращайтесь“; ми же отвѣтствовахомъ: „Какой ради вини честній отче?“ „Понеже познастеся, яко волци есте отъ лѣсовъ Кіевскихъ“. Отвѣщахомъ: „Никако же“. Паки рече къ намъ: „Писаніе родителей вашихъ, отъ Кіева посланное, дойде въ руцѣ мои“. Ми же, познавши, яко продаденіе и хитрость есть злотворныхъ людей, рекохомъ, яко чуждое и притворное можетъ быти посланіе, истинное никако же, и молихомъ да намъ его покажетъ. Префектъ же болѣе возъярся и рече: „Аще до показанія прійдетъ, злѣ пострадати имате“; ми же, давши мѣсто неправедному гнѣву, поклонилися отъидохомъ. И прежде даже не взійти ученикомъ изъ школь, проходящи врата академіи и видящи прибитую противъ насъ написанную ексклюзію, си есть причину изгнанія нашего, прочтохомъ ю. Вкратцѣ заключаешся же въ ней разумніе сиево: Понеже Іустинъ и Василій, по проименованію Барскіи, познашася, яко отъ странъ

Кіевскихъ суть и противніи Каѳалической Римской церкви, для того по регуламъ и правиламъ Академіи нашей Езувитской Львовской не имуть въ ней мѣста, но изганяются явѣ. Сія прочетши, идохомъ скоро въ домъ свой, премѣнивши срамъ на дерзость, печаль же на радость, разсуждаючи, яко вина изгнанія нашего не толко бысть безчестна, но и честна. Како бо нечестна въ Бозѣ, егда явѣ въ семь градѣ прославиша насъ, яко есмь православніи христіане, сии Восточной Соборной и Апостолской церкви, и противніи неправославно и еретическо мудрствующимъ, си есть послѣднимъ и новопроявшимся вимисленникомъ и чадомъ Западной Римской церкви? Како нечестное бысть изгнаніе чрезъ лжу и хитрость и ненависть людскую содѣянное? Самъ же отъ самаго Христа Спасителя міру блажимое: „Блаженни бо“, рече, „изгнанни правди ради, яко тѣхъ есть царство небесное“; и паки: „Блаженни есте, егда поносятъ вамъ и ижденуть вы и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, Мене ради“. Сія убо и ина сицева пришедши въ домъ и размишляючи, безмолствовахомъ, никаможе исходящи, но совѣтующися съ собою едину седмицу, что имамы творити. Азь убо совѣтовахъ, да проживши нѣсколко мѣсяцей въ Львовѣ и научившись бесѣди добрѣ Полской, паки повратимся въ православній и богоспасаемій градъ Кіевъ, мерзящи необычно, яко вси церкви Рускіи и монастырѣ волною и неволною поврежденни бяху унією, и вѣдаючи свою немощь въ деньгахъ, которыхъ я мало имѣлъ, понеже, якоже предъ писяхъ, нечаянно и спѣшно изійдохъ отъ отечества, въ небитіи отца моего; Іустинъ же Леннѣцкій, мнимій мой братъ, истинній же сожитель и спутникъ, понеже денги имѣяше многи, не хотяше пріяти совѣта моего, ниже собившагося безчестія, но совѣтоваше всячески, да при-

падемъ къ нѣкому великому и знаменитому лицу, молящи, да его ходотайствомъ и предстательствомъ паки пріяти будемъ въ училище. Азь же повиновался ему, аки возрастомъ старѣйшему и ученіемъ силнѣйшему и мнимому первому брату. Идохомъ же купно по согласію въ катедралній монастирь къ епископу Рускому бывшему тогда Аѳанасію Шептицкому и откривши ему вся подробну, молихомъ его о ходотайствѣ; онъ же умилился о насъ и обѣщаеся намъ сотворити сіе благодѣяніе, понеже великое пріятельство имѣяше съ Латыны, и абіе призвавъ архидіакона своего и рече ему: „Пойди съ сими юношами къ ректору и рци, яко привѣтствую ихъ любезно и прошу прилѣжно, да пріимуть сихъ студентовъ паки въ Академію, ибо отъ моея епархіи суть и вѣмъ ихъ отечество, но яко они суще и чуждыхъ странъ зрѣти желающе, отъидоша точію до Кіева, виденія ради, и паки возвратишася въ свое отечество“. Мы же, слышаши сія, поклонихомся ему до земли и благодарствовахомъ. По повелѣнію убо его, поведшу насъ предъ ректора и префекта архидіакону и рекшу, яко же научи его, аще и не хотяху насъ пріяти, прекословящи довольно, яко по эксклюзії нѣсть обичая паки пріимати, обаче ради великаго пріятельства епископскаго и ради прилѣжнаго архидіакона моленія, обѣщаша насъ пріяти паки и повелѣша намъ утро прійти въ Академію. Намъ же поклонившимся и благодарившимъ архидіакону, отъйдохомъ въ домъ съ радостію. Утру же бывшу прійдохомъ въ Академію и пріять насъ префектъ и паки вручи насъ профессору въ Реторику, исповѣдавши ему тайну вину нашего возвращенія. Шатахуся же мнози и удивляхуся и отъ зависти не вѣдаху, что творити, и недоумѣваху, како се сотворися необычное и неслыханное. Глаголаху бо, отнелѣже Академія сія создася, ни-

когда же кто слышася изгнанъ сій, или праведнѣ или неправеднѣ, паки пріять быти. Мы же молчаніемъ внутри сердцемъ благодарихомъ Бога за о насъ Его бывшее смотрѣніе, намъ убо на радость и ползу, противнымъ же на печаль и зависть. И сие ходихомъ свободно и безмолвно до школы, яко двѣ седмици и болше. Тогда начахомъ размишляти и совѣтоватися между собою, что сотворимъ. Азь убо рекохъ, яко довольно намъ есть, яко пріяти есми паки и возвратися честь намъ вспять, сего ради оставимъ самовольно ходити до школы многихъ ради винъ. 1. Да не ископають намъ паки каковую нову яму ненавидящии насъ, горшую первой. 2. Да не истяжутъ насъ о вѣрѣ, и да не принудятъ насъ къ соединенію своему папѣжници и унѣяти. 3. Да идемъ къ инимъ градомъ и видимъ инихъ людей обичай, и прочіи мнози представихъ ему причины. Спутникъ же мой Іустинъ совѣтова, да не оставимъ школы даже до праздника Латинского Воскресенія Христова. Бысть бо тогда недалече поста конецъ великаго. И тако сотворихомъ. Мы убо, яко чловѣци, различная помишляхомъ и совѣтовахомся, Богъ же иное нѣчто лучшее о насъ промишляше. И слыши въ то время нѣкій попъ Рускій, младъ овдовѣвшій, мужъ учень, ради разгнанія своей печали готовяшеся по Воскресеніи Христовомъ итти въ Римъ, мы же имущи его пріятеля, поревновахомъ ему и возжелахомъ съ нимъ купно ити; онъ же и радостень бысть, ради спутнической дружби. И сие, давши другъ другу слово и обѣщаніе, начахомъ предуготовлятися и ми. Мнѣ же не бысть толь желаніе до Рима, елико до святителя Христова Николая въ Баръ градъ. Егда бо еще цѣлихъ оную предреченную великую язву на нозѣ моей, общахъ Богу по исцѣленіи далекій подяти трудъ, въ благодареніе благодати Его; аще же и

денегъ при себѣ зѣло мало имѣхъ, но повергохъ себе на промишленіе Божіе и на милость христіанскую. Предупованіе же наше бысть сичево: Умислихомъ первіе пти въ катедру Епископскую Львовскую къ своимъ благодѣтелямъ, хотящи молити ихъ, да яко совѣтники и наставники наши будучи въ прежнемъ случаи, дадутъ намъ здравій совѣтъ къ умишленію и произволенію нашему; но понеже тогда Свѣтлія Пасхы праздновахуса дни, сего ради праздникомъ Воскресенія Христова идохомъ третіяго дне привѣстовать ихъ. Привѣстовахомъ убо архидіакона, и игумена, и намѣстника, и прочая знатнѣйшая лица, послѣди же и намѣреніе наше архидіакону открихомъ, чесому онъ не точію не отрече, но и благоволи въ семь намъ помочествовати обѣщася, радъ бо бысть о семь зѣло, понеже вѣроятно имѣяше быти ззувитамъ епископское предписанное о насъ свидѣтельство и ходотайство. Сего ради повелѣ намъ, да предуготовившися утро прійдемъ къ епископу съ привѣтствователными словеси, си есть съ ораціями. Сіе же намъ безъ укосненія сотворшимъ и заутро зѣло рано ускорившимъ, по службѣ Божіей и по трапезѣ, идохомъ вкупѣ со архидіакономъ и привѣстовахомъ его, но въ тойжде ораціи и нѣсколко словесъ о намѣреніи нашемъ приложихомъ, чесому архіерей радостень бысть зѣло, и абіе повелѣ призвати писара и написати намъ безъ укосненія патента, си есть грамоти свидѣлствованни, и съ теми по совѣту его идохомъ къ ректору школь и къ архиепископу Полскому и отъ нихъ взяхомъ патенти, въ которыхъ написано быше, яко оньсица и оньсица Русса, отъ области Лешеской, студенти школь Львовскихъ, грядуть къ Риму и проч. Взявши убо ми патента и предуготовивши себѣ облеченія пелгримская, си есть путническая, понеже не готовъ еще быше попь, имый съ нами путешествовати.

Имущи время и хотящи себе искусити, какови намъ имуть явитися труды путешествія, идохомъ за три милѣ отъ Льова къ Жовквѣ городу, поклоненія ради мощемъ святаго мученика Іоанна Сочавского. Прійдохомъ же къ инокамъ, тамо при храмѣ мощей обитающимъ, и пріять насъ игумень честно съ вечера, со всякимъ учрежденіемъ и упокоеніемъ. Заутра же, по службѣ Божіей, лобизахомъ мощи святаго мученика; таже званны быхомъ паки къ игумену, иже учреди насъ паки трапезою доволною. И абіе воставши отъ трапези и благодареніе Богу и всѣмъ инокамъ сотворши, отклонихомся, идохомъ до монастыра, именуемаго Креховского, идѣже dospѣвши на вечерню, быхомъ въ церкви и видѣхомъ вся по чину инокъ изряднѣ правящаяся. Послѣди же отъ игумена и братіи звахомся въ трапезу и тамо такожде видѣхомъ благочиніе и пріяти быхомъ честно. Тамо вси смиренніи, страннолюбивіи и зѣло добронравніи иноки. Тамо четири церкви внутрь монастыра, а пятая внѣ, въ лѣсѣ; отъ нихъ же первоначальная въ честь Преображенія Христова есть сооруженна. Тамо игумень на единъ точію годъ поставляется и равень со братією во власти, точію именемъ и достоинствомъ болшій разумѣется быти. Словомъ рещи, всемъ достохвалная обитель. Тамо мы пренощевахомъ; заутра же, по прошенію нашему, дадоша намъ патента, свидѣтельствующая путь къ Риму, съ приложеніемъ монастырской печати и подписомъ игуменской руки. Таже по учрежденіи трапези и благодареніи, отклонихомся, идохомъ паки до Льова инымъ путемъ, но не успѣхомъ того дня возвратитися къ нему, понеже, погубивши путь, блудихомъ въ пустомъ лѣсѣ много. Для того обнощевахомъ у нѣкоего священника въ веси Ясликахъ. Заутра же воставши возвратихомся въ Львовъ, благопоспѣшно, и показася намъ путешество-

ваніе радостное и полезное. Быхомъ же тогожде дня на праздниѣ святого великомученика Георгія, празднуемаго въ катедрѣ Львовской епископіи. По праздниѣ же въ три дни предуготовихомъ пелgrimскіе къ путешествію одежды и вся, яже быша потребна. Таже идомъ къ монастыру Рускому Іоанна Богослова, которій на предградіи Львовскомъ, на прекрасномъ и уединенномъ обрѣтается мѣстѣ. Тамо имѣхомъ самаго игумена, духовного нашего отца и великаго благодѣтеля, нѣкоего Пахомія Гучинского, мужа страннолюбива, благонравна; при немъ же азъ, новопришедшій, нѣколико время жителствовахъ и многое благодѣяніе отъ него получихъ. Тому убо всечестному игумену исповѣдахомъ грѣхи своя и вручихомъ книги наши, одежды же студенскіе и вся, яже имѣяхомъ, вещи; сами же облекомся въ одежды пелgrimскіи, по общему тамошнему обикновенію отходящихъ въ Римъ. Есть же одѣяніе пелgrimское сипцево: одежда черна, или отъ платъ, или отъ сукна, не имуща воскрилій раздѣльныхъ, но совокупно сошвенна, на подобіе стихара діаконскаго, точію съ узкими рукавами, которую пелgrimы носятъ внѣ верху своихъ обичныхъ одеждъ, подъ сею сокровенныхъ, и на персехъ носятъ повешень крестъ извязанній внѣ одежды; поясъ реманъ и при боку тиквица, ради ношенія води въ мѣстѣхъ безводныхъ; мѣшець на плечахъ съ нужными вещами; плащикъ кратокъ сверху, еликъ точію доволенъ покрыти плещи отъ дожда, и мѣшець отъ платна увощеннаго сошвень, подобнаго кожѣ черной; сандалія на ногахъ крѣпко обвязана; шлемъ чернь, кругло верху главы распростерть; и въ руцѣ жезль толстъ, висотою досязающъ даже до главы, нарочно лѣпо виточень и очернень. Въ сипцеви убо и ми облекшеся одежды, попь же съ послушникомъ своимъ въ

маломъ чемъ различествующіи, идохомъ вси четири первіи въ монастырь катедралній и послѣ служби Божіей и по трапезѣ отклонившіся и милостиню отъ него взявши, такожде привѣтствовавши и прочіихъ нашихъ благодѣтелей и пріятелей, отъидохомъ оттуду со многимъ провожденіемъ знаемыхъ и сосѣдовъ и облобизавшіся съ ними, внѣ града на поли далече разлучихомся. Таже сами, съ единымъ точію Богомъ, призвавши Его на помощь и Ему навсегда поручившіся, пустихомся въ намѣренній нашъ путь, и, прешедши три Полскіи миля, dospѣхомъ, яко о второмъ часѣ нощи, къ веси, нарицаемой Криница, въ ней же нощевахомъ въ дому родителей священника, съ нами грядущаго, со всякимъ страннопріятіемъ и покоеніемъ. Утро же, по службѣ Божіей, въ недѣлю, учреждахомся до полудни; таже мало препочивши, оттуду идохомъ, яко польмилѣ, къ граду, нарицаемому Грудень или Городъ, и тамо обнощевахомъ въ честномъ дому. Заутра же въ понеделокъ, мало нѣчто снѣвши, идохомъ со многимъ провожденіемъ и плачемъ и лобизаніемъ знаемыхъ, сродниковъ, сосѣдовъ и ближнихъ же и родителей вишепомянутаго сопутника нашего священника и разлучившіся отъ нихъ со крайнимъ цѣлованіемъ, преидохомъ яко милою едину, и мимошедши веси Годвишнюю и Опани, таже паки милою едину, и dospѣвшими веси, нарицаемой Рудки; ту нощевахомъ у нѣкогого человѣка проста, на словѣ въ житници. Утро же востахомъ, пройдохомъ веси Новосялки и Хлопчики, таже шествовахомъ надъ рѣками, именующимися Днѣстръ и Стривяжь, которая въ Днѣстръ впадаетъ. Въ оной вода зракомъ мало зеленая, въ сей же рудоватая. Чрезъ веси Пѣняне и Бабину и dospѣхомъ на ноцъ къ граду, именуемому Самборъ, которій отъ Льова отстоитъ девяти милями и иматъ предградія долга и красна, со множе-

ствомъ вербъ, чинно насажденныхъ, еще же и школы Латинскіи. Тамо гостихомъ у зѣло благонравныхъ и страннолюбивыхъ людей, со всякимъ довольствомъ и упокоеніемъ чрезъ два дни. Оттуду же идохомъ до стараго мѣста, яко двѣ милѣ, идѣже прежде Самборъ бысть, идѣже нощевахомъ такожде у единого страннолюбива. Заутра же, возсіявшу солнцу, оттуду идохомъ три поприща къ знаменитому монастыру Спасскому, въ немъ же обитаетъ епископъ Перемышльскій. Сего монастыря, аще тамо и знаменитъ слышится, описати не возмогохъ, ибо не токмо лѣпоты его внутрія не видѣхомъ, но и внѣшнія добрѣ не разсмотрѣхомъ: ибо еще точію намъ подъ монастырскую нѣкоего древа сѣнію сѣдшимъ и бесѣдующимъ о красотѣ обители тоя, абіе по случаю изійде отъ монастырскихъ вратъ епископъ, именуемій Іеронимъ Уштрицкій; ми же егда возмогохомъ познати его, ибо не яко епископъ, но яко мучитель нѣкій и разбойникъ, гордости и ярости исполненній, изійде въ худихъ одеждахъ, едину токмо послѣдующу ему мірянину. Ми же узрѣвши его, аще и недоумѣвахомъ, кто есть, обаче абіе воскочихомъ отъ мѣстъ своихъ и должное, аки епископу, сотворихомъ поклоненіе. Онъ же абіе сими насъ привѣтствова словеси: Откуда? Зачимъ? Пощо? Ми же отвѣтствовали: „Странни есми, владыко святій“. Онъ же, превративши очесъ своихъ зѣници, воскочи ногами и не аки пастиръ ко овцамъ, но аки хищній волкъ, ослѣпленъ унѣю немисленніи очеса, искій незлобивіи овцы, на пажитѣ православнія пасущіяся, поглотити, внезапно на насъ страшній въ сѣхъ словесахъ испусти гласъ: „фортъ, фортъ, фортъ, прочь, прочь, прочь“ и прочая, отъ діавола тогда ему во умъ влагаемая словеса. Ми же абіе бѣжахомъ отъ лица его и яхомся пути, поминающіе оніи словеса Христа Спасителя: „Блаженни есте, егда поносятъ вамъ, иж-

денуть вы“ и прочая, и не смущающихся, но паче радующихся ради послѣдующихъ словесъ: „Радуйтесь и веселѣйтесь, яко мзда ваша на небесѣхъ“, идохомъ спѣшно полмилѣ и прійдохомъ къ инному монастырю, именуемому Лаура. Тамо страннолюбно пріяти быхомъ и патентъ отъ монастыря взяхомъ и оттолѣ идохомъ полтори ¹ мылѣ надъ потоками, по камены текущими, и путемъ каменнороднымъ до веси нарицаемой Стебныць, и тамо нощевахомъ въ дворѣ панскомъ безъ бытности его, тогда самому точію бывшему и просившему насъ подстаростому. Заутра же воставшы шествовахомъ три мылѣ и dospѣвши до веси, нарицаемой Угорцы, тамо нощевахомъ у нѣкоего священника. Заутра же въ недѣлю по службѣ Божей и по угощеніи отъ тогожде священника, безъ закосненія идохомъ паки горами двѣ мыли велики надъ рѣкою, каменіе удивительное имущою, dospѣхомъ до Балигорода, мѣста пограничнаго. У Балигородѣ замедлихомъ чрезъ два дны. Тамо Жидове и денги намъ дароваша на харчъ подорожную, имѣхомъ бо къ всѣмъ вездѣсущимъ Жидамъ отъ кагалу Львовскаго патента чрезъ ходатайство единого еврея, данное намъ за нѣкое наше прежде къ нему благодареніе. Тамо гостихомъ у старосты, страннолюбива и милостива человѣка, иже, егда оттуду отидохомъ, даде намъ и человѣка проводника, понеже путь тяжекъ и непроходимъ бѣ, и горы каменны превисоки, каменъ на камены аки бы рукамы положенны имущіи. Егда же преидохомъ мылю едину, и приведе насъ до нѣкоей веси и оттуду дадоша намъ иннаго проводника за повелѣніемъ предъреченнаго Балигородскаго старости, и съ нимъ прешедшы къ веси, нарицаемой Воля, нощевахомъ въ нѣкоего священника Самуила, мужа страннолюбива, иже отъ любви своей и благаго произволенія въ утріе приведе насъ (въ) гору

¹ Отсюда въ Уваровскомъ спискѣ начинается собственноручная рукопись Барскаго.

великую и ужасную, лѣсамы густыми зарастшую, нарицаемую Бескидь, того ради яко тамо разбойничомъ есть мѣсто угодное и бѣдное преходящихъ шествованіе. Обаче что имѣхомъ творити не имѣючи иннаго пути, ибо далекимъ разстояніемъ протяжеса оная гора и немощно было обыйти ю. Сего ради, Бога на помощь призвавши, идохомъ спѣшно съ више помянутимъ священникомъ и возшедши на верхъ тся горы, на немъ же Полская убо кончается, Венгерская же начинается граница. Тамо опочивши мало, видѣхомъ облаки сие низко ходящія, яки и главамъ нашимъ касася. Таможе недалече отстоящую видѣхомъ навсѣвысочайшую гору съ многими снѣгами, имъ же бы и неприлично било быты тогда въ лѣтное время, но понеже высока есть зѣло, того ради всегда на ней хлади обрѣтаются. Повѣствоваху же намъ мнози, яко тамо снѣзи многолѣтны суть въ вертепахъ крѣющіися, снѣгъ бо ветхій лежитъ до новаго, тойже до втораго и паки третій до иннаго, и тако никогда же до конца исчезнути не могутъ. Мы же видѣвши таковое разнство стихій и Божию сіе смотрѣнію восписавши, пойдомъ отуду долу обонъ полъ гори Бескида и снѣгохъ невредимы на землю Венгерскую. Богу тогда смырившу къ нѣкому властелину всякое разбойническое зло. Посемъ разлучихомся съ онымъ священникомъ провождающимъ насъ и путешествовахомъ паки самы чрезъ мѣста, въ которыхъ народъ краткое и тѣсное одѣяніе имать, и языкъ удивительный, его же мы не могохомъ разумѣти отнюдь. Прешедши убо дня того три мылѣ, доспѣхомъ къ веси, нарицаемой Грушевъ. Тамо едва возмогахомъ упроситися на пощеваніе въ домъ, понеже ниже они нашего, ниже мы ихъ возмогахомъ распознати нарѣчія, точію помяніемъ рукъ. Заутра же воставши и прешедши мылю

едину, прійдохомъ до мѣстечка, еже нарицается Гуменное. Тамо замедлѣхомъ полтора дня, и оттуду въ субботу по полудны идохомъ двѣ мылѣ чрезъ весы Страское и Грушевь, и угощеваша насъ въ тыхъ страннолюбыи человѣцы, и нощевахомъ въ Грушевѣ. Заутра же въ недѣлю шествующи на путы и удалившия мало отъ сопутниковъ своихъ ради нужды тѣлесной, соблюдихъ отъ пути праваго достигаючи ихъ, и по невѣжеству разлучихся и пойдохъ путемъ инымъ и прейдохъ самъ мылю едину и достигохъ до веси, нарицаемой Парховѣяны, и въ ней обнощевахъ. Заутра же зѣло рано воставшы шествовахъ три мылѣ и прейдохъ веси Бачко, Клечановъ и Бѣдовцы, и тамо едва случихся съ моими сопутникамы, и прешедши совокупно двѣ мылѣ, прійдохомъ къ граду, въ всей Унгаріи прослутому и знаменитому, который общимъ Венгерскимъ языкомъ именуется Кошицы, Латински же Caszovia или Кашовѣя. Сей градъ лѣпотенъ есть и крѣпокъ, крѣпокъ того ради, яко зѣло твердую имѣяше стражу: еще бо точію намъ къ первымъ града вратамъ пришедшимъ, абіе вопросиша насъ стражіе: Кто? Откуда? Зачимъ? Мы же небоязненно отвѣщахомъ: Путницы есмы отъ Полскихъ странъ грядущіи къ преславному граду Риму. Оны же требовашу отъ насъ свидѣтельства, си есть патентовъ. Мы же аще и дадохомъ, обаче еще не попустиша намъ вныти, но повелѣша ждати, донелѣже покажетъ властелину града и повратится отъ него. И бысть тако. Таже возвратившися и отдавши коемуждо своя патенты, повелѣша намъ ити внутрь. Мы же прешедши стражу первую, выдѣхомъ лѣпоту его внѣшнюю градущи чрезъ мостъ, на мурованныхъ столпахъ стоящъ, и видящи подь нымъ въ глубокомъ и широкомъ рвѣ окрестъ града текущую воду. Таже идохомъ чрезъ вторую стражу, въ вратахъ каменно-

зданныхъ стоящую. Прешедши же невозбранно, видѣхомъ второй ровъ широкъ и глубокъ, такожде воду въ себѣ имущій, но огражденъ каменіемъ сюду и сюду. Таже паки преидомъ третію стражу, такоже въ вратахъ каменныхъ стоящую, послѣди же и въ третьихъ вратѣхъ четвертую пройдохомъ стражу. Таже внидохомъ внутрь самага града уже темному вечеру бывшу, и прійдохомъ къ нѣкому скуделнику въ домъ, добронравну и страннолюбну чловѣку, и въ него ношевахомъ и гостыхомъ полтора дня просяще мылостини по граду, аще и не безъ срама бысть намъ сіе новое художество. Лѣпота же внутреняя града сего бысть сіа: 1. Каменные суть вси дома, едины верху другихъ стоящіи, красны, бѣлы, чисты, отъ нихъ же многи суть съ желѣзными кратами, на окнахъ, нѣціи же и съ желѣзными дверьми, и отъвнѣ красками упещренны. 2. Вода посредѣ града течеть потокомъ узкимъ каменнозданнымъ, обаче быстримъ, и измиваетъ всякую нечистоту, отъ смрадныхъ и сокровенныхъ мѣстъ исходящую и коегождо дому извергаемую. 3. Кійждо домъ и подворіе имать свой кладязь, отъ камены сочиненный, и всякъ отъ своего почерпаетъ избылно и ни отъ кого же требуетъ воды. 4. Костели и кляшторы тамо аще и немноги, обаче суть изрядны отъвнѣ и отъвнутрь строеніемъ и столпы или звоницы, при коемъждо храмѣ стоящіи, такожде лѣпотны, найпаче же костель Фарскій, аки бы у Русовъ нарицаемая первоначальная или соборная церковь красотою своею и иждивеніемъ вся превосходитъ, отъ самага бо сѣченнаго составленъ каменія зѣло искуснымъ художествомъ, такожде и вежа его или звоница. 5. Улицы чисты ниже мало блата имущіи, каменіемъ бо суть помощенны нарочно косо, да въ время дождевно омываются и да истекаетъ отъ нихъ

вода въ предписанный каменный потокъ чрезъ градъ текущій. 6. Конецъ и глава всѣмъ красотамъ тамо обрѣтается столпъ каменный года 1724 новосозданный зѣло искуснымъ художествомъ и расположеніемъ на три углы, посредѣ града стоящъ, на немъ же ангелы на облачѣхъ сѣдящіи по краяхъ угловъ отъ низу даже до верха изображенны. Верху же онаго столпа отъ тогожде камня Пресвятая Дѣва Богородица хитростнѣ и лѣпотнѣ изсѣченна, дванадцать златыхъ звѣздъ окрестъ главы своей имущая, съ смиреннымъ и умыленнымъ лицомъ право на ногахъ стоящая. Ниже же ангеловъ повѣшенна мѣдяна доска, златый надпись имущая Латинскіи симы словеси, но мало здѣ сокращенными: *Beatissima Virgo Maria, tuo honori hoc nostrum consecramus opus, conserva nos famulos tuos a peste, labe, bello etc.* Си есть: Преблагенная Дѣво Маріе, Твоей чести сіе наше освящаемъ дѣло, сохраняй насъ, рабовъ Твоихъ, отъ губительства, вреда, браны и прочая и прочая. Ниже же тоя доски на камени отъ единнаго столпа страны изрито надписаніе сіе: *Ave Dei Patris Filia*: радуйся Бога Отца дщерь; на другой же странѣ сіе: *Ave Dei Filii Mater*: радуйся Бога Сына Маты; на третьей же странѣ сіе: *Ave Dei Spiritus Sancti Sponsa*: радуйся Бога Духа Святаго невѣсто. Низу же окрестъ онаго столпа суть степени каменнозданны, на ныхъ же нѣціи Латинскіи святыи отъ камени такожде изсѣченны стоятъ. Таже при самой земли окрестъ основанія суть хоры или ганки, имущіи баляси, такожде отъ камня изсѣченны, на ныхъже суть окрестъ стоящіи лѣхтарнѣ, которіи зажигаются въ первый часъ ноцы. Суть же тамо избранныи отъ коллегіи студенты или ученики сладкогласны, иже утро восходящу слонцу и въ вечеръ паки заходящу поють пѣсны красны нарочно сложенны, которіи и азъ слышахъ и

*

насладихся до зѣла. Оттуду изійдохомъ въ среду по полудны иннымъ градскими враты и видѣхомъ стражъ тверду, яко же и въ предреченныхъ. И оходящи окрест града на путь нашъ, выдѣхомъ жестокую казнѣ злѣ творящимъ, си есть рукъ, и ногъ, и главъ человѣческихъ множество по висалницахъ и паляхъ и на гакахъ желѣзныхъ висящихъ, ветхыхъ же и новыхъ, яко едва отъ смрада возмогахомъ преминути и отъ ужаса сердечнаго. Разлучися же тамо отъ насъ сопутникъ нашъ попп Стефанъ, иже съ нами совокупно изыйде отъ Лвова, стыдящися бо съ нами въ дружбѣ быти, понеже мылостины просихомъ, и онъ убо съ послушникомъ своимъ инымъ путемъ отъиде. Азь же съ другомъ моимъ Іустиномъ Леннѣцкимъ, иннымъ простшымъ, яко же насъ наставыша искусніи люде, и прешедшы едину мылю, dospѣхомъ къ веси, именуемой Ганиска; тамо у началствующаго дадоша намъ мылостиню малу, пива же довольно въ сосудъ, и нощевахомъ у винника его. Заутра же, въ четвертокъ, на Вознесеніе Господа нашего Ісуса Христа, быхомъ въ костелѣ на службѣ Римской, ибо далече отстояше церковь наша. Послѣди же быхомъ у плебана, си есть у Латинскаго мірскаго попа, и принявши отъ него мылостиню малу, идохомъ двѣ мылѣ чрезъ Нагидовъ, въ которой едини Калвины обитаху, точію первоначальный господинъ Латинъ зѣ Кошицъ dospѣхомъ къ веси, нарицаемой Гарадна, яже имѣяше въ себѣ отчасты Калвиновъ, отчасты же Папѣстановъ. Тамо мы нощевахомъ у нѣкоего человѣка блага, Рускую содержащаго вѣру. Но вѣдомо да будетъ, яко по всей Венгерской земли аще и различныхъ вѣрь обрѣтаются людіе, обаче вси суть страннолюбивы. Оттуда заутра въ пятокъ воставшы идохомъ двѣ мили долгихъ, и приспѣхомъ до мѣстечка, именуемаго Сиксовъ, въ которомъ самыи Калвини жител-

ствують, точію два или три Римскаго исповѣданія. Тамо быхомъ въ колегіумъ Калвинскомъ у директора и пріять насъ страннолюбно и напои насъ доволно виномъ. Оттуду идохомъ мылю едину до веси, проименованной Арновецъ, имущой въ себѣ разновѣрныхъ людей. Тамо ношевахомъ въ дому нѣкоего Русина добра человѣка. Заутра же въ субботу воставшы идохомъ мылю едину къ мѣстечку, именуемому Мышковцы, такожде различнаго исповѣданія христіанъ въ себѣ содержащему, болшую же часть Калвинскаго, которіи тамо и колегіумъ училищъ своихъ имуть. Тамо испросивши отъ нѣкихъ домовъ мылостиню и мало нѣчто отъ пирь своихъ снѣвши, идохомъ между виноградамы и видѣхомъ продающихъ въ оградахъ вино; даяху же и намъ пити. Тамо мя остави съпутникъ мой Іустинъ и самъ поиде спѣшно. Азъ же самъ оставшися и шествующи погубыхъ путъ мой и блудыхъ и утрудившися возлегохъ при пути, не боящися никогоже: слышахъ бо, яко нѣсть мощно изобрѣсти въ всей земли Венгерской разбойниковъ и инныхъ злотворниковъ. И егда уснухъ отъ вина и отъ труда крѣпко, обрѣтеса мимо ходяй золь человѣкъ и сня съ главы моей шлемъ новый, егоже ношахъ, си есть капелюшъ, и возложи на мя свой ветхый и раздранный. Азъ же неразсужденію моему сіе причеть, яко уснухъ самъ единъ при пути, похваливъ же и рассужденіе татія, яко не остави мя отнюдь безъ покрова и ниже мало о семь скорбя, чаючи болшую мылостиню получаютъ въ старомъ капелюши. И прешедши оттуду едину мылю, прійдохъ ко веси Руской, нарицаемой Герембель. Тамо гостыхъ въ дворѣ священническомъ и пріять быхъ честно. По трапезѣ же оттуду идохъ двѣ мыли и прійдохъ къ веси, нарицаемой Гестъ, Калвинскихъ въ себѣ людей содержащей. Тамо ношевахъ въ дому единого калвина, страннолюбива. Заутра же въ недѣлю

идохъ мылю, блудихъ же инную паки мылю, таже прійдохъ къ веси, именуемой Тардъ, въ ней же людіе Папѣжскую содержатъ вѣру; точію тамо два или три Русины обитають языкомъ и исповѣданіемъ вѣры. Тамо азъ препочихъ въ нѣкоего Русина убога человѣка, обаче добронравна и страннлюбива, и ядохъ у него обѣдъ. Послѣди же мало замедлѣвши идохъ мылю долгу и прійдохъ къ граду знаменитому, именуемому Эгра. Тамо такожде, яко же и въ Кошипахъ, не допустиша намъ внѣйти въ градъ, донелѣже не донесоша и не показаша стражіе нашихъ патентовъ начальнику града (вси бо тамо четиры снѣйдохомся вкупѣ: Богу сиче содѣйствовавшу), обаче аще и свидѣтельство о насъ чтоша, но не допустиша намъ внѣйти въ градъ, вечеръ бо бысть, но повелѣша ждаты до утра. Мы же кѣждо особно идохомъ напредь-градіе къ домамъ и пощевахомъ тамо, идѣже кто у кого могль упроситися. Заутра же возсіявшу слонцу невозбранно внѣйдохомъ въ градъ и раздѣлихся отъ сопутниковъ своихъ, гнѣваяся за то, яко мя оставиша прежде, и пребыхъ чрезъ понедѣлокъ въ нѣкоего человѣка православна, Арацкую вѣру держащаго. Суть бо тамо Араци сиче именующіися, можетъ быти по бесѣдѣ ихъ Грецы, ибо Греческаго суть исповѣданія, и церковь свою имуть особну, въ которую чуждостраннымъ входить не попускають, ибо и стражныкъ всегда при дверехъ стоитъ, и иже хотяща мя, зѣло и многоажди покушающася внѣйти, всячески возбраняше. Сему азъ удивихся довольно, яко сичеву имуть тверду вѣру, яко не токмо Папѣжскимъ людемъ, но и Грекомъ и Русомъ, отъ незнаемыхъ странъ пришедшимъ, запрещають входа. Сей градъ каменною обведенъ есть стѣною и внутрь лѣпотень есть, но не якоже Кошицы, и мало имать домовъ каменныхъ, но вси древяны. Тамо обрѣтаются и столпи Турецкіи

зѣло тонко мурованы, на которыхъ оны гласиша на свое мерзское правило, егда обладаша градомъ симъ. Суть тамо и школы Латинскіи, точію по Реторику, и епископъ папи Римскаго престолъ свой имать. Къ нему же мы ходихомъ и просихомъ отъ него патента, онъ же не точію не отрече, но и повелѣ написать воскорѣ. И тако спутшественныи мои, не извѣстивши мнѣ, взяша патенты самы и отъидоша въ понедѣлокъ. Азъ же, егда увѣдавъ о семъ, воскорбѣхъ мало и помянухъ словеса сія отъ Псалмопѣвца: „Друзи мои и искреннии мои прямо мнѣ сташа и ближнии мои отъдалече мене сташа“. Идохъ же въ второкъ по полудни къ писару катедралному и взяхъ отъ него патентъ за денгы, ибо не хотяше никому же дати кромѣ денегъ. Сего ради единъ отъ насъ и безъ патента Эгрицкаго отъиде. Таже Бога призвавши на помощь, да сохранить мя отъ всякаго зла, идохъ спѣшно три мыли до веси, нарицаемой Домословъ, и тамо нощевахъ въ дому нѣкоего человѣка страннолюбыва. Заутра же въ среду рано воставшы отъ сна, еще предъ восхожденіемъ слонца, хотѣхъ бо спѣшно шествовати и достигнуты сопутниковъ своихъ. И прешедши мылю едину велику, прійдохъ до мѣстечка именуемаго Денгешъ. Сіе мѣсто было бы изрядно, аще бы было огражденно; имать бо и училища Латинская даже до Ретореки. Тамо азъ отъ началнѣйшихъ домовъ испросивши мылостиню идохъ оттуду. Прешедши же отъ мѣста яко поприще едино, абіе возшумѣ отъ небеси дождь великъ, азъ же сокрыхся въ млынъ, недалече при пути стоящій, и уснухъ отъ труда мало; воспрянувши же отъ сна и выдѣвъ, яко дождевное не престаеть лїяніе, сидѣхъ тамо пишущи мое путешествіе даже до вечера. Въ нощи же мало что отъ толцанія обращающихся колесъ, аще же въ нощи и малъ дождь бысть, обаче мня-

шеся мнѣ быты силенъ и шумень, ибо и громы слышались въ сонномъ мечтаніи; сіе же мню яко бысть отъ звука млиннаго. Рано же въ четвертокъ оттуду идохъ двѣ мыли къ веси, нирицаемой Гатвань. Тамо препочихъ мало въ плебана и хлѣбъ ядохъ, таже отъ иныхъ домовъ испросивши малу милостиню, паки шествовахъ двѣ мылѣ и доспѣхъ къ веси, именуемой Осовтъ, въ которой отчасти людіе суть, иже Лютерскую содержать вѣру, нѣціи же Папѣжскую, азъ же ношевахъ у лютра страннолюбыва. Заутра въ пятокъ воставшы, идохъ зѣло долгу милю между горами и холмами, красну траву и дубраву на себѣ имущими, прійдохъ же къ веси, зовомой Геделовъ, Калвиновъ въ себѣ содержащей. Тамо, немощи ради своей, купивши полкварти вина, испихъ и еще оттуду идохъ милю едину, такожде горами и дубравами красными, къ веси, проименованной Керепешъ. Тамо быхъ въ плебана и взяхъ отъ него милостиню зѣло малу. Таже шествовахъ двѣ мыли велики и прійдохъ до славнаго града, именуемаго Будимъ, сидящаго надъ великою рѣкою Дунаемъ, возмущенную и бѣловатую имущимъ воду. Мѣсто оно раздѣленно есть на двѣ части: единъ градъ старый, каменіемъ крѣпко и високо огражденный, на единой странѣ рѣки, именуемый Пештъ; другій каштель или замокъ новый на горѣ, такожде или крѣпчае каменною ограждень стѣною, на другой странѣ рѣки, иже именуется Латински и Нѣмецки Буда, Славенски же Будимъ; ниже же сего на равнинѣ есть торжище или базаръ, съ коморами и православная Сербская церковь и Сербовъ много живущихъ. Ни единого же града внутреня лѣпоты описаты не могу, понеже не попустиша мнѣ вныйти въ ня. Еще бо точію къ первому старому граду прійдохъ и покусихся ити въ врата, абіе стражъ вратный изгна мя, глаголя: яко чуждымъ и страннымъ входити

возбраненно есть, азъ же идохъ къ вторымъ вратамъ, на другой странѣ стоящимъ, стражіе же въ ныхъ стоящиіе рекоша мнѣ, да иду на мостъ при брезѣ рѣчномъ стоящъ, отъ него же сходятъ весь народъ на перевозъ. Превозъ же тамо аки корабль устроенный хитроснымъ и искуснымъ художествомъ тако: яко аще и не имать паросовъ, обаче самъ преплываетъ, никому же гребущу или инно что дѣлающу въ немъ. Тамо жителіе непрестанно перевозятся оттуду и отсюду, потребности ради своей. Идохъ убо и азъ на бережный мостъ и възидохъ на корабль. Взя же отъ мене стражникъ корабля патентъ и превезши мя, кромѣ мзды, иде съ мною къ крѣпости, си есть къ граду Будиму, и повелѣша мнѣ тамо стражіе ожидаты внѣ вратъ, донелѣже началствующій ихъ прочтетъ патентъ мой, егда же прочте и отсла въспять, дадоша отвѣтъ, яко нѣстъ повелѣнія входить страннымъ, кромѣ точію своихъ. Возвратившися убо азъ оттуду идохъ на нижнее предъградіе Сербское, си есть на предъреченное торжище, и тамо паки обрѣтши спутника своего Іустина, не хотѣхъ сочетатися съ нимъ, понеже гнѣвахъ на него, яко уже дважды мя оставы на пути и иныхъ многихъ ради вынь, ихъ же не хочу здѣ воспоминати, да не впаду въ грѣхъ осужденія. Ходихъ же яко до пятнадцати дворовъ молящи да пріймутъ мя на ночь, но никто же пріять, тамо бо обитають все Сербы православніи и отъ одежды пелgrimской мняху мя быти папѣстака, имъ же сущи противны, не хотѣша мя угостити. Хотѣхъ же нощевати на стогнѣ, но понеже жаждень быхъ, вопросихъ гдѣ продають пиво и показаша мнѣ, идохъ убо и повелѣхъ принести пива и сѣдши тамо пихъ, человекъ же онъ, иже продаваше пиво, бысть сербинъ православный, азъ же не вѣдя о семъ бесѣдовахъ съ нимъ многая, таже послѣди

рекохъ, яко многихъ молахъ да воспріимуть мя на ночь въ домъ, но нигдѣ же получихъ; онъ же познавъ мя отъ бесѣди, яко православный есмь, пріять мя благодарственнѣ. Прійде же тамо и сопутникъ мой Іустинъ Промысломъ Божиимъ, да соединимся паки въ союзъ любви, и радъ быстъ обѣма за православіе наше и повелѣ дати ясты и постелю къ препочиванію, ядохомъ избыточно и наситихомся и спяхомъ сладко, утруждени сущи отъ пути. Пребывахомъ же въ него чрезъ субботу и недѣлю даже до понедѣлка съ всякимъ учрежденіемъ. Сей чловѣкъ именовашеся Христофоръ Велковичъ, иже страннолюбовъ и смиренъ сущи и Христову послѣдуя образу, не точію угощеніе намъ доволное сотвори, но и грѣшныи наши утружденны нозѣ умыти повелѣ, отъ Его самаго десницы мзду воспріяти надѣяся. Еще же возвѣсти о насъ всѣмъ правовѣрнымъ Сербамъ, яко православныи есмы; таже показа намъ, идѣже архимандритъ обитаеть и повелѣ намъ да идева къ нему и возвѣстивася. Пришедшымъ же егда убо прійдохомъ къ нему привѣтствова насъ любезнѣ и вопросы насъ, аще есмы истинны Руси, смущашеся бо о одеждѣ нашей пелгримской, мы отвѣщахомъ, тако есть воистинну. Мы же видящи усумнѣвающагося его о насъ, показахомъ патента отъ монастырей Рускихъ; видѣвъ же и прочеть, увѣрися и благоволи о насъ зѣло и повелѣ намъ быти въ церквѣ своей на правилѣ, бѣ бо тогда праздникъ великъ Сошествія Святаго Духа, и быхомъ въ церквѣ Сербской на всенощномъ бдѣніи и на литургіи, юже служаше тогда архимандритъ, иже повелѣ въ церквѣ собравшемуся народу сложити намъ мылостину, и даде кійждо по силѣ своей и собрася намъ мылостина не мала. Заутра же въ понедѣлокъ, си есть на Троицу, такожде быхомъ въ церквѣ. Послѣди же съ процессією ходихомъ

по стогнахъ между домамы и благодарихомъ Бога, яко въ толь великій праздникъ Господскій сподоби насъ съ православными торжествоваты. По совершеніи же церковнаго пѣнія, званы быхомъ отъ архимандрита на трапезу и учредихомъся различными пищама до изобилія. Возвратившися же оттуду паки къ первому страннолюбцу и тамо мало препочивши и воздавши ему должное благодареніе за любовь и благодѣяніе, отъидохомъ отъ Будима града того же дня пополудни, завратившися на путь, ведущій къ Вѣсенѣ. Первіе бо намѣреніе имѣхомъ просто шествоваты чрезъ Сербію и Далмацію по суку, таже моремъ до Венеціи, но благоразсудніи намъ совѣтоваша людіе лучше ити на Вѣденъ, да и столицу цесарскую узримъ и крѣпкими себѣ въоружимъ патентами, еже и бысть. Прешедши убо отъ Будима между горама двѣ мыли, доспѣхомъ къ веси, нарицаемой Сантовъ, тамо нощевахомъ. Заутра же въ второкъ идохомъ двѣ мыли до веси, именуемой Костовъ, таже оттуду едину мѣлю до мѣстечка Острогона и тамо мало препочихомъ. Оттуду же прешедши двѣ мыли къ веси, нарицаемой Уйфаловъ, нощевахомъ въ нѣкоего челоуѣка блага. Тамо обрѣтается изрядный новосозданный костель и вежа или звонница. Утро же въ среду, прежде восхожденія солнца, идохомъ три мыли по-надъ рѣкою Дунаемъ, чрезъ весы Олшамовъ и Шунъ, и прійдохомъ подъ градъ Комарно, по другой странѣ Дуная отъ насъ стоящъ. Мы же вънутрь его не быхомъ, ибо аще и недалече отъ пути нашего отстояше, точію обонъ поль рѣки обаче превозитися не хотѣхомъ. Точію сидящи на брезѣ и омывающи нозѣ наши, яко лѣпа тамо и красна есть крѣпость, тамо особно стоящая воскрай брега рѣчнаго и твердо каменною огражденна стѣною и пушкама вооруженна. Изшедши же отъ Будима, не видѣхомъ уже болѣе ни-

каковаго страннолюбія, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго, сего ради и ношю начахомъ шествоваты, понеже та земля мырна есть отъ разбійниковъ. Отъ Комарна убо града двигнувшись чрезъ всю ночь шествовахомъ три мыли зѣло велики, таже мало препочихомъ такожде при брезѣ Дуная. Послѣди же уже кончащейся нощи прійдохомъ къ нѣкоей веси и пришедши отай на гумнѣ спяхомъ даже до возсіянія солнечнаго. Оттуду воставши въ четвертокъ идохомъ двѣ мили протяженныхъ до града, именуемаго Юрь. Тамо егда прійдохомъ къ вратамъ градскимъ, абіе стражницы вратныи взяша отъ насъ патенты и отнесоша къ старѣйшинамъ въ градъ, ради соизволенія входа. Они же отславши воспять, возбраниша. Тако бо тамо опасно блюдошася въ всѣхъ знаменитыхъ градѣхъ, яко никому же отъ чуждостранныхъ входить въ ня попускаху, наипаче же отъ странъ Лешескихъ, сичевой ради вины: яко вышше помяненный градъ Буду, року 1723, нѣкій путникъ отъ Полскихъ странъ пришедши сожже огнемъ. Оттуду мало препочивши, идохомъ едину мылю долгу и dospѣхомъ къ нѣкоей веси и тамо у плебана Латинскаго нощевахомъ. Заутра же въ пятокъ рано шествовахомъ двѣ мыли и прійдохомъ къ граду, иже обще нарицается Старій Градъ, и тамо приближившись намъ къ вратамъ тожде сотвориша, еже и въ предписанныхъ градѣхъ, и пренощевахомъ на предъградіи. Оттуду воставши идохомъ спѣшно миль пять, мало гдѣ препочиваючи и ничесо же отъ кого просящи, понеже тамо повсюду (яко же слышахомъ) повелѣніемъ кесаря заповѣданно бысть и просити и даяты мылостиню подь казню сичевою: просящаго взяти въ узы и работу ему наложить, мылющему же поплащати пять левовъ въ казну государскую. Се же бысть того ради.

понеже мнози отъ Нѣмцовъ съ женами и дѣтицы, подъ извѣтомъ шествованія до Рыма, преходящи отъ града въ градъ и отъ веси къ веси и просящи мылостивны и стужающи людемъ, многи собираху денги, сребролюбствоваху и безчинствоваху. Мы же слышавши сія, къ тому ни отъ кого же ничесо требующи, идохомъ спѣшно, имѣхомъ бо довольно въ пирѣ хлѣба и сира и тымъ доволствовахомъся. Прійдохомъ же до мѣста или града, иже нарицается Прукъ, отъ него же уже начинается земля Нѣмецкая, Венгерская же оканчивается. Тамо не точію возбраниша входить въ градъ, но и на предградіи никто же на ночь пріять насъ въ домъ свой. Тамо ношевахомъ на улицы съ купцами, тогда тамо пришедшимы съ оливою. Оттуду завтра въ недѣлю, по вислуханію служби Божой, обрѣтши и священника, съ нами въкупѣ градушаго, идохомъ двѣ мили малихъ и прійдохомъ къ нѣкоей веси прекрасной, зѣло бо подобится предреченному граду Кошицамъ, точію неограждена есть. Тамо быхомъ у рихтора, си есть у судіи, иже видѣвши наши патента, повелѣ дати намъ шпиталь, си есть гостиницу, идѣже ми пришедше купихомъ себѣ ястія и питія (понеже тогда запусъ бистъ предъ Петровимъ постомъ) и учреждахомъся съ веселіемъ, просяще Господа, да сохранитъ насъ отъ оскверненія мясь, масла, сира и прочіихъ чрезъ все постное время, понеже уже оттуду весь путь нашъ чрезъ Нѣмецкую страну имѣяше бити, и удовольившися спяхомъ довольно на сламѣ. Завтра же въ понеделокъ яко близъ полудны идохомъ оттуду двѣ мили зѣло маліе, яко полими доброй, къ славному граду, нарицаемому Вѣденъ, идѣже цесарская столица есть. Тамо аще и мнози идущихъ насъ устрашаху симъ: яко не точію непущенны будете въ градъ, но и въ темницу всажденни будете, ибо не точію мірскихъ, но и духов-

нихъ жестоко истязаютъ и воистинну всеу будетъ трудъ вашъ, его же подясте, ибо и глаголати ничтоже предъ ними возможно. Ми же ничто же сумнящеся о семъ, идохомъ дерзновенно, призвавше Бога на помощь и великаго угодника Его Святителя Николая, къ нему же наше бистъ и шествованіе. Помянухомъ бо (аще грѣшнии есми) оніе словеса: „Егда будете веденны предъ цари и владыкы, не прежде поучайте, что имате отвѣщевате, дасться бо вамъ въ той часъ, что возглаголете“, и прочая. Недалече же къ граду приходяще, видѣхомъ садъ цесарскій, аки нѣкій замокъ прекрасный, твердо и лѣпо каменіемъ огражденный, ему же почудившеся довольно идохомъ къ Вѣдню. Егда же прійдохомъ къ вратомъ первымъ, еще не къ граду, но къ преградію належачимъ, тамо отнюдь бы насъ не пустиша, ибо никого же повелѣнно пустити, найпаче же отъ странъ Польскихъ, понеже нѣкій путникъ отъ Полци, недавно предъ нами пришедый, многа зла сотворый, того ради злый добрымъ пакость содѣла; но Богу насъ снабдѣвающу, молитвами угодника Его Святителя Николая, како намъ добрѣ устроися. Егда бо стражіе начаша возбраняты намъ входить въ градъ и претити всячески, ми уже намѣреніе имѣхомъ воспять возвратитися, не умѣхомъ бо имъ ничтоже глаголати, ниже оправдितися, ибо ни ми онихъ, ни они нашего разумѣхомъ языка. Но се по случаю Божію идоша въ градъ отъ реграціи студенти Вѣденскіе, иже искусно Латинскимъ и Нѣмецкимъ діалектомъ глаголати разумѣша, молихомъ же онихъ, да наша Латинскіе отвѣти Нѣмецески истолкують; иже егда сотвориша, абіе повелѣша намъ показати патента начальнику во вратехъ, иже егда прочте и видѣвъ я новіе и достовѣрніе, еще же къ тому и недавно число въ нихъ написанное, ятъ намъ вѣру и подписа руку

свою, да пропустятъ насъ чрезъ предъградіе. Идохомъ же смѣло, никомуже насъ вопрошающу или воспящую чрезъ предградіе долгое и широкое окрестъ града обстоящее. Тамо видѣхомъ доми, всѣ отъ перваго даже до послѣднего лѣпотнымъ и искуснымъ составленни иждивеніемъ, найпаче же домъ зѣло красенъ и великъ, имущъ позлащенія верхи: сія бяху внѣшніи полати цесарскіи. Егда узрѣхомъ почудихомся не мало и уже разумѣхомъ самій то быти градъ, но соблудихомъ въ мнѣніи. Егда бо преидохомъ предъградіе, узрѣхомъ градъ, яко два поприща отъ предградія отстоящъ. Его же внѣшняя точію красота улады наша зѣнци и сердца. Видѣхомъ бо прекрасніе костели, вежи, доми, и много поверху злата блещагося. Видѣхомъ же и стражници около вратъ градскихъ на валахъ стоящіи и позлащенія по мѣди верхи имущіе. Преидохомъ же мостъ каменный великъ, подъ него же течеть вода, таже прійдохомъ къ единимъ вратомъ градскимъ. Тамо аще и видѣша и чтоша наши патента, обаче входа жестоко возбраняху, заповѣдъ бо велику имѣяху, да никого же пустять, повелѣша убо намъ, да идемъ на другую страну къ вторимъ града вратомъ. Ми же идохомъ съболѣзнующе суетному труду нашему и просяще Господа о помощь и Святителя Христова Николая, невозможно бо отнюдь бы било перейти къ Риму или къ Бару, ибо отъ многихъ слишахомъ, яко неимущихъ Вѣденскаго патента берутъ на галелы, си есть на вѣчную въ узахъ работу, идѣже отъ тяжестнаго труда и повседневной работы безвремени жизнь свою скончаваютъ. Егда же прійдохомъ къ инымъ вратомъ, и тамо подобнѣ намъ отрекоша и повелѣша намъ ити къ инымъ вратомъ. Ми же идохомъ возвергше на Господа печаль нашу, но и тамо отвѣтъ таковій же воспріяхомъ. Хотѣша бо еще насъ отслаты къ иннимъ вратомъ, обаче

милосердный Богъ промишляя о насъ, да не всеу трудъ нашъ будетъ, милостивъ бо есть и истиненъ всѣмъ призывающимъ имя Его. И се нѣкій человѣкъ знаменитъ идетъ отъ града, иже зная добръ нужду путническую и видя насъ не могущихъ достигнути къ граду, совѣтова стражникомъ ласкателнѣ, да единъ отъ насъ съ стражею взявши патента идетъ къ нунціушу, си есть архіепископу, отъ самаго Папи тамо поставленному. И бистъ тако, идеже и совратися воскорѣ и пріять отвѣтъ, да утро приходитъ о десятой годинѣ. Идохомъ же на предградіе и купихомъ хлѣба и снѣдохомъ по укруху, таже идохомъ, идѣже продають вино, и купи намъ Іустинъ Леннѣцкій, бистъ тогда день патрона его, и привѣтствовахомъ его, таже молахомъ, да пуститъ кто насъ на ночь, но ни отъ кого же получихомъ милости. Идохомъ же на брегъ рѣки Дуная, тамо бо помежду доми течаше, и хотѣхомъ ношевати въ чолнѣ праздно, но и оттуду хотѣша изгнати насъ, ми же патента дадохомъ въ свѣдѣтельство, яко ни въ чемъ жадного не имѣемъ подзору, они же едва съизволиша, и то вопрошаху насъ, не имали съ собою нѣкоя жены блудницы или огня, и не куримъ лы люлки и прочая. Аще бо и не могахомъ разглаголствовати Нѣмецкимъ языкомъ, обаче единъ отъ нихъ умѣяше по Молдованску, си есть по Волоску, азъ же разумѣхъ вся, что глаголаше, и тако едва съ нуждею преношевахомъ тамо. Заутра же въ вѣвторокъ отобравши патента идохомъ къ тѣмже вратомъ града. Отъиде паки отъ насъ священникъ съ нѣкіимъ стражникомъ въ градъ къ нунціушу, ми же ожидахомъ при вратехъ сѣдяще. Таже съвратися яко въ полуденное время и принесе патента отъ нунціуша и отъ бискупа Италѣанскаго и абіе вси невозбранно поидохомъ въ градъ. Прешедше же первую и вторую каменую башню, идо-

хомъ чрезъ мостъ широкъ и глубокъ, каменіемъ сюду и сюду ограждень, и прійдохомъ ко вратомъ, отъ камене лѣпо и крѣпко составленнымъ, имущимъ на себѣ написаніе златое. Таже ввійдохомъ и въ самый градъ, аки въ прекрасный рай. Тамо бо каменицы чинно стоятъ зѣло изрядны и лѣпотны, подъ коеюждо лѣхтарня виситъ на желѣзѣ повѣшенна. Тамо бихомъ въ костелѣ цесарскомъ Святаго Стефана и видѣхомъ чудотворную икону Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы, стоящую на великомъ олтарѣ въ златокованнымъ кіотѣ, такожде и столпи на олтарехъ началнѣйшихъ мраморовые зѣло великіе, такожде и органъ изрядень, и нѣсть, иже бы не было чудесно. Оттуду изшедше ходихомъ по граду съ нѣкіимъ тамошнимъ жителемъ и видѣхомъ удивителнѣ многа устрояющаяся. Видѣхомъ при томъжде костелѣ изрядну превисоку вежу, отъ самага каменіа составленну, ниже мало на себѣ имущую древа, обаче тако хѣтростно и лѣпотно сѣченно, яко и отъ древа тако не можетъ бити; въ висоту же имать яко пятьдесятъ сажень, въ широту же шесть или семь. Таже видѣхомъ столпъ каменный, еще болшій и краснѣйшій, нежели въ Кошицахъ, посередѣ града стоящъ. Такожде видѣхомъ источники или фонтаны, отъ камене лѣпо составленны, отъ нихъ же на многи части истекаетъ вода. Такожде видѣхомъ комори, чинно стоящіе, и что въ которой продается виситъ надъ коеюждо коморою абрисъ тоя вещи изображенный. Тамо всякъ домъ кладязь особный имѣеть, въ коемъждо же кладязѣ смокъ, имѣ же воду тягнуть; сущъ же иніе явны, инніи же потаежны и за стѣною стоящіи, точію чрезъ стѣну егда кто восхощетъ тягнеть воду. Сія ми видѣвше, чудихомся много. Таже идохомъ на ноцъ къ гостиницѣ, идѣже пелгримамаъ всегда на тры дны съ ястіемъ и питіемъ мѣсто дается. Тамо имѣхомъ

чрезъ три дни кійждо отъ насъ свой одръ съ возглавіємъ долгимъ, сламою напханнимъ, идѣже есть таковъ обичай: въ полудни дають потраву едину, обаче довольно, но никогдаже постную, въ вечеръ же дають по укруху хлѣба и по мѣрной чаши вина; аще убо и ядоша инніе тогда сошедшеся путницы представляемое, но мы никакже, точію хлѣбъ и вино въ вечеръ взимахомъ (бысть бо святыи въ насъ тогда Петровъ постъ), и тимъ, еже Богъ даяше, доволни быхомъ. Заутра же, въ среду, сѣдѣхомъ въ дому и писахомъ путники. Въ четвертокъ же, понеже праздникъ бѣше великъ у Нѣмцовъ, прибисть же на тотъ часъ и самъ Цесарь въ градъ, и бистъ процесія великая зѣло, въ ней же идоша цеховъ 48, кійждо въ разномъ одѣяніи и кійждо съ своею хоругвою; послѣди же идоша закони, ихъ же числомъ бѣ единадесять, съ свѣщами, и образи и всякими различными утварми, и обхождаху всѣ стогны града; послѣди же возвратишася въ соборную церковъ Святаго Стефана, отъ нея же изійдоша (си есть въ началній костелъ). И видѣхомъ, егда вхождаше и исхождаше Цесарь многими ему предидущими первѣе воины съ острымъ оружіемъ, таже предходящими и съ послѣдствующими ему сенаторами. Бистъ же сенаторовъ числомъ 80, всѣ же избранніи яко единъ и невозможно бистъ отнюдъ между ими самага Цесара познати, ибо и онъ въ такомъже одѣяніи бистъ, точію оттуду познатися можетъ, яко бистровиденъ и метокъ, возраста же малаго. Оттуду въ пятокъ предъ полуднемъ изійдохомъ и прешедше яко полмилѣ сѣдѣхомъ полгодини подъ покровомъ, идѣже дѣлають плинѣны. Бистъ бо тогда дождевное ліяніе и не могохомъ гдѣ индѣ сокрытися, понеже далече отстояше весъ, и ожидахомъ донелѣже престанетъ. Егда же преста, идохомъ равнымъ полемъ

по подъ горами чрезъ лѣпотніе веси, доми ово отъ каменей, ово же отъ плинѣ зданніе. Ноци же надъходящей приспѣхомъ къ нѣкоей веси, сѣ же имени не вѣмы, не-возможно бо бѣ ни о чесомъ кого спросити, понеже въ нарѣчїи отнюдь согласитися не могохомъ. Тамо въ многихъ просящихся насъ на ноцъ никакоже получи-хомъ милосты, но идохомъ внѣ веси и обрѣтохомъ вино-грады. каменіемъ огражденны, и тамо возлегохомъ подъ муромъ, не вси же спахомъ. но бодрствовахомъ по чину п часахъ. Утру же бывшу, въ четвертокъ, начахомъ ити помежду гори великіе зѣло и удивителніе, иніе единимъ каменемъ стоящіе, иніе же малое, иніе средне ка-меніе родящіи. Тамо идохомъ все по-надъ бистрими по-токами, по каменю текущими, чрезъ красніе веси, аще и маліе. Тамо бо мало гдѣ обрѣтахуся dřевяніи доми, но повсюду каменніе, еще же и не простѣ созиданніе, нѣсть бо тамо художника проста ни въ чесомъ, но егда что созидеть, удивлятися требѣ, найпаче чуждостранному. Идохомъ же помежду тими горами даже до вовторка си есть днїи четиры, даже до мѣста свята, именуе-маго Латински Маріяцель, Славенски же домъ Богоро-диченъ. Тамо многая похвали, многая же удивленію до-стойная видѣхомъ. Видѣхомъ первѣе кляшторъ изряденъ и бихомъ въ немъ, но не возмогахомъ извѣститися, како именуются законники, никтоже бо можаше съ нами раз-глаголствовать. Тамо бихомъ въ костелѣ, иже и отъвнѣ и отъвнутри красенъ зѣло, внутри красится, яко многое отъ мрамора имѣеть составленна, и окна зѣло лѣпіе отъ-внѣ, понеже двѣ вежи красніе при себѣ имѣеть. Тамо два зегари, единъ въ костелѣ, а другій на вежѣ, и въкупѣ гласять часи; тамо чинно и изрядно устроеніе целїи. Тамо посредѣ кляштора зѣло лѣпая фонтана, си есть источникъ, отъ камене составленный, отъ него же на

версѣ столпа вода аки стрѣла простѣ течеть въ висоту, яко на четири лакти, и возвращается низу. Сіе ми узрѣвше, почудихомся довольно. Тамо ничтоже ни ко ястію, ни ко питію испросихомъ, но точію единь отъ стражей вратнихъ, и той, чая царствія Божія, даде намъ гнилаго хлѣба, его же ми съ благодареніемъ принявше, идохомъ въ домъ, идѣже пиво и вино кляшторное продается, и купивше пива, часть снѣдохомъ онаго вишеченнаго хлѣба, часть же гнилюю псу повергохомъ. Оттуду изшедше видѣхомъ многа чудесная, идохомъ бо все по-надъ потоками долиною, гори же бяху сюду и сюду зѣло превисокіе и прекрасніе, красную бо траву и древесна лѣпотніе на себѣ имѣяху. Много же видѣхомъ горъ самихъ каменнихъ, на нихъ же отнюдь невозможно би (яко мнѣтся человѣческимъ умомъ) не точію древесемъ, но и травному билію; но силою Божіею и судьбами Его, превисокіе древа растущіе, и въ камени, акибы преестественнѣ, коренія своя разпирающіе. Тамо видѣхомъ гори каменіе, висящіе, иже всячески мнѣтся падати и опровергтися, но силою Божіею тако силнѣ держатся, яко никакимъ образомъ и отторгнути невозможно. Тамо видѣхомъ толъ гори превисокіе, яко егда кто восхоще на верхъ онихъ смотрѣти, едва покровъ главній не спадаетъ. И воистинну уподобилъ бихъ оніе равенствомъ древной оной вежѣ Вавилонской, иже по потоцѣ созидашеся, но и не бѣхъ тамо и не видѣхъ, се же, еже видѣхъ пишу. Еще видѣхомъ горы височайшіи, аще не въкупѣ, но за колико милъ стоящихъ, на нихъ же ни древесъ, ни травы нѣсть, точію снѣзи великіе. Сему ми, аще и мнози намъ людіе о томъ подтверждаху, не вѣровахомъ, издалече бо видѣхомъ. Послѣди же случися близъ воскрай гори таковой ити и тамо добрѣ разсмотрѣвше, разсудихомъ вѣроятію достойная. Много же почудихомся, како

дотолѣ (си есть до Петрова поста) снабдѣвается, ми бо не могохомъ стерпѣти вара солнечнаго. Повѣтствуютъ же нѣци отъ тамо живущихъ, яко и до зими не съгибають. Тамо непрестанно вода чиста широкимъ и бистримъ потокомъ по каменю течеть, не отъ нѣкія бо рѣки взятая, но отъ самихъ пречистихъ жродель отъ горъ текущихъ собрана, безъ числа бо тамо жродель отъ боковъ истѣкающихъ видѣхомъ. На той водѣ красны художники дивная содѣвають, мало что дѣлающе руками, точію водою: рудники желѣзо дѣлають, ковачи куютъ, древодѣлы тертицы рѣжутъ и прочая. Тамо при пути много видѣхомъ разныхъ фѣгуръ, образовъ и капищъ изрядныхъ. Видѣхомъ же два кляшторы лѣпотнихъ, а третій вишпереченный. Видѣхомъ же, недалече до Маріяцель шествующи, капищу зѣло лѣпотнѣ устренную, при ней же вода пятьма трубами исходитъ, напоенія ради жаждныхъ. Послѣди же въ второй капищи видѣхомъ Пресвятую Дѣву Богородицу, держашую на объятяхъ своихъ, или на рукахъ, мертваго Господа нашего Ісуса Христа, отъ каменя изображеннаго, отъ Его же язвы ребрной течеть непрестанно вода и напаяетъ изобилно шествующихъ. Сіе мнѣ зѣло возлюбися и пихъ азъ отъ тогожде источника съ піющими тамо путешественники. Тамо видѣхомъ многое множество обоего полу народа, до Маріяцелю поклоненія ради грядущаго, инихъ же возвращающихся. Нѣци же идуть процессією съ хоругвами и образи, поюще пѣсни красно, точію Нѣмецкимъ нарѣчіємъ, не умѣють бо инако тамо и не могутъ. Идохомъ же не точію помежду горы, но и чрезъ високіе зѣло восходяще и нисходяще по нихъ бистъ же намъ съ трудомъ великимъ, но Господа ради ни во что же вмѣняхомъ. Вся тамо видѣхомъ благопріятна, точію людіе неблагопріятны, аще и побожни суть, не токмо бо ясти

или пити, но ниже пренощевати соизволяютъ. Многажды же нощевыхомъ съ звѣрми на поли и въ дубравехъ, и зной претерпѣвахомъ, отъ роси и отъ прохладеннаго поту, найпаче же въ долинахъ. И тако ми, вся себѣ къ ястію и питію купующе, идохомъ, ни отъ кого ничтоже просяще, бояхомъбояся да не кто видя, насъ оклеветать и сотворить препятіе и смущеніе. Случися же намъ тамо на пути пити ливо и не хотяше отъ насъ брати Венгерскихъ грошей корчемникъ, си есть чеховъ, ми же найпаче сію монету имѣхомъ и чрезъ Венгерскую странну идохомъ и тамо отъ милостиваго люда собрахомъ; еще не точію сихъ, но и Полскихъ, ни таларей битихъ не берутъ, точію червоній златій. Ми же сія слишавше, поскорбѣхомъ много, кающе, яко прежде не премѣнихомъ пѣнязей, еще въ Вѣдню сущи. Таже своему неразсужденію вину наложивше и на Господа уповающе, никтоже бо не бѣ отъ насъ тако нищъ и убогъ, якоже азъ, но ни мало же о семь скорбѣхъ, помышляя въ себѣ, яко Богъ, изшедшу ми зъ Льова и отнюдь ничесо имущу, даде ми на пути вся требуемая, тойжде и паки дастъ недостойному рабу своему; и паки: „Не печися утрешнимъ, утрешнее вама печется“. И тако вси возвергше на Господа печаль свою и обѣщающесе единъ другому въ нуждѣ помогати, ничто ни отъ кого просяще, но вся купующе. Прешедше же осмьнадесять милъ Нѣмецкихъ отъ Вѣдня, доспѣхомъ до мѣста пресловутаго Маріяцель, си есть домъ Маріинъ. Се же того ради тако именуется, яко тамо въ костелѣ кляшторномъ, въ немъ же Бенедиктаны обитають, есть домъ Богородиченъ оній, въ немъ же Архангель Гавріиль благовѣствова зачатіе Сына Божія. Тамо стоитъ образъ П. Богородица, иже аще и не маліованъ, но отъ камене ли, или отъ древа составлень, не вѣмъ (не

могохъ бо познати, аще и видѣхъ, лѣпотнаго ради устроєнія), обаче безчисленная творить чудеса: хромія исправляетъ, прокаженія очищаетъ, слѣпимъ даетъ прозрѣніе, глухимъ слышаніе, нѣмимъ глаголь, и инна многог, числа неимущая испѣляетъ недуги и изывляетъ чудотворенія. Прійдохомъ же тамо въ второкъ и бихомъ въ костелѣ и слухахомъ служби Божой, чрезъ нашего священника отпращованной, и видѣхомъ лѣпоту костела устроєнну зѣло лѣпо, такожде и органъ, и видѣхомъ капицу оную посередѣ церкве стоящую, си есть, якоже глаголють, домъ, отъ Назарета принесенный, въ немъ нудотворная икона стояше Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы; тамо стѣни образи злато и среброкованными тако покрыти, яко ни мѣсто праздно обрѣстися можетъ, заграда же дома онаго и врата отъ входа отъ чистаго лѣпотнѣ искованна сребра, предъ врати же ограда каменная мраморними баляси хитростнѣ изсѣченна. Тамо всякъ видяй почудится лѣпотѣ оной. Видѣхомъ же множество народа обоєго полу людій, инихъ приходящихъ, инихъ же отходящихъ. Поютъ же въ костелѣ неисходно. Тогда изшедше изъ костела, идохомъ къ трапезнымъ вратамъ и просихомъ, да дадутъ что ясти или пити, и дадоша нѣкоего съ мясомъ варенія, ми же не вси ядохомъ, понеже Петровъ постъ тогда бистъ, питія же ни мало дадоша. И тако оттуду възвратившєся тиши, идохомъ къ гостынниці, въ ней же ядомая и піемая вся продають. Тамо купивше себѣ сирой капусти, съ солію токмо приготованой, и пива, наситихомъся. Вечерни же приспѣвшей, идохомъ паки въ костелъ и разсмотрѣвахомъ, ходяще всюду, низу и горѣ, тамо хори преизбранны. Видѣхомъ же окрестъ дому Богородичина милиць повѣшенныхъ, числомъ 162, яже хроміи. воспріємше здравіе, оставиша и оставляють доселѣ; такожде и оковъ желѣз-

нихъ отъ бѣсноватихъ видѣхомъ. Едва не вси столпи церковніе и стѣни, низу и горѣ образами зѣло красно устроеніе, на нихъ ничто инно не изображенно, токмо или чудеса, или благодѣянїя, яже отъ чудотворнїа икони воспрїяша людіе. Се же не кляшторнимъ устроися коштомъ, но кто каковую либо получить ползу, тойжеде въ незабвенную память и образъ поставляетъ въ костелѣ. Тамо случися быти, аще и не всѣмъ, въ скарбницы церковной. Азъ же бихъ и найпаче разсмотрѣхъ, и видѣхъ, еже не видѣхъ отъ рожденїа моего, еже и описати отнюдь не могу, ибо цѣни оному богатству наложити нѣсть мощно, токмо таковую скудоумїемъ моимъ полагаю цѣну, яко возможно бы, мнитмися, царство съ землею и войскомъ искупити. Сїя азъ видѣвъ, удивихся и ужасохся. Таже изшедшимъ оттуду, тамо даде намъ еклесіархъ истинное изображеніе чудотворнаго образа Маріяцельскаго, въ свидѣтельство на немъ же написа имена и променованїя наша, и повелѣ намъ утро исповѣдатися, еже ми обѣщающесе сотворити, не сотворихомъ, но отидохомъ и разлучихомся на поли по два и испросивше въ домѣхъ мѣсто, гдѣ кто возмогъ, ношевахомъ. Заутра же, въ среду, вѣставше, идохомъ къ костелу и слушахомъ служби Божой, чрезъ нашего священника тихо отправованной. Послѣди изшедше, быхомъ въ иномъ костелѣ маломъ, на странѣ града подъ горою стоящимъ. Тамо видѣхомъ ангеловъ двоихъ по обою страну олтаря отъ древа лѣпотнѣ содѣяннихъ, аки на воздуху висящихъ и имущихъ въ рукахъ своихъ сосуди каменїя, отъ нихъ же здрава непрестанно исходитъ вода въ чаши великіе мраморніе и исходитъ паки тѣмїжде въ подземніе страны. Оттуду изшедше, купихомъ себѣ мало что къ ястію и питію. И покрѣпившися, идохомъ паки подобнѣ горами, якоже и прежде, по на надъ по-

токомъ, но уже широкимъ и глубокимъ, иже аки рѣка течеть. Чрезъ людей ласкавшихъ, ибо нѣгдѣ тамо не ношевахомъ на поли, но въ домахъ или въ стодолахъ. Тамо уже не бяху тако каменисто, но глиняніе и нижшіе горы, точію издалеча видѣхомъ високіе и много снѣга на нихъ. Прешедше же отъ Маріацель пять миль, прійдохомъ къ веси Шебѣжень, зѣло въ глубокой долинѣ стоящей. Тамо едва съ зѣлнимъ трудомъ снійдохомъ съ горы, наипаче же понеже тогда бистъ дождевное ліяніе, идѣже ношевахомъ въ гостинницы. Оттуду заутра, въ четвертокъ, идохомъ четири миль и доспѣхомъ къ мѣстечку изрядному, нарицаемому Кофембергъ. Оттуду, заутра, въ пятокъ, идохомъ шесть миль чрезъ градъ Пругъ, чрезъ градъ Лоимъ, и чрезъ веси Санктъ Михаель и Санцъ Лоренцъ. Тамо ношевахомъ. Оттуду, заутра, въ субботу, всеединаче идохомъ помежду горами пять миль, точію низшими. Азъ же послѣдствовахъ имъ и прійдохъ къ граду значному, не вѣмъ како разминувшися и предваривши ихъ, и бихъ тамо въ кляшторѣ Францишканскомъ. Тамо ми дадоша окрухъ хлѣба лѣпотнаго и чашу мѣрну вина, имъ же азъ удоволившися, хотѣхъ изійти отъ града, но нѣкій тамо начальникъ повелѣ возвратити мя воспать и вопросы мя о патента и написа нѣколико словесъ на Вѣденскому и отпусти мя съ миромъ. Азъ же изшедъ внѣ града, прійдохъ къ нѣкоей веси, недалече отстоящей; тамо ношевахъ въ гостинницы, при пути стоящей. Оттуду заутра, въ недѣлю, отъ сна оставъ, идохъ двѣ миль и прійдохъ къ нѣкоей веси, и снисшедшеся тамо бихомъ вси на мшѣ. Оттуду идохомъ четири миль къ граду, нарицаемому Навмаргъ. Тамо азъ паки отъ нихъ остахся, не могъ же доспѣти къ граду дождевнаго рады ліянія; но внѣ града недалече ношевахъ, у домѣ великомъ го-

стинномъ, идѣже хлѣбъ пекутъ, продающіа рады; дадоша же ми въ вечеръ окрухъ хлѣба благаго. И снѣдши, нощевахъ на сламѣ прекрасно; еще бо нѣгдѣ тако не прилучися, яко тамо лѣпо устроено, угощенія ради странныхъ. Въ понеделокъ заутра не идохъ къ граду, не преставаше бо дождь, но паче вящій умножашеся. Егда же молитвы обичніа прочетъ, призваша мя къ кухни и даяху ми ясти нѣчто отъ вареній, азъ же, познавъ бити не постное, не восхотѣхъ ясты, но паки просихъ хлѣба самаго и дадоша ми окрухъ мѣренъ и снѣдохъ въ славу Божию, и ожидахъ донелѣже престанеть дождевное лїаніе. Мняхъ же яко тако будетъ до вечера, и возлегохъ мало и спяхъ. Егда же востахъ, видѣвъ яко преста мокрота, идохъ къ граду Навмаргъ. Тамо свїйдохомся съ своими и идохомъ къ рихтару, да положить подъпись на патента, и бистъ тако. Оттуду изшедше милю, нощевахомъ въ нѣкоей гостиницѣ, при пути стоящей. Оттуду, заутра, въ второкъ, они убо преди, азъ же послѣди, идохъ пять миль къ граду, именуемому Сантъфаидъ. Тамо не обрѣтохъ ихъ, но идохъ еще милю едину къ нѣкоей веси и тамо нощевахъ. Случижесе мнѣ тогда на пути скорбь не мала, ибо погубихъ отъ пѣнязей яко два златихъ Полскихъ или вящше. Заутра же, въ среду, воставши зѣло рано, возвращахся воспать, но никакоже обрѣтохъ; идохъ же оттуду, на Господа возвергши печаль, идохъ четири мили и придохъ къ нѣкоей веси, надъ озеромъ великимъ, широкимъ и долгимъ стоящей; тамо нощевахъ въ гостиницѣ, при пути стоящей. Тамо видѣхъ на другой странѣ езера клашторъ изрядень, надъ самимъ берегомъ стоящъ, отъвнѣ и отъвнуръ каменній, и вежу такожде иматъ красну и високу, на ней и зегарь и часословъ изрядень. Тамо обитають законники, именующіися Бенедиктани. Оттуду, заутра, въ четвертокъ, шество-

вахъ по-надъ тимъжде езеромъ двѣ мили и прійдохъ до града значнаго, иже именуется Филохъ; тамо искахъ своихъ, но не обрѣтохъ, биша бо они въ нѣкоемъ кляшторѣ, азъ же мнѣхъ, яко уже отъидоша далече и идохъ отгуду за ними не медля. Прешедши же яко полмиль отъ града и приходя уже подъ великіе зѣло гори, обрѣтохъ при пути нѣкую гостинницу каменну изрядну и двѣ каплицы древяни при ней стоящія, отъ нихъ же зѣло чиста истѣкаеть вода; мнѣхъ же азъ яко хладна есть и хотѣхъ напиться, но егда вложихъ первѣе руку и ощутивъ бити теплу, аки би согрѣяну при огни, усумнѣхся и почудився Божіимъ судьбамъ и строенію Его, како такова теплота отъ спудовъ горнихъ истѣкаеть. Таже мислихъ тамо мало препочити, труда ради и паленія солнечнаго, бѣ бо мѣсто изрядно, и видѣвъ міющихся людіи въ онихъ теплицахъ, и азъ возжелавъ и идохъ и молихъ обитающихъ тамо, да не возбранятъ и мнѣ омитися. Они же хотяху отъ мене мзду воспріяти, но азъ имъ отрекохъ, яко мзду за мя грѣшнаго дастъ вамъ Господъ Богъ, таже едва умолихъ безмездно и идохъ и михся донелѣже ми годѣ бистъ. Послѣди же прійдоша и съпутшественники мои; мняху бо и тѣи, яко вода хладна есть и хотяху пити и узрѣвше мя во водѣ міющася и себѣ возжелаша, и идоша и умолиша такожде, и премедлихомъ долгое время міющася, зѣло бо изрядна вещь и не можетъ скоро отпустити челоуѣка. Оттуду идохомъ твердимъ и зѣло труднимъ путемъ, по-между и чрезъ височайшіе гори каменніе, бѣль алавастръ родящіе, на нихъ же ни травы, ни древа, токмо единъ снѣгъ изобрѣтахомъ, и прешедше полтори милѣ, нощевахомъ въ нѣкоей веси. Идуще на пути видѣхомъ кляшторъ зѣло изрядень, на високой скалѣ стоящъ, въ нѣкоей веси, аки нѣкій замокъ, бихомъ бо въ немъ и

видѣхомъ армати, и до целии чрезъ три врата каменіе ити требѣ. Таже пренощевавше, завтра, въ пятокъ, идохомъ чрезъ весь день точію четири милѣ зѣло сокривленимъ, помежду горами, и твердимъ шествовахомъ путемъ, dospѣхомъ же кърасному и пресловутому граду, именуемому Понтафль, Руски же, или Славенски, Понтава, идѣже Нѣмецкая кончается, Италіанская же, или Влоска, зачинается граница. Сіе мѣсто, аще и не весма красно есть, обаче пресловутое. Тамо дадоша намъ свидѣтельство, даби свободно возмогли прейти далей, и дадоша шпиталь на ношъ, но ничтоже дадоша къ ястію или питію, токмо самое мѣсто къ упокоенію. Оттуда завтра, въ субботу, премѣнихомъ монету, тамо бо инная уже Венеціанская идетъ монета, мислихомъ же сухимъ путемъ ити даже до самого Рима; нѣцци же намъ совѣтоваху, яко унше есть моремъ на Венецію. Се же того ради, яко и за краткое возможеть бити время, и многая чудесная узрѣти возможеть. Сей ми воспріяхомъ совѣтъ и по совѣту сотворити обѣщахомся; обаче до здѣ Нѣмецкими шествовахомъ милями, но уже краткими Италіанскими начахомъ. Прешедше того дне 10 милѣ, чрезъ гради идуще, именно: Донія, Склюзя, Лѣскута, препочивахомъ въ нѣкоемъ градѣ; обаче все идохомъ по-надъ потокомъ, по-надъ крутыми горами. Оттуду препочивше, идохомъ еще далей. Идохъ же и азъ, послѣдуя имъ, не могохъ бо въкупѣ ити, скорого ихъ ради хожденія, и скорбяхъ отчасти; но се внезапу, по Божію смотре-нію, видѣхъ пловущихъ потокомъ съ доски рѣзаными на плитахъ и молихъ ихъ, да возмуть и мене съ собою; они же, Богу тако содѣйствующу, безъ всяка отреченія взяша мя. Пловохъ же съ ними 5 милѣ и присташа на ношъ къ берегу подъ градомъ, нарицаемымъ Zorium. Воздавши же азъ имъ должное метаніе за та-

ковое ихъ благодѣянїе, идохъ къ оному граду, яко поприще едино. И случися мнѣ пощевати у челоуѣка блага, иже именуется Петръ Вѣнтурини, словомъ, воистину и дѣломъ, челоуѣкъ благъ и милосердъ, даде бо ми ясти и пити и многа блага разглаголствова съ мною. До здѣ гори. оттуду идохъ полемъ седмь милъ, въ день недѣльный, до града Санктъ Данѣль. Сїе мѣсто изрядно, на низкой горѣ стоящее, и хотѣхъ тамо бити на мшѣ, но не достигохъ; прїйдохъ же тамо къ шпиталю, идѣже пелгримамъ мѣсто дается къ препочиванію. Тамо мя безъ всякаго прекословія прїяша и дадоша ми къ ястію вина и хлѣба, по обычаю своему, азъ же снѣвши то, спяхъ довольно. Таже воставши, писахъ путникъ, ожидаючи своихъ и премедлихъ даже до вечера; таже и они прїйдоша. Паки въ вечеръ дадоша намъ по чаши вина и по окруху хлѣба, но не всѣмъ, мнѣ точію не дадеша, азъ же купихъ, единойди бо точію на день тамо дается. Таже, по обычныхъ молитвахъ, возлегохомъ кїждо на ложи, еже кто себѣ избра. Ложїи же тамо вси, яко едино поставленни. Заутра же, въ понедѣлокъ, воставши и паки по обычныхъ моленїяхъ просихомъ, да дадутъ намъ что снѣдно, но никакоже дадоша. Купихомъ же себѣ кїждо противу сили своей и покрѣпихомся, да не ослабѣваемъ на пути. Таже идохомъ оттуду двѣ мили и прїйдохомъ къ веси, нарицаемой Вѣлнѣоре. Тамо нѣцїи отъ насъ препочиваху, нѣцїи пройдоша по стогнахъ, просяще хлѣба, драго бистъ куповати. Оттуду, препочивше часъ довольно, идохомъ 5 милъ до веси, нарицаемой Дигняно. Оттуду превезохомся чрезъ рѣку невелику, — невозможно бо бистъ прейти ногами, но мзди не дахомъ, оставша бо намъ Христа рады, — и прешедше 5 милъ, доспѣхомъ къ значному граду, рекомому Валюежонь. Сїе мѣсто красно и изрядно отъвнѣ

и отъвнуръ. Тамо прїйдохомъ къ шпиталю, идѣже то-
чію четири ложа суть уготованны пелгримамъ, обаче
изрядны; ко яденію и ко питію ничесо же дается. Тамо
намъ мѣсто на ноцъ дадоша и пренощевахомъ угодно.
Воставши же отъ сна, заутра, въ вторникъ, оттуду
шествовахомъ 10 милъ къ граду невелику, иже именуется
Кордоватъ. Тамо отъ кляштора, въ немъ же обитають
Павлѣны, испросихомъ вина и зѣло мало хлѣба. Таже
паки оттуду идохомъ пять милъ и прїйдохомъ къ пре-
словутому граду, ему же имя Портогуаро, рекомое отъ
порта, си есть пристанища, портъ бо Латински, Славен-
ски же пристанище толкуется. Се же того ради, яко
недалече брега морскаго разстояніе имать, и отъ него рѣ-
кою впадающею въ море плвуть къ Венеціи и къ инимъ
странамъ кораблями. Тамо попустиша намъ мѣсто но-
щеванія ради въ гостиницы, идѣже къ ястію или питію
ничтоже намъ не дадоша, точію мягки бѣли и чисти по-
слаша постеля, на нихъ же угодно въ славу Божію
чрезъ ноцъ препочихомъ. Заутра же, въ среду, востав-
ши рано, идохомъ къ корабленикомъ, ищуще, иже би вос-
хотѣли плисти на Венецію, но не обрѣтохомъ. Таковій бо
тамо обичай, яко точію два рази въ седмицу корабль на
море идетъ, си есть въ понедѣлокъ и въ четвертокъ. И тако
умисливше ожидать утра, скитахомъся при корабляхъ при
портѣ, не имуще гдѣ главы приклонити, ибо нѣгдѣ въ дому
препочивати не попускають; ядохомъ же, еже купи-
хомъ, мало точію отъ домовъ хлѣба испросивше. При-
спѣвшу же вечеру, идохомъ на ноцъ паки къ вишше-
реченной гостинниці, тамо бо на три нощи время
путникомъ дается, и препочихомъ съ Богомъ. За-
утра же, въ четвертокъ, идохомъ рано до порту и
обрѣтохомъ корабль, приплившій отъ Венеціи и паки
до Венеціи отплисти имущій въ вечеръ. Ми же не от-

ходяще отъ пристанища, чрезъ весь день перебува-
хомъ тамо, потребная кійждо своя дѣлающе. Не имій
азъ тогда, что творити, писахъ сіе, еже видѣхъ и раз-
смотрѣхъ, идуше чрезъ сію часть земли Италіянской,
начень отъ Понтави даже до здѣ. 1) Видѣхомъ вино-
гради великіе зѣло, толсто, високо и широко расту-
щіе, при иннихъ же древахъ великихъ лѣсныхъ саж-
деніе. Се же того ради, да отъ одинаго древа къ дру-
гому и паки къ третьому приципляются, и тако аки
вѣкіе лѣси стоятъ, плода же зѣло изобилнаго имуть.
2) Жита и пшеници зѣло мало, иннихъ же пашень ни-
какоже сѣють, токмо много пшеници Турецкой, юже
простій народъ въ иннихъ страннахъ именуєть кіяхи.
Ту пшеницу на многія вещи употребляютъ, мелють бо
первѣе на муку, и иніе отъ нея самія кашу варять и
хлѣбъ пекутъ, инніе же въполь мѣшающе, сія творять. Не
сѣють же въ оградахъ ничесого, кромѣ единой капусты.
Тамо никакоже обрящеша квасна хлѣба, токмо сладкій
яко медь, его же намъ въ милостину даяху, но ниеогда
же возможно бистъ насититися, аще и довольно ядо-
хомъ. 3) Слонце тамо зѣло палитъ и всячески тя-
жестно шествовати, рано бо теплота начинается и долго
триваетъ. Того ради два рази въ едино лѣто сѣменена въ
землю всѣвають и два рази пожинають. 4) Видѣхомъ
отъ древъ сосни Влоскіе, яловець и фіги съ плодомъ
растущіе. Фиги тако растутъ, яко и орѣхи Волоскіе,
листвѣ же яко у винограда или у рай древа, зелія то-
чїю грубшіи и жестокіи. 5) Цѣлая Венеція за патрона
себѣ имѣєтъ Евангелиста Марка; на пенязяхъ же и
всюду печатуются онимъ. Еще же, кромѣ того, на надъ-
писанїяхъ и грамотахъ царскихъ, по пристанехъ и вра-
тахъ градскихъ, вмѣсто его самага, левъ съ крилами изо-
бражается, держацій въ ногтєхъ своихъ книгу, на ней

же сицево написаніе вездѣ чтохомъ: *Rax tibi Marce Evangelista meus*—миръ тебѣ Марко, Евангелисто мой.

6) Тамо невозможно разнствія познати между невѣстою и женою: обоя бо одиначе ходять, не покрывающе главы, аще би и сѣдину имѣли. Но возвращаюся къ первому. Егда бо приспѣ вечеръ того дне, си естъ четвертка, вопросихомъ пловцовъ, что хотите, да превезете насъ къ Венеціи? Они же рекошѣ, яко три литри отъ коегождо (литра 4 шаги или шосточки). Ми же аще и много молихомъ, да меньше отъ насъ возмутъ, но никако же получихомъ. Обаче не идохомъ уже на ношъ къ гостинниці, но ношевахомъ въ корабли, бояхомъбояся да не ношію отплуютъ и оставятъ насъ тщихъ. Зѣло бо жelahомъ видѣти Венецію, слишахомъ бо еще здавна отъ многихъ, яко многочисленія вещи чудеснія тамо обрѣтаются. Утру же возсіавшу, въ пятокъ, ожидохомъ до полудне, донелѣже отплуетъ корабль, но дождевнаго ради кропленія и ожиданія ради инихъ, тогда имѣвшихъ бити въ корабли, замедлѣ. Таже по полудны, яко о третомъ или о четвертомъ часѣ, пустихомъся отъ берега и пловахомъ одною морскою даже до вечера. Ноши же надходящей внезапно возшумѣ вѣтръ великъ и возбуди волны на водѣ великіе и начатъ жестоко колебати кораблемъ и соврати корабль отъ пути на иное мѣсто. Видѣвъ же кѣрабленникъ, яко нелѣпо дѣйствуется съ нами, абіе верже котвицу воскрай берега и оцѣпи вервомъ за парось, иже посредѣ корабля стоитъ, повелѣ всѣмъ ити къ верву, иже биша въ корабли, и тягнути вервь, при паросѣ привязанъ, даби возмогль пристати къ берегу. Ускориша же вси, не токмо бодрствующіи, но и отъ сна воставшіи, паче страха ради, а не повеленія, и едва съ великою силою привлекохомъ къ берегу. Бистъ же тамо на брезѣ нѣкая корчма, и привязавше корабль, идохомъ въ ню и купихомъ, елико

кто возможе къ ястію и питію, таже паки возвратихомся воспать въ корабль и спахомъ. Заутра же, въ субботу, воставши отъ сна, плихомъ одногами морскими, сѣмо и овамо текущими воскрай брега морскаго. Видихомъ же много весей и нѣколико градовъ издалежа и много виноградовъ великихъ, краснихъ; видѣхомъ паки море и кораблей безъ числа на немъ, отъ различныхъ странъ плывущихъ, и вольни морскіе, аки холми великіе; зѣло играше бо тогда море, и сего ради корабленники онимъ не хотяше плисти, ибо корабль баше малъ, еще же къ тому и отягченъ. Корабль же, иже издалежа плвуть на морѣ, мняся не акї на водѣ, но аки на землѣ стояти. Се же того рады, яко широта толъ велика есть, яко не точію очеси, но и умомъ постигнути тяжестно есть. Сія азъ видѣвъ, помянухъ Пророка, вопіюща: „Нисходящїи на море въ кораблехъ и творящїи дѣланїя въ водахъ многихъ, тїи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ“. Благодарствовахъ же Богу, яко и самъ иногда слышати, нинѣ же видѣти сподобихся. И препливше отъ Портогуара осмьдесять безъ двохъ миль, пристахомъ къ берегу морскому, идѣже Венецкая стража стоить и презираеть свидѣтельствъ. Дадохомъ же и ми о себѣ свидѣтелствованное писаніе, еже въ Портогуару дадеса, и абїе пропустиша насъ. Пलोхохомъ же оттуду самимъ моремъ седмъ миль, даже до Венеціи. Видѣхомъ же недалече одесную, при брезѣ моря, градъ зѣло великъ и красень, ему же имя Бурянь. Паки видѣхомъ аки погруженъ на водѣ стоящъ костель, зѣло изряденъ. Паки видѣхомъ ошуюю на водѣ стоящъ кляшторъ великъ и лѣпотень. Вечеру убо темну надшедшу, приспѣхомъ къ вездѣ пресловутому оному граду Венеціи, и припливше даже къ самому предъградію, привязахомъ корабль къ углу нѣкоего храма; послѣди же помишляхомъ ввійти въ

градъ, нѣсть бо тамо стражіа, ни вратъ, и сего ради никто же би намъ возбранилъ входа. Но понеже ношъ бистъ, сего ради оставихомъ и ношевахомъ въ корабли, имъ же приплихомъ; ядохомъ же, еже кто что имѣяше. Утру возсіявшу, въ недѣлю, идохомъ къ гостиници святой Анны, идѣже прекрасная ложа видѣхомъ, путниковъ ради устроенная, но ничто же получихомъ къ ястію или питію, ибо точію единъ разъ въ вечеръ дается ясти, въ день же и сѣдѣти не попустятъ. Суть же таковыхъ гостиниць тамо три. Оттуду идохомъ на службу Божую къ Греческой церкви и просихомъ милостини отъ протопопу, исповѣдающе себе быти православныхъ, но не разумѣяше нашего нарѣчія. И се, по случаю Божію, или по обыкновенію своему, снійдошася Греціе дѣти на набоженство къ церкви, иже учатся языка Латинскаго; тѣмъ разглаголствоваху многая съ нами. Прійдоша же послѣди и искусніе ихъ учителя и бесѣдоваша долго, вопрошающе насъ о вѣри, въ многѣхъ вещехъ и откуда есми родомъ, усумнѣвахубося о благочестіи нашемъ, не хотяще вѣру яти. Послѣди же увѣдавши, яко истину глаголемъ и требуемъ милостини, тече единъ отъ нихъ въ олтарь къ протопопѣ и возвѣсти о насъ, яко православны есми и благочестивы христіане, еще же къ тому глагола насъ отъ Россійскихъ странъ родомъ сущихъ. Се же того ради, да болшую пріобрѣщемъ милость, зѣло бо тамо таковыхъ людей любятъ, ибо и образи ихъ всѣ въ своей церкви имѣютъ. Сія увѣдавъ о насъ протопопа, обѣщася намъ сотворити милостину, токмо повелѣ ожидать утра и быти въ церквѣ на литургіи, понеже праздникъ тогда случися бити святыхъ верховнихъ апостолъ Петра и Павла. Ми же на службѣ Божой тогда въ церкви бихомъ и видѣхомъ чинъ церковный, красно устрояющійся, и слишахомъ лѣнотное пѣніе Греческое, аще и не разумѣ-

хомъ словесъ, точію самую вещь; но вся тако, якоже и въ Руси, токмо Евангеліе чтется не посредѣ церкви, но по лѣвой странѣ, на казалници, високо. Оттуду, по службѣ Божой, идохомъ къ второй виталници, си есть гостинниці, или къ шпиталю (яко же тамо именуютъ), чающе что испросити къ ястію или питію, но вотще трудихомся. И тамо бо тако, якоже въ первомъ, точію единою въ вечеръ дается по укруху хлѣба. Оттуду идохомъ на средоградіе, между ради коморніе, и купивше себѣ нечто мало, снѣдохомъ. Драго бо тамо вся продають, милостини же испросити зѣло трудно. Таже разсмотрѣвахомъ, что гдѣ продается, но мало гдѣ что бѣше, бысть бо тогда день недѣльный, въ-нѣже куплю дѣяти не волно никому же (якоже и повсюду въ православныхъ, недѣлю и святыя дни обсервервуютъ); токмо видѣхомъ книги Латинскіе продаеміе, и купихъ азъ едину. Оттуду возвратихомся на вечерню къ Греческой церквѣ, и слышавъ вся пѣнія и чтенія, якоже и въ нашихъ странахъ, точію нарѣчіемъ разнствуютъ, а не вещью. По вечерни многая разглаголствоваху съ нами Греки, младіе и старіе, искушающе и вопрошающе насъ о вѣрѣ. Ми же, якоже научихомся и якоже Духъ Святыи насъ наставилъ, въ всемъ добрый отвѣтъ дадохомъ. Нашедшу же мрачну вечеру, требѣ бѣше ити къ единой отъ предреченныхъ гостинницъ, ястія рады. Ми же не идохомъ двоихъ ради винъ: первая, яко обѣ далече отстояху вторая, яко жelahомъ быти на утрени, праздника ради, и ношевахомъ въ шпитали тоейже Греческой церкви, еже именуется Георгія святаго великаго мученика. Заутра же, воставши отъ сна, въ понеделокъ, си есть въ день празнованія святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла, бихомъ на утрени; таже послѣди и на службѣ Божой, и по совершеніи дадоша намъ милостину, и благода-

*

рихомъ Бога за призрѣніе его таковое на насъ, яко и въ праздникъ Сочествія Святаго Духа, и въ день святыхъ верховныхъ Апостолъ сподобихомся бити въ церквѣ. Оттуду хотяще уже изійти идохомъ паки чрезъ средоградіе и видѣхомъ многое множество коморъ и въ нихъ всякія продаемія вещи чудесніе, драгоцѣннѣе и малоцѣннѣе. Бихомъ же въ прекрасномъ костелѣ святаго Марка Евангелисти, иже отъ церкви превращенъ есть. Видѣхомъ бо и древныхъ иконописцевъ дѣло и отъ расположения познахомъ, еще же къ тому и слышавомъ отъ жителей. Тамо видѣхомъ отъ мрамора краснѣ изсѣченіе многіе вещи, яко почудитися всякому, найпаче же подножіе церковное тако зѣло хитростно и лѣпотно устроено, яко и восхвалити по достоянію нѣсть мощно. Тамо бо самимъ мраморнымъ каменіемъ дробнымъ и различновиднымъ сажденно хитростно тако, яко различнѣе растущіе цвѣти изображаются. Такожде и отъвнѣ лѣпо устроенный. Еще же, кромѣ того, отъ приходу високо, на пиуту, великіе и краснѣ, аки живые спѣшювіе кони имать. Тогда разсмотрѣхомъ лѣпоту, аще и не всю. и основаніе града того, чудеснымъ Промисломъ устроенное, и воистинну по достоянію его описать невозможно путешественнику, развѣ жителей, еще къ тому и искусному, иже вѣсть входи и исходи и основаніе и создателя его. Азъ сіе токмо пишу, еже разсмотрѣхъ. *Краткое описаніе града Венеціи:* 1) Венеція основанна есть въ водѣ морской, на отиѣлѣ. 2) Раздѣляется на много частей. Се же того ради, да кораблѣ помежду части града переходять. 3) Вратъ и огражденія не имать, не боить бо ся никого. 4) Въ всякой улици имать воду морскую, непостоянную, временемъ бо велика, временемъ же мала биваетъ (еже азъ самъ многожди пристрегохъ). Се же дѣйствіемъ моря творится. 5) Отъ единой къ другой

улици все мости каменіє и високіє имать, прехожденія ради чрезъ воду, високіє же того ради, даби подъ нихъ чолнами и малими къраблями преходити возможно было. 6) Лѣпотніє и високіє доми единъ при другому чинно стоящіє имать, верхи же, ими же димъ исходить, въ всѣхъ единымъ образомъ, яко лейки, устроєніє. 7) Кладези суть едва не въ всякомъ дому, отъ нихъ же варєнія ради и питія почерпають воду. Обаче не такова въ нихъ вода, яко же въ морѣ, въ морѣ бо горка, слана и непріятна, тамо же сладка, здрава и добра, но отъ дожда собыраема. 8) Всякіє вещи ядоміє, кромѣ єдинаго хлѣба, на вагу продаются тамо. 9) Вода проста здрава, купно съ напоями инними, продается мѣрою. 10) Коня и ниже инного скота ни єдинаго нѣсть тамо, токмо всякѣ имать противу силѣ своей чолнъ или два, или корабль, имиже потребная себѣ превозить, аможе хочеть. Коней же четири отливанихъ, спежовихъ надъ дверми соборной церкви святаго Евангелиста Марка, (не вѣмъ) публики ли ради или инной вины, на самомъ ринку стоящей, поставиша. Сіи пренесошася отъ Цариграда, отъ Святой Софіи. 11) Обикновєніє имуть ходити въ плащахъ и въ лѣтѣ, токмо въ легкихъ. 12) Всякѣ отъ мужеска полу носить всегда при себѣ образецъ, на паличцѣ малой устроєнъ, прохладженія ради. Отъ женска же полу иннимъ образомъ. 13) Риби морской, аще и довольно имуть къ ястію, но не доволны оною. Ещє же ядятъ и жаби водянїя, самъ бо азъ видѣхъ ловцовъ и продавцовъ. 14) Въ всей Венеціи и далече даже до Рима и Бара не видѣхъ чернаго житнаго хлѣба, точію всюду пшениченъ, бѣль же, аки снѣгъ, малъ же, аки просфоры, того ради и драгую цѣну имать. Не вся пишу тебѣ, трудолюбивїй читателю и слисшателю, ибо (яко же прежде рѣхъ) невозможно довольно, развѣ жителей, описати или паче да не непрїя-

тень тебѣ своимъ явлюся многословіемъ. Прочая, аще хощеша, устами тебѣ исповѣсти обѣщаюся, нинѣ же къ первому, си есть къ путешествію, возвращаюся. Оттуду, въ понеделокъ по полудни, давши мзду пловцу, превезохомъ челномъ пять милъ къ пристанищу на брегъ и паки идохомъ путемъ сухимъ дватцать милъ до града пресловутаго Падвы. Идоша же мои спутешественники чрезъ всю ночь и dospѣша тамо рано въ восторокъ. Азъ же не могахъ съ ними ити, но по силѣ своей и по произволенію идохъ чрезъ веси красніе, зѣло удивителніе доми и вертогради имущіе, и ношевахъ за 7 милъ отъ Падвы, въ веси, зовомой Доля. Обаче не возмогахъ мѣста испросити на ночь и на стогнѣ хотѣхъ возлегти, таже едва съ нуждею умолихъ млинара. Въ второкъ по полудни прійдохъ къ Падвѣ и снідохомъ съ своими въ гостинницѣ и препочивахомъ. Ясти же и пити ничесо тамо намъ дадоша, коея ради вини съпутешественникъ нашъ, честный отецъ Протанскій разгнѣвася зѣло и, не хотя вечера ожидать, разлучися тогда съ нами и поиде преди съ слугою своимъ. Ми же утрѣя ожидахомъ, ради взятія свидѣтельства; ношевахомъ же на инной господѣ, а не въ гостинницы. Заутра, въ среду, бихомъ въ костелѣ святаго Антонія Падвскаго, ему зѣло красень и коштовень олтарь устроенный отъ алавастра и мрамора видѣхомъ. Познахомъ же костель, иногда святую церковь быты, ово отъ расположенія и верховъ, ово же отъ древнаго малованія. Тамо пріяхомъ свидѣтельства. Таже не медля идохомъ изъ града и видѣхомъ паки инъ костель, отъ церкви превращень, таковоежде расположеніе имущъ, якоже и предреченный. Шествовахомъ же отъ Падвы чрезъ среду и четверъ, чрезъ тры воды перевозячися и чрезъ два гради переходячи именуеміе Гуара и Рувига. Въ пятокъ рано внідохъ въ

значній градъ Ферара, уже подъ Папѣжа належашій и его монету имущій. Тамо премѣнивше монету Венецкую на Папѣжскую зъ надаткомъ, купованія ради хлѣба, уже бо тамо милостиню зѣло мало обрѣтахомъ, и идохомъ къ пресловутому и великому граду Бононѣя завоному, въ ней же различніе вещи продаеміе видѣхомъ, чрезъ градъ преходяще. Случи же ся тамо намъ бити въ нѣкоего аптекара богата, человека блага, иже умѣяше разглаголювати Латински. Сей, видя насъ алчущихъ и жаждущихъ, насити, напои насъ виномъ довольно, яко избыткомъ остатися. Тамо видѣхомъ дивная, яже никогда прежде: видѣхомъ истинаго крокодила изсушенанаго и змїю великую зѣло, такожде изсушенну, и инная безчисленная отъ ползящихъ, четвероногихъ и морскихъ животнихъ. Послѣди же, мало отпочивши, идохомъ отъ града Бононѣи пять миль и приспѣхомъ еще предъ захожденіемъ слонца къ гостинниці святаго Петра зовомой, при пути стоящей, отнюду же нехотѣхомъ далѣе шествовати, но изволися намъ тамо обнощевати. Тамо намъ дадоша бѣлаго хлѣба по довольному окруху (по обикновенію своему) и по двѣ чашиці малихъ вина, съ водою раствореннаго, и одри бѣли и чисти къ пренощеванію, идѣже предпочхомъ чрезъ ноцъ. Оттуду заутра, въ неделю, идохомъ двадцать миль чрезъ весь день и преїдохомъ сквозѣ градъ, рекомій Иммоля, аще и не великій, но лѣпъ, и доспѣхомъ вечеръ къ второму граду, подобному ему, именуемому Касталлюмъ. Тамо ноцєвахомъ въ госпиталю перегринскомъ на постеляхъ добрихъ; ясти же и пити ничтоже дадоша. Оттуду вѣставши отъ сна въ понеделокъ идохомъ два дни 36 миль и пройдохомъ гради маліє зовоміє и Фавенса и Католѣка. Таже въ второкъ заходящу слонцу доспѣхомъ къ единому граду не весма велику, но лѣпотну въ строеніи домовъ, ему же имя

Аримимѣнѣ. Градъ оный есть ветхій и пресловутій отчасти, поневажъ недалеко стоитъ отъ моря яко за поприще едино на мѣстѣ равномъ и веселомъ подѣ горами и имать корабельное пристанище. Тамо пойдехомъ въ гостинницу путническую и первое намъ случися, яко обнаживши насъ до послѣднего рубища всѣхъ колико насъ случися тамо, ведяху на одри, созирающе по единому создаи, еда ли не имать проказы или чесо иного на тѣлѣ, и аще кій что либо нибуть имѣаше, особое даяху мѣсто; ми же удивляхомъся обичаю оному и похвалихомъ тщаніе ихъ, яко призирають, да единъ отъ другаго не повреждается. Оттуду, рано, въ среду, изійдохомъ и шествовахомъ два дни и нощи съ обошествованіями земными при пути, не ищуще гостинници, понеже путь баше простъ и равень брегомъ морскимъ, преидохомъ же градовъ, при морѣ стоящихъ, три, лѣпотнихъ строеніемъ, именуемыхъ Пейзеро, Фано, Сенегалія; отъ нихъ послѣдній градъ краснѣйшій и славнѣйшій пристанищемъ кораблей, понеже въ то время бистъ тамо ярмарокъ великъ, и видѣхомъ множество купцевъ, съ различными товари пришедшихъ, и овихъ купующихъ, овихъ же продающихъ всякіе вещи. Тамо мало замедлѣхомъ. Идущимъ же намъ посредѣ града чрезъ мостъ деревяній зводистій, случися видѣти чудесное: дѣти Италіянскіе убогіе, въ десяти лѣтахъ и ниже, взлазяху нагіе верху звона онога моста, иже отстояше отъ води високо яко три сажни, глубини же въ водѣ мною яко три сажни, и аще кто отъ людей метнетъ въ воду наименшую монету квадринь, то есть шелягъ, абіе оніе дѣти вергаются зъ висоти въ глубину водну даже до дна и мало тамо замедлѣвъше вскорѣ обрѣтше износятъ и елико людіе меташу, не единого квадрина не оставиша погибнути въ водѣ, якоже предъ нашими очима явнѣ сотворися.

Ми же, видѣвши хитрость ума и сердечную отвагу дѣтей онихъ, чудихомся не помалу. Таже оставши, изійдохомъ оттуду предъ захожденіемъ слонца, не хотяще въ гостинницахъ ношевати, даби не медляще скоро могли шествовати, понеже болше ношю уходядохомъ, нежели днемъ, вара дѣля солнечнаго, зѣло палящаго, къ тому же прискорбно намъ бистъ, яко зліи тамо намъ случахуся людіе, понеже ни отъ кого ни въ чесомъ милостини получитьи же возмогохомъ, и одиначе намъ бистъ такъ шествовати въ нощи, яко въ дны, понеже разсмотрѣвши ихъ нестраннолюбіе, оставихомъ ихъ вящше просити, но за цѣнази, яже имѣхомъ, куповахомъ, ускоряюще минути ихъ странну, найпаче же о хлѣбъ трудно бистъ зѣло, не токмо дати, но ниже продати не хотяху на распутіяхъ и при пути въ гостинницахъ живущіи корчемники, аще кто не прежде купить у него вина, поневаже тамо вина довольно, хлѣба же оскудно. Намъ же не бистъ тако потребно вино, яко хлѣбъ, понеже (яко же уразумѣхомъ) съ хлѣбомъ безъ вина крѣпцѣ могохомъ шествовати, съ виномъ же безъ хлѣба, аще и найкрѣпчайшимъ, ослабѣвахомъ. Сего ради аще и нуждни сребра бѣхомъ, хотяще и не хотяще куповахомъ первѣе вино и тогда намъ продаяху хлѣбъ; аще же ми мало взымахомъ вина, хотяще токмо да продадутъ намъ хлѣба, колико хоцемъ, не продаяху вящше, но за колику цѣну взымахомъ вина, за толику продаяху и хлѣба. Се же токмо на пути бистъ, въ градѣхъ чесого изволихомъ куповахомъ. Сего ради, якоже прежде рѣхъ, не медляще изійдохомъ отъ града Сенегалѣи предъ захожденіемъ слонца и прахъ отъ ногу нашею оттрясающе, по словеси Евангелскому: „Идѣже аще не пріймутъ ви, изходяще оттуду и прахъ отъ ногу вашею отрясите въ свѣдѣтельство имъ“; понеже и тамо аще толъ

многій соборъ баше различныхъ купцевъ, ничтоже испросихомъ милостини. Идущимъ же намъ тоя нощи и заутра приспѣхомъ о полудни къ знаменитому граду Анконѣ.

Описаніе града Анкони.

Анкона градъ знаменитій и пресловутій въ всей Италиі, Венеціи, Греціи и иннихъ странахъ, понеже отъ всѣхъ тѣхъ купци морскіе припливають тамо, творяще куплю, есть бо пристанищемъ славнымъ. Градъ той распростертій есть болшій отъ предъреченнаго Сенегалии, строеніемъ же домовъ не весма высокъ, токмо до тріехъ степеней; доми же вси каменіе и улицы каменемъ насажденіе. Стоитъ на мѣстѣ веселомъ и високомъ, понеже зрится на все море оттуду, како ходять кораблѣ, не на равномъ же, распростресе бо по горахъ обоюду и вдолнѣ продолженній до брегу морскаго сиче близу, яко домовъ вода касается. Чистъ же того ради, яко не равень, понеже въ время дожда весь омивается. Водимать здравіе, отъ горь текушіе и народа содержитъ много. Приспѣвшимъ же намъ тамо въ пятокъ о полудни, идохомъ на пляцъ мѣскій, си есть на базарь, хотяще себѣ купити нѣчто снѣдно на трапезу, но невозмогахомъ, вся бо на великой цѣнѣ продавахуся; купихомъ же единого токмо хлѣба, аще и драго, но безъ него невозможно, цибулю же имѣхомъ съ собою, и прешедше сквозѣ градъ, сѣдохомъ въ вратехъ града, близъ источника воднаго, и снѣдохомъ трапезу въ славу Божию. Таже пойдомъ, хотяще ускорити къ чудотворному мѣсту Лорету, недалече бо отстояше, токмо пятнадцать миль, гдѣ отъ Анкони за полдня токмо приходятъ. Тогда оставихомъ берегъ морскій, понеже предлежаше

намъ путь въ гори и пойдомъ тяжестнымъ путемъ, горами и долинами. Прешедшимъ же намъ яко двое поприщъ, ослабѣвахомъ, понеже въ нощи много труждахомся. Шествующе и обрѣтше при пути корчемній домъ, сѣдохомъ подъ сѣнію его и опочивахомъ яко часъ единъ, ово пишуще своя путники, ово утѣшающе другъ друга о нужду и инная бесѣдующе братолюбнѣ. Таже крестное на себѣ положше знаменіе, пойдомъ прилѣжно путемъ горнымъ, шествующе непрестанно, и dospѣхомъ къ пресловутому мѣсту, именуемому Лореть, зѣло позно, мню, о третомъ часѣ въ нощь. Предваривши же азъ съпутника своего Іустина, внідохъ, врати внутрь бяху бо отворенни. Въ всей бо Италіи не обыкоша заключати твердо вратъ, но аще въ малихъ градѣхъ отворенни стоятъ, въ великихъ же и знаменитихъ градахъ великіе точію врата отъ всѣхъ странъ затворяются, но маліе отверзсти стоятъ. Се же того ради, яко въ всей Италіи чрезъ всю нощь не спять, болше дѣлающе въ ню, нежели въ день, зная дѣла солнечнаго. Дошедши убо тамо азъ вънутрь, идохъ къ гостинниці пелgrimской, гдѣ едва съ велією нуждою умоливши начальника ношевахъ, не хотяше бо мя пріяти въ таковое позное время, понеже имуть уреченній часъ, въ онъ же снисходятся путники. Другъ же мой и съпутникъ Іустинъ не прійде тогда тамо, и тако раздѣлнѣ оную препроводихомъ нощь. Заутра же, въ субботу, рано snїдохомся и пойдомъ въ единъ костель великъ и прекрасенъ строеніемъ, отъ сѣченнаго мрамора зданній, на немъ же и часословъ съпреди глашаетъ часи, предъ лицемъ же вратъ началнихъ стоитъ источникъ великъ, зѣло хитростнымъ художествомъ изсѣченъ отъ мрамора бѣла, иже верху степеней аки кладязъ широко созданный, посредѣ же имать столпъ, високо сведенній, и окрестъ его четири

нѣякіи животніи лѣпотно изсѣченни, кійждо отъ нихъ зъ усть своихъ изобилно точащъ воду, верху же столпа оного пятая струя, тояжде води въ гору аки стрѣла точится непрестанно и на низъ возвращается въ кладязь, оттуду же исходитъ подъ землею, не вѣмъ камо. Къ оному источнику вси приходятъ жаждущіи и піють и утружденіи, и омивающесе прохлаждають лица своя, хладна бо отъ него и здрава исходитъ вода. Тогда ми пошедши вѣнутрь костела онаго, видѣхомъ лѣпоту его и строеніе удивительное, много бо имать престоловъ служебныхъ, отъ драгихъ и различно видныхъ мраморовъ созданія, такожде мраморними таблицами и подножіе насажденно, еще же суть сѣдалища отъ древа, ради исповѣдающихся и исповѣдающихъ, чинно устроеніе, имущіе на себѣ коеждо свой подѣписъ, подѣписъ же не что инно изявляеть, токмо гдѣ каковымъ языкомъ духовній исповѣдаеть, понеже народи разноязычни тамо приходятъ отъ различныхъ странъ на поклоненіе и исповѣдають тамо грѣхи своя того ради, яко есть тамо домъ малъ каменній, посредѣ тоя церкви стоящъ, отъ Іерусалима тамо принесенній, о немъ же повѣствуютъ достовѣрне, яко той есть домъ въ немъ же архангель Гавріиль благовѣствова Пречистую Дѣву Богородицу и прочая, что послѣди ясно изявити потщуся. Ми убо знающе чести писанія Латинская, прочитовахомъ, идѣже что видѣхомъ, или сѣченіемъ или писаніемъ изображенное. Таже прійдохомъ къ онимъ вишпереченнымъ духовнымъ сѣдалищамъ и прочтохомъ вся надѣписанія: яко здѣ духовній въ языку Италіанскомъ, здѣ въ Французскомъ, здѣ въ Нѣмецкомъ, здѣ въ Венгерскомъ, здѣ въ Греческомъ, здѣ въ Полскомъ, къ нему же, понеже знахомъ добръ по Полску, идохомъ и даде намъ коемуждо листъ свидѣтелствованній и по пять баіоковъ тамошней монети, понеже

отъ странъ Полскихъ посилається тамо скарбъ, даби
отъ него давалася милостина пелгримамъ Полскимъ, ми-
лосердствующи о нихъ за труди ихъ. Таже изшедши изъ
церкви идохомъ, видяще иннихъ, идѣже пелгримамъ и
всѣмъ убогимъ даются хлѣби мали и по чаши вина два
рази на день: разъ предъ полуднемъ, а другій по вечерни.
Сія и ми пріавше, не удоволихомся, но идохомъ еще
къ гостинниці, въ немъ же трапеза изрядна дается
страннымъ священникомъ, монахомъ и всему духовному
чину и еремитамъ, си есть пустинножителемъ, нале-
жить же подъ протекцію законниковъ, именуемыхъ Ка-
пуциновъ. Тамо бо гвардіанъ, си есть начальникъ или
игумень Капуцинскій, всегда присутствуєть съ инними
духовными и мирскими особами знаменитими, иже слу-
жать, носяще потрави и вино вливающе въ чаши и
прочая потребная творяще. Тамо насъ пришедшихъ и
просящихъ нѣчто свѣдно, узрѣ оній гвардіанъ, чловѣкъ
благъ зѣло, и вопроси насъ: „Что прійшли есте, друзи?
Еда ли есте отъ духовнаго чина или пустинци? по-
неже здѣ простимъ пелгримамъ нѣсть мѣста, токмо, рече,
оное, идѣже обще всѣмъ убогимъ дается хлѣбъ и вино“. Сія
же глаголаше намъ діалектомъ Италіанскимъ, разумѣ
бо, яко не знаємъ Латински. Ми же, не знаяще разгла-
гольствовати языкомъ Италіанскимъ, отвѣтствовахомъ ему
Латинскимъ сице: „И ми убо, отче честній, не прости
есми путници, но студенти, обучающіися Латинскому
языку и прилежащіи ученіємъ школьнымъ, на болшее
потвержденіе и разширеніе Православной Каѳолической
вѣри, на честь же и похвалу всемогущаго Бога“. Онъ же,
слишавши отъ насъ сіе и узрѣвши наши патента, по-
велѣ пріяти насъ честно въ туюжде гостинницу и пред-
ставиша намъ трапезу изрядну, якоже и протчімъ.
Повелѣ же намъ оній игумень приходити тамо на всякъ

день, рано и въ вечеръ, донелѣже замедлимъ тамо. Ми же, не хотяще время погубляти всеу, замедлѣхомъ точію чрезъ два дни, субботу и неделю, ядохомъ же и пихомъ довольно въ той гостинниці, нощевахомъ же въ инной вишереченной, ибо та токмо къ ястію духовныхъ, другая же къ ношеванію обще всѣхъ путниковъ устроена есть. Разсмотрѣхъ же азъ добрѣ чрезъ тое время внѣ и вънутрьду оній вишшепомянутый домъ Пречистія Владичици нашей Богородицы и како и откуда принесся, что все послѣдователнѣ увѣстися.

Описаніе Дому Богородичного Лоретского.

Домъ Пресвятія Богородицы, иже въ мѣстѣ Лоретѣ, въ Панствѣ Римскомъ стоитъ посреда церкви, созданъ не отъ родимаго камене, но отъ плинѣхъ самихъ, не великъ собою, въ долготу, яко десять лактій, въ широту же и висоту яко осмь, ветхій зѣло, имущъ по обою страну дверци, отъвнѣ убо отъ верху даже до низу вѣвесь мраморемъ бѣлимъ гладцѣ обложенъ, яко аще кто не вніде въ его, не разсмотреть его, разумѣти имать яко вѣвесь отъ единаго мрамора изсѣченъ есть, сие зѣло углаженными дсками каменными лѣпо обложенъ, яко лице въ нихъ зрится человѣче, аки въ зеркалѣ. Созади дома того, си есть на стѣнѣ олтарной, изображенній есть написъ Латинскимъ діалектомъ, писмени великими, сѣченными на мраморѣ, тими словеси: *Christiane hospes qui pietatis votive causa huc advenisti, Sacram Lauretanam domum vides divinis misteriis et miraculorum gloria toto orbe terrarum venerabilem. Hic sanctissima Dei genitrix Maria in lucem aedita, hic ab angelo salutata, hic aeternum verbum Dei caro factum. Hanc angeli 1-mum e Palestina in Illiricum aduxere*

ad tersanctum oppidum anno salutis 1291, Nicolao 4-to summo pontifice. Triennio post iniicio pontificatus Bonifacii 8-vi in Picenum translata prope Recinetum urbem in huius collis nemore eadem angelorum opera collocata est, ubi loco intra anni spatium ter commutato hic postremo. Sedem divinitus finxit anno 300. Ex eo tempore tam stupendae rei novitate vicinis populis in admirationem commotis tum deinceps miraculorum fama longe lateque propagata Sancta haec Domus magnam apud omnes gentes venerationem habuit, cuius parietes nullis fundamentis subnixi post tot saeculorum aetates integri stabilesque permanent. Clemens Papa 7-mus illam marmoreo ornatu circumquaque convestivit anno Domini 1525. Clemens 8-vus Pontifex maximus brevem admirandam translationis historiam in hoc lapide inscribi iussit anno 1595. Antonius Maria Gallus S. R. E. Praesb. Card. et Episcopus Auximi S. Domus protector faciundum curavit. Tu pie hospes Reginam Angelorum et Matrem gratiarum hic religiose venerare ut ejus maeritis et precibus a dulcissimo Filio vitam auctore et peccatorum veniam et corporis salutem et aeterna gaudia consequaris.

„Тоеежъ самое по Словенску: Христіанскій гостю, иже по желанію и обѣщанію здѣ пришель еси, святыи Лавретанскій домъ зриши Божественными таинствами и чудесь славою отъ всего міра почитаеми. Здѣ Пресвятая Богородица Марія родися, здѣ отъ ангела благовѣствовася, здѣ предвѣчное Бога Слово воплотися. Сей ангели первое зъ Палестини въ Иллирикъ пренесоша до три-святаго мѣста, року отъ Рождества Христова 1291, въ время Николая четвертаго, папи Римскаго. По тріехъ лѣтѣхъ послѣди, въ началѣ папѣжства Вонифантія VIII, въ Пѣценъ принесень, близъ Рецинета града, на сей холма пустинни тѣмъжеде ангеловъ дѣйствомъ поставель, гдѣ

мѣстомъ въ части году трижды премѣняющися, здѣ, на послѣдокъ сѣдалище Божественнымъ Промисломъ водрузи въ лѣто 300. Отъ того времени толь чудесной вещи новиною окрестніе народи къ удивленію возбудивши таже паки чудотворении далече и широко прославленъ святій сей домъ веліе отъ всѣхъ народовъ почитаніе имѣяше. Его же стѣни никаковымъ поддержими основаніемъ по толь многихъ лѣтахъ цѣли и крѣпки пребываютъ. Климентій папа седмій его мраморнымъ украшеніемъ окрестъ одѣя, лѣта Господня 1525. Климентій осмій, папа Римскій, краткую чудотворнаго пренесенія повѣсть на семь камени изобразити повелѣ въ лѣто 1595. Антоній Марія Галлюсь С. Р. Ц. пресвитеръ, кардиналъ и епископъ ~~Авксима~~ ^{Авксима} С. Дому заступникъ сотворити сія потщался. Ти, побожній гостю, Царицу аггловъ и Матерь благодати здѣ благоговѣннѣ почитай, да Ея предстательствомъ и молитвами отъ сладчайшаго Сина Жизнодавца и грѣховъ прощеніе и тѣлесное здравіе и вѣчную радость получиши". — До здѣ внѣшное лице Его. Многократнѣ же вхождахъ внутрь, поклоненія ради, съ прочіимъ множествомъ народа и разсмотрѣхъ вся въ немъ. Внутреннее его зданіе простое, на четири углы, и якоже рѣхъ отъ самихъ точію плинѣъ безъ примѣшанія камня природнаго, есть же зѣло старь, яко не могль би стояти, аще не би отъвнѣ мраморомъ биль ограждень. Есть же тамо внутрь и престоль, служенія ради литургіи, серебромъ и златомъ и лампадами украшень, верху же онаго есть чудотворная безчисленно икона Пресвятія Богородици, не вѣмъ, отъ камене ли, или отъ древа, или отъ чесого инного сотворенна, се точію вѣмъ, яко не писанна на дсцѣ, но сѣчивомъ содѣланна, каменми же драгими и кленотами зѣло ущещренна. Не увѣдахъ же и не вопрошахъ, еда ли со до-

момъ пренесся или послѣди поставленна есть. Созади престола въ стѣнѣ дому онаго, низу при землѣ, есть мѣсце маленькое, въ подобіе пещери или печи, идѣже тамошнимъ нарѣчіемъ именуютъ кузѣна, си есть кухня, на ней же (повѣствуютъ) яко яству варяше преблагословенная Владичица наша Дѣво Богородица. Еще же кромѣ того вси глаголютъ, яко мисочки и ложки и инніе сосуди господарскіе, иже въ дому томъ обрѣтошася въ великомъ сохраненіи и доселѣ блюдутся. Изнесе же въ той часъ священникъ въ видѣніе всѣмъ едину мисочку малу зѣло ветху, яко украса загладися на ней и разсѣдся на маліе части, того ради оправленна въ мосендзъ и держаше ю стоя при престолѣ и полагаху людіе различніе воши, освященія ради, яко то: чотки, крести, хустки, перснѣ, мѣру пояса пресвятія Богородици и прочіи, яже въ томъ градѣ продаются. Полагахъ же и азъ недостойній многіе вещи тамо купленіи, обичаю послѣдующи, благословенія ради, и отнесохъ съ собою. Стѣни дому онаго внутри суть зѣло учерненни и углаженни отъ лобизанія и прикосновенія народнаго. Еще же даѣтся тамо вода всѣмъ требующимъ, ею же омивають оніе ветхіе святіе сосуди и олива отъ лампади, непрестанно предъ чудотворнимъ образомъ горящей, и хлѣбъ зѣло малъ, яко нѣкая монета, съ печатію богородичною, яже всѣ къ врачеванію недуговъ упогребляють; отъ тихъ всѣхъ и азъ недостойній воспріяти сподобихся. Доздѣ о дому. Градъ Лоретъ сѣдитъ верху гори високо, между иними горами и долинами, отъ моря недалече, яко три или четири поприща, строеніемъ не великъ и не високъ, токмо лѣпотенъ и имать нѣкіе полати коштовніе; доми суть всѣ каменніе, ограду токмо имать едину и то не крѣпку, крѣпости же или фортеци не имать, но во подобіе веси составленъ; славенъ всѣмъ

христіанствѣ ради дома Богородична; коморъ много торговыхъ имать, въ нихъ же продаются четки, разніе менталѣ, абрисы чудотворнаго онаго образа и прочая безчисленная. Народа имать много живущаго, приходящаго же еще вѣще, на поклоненіе, отъ различныхъ бо странъ приходятъ тамо, наченши отъ Полской, Нѣмецкой, Венгерской, Ческой, Венецкой, Грецкой, Римской, Гішпанской, Французкой, отъ прочіихъ земель приходятъ, ихъ же не вѣмъ наректи, множества ради; всякъ бо грядій до Риму или до Бару по земли, на поклоненіе до Святителя Христова Николая, не минаетъ его, понеже на пути Римскомъ стоитъ. Есть же отъ Рима далече 139 миль, сіе верстъ, отъ Бару же четириста. Сотворшимъ же намъ и совершившимъ довольно свое путническое поклоненіе, сотворихомъ совѣтъ между собою, азъ съ другомъ моимъ Іустиномъ, камо имами первѣе шествовати, къ Риму или къ Бару. Разсуждахомъ бо, яко аще пойдемъ первѣе къ Риму, довольни будемъ видѣніемъ величества, красоты и славы его, и о меньшихъ уже небрегуще восхощемъ возвратитися воспять, или, утружденни суще пѣшехожденіемъ облѣнимся пойти поклонитися мощемъ угодника Божія Святителя Христова Николая. Егда же пойдемъ первѣе къ Бару граду, и узрѣвши меньшая, можемъ, ради болшихъ, на болшіе и далшіе подвигнутися труды. И умислихомъ первѣе ити къ Бару. Въ понедѣлокъ убо возсіявшу слонцу, идохомъ въ церковь и поклонихомся дому пресвятія Богородици призвавше же Бога на помощь и его прелюбезную матеръ, преблагословенную Дѣву Марію, яхомся пути къ великому чудотворцу и угоднику Святителю Христову Николаю. Изшедшимъ же намъ изъ града Лорета, идохомъ первѣе горами, яко три или четири поприща, въ низъ до моря; таже пойдохъ землею

ивою, которая именуется Калаврія. Наченшимъ намъ ити землею Калаврійскою, бистъ намъ путь просто на страну полуденную, завратися бо тамъ море и зряшо брегъ просто прямо полуденнаго слонца; путь же намъ (якоже прежде увѣдахомъ еще въ Лоретѣ отъ пелgrimовъ) имѣяше бити весь воскрай брега морскаго даже до самаго Бара. И тако пойдехомъ въ долготу земли тоя, шествовахомъ же 9 днѣй, ово равнимъ брегъ морскимъ воскрай воды, овоеже жестокими горами и високими, въ брезѣ моря стоящими и зѣло жестокое и острое каменіе на пути имущими, и воистинну не бистъ намъ нигдѣ тако путь тяжестенъ, яко тамо. Шествовахомъ же денно и ношно, не обрѣтающе госпиталовъ къ преношеванію, понеже тамо путници не обикоша ходити, или яко мало усердіе имущи къ святому Николаю, или тяжестнаго ради пути; аще же инніи и ходять, то идуть отъ Рима чрезъ Невполь инимъ путемъ великимъ. Не случашежеса тамо кромѣ двохъ устрѣсти путниковъ, не ходять бо тамо такъ, якоже путемъ Римскимъ, якоже прежде шествующимъ намъ въ Италиі не обрѣтахомъ въ дни часа ни единаго, въ онъ же би не стрѣталися съ единымъ, двѣма, трома, четирма, пятма, иногда же и десятъма пелgrimами, тамо же никакоже; страна бо та оскудна въ хлѣбъ, неимущая хлѣба бѣла пшенична, токмо чернь и тотъ драгъ, земля бо тамо суха и неплодна, водъ здравихъ неимущая, того ради и отъ благороднихъ мало въ себѣ имать, но всеъ народъ нѣякій простолюденъ, некрасноризенъ, нестраннолюбивъ, ученій школнихъ неимущъ, въ всемъ отмѣненъ отъ Италіянскаго. Тамо градовъ знаменитихъ нѣсть, токмо посредніе, и тихъ мало, и не тако лѣпотни строеніемъ, якоже въ Италиі; единъ токмо градъ издалече видѣхомъ нѣякійсь ветхій, именуемій Юліановъ, той зряшеса отъвнѣ бити добро-

образень и крѣпокъ, внутрь же не вѣмъ како, понеже не тако далече, яко високо отъ пути стояше на горѣ надъ берегомъ морскимъ, и не хотѣхомъ трудитися къ нему, не градовъ бо презирати, но мѣстомъ святымъ идохомъ поклонитися. Прочіихъ же градовъ ниже имени вѣмъ, понеже ниже вопрошахомъ, иніи же ношію мимо пдохомъ, того ради, яко гостинницъ не имуть къ пріятію путникомъ, и тамо намъ бѣше гостинница, идѣже изнемагахомъ или въ дни или въ ноши. Земля тамо суха до зѣла, ниже травы, ниже лѣса имущая; аще же и бѣше, но далече отъ пути, весь же отъ веси такожде далече, и мнѣся бити край онъ невесель и аки пустъ. Болше би тебѣ и широчае желаль описати, благій читателю, но ниже азъ, ни съпутникъ мой Іустинъ могохомъ, нужди ради превеликой. Воистинну бо не бистъ намъ нигдѣ тако путь тяжестень, яко тамо, многажди бо прехождахомъ рѣки и потоки, отъ между горъ тамо въ море текущіе, иже не суть глубокіе, но бистріе, и дробное каменіе на днѣ имущіе, ихъ же переходити нужда велія бѣше. Преходяще бо ихъ, преношахомъ ризи своя верху главъ и многажди ово отъ претиканія, ово же не тѣрпяще болѣзни отъ остраго онаго и дробнаго каменія подъ ногами слишимой, иже аки гвоздіа въ ноги бодуть, иногда же и тяжело урочаютъ, падахомъ погружающесе и омочающесе съ одеждами. Едали можетъ что горчайшее бити? Прехождахомъ же потоковъ тихъ яко пятнадцать или двадцать, частѣ обнажающесе и одѣвающесе, и паки обнажающесе, индѣже токмо презувающе сандалія. На сусѣ же такожде нужда бѣше, не имѣхомъ бо чрезъ 9 днѣй и ноцій нѣгдѣ пути чиста, безъ камене; но аще берегомъ идохомъ воскрай води морскія, все бѣше каменіе дробное, острое, якоже и въ потокахъ, по немъже аще и въ сандаліяхъ шествующе, бо-

лѣзнь въ ногахъ претерпѣвахомъ, понеже не можетъ на себѣ держати челоуѣка, но угнѣтаются подъ ногами и челоуѣкъ, ходя по нихъ, зѣло ослабѣваетъ. Аще же гдѣ путь непроходень бѣше воскрай води, тамо путь раздѣляшеся отъ брега въ гори и паки на брегъ сходяше и паки совращашеся въ гори. На многихъ же мѣстѣхъ шествовахомъ горами високими и зѣло неравнѣй путь и острое каменіе имущими, идѣже велію нужду претерпѣвахомъ, не обрѣтающе води, ни веси, понеже тамо далече едини отъ другихъ селятся. Немошни же бѣхомъ пищи ради, яко ничто ино не имѣхомъ ясти, кромѣ хлѣбъ и лукъ, индѣже и того не имѣхомъ, но гладь претерпѣвахомъ, испрошающе мало что, или ничтоже, купивши же съ собою нести не змогахомъ, едва тѣло свое отъ горячести солнечной влекти могуще. Множицею же зѣло тяжестно падахомъ отъ частаго претиканія ножнаго о камень остръ и поражахомъ члени и разбивахомъ сосуди, въ нихъ же воду ношахомъ, и пребывахомъ безъ води, яже естъ дражайша паче злата и сребра путешествующему. Случашежеся ходити блудяше алчуще и жаждуще въ горахъ и вертепахъ и пропаstechъ земнихъ, къ Единому возивающимъ Богу; разслабѣвахомъ же и костми отъ хожденія и лежанія на камени твердомъ. Еще же къ тому въ самое горящее время мѣсяця Іюля и толь горящою страною полуденною шествовахомъ, яко всѣ намъ кости и состави тѣлесніе разслабѣваху и едва мозгъ въ главѣ не изсушися и едва чувства не повредишася. И уже не бистъ тамо когда путешествія описовати, не токмо бо писати, но ниже ясти, ниже сѣдѣти, ниже зрѣти, ничто разглаголствовати кромѣ нужнаго словесе возмогахомъ, полумертви суще отъ зноя солнечнаго и обліянія потнаго, преизлишше отъ насъ текущаго (здѣ всякъ рассуждай, путешествовати желай);

но ми сія вся претерпѣхомъ помощію Вишняго. Таже по 9-ти днехъ, въ среду рано, dospѣхомъ въ граду, именуемому Sanct Michael, то есть Святаго Михаила, стоящему на горѣ високой, яже именується Monte Gorgoneo, еже есть гора Горганская. Оній градъ въ всей Калаврѣ и далечеа есть пресловутій и славень. Стоитъ на високой зѣло горѣ, надъ берегомъ морскимъ стоящей. Доми въ немъ каменіе и костели и кляштори, то есть монастыри, суть зданіе лѣпо; вода обрѣтается здрава. Единою же точію оградю каменно ограждень, якоже и Лореть; всходъ ку нему и сходъ такожде зѣло тяжестень есть, именуеть же ся Санктъ Михаель того ради, яко Святій Михайль Архангель изгна оттуду змія. Есть бо тамо пещера некопанана, но отъ самородней скали отваленна въ долготу и висоту яко десять лактей, въ широту же яко двадцать, въ ней же древле живяше діаволь въ образѣ змія, иже взиماشе отъ людей, тамо окрестъ живущихъ, данъ отъ живихъ мужей, женъ и дѣтей и подавляше я. Таже единою явися тамо воевода силъ небесныхъ Архистратигъ Михайль, и Божіимъ повелѣніемъ изгна его оттуду. Идѣже нынѣ, въ незабвенну память благодѣянія его, создаху людіе церковь въ имя его, каменимъ сѣченіемъ лѣпотнѣ устроенную, приградиша бо стѣни къ оной печешерѣ съ врати входными, пещера же невредима и нынѣ внутрь церкви стоитъ; входъ же ко ней долгъхъ есть по степенехъ, отъ великаго сѣченнаго мрамора созданныхъ, ими же съ горъ на низъ входити требѣ круто; но зѣло лѣпо и прохладно тамо, понеже подъ покровомъ; въ самой же церкви, внутрь въ пещери, прохлажденіе зѣло пріятное, яко изитти оттуду не хочется весма, аще бы и чрезъ цѣлій день пущено было сѣдѣти. Пещера оная многими явленми и чудесами прославленна есть. Тамо ми бихомъ на службѣ

а на вечерни и видѣхомъ лѣпотное украшеніе церкви и пещери тоя и строеніе лампадъ горящихъ множество, ово позлащенныхъ, ово сребныхъ. Есть же тамо внутри за престоломъ среднимъ студенець, зѣло сладку и хладну воду имущъ, ей же ми испивше по изобилной мѣрѣ удоволихомся. Есть же тамо на великомъ престолѣ чудотворній образъ Архистратига Христова Михаила, златомъ и сребромъ и драгоценными каменми украшенъ. Тамо ми, по обычаю пелgrimскому, разсмотрѣвши вся и изшедши изъ церкви, паки идохомъ тимиже степенми на гору вонъ, и егда изійдохомъ, узрихомъ каменносѣчцовъ, при входѣ пещерномъ живущихъ, непрестанно сѣкущихъ и рѣжущихъ камень бѣль яко снѣгъ, и мягокъ къ дѣланію, отъ него же изсѣкають маліе иконы Святаго Архангела Михаила и крести и чаши и солныцы и прочая, которое все продають, а денги собирають на пещеру. Убогимъ же просящимъ и безъ денегъ маліе крести дарствуютъ. Продароваху же и намъ по единому, еще же къ тому мало кушихомъ на благословеніе, таже пойдехомъ до манастировъ просити нѣчто снѣдно, бѣ бо полудне, и покормившеся препочивахомъ тамо даже до вечера и бихомъ въ тойже пещерѣ на вечерни. Таже, заходящу солнцу, изійдохомъ оттуду, не хотѣхомъ бо коснити, яко желахомъ къ Бару ускорити, понеже недалече отстояти слышахомъ. Идохомъ же жестокимъ и узкимъ путемъ каменнымъ, зъ гори сходящи круто, яко три поприща, уже при мѣсяцу ношномъ. Таже знишедшимъ на равнину, шествовахомъ, донелѣже мѣсяць свѣтѣше, егда же нощь помрачися, яко не вѣдѣхомъ пути, совративше на страну, гдѣ обрѣтше маслину, возлегохомъ подъ нею и спахомъ до утра. Заутра же, въ четвертокъ, возшедшой денници, пойдехомъ и прейдехомъ единъ градокъ не великъ, но лѣпъ, зъ огра-

дою каменною, стоящъ на брезѣ морскомъ близу, яко и огради его касается вода морская. Той городокъ належитъ до вишереченнаго Санктъ Михаель, есть бо пристанищемъ его корабельнымъ. Оттуду остапаша намъ гори на правой странѣ и бистъ уже поле равное даже до самого Бару, токмо маліе нѣгди долини являхуся, и идохомъ брегъмъ пѣщистимъ, чистимъ и мѣлкимъ, бродяще въ водѣ морской, чрезъ весь день и ночь. Заутра же, въ пятокъ, приходящимъ намъ къ единому граду Барлетѣ, видѣхомъ недалече на полѣ равномъ множество народа, влачащихъ отъ езеръ соль, яко дробное каменіе, лѣпу и бѣлу, и висиповаху отъ нея могили велики и множество ихъ: бяху бо могилъ вящше яко сто и езеръ такожде множество. Въ езерахъ зѣло мало води и вода въ нихъ червоная мало, яко нѣкое вино, подъ водою же на днѣ соль зѣло чиста и бѣла родится. Тамо азъ видѣхъ хлѣба много и котли кипящіе съ яствою, ради дѣлающихъ соль. Просихъ отъ нихъ милостины и даяху ми хлѣба много, яко едва могохъ понести, просихъ же и соли мало, нужди ради подорожной, но никакоже нигдѣ же даху, еще же прещаху, грозящися на мя и глаголющи нѣкая словеса своимъ нарѣчіемъ, но азъ не знаяхъ ни мало ихъ языка; стрежаху же мя и отгоняху скоро отъ себе, да некако возму мало отай ихъ, валяшеся бо сѣмо и овамо мало, юже погубиша носяще и труждающися, но никакоже мнѣ попустиша взяти и отъ той. Чудихся же не помалу, яко отъ толикаго множества ни мало соли мнѣ дадоша и недоумѣвахъ въ себѣ, что и чесо ради бистъ сіе. Таже отъидохъ оттуду и се преминувшу ми оніе езера и прешедшу яко поприще едино, абіе ять мя стражъ на путу и обнажи мя даже до хитона и искаше соли, созирающе отъ перваго до послѣднаго рубища моего, но не обрѣтоша ни мало,

не имѣхъ бо въ то время, аще бо прежде всегда съ собою соль ношахъ на пути, тогда же не бисть: Богу тако отъ бѣди и напасти сохранили хотящу. И тако отпустиша мя съ миромъ. Другъ же мой Іустинъ не бисть тогда со мною вкупѣ, понеже езера оніе отчасти удалени суть отъ брега и стоятъ при пути великомъ и облѣнися тамо пойти, видѣнія ради, идяше же берегомъ морскимъ, лючшой ради прохлады. Видѣ же онъ возвращающихся отъ поля людій въ градъ и вергающихъ въ море соль, елико кто изъ града изнесе, потреби ради и остася; инніи же висиповаху на брезѣ на сусѣ. Се же того ради, яко всѣхъ тамо призираеть стражъ, и аще би обрѣлы въ кого соль, то въ воузи полагають его и поплащаетъ много, неимуци же чимъ заплатити въ катергу отдають его, яко злодѣя цесарского: соль бо тая цесарская бысть Нѣмецкая. Іустинъ же мой не вѣдяше такожде, коей ради вини мешуть соль, и отшедшимъ имъ, взять на потребу свою, колико хотяще, и преиде берегомъ даже до самага града, неусмотрѣвшой его стражи. И прославихомъ Бога и Его угодника Святителя Христова Николая, яко молитвами его обою наю спасе отъ напасти. Таже, о полудни, прійдохомъ къ граду Барлету, которій есть великъ и въ широту и долготу и изрядень строеніемъ, полати лѣпіе и церкви и монастыри такожде имать. Болшій и лучшій отъ Лорету и Санктъ Михаелъ, подобній якоже Аримини, сѣдитъ отъ горъ далече, яко едва зрятся отъ него, при морѣ, на брезѣ равномъ; море касается огради его; при станище кораблемъ многимъ есть; люда внутрь много имать. Тамо ми не размотряюще долго, понеже знаехомъ, яко паки тамо имами прійти возвращающесе отъ Бара, къ Риму бо путь тамо предлежаше, якоже увѣстихомся. Сего ради изшедше оттуду, сѣдохомъ за вра-

ти градскими и снѣдохомъ трапезу. Таже крестное на себѣ знаменіе положше и Св. Николая на помощь призвавше, пустихомся въ путь, совѣщавшеса денно и ношно шествовати даже до Бара, недалече бо, за тридесять миль точію отстояше, къ тому же ночь свѣтла бѣше и путь великъ и широкъ и единъ бистъ. Шествующимъ же намъ нощи тоя помежду прекрасными оградами виноградными и прелстившеса діаволомъ прелѣзовахомъ, идѣже зѣло низкіе обрѣтахомъ огради, и рвахомъ отай ягоди, никому же слышущу, понеже въ день твердо стрегутъ я, въ нощи же не тако. Се же того ради, яко не имѣхомъ тогда въ тиквицахъ своихъ води и жаждни бихомъ, отчасти же страсть насъ побѣждаше, яко въ то время еще точію начинаху дозрѣвати ягоди и едва очима ихъ не ядохомъ, наипаче же яко отъ странъ тѣхъ бѣхомъ, въ нихъ же виноградъ не родится, или мало. Обаче аще и малу кривду сотворихомъ человекомъ въ ягодахъ, то Богъ праведень сій, комуждо даѣй по дѣломъ его, наказа мя отчасти. Уже бо кончающейся нощи, егда утрудихомся отъ пути, минувше единъ градъ Тарань и обрѣтше при пути въ стѣнѣ огради виноградной созданное отъ камени точило, въ немъ же дѣлается вино, тамо изволихомъ уснути мало. Сѣдшимъ же намъ тамо внутрь и разрѣшшимся отъ сановъ своихъ, таже въ нѣдра моя вложихъ руку, хотя извлеши патента и сокрити я, но не обрѣтохъ прочее, ниже вѣдахъ, гдѣ погубихъ. Тогда разумѣвъ бити казнь Божую на мнѣ и помислихъ оніе словеса: „ищай чуждая, свое погубляетъ“, и начахъ скорбѣти и тужити, не вѣдая, что творити. Оставихъ же Іустина, да идетъ къ Бару и ожидаетъ мене тамо, самъ же возвратихся искати патентовъ и идохъ чрезъ останокъ нощи и утро до полудне, ища и познавая мѣста, идѣже крадахъ ягоди или ино что дѣ-

лахъ, но не обрѣтохъ; такоже и вопрошахъ всякаго стрѣтающаго мя человѣка, но ни какоже, ни отъ кого же увѣстихся, и уже въ обѣдное время паки прійдохъ къ граду Берлетъ и вшедши внутрь на средоградіе, многихъ вопрошахъ людій съ плачемъ, но не обрѣтесе обрѣтій. Пойдохъ же азъ въ канцелярію мѣсную и скажуя имъ неблагополучній случай свой, просихъ у нихъ или совѣта, что имамъ творити, или нѣкоей помощи. Они же даша мнѣ свидѣтелствованную грамоту съ подписомъ самага судіи и иннихъ съначалнихъ ему двоихъ, въ ней же написано бяше свидѣтельство о погубленіи патентовъ моихъ и прошеніе, еже вездѣ добровольній имѣти пропускъ и страннопріятіе отъ всѣхъ, равное съ прочіими пелгримами. И давшѣ ми оное свѣдѣтельство, рекоша, да яко аще и не обрѣтешѣ патентовъ своихъ, удобѣе съ тѣмъ пройдеши всюду и пріятъ будешѣ. Азъ же взявши е, мало отради въ себѣ послѣшахъ, и благодарствуюя имъ отъидохъ тогожде дне, въ субботу по полудни. Идохъ же по малу денно и ношно, понеже утрудихся до зѣла и разболѣся ми правая нога, яко едва могохъ шествовати. Мимоидохъ же градовъ четири, воскрай брега морскаго стоящихъ, лѣпіе домп и кляштори каменіе имущіе, съ огражденіями и врати, но меншіе отъ Берлети. Тамо же случися мимо ити брегъ морскимъ два, или вѣще поприщъ, идѣже смрадъ исхождаше отъ моря, яко едва мощно терпѣти; идѣже въ брезѣ морскомъ въ водѣ воднихъ источниковъ видѣхомъ множество, воду горѣ испускающихъ отъ спудовъ земнихъ. Чесому почудихся не мало, паче же Божію смотренію.

Описаніе Бара града и яже въ немъ видѣхъ.

И едва въ недѣлю, позно въ вечеръ, ради болѣзни ножной, достигохъ пресловутаго Бара града. Тогожде

дне и спутникъ мой прїиде тамо, токмо рано, и совокупившіся паки, идохомъ къ гостинниці Святителя Христова Николая, стоящей при церкви, въ ней же мощи его опочиваютъ. Въ той гостинниці всякому приходящему пелгриму даются три вечера и три постели къ пренощеванію. Снійдохомъ же ся тогда, не вѣмъ десять или дванадесять, и по всегдашнему своему обикновенію оглядѣвши всѣхъ патента, представивша намъ трапезу честну, въ честь Святителя Христова Николая, и по доволной мѣри вина. По снѣденіи же ея и благодареніи, воведѣ насъ страннопріемникъ внутрь гостинниці и даде всякому свое ложе и спяхомъ въ славу Божию. Заутра же, въ понедѣлокъ, идохомъ въ костелъ, въ немъ же опочиваютъ святіе мощи Святителя Христова Николая. Вшедшимъ же намъ тамо и созирающимъ, гдѣ мощи Святаго опочиваютъ, и не обрѣтахомъ. Видѣхомъ же множество народа съ женами и дѣтми, входящихъ внутрь и исходящихъ вонъ, по обою страну степенми каменными, тогда уразумѣхомъ, яко тамо суть мощи, и текохомъ абіе въ слѣдъ ихъ степенми мраморными широкими, лѣпотнѣ созданными, подъ спудъ великія церкви, деснимъ входомъ, два бо суть тамо входи, единаче созданные, единъ одесную и единъ ошуюю. Тогда вшедшимъ намъ тамо внутрь, обрѣтохомъ тамо инну церковь лѣпу, но не велику, яко до половины верхней, кратка бо зѣло и низка, токмо широка, яко же и верхняя, ея же верхъ поддержитя двадесять и шести столпами, иже всѣ подобятя въ дѣлѣ, точію единъ разнствуеть, меншій бо тонкостію отъ прочіихъ и огражденъ кратною желѣзною. Престоловъ точію два имать: единъ началній и другій подначалній, на нихъ же священники на всякъ день, отъ утра даже до полудне, непрестанно мшатъ, си есть литургисаютъ. Престоль первоначальный есть весь сре-

брокованъ хитростнимъ и лѣпотнимъ художествомъ, стоитъ же посреда церкви, верху гроба Святителя Христова Николая. Подножіе церкви тоя бѣлыми, гладкими и чистими дсками мраморными уславно есть, верхъ же ея весь лампадами серебряными украшенъ многочисленными, отъ нихъ же суть вѣшше яко пятьдесятъ. Тамо ми слышахомъ лутургіи, Римскимъ нарѣчіемъ и обыкновеніемъ отправованной, и по обычаю путническому помолшеся по силѣ своей, лобизахомъ гробъ Святаго, поневажъ мощей не отверзають никакоже или не имуть; не имуть бо Римляне сего обыкновенія, кромѣ великой потреби. Престоль же оній великій есть загражденъ съпреди, въ подобіе вертограда, балясами, отъ мрамора искуснѣ сѣченными. На той убо оградѣ ошуюю стоитъ въ чаши серебряной мана, отъ мощей святаго Николая истекающая, аки вода, и частѣ къ ней приходя единъ отъ священникъ, помазуетъ на челѣ крестообразно тѣхъ людей, которіи, по вислушаніи литургіи, хочуть отходити. Тамо и ми приходихомъ многократнѣ и мазахомся манюю оною. Не далече же того потира, на другой страннѣ, въ стѣнѣ, въ маломъ ковчежци, за кратною желѣзною, есть отдѣленна частъ суха мощей Святителя Христова, идѣже людіе приходятъ и касаются перстами, досязающе чрезъ крату, и лобизающе персти своя, чессому и азъ недостойній участникомъ бити сподобихся. Егда же излѣзохомъ оттуду вонъ, въ церковь велику, которая на версѣ стоитъ, видѣхомъ и строеніе ея, лѣпо и честно зданно, три врата великіе входніе имущее, съ столпи каменными и подножіемъ каменнымъ, пространно въ долготу, висоту и широту расположенное. Медлящимъ убо намъ въ Барѣ градъ чрезъ три дни, на вечеру и нощеваніе ходяще къ вишшепенанной гостинниці, въ день же потребная себѣ предъуготовляюще. Бивахомъ

же на всякъ день на правилѣ церковномъ въ храмѣ святаго Николая, и о многихъ вещехъ вопрошаючи, ово отъ священникъ, ово отъ людѣй увѣстихомся. Суть тамо близу церкви комори четири, продающіе сосуди шклянніе, различнаго вида и образа, имущіе на себѣ икону Святителя Христова Николая изображенную; суть же нѣцѣи зѣло маліи сосуди, нѣцѣи зѣло хитростнѣ и лѣпотнѣ созданіе, яко дивитися въ истинну. Сосуди же они великіи продаются праздни, ради взятія мира святаго Николая, отъ мощей его истекающаго, которое отъ церкви его раздается всѣмъ требующимъ. Нѣцѣи же сосуди, иже суть зѣло малы, наполненни зъ миромъ, продаются и запечатани крѣпко, отъ нихъ же азъ купихъ нѣколико сосудецъ наполненныхъ и два празднихъ и идохъ и наполнихъ я въ церкви, и съпутникъ мой Іустинъ такожде. Сосуди же оніе строятся коштомъ церковнымъ, и паки собранное за ня злато на управленіе церкви и на снабдѣніе гостинници путнической належитъ. Мира тамо дается довольно, елико кто хоцетъ, токмо сосуди да будутъ куплены отъ коморъ церковныхъ, на нихъ же есть изображеніе святаго Николая, кромѣ бо тѣхъ, въ инніе отнюдь не даютъ. Суть тамо священники канонѣки, именуеміе стражіе гробу св. Николая, постановленіе въ равной чести того ради, да блюдутъ опасно себе и людѣй и гробъ Святителя Христова Николая, и да сохранно ходятъ около святинь церковныхъ и да раздаютъ требующимъ оную воду, юже они тамо именуютъ S. Манна, святая манна, и прочая потребная да творятъ. Тѣхъ тамо началствующихъ священниковъ, или стражей, вопрошахомъ о двохъ вещехъ: 1) вопрошахомъ одинаго отъ нихъ, коль много манны отъ мощей святаго Николая и чрезъ коликое время умножается? Онъ же отвѣтствова намъ, яко на всяко

утро обрѣтається гробъ полнь, и что раздается въ день, то умножается въ нощи, непрестанно бо течеть, якоже слышахомъ. Слышахомъ же еще, яко предъ праздникомъ его, двѣма или трема днями, иногда зѣло изобилно манна умножается, иногда же мало биваетъ. И оттуду уразумѣвають неомилно, яко аще когда много биваетъ манны, тогда и соборъ великъ народа христіанскаго имать снѣйтися; аще же манны мало является, тогда и людей мало собирается. И толико прозорливъ угодникъ Божій, точить цѣлебной манны, елико правовѣрному народу довлѣти. Сіе ми слишавше, удивихомся толъ чудесному отвѣту его. Паки вопросихомъ его о вишпереченномъ ономъ мраморномъ столпѣ, въ малой оной сподней церкви стоящемъ, что есть и чесо ради огражденъ желѣзною кротою онъ единъ, инніи же не суть огражденніи столпи? Отвѣтствова намъ сиче: яко егда токмо сія церковь въ имя Святителя Христова Николая сдатися начать и основаніе утвердиша и умислиша я здати на 20 и 6 столпахъ расположити, и поставиша дѣлатели отъ мрамора изсѣченнихъ кійждо на предуготованномъ своемъ мѣстѣ столповъ числомъ 25. Скорбяху же дозѣла, яко 26-го недостояше, не могоша бо уже нѣгдѣ обрѣсти мрамора, аще и прилѣжно искаху, и тако празной оставшейся церкви и дѣлателемъ, и всему граду въ печали бившу. По нѣколицѣхъ дняхъ, чудеснимъ промысломъ великаго чудотворца Святителя Христова Николая, явился нѣякій столпъ мраморній, внѣ града на морѣ плавающъ, аки нѣкое древо. Видѣвше же рыбаке и прочіи людіе, хотяху яти, но никакоже возмогаша егда бо точію кто коснутися хотяше, онъ потопаше въ глубину, послѣди же паки плаваше, и тако оставиша его. Нощи же надшедшей, и се въ самую полунощъ, егда вси людіе спаша, начаша по всемъ градѣ гласити кимвалы сами, безъ

двизанія человѣческаго. Въ тоже время св. Николае съ двѣма ангеломъ несяше оній столпъ отъ моря въ градъ и принесши въ церковь на мѣстѣ предъуготованномъ постави его. Абѣ же вси въ градъ возбудившеся, текоша въ оную церковь, и иже первѣе ускориша и притекоша скоро въ церковь, видѣша очевидно, како, св. Николай съ двѣма ангелами поставляше столпъ, послѣдиже невидимъ бистъ. И видѣвше людѣ чудо таковое, прославиша Бога и угодника Его; въ незабвенную же память образъ чудотворенія того написаха на стѣнѣ високо, на странѣ десной, въ верхнемъ костелѣ, иже и доселѣ пребываетъ. Покушахомъ же просити часть малу отъ мощей угодника Божіа, но никакоже получихомъ, нѣсть въ Римлянъ таковаго обикновенія, якоже въ Грековъ, еже би сѣкти мощи святіе на раздаяніе, или знаменоватися по вся дни, отверзтой суще рацѣ. Аще же и дарствуютъ нѣкогда часть отъ моще, то развѣ царскому лицу. Тамо же токмо раздавается манна святая отъ мощей Николая искапающее, еже они тамо въ своемъ нарѣчїи именууютъ *manna sancta*, то есть манна святая, не вѣмъ чесо ради. Попрошахомъ же паки его о вишшереченномъ столпѣ, чесо ради краткою желѣзною ограждень есть? Отвѣстова, яко столпъ оній цѣлби многи творить, найпаче же отъ болѣзни главной, и егда прежде не ограждень стояше, мнози начаха усѣчати его или угрызати орудїями желѣзными отай, исцѣленія ради; того ради оградиша его краткою густою, яко токмо коснутися перстами мощно, якоже и доселѣ творять, осязающе его и цѣлбу прїемлюще. Есть же тамо въ верхней церкви чудотворная икона Святителя Христова Николая, по правой странѣ стоящая, при ней же знаки многи и свѣдѣтельства висятъ новосотворенныхъ въ Барѣ градѣ по пренесенїи мощей чудесь. Видѣхомъ висящїй

образъ великого корабля, его же отъ потопа смертнаго пзбави. Видѣхомъ таможде кость велику, яже ланцухомъ желѣзнымъ окованна виситъ и доселѣ на стѣнѣ, толстая, аки нога человѣческая, долгая же на два сажны. Нудоумѣвахомъ же, кая есть кость и чесо ради виситъ здѣ въ церкви. Вопросихомъ же единого отъ стражей гроба С. Христова Николая, иже искусиѣ о всемъ вѣдаше. Той повѣда намъ не токма о томъ, но и о многихъ его чудесехъ и безчисленныхъ вещехъ. Глаголаше же намъ о кости оной сиче: единъ отъ рибарей тамошнихъ, егда вергаше мрежу въ море, верже на имя святаго Николая, рѣкъ въ себѣ, яко не всеу трудъ мой на имя его будетъ; и абіе атъ рибу толь зѣло велику, аки гору, яко отнюдь ея никаковимъ образомъ извлечь можаше, и моли паки тогожде скорого помощника, да якоже пособіемъ его улови, сиче извлечь, бояше бо ся, да не како и его потопить. И тогда едва съ великою нуждою, первѣе огненнымъ оружіемъ въ водѣ заби, таже извлече мертву. Той изятши едину отъ ребрь ея кость, принесе въ церковь Святителя Христова Николая и исповѣда предъ всѣми преславное чудотвореніе его. Взяша же церковники оную кость и оковавше ланцухомъ желѣзнымъ, повѣсиша на стѣнѣ десной въ церкви верхней, между инними знаменми чудесъ его, яже виситъ и доселѣ на болшае прославленіе угодника Христова. Видѣхомъ паки висящъ таможде на ланцуху зубъ слоновъ, такожде великъ, якоже и кость иже такожде чудеснѣ малою силою уловленъ бистъ и въ знаменіе благодарствія отъ ловца одного зубъ его принесеса въ даръ святому Николаю. Многая же инная, на дскахъ изображенная, сами видихомъ чудеса и чтохомъ на нихъ Латинскіе подписи, како и когда сотворишася. Ихъ же, множества ради, и писати время не довлѣть и памятовати

невозможно. Сего ради отъ тѣхъ всѣхъ, отъ нихъ же лучше увѣдахъ, написахъ, прочая же оставляю. Се токмо, благій читателю, оставить не могу, еже на мнѣ собиется даръ исцѣленія отъ того жъ угодника Божія. Еще бо днемъ предъ входомъ моимъ въ градъ Баръ, (якоже предъписахъ), не вѣмъ откуда, отъ путешествія ли, или естественнѣ разболѣся нога десная на пути, яко едва могохъ прійти къ граду; таже чрезъ три дни паче разболѣся и одмеса, аки бревно, яко едва съ великою нуждою хождахъ по градѣ, пищи ради и инной нуждной потреби, и ниже въ сандаліяхъ можахъ ходити, но босъ. Печалень же бѣхъ азъ зѣло, яко не у еще мимошедшей скорби о згубленнихъ патентахъ, найде сія вторая. Присно же прихождахъ къ гробу Святителя Христова Николая, моля его съ слезами, да ми поможетъ въ обѣхъ тѣхъ. И се молитвами его по двою днію безъ всякаго иннаго врачеванія, не вѣмъ како ищезе толстота отъ ноги моя и хождахъ здравъ, якоже и прежде. Сіе азъ разумѣвъ бити не кого иного, токмо отъ с. Николая, и благодарихъ Бога и его угодника. Въ тоже время, егда болѣзновахъ на ногу въ Барѣ градѣ, случися пойти вкупѣ съ другомъ моимъ Іустиномъ до единого Францешканскаго конвента, си есть монастыра, ради прошенія снѣди, идѣже единъ отъ братій тѣхъ, имѣяй любовь Божию и ближняго въ сердцу своемъ, изнесе намъ окрошцовъ хлѣба бѣла и чиста, отъ трапези оставшихся, съ инною яствою и вина мало. Таже, по снѣденіи того въведе насъ внутрь монастыра, внутрь единого угла темна, общася намъ еще нѣчто принести въ снѣдъ, и о отъиде, повелѣвая ожидать его. Таже принесе полнь обрусецъ винограда сладкаго сухого и давши его намъ въ руцѣ, абіе самъ вержеса долу, хотя мои облобизати нозѣ, мнѣ же не допускающу его, заклать мя именемъ Іисуса

Христа, да невозбраню ему, и оставихъ по волѣ его сотворити, и той нагіе мои и грѣшніи обლობиза нозѣ и даде сандалія; такожде и друга моего Іустина, но той бѣше здоровъ и обувень въ сандали, сего ради верху сандалъ лобиза его, и отпусти насъ съ миромъ. Ми же присно поминающе толь великую любовь и смиреніе инока того, удивляхомся зѣло, понеже еще первое случися видѣти толь великую добродѣтель въ Римлянахъ, еже въ незабвенную память написахомъ въ путницѣхъ своихъ. Разсмотрѣхомъ красоту града, которій величествомъ и красотю есть, якоже и градъ мимошедшій Берлета. Стоитъ же на веселомъ полю, далече отъ горъ, яко едва зрятся отъ тамо, на мѣстѣ равномъ, пѣнцистомъ, чистомъ, на самомъ брезѣ, яко отъ единія страни ограду его омочаетъ волна морская. Строеніемъ костеловъ, монастырей и домовъ есть лѣпотень, народа въ себѣ живущаго иматъ много, такожде и отъ приходящихъ на поклоненіе по морю и по суху есть множество. Тамо поставленъ есть престоль архіерейски и архіепископъ, тамо живій, началствуетъ. Градъ той оградю каменою огражденъ есть лѣпо, съ врати отъ каме сѣченнаго зданними. Окрестъ града суть много садовъ мигдаловихъ, инное оwoщіе имущихъ, виноградовъ же такожде и маслинъ веліе изобиліе. Тамо пашень мало, отъ пристанища же морскаго много живетъ, понеже множество чуждостраннихъ и окрестнихъ людій съ кораблѣ припливають и куплю дѣють. Стоитъ же въ самой странѣ полуденной (якоже слипахъ) въ конецъ земли, яко отъ тамо точію три дни пути противу полудне, идѣже самій конецъ и острота земли тоя есть, къ которому концу пришедши человекъ не можетъ вящше далече шествовати просто, но или на западъ или на полунощъ возвратитися долженъ, отъ всѣхъ бо странъ окружаетъ море.

*

Предъуготовавшимъ же намъ вся тамо въ Барѣ градѣ и уже хотящимъ изійти, зѣло жалѣхомъ, яко не видѣхомъ цѣлихъ мощей С. Христова Николая и како отъ нихъ истѣкаеть манна святая, никому бо не отверзають гроба. Ми же просихомъ зѣло прилѣжно всѣхъ онихъ стражей гробу Святителя Христова, глаголюще, яко ми отъ толь далечайшихъ странъ не возлѣнихомся прійти, единого ради того, да видимъ и любизаемъ мощи угодника Божія, -нынѣ же тици отходимъ въ желаніи. Како убо и что проповѣми инимъ, не видѣвши и не увѣдѣвши сами, и проч. Умилосердившижеся прошенію нашему, повелѣша замедлѣти намъ къ вечеру и ускорити въ церковь предъ вечернею, прежде даже не снітися людемъ, отай хотяще намъ отверзти гробъ Святаго, да не будетъ зазоръ въ людехъ, понеже не имуть обикновенія никомуже показовати. Ми же сотворихомъ, яко же намъ повелѣнно бистъ, и егда прійдохомъ предъ вечернею въ церковь, поведе насъ еkkлeсiархъ въ скарбницу церковную, идѣже вся святая содержатся, показова же намъ многіе мощи святыхъ подробну. Показоваше ость, яже главу Христови даже до мозгу пронзе въ время Страстей и одежду его нешвенную; власи Пресвятой Богородици; крестъ Григорія Богослова; зубъ Маріи Магдадени; губу, отъ нея же Христосъ на крестѣ піяше оцетъ съ желчію; часть мощей Архидіакта Стефана; святаго Іакова, брата Господня, и другаго Іакова и проч., ихъ же, множества ради, воспоминаuti не могу, но нѣкія, ихъ же памяствовахъ, написахъ. Послѣди же поведе насъ въ оную вишшеписанну церковь, яже есть подъ спудомъ верхнея церкви, къ великому олтару, отъ сребра ськованному, и отверзи спреди маліе дверци, яко точію челоуѣку мощно вползти чревомъ. Вполжеже первѣе до пояса тамо самъ онъ ключехранитель, и заже малъ свѣ-

тилникъ, дазримо будетъ. Влѣзохъ же азъ многогрѣшній по немъ и мнѣхъ раку отворенну бити, якоже въ нашихъ странахъ повсюду всегда рака отверзается, якоже ковчегъ или, просто рещи, скриня. Тамо же не тако: рака бо мощей святаго никакоже отверзается, понеже отъ мрамора изсѣченна толсто и широко, аки нѣкій сосудъ, или ковчегъ, и глубоко въ землю яко на 5 пядій, равно съ подножіемъ престола постановленна недвижимо и дскою великою, такожде отъ мрамора изсѣченною, приваленна крѣпко въеже не отверзати никогда же. Се же, мню, того ради, яко мощи нѣ суть, но или украденны отъ ныхъ, или инуду сокровенны, или раздробленны на маліи частицы и разданны въмѣсто святыхъ Римскихъ и не мощно народу являти я. Сквозѣ же оной дски мраморной сверху есть оконце просѣченное, круглое и невеликое, яко можетъ таларь битій покрыти его. Бистъ же тогда онымъ оконцемъ на ланцужку желѣзномъ внутрь зажжена свѣща и завѣшенна глубоко, яко до полъ раки. И влѣзши азъ тамо внутрь, положихъ едино око надъ оною дирицею и видѣхъ раку оную мраморну глубочае лактя въ земли, аки криницу, до половины воды, или манны, имущую, аже, аки найчистшая вода, свѣтла есть, и сквозѣ ю подъ спудомъ зрятся аки би кости бѣліе, отъ нихъ же аки потніе краплѣ исходятъ непрестанно, тѣла же нѣсть, но все расплися, глаголють, въ миро, и кости не мощно познати отъ каковаго члена суть, понеже не на своемъ мѣстѣ лежать. Егда же излѣзохъ азъ оттуду, влѣзе по мнѣ другъ мой и спутникъ Іустинъ. Вопросы же мя оній канонѣкъ, иже отверзе гробъ святаго, едали видѣхъ добрѣ? Отвѣщахъ, яко видѣхъ, токмо не могу уразумѣти, како тамо (якоже прежде отъ многихъ слышахъ и чтохъ) отъ колѣна деснаго истѣкаетъ миро святое. Онъ же рече ми, яко невозможно есть по-

знати, кая кость отъ колѣна и кѣи инни, вси бо не на своемъ мѣстѣ лежатъ, но смѣшенны, пренесенія ради; отъ колѣна же деснаго точію начатъ миро точитися, нынѣ же отъ всѣхъ равно костей исходитъ. Егда же излѣзе другъ мой Іустинъ, паки азъ смотрѣхъ вторицею и уразумѣхъ лучше. И не мняся быти истинны кости, но отъ тогожде мрамора хитростно изсѣченны, якоже уразумѣхомъ съ Іустиномъ. Таже послѣди вопросихомъ стража гробу онаго, аще убо гробъ никогда не отверзается, то како почерпають миро? Отвѣстова, яко сквозѣ оное малое оконцо тягнуть хитростнѣ единымъ инструментомъ. Тогда ми за вся, яже видѣхомъ и слышахомъ, Богу благодареніе сотворши и Его угоднику Святителю Христову Николаю, изйдохомъ отъ Бара града тогожде дѣе, въ среду, предъ захожденіемъ слонца. Идохомъ же паки воспятъ тѣмъ же путемъ 30 милъ, даже до предреченнаго града Берлети. Шествовахомъ же съ укосненіемъ двоихъ ради винъ: 1) яко начахъ немоществовати на фребру, которая мнѣ сотворися отъ многоаго питія воднаго, жаждну сущу; 2) замедлѣхомъ на пути, вопрошающе по градѣхъ и стогнахъ о изгибшихъ моихъ патентахъ, ихъ же азъ погубихъ прежде, еще идучи до Бару; обаче не обрѣтохомъ ихъ. Тогда скорбяхъ же азъ дозѣла и отнюдь не хотяхъ шествовати къ Риму отъ предѣлъ тѣхъ, донелѣже би не могли обрѣсти. Сего ради отъ начальника града, именуемаго Траанъ, отстоящаго за шесть милъ отъ града Берлети, взяхъ листь, писанный до губернатора Берлетского, ходотайствующій за мя, даби повелѣлъ вопросити и зискати по градѣ отъ своихъ и отъ приходящихъ людей о згубленныхъ моихъ патентахъ. Прійдохомъ же паки къ граду, рекомому Берлета, Августа 1 числа, въ день суботній, на святыхъ мученикъ Макавей, и идохомъ къ губернатору града того съ оною

предъреченною картою. Бистъ же тогда часъ обѣда и рече намъ, яко да прійдемо въ вечеръ, писаніе же взять къ себѣ. Другъ же мой и съпутникъ Іустинъ Леннѣцкій молвяше и скорбѣяше на мя, не хотя мя ожидати, глаголющи, яко всеу и время погубляю и трудъ подъемлю, патентовъ же никакоже обрѣсти возмогу. Уже бо рече: изгибшое погибе, и къ тому возвратитися не може, понеже и самъ не вѣси, гдѣ погубилъ еси. Къ тому не вѣси языка и не можеша вопрошати о семъ. И что прочее трудишися: аще и патента погубилъ еси, то имаша свѣдѣтельство отъ града сего, въ немъ же пишеть, да вездѣ данъ будетъ пропускъ и вѣроятіе, и угощеніе, яко ни въ чемъ жадного подзору неимущему. Сипцева и ина ми онъ совѣтоваше, да оставлю прочее скорбѣти и трудатися о патентахъ. Но не послушахъ его, понеже помислихъ въ себѣ, яко пелgrimъ безъ патентовъ нечто инно есть, токмо человекъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ криль, древо безъ листвія. Кто бо можетъ ему вѣруяти, яко въ тѣхъ и тѣхъ странахъ путешествоваше, или тамо и онамо биваше. Кромѣ же сихъ винъ, всякому путнику сладко естъ воспоманути путешествіе свое и видѣти свѣдѣтельства потнаго труда своего съ подписаніемъ великихъ лицъ духовнихъ, мирскихъ. Словомъ реку, яко по путешествіи пелgrimу патента чрезъ все житіе сего единимъ утѣшеніемъ суть. Сего ради положши надежду на Бога и на С. Николая, умислихъ попеченіе имѣти о своихъ патентахъ дотолѣ, донелѣже би ихъ могль обрѣсти. Съпутникъ же мой Іустинъ Леннѣцкій не хотящи мя ожидати (аще и много его молихъ), остави мя и поиде преди къ Риму, обѣщаяся на пути ити съ укочненіемъ, да послѣжде постигнути его удобіе возмогу. И тамо оставивъ мя самага скорбна и болѣзненна, отиде. Вечеру же приспѣвшу, поидохъ азъ къ предписан-

ному губернатору града и молихъ его, да что отвѣтствуетъ на вишшеписанную хартію, онъ же хрістіанское свое на мя показавши милосердіе и сожалившись о падежу моемъ неблагополучномъ, посла абіе единого чело-вѣка съ мною на плацъ, си есть на базаръ, да возгла-сить явѣ предъ всѣмъ народомъ и прилѣжно спросить о згубленныхъ моихъ патентахъ. Сотвори же рабъ онъ повелѣнное, и егда начатъ вопрошати по градѣ веле-гласно, абіе обрѣтесе чело-вѣкъ онъ, иже обрѣте патента мои на пути, не имѣяше же съ собою, но остави въ дому, идѣже пребываше, иже отстояше за 5 миль отъ Берлети, въспять къ Бару, понеже чело-вѣкъ онъ бяше отъ иннаго града и приходяше тамо куплю дѣяти. Обѣщася же мнѣ ихъ наутрѣе привезти, егда возвра-тится къ дому; обаче сведе мя, всегда бо отъ утра до утра отлагая, удержа мя тамо чрезъ 5 день, еже 5 дный мняхуся бити долги, яко 5 недель. Се же сихъ ради винь: первое, зѣло скорбяхъ, яко чрезъ дни тѣ съпутникъ мой Іустинъ далече отъиде, и не чаяхъ его отнюдь по-стигнути; 2) яко не имѣхъ съ собою сребра и гладомъ изнуряхся, не имѣя за что хлѣба купити; того ради и нѣкія вещи тамо продахъ, пищи ради, аще бо и вещи оніе зѣло мнѣ нуждніе бяху, обаче пища тогда нужд-нѣйша бяше. Еще бо въ всей Италіи и въ иннихъ стран-нахъ нѣгдѣ не случися видѣти толь драго продаемаго хлѣба, яко тамо, и сиче. чернаго; пекутъ же хлѣби не-велики, яко въ полфунта, или вѣщше, тяжестни, и про-даютъ ихъ по четири баіюки единъ. Полтретя баіюка Неополитанского и Римскаго цѣнитъ шесть грошей Пол-скихъ. Отсюду всякъ разсуди и сложи цѣну. Егда же кто онаго хлѣба или не можетъ, или не хоцетъ два или единъ купити, но или полтора и полъ-хлѣба токмо, тогда хлѣбопродавци прерѣзуютъ на полъ и полагаютъ

на мѣрилѣ, едину одесную и едину ошуюю, и егда премагаетъ тяжестию едина другую, тогда оной мало отрѣзуетъ и прилагаетъ къ второй; егда же сѣравнятся обѣ части, яко мѣрило ниже сѣмо ни овамо двигнутися не можетъ, тогда купуй, каковую хочеть беретъ половину, не лишитъ же ни малѣйшей крупини отъ своея части у хлѣбопродавца остатися, но изметши до послѣдней, отходитъ. Невѣмъ же казнь ли Бозкая тогда бистъ, или всегда тако: аще бо и въ всей Калаврѣи по-надъ моремъ, наченши отъ Лорету даже до Бару, чернѣйшій и дражайшій хлѣбъ продается, но нѣгдѣ же дражае, яко въ ономъ градѣ; прочія же вещи на цѣнѣ мѣрной продаются: мясо, рыба, вино, оwoщѣ огадини, найпаче же елей, малоцѣнно, понеже изобилно его тамо родится, и мигдалнихъ плодовъ такожде. Се ми бистъ велія нужда, яко убогъ бѣхъ и не имѣхъ за что хлѣба купити въ чуждой и гладной странѣ; испросити же отнюдь не возмогохъ, понеже единъ день, отъ утра до вечера, хождахъ тамо по градѣ и едва съ нуждею испросихъ толь хлѣба мало отъ всѣхъ людѣй, яко ниже снѣдохъ до ситости; кромѣ же хлѣба, аще даяху что инно отъ варенія, то не можахъ ясти, ни мяса, ни сирна, ничтоже, понеже постъ тогда Августовъ баше и долженъ бѣхъ его сохранить; 3) яко немоществовахъ на фебру, и не баше тамо страннопріемници пелгримской доброй съ постелми, якоже въ прочіихъ градѣхъ, но есть тамо едина пуста съ нагими одрами. Тамо азъ чрезъ оніе 5 день лежахъ и страждахъ на фебру лютую, иже мя ово хладомъ, ово же огнемъ мучаше. Тогда Богъ вѣсть, каковую азъ тамо нужду претерпѣхъ отъ алчби, жажди и болѣзни, не могущи ниже испросити, слабости ради, ниже имущи за что купити пищи себѣ, ниже помагающаго, ниже служащаго ми, ниже призирающаго на мя, кромѣ еди-

наго Вседержителя Бога. Тогда зѣло болѣзновахъ сердцемъ и отъ великаго жалю скорбахъ дозѣла на спутника своего Іустіна и кленяхъ его многократнѣ съ плачемъ, понеже остави мене въ таковой нуждѣ, и въ сицевомъ неблагополучіи, и просто рекше, на чужой сторонѣ, при лихой годинѣ, еже би и невѣрній не сотворилъ, аще би вкупѣ друголюбно съ хрістіаниномъ шествовалъ. Что бо можетъ лютейшее бити: имущи брата и друга своего искреняго, единія вѣри и единія странни съ нимъ сущаго и чрезъ многое время вкупѣ на единой трапезѣ съ собою хлѣбъ ядушаго и въ далекіе чуждіе странни съпутствующаго время скорби и неблагополучнаго падежа въ чуждомъ и незнаемомъ краю съ нимъ разлучитися? И кій видъ безъчеловѣчія сверѣпѣйшій изобрѣстися можетъ, яко его болѣзненна отъ расслабленія тѣлесе валяющася на пути, или въ градѣ въ народѣхъ тѣхъ, идѣже языка ихъ не знаетъ, безъ одра и постели, на твердинѣ валяющагося и не имущаго отъ кого капли воды, прохлажденія ради, испросити, оставить, отбѣжить, и всеконечному небреженію его предавши, отидеть. Се тако искренній другъ мой и съпутникъ сотвори; се познася братняя любовь; се явился хрістіанское помилованіе. Гдѣ оній непремѣнный искреняго пароль? Гдѣ оное шляхетное товариша слово? Гдѣ оная твердая клятва, еже другъ друга не оставить, аще и въ падежи смертномъ? Се пароль премѣни, слова запрѣся, клятву же разруши и потреби. Тогда азъ возвергахъ на Господа печаль свою и поминахъ пророческіе словеса, яко и „ближніи мои отдалече мене сташа“, и егда пренемагаше духъ мой отъ облегающей мя болѣзни и скорби, помянухъ Бога и возвеселихся, и тогда на мнѣ собишася Давидови глаголы: „Скорбь и болѣзнь обрѣтохъ и имя Господне призвахъ“.

Глаголю же, яко нѣгдѣ тако друголюбіе искреное познаться не можетъ, якоже въ путешествіи, аще бо тогда кто брата своего не презритъ, то николиже. И явилъ би ти, читателю благій, широчае нужду свою, но понеже, недуга ради своего, не тогда писахъ, когда что сотворися, но послѣди, сего ради въкратцѣ изъяснивши, прочее оставляю. Тогда человѣкъ оній, иже обрѣте мои патента, отъ утра до утра удержаваше мя ожидать, донелѣже привезетъ ихъ, и сведе мя даже до пяти днѣй, лѣняся отходить въ домъ, азъ же, недуга ради своего, не можахъ ему часто стужати о семь. И тако едва по шести днехъ замедлѣнія моего тамо, чрезъ иннихъ людей вѣшуканіе патента получивши, Августа 6 числа изійдохъ оттуду, въ четвертокъ рано, самъ единый, Бога предитечу и руководителя имѣя и скорого помощника Святителя Христова Нисолая, не имѣхъ же отъ человѣкъ съ собою ни одинаго съпутника. Пойдохъ же оттуду путемъ новимъ, чрезъ великій Неаполь, къ Богомъ спасаемому и пресловутому граду Риму, на страну западную, идѣже шествовахъ три дни и три нощи путемъ добрымъ, овогда равниною, овогда же зѣло малими горами, токмо горящимъ краемъ, и полемъ, нѣмало древа, ни травъ не имущимъ. Идохъ же азъ тогда зѣ великою нуждою, на всякъ день стражда на фребру и множицею валяясь при пути, на поли пустомъ и на знои солнечномъ, стражда, трясѣясь и паляся, не имѣя ни кроплѣ води омочити языкъ свой, овоже при австеріяхъ лежай, си есть при корчмахъ подорожныхъ, и не имѣй за что купити пищи или питія, едва съ нуждею одинаго хлѣба испросити могій, понеже не знаяхъ ихъ нарѣчія, и къ тому не смѣяху къ мнѣ близатися, да не преидетъ болѣзнь на нихъ, видяху бо мя не имуща своего друга и различно о мнѣ помишляху; понеже тамо безъ дружби не проходятъ путници,

развѣ еще кто отъ близкой страны есть. Тогда азъ чрезъ три дни прелѣзши зъ нуждею отъ Берлети 44 мили, прійдохъ къ граду, именуемому Троя.

Градъ Троя въ земли Калаврїи, стоитъ на мѣстоженіи веселомъ и красномъ, на мѣстѣ високомъ, при горахъ великихъ, на одной низкой горѣ, широтою и долготою среднїй, отъ Берлети меншїй, токмо лѣтъ строеніемъ костеловъ, полатъ, домовъ и улицъ, весь отъ камени зданъ и оградою такожде каменною огражденъ единою. Стоитъ при водѣ здравой, имать всякое доволство и хлѣбъ дешевшїй, нежели въ преднѣхъ градѣхъ. Есть же тамо болница, нищихъ и страннихъ ради сотворенна, и видѣвше мя людіе недужна суща, совѣтоваху мнѣ, да иду тамо и исцѣлюся, есть бо, рекоша, тамо пристановленнїй врачъ, иже дозираетъ болнихъ, и дается пища и питіе, Христа ради. Болница оная именуется *Sant Ioanne di Dio*, то есть Святаго Іоанна Божїя. Послушавши же азъ совѣта ихъ, пойдохъ тамо, и прїяша мя безъ отреченїя; обнажиша мя отъ ризъ моихъ и давше ми бѣль и чистъ хитонъ и одръ мягкъ уготованъ, повелѣша мнѣ лежати. Приходяше тамо врачъ на всякъ день два рази, рано и вечеръ, созирати болнихъ; приходяше же и къ мнѣ и разглаголствовалаше съ мною нарѣчіемъ Латинскимъ и омацуя жили мои ручнїе, рано и вечеръ, обѣщася мя сотворити здрава, и еже хотяше, то повѣлѣваше тамо служащимъ, что давати ясти и что пити и какову мѣру. Пища же даяшеся два рази на день, но зѣло мало, овогда бо едино варенно яйцо, овогда же нѣчто отъ варенїя и едина чашица студеной воды. Тамо азъ вѣмалѣ не исчезохъ отъ малоястія, пайпаче же жажды ради, понеже, кромѣ единой чаши при обѣдѣ и второй въ вечеръ, ни въ дни, ни въ нощи, ниже кроплѣ воды не даяху, повелѣніемъ врача. Тамо азъ лежахъ

З дни, чрезъ неделю, понеделокъ и во второкъ, мня уврачеванъ бити. И видѣвъ мя цѣлби не получивша, но паче ослабѣвъша, къ тому же и время погубивша, не хотѣхъ боже самъ лежати, но молихъ ихъ, да мя отпустятъ, они же удержавашу мя, совѣтующе еще нѣкія дни замедлити, да оздравѣвши отъиду, нѣсть бо (рекоша) въ насъ обичай, еже пріявши болнаго въ гостиницу, отпустити его неисцѣленна, сего бо ради и создася, да убогимъ болящимъ поможемъ Христа ради. Азъ же благодарствовахъ имъ за страннопріятіе и сицевое благодарѣніе, болше же отнюдь премедлѣти не хотѣхъ, чухъ бо мя паче горѣ ослабѣвъша, нежели прежде бѣхъ. Се же о скудной ради пищи и питія. И молихъ, да мя отпустятъ. Они же насилovati мя не хотяще, отдадоша ризи моя воспять и отпустиша съ миромъ. Изійдохъ отъ туду Августа 9 числа, въ восторникъ пополудни. Не могохъ же абіе шествовати отъ залежанія онаго, разслабленъ бо бѣхъ всѣмъ тѣломъ, сего ради замедлѣхъ тамо въ градѣ, проходяся помалу даже до вечера. Нощи же нашедшей изійдохъ внѣ града и спяхъ на поли, не возмогохъ бо тогда шествовати, залежалій суще. Таже отпочивши на вѣтрѣ чрезъ ночь, заутра въ среду, Августа 12 числа, едва не съ плачемъ начяхъ ити чрезъ гори високіе и великіе, отъ всѣхъ странъ далече обстоящіе, помишляя свою немощъ и безъдружіе и представляя себѣ предъ очи долгій и тяжестній путь и нескорое возвращеніе къ дому воспять. Молюхъ же всемогущаго Владику и Бога, да мя свободитъ отъ болѣзни и даруетъ скорое возвращеніе. Богъ же, человеколюбивъ сій и милостивъ, сотвори мя отъ того часа здрава отъ фребри и уже болѣе на ню не болѣзновахъ, но не возмогохъ скоро шествовати ово горняго ради пути и прехожденія, ово горячести ради, найпаче же немощи

дѣля, яко не возмогахъ къ первому привратитися адравію чрезъ нѣколико днѣй, все бо, еже адыхъ и пихъ, не бистъ мнѣ въ сладость; къ тому же мало уходяхъ милъ на день, разслабленъ сѣй по болѣзни. Едина точію вещь тогда малу ми крѣпость подаде. Егда бо изійдохъ отъ града Трои и шествовахъ полѣдня, обрѣтохъ при пути едину корчемницу, при ней же источникъ стояше, зѣло прекрасную и преизбранную имущъ воду, хладная бо, аки ледъ, чистая, аки христалъ, къ тому здравая и сладко пріємная, сиче, яко аще кто и много ея піеть, не вредитъ ничтоже. Сиче же глаголаху тамошніи жителіе, яко вода оная многимъ есть знаменита и пресловутая въ всей Италіи первѣйшая есть, чесому вѣру яхъ, понеже нѣгдѣ же не обрѣтахъ сиче хладной и здравой воды. Стоитъ же на горѣ високо и точится горѣ, сквозѣ столпъ бѣль мраморній, идѣже азъ предпочихъ нѣколико часовъ и пихъ оную воду въ сладость и укрѣпихся мало отъ нея. Сиче же оная вода есть хладна, яко человекъ единымъ дхновеніемъ пити ея не може, понеже зуби терпѣти не могутъ. Тогда, (якоже рехъ) наченши отъ града Трои, идохъ шесть днѣй все горами, обаче не тако жестокими, яко въ иннихъ странахъ, но отчасти веселыми, понеже частію камень, частію же землю добру имуть, индѣ же и дресеса и лѣски маліе проявляются, яко и подъ сѣнію ихъ множицею вѣтахъ. Виногради же и сади зѣло красніе, найпаче же приходящи къ великому граду Неаполю, на всякъ бо день, имъ же приближахся къ Неаполю, тѣмъ краснѣйшимъ и равнѣйшимъ шествовахъ путемъ, аще бо и помежду горами бысть путь, но равень и шерокъ и людѣй много проходящихъ суть. Виногради тамо великіе плодятъ, ихъ же лоза, аки нѣкое древо, толсто и високо. Насаждаютъ же древа лѣсніе при всякой лозѣ и тако лозіе плету-

щися по онихъ деревьяхъ, распростираются високо и широко, прицепляющеса отъ древа на древо, яко лѣло на нихъ смотрѣти и подъ сѣнію ихъ витати. Виногради оніе именуются дикіе, того ради, яко мало ихъ дозируютъ и очищаютъ и ягоди ихъ къ ястію непріятни, вино же изрядное биваетъ. Суть же и инихъ лозій чистительныхъ множество, раждающихъ ягоди различнаго образа и вкуса, иніе бо суть черніе, иніе бѣліе, инніе червленіе, иніе бурштиновіе, иніе долгіе, именуеміе розинки, иніе же кругліе, иніе дробніе, аки горохъ, иніи же великіе, аки сливы, нѣціи мягки и полни соку, прочія же тверди, но сладки зѣло, другія же винніе и всяко различніе суть; такожде и оградини разніе обрѣтаются, найпаче же кавуни и динѣ толь великіе родятся, яко человекъ купивши на торжищи одинаго кавуна едва въ домъ свой занести можетъ; прочіи же убогіи, сложившеса 5 или 6 человекъ вкупу, одинаго кавуна или едину диню купуютъ на снѣденіе, толь же сладкіе и вкусніе суть, яко сладчайшіе бити не могутъ, къ тому же не весьма драго продають; ягоди же лозніе зѣло малоцѣнно и фиги такожде подобнѣ яблока, груши, орѣхи волоскіе, мигдали, орѣхи маліе, каштани и прочая, отъ нихъ же всѣхъ тамо дерева растутъ, найпаче же орѣховъ волоскихъ и простихъ и каштановъ и фигъ; между садами же и лѣсами гради, веси и гостинници общіе стоятъ веліе изобиліе, между ими же, аки между лѣсомъ, идущи, нечаянно прихождахъ къ граду или веси. И воистинну прекрасная страна и отъ инихъ различествующая тако въ строеніи градовъ, весей, полатъ, гостинницъ, виноградовъ, оградинъ, источниковъ воднихъ, яко же и въ прочіихъ иннихъ вещехъ. Идохъ же тамо людми отчасти милостивими, идѣже всегда пищу обрѣтахъ некупуемую, найпаче же хлѣбъ и овоціе даяху, варенія

же нигдѣ не даютъ, не токмо тамо, но ни въ всей Италіи, развѣ когда случаемъ бываетъ; но аще кто хочетъ отъ путниковъ вареніе ясти купуетъ, всюду бо обрящеть и въ градѣхъ, и на пути, понеже странопріемники устроеніе всюду тамо при пути суть, ихъ же именуютъ тамо австеріи, идѣже разная варенія и вина продаются для всѣхъ богатыхъ же и убогихъ, обще приходящихъ. Тамо егда шествовахъ, видѣхъ по тихъ австеріяхъ много народа ядуща, піюща и веселящася, упивающаго же ся нѣгдѣ ни одинаго. Шествовахъ же отъ Трои къ Неаполю 66 миль. Приближаючи же ся къ предградію великаго Неаполя, видѣхъ ограда, зѣло чинно и лѣпо строеніе, въ нихъ же хитростнѣ обращеніемъ кола чрезъ мули разливается вода, гдѣ требѣ.

Описаніе великаго града Неаполія.

Входящу ми въ предградіе Неаполя видѣхъ три источника водніе, зѣло искуснымъ сѣченіемъ отъ мрамора бѣла созданніе, единъ по единому недалече отстоящіе, различная лица въ себѣ имущіе изображенна: первій источникъ стоитъ при пути въ стѣнѣ каменной, дсками мраморными гладцѣ устроений, имущъ на себѣ подпись, чимъ попеченіемъ и пѣнязмъ и когда устроися; вторія два посередѣ пути стоятъ, но не вкупѣ, единъ по другому приходящи къ граду, и тіе суть искуснѣйшаго зданія, понеже въ гору воду испущаютъ и низу на четири странни отъ различныхъ изображеній. Тамо предградіемъ идущи вся лѣпота Неаполя зрится аки на длани, и все расположеніе и строеніе костеловъ и нолатъ, понеже стоитъ подъ горами и между горами великими, на равномъ и веселомъ мѣстѣ. Предградіе же красное есть, имущее вси доми каменніе, великіе и высокіе, искуснаго стро-

енія. Прешедшу же ми оное, приближихся къ оградѣ каменной високой, яже обиде окрестъ града, и се врата высокіе и шерокіе, отъ мрамора рѣзаннаго лѣпо и крѣпко устроенніе, съ столпи толстыми, гладцѣ сѣченными. Бистъ же тогда Августа 14 число, егда приспѣхъ азъ къ Неаполю, и бистъ вечеръ, уже по захожденіи слонца, егда ввійдохъ въ врата градскіе. Тогда вшедши внутрь, узрѣхъ мимоходяще многое множество народа отъ благороднихъ и знаменитихъ мужей и женъ яздящихъ по граду позлащенными и гордыми колесницами, другихъ же проходящихъ сѣмо и овамо, прочіихъ же различніе вещи продающихъ, и толь многое множество народа, яко едва разминутися могохъ. Не созирахъ же тогда болѣе ничтоже, бѣ бо уже часъ вечера темна и ускоряхъ зѣло къ гостинници, далече бо отстояше, едва не на другой странѣ града, къ тому же еще прежде слышахъ, яко честно тамо пріймуютъ пелгримовъ, идохъ же спѣшно яко часъ единый, предводящу мя едину мужу, таже достигахъ яко по первой години въ ночь къ госпиталю de S. Trinita, то есть къ гостинници Святой Троицы, идѣже бистъ уже по вечера, и отведоша путниковъ въ ложницы ихъ. Пришедшу же ми тамо, удивившася убоженному и необычному моему пришествію. Обрѣтохъ же азъ тамо отъ благороднихъ и богатихъ мужей и женъ нѣколько, не вѣмъ чесо ради, посѣщенія, или созиранія дѣля пришедшихъ. Тѣи мя пріяху съ любовію и посаждаху мя въ самой гостинници на сѣдалищи честномъ, сами предстояще ми; азъ же не терпѣхъ сѣдѣти предъ толь великими лицами, тѣи же нуждою и насиліемъ сотвориша мя сѣдѣти, сами предстояще и повелѣвающе мнѣ ожидать, донелѣже принесутъ трапезу. Призираху же мнѣ въ лице, потомъ омоченное, и покиваяюще главами, соболѣзноваху труду моему. Попро-

шаху же мя, но не вѣмъ о чесомъ, не знаяхъ бо ихъ нарѣчїя; послѣди же, чрезъ толмача, въ Латинскомъ языку отвѣтствовахъ имъ на нѣкія вопросы. Прїйде же тогда тамо священникъ, начальствуя и управляя пелgrimскіе дѣла, той разглаголствова съ мною Латинскимъ діалектомъ и вопросы мя, откуда есмь и камо иду, и повелѣ мнѣ показати свои патенти; азъ же открихъ ему всѣ, еже имѣхъ, наченши отъ страны Полской даже доздрѣ, и удивляшеся толику множеству, и прочетъ точію единъ или два и всѣмъ вѣру ятъ и подписа свой знакъ, и сокрихъ я. Таже представивша ми вечеру, аще и въ кратцѣ, но честну: бѣше же едина снѣдь варена, вторая печена и третье овоцїе лозное и сосудъ доволенъ вина. Та вся донелѣже потребихъ, служажу мнѣ предъстоящіе оніе предъреченніе благородніе мужіе же и жени, ово порѣзующе яству, ово же наливающе вино въ чашу и подающе ми въ рупцѣ. Таже по вечерѣ единъ приставникъ тамошній поведе мя горѣ по степенемъ въ иніе полати къ прочімъ пелgrimомъ, идѣже даде ми ложе, посланное честно и чисто, и отъиде, заключивши двери. Азъ же спяхъ тогда безъ памяти, утружденъ сїй до зѣла. Заутра же, воставши, ходихъ по костелахъ и по градѣ, разсмотрѣнія ради, въ вечеръ же паки къ той же гостинници прїйдохъ вкупѣ съ прочіими пелgrimами, и паки созираше священникъ отъ всѣхъ патентовъ и знакъ коемуждо даяше. Чинъ же таковъ бистъ и всегда есть: по созираніи патентовъ, вси путници идуть въ костелъ, иже тамо внутрь двора есть, и творятъ установленную свою молбу, таже тѣмъ часомъ ищислятъ, колико суть персонъ и по толику представляють трапезу; по окончаніи же оной молби, всему суцу готову, сѣдаютъ по обою страну трапези, гдѣ кто извольтъ, или на початку, или посредѣ, или на концу; се же

того ради, яко яства едина и единака часть всѣмъ, развѣ еще кто будетъ духовная особа, тогда тихъ особнѣ пріймуютъ. Сѣдшимъ же при трапезѣ, встають разомъ всѣ на нозѣ и благословить священникъ яству вькратцѣ, таже паки возлегають и ядутъ кійждо предъ собою. Три же яди обикова даяти: или мастніе, или постніе, якоже требуетъ время: егда бо въ мясопусти, подають вареніе отъ зерна, мясо вареное и мясо печеное и плоди гроздніе; егда же въ пятокъ и субботу или въ инъ постъ, тогда вареніе отъ зерна, или оградини, съ елеємъ, таже двѣ яйца на всякаго и часть сира прекраснаго пармазинскаго и отъ лознихъ плодовъ, еще въ лѣтѣ; еще же въ зимѣ, то отъ иннихъ; еще же великій постъ, то вся съ елеємъ, да всегда же букаль вина изобилень и вода въ другомъ меншомъ сосудѣ и чаша предъ всякимъ. Ядущимъ же пелгримамъ предстоятъ много отъ духовнихъ особъ и отъ мирскихъ знаменитихъ и благороднихъ мужей; такожде иже (якоже слишахъ) доброволѣнѣ смиряюще себѣ въ память Христову, приходятъ тамо на всякъ вечеръ и служатъ, понеже всегда страніе едини по другихъ обрѣтаются, или отъ Риму къ Бару шествующи, или отъ Бару къ Риму; служатъ же, якоже предърекохъ о себѣ, ово разрѣзующе ядь, ово вино вливающе въ чашу и подающе въ руцѣ, ово собирающе праздніе сосуди. Отъ вечери же воставши, паки идуть въ церковь и молитву дѣють; таже ведутъ ихъ въ ложници и дають всякому единакій одръ бѣль и чистъ, усланъ мягкою постелею, и заключаютъ ихъ внутрь тамо, заутра же рано испущаютъ, да идетъ всякъ и творить потребу свою. Тогда азъ, по второмъ пренощеваніи, паки ходихъ съ прочими пелгримами по градѣ и видѣхъ строеніе прекраснихъ полатъ и благороднихъ мужей привѣтствія и бесѣди слишахъ, зданій, источни-

*

ковъ, различныхъ ремесниковъ и премудрыхъ мастеровъ и иніе раааличніе вещи, о нихъ же послѣди яснѣ скажу. Паки третого вечера съ инними путниками идохъ въ туюжде гостинницу и единаче пріять бѣхъ, съ всякимъ удовлетвореніемъ. Гостинницу оную тамо именуютъ, по ихъ нарѣчію, госпитале, се же отъ угощенія странныхъ, понеже гостя зовутъ госпите, сего ради наречеса и госпитале, си есть гостинница di S. Trinita, си есть Пресвятой Троицы, понеже храмъ Троицы иматъ въ себѣ. Отстоитъ отъ торжища далече, строень на четири страни, аки нѣкій монастырь, полати окрестъ иматъ, внутрь строеніе високо, едина на другихъ, посредѣ же подворія пляць нагъ, пространень, каменіемъ насажденъ; врата иматъ великіе, едина токмо, ими же входятъ и исходятъ, и студенець, отъ камене зданій, питія ради, здраву воду содержащъ. Ошуюю входа вратнаго есть аптека, въ ней же врачъ живетъ съ всякими цѣлбами, яко да аще кому случится впасти въ болѣзнь, абѣ врачуютъ его безъ всякой мзди. Въ ложницахъ же чинно одри устроеніе, по обою страну, единъ по другому стоящіе, скованніе отъ желѣза и мосѣнзу упещренніе, верху же постели мягки и бѣли, съ колдрами лѣпотними и теплыми, свѣтло же чрезъ всю ночь горитъ для всякой потреби; таможде низу есть домъ, идѣже яству варять, странныхъ ради путешественниковъ. О лѣпотѣ же великаго града Неаполя по достоянію изрещи не могу, понеже мали тамо пребихъ дни и не могохъ внутренея его испитати красоти, не знаяхъ бо языка ихъ; къ тому же ускоряхъ къ Риму, хотя вишпенисаннаго сопутника своего Іустина или постигнути, или обрѣсти въ Римѣ. Не токмо же внутрь, но и внѣ его не разсмотрихъ совершенно, понеже величества ради его не могохъ весь преходити и презрѣти, но еже и въ малѣ великую его

видѣхъ лѣпоту внѣшную, сего ради вѣкратцѣ изъявляю. Той градъ Неаполь не токмо въ всей Италіи, но и въ Греціи, и Франціи, и Гишпанѣи, и въ всѣхъ иннихъ странахъ есть славенъ величествомъ, ветхостію и мѣстомъ, крѣпостію, строеніемъ, богатствомъ, многолюдствіемъ, пристанищемъ морскимъ и куплями. Величество его большое въ долготу, нежели въ широту, обаче далече распрострися, на ... миль, и тѣсно устроенный есть. Сѣдитъ же надъ моремъ, на мѣстѣ равномъ и великомъ, между великими горами каменными, лѣса на себѣ немущими, и между садами; по долинахъ сущими и различное овощіе имущими; такожде стоитъ при водахъ: здравихъ, отъ спудовъ горнихъ быстро текущихъ. Тамо своимъ нарѣчіемъ именуютъ его *Napoli di Spania* то есть Неаполь Гишпанскій, понеже прежде Гишпане облодаху имъ. Тогда же въ Цесарской державѣ бысть, идѣже и краль обитаетъ отъ Цесара поставленный и ему подчиненный. Весь каменною стѣною огражденъ крѣпко, найпаче же фортецу зѣло крѣпкую имать, которая на високой горѣ, внѣ града, созданна и наполненна множествомъ арматъ, праховъ и куль и всякой инной военной потреби; утвержденна же стрежею и наполненна воинствомъ, блюдется опасно; на добромъ, воистинну, и прекрасномъ мѣстѣ положеніе свое имать, яко и смотрѣти на ню крѣпко лѣпо есть, и къ защищенію всего града удобопомощна. Часто же тамо оглашаютъ отъ арматъ или вѣсти, или нѣкіе новини, или инніе оказіи. Что же реку о лѣпотномъ строеніи его, которое увеселяетъ сердце и очи видящихъ, аще кто узритъ костели, они суть прекраснаго иждивенія, чиннаго расположенія, совершенной мѣрѣ въ висотѣ, долготѣ и широтѣ, лѣпотнаго строенія, отъвнѣ покровенни цѣннѣю, внутрь же великими рѣзаными дсками мраморными, иніе бѣлыми,

иніе черними, иніе червленними, инніе пестрими и всяко всѣмъ различновидними цвѣти, имуть своя подножія посланніи, сице же прекрасно сьравнени суть таблици каменніе, яки оледенѣвшая вода, яко едва не поползнется всякъ ходяй. Что же еще реку о многочисленнихъ и коштовнихъ онихъ престолахъ служебныхъ, одесную и опую въ всякомъ костелѣ чино стоящихъ, отъ нихъ же вси, аки единъ, отъ различныхъ мраморовъ и драгоцѣнныхъ порфировъ и прекрасныхъ агатовъ, иннихъ безчисленныхъ, ихъ же по имени наректи не вѣмъ, суть созданніе хитростнымъ сѣченіемъ, съ столпами же и инними фигурами искуснымъ художествомъ живо изображенными и толь прекрасно, яко въ нихъ ввійти аки въ небо ввійти и въ нихъ въ время праздника или недели стояти на небесахъ мнится чловѣку. Нѣсть же ни единого костела, иже би билъ нелѣпѣго или неискуснаго строенія, но вси, отъ перваго до послѣднего, единъ другому въ дѣлѣ подобитися. Не имуть тамо злихъ художниковъ, но всѣ искусніе, Господь бо имъ дарова всякую премудрость. Кое открію слово о онихъ неоцѣненныхъ сокровищахъ церковныхъ, си есть о златѣ, сребрѣ, о сосудахъ священныхъ, цѣни неимущихъ, о стихарахъ, ризахъ, наравцахъ, апаратахъ, орнатахъ и прочіихъ одеждахъ коштовныхъ, еже въ всякомъ костелѣ довольно обрѣтается. Воистинну о семъ умолчу, понеже ихъ оцѣнити не могу. Возримъ на монастирѣ иноческіе обою полу, ихъ же тамо много суть, отъ нихъ же въ каковъ либо буди ввійдетъ чловѣкъ, найпаче же странный, узритъ его аки прекрасній рай; суть же инніе внутрь града и инніе внѣ, строеніе же ихъ биваетъ на четири стѣни, идѣже високо въ гору едины на другихъ стоятъ даже до пяти или шести степеней, внутрь же имуть все подножіе монастира, гладцѣ каменемъ посланное, и

въ коемждо монастыри кладязъ или два, зѣло прекраснаго зданія и церковь, такожде искуснаго художества. Поступѣмъ нинѣ къ строенію полатъ и расположенію улицъ. Улицы расположенни и размѣренни зѣло чинно и лѣпо; едини бо суть началніе улицы, иже чрезъ весь градъ протяженны и сіи суть широке довольно, яко тріемъ колесницамъ разминутися; вторіе средніе, иже суть по странамъ тѣхъ великихъ, идѣже двѣ колесницы разминутися могутъ, третіе же побочніе вторихъ и четвертіе еше узшіе, внутрь тѣхъжде, пѣшеходящихъ ради. Каяжде улица согласуетъ своей парѣ, си есть, колико улица великая отъ единія страни иматъ въ себѣ поперечныхъ улицъ, толико и отъ другія, такожде и средніе и меншіе, вси же великими каменми черными умышленни толь гладцѣ, яко токь прекрасній; сиче же чисто по улицахъ, яко нигдѣ смѣта не узриши, ибо суть приставленни челоуѣци отъ гражданъ, иже на всякъ день ходять по всемъ градѣ, имущи кійждо въ руцѣ правой мѣтлу и кошницу на плечахъ и лопату въ лѣвой руцѣ, и идѣже что обрящеть на улицы измѣтаетъ на лопату и вергаетъ въ кошницу и наполнившіе ю износятъ внѣ града, друзіе же суть, иже осломъ износятъ, сего ради чисти суть сиче, яко на иннихъ ниже прахъ обрѣтается. Строеніе же полатъ и общихъ домовъ толь лѣпо есть, яко зрящаго улаждаеть зѣницѣ и удивляеть умъ изящной ради своей архитектуры: понеже зданни суть всѣ подобнимъ образомъ едини при другихъ толь нераздѣлно, яко стѣна отъ улицы разумѣется бити отъ единія полати, точію по дверехъ разнствіе познавается, сиче же високи, яко нѣціи до пяти степеней, нѣціи же до шести, едини верху другихъ етоять, едини отъ другихъ неотдѣлни даже до поперечней улицы, вси же суть отъ камене на четири угли

тесаннаго созданніе, токмо различїѣ, инїи отъ бѣлаго мрамора, инїи же отъ чернаго, инїи же отъ червленаго, инїи же камень чернаго, камень бѣлаго, нѣде же камень бѣлаго, камень червленаго имущїе, и овїе шахмати полнїе, другїе же гладкіе, прочїи же вѣтви инїе на себѣ фигури изображенїе имуть и всяко всѣ различными види строенїе, яко дивитися вѣистинну. Оконъ же много имуть и всѣ суть единой мѣри великіе, къ тому же огражденїе кратами желѣзными; при коемждо же дому на улицу суть чардаки или ганки малїе, отъ желѣзныхъ заломъ скованнїе и на подножіи мраморномъ при тойжде стѣнѣ утвржденїе, сїце же гладкимъ дѣломъ, яко дивитися воистинну; на тихъ убо чардакахъ онїе благороднїе и знаменитїе мужїе же и жени сѣдять тамо на златихъ или малованихъ крѣслахъ, прохладженїа ради и созиранїа низу на люде. Се же полати онїе суть главнѣйшіе, въ нихъ же богатырѣ обитають на началнихъ и широкихъ улицахъ, на среднихъ же и узкихъ аще не суть тако вси коштовнїе дома, обаче подобни строенїемъ, понеже такожде отъ гладкаго тесанаго или рѣзаннаго камени лѣпо зданнїе и високи такожде, яко не обрѣтается тамо внутрь града ни малѣйшая хижина дѣла неискуснаго. Надъ всѣ же полати краснѣйшїй естъ Королевскїй дворъ, тако отъвнѣ яко отъвнутрь. Отъвнѣ имать ганки великіе и долгїе чрезъ весь дворъ, съ многими каменными столпами, стоитъ же на самомъ брезѣ при мори, яко и вода касается основанїа его, недалече же вратъ началнихъ стоитъ источникъ води піемой, идѣже течетъ вода бистрою струею отъ каменнаго болвана или фигури, которая аки живая бити зрится, искуснаго ради художества. Не воспоминаю же онїхъ дворовъ панскихъ и сенаторскихъ, въ нихъ же студенци и фонтани, здраву воду точащїе, лѣпотнаго

зданія суть. Обаче разумѣй слишай о семъ, яко тамо дворовъ мало суть таковыхъ, въ нихъ же би внутрь праздное мѣсто обрѣтало, якоже въ странахъ Россійскихъ, кромѣ точію знаменитшихъ персонъ, прочіи же всѣ полати и посполитіе дома толь тѣсно стоятъ, яко отнюдъ ни мало празна мѣста между собою не имуть, яко мнятъ вся единымъ зданіемъ бити. Идуще же по-между улицами, ничтоже болше не зрится, точію горѣ небо и обоюду високая зданія; кромѣ же того всего, многую умножаютъ лѣпоту къ строенію камениць, понеже подъ всякою полатою и домомъ суть при стѣнѣ на улицу високо прикованніе фанарѣ, то есть лѣхтарнѣ кристаловіе, въ нихъ же всякъ предъ своимъ домомъ зажигаетъ свѣтило свѣтло съ вечера и горять даже до четвертой години въ ноцѣ. И сиче на улиці зрится въ ноци, якоже и въ дни. Сеже того ради творять, понеже тамо край есть горящій и не могутъ въ дни ниже ездити, ниже прохажатися, въ ноци же есть прохлада и сего ради начевши отъ вечера даже до четвертой години ездятъ колесницами, инніи же пѣшо прохаждаются и посѣщаютъ едини другихъ и пиршествуютъ, и угощаются, и веселятся. Словомъ рещи, зѣло прекрасній обичай и чинъ и градъ, надъ него же лучшаго не видѣхъ даже доздѣ. Что же реку о богатствѣ и достаткахъ его? Богатство его изьявляютъ саміе толь великіе махины удивителніе структуры, прекрасніе монастыри и костели, коштовніе полати, безцѣніе церковніе наклады, понеже сія вся богатствомъ бша. Къ тому же откуду имать таковыхъ искуснихъ художниковъ; множество иконописцевъ, златаровъ, каменносѣцевъ и прочіихъ безчисленнихъ. О многолюдствіи тамо въ градѣ обитающемъ не вѣмъ каковое ти написати число; отсюду точію знати мощно, яко суть тамо зѣло

великіе и продолженніе торжища, на нихъ же узрѣвши вещи снѣдніе различніе, отъ хлѣба же, мясь и рибы зѣло многое множество, человекѣ чуждѣ воистину почудится, и мнится яко отнюдь того ни за седмицу искупити не могутъ. Таможде до вечера ничтоже не останется, сиче же на всякъ день биваетъ. На торжищи толь тѣсно отъ народа, яко разминутися зѣло нужно. Пристанище тамо есть море Бѣлое, тоежде, при немъ же Венеція, Анкона, Берлета и Баръ стоитъ, токмо воспятъ завратиси, Баръ бо стоитъ на полуденную страну, Неаполь же на западъ. Азъ бо егда возвращахся отъ Бара воспятъ, оставихъ море отъ Берлети града въ правой руцѣ и шествовахъ все горами, нечаяхъ отнюдь болшѣ видѣти моря; егда же пріидохъ въ Неаполь, бистъ мнѣ море въ лѣвой руцѣ, и оттуду уразумѣхъ, яко земля тамо узка и море тоежде завратися воспятъ. Пристанищемъ ониѣ зѣло славится, кариствуетъ и обогащается градъ, понеже тамо купци богатіи отъ Франціи, Гиспаніи, Англіи, Венеціи, Греціи, Португаліи, отъ Рима и отъ прочіихъ множественныхъ странъ припливаютъ кораблями, наполнивше ихъ различными товарами и куплю дѣютъ ово привозящи тамо чуждіе вещи, ово же оттуду купующе и развозяще въ инніе землѣ и паки иніе товары тамо привозяще. Симъ убо, якоже рѣхъ, многіе користи граду тому приносятся и богатства умножаются и слава его всегда пребываетъ. Замедлѣхъ азъ въ Неаполѣ малое время, точію полчварта дня ово препочиванія ради и добраго страннолюбія гостинаго, ово же взятія ради патентовъ, ово же разсмотрѣнія ради града. И воистинну аще бихъ былъ укоснѣлъ тамо болшее время, лучше бихъ билъ прозрѣлъ и описалъ его; не возмогахъ же тамо болѣе пребити нужды ради сичевихъ: 1, яко не имѣхъ ни злата, ни сребра, еже би купити себѣ пищу,

людіе ни богатіе ни убогіе не дають милостини ни мало; сего ради не могохъ питатися, ниже испросити пѣнѣзя, ниже что снѣдно, развѣ точію гдѣ въ нѣкіихъ монастырахъ, и то съ велиимъ трудомъ и нуждею; ибо тамо еще и премного множество (якоже прежде рѣхъ) ястія и питія продается, но вся купити требѣ сѣце богатому, якоже и убогому, коемуждо противу силѣ своей; еще къ тому вся драгою продаются цѣною всякіе вещи ядоміе и питія, найпаче же хлѣбъ, къ тому же и воду зимнюю продають, аки нѣкій напой, чашу малу по единому шелягу, и болше тамо въ самое горячее лѣтнее время тратятъ грошей на воду, нежели на вино; 2) ускоряхъ оттуду изійти, хотящи постигнути или снѣйтися въ Римѣ съ спутникомъ своимъ прежнимъ Іустиномъ. Обаче и чрезъ тое малое время всегда хождахъ на пляци, си естъ на торжища, идѣже всякіе вещи продаются, и видѣхъ како оніе велможи и боляре шестоконными, четвероконными и пароконными колесницами яздоху семо овамо, возящися по стогнахъ граду, другихъ же носятъ на носилахъ челоуѣци, прочіи же своими ногами прохождаются по торжищахъ и помежду рядами купеческими и стрѣтающесе другъ со другомъ привѣтствуются лѣпо съ уклонами и привѣтствіи. Видѣхъ паки семо и овамо благороднихъ и гобатихъ мужей утро и вечеръ всегда по аптекахъ піющихъ кафе, водки и инніе дорогіе напои, и служащихъ имъ чинно съ подобающею честію. Что же реку о онихъ сладкихъ словесахъ и прекраснихъ бесѣдахъ, ихъ же слѣшати едино услажденіе иноземцу? Что же паки реку о множествѣ купеческихъ коморъ и различныхъ товарахъ, или о множествѣ искусныхъ въ всякомъ художествѣ дѣлателей, иже отъ нашихъ, яко небо отъ земли, разнствуютъ? Есть же внутри града Неаполя единый

студенець, квасну воду имущъ и зѣло къ питію здраву, юже почерпають множество народа, найпаче же нищїи и убогіи приходятъ тамо непрестанно и вмѣсто вина ядятъ съ хлѣбомъ. Толико же вода оная есть здрава, яко елико кто можетъ вмѣстити піеть, ничтоже вредитъ, въ мѣру же піющимъ здравіе приноситъ. Есть тамо церковь Греческая, созданная странныхъ дѣля купцовъ, отъ Греціи приходящихъ, въ ней же священники вся по чину Восточнїи церкви творять, си есть олтарь имутъ затворенъ, органовъ нѣсть, священники съ бради и въ долгихъ одеждахъ чернихъ, покриваютъ главы капелюшами, крестятся по восточному и кланяются, служатъ на хлѣбъ квасномъ; мирскїя же Греки тамо вси исповѣдаются и причащаются, вся по обычаю своему творять; въ семь точію разнствуютъ отъ прочихъ Грековъ, яко послушни суть Папѣ Римскому, суть унѣяти и Папу поминаютъ и въ всѣхъ догматахъ ему покарются. Слыши прочее: есть тамо внѣ града въ горахъ недалече едина пещера, отъ нея же всегда непрестанно курится димъ, яки отъ нѣкой печи, частѣ же исходитъ огонь великъ и пламень страшень, испущающъ густіе искри, и множицею, егда вѣтръ биваетъ, наноситъ на градъ и многу пакость творитъ, и сія есть подобная горѣ пламенно горящей Этнѣ, яже всѣмъ книгочіямъ есть вѣдома. Та вся азъ вкратцѣ увѣдавши и увидѣвши, взяхъ четвертаго дне 2 патента, единъ отъ тамошняго нунціуша, си есть митрополита, а другїй отъ королевскаго двора, и изїйдохъ въ четвертокъ¹ предъ вечеромъ, Августа 18 числа, въ путь. Возможно же бѣ тамо кораблемъ по мору дойти къ Риму, обаче не имѣхъ сребра, имъ же би моглъ найти пловцовъ, по-

¹ Въ 1724 году 18 Августа было во Вгортникъ. *Ред.*

неже безъ мзди взяти не хотѣша, къ тому же разсудихъ, яко унше есть трудитися своими ногами къ мѣстомъ Святимъ поклоненія ради, нежели безъ труда яжденіемъ посѣщати. И тако шествовахъ ногами, не попуская имъ облѣнятися, да не како разслабѣвши не донесутъ въ отчество мое, понеже аще и надежда есть въ Возѣ, но къ тому много ползуютъ и нозѣ. И тако шествовахъ отъ Неаполя 40 миль безъ единой помежду великими горами, сѣмо овамо стоящими, обаче долинами равній путь имущими, шерокій же и каменіемъ посланни, именуемій страда Романа, си есть путь Римскій, се же того ради, яко неомилно путь Римскій каменній долженъ бити, понеже, якоже слисахъ отъ тамошнихъ жителей, на всѣхъ страни окрестъ Рима града путіе каменемъ сажденіе суть, се же славы ради и чести толь всему миру явнаго града. Идохъ же отчасти и помежду лѣсами и садами каштановими, найпаче же помежду виноградами великими и високими, зѣло по древахъ лѣсныхъ распростирающимися, подобнѣ, якоже предъ рекохъ, шествуя ко Неаполю, подъ ихъ же сѣнію лѣпо страннимъ витати, яко аще би они не били, воистинну би человѣку тамо, найпаче же иноземцу, пѣшествовати отнюдъ невозможно. Людіе же, иже тамо родишася, удобіе ходять и труждаются, обаче иніи болѣе нощію дѣлають, нежели въ дни, понеже тамо въ нощи прохладно. Такожде прохождахъ и азъ частіе села и гостинници наемніе, подобнѣ якоже по первой странѣ Неаполя. Прешедши же 30 и 8 миль, прійдохъ къ граду рекомому Гарияно, идѣже паки тоежде море завращается и градъ стоитъ на брезѣ. Тамо стоитъ стражъ Неаполитанская, того ради яко тамо граничить Неаполѣтанское панство съ Римскимъ, ибо отъ начала Пуліи даже доздрѣ Неаполь властелинствуетъ, то и его тамо проходитъ моне-

та даже до границы, ею же самъ обладаетъ. Тамо пред-
реченная стражъ патента, яже взяхъ отъ Неаполя, во-
просиша, азъ же показахъ имъ и видѣвше оставиша
мя шествовати добровольцѣ. Возможно же би еще, кто
хочетъ, и отъ тамо моремъ дойти Риму, обаче азъ пѣ-
шехожденію обѣщаніе предложивъ, не искахъ иннаго
пути, развѣ предлежащаго; къ тому же, понеже тогда
мѣсяць свитяше въ нощи, умислихъ болѣе шествовати
нощію нежели днемъ, горячести ради солнечной, къ
тому же хотѣхъ постигнути сыпутника своего Іустина
въ Римѣ, зѣло бо скорбно бистъ безъ друга. Доздѣ
панство Неаполѣтанское.

Панство Римское.

Оттуду отшедши, оставихъ море, и пойдохъ панствомъ
Римскимъ, паки знаменитимъ путемъ каменымъ, помежду
густими горами, частію преходя ихъ, отчасти же равними
долинами, помежду ими шествуя. Случаше же ся мнѣ
тамо устрѣтати нѣколько пелгриновъ, къ Неаполю ше-
ствующихъ, нѣщихъ же постизахъ отъ Неаполя къ Риму
шествующихъ, иніи бяху Нѣмци, иніи Французе, другіи же
Римляне, и не можахъ съ ними разглаголствовати: сего
ради ниже съвокупитися, всегда бо дружбою шествуютъ,
или два, или тріе, или четыре, къ тому же не спѣшатся
ниже нощію ходять, но ношуютъ въ гостиницахъ по
градахъ и весехъ. Идохъ же азъ спѣшно самъ единъ, не
ищуци страннопріемницъ, но идѣже изнемогахъ отъ тру-
да и падохъ на землю, тамо ми гостинница баше, или
въ дни или въ нощи. Прехождахъ же нѣколько градовъ
лѣпотнихъ зданіе домовъ, и весей множество, но и тіе
веси суть лѣпотнѣйшаго строенія, нежели въ иннихъ
странахъ градове. Земля тамо не весма камениста и не

имать блата, но имать отчасти нѣгдѣ лѣси маліе, и древа при пути, яко .аще и не частѣ, обаче случатся подѣ сѣнію витати; къ тому же води здравіе всюду бяху, и людіе отчасти милостивіе; мало бо тамо что куповахъ, даже до самаго Рима, понеже пищу всюду обрѣтахъ отъ милостини, найпаче же по конвентахъ, си есть по монастирахъ, иноки обикоша всегда питати шествующихъ peregrinovъ, миретіи же, понеже въ то время собираху плоди, даяху много отъ плода лознаго и фигъ, понеже отъ сихъ тамо многое изобиліе родится. Виногради же тамо иннимъ образомъ насаждаютъ, не тако, якоже окрестъ Неаполя: окрестъ бо Неаполя, якоже предѣ рекохъ, много сущъ виноградовъ дикихъ, ихже лоза велика и віється високо по верху древесъ лѣсныхъ; въ Римскомъ же панствѣ все виногради низкіе, огражденіе каменими стѣнами лѣпо; но сїи сущъ окрестъ городовъ, прочїи окрестъ весей окопанїи или осаждїи терномъ; многїи же сущъ осажденїи тростїю густою високою и толстою, яко сквозѣ ея человѣку протиснутися невозможно, нѣгдѣ бо толь толстая и крѣпкая не растетъ тростъ, яко тамо, аки нѣкое древо; внутрь же за тростїемъ онимъ виноградное лозїе малое, привязанное до палиць; се же огражаютъ того ради, да не всякъ мимоходя путемъ удобїе урветъ: зѣло прїятное къ ястію гроздіе, и вино крѣпкое бываетъ; вина же тамо мало червленнаго, токмо желтаго и бѣлаго множество, си маляю продаются цѣною. Шествовахъ же наченьши отъ Неаполя, даже до пресловутаго града Рима 9 днїй, и прешедши миль сто двадесять почтовыхъ, таже десятаго дне, Августа 29 числа, въ субботу предѣ полуднемъ, достигохъ тамо.

О пресловутомъ градѣ Римѣ и о пришествіи
моемъ къ нему.

Пришедшу ми яко за три поприща недалече, къ многознаменитому и богоспасаемому граду Риму, видѣхъ внѣ града зѣло ветхіе стѣни каменніе долго, даже до самаго града протяженніе и недалече ихъ текущую рѣку малку и узку даже внутрь града; идохъ же путемъ знаменитимъ отдалече наченшимся, иже баше посланъ каменемъ лѣпо и гладко и широко; при пути столпи таковы каменіе стоятъ, имущіе на себѣ таблицы мраморніе, аки зеркала гладкіе, на нихъ же Латинскіе подписи, виритіе орудіями, чимъ коштомъ и стараніемъ послашася путіе оніе. Таже идохъ предградіемъ долго, лѣпотніе доми, виногради, садове, источники имущимъ. И видѣхъ Римъ отъ внѣ зѣло много красенъ; много бо усаждаютъ зѣниці людскіе оніе церкви древнимъ строеніемъ, зданніе високо и пространно съ многими главами, цѣнію и мѣдію покровенни и позлащенніе, на себѣ крести имущими, такожде и красно стройніе высокіе полати. Пришедшу же ми близъ града, видѣхъ его огражденна каменною стѣною единою високою гладкимъ и крѣпкимъ дѣломъ. Таже внѣйдохъ вратами, искуснимъ художествомъ отъ великихъ рѣзаннихъ каменей устроенными, и идохъ улицами далече, хотя прійти къ средоградію на пляць, си есть на базарь или на рынокъ, да тамо нѣчто въ снѣдъ промышлю, приближаше бо ся полуденное время, къ тому же бѣхъ гладень и утружденъ сій до зѣла, шествовахъ бо непрестанно чрезъ день и ношь къ мѣспу, сна не вкушая, къ тому же хотя узрѣтися съ пелгримами, и въпросити о спутнику моемъ бившомъ Іустину; но не могохъ ускорити до полудни,

есть бо градъ зѣло великъ и много шествія требуетъ. Устрѣтохъ же на улицы пелgrimовъ и убогихъ множество и спросихъ ихъ, камо градутъ, нарѣчимъ Римскимъ то есть Италѣянскимъ, знаяхъ бо нѣчто мало еже къ яствѣ и пути требуемое. Они же отвѣщаша ми, яко идутъ на едино мѣсто, идѣже даютъ въ милостину нѣчто снѣдно; съ ними же и азъ идохъ вкупѣ. И прїйдохомъ на едино мѣсто, нарицаемое Рацелѣ, стояще високо на малой горѣ, гдѣ идохомъ по степенехъ горѣ, тамо стоятъ полати великіе и пространніе и высокіе лѣпозданіе, одесную монастырь закона Францѣшканского, опуюю же полати великіе, идѣже свѣдѣтельства отходящимъ зъ Риму даются, вся прекрасно отъ камене зданна. При онихъ первыхъ полатахъ предъ сходами источникъ водній стоитъ, сладку воду піющимъ подавающъ; между же тѣми всѣми полатами пляцъ пространенъ и равенъ, гладкими, дсками каменными въ едину мѣру сѣченными посланній на другую же страну паки степени каменніе, другіе (еще лѣпшаго строенія) обоюду имущіе стѣны, на нихъ же сѣмо и овамо два болвани, тѣло нагихъ чловѣкъ изображающіе, сїце же искусно учиненніе, яко аки живіе мнятся зрѣти. Тамо отъ онихъ Францѣшкановъ приспѣвшу полуденному часу, изнесоша нѣкое вареніе и раздаваху всякому единою мѣрою, идѣже и азъ часть свою взяхъ и мало укрѣпихся и благодарихъ Бога, яко алчущимъ даетъ хлѣбъ и на страннія и нищія презираеть. Таже препочивши тамо нѣкій часъ по полудни, идохъ далече вънутрь града и дойдохъ къ гостинниці Полской, при храмѣ Святаго Станислава стоящій, именуеть же ся госпитале ди Поляки; тамо азъ обрѣтохъ нѣколико Полскихъ людей и бихъ зѣло благодаренъ и привѣтвовалъ съ ними и нѣколику бесѣду сотворихъ, спросихъ же о спутникахъ своихъ, съ ними же отъ странъ Пол-

скихъ отъ града Лвова иайдохъ Отвѣща ми, яко священникъ прежде отъиде; другъ же мой, иногда бывшій съпутникъ Іустинъ, трома или четириа днями предъ пришествіемъ моимъ отъиде вслѣдъ священника паки на Лоретъ къ дому Богородичну, идѣже прежде бѣхъ съ ними совокупно. Видѣхъ же азъ, яко (Богу тако хотящу) не могохъ совокупитися съ дружиною своею, оставихъ мысль ону, и къ тому проче не жалѣхъ, понеже чаяхъ отъ Риму себѣ обрѣсти съпутниковъ много. Вопросихъ же еще отъ нихъ вся, что и како имамъ творити въ градѣ Римѣ, и извѣстившися добрѣ, начахъ вся по чину дѣлати. Отгуду приходящу слонцу на западъ, пойдохъ, по обычаю всѣхъ peregrinovъ, къ енеральной гостиници.

О госпиталю первоначальномъ Римскомъ.

Пришедъшу ми къ госпиталю или къ гостиници началнѣйшой Римской, идѣже обще всѣхъ путешественниковъ, здравыхъ и немощныхъ, пріймуютъ; именуеть же ся госпитале -de S. Trinita, Святой Троицы, понеже при церквѣ Живоначалной Троицы стоитъ. Тогда обрѣтохъ тамо предъ врати съшедшихся пелгримовъ, вѣщше яко сто душъ, отъ различныхъ странъ, иже на поклоненіе къ Риму прійдоша; кромѣ же тихъ еще недужныхъ толикожде. Предъставиша же первѣе трапезу немощнымъ и служаху имъ честно отъ священныхъ особъ и знаменитыхъ мужей Христа ради. Ми же всѣ здравіе стояхомъ внѣ дверей, ожидающе своего времени, не пущаютъ бо ни единаго внутрь, донелѣже не прійдетъ часъ той, въ онъ же предъставляютъ трапезу здравымъ. Обаче съзирахомъ вся бывшая внутри окнами, како посадиша болныхъ чинно, обоюду трапези долгой и предъ

всякимъ особно яству и питіе предъставиша, и како чинно инніе приношаху полніе блюда, другіи же собираху праздніе. Таже по трапезѣ, сотворшимъ имъ благодареніе, поведоша ихъ приставники въ своя болници. Держати же тамо недужнихъ обикоша кормяще и врачующе дотолѣ, донелѣже оздравѣють, творяще сіе въ память Христа, рекшаго въ Евангеліи: „болень бѣхъ, и послужисте мнѣ; прійдѣте благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра.“ Таже начаша насъ по единому впускати дверми и созирати коегождо патента, откуда кто пріиде и отъ коея странни естъ. По единому же того ради впускають, да чинно безъ вопля' входятъ, понеже много отъ младихъ путниковъ суть, иже еще дѣтищная творяще бѣгають сѣмо и овамо, непостоянни суще и тѣснящися внутрь, хотя единъ другаго предъварити, угнѣтаются и вопль творятъ. И тако чинно по единому впускающе, оставиша и мене внійти, идѣже священники, присѣдающіи близъ вратъ, вопросиша мя: откуда есмь, своимъ Римскимъ нарѣчіемъ. Отвѣщахъ имъ, яко не разумѣю языка вашего, но Латинскій. И вопрошающимъ имъ Латински, вся отвѣщахъ, откуда есмь, и камо шествовахъ, и откуда нинѣ прійдохъ. Таже взискаша отъ мене патентовъ Полскихъ, и показахъ имъ всѣ, яже имѣхъ отъ града Лвова. Единъ же отъ нихъ, началній, возьмъ прочетъ и подѣписа нѣколько словъ своею рукою, и давши ми печать бляшану, поведоша мя въ ликъ избранныхъ пелгримовъ. Всѣхъ же тамо до послѣднего пресмотрѣваши, огласиша въ звонокъ малъ бившой уже годинѣ въ ношѣ, и поведоша насъ священники въ единъ костель, тамо внутрь стоящъ, и сотворшимъ молбу пелгримамъ по обычаю къ Пресвятой Дѣвѣ Богородици, юже именуютъ Литанѣя, возгласи единъ, не вѣмъ кто,

*

сыпреди, и не вѣмъ что, Римскимъ бо бѣше нарѣчіемъ. По гласѣ же ономъ абіе пойдоша, яко тридесять чело-
вѣкъ, единъ по единому, другими дверми въ инну полату,
прочіи же всѣ остапаса въ церквѣ и сидѣша, съ ними
же и азъ. Азъ же видя бывшое и неразумѣвая твори-
маго, что и чесо ради инни пойдоша, друзіи же оста-
паса, и не терпя мысли своей, обрѣтохъ единого отъ пут-
никовъ, знающаго мало Латинскаго языка, Римски же
добрѣ, и вопросихъ его о семь. Той же извѣсти ми вся
ясно сице: яко той, иже по окончаніи молби возгласи,
да вси, иже перву ноцъ имуть въ гостинниці, идуть на-
преди и послѣдуютъ ему. Тойже поведе ихъ въ умивал-
ницу, да уміють имъ нозѣ. Прочіи же, иже суть второ-
нощніи или третонощніи, должны ожидать ихъ, да вку-
пѣ всѣ пойдутъ ясти вечеру. Рѣче же ми, да и азъ
иду тамо: понеже первонощень бѣхъ. Внїйдохъ же азъ
тамо въ умивалницу и видѣхъ близъ конца творимое дѣло,
не рекохъ о себѣ ничтоже, понеже Божією тако волею,
при неразумѣи языка, собистся. Стояхъ же азъ издалече
и видѣхъ лѣпо творимую церемонїю, аже бистъ сице:
два ношаху сосудъ и подѣставляху подъ нозѣ путниковъ,
третій ношаше сосудъ съ чистою водою и поливаше на
нозѣ, четвертій ношаще ленте чисто, пятій мїаше нозѣ
и отираше, шестій ношаше ковчежець съ врачевстви,
и аще кто отъ путникъ имѣаше нѣкую язву, прилагаше
пластирь и обовязоваше струпи. По умовеніи же ногъ,
ведоша насъ въ трапезу, уже лѣпо и чинно предугото-
ванну сушу, и многимъ благороднымъ и знаменитимъ му-
жемъ пришедшимъ къ послуженію страннымъ; трапези же,
на нихъ же яства представляется, зѣло суть долгіе и вели-
кіе огражденіе стѣнами, токмо единъ входъ имуть. Тогда
ставше два пресвитери при входѣ трапезномъ, взимаху
печатъ отъ всякаго преждеданную, и впускаху по еди-

ному къ засѣданію трапезы. Съѣдшимъ же всѣмъ чинно, сотвориша краткое благословеніе священники и ядохомъ благодаряще Бога и творящихъ милостиню; стояше же при коемъжеде peregrinъ единъ мужъ честень и благородень и служажу ово порѣзующе снѣдь, ово наливающе вино и подающе въ ругѣ, ово же сосуди испраздненніе собирающе и прочая таковая. Бяше же снѣдій три и четвертіе плоды и полъ ока вина на всякаго, якоже до обилія довлѣяше; такоже и вода предъ всякимъ и чаша, да аще кто не можетъ самаго вина пити, то да пьетъ съ водою, въ Римѣ бо и окрестъ зѣло крѣпкіе и найвящше бѣліе вина раждаются. Ядущимъ же всѣмъ и наситившимся, и воставше отъ трапезы, воздадоша благодареніе Богу. Таже поведоша насъ въ горнюю виталницу, по мраморныхъ степенехъ високо, и тамо пресмотрѣвше всякаго руки и лице, едали не имать кто каковаго вреда на тѣлѣ своемъ, и раздѣливше здоровыхъ отъ поврежденныхъ на особно въ разніе разведоша гостинници и раздѣлиша всѣмъ одри чистіе и посланніе лѣпо, и поставиша два на одрѣ почивати, понеже одри широки сугъ и на двоихъ строенніе; аще же случится когда мало число peregrinovъ, тогда по единому полагаются на одрѣ. И спяхъ азъ ту ноцъ зѣло сладко и здраво, по утруженіи отъ пути, ктому же и отъ чаши. Утру же бившу, испустиша насъ вонъ изъ госпиталя, аки стадо овецъ черныхъ, вси бо путники, иже тамошнимъ нарѣчіемъ именуются peregrini, въ черномъ одѣяніи ходять, яки иноци. И разійдошася вси по церквахъ на поклоненіе и на слышаніе литургій, болшая же часть поиде къ первоначальной и великой церкви Римской, въ честь С. Верховнаго Апостола Петра созданной, яже стоитъ обонъ полъ рѣки Тивера, тогда и азъ съ ними идохъ, поклоненія ради. Есть же тамо къ

прехожденію устроень мость каменній зѣло великъ и високъ и крѣпокъ, на столпахъ високихъ каменныхъ, въ рѣдѣ основанныхъ, утверждень и возвишенъ високо, яко ужасно есть низу зрѣти. Оттуду возвратившися, посѣщахъ инніе костели и знаменитіе монастыри. Таже, вечеру приспѣвшу, паки отъидохъ въ предъреченній госпиталь Святой Троицы и пріять бихъ съ тѣмъ же почтеніемъ и чиномъ, якоже и прежде, токмо на патентахъ второе знаменіе начертаху и печати инакіе раздаяху. Такожде и третаго вечера вкупѣ съ прочіими пелгримами пріять бѣхъ. Четири же вечера токмо гостять, и всякъ приходяй послѣднюю, си есть четвертую, ноцъ гостити, долженъ есть исповѣданъ прійти и свѣдѣтельство исповѣданія отъ духовнаго показати гостиннику, того ради, яко имать уже пойти на трапезу въ полати самаго папи Римскаго. Тогда азъ, по обычаю тамошнему, исповѣдахся притворно и ложно въ первоначальной церкви Святаго Апостола Петра и пріяхъ свѣдѣтельствовавшую хартію. Четвертаго же дне вечеру бившу пойдохъ паки въ предъреченную гостинницу и стахъ предъ врати съ прочіими peregrinami, держаще въ рудѣ хартію, отъ церкви Святаго Апостола Петра данну. Приспѣвшу же часу гощенія странныхъ, изійде единъ отъ клириковъ знаменитыхъ, иже на всякъ день собираетъ peregrinovy 12, въ число верховныхъ Апостоль, и отсилаетъ въ полати къ Папѣ Римскому на трапезу: обычай бо есть Папѣ Римскому на всякъ день представить трапезу честну 12 путникомъ. Стоящу же мнѣ тогда предъ врати гостинницы уже четвертаго вечера и многимъ готовимъ сущимъ къ трапезѣ папѣжеской на утро, и молваху, единъ другаго попихающе, хотяще всякъ бити первымъ. Азъ единъ тогда сущи подъ именемъ Полскимъ и не имущи друга, ни сопутника, къ

тому же не знаючи тамошняго языка, смиряхся всегда и стояхъ на послѣднѣйшемъ отъ всѣхъ мѣстѣ, и не мальсѣй возрастомъ держахъ свое писаніе високо, еже узрѣвши оній вишеписанній собиратель, повелѣ разступитися всѣмъ и возва мя внутрѣ гостинници и написа мя первымъ паче иныхъ и даде ми хартію волную, еже утро ити къ Папѣ на трапезу; послѣдиже и иныхъ единадесять собора и всѣмъ даде хартіи; таже прочіимъ обичнѣ подписоваху патента и дадоша печати и представиша вечеру и упокоиша въ ложницахъ честно, якоже и прежде. Утру же бившу 5 дня, въ среду, приспѣвшу уречешному часу, собравшеся вси дванадесять, пойдехомъ внутрѣ двора Папина, никому же намъ возбраняющу, аще и стража крѣпка въ вратехъ стояше. Пришедшимъ же намъ тамо и неуготовой сущей трапезѣ, сѣдѣхомъ въ нижнихъ полатахъ, ожидающе времени. Таже по малѣ званни и ведоми бѣхомъ мраморными степенми високо въ горницу прекрасную, идѣже не первѣе насъ воведоша, донелѣже не дадохомъ всякъ свою хартію, отъ госпиталя Святой Троицы данну. Взявше же насъ дванадесяти путниковъ, вмѣсто Апостоль, взяше еще единаго къ намъ отъ нищихъ на мѣсто Христова, на память словесъ оныхъ, отъ самаго Христа въ Евангеліи глаголаннихъ: „алчень бѣхъ и накормите мя, жаждень бѣхъ и напоите мя“, и ниже: „аще кому отъ малихъ сихъ что сотвористе, Мнѣ сотвористе“. Тогда посадивше насъ, представиша намъ на трапезѣ прекрасная и различная снѣди и варенія. Случижеся тогда бити дню средѣ и бояхся, да не како омерзуся чимъ въ день той, понеже Римляне среди не постятъ. Азъ же аще и нужно сохраняхъ всецѣло Греческаго устава правило, обаче, Богу о мнѣ промишляющу, сохранихся отъ пакости вражія. Случи бо ся день той бити Вигилія, у Римлянъ противу праздника Чест-

наго Креста, обичай бо есть по всюду Хрістіяномъ, Римскій держащимъ обичай и законъ, постити день предъ всякимъ знаменитимъ праздникомъ, иже именуется Вілгѣя, и тако тогда представленни бяху намъ на трапезѣ различнія риби и ина постная варенія и вино избранное, и служаху намъ лица знаменитіе и честніе, пралатскимъ и священническимъ почтенніе саномъ, и учреждени бѣхомъ довольно, яко лучше не требѣ баше. Вѣстно же буди, якоже повѣствуется отъ самовидцевъ путниковъ, яко въ нѣкіе дни неделніе и праздничніе самъ Папа, изъ внутреннихъ своихъ изшедши покоевъ, приходитъ въ гостинницу и посѣщаетъ онихъ убогихъ перегринавъ, ядущихъ обѣдъ въ дворѣ его, и ущедряетъ милостинею, въ повседневніе же дни не приходитъ. Воставшимъ же намъ тогда отъ трапезы и сотворшимъ благодареніе, дадоша коемуждо отъ насъ на благословеніе по единому хлѣбу малу, зѣло же бѣлу и чисту, такожде и по единому менталлю мосяжномъ, на которомъ отъ единія странни икона Христа Спасителя, отъ другія же странни Дѣви Богородици изліянна суть, такожде и по два образци отъ бѣла и чиста воска, иже именуются *Agnus Dei*, си есть агнецъ Божій, которіе то Римляне имѣють въ великомъ почитаніи, таже отпустиша насъ съ честію. Послѣди пойдохъ азъ въ гостинницу Полскую, котору тамо зовуть госпитале ди Поляки, которая стоитъ при храмѣ Станислава Костки, святаго Полского. Обичай же тамо перегриновъ, приходящихъ отъ странъ Полскихъ, постити 15 дній, безъ пищи, токмо постелю дающе чисту. Пришедши убо азъ, обрѣтохъ тамо и иннихъ путниковъ зъ Полци и бистъ мнѣ отраднѣ, яко обрѣтохъ языкъ къ разглаголствію и совѣту. Умишляхъ же абіе воскорѣ изійти отъ Рима, не хотя много медлити тамо, обаче на то время предъготовляшеся *Confirmatio Pontificis*, си

есть подтвержденіе Папи, его же по избраніи минувшимъ николико мѣсяцемъ подтверждають, отъ конецъ вселенія стекшеся, весь духовній синодъ и мирскій сѣглыть, о чесомъ послѣди явить повѣсть. Виденія убо ради онаго подтвержденія замедлихъ нѣколико днѣй въ пресловутомъ градѣ Римѣ, ноши имѣя къ упокоенію въ гостинници Полской, днемъ же кормяхся отъ монастырей иноческихъ, купно со прочіими peregrinami, и обходяхъ многіе церкви въ дни тѣя и посѣщахъ княжескіе и кардинальскіе дворы и полаты, проходя стогны же и улицы, торжища и средоградіе, внѣду и внутрь града, и видѣхъ лѣпоту града и нравы народа и инніе различніе вещи.

О препрославленомъ градѣ Римѣ, о обычаяхъ же и о вещехъ, обрѣтающихся въ немъ.

О великомъ и пресловутомъ отъ запада до востока градѣ Римѣ многія повѣсти требѣ, по достоянію славы и лѣпоты его; обаче азъ скудоумень сій и мали дни въ немъ замедлѣвши и мало что въ немъ разсмотрѣвши, вкратцѣ тѣчанію твоему, благій читателю, повѣсть предлагаю. 1) Римъ градъ есть зѣло ветхій, не слабостию или обетшаніемъ, но лѣти, понеже прежде Христіанства отъ Еллиновъ созданъ есть, и есть градъ царскій, понеже царіе тамо ветхими временами свои сѣдалища имѣяху еще отъ Еллиновъ, яко то Тить и Веспасіянъ и прочіи; послѣдиже благочестивій царь Константинъ престоль свой имѣяше тамо, донелѣже не пренесе его въ Византію, идѣже нинѣ есть Константинополь, его же послѣди созда и нарече своимъ именемъ. 2) Римъ есть зѣло прекрасній отъвнѣ и отъвнутрь. Отъвнѣ бо лѣпою и крѣпкою огражденъ есть стѣною

съ многими красно устроенными вратами; паки отъвнѣ лѣпоту свою показываетъ отъ церковь, иже съ многими главами суть, еще за Константина царя созданіе, суть покровенни иніе оловомъ, иніе же мѣдію, на нихъ же крести позлащеніе, издаличе, аки молнія, сіяють; такоже отъ високихъ полатъ, столповъ, вежей и звониць лѣпотенъ является. Внутрь же строеніемъ домовъ, расположеніемъ улицъ, зданіемъ прекрасныхъ источниковъ и каменныхъ балвановъ красится. 3) Бяше иногда градъ зѣло великъ, якоже и нынѣ познавается отъ муровъ старихъ, иже внѣ града стоятъ продолженни, и нынѣ же великъ есть, обіймуетъ бо мѣста съ предградіемъ 25 миль Италянскихъ, еже есть 5 полскихъ. Всегда бо въ градѣ, егда странній вопрошаетъ, далече ли монастырь онъсице отстоитъ, или палати Папѣжа, или нѣкая церковь?—отвѣщаютъ: едина или двѣ, или три суть милѣ и вѣщше. 4) Стоитъ на мѣстѣ веселомъ, но не ровномъ, при малихъ горахъ, окрестъ же издаличе окружають горы великіе и высокіе, такоже и внутрь маліе горы обрѣтаются. Отъ нихъ же на единой стоитъ дворъ съ полати Папи Римскаго и именуется Монте Коваліо, си есть гора Конная, понеже предъ полати папѣжскими сѣдитъ на кони едина персона, аки жива, отъ бѣлаго гипса сотворенна. Паки инно мѣсто именуется Монте де Тринита, си есть гора Троецкая, понеже на горѣ оной стоитъ монастырь Святія Троици, въ немъ же обитають иноки Французкіе, правила Францѣшканскаго. Паки ино мѣсто зовется Монте Росо, си есть гора червленная, и сие прочая многа. 5) Римъ иматъ морское и земное пристанище, понеже отстоитъ двома денми отъ моря по суху ходящи; водою же ближе, понеже рѣка Тиверь, которая переходитъ чрезъ Римъ впадаетъ въ море. Есть же глубока, бистра и шерока, ибо отъ моря рѣкою приходятъ различніе кораблѣ и

купеческіе, маліе же и великіе, такожде и военніе корабли и катерги, иже посылаеми бивають отъ Папи на помощь царемъ христіанскимъ въ время брани; и риба морская свѣжая въ градѣ продается. 6) Благородныхъ и богатыхъ и мудрыхъ мужей многое множество, понеже суть различніе училища въ нихъ различныхъ языковъ, мусики, анатоміи, си есть врачества, астрономіи, си есть звѣздохотства, риторскаго красноглаголанія, философіи же и богословіи, грамматики, всяческихъ языковъ, искусныхъ художествъ, велика обрѣстися могутъ въ мирѣ семъ. 7) Сѣдить на водахъ здравыхъ, изобилно текущихъ. Первое убо велика рѣка Тиверъ (якоже прежде рѣхъ) переходитъ сквозѣ градъ, второе же отъ горъ, окрестъ Рима обстоящихъ, много воды течетъ внутрь подъ землею хитростнѣ исправленной и много суть источниковъ, зѣло лѣпимъ и искуснымъ художествомъ отъ мрамора бѣла и иныхъ прекрасныхъ камней содѣланныхъ подобіемъ лицъ человѣчыхъ, звѣринныхъ, змѣевыхъ и инно-образныхъ имущихъ, отъ ихъ же ово отъ усть, ово отъ очей, ово отъ ушей и ноздръ точатся безыпрестанно источники водніе, изобилно всему народу къ почерпанію, питію и всякой потребѣ. 8) Садовъ, разноплodie дрeвеса имущихъ, вертоградовъ, всякими благоуханными цвѣтами исполненни, много суть; найпаче же изобиліе веліе виноградовъ и вина доволство и всякіе торговіе вещи мѣрно продаются цѣною, единъ токмо хлѣбъ отчасти скупъ. Обаче, аще и съ нуждою, странній и убогій питатися можетъ, понеже, аще народъ и немилостивій и не ущедряють нищихъ, но иноки нѣкіи отъ монастырей богатыхъ вареніе нѣкое разъ въ седмицу раздавають, о чемъ послѣжди. 9) Суть столпы великіе и звоницы многіе високіе, яже отъвнѣ и внутрь лѣпоту граду многу показываютъ, та-

кожде и звони различніе, маліе и великіе, обрѣтаются и часовъ множество, отъ нихъ же токмо звукъ днію и нощію непрестанно слышится и человѣкомъ подаетъ веселіе. Столпи же, иже незданные суть, но отъ единого изсѣченна камене, иже въ высоту яко двадцать сажней и вѣще, въ толстоту же яко сажень или два. Инии суть столпи многолѣтны отъ вѣтхихъ царей и папѣжовъ созданны, ини въ память бывшей нѣкоей преславной побѣди и инихъ пресловутихъ дѣлъ, на которыхъ подписи изречіе и донинѣ обрѣтаются. Стоять же не на единомъ мѣстѣ, но на различныхъ мѣстѣхъ, посредеъ торжищъ града. 10) Въ Римѣ торжищъ или ринковъ много суть, иже тамошнимъ нарѣчіемъ именуютъ пѣцы, яко би пѣщи. И первое убо и началѣйшее торжище именуется пѣца ди Навона, то есть торжище Навони, идѣже всякіе вещи обрѣтаются, по желанію коегождо человѣка. Второе, рекомое пѣца ди Францези, то есть торжище Французское, и сіе великое есть и богатое. Есть же особно Нѣмецкое и особно Гишпанское, и иніе разніе, имъ же имени не вѣмъ. Особнѣ же есть мѣсто и торжище Жидовское, со стѣною и врати, яко градъ опредѣленное да не смѣшаются съ Христіани, сами между собою купующе и продающе; обаче невозбранно ни Жидамъ на Христіанское, ни Христіаномъ на Жидовское ходити торжище. Обрѣтается убо въ Римѣ много Жидовъ, обаче чернихъ одеждъ не носятъ, якоже въ Лядской землѣ, но якоже кто хоцетъ, и бради и власовъ не сохраняютъ, но обрѣзуютъ и всю одежду носятъ, якоже Италѣяне и Нѣмцы и языкомъ Римскимъ бесѣдуютъ, въ семь токмо различествуютъ отъ Христіанъ, яко не имутъ волѣ чернаго капелюша носити, но отъвнотрь чернѣ, а отъвнѣ почервленѣ или покровенѣ червленнимъ платномъ. 11) Въ Римѣ гостинницъ много суть, въ няже воспріймуютъ

страннихъ и убогихъ, найпаче же путниковъ, иже тамо приходятъ на поклоненіе, которіи именуются peregrinami, иже егда начнутъ путешествовати отъ отчества своего на поклоненіе мѣстъ святыхъ, ни стригутъ ни власянь, ни бради, но яко нустинници ходятъ, даже возвратятся въ странну свою. Таковыхъ убо пріймають отъ онія гостинници индѣ три нощи, со пищею и питіемъ и одромъ чистимъ, индѣже четири и индѣ единъ; въ прочіихъ страннопріемницахъ и по десять и по 15 днѣй пріймуютъ, кромѣ пищи, токмо одръ къ упокоенію. И тако, колика племена въ Римѣ обрѣтаются, толики и гостинницы суть. Первая же и началнѣйшая есть гостинница Св. Троицы, о ней же предъ писахъ, и сія есть общая, прочіи же опредѣленни, яко Нѣмецкая Нѣмцовъ ради, Французская Французовъ ради, такожде Гишпанская, Венецкая, Лядская и прочіи. Есть еще гостинница знаменита Святаго Духа, идѣже недужныхъ врачуютъ и кормятъ. Вѣстно же буди, яко непрестанно, въ зимѣ и лѣтѣ, грядутъ на поклоненіе къ Риму, найпаче же лѣта того 1724 множество веліе снѣдошася peregrinovy, понеже Папѣжъ Римскій новопоставленъ быше, къ тому же и годъ грядущій 1725 быше тогда у Римлянъ святій годъ, его же именуютъ юбилеушъ. Обичай бо есть Римляномъ, не токмо въ Римѣ, но по всей вселенной ихъ, прешедшимъ 24-мъ лѣтомъ 25 празновати юбилеушъ, въ онъ же Святыхъ мощи, елики имутъ, и вся сокровища церковная износятъ и дають всему миру лобызати, прочіи же лѣта въ заключеніи имутъ, тогда же и разрѣшительніи грамоти повсюду посилаетъ Папа Римскій и инія многа творять, яже и явити и не явити нѣсть ползи. 12) Обичай есть въ Римѣ вареніе даяти отъ монастырей, по чину днѣй въ седмици, не токмо peregrinamъ, но и всѣмъ убогимъ. Въ понедѣлокъ убо

суть три или четири монастири, отъ нихъ же раздѣляютъ вареніе убогимъ, овѣи убо-предѣ полуднемъ, овѣи же въ полудніе. Въ вторникъ же въ иннихъ монастирѣхъ и въ среду въ иннихъ, и тако суть опредѣленни монастири, иже въ седмици единъ день имуть, въ онъ же раздѣляютъ убогимъ яству, идѣже убогіи неоскудни суть въ пищу, монастири же богатіе и великіе и многочисленніе суть. Что же реку о прекрасномъ и лѣпотномъ зданіи обителей тѣхъ, о препишнихъ кардинальскихъ и митрополитанскихъ дворахъ, о полатахъ великознаменитихъ князей и благороднихъ боярь, о гордомъ ихъ язденіи, о преходящихъ и послѣдующихъ слугахъ, о позлащенныхъ колесницахъ и украшенныхъ конехъ, о дворѣ и полатахъ самага Папи Римскаго, о зданіи, строеніи и лѣпотѣ святыхъ Божіихъ храмовъ, иже безъчисленни суть и никтоже подробну исписати можетъ? Отъ нихъ же азъ убо нѣкія началнѣйшія тцанію твоему, благій читателю, извѣщаю. Есть обичай peregrinovy, отъ нихъ же всякъ, егда дойдетъ въ Римъ, посѣщаетъ многіе храми святыхъ церквей, аще же можетъ и вси. Но суть седмъ церковь великихъ и началнихъ, ихъ же аще кто не посѣтитъ, не вмѣняется бити поклонникъ и яко воуе пришедшій и тощъ отходяй. Отъ нихъ же азъ услышавши, въ единъ отъ днѣй потщахся и обѣйдохъ вся. Суть же сіи.

О церквѣ С. Апостола Петра.

Первая убо соборная и начальная церковь есть въ имя Святаго Верховнаго Апостола Петра, къ ней же путь есть чрезъ великій мостъ каменній, иже въ Тиберѣ стоящій, яже отстоитъ недалече отъ крѣпости градской, или, простѣ рекше, отъ замку, которій именуется Sancto Angelo.

Есть же храмъ зѣло зданія и расположенія великаго и лѣпотнаго, тако отъвнѣ, яко и отъвнутрь. Отъвнѣ имать врата великіе и не едины, но многи, отъ спѣжа слышанніе зѣло тонкимъ и искуснимъ художествомъ, яко дивитися всякому, найпаче же странному. Верху имать едину главу велику, яко довлѣти всему храму, и та есть оловомъ покровенна. Внѣ же, предъ лицемъ церкви, есть пляцъ великій, каменными дсками гладцѣ насажденій, посредѣ же его стоитъ столпъ высокій, четиреугольный, въ гору изостренный, такожде источникъ каменный, сладкую воду жаждущимъ точащъ, одесную же и ошую столповъ великихъ, отъ цѣла камня изсѣченнихъ и чинно стоящихъ множество суть, яко сто и вящше, иже лѣпоту многу показываютъ. Внутрь же въ широту, долготу и висоту зѣло пространна есть и многими великими столпами каменно-зданными поддержива, престоловъ такожде множество суть, на нихъ же отправляютъ мшу, то есть службу Божую, гласъ же великъ и шумень издаеть поющимъ и чтущимъ. Тамо органовъ суть три, великихъ и зѣло сладкопѣснивихъ, яко чловѣкъ слишай, найпаче же странній, не можетъ насититися ихъ. Весь же храмъ великими дсками мраморными посланній гладкимъ художествомъ. Тамо, близъ соборнаго алтаря, стоитъ одесную храма икона спѣжова изваяна Святаго Апостола Петра, ей же съ великимъ усердіемъ весь народъ поклоненіе творять и лобизають. Оттуду мало прешедши, посредѣ церкви суть гроби Верховнихъ Апостоль Петра и Павла; идѣже части мощей ихъ обрѣтаются, отъ составовъ и членовъ тѣла, гроби же ихъ нѣ суть верху, но внутрь, подъ основаніемъ церковницъ, идѣже входъ есть мраморными степенъми, врата же всегда заключенны суть и никогда же не отверзаются, кромѣ 25 года, на юбилеушъ, или великаго ради нѣкоего

лица, внѣ же вратъ окруженни суть балясами мраморными степени, на нихъ же много позлащенныхъ и серебряныхъ кандиловъ висятъ, неусипно горящихъ, идѣже людѣе на всякъ день, предъ врати гробовъ, поклоняются чести воздающе мощамъ святымъ, идѣже и азъ множицею сподобихся поклонитися, вѣрующе несумѣнно, яко обрѣтаются мощи Святыхъ тамо, невозможно бо есть да въ градѣ ономъ, идѣже Святїи пострадаша, аще не цѣлимъ тѣлесемъ, то поне частемъ сохраненнымъ быти отъ христіанъ. Тамо есть обычай всѣмъ людямъ исповѣдаться, наипаче же страннымъ или peregrinomъ, на поклоненіе пришедшимъ. Есть же тамо троновъ много, на нихъ же сидяще духовници, исповѣдуютъ народи, единъ убо по Латинску или Италіанску исповѣдетъ, второй же по Греческу Грековъ съединившихся или премѣнившихся, и инїй Венгровъ, инїй же Франгузовъ, инїй же Нѣмцовъ и инїй же Гиспановъ и инїй же Поляковъ и вси разными языки различныхъ людїй исповѣдаютъ. Обрѣтаютъ же ся многїи и Словенскїй языкъ знающїи, аще кто требуетъ, наипаче же Далматовъ и Горватовъ ради, яко тїи Словенски бесѣдуютъ. Врата первоначальная церкви Святаго Апостола Петра всегда затворенна стоятъ, токмо на юбилеушѣ, то есть двадесять пятаго лѣта, яже самъ Папа Римскїй отверзаетъ и первѣе входитъ, такожде и весь народъ по немъ.

О церквѣ Святаго Апостола Павла.

Вторая церковь есть въ Римѣ великая и многопочитаемая Святаго Верховнаго Апостола Павла, яже стоитъ внѣ града, яко поприща едино. Есть же широкая и долгая, но не весьма висока, едину токмо главу имущая, прочее же весь покровъ ея древянъ, долгїй и отъвнѣ

оловомъ покровенъ, внутрь четиредесять столповъ суть, върядъ по десять стоящихъ, великихъ, единокаменныхъ. Кромѣ же тихъ, и иннихъ столповъ мраморнихъ много обрѣтаются и олтари алавастрными и порфирными дсками упещренни. Есть же и тамо подобнимъ образомъ гробъ Святаго Павла содѣланнй, якоже въ церквѣ С. Апостола Петра, къ нему же врата подъ спудъ храма суть, идѣже такожде кандиловъ сребрнихъ полно, неусипно горящихъ, въ которомъ гробъ сохраняеми суть члены мощей Святаго Апостола Павла. При храмѣ же томъ сооруженъ монастырь великій и краснй, въ немъ же иноковъ много суть.

О инной церквѣ С. Апостола Павла.

Третья церковь подалѣе отъ храма Святаго Апостола Павла отстоитъ внѣ града, яко два поприща далече, которая именуется Римскимъ нарѣчіемъ *Desolatione di Sant. Paulo*, то есть усѣкновение С. Павла, на мѣстѣ бо ономъ, идѣже честную его усѣкнуша главу, созданъ есть храмъ отъ ветхихъ временъ, иже и донинѣ обрѣтается. Аще же и невеликъ есть строеніемъ, но лѣпотенъ внѣ и внутрь. Есть же и монастырь тамо при храмѣ созданъ, въ немъ же иноковъ мало обитають, елико довлеють на службу церковну. Стоитъ же на уединеніи отъ людй, на поли, на мѣстѣ високомъ. Тамо внутрь церкви суть три студенци, сладку воду имущіе, единъ близъ другаго, мраморами прекрасно упещренны, и лижици желѣзніе къ нимъ прикованніе, идѣже обичай есть всякому на поклоненіе пришедшему отъ коегождо по мѣри испити воды, благословенія ради. Повѣствуютъ бо Римляне и окрестнй народи, яко въ время оно, по усѣченіи Святаго Апостола Павла, не кровь, но млеко те-

чаше, и честная его глава, егда паде на землю, скочи трижди отъ мѣста на мѣсто и на коемъждо мѣстѣ (о преславнаго чудесе!) изійде вода отъ земля, яже и до нинѣ волею Божественною неоскудна пребываетъ, юже и азъ грѣшній сподобихся пити.

О церквѣ Святаго Севастіанія.

Церковь четвертая есть святаго мученика Севастіана, яже на тойже странѣ внѣ града яко за два поприща отстоять, на поли равномъ и веселомъ, между виногради, купно же и монастырь великій и изрядній при церквѣ обрѣтается, въ немъ же законниковъ изобиліе и зданіе келій прекрасный. Храмъ убо пространенъ и великъ въ высоту, въ широту же и длину, и лѣпоту внѣшнюю и внутреню имать, сверху покровенъ есть оловомъ, внутрь же гладцѣ постланъ мраморными плитами, столпами же и олтарми чинно расположенъ и украшенъ. Церковь та на мѣстѣ томъ созданна есть, идѣже мученъ баше Святій Севастіанъ, внѣ града изведенъ сѣй и стрѣлами отъ воевъ прободаемъ, еже мѣсто говѣнія и поклоненія отъ христіанъ достойное, понеже освященно мученіемъ Святаго, еже Христа ради претерпѣ. Есть же и другое благословеніе на мѣстѣ томъ: обрѣтается въ церквѣ той единъ студенецъ древній, отъ него же не почерпають воду, но есть покровенній сверху и литургисають на немъ, аки на престолѣ, токмо отъ странъ имать окна, согляданія ради. Повѣствуютъ же достовѣрно, яко множеству лѣтъ прешедшимъ невѣдоми бяху главы Святихъ Апостоль Петра и Павла, таже откровеніемъ Божиимъ обрѣтошася въ ономъ студенцы.

О церквѣ Святаго Іоанна Лятерана.

Пятая церковь въ Римѣ есть знаменита и ветха, завомай *Sant. Ioanne Laterano*, Святаго Іоанна Лятерана, которая есть въ висоту, долготу же и широту зѣло велика и пространна и много престоловъ въ себѣ имущая. Ея же верхъ покровень есть оловомъ, внутрь же преупешренна вся порфирами, алавастрами, различно-видными мрамори и иными драгими камени и иными утварми богатыми. Имать же много сокровищъ и мощей Святыхъ, якоже слышится, но та не показуютъ, точію на юбилеушъ, и врата ея началная всегда заключенна суть и не отверзаются даже до года онаго. Тамо суть честніе главы Святыхъ Апостолъ Петра и Павла пренесенни по обрѣтенію отъ онаго вишшеписаннаго студенца. Есть еще тамо единъ престолъ каменній, о немъ же повѣствуютъ и печатаютъ на хартіяхъ Римляне, свидѣтельствующи, яко есть оній, на немъ же сподобися устрѣти и воспріяти на лона праведній старецъ Симеонъ Господа нашего Іисуса Христа, еще суца младенца, якоже свѣдѣтельствуеть священное Евангеліе; взять же есть и принесень въ Римъ въ время древнихъ браней. Тамо, внѣ церкве, суть полати високіе и красніе и зѣло изящнаго строенія, идѣже прежде Папи Римскіе обитаху, нинѣ же премѣниша мѣсто и обитаютъ на горѣ, зовой Монте Кавалло; ветхіе же полати папѣжскіе премѣниша въ монастырь, въ немъ же и донинѣ законники обитаютъ.

*

О церквѣ Санта Марія маіоре.

Шестая церковь знаменитая, ветхая и пресловутая въ Римѣ есть, яже именуется Санта Марія маіоре, си есть святая Марія болшая, которая есть въ долготу же и широту зѣло пространна и многіе престолы лѣпо устроенны драгими столпами и дсками мраморными и блестящими аки зеркало, въ нихъ же зрится лице челоуѣческое, и иными утварми драгими украшенніе; подножье ея лѣпо и гладко посланно, верхъ ея покровень оловомъ. Стоитъ на мѣстѣ високомъ и веселомъ, и монастырь избранный при ней устроенъ, въ немъ же законниковъ множество суть правила Доминиканскаго.

О церквѣ святаго Лаврентія.

Седмая церковь въ Римѣ ветхая и пресловутая, и богатая, именуемая Sant Lorenzo, то есть святаго Лаврентія, въ которой обрѣтаются части мощей многихъ и различныхъ святыхъ, но не износятъ ихъ въ явленіе миру, токмо 25 года. Вѣстно же буди, яко въ всѣхъ сихъ предреченныхъ храмѣхъ суть великіе и сладкопѣснивіе органи, понеже Римская церковь нигдѣ же безъ органа биваетъ, развѣ въ нужномъ зѣло мѣстѣ. И сіи суть седмь церковь ветхихъ и пресловутыхъ, яже всякъ отъ peregrinovъ долженъ есть посѣтити, яже и азъ въ единъ отъ днй ходихъ и посѣтихъ вся. Есть еще внутри града церковь мала Святаго Петра, идѣже древле темница баше и Петръ С. въ ней заключенъ и веригами окованъ сѣдѣше, яже вериги и донинѣ обрѣтаются тамо и людіе съ вѣрою и усердіемъ приходяще, поклоняются, имъ же и азъ недостойный поклонитися

сподобихся. Стоитъ же оній храмъ внизъ гори глубоко, яко на два сажни и вящше, на горѣ же оной есть дворъ, въ немъ же раздаются хартіи печатаніи исходящимъ отъ Рима въ инну страну, свѣдѣтельствующіи о здравіи человѣческомъ и о мѣстѣ незаповѣтреномъ, еже мѣсто именуется Рацели. Одесную темници, нинѣ же церкви Святаго Петра, суть много столповъ великихъ зѣло, чинно стоящихъ, отъ одинаго камене изсѣченнихъ, на мѣстѣ пустомъ, идѣже нинѣ смѣтіе вергають, отъ нихъ же познавается, яко бяху некіе зѣло богатіе и прекрасніе полати. Таможде близу суть инніе темници великіе, въ нихъ же татіе, разбойници и иніе зліи челоуѣцы нинѣ заключаются. Есть паки инна церковь внутрѣ града, зовома Rotunda, сиречь округла, того ради, яко зданіе ея отъвнѣ и внутрѣ округло есть, ни угловъ бо, ни камаръ не имать, но едину стѣну окрестъ, аки столпъ имать, и единою главою вся покривается. Есть ветхая зѣло, еще отъ Еллиновъ созданная, идѣже всѣхъ боговъ ихъ, или паче всѣхъ идоловъ капище баше и жертву обще всѣмъ приношаху, вжигающе огнь великъ посредѣ храма и телци паляще, чесого знаменіемъ есть окно, или дѣра велика посредѣ главы храма, аможе димъ исходядше, яже и доселѣ непокровенна есть. Наставшу же благочестію и христіаномъ въ область Римъ воспріавшимъ, отъ капища всѣхъ идолъ очистиша и нарекоша храмъ Всѣхъ Святихъ, аще и отъ круглости круглая общенародно именуется, обаче храмъ Всѣхъ Святихъ есть. Врата токмо едини имать, но зѣло великіе, аки градскіе, окна же ни одинаго, но дирою сверху просвѣщается. Внѣ церкви покровъ сооружень есть въ подобіе паперти, поддержимъ четирма великими зѣло столпами единокаменными, яко всякаго взирающаго удивляетъ умъ, како толь великая машина рушима и

зидема бистъ, въ висоту убо суть яко пять или шесть сажней, толсти же два человекѣ обяти не могутъ. Къ оному храму Римляне великое усердіе имуть, на всякъ бо день полно мира тамо людѣй, на поклоненіе приходящихъ, обрѣтается, найпаче же того ради, яко близъ торжища стоитъ и всякъ мимо грядѣй не лѣзнитъ внутрь внѣйти. Внѣ храма того, одесную, при стѣнѣ, есть образъ Христа, въ гробѣ лежаща, отъ бѣла алавастра изсѣченъ, къ нему же Римляне вси говѣніе веліе имуть, и егда поклоняются,-metaють внутрь пѣнази, всякъ по силѣ своей. Есть паки внутрь града ина церковь, зовома Екеза нова, сиречь церковь новая, яже древле бѣша капище Еллинской богинѣ, именуемой Діанни, еже въ время Рождества Христова падеся, въ время же христіанства обновися и бистъ Домъ Божій, сего ради и наречеса церковь нова, сиречь отновленна. Еще есть внутри града иная церковь великая и прекрасная, купно съ монастыремъ, въ ней же законники обитають, именуеміе Гаравѣте, жестокое провождающіи житіе, идѣже обикопѣа людей множество снисходитися на правило въ первій часъ нощи; исходяще же изъ церкви, дають убогимъ милостину, того ради и отъ нищихъ тамо много собираются, не тако молби дѣля, яко прибитка; въ вторникъ же и четвертокъ и неделю поученіе биваетъ и раздають всѣмъ треконечни вервици, яже именуются дисциплины, и угашають свѣщи, яко ни единой не остати, и бичуется народъ, си есть всякъ біеть себе самаго, инѣй по одеждѣ, инѣй же по нагомъ тѣлѣ, Христа ради, суть бо нѣци на сіе приуготовленни, иже аще и видятъ одѣянни бити, но егда угасятся свѣтила, абіе изметають верхніе одежды и въ сподней созади на плечахъ имуть устроенну диру и біеть въ ню до болѣнія и язвъ; біють же ся яко чрезъ 3 Вѣрую или

вяще; таже хотящимъ престати дають иноки знаменіе и абіе всякъ вскорѣ облакаетъ ризы своя, да тако другъ друга не познаваетъ, мало ли или много, или ничтоже біяше себе, на голи или по одеждѣ; послѣди же паки засвѣщаютъ свѣщи и творять отпустъ. Недалече отъ храма, яже иногда темница Святаго Петра бистъ, обрѣтается монастырь, при горахъ, Сергія и Вакха, идѣ же нинѣ иноки отъ Грековъ, болше же отъ Русовъ обитають, именуеміе Базилѣяне, яко би по Святаго Василя правилу живущіи и по обычаю Греческихъ иноковъ, но якоже отстоятъ востоци отъ западъ и небо отъ земля, сице и они разнятся отъ Грековъ, всемъ бо соединенни суть Римской церкви, одѣяніемъ токмо мало подобятся, еже носятъ долгое, даже до земли, и власяное, клобукъ же имуть безъ крыль, якоже и Арменскіе иноци, еще надъ то и капелюшъ верху клобука носятъ, бради голятъ и власи стрижутъ и постовъ всѣхъ не сохраняють, кромѣ великой четиредесятници и то не твердо; литургисають ово по Греческу, овогда же по Руску, обаче, по обычаю Римлянъ, на опрѣсноку и то безъ пѣнія, токмо единымъ чтеніемъ тихимъ. Церковъ ихъ есть строеніемъ и обычаемъ Римлянъ, безъ царскихъ вратъ и сѣверныхъ и безъ иконостаса, откровенній престолъ имущая. Есть же въ церквѣ ихъ ошуюю стоящая икона Пресвятія Богородици велика, на дсцѣ исписанна, на десницѣ держащая младенца Христа, многими же чудотвореніи и цѣленіемъ различныхъ болѣзней препрославленна, златомъ и серебромъ и драгими каменни, яко едва лицу видѣтися, завѣшенна и украшенна, ея же истинное изображеніе иноци имуть на хартіи, съ подписаніемъ Словенскихъ лѣтеръ: „Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ разсужденія Серафимъ“ и прочая до конца, яже инимъ продають, инимъ

же дарствуютъ. Есть еще особнѣ мирская церковъ Гре-
ческая Святаго Аѳанасія, не тако Грековъ ради, тамо
обитающихъ, понеже ихъ зѣло мало суть, яко прихо-
дящихъ ради купцовъ, въ ней же аще правило церков-
ное по обычаю Греческому творится, но прочіе въ всемъ
едино съ Римляни суть, и не дивно есть: стояй бо въ
огни, или сгоритъ ни вочтоже, или опалится. На пути,
идуши къ монастыру Святаго Павла, о немъ же пред-
рекохъ, есть церковъ мала, каменна, внѣ града, яко
полпоприщемъ отстоящая, созданна на мѣстѣ ономъ, на
немъ же Петръ Апостоль устрѣтеся съ Христомъ, яко
съ нѣкимъ человѣкомъ. Вина же сего сія бистъ: отъиде
Петръ Апостоль въ Римъ проповѣдати вѣру Христову,
якоже свѣдѣтельствуютъ Дѣянія Святыхъ Апостоль, бяху
бо тогда въ Римѣ идолопоклонники, якоже и повсюду,
отъ языкъ бо разширися церковъ Христова, отъ нихъ
же многихъ къ Христу обрати Св. Апостоль Петръ. Та-
же возненавидѣнъ бистъ отъ идолослужителей и окле-
ветанъ, ятсѣ отъ игемона Римскаго и всажденъ бистъ
въ темницу, имѣя мучимъ битіи, иже, убояся подяти
мукъ, избѣжа отъ темницы и течае вонъ изъ града,
идѣже явися ему Христосъ въ образѣ нѣкоего человѣка,
хотя его укрѣпити, да не погубитъ мзды своея. Устрѣт-
ши убо Петръ вопроши Христа: камо грядеши? Отвѣща
Іисусъ, акы инъ человѣкъ: иду въ Римъ пострадати Хри-
ста ради. Еже слышавши Петръ, размисли въ себѣ,
яко сей самоволно идетъ на смерть Христа ради, азъ
же, ятъ бивъ, избѣжахъ; и раскаявся возвратися въ
градъ и паки ятъ бистъ, узи же мученіе и смерть подѣ-
ять за Христа, на крестѣ пригвожденъ стремглавъ.
Еще же обрѣтаются въ Римѣ и донинѣ полати роди-
телей Алексѣя человѣка Божія и хижина, въ ней же
не познаваемъ, яко единъ отъ нищихъ, при вратехъ

отца своего живяше. Полати въ Римѣ суть вся строе-
нія каменнаго, краснаго и високаго, яко иніе пять до-
мовъ, инніи же шесть едина верху другихъ имуть, съ
прекрасними великими окнами, желѣзными же и мосяж-
ными кратами, улицы же едва не вси суть насажденіе
каменми красно, началніе и шерокіе великими каменми,
ово черными, ово же бѣлыми, гладко посланіе, на нихъ
же не токмо каль, но ниже прахъ обрѣтается, на всякъ
бо день ходяще, пометають на то опредѣленніе людіе.
Двори княжескіе, яже въ Римѣ, боярскіе же, а найпаче
же кардиналскіе, многоя похвали достойни, красоти ради
своей, въ нихъ же позлащенныхъ исписанныхъ лѣпо
колесницъ полно, на которыхъ они яздыть, шестма кон-
ми влекомы; кони же ихъ сице упешренни и устроени
суть, яко дивитися востинну, и много имуть предьхо-
дящихъ и послѣдующихъ. Есть же въ Римѣ Кастронъ,
сиречь замокъ крѣпкій и красній, надъ Тиверомъ рѣкою
стоящій, недалече первоначалнія церкви С. Апостола Пет-
ра, который именуютъ Римляне Сантъ Angelo, си есть Свя-
тій Ангель, понеже ангелу есть въ соблюденіе поручен-
ній и ангелскую на себѣ печать имать. Обрѣтають же
ся въ Римѣ многая училища, въ нихъ же различныхъ
мудростей и хитростей и языковъ учатся. Первоначал-
ное же училище есть рекомое Коллеігумъ Romanus, въ
немъ обще вси народи отъ христіанъ Латинскимъ діа-
лектомъ грамматики, философіи, астрономіи и богословіи
учатся.

О дворѣ и полатахъ Папи Римскаго.

Дворъ, въ немъ же обитають нинѣшнихъ временъ
Папи Римскіи, стоитъ внутри града на мѣстѣ, рекомомъ
Monte Cavallo, якоже прежде рѣхъ, то есть на горѣ

Конной, сиче отъ коня и яздца проименованной, иже созданы естъ отъ ветхихъ лѣтъ отъ камени бѣла и чиста, зѣло искуснымъ и хитрымъ художествомъ и стоитъ предъ врати двора папѣжскаго издаличе, на високомъ и широкомъ камени, нанъ же посмотриѣти мимоходящему угодно естъ. Дворъ убо Папи естъ пространенъ и великъ зѣло, яко нѣкій монастырь, оточенъ же стѣною високою, яко градъ. Вратъ къ входу и исходу четири имать, въ нихъ же вои стрегущи день и ночь стоятъ въоружени и не всякаго оставляютъ внѣйти, прежде даже не вопросятъ вини и потреби, единимъ токмо перегринамъ невозбраннѣй всегда входъ дается, понеже многа дѣла имуть, ини бо приходятъ взяти разрѣшеніи хартіи, инніи же приносятъ суплѣки, просяще милостини, инніи же на трапезу папѣжскую приходятъ, инны же чотки и инніе покупки Римскіе, ради благословенія, къ Папѣ приносятъ. Обычай бо естъ въ Римѣ, аще кто что купитъ молитвамъ прилично, яко то: крести, образки, чотки, ментали и прочая, приносить въ полати папѣжскіе и онъ, молитву дѣючи, благословляетъ я, и паки утро или по утру всякъ взимаєтъ вещи своя. Воини же папѣжскіе одѣяніе веселое имуть и различное отъ многихъ иностранныхъ, понеже одежда ихъ и шаравари сущъ суконніе, отъ многихъ частей сошвенніе, и отъ двообразнаго цвѣта, отъ желтаго и блакитнаго, и не весма тѣснѣе, но помѣрнѣе. Еще имуть отъ тогоже сукна сошвенніе, аки пояси, висящіе отъ плещей даже до чреслъ. Внутрь убо двора сущъ полати многіе, едини верху другихъ, зѣло чино и лѣпо устроєніе окрестъ при стѣнѣ, посредѣ же плъцъ великъ празденъ, гладкими велики каменми насажденъ, иже многу лѣпоту подворію являетъ. Папа, аще камо внѣ двора исходитъ, всегда на носилахъ носимъ бываетъ, которое овогда по-

сятъ кони, овогда же человѣцы. На носилахъ же есть устроены златій тронъ, или сѣдалище, отъ всѣхъ четырехъ странъ окна кристалніе имущъ и заключены, ясно сквозъ зрится; и егда несутъ его нѣкою стогною, абіе людіе, оставивши своя купли и продаванія, бѣжатъ воскорѣ устрѣсти его и вси припадають на колѣня проходящу ему, онъ же обѣма руками благословляетъ народы. Одежды его суть шелкови свѣтло багряни, претикани златомъ, долги же и широки довольно, шлемъ такожде багрянъ верху главы его. Множицею же и на конехъ издигъ, по далекости и растоянію мѣста. Хотѣлъ бихъ тебѣ, тщательнѣй читателю, извѣстити о поставленіи Папизовъ Римскихъ, но понеже своимъ очима неслучися мнѣ видѣти, токмо слышати множицею, того ради слышмая не дерзаю писати, понеже различно повѣствуютъ народи, къ тому глаголемая и самъ можешь услышати. О конфирмаціи же ихъ (понеже видѣхъ) въ кратцѣ ти предлагаю повѣсть. Премедлѣвшу ми въ Римѣ едину седмицу и обшедше оніе вишшереченніе семь началниі церкви, по обычаю peregrinovъ умишляхъ изійти воскорѣ, но понеже предъуготовляшеся конфирмацію, того ради дни нѣкія еще умедлихъ и видѣхъ бывшое. Бистъ тогда, си есть году 1724, новоизбраннѣй папа Римскій Венедиктъ 13, зъ Доминѣкановъ. Обычай же есть въ Римѣ, по наставленіи папи новаго прошедшимъ нѣколикимъ мѣсяцемъ, конфирмацію, то есть подтвержденіе, творити. Сего убо предреченнаго Папи Венедикта 13 подтвержденіе сипевимъ образомъ. Снїйдошася отъ окрестнихъ ближнихъ же и далекихъ градовъ весь духовнѣй соборъ и мирскѣй сикелитъ и множество общаго народа; Папа же чрезъ три дни предъ конфирмаціею своею собирающе всѣхъ нищихъ и убогихъ въ подворіе свое и раздѣляше милостину коемуждо равно: мужу

же и женѣ, велику же и дѣтищу по десять баіоковъ. еже цѣнить въ Полской монетѣ четири шаги, а въ Московской осмь копѣекъ, не даваше же серебромъ или мѣдію: како бо возможесть время довлѣти по единому толику народу дробніе числити, или гдѣ имать собрати твердой монеты? бяше бо убогихъ яко три или четири тысящи; но собравши всѣхъ убогихъ въ дворъ и врата заключиша и по единому испускающе, подаваху по единому болетикѣ, или квитку, си есть малой хартіи, въ ней же отсилаеть убогаго до пекара коего любо буди. повелѣвающи, да за 10 баіоковъ хлѣба дасть ему, такими словеси: Сей убогій, имя рекъ, посилаеться къ тебѣ пекару, имя рекъ, на оно парохіи или на ономъ мѣстѣ обитающему, да даси ему за десять баіоковъ хлѣба и вмѣсто мзды хартію да удержиши. Воспріавши убо всякъ убогій болетикъ, отъиде къ пекару, его же имя напечатанно бяше, пекары убо даяху по десять хлѣбовъ убогимъ и хартіи задержаваху, таже послѣди отнесяху въ дворъ папѣжскій и воспріимаху мзду свою. Раздѣляше же сипцевимъ образомъ милостину чрезъ три дни; единожды на день. Таже въ единъ отъ дній весь священній соборъ взять Папу отъ полатъ своихъ и бистъ проводимъ съ великою честію и почтеніемъ сквозъ нѣкіе стогни града, безчислену ему предъидущу и послѣдующу народу града, постилаху же по пути драгіе килими и многоцѣнныя одежи; и предидяху убо первѣе, всѣдше на конехъ 6 священникъ и канониковъ многое множество въ шелковыхъ черныхъ и долгихъ одеждахъ, по нихъ же подобное число епископовъ и архіепископовъ, таже пралатовъ множество, иже вси шелковіе и долгиѣ же и широкіе одежи цвѣтомъ вишневіс имѣяху, вси бо по обычаю и достоинству своему одѣяніе ношаху, не церковное, но домашное, и сіи бяху не

на конехъ, но на мскахъ всѣдшіи; послѣди же на избранныхъ и украшенныхъ конехъ яздяху кардинали, митрополитское достоинство имущіи, вси въ багряныхъ свѣтлыхъ шелковыхъ одеждахъ, весьма долгихъ и пространнихъ, съ широкими зѣло рукавами, такожде и капелюши на главахъ ихъ багрянніе. Вѣдомо же буди, яко многи суть кардиналове, верховныхъ же имуть Римляне точію дванадесять, въ число дванадесять Апостоль, и сіи обитають въ Римѣ, прочіи же въ иннихъ градѣхъ. По сихъ убо грядяше Папа, всаждень на коня бѣла, преудобренна и преукрашенна златими и серебряными покрывами; по немъ же во слѣдъ грядяху два кони избранніе, тронъ его на себѣ художно повѣшенъ носящіе, премѣненія ради, аще би утрудился сѣдючи на кони. И тако устроенни, пройдоша нѣколько стогнъ внутрь града. Таже пройдоша едину стогну, въ ней же отъ обоихъ странъ на стѣнахъ множество іероглификовъ и различныхъ похвалъ Папѣ-жовѣ, отъ премудрыхъ учителей написанныхъ, пригвожденни бяху, яже отъ ученикъ многіи съ прилѣжаніемъ чтяху и ублажаху творцевъ, бяху же овіи стихотворною мудростію, овіи красноглаголеніемъ риторскимъ сложенни. Вѣдоша его сквозѣ врата новоустроена на единомъ пляцу широкомъ, яже врата зѣло красно и лѣпо сотворенна отъ премудрыхъ майсторовъ, бяху ибо дrevяна, въ очесѣхъ же людскихъ издалече, аки отъ самихъ мраморовъ сложенна бити зряхуся; и на мѣстѣ томъ отъ всего Собора и Сиглита дана бяху два ключа, единъ златій, другій же серебряный, въ память (якоже глаголють) ключовъ вязанія и рѣшенія, яже дана бѣста отъ Христа Спасителя Святому Верховному Апостолу Петру. Оттуду же отведоша его паки въ полати его съ многою честію и торжествомъ, и сиче бистъ конецъ подтвержденія его. Вѣстно же буди, яко Римляне суть людіе благородни,

еще отъ ветхихъ временъ и нинѣ отъ иностранныхъ цѣняеми и почитаеми, сладкоглаголевѣи, полѣтични, хитри и искусни въ всякомъ дѣлѣ; обрѣтають же ся многи убоги, но богатихъ паче множае суть. Замедлѣхъ убо азъ въ Римѣ дванадесять днѣй равно и взяхъ патента, якоже обичай есть путникомъ, не имущи же сопутника, развѣ единого Бога. Того убо призвавши на помощь, умислихъ паки ити по суху въ Венецію, даби оттуду удобнѣе паки первымъ путемъ моглъ возвратитися въ странну Полскую. Извѣстившижеся и испитавши добрѣ о пути правомъ и простомъ, иже есть чрезъ Флоренцію, изволихъ онимъ шествовати.

Изшедши азъ изъ пресловутаго града Рима Септеврѣя числа 18, въ четвертокъ¹ зѣло рано, шествовахъ нѣколико днѣй ово горами, ово долинами и лѣсами, идѣже весей на пути мало случашася, токмо нѣгдѣ лѣси и виногради и корчми при путехъ. Таже доспѣхъ къ знаменитому граду, именуемому Витерба, о немъ же много писати не могу, понеже случися прійти въ вечеръ позно, идѣже точію пренощевалъ и утро идохъ далѣе. Есть убо градъ ветхій лѣти, но строеніемъ красенъ, въ немъ же костели и долове суть лѣпо зданіе и улицы каменни насажденія. Стоять же на мѣстѣ веселомъ, въ низъ гори, при текущихъ и здравихъ водахъ. Суть тамо цѣліе нетлѣніе мощи нѣкоей святой монахинѣ Римской, именуемой Рожа, о которой достовѣрне слышавъ, но своиима очима не видѣхъ, понеже послѣди, минувши градъ той, извѣстихся о ней. Оттуду идохъ паки частію горами, частію же равнимъ путемъ, и преходихъ села и гради маліе ношію, не хотя искати гостинницъ, понеже ношію лучше бистъ шествовати, нежели днемъ, прохлажденія ради. Милостивихъ же тамо отчасти людѣй обрѣтахъ, нежели прежде. И по нѣколицехъ днехъ приспѣхъ къ

¹ 18 Сентября 1724 г. приходилось въ пятницу.

граду, именуемому Сене. Градъ Сене нѣсть подь властію Папи, но подь вожда Флорентійскаго, токмо Папѣ-жовѣ духовно покоряется; тамо бо и пѣнязи его дробніе не проходятъ, но ини суть. Есть убо градъ зданіемъ изряденъ и крѣпокъ, стоитъ же на горѣ, на веселомъ мѣстѣ и доброй земли, костеловъ и полатъ строеніе есть многолѣтно и улицы вси суть каменми насажденны; въ вино и хлѣбъ, и плоды, и инніе ядоміе вещи доволенъ есть. Обрѣтаеть же ся тамо гостинница зѣло лѣпа, съ красными и мягкими одрами, препочиванія ради странствующихъ peregrinovъ, юже азъ посѣщахъ, но не хотѣхъ ожидать даже до вечера, частію яко не дивна баше гостинница, въ нихъ же ношевахъ множицею, частію же, яко рано тамо достигохъ бѣхъ и не восхотѣхъ цѣлаго дня погубляти всеу. И шествовахъ оттуду паки горами и удоліями, частими же селами и градцами и милостившими людьми на доброй землѣ стоящими, на ней же виноградовъ много рождается и хлѣба неоскудно. Всѣхъ убо днѣй шествовахъ единадесять и dospѣхъ къ знаменитому граду и всюду прослутому Флоренціи Септеврѣ 30; иже отстоятъ отъ Рима размѣреніемъ милъ Италіанскихъ 145.

О пресловутомъ градѣ Флоренціи.

Случися мнѣ тамо прійти въ понедѣльникъ ¹ зѣло позно яко о первомъ часѣ ноци, идѣже абіе текохъ къ гостинници, чая еще не заключенну, и обрѣтохъ тако. Пришедшу же ми тамо, уже бяху инніе peregrini повечерали и отъидоша спати, обаче и мене пріяша любезно и представиша ми трапезу честну, съ доволствомъ вина, еще же и служажу велиціи и знаменитіи мужіе, предстояще ми подобнимъ обичаемъ, якоже въ Римѣ и вели-

¹ Слѣдуетъ 23 Сентября, которое въ 1724 г. дѣйствительно приходилось въ понедѣльникъ.

комъ Неаполю. По оконченіи же вечери, отведенъ бѣхъ на одръ честень, бѣль же и чистъ и посланъ мягко, и спяхъ, благодаряще Бога. Заутра же, въ вторникъ, хотѣхъ изійти отъ града того, не хотя всеу губити время, понеже зима приближашеся, но въ день той, Божіимъ изволеніемъ, сніде дождь не малъ и сего ради замедлехъ даже до вечера и идохъ къ иному гаспиталю на пощеваніе, идѣже, купно съ прочіими многими спешшими peregrini, еще ядохъ трапезу, яже бистъ лучша нежели въ первомъ, и служажу такожде отъ благороднихъ и знаменитыхъ мужей много, предстояще и вливающе вино въ чаши. Таже, по оконченіи и благодареніи, отведенни бѣхомъ въ чертогъ на одри, красно устроенніе съ постелями чистими и мягкими, и пренощевахомъ Богу слава. Флоренція есть въ Италіи градъ знаменитій и повсюду прослутій, подъ властію единаго велика Дукса, то есть вожда, иже два оніе началніе гради подъ собою имать: Флоренцію и Сени, съ окрестними. Стоитъ на земли благоплодовитой, мало каменія имущой, въ единомъ широкомъ удоліи, егоже обстоятъ окрестъ горы высокіе и рѣка едина проходитъ сквозъ его. Есть же распростертъ много въ широту и долготу, имать водъ здравихъ текущихъ много и садовъ прекрасныхъ такожде, еще же виноградовъ и вина изобиліе веліе, такожде хлѣбъ и иніе ядоміе вещи не скупо продаются. Тамо богатыхъ же, знаменитыхъ и благородныхъ людей много, церквей, монастырей избранныхъ и многой похвалѣ достойныхъ довольно, такожде високихъ вежей и столповъ; домовъ же и полати зданіемъ сущъ красни, торжища же и стогни чинно расположенни, всегда же очищенни и пометенни сущъ, яко не токмо ходити, но и зрѣти лѣпо; училищъ же и мудростей довольно обрѣтаются и художниковъ, въ всякомъ рукодѣланіи искусныхъ. Тамо

народъ полетичній и добръ бесѣду простираеть, токмо не лѣпо изношеніе имуть, яко проходитъ слово въ всей Италиі: *Lingua Toscana in bucca Romana*, то есть добрый есть языкъ Тосканскій въ губѣ Римской, страна бо та, идѣ же Флоренцѣя есть, Тосканѣя именуется. Тамо бо добръ въ бесѣдѣ глаголи слагають, въ Римѣ же чисто слово износятъ. Флоренцѣя оній градъ есть, въ немъ же осмій синодъ (его же нинѣ Восточная церковь не приѣмлетъ) собранъ баше тщаніемъ и иждивеніемъ Папи Римскаго, хотящаго соединеніе сотворити, иже собрася первѣе въ градъ Феррарѣ, таже, мора ради, преиде въ Флоренцію, якоже въ лѣтописцѣхъ обрѣтается. Бяху же на ономъ соборѣ сїа: царь Греческій Іоанъ Палеологъ, папа Евгеній четвертій, патріархъ Константинопольскій Іосифъ, Исидоръ митрополитъ Кіевскій и всей Россіи, Марко Ефескій и прочіи архієпископи Греческіе и епископи, архимандрити же, протосингели и игумени отъ Святїа гори Афонскїа, иже вси подписахася на соединеніе, единъ токмо Марко Ефескій не подписа и удержа Греческую церковь отъ соединенїа, яже и доселѣ не совокупляется съ Римляни. По оконченїи же того синода, таможе въ Флоренціи патріархъ Константинопольскій Іосифъ, сѣдючи и пишуци, наглою умре смертію, еже бистъ знаменіемъ, яко непрїятно бистъ Богу его соединеніе. Онъ вкупѣ съ царемъ первѣе подписахася, послѣди же прочіи. Преставися же Іюніа дня 9 ведлугъ календаря Римскаго, а ведлугъ Греческаго Мая 29, и погребень бистъ съ многію честію въ церквѣ, именуемой *Sancta Mariя* новелла, яже есть въ монастырѣ иноковъ чину Домѣнѣканскаго, идеже Папа обиташа. Бистъ же соборъ той совершенъ въ лѣто отъ воплощенїа Господня 1439, Іюніа 6, по календару Римскомъ, по Греческомъ же Мая 26. Въ Флоренціи наибольшая и краснѣйшая и израднѣйшая церковь есть, которая

именуется Sancta Maria liberata, при ней же высокая и прекрасна звоница каменна стоитъ, искуснымъ маистерствомъ созданна. Замедлѣхъ убо азъ въ градѣ Флоренціи двѣ нощи и день единый и изійдохъ оттуду Септеврѣя четвертаго ¹ дня, въ среду рано, и шествовахъ паки горами, еще височайшими и зѣло прискорбень и жестоко путь имущими. Найпаче же суть тамо двѣ, паче иныхъ височайшіе, ихъ же съ велимъ трудомъ преидохъ, послѣди же шествовахъ путемъ добрымъ, аще и не равнымъ, горами, камня мало имущими, но землю мягку и добру и садовъ каштановыхъ много, или, паче рекши, лѣсовъ, понеже два дни идохъ сквозѣ нихъ, идѣже нѣсть стражи никакой, не оточенни оплотомъ, но всякъ мимоходяй зобаетъ, никому возбраняющу. Тамо въ весехъ живущіи людіе мелютъ я на муку и творятъ хлѣби, ово въ полѣ съ пшеницею растворяючи, ово же безъ растворенія, отъ нихъ же хлѣбовъ и мнѣ даяху и есть зѣло сладокъ и вкусень, точію не крѣпокъ. Четвертаго же дни изійдохъ на равнину отъ между горъ и возрадовахся зѣло, яко послаби ми Богъ во путешествіи, униль бо бѣхъ до зѣла, день и ношъ восходящи и нисходящи горами по жестокомъ каменномъ пути, и приспѣхъ къ знаменитому граду Бононѣи Септ. 7 ², въ субботу вечера. Тамо двѣ суть гостинницы пелgrimскіи S. Blassi и S. Francisci; въ первомъ убо въ субботу вечерахъ и пощевахъ и нагъ идохъ на ложе, въ второмъ же въ недѣлю, но необнажень. Есть же тамо внѣ града монастырь богатъ, рекомій Чертоза, въ которомъ на всякъ день страннымъ даютъ иноци вареніе, хлѣбъ и вино, юже милостину и азъ воспріяхъ. Вѣдомо же буди, яко отъ Флоренціи до Бононіи суть шестьдесятъ милъ. Бононѣя есть градъ изряденъ и знаменитъ въ Италіи, подъ Папѣжовою областію сущъ, великъ въ долготу и

¹ Слѣдуетъ: тридцатаго. — ² Слѣдуетъ: Окт. 3.

широту, найпаче же въ долготу, имать прекрасніи доми и полати и многознаменитъ и богатихъ въ себѣ содержать людій; домове же толъ широкіе на улицы имуть дахи, яко аще би и наиболшій дождь билъ, мощно подъ ними пройти безъ омоченія ногъ; улицы же суть широки и стеклисто каменни сажденіе, того ради да въ дождь вся нечистота отъ града исмивается. Церквей и монастырей краснотаннихъ много, найпаче же первоначалній храмъ, при торжищи стоящъ, есть зданіемъ зѣло великъ, ему же подобнаго въ всей Италіи мнѣ не случися обрѣсти. Тамо преходить сквозъ градъ рѣка, именемъ Рено, узкая, обаче глубокая, которая много пожитку и користи жителемъ приноситъ; раздѣляютъ бо оную на многія части, ово на млини, ово впускають малыми потоками въ огради и творять многоплодная коренія и зелія ко яствію и варенію. Хлѣба нѣсть изряднѣйша, яко тамо, развѣ въ Венеціи, и на мѣрной продается цѣнѣ, и иная вся къ яствію такожде суть доволна. Доздѣ новымъ путемъ шествовахъ, се же на первій (имѣ же къ Риму идохъ) паки возвратихся и уже вторицею бихъ въ Бононіи, оттуду старимъ путемъ шествовахъ 30 милъ къ значному граду, именемъ Ферара. Въ томъ градѣ кончается Панство Римское и монета, зачинаетъ же ся далѣй Панство Венеціанское и монета. Изійдохъ отъ Бононіи въ понеделокъ о полудни, приспѣхъ до Ферари въ среду о полудни. Оттуду имѣхъ шествовати паки путемъ прежнимъ, чрезъ Падву, даже до Венеціи, града морскаго, 65 милъ; но посовѣтовавшися точію идохъ земнимъ путемъ до града не велика, обаче пресловута куплею и торговлею, именемъ Рувиго. Мѣсто оное преходить рѣка великая, именемъ Лядишъ, наченшаяся отъ между онихъ великихъ горъ, выпадаетъ же въ море, того ради и оное мѣсто Рувиго есть, от-

части тамо пресловутое, яко многіе людіе кораблями и ладіями отъ моря приходятъ оною рѣкою и куплю дѣють. Прійдохъ тамо въ пятокъ о полудни и видѣхъ многихъ многая купующихъ и многихъ многая продающихъ и удивляхся, почто не видѣхъ тако, егда первѣе идохъ еще къ Риму. Вопросыхъ же нѣкоего отъ стоящихъ на ринку, почто тако многолюдно нинѣ, прежде же не бистъ тако? И рече ми, яко въ сей часъ на всякъ годъ биваетъ ярморокъ великъ и триваетъ на многъ часъ. Сія азъ слишавъ, умислихъ тамо замедлити до вечера, и сотворихъ тако; и видѣхъ многихъ купцовъ, различнія продающихъ товари, прочая штукотворенія и игри и интермедіи творящихъ; видѣвъ же многія корабли, пришедшія отъ Венеціи и имущія возвратитися, просихъ единого отъ пловцовъ, да превезетъ мя оттуду воднымъ путемъ къ Венеціи, Христа ради, и обѣщася ми сотворити милость и повелѣ ми ждати, донелѣже продастъ рыбу, и ожидахъ полтора дня, си есть въ пятокъ до вечера; въ вечеръ же, по захожденію слонца, пустихся съ ними рибари водою, и пловохомъ чрезъ всю ночь 6 милъ и приплихомъ уже начинающуся дню къ нѣкому граду, на морѣ (якоже и Венеція) стоящему, ему же имя Кюза. Тамо азъ замедлихъ даже до вечера, мнѣхъ бо тамо милостину велику испросити, идѣже не биваютъ пелгрими, но зѣло мало обрѣтохъ; искахъ же инихъ пловцовъ къ Венеціи и не биша, не хотѣша бо тогда никого везти, понеже бистъ день недѣлній; ожидахъ же и не хотя даже до утра и нощевахъ въ госпиталю. Заутра же, въ понедѣлокъ, аще и много пловоша къ Венеціи, но ни единыя мя восхотѣ взять Христа ради, но требоваху мзди; азъ же, понеже оскуденъ бѣхъ, не возмогохъ дати и ожидахъ на мя призрѣнія Божія. И се по малѣмъ времени, пловяху недалече къ острову людіе малою ла-

дією, откуду может ногами ити много, молихъ же ихъ, да мя возмутъ зъ собою, и взяша безъ всякаго отреченія и превезоша 5 миль водою къ острову; и идохъ того дне десять миль, все людьми тамо живущими, и многу милостину даяху отъ хлѣба и отъ поленти, не даяху скоро шествовати, вопрошаху бо мя окрестъ обстояще, найпаче отъ женска полу вопрошаху мя: откуду родомъ, откуду иду и прочая, прочая, прочая. Прешедши же того дне десять миль, испросихъ у корчемника внѣ корчми подъ покровомъ ношевати, иже сожались надо мною и даде ми чашу малу вина и полнъ свѣтилникъ оливи, да что восхошу твору при немъ, и отъиде. Сидящу ми тамо въ вечеръ, абіе сънїйдеся къ мнѣ народъ много и бесѣдоваху съ мною много, донелѣже олива въ свѣтилницѣ можаше свѣтити, таже разидошася. Нѣцїи же не хотяху разійтися съ мною, видящи мя охотнѣ съ ними бесѣдующа, купиша же оливи свѣтилникъ полнъ и сѣдаху съ мною разглаголствующе даже до полунощи, таже и тїи отъидоша, желающе ми всякаго блага и благополучной нощи. Послѣды же угасло свѣтило, и азъ, сотворше обычное моленіе, облегохъ, но мало уснувши, бодрѣествовахъ даже до дня, не возмогохъ бо болѣе спати, вѣтра ради и зимной стихїи. Утру же бившу, въ второкъ, пойдохъ воскрай острова, берегомъ, ищуще пловцовъ, къ Венеціи грядущихъ, но не обрѣтохъ, иже би мя восхотѣша Христа ради превезти, вси бо хотяху мзди, найпаче же того ради, яко самага везти не хотяху всуе трудитися, иннихъ же превозити не случашеся. Ходящу же ми воскрай берега и печалующу, и се абіе, по Божію смотренію, узрѣхъ плывущихъ къ Венеціи съ оградними зелїями и коренїи, на продаяніе къ варенію, и молихъ да возмутъ мя съ собою; взяша же безъ отреченія и привезоша мя даже внутрь

града самага. Азъ же благодареніе воздавъ, идохъ первѣе къ Греческой церкви и бихъ на вечерни, узрѣхъ же ся съ священники; и позна мя абіе протопопа, азъ же поклонихся низко и просихъ его да не возбранить ми нѣкій часъ пребыти въ госпиталю своемъ. Онъ же не точію благослови, но и самъ иде съ мною (недалече бо отъ церкви отстоитъ) къ шпиталю и вручи мя живущимъ, да не возбраняють ми тамо пребивати, донелѣже восхощу замедлѣти въ Венеціи. Азъ же положихъ нѣкія тамо своя вещи, самъ же въ повседневнія дни ходихъ на ноць къ иннимъ гостинницамъ, идѣже пелгримамъ дается милостина. Суть въ Венеціи госпиталіовъ много къ пощеванію и наймованію, опредѣленнихъ для всякаго люда, обаче особнѣ для пелгримовъ и путниковъ странныхъ суть 3. Первое именуется *Hospitale SS. Petri et Pauli*. Тамо перваго вечера дается хлѣбъ и вино и дванадесять солѣдовъ и ложе; втораго вечера хлѣбъ и вино и ложе, третіяго такожде. Второе именуется *Hospitallettum SS. Joanis et Pauli*. Тамо нѣсть пѣнязей, токмо три ноци пощевати, въ вечеръ же хлѣбъ и вино давати обикопша. Третье стоитъ акиби на предмѣстію, на мѣспу, именуемомъ *Incurabili*, до него же требѣ чрезъ воду мало превезтися. Тамо раздається хлѣбъ и вино и едина ноць къ пренощеванію, аще ти хоцешъ, аще же ни, то въ кое нибудь время можешъ отъобрати свою порцію, мнози бо тако творять, ради непочестныхъ одровъ. Къ четвертому госпиталю (аще кто восхощетъ) требѣ превезтися къ мѣсту, имянемъ Мурано. Тамо на едину токмо ноць постеля добра и шесть соледовъ жалованя дается. Тамо многіе суть гуті, въ нихъ же прекрасни вещи и удивителніе штуки дѣлаются, еже азъ вся разсмотрѣхъ. Послѣди, бившу ми уже въ всѣхъ онихъ вишшереченныхъ госпиталяхъ и мислящу изійти въ путь, не хоташе

ми ся ветхимъ возвращатися путемъ, но зѣло жelahъ моремъ пуститися къ граду, именуемому Зара, или Задра, въ Далмаціи стоящому. Найпаче же сіе мое бистъ великое желаніе, не виденія ради (понеже многа видѣхъ красна и чудесна), но посѣщенія ради мощей угодника Божія святаго Симеона Богопріимца и иннихъ святыхъ, еще же того ради, яко тамо всюду, наченше отъ Далматовъ, Гарвати, Серби и Болгаре Славенскимъ разглаголдствуютъ нарѣчіемъ, аще и Италіянскій добрѣ знаютъ, идѣже добрѣ би мнѣ било шествовати, знающому добрѣ Славенскій языкъ, понеже Итальянски не знахъ, или мало что, и многую претерпѣхъ нужду, не могуще ни милостивы, ни пощеванія, ни пути, ни разстоянія града отъ града, или веси отъ веси, ни числа верствъ искуснѣ воспросити и испросити. Того ради не хотѣхъ отъ Венеціи на сухъ изійти путь, хотя весма желаніе мое исполнити, аще бо и зѣло нужно естъ въ Венеціи замедлѣти, тако богатому, яко и нищому; богатому, яко много пѣнязей погубить, кормящися (вся бо драгоцѣнно продають), нищому, яко зѣло нужно и пѣнязя и хлѣба испросити. Обаче азъ, двоихъ ради вещей, могохъ нѣкую премедлѣти седмицу: первое, яко имѣхъ своя денги, яже мнѣ отъ церкви Греческой сотвориша милости, второе, яко имѣхъ мѣсто пощеванія, ибо мнѣ священники церкви Греческой дадоша власть въ госпиталю ономъ, идѣже неволниковъ, отъ Турка утекшихъ, или како нѣ бутъ, Божиимъ произволеніемъ, свободившихся, воспріймуютъ, пребивати, донелѣже восхошу замедлѣти въ Венеціи. Сего ради азъ часъ отъ часа, день отъ дне, седмицу отъ седмици медля, на всякъ день ходящи сюду и сюду, усмотряючи, ищущи и вопрошаючи многихъ, аще можетъ бити каковій корабль, отъ Задри пришедій, или возвращающійся, или отъ Венеціи къ Задрѣ плывущій, или

въ инну страну чрезъ Задру грядущій, но никакоже обрѣтохъ. Аще же и обрѣтахъ много, то таковыя, иже требовашу мзды, мзды же великой, ей же чрезъ все путешествіе мое собрати не возмогохъ (си есть цекини, или, ясныѣ рещи, червоніе), Христа же ради никто же взяти хотяше, мнятъ бо и глаголють мнози, яко peregrinъ, путешествуяй по свѣтѣ и обходя страни земли, многія собираетъ беци, си есть денги. Азъ же глаголю подѣ совѣстію, яко Богъ точію единъ вѣсть путническую нужду и терпѣніе, како отъ горячности солнечной въ время лѣтное кривавій отъ тѣлесе, даже съ болѣзнію сердца и главы, изобилно истекаетъ потъ и кости разслабѣвають тако, яко ни ясти, ни пити, ниже глаголати воистину что либо хошетъ, утружденъ сій дозѣла. Како въ время осеннее, дождевное, наипаче аще случится далече отъ града или веси, на поли, или въ дубравѣ, претерпѣваетъ ліяніе и вѣтри, дрижа и стена сердцемъ, иногдаже и плача съ призваніемъ Владики, понеже не имѣетъ ни одинаго рубища суха на мѣзерномъ тѣлеси своемъ, весь сій хладомъ пронзенъ и дождемъ обліянъ, измочень, отягощень? Что же реку, како во время зими, хлади, мрази, снѣги, съ омертвѣніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ членовъ, претерпѣваетъ, иногда же, немогій стерпѣти, безвременнѣ жизнь свою скончиваетъ, ни одинаго же имѣяй члена тепла, единъ точію духъ теплъ, имъ же дышетъ. Обаче не мни, читателю благій, яко сие или иннимъ образомъ наглою помираяй смертію, лишень бити можетъ царствія Божія. Всякъ бо путникъ, аще истиненъ путникъ есть, аще путешествуетъ Христа ради, не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мирѣ, не видѣнія ради мирскихъ красоть и разнѣствованія земель, народовъ и обикновеній, но аще путешествуетъ или по обѣщанію, или по желанію, или

спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъ же шествоваху, или биша, или стоятѣ нозѣ Господа нашего Іисуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ,—таковій и всякъ инъ, аще не имать, то долженъ есть ангелское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя; таковое бо есть путниковъ и всѣхъ пелgrimовъ обикновеніе и отъ начальниковъ уставовленіе, яко, идѣже аще прійдетъ пелgrimъ къ нѣкому святу мѣсту, аще и въ подломъ градѣ, или веси, отнюду же нѣсть требовати патента, волнаго ради шествованія, обаче, лучшаго ради достовѣрія, мѣсто патента дается свидѣтельство исповѣданія грѣховъ, за каковое тако истязаютъ, яко и за патента, или жесточае. И во истинну, аще би и не хотѣлъ кто исповѣдаться, мусить тако Греческую содержащій вѣру, яко и Римскую; аще же къ тому Римляне и болѣе творять, елико бо исповѣдаются, толико и причащаются, яко то въ Нѣмецкой странѣ, въ Маріацелю, въ Лоретѣ, Италіи, въ Ишпаніи, въ Бару, въ Римѣ, въ Падвѣ и прочая; кромѣ же сего, аще кто восхоще отъ своея побожности, можетъ и частѣ исповѣдаться. Сего ради, путникъ аще и нагло помретъ, въ таковомъ частомъ исповѣданіи, покаяніи и чистомъ житіи, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученическій воспрійметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варъ, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяся даже до смерти самоволно, Христа ради. Здѣ разсуди, разумній читателю, путника путь и путешествіе его, представляе предъ очи вишереченную нужду его, яко въ вся части годане имать угодія въ шествованіи своемъ: въ зимѣ нужда, въ лѣтѣ нужда, въ осени такожде; едина точію весна, иже всѣмъ есть пріятна, аще биваетъ недождевна, мало нѣчто убогому страннику приносить отрады, яже ни мраза и упалу не имать,

єдинъ тоцію благопріятень и благорастворительнїй воздухъ. Обаче и въ той часъ, аще случится чрезъ непроходиміе вертепи, гори, долини и дубрави, не глаголю шествовати, но блудити, идѣже сверѣпіе токмо звѣріе и ядовитіе живутъ крокодили,—радость въ печаль, отрада во воздыханіе, теплота въ лютїй мразъ, словомъ рещи, благая весна жестокою мнится бити зимою, озѣмѣваетъ бо сердце отъ страха, представляя себѣ предъ очи безвременную смерть, или звѣрми снѣденну бити, или отъ лютихъ снѣденну бити змїевъ, или отъ разбойническихъ рукъ умрети, или голодомъ погибнути; нѣсть кого спросити о исправленіи пути, нѣсть отъ кого требовати помощи, въ единомъ токмо Бозѣ путниковъ жизнь и упованіе. Паче же всего сего, аще не повседневное, то поне частое на земли лѣганіе, острое и жестокое каменое претиканіе, ножное болѣніе, алчба въ странахъ неплоднихъ, жажда въ странахъ безводнихъ, вошояденіе и прочая, проч. проч. безчисленная нужда. Обаче, да не въ грѣхъ многоглаголанія и славолюбія впаду, боюся. Сего ради возвращаюся на первое, отъ него же соблудихъ. И тако ми день отъ дне коснящу, исполненія ради желанія моего, уводяся день отъ дне, замедлихъ четири седмици, си есть цѣлїй мѣсяць Октоврїй. Послѣди же, егда начаша являтися вѣтри и мрази и частѣ возмущашеся море, не являхуся никаковіе пловци къ граду Задрѣ, къ тому же обѣтшаша на мнѣ ризи и раздрашася, и тако отпаде ми желаніе. Сухимъ же путемъ прежднимъ бояхся шествовати, понеже путь ми предлежаше чрезъ гори, идѣже толь великіе снѣзи упадаютъ, яко чрезъ все лѣто изгибнути не могутъ. Еще бо ми грядущу въ Римъ, купно съ други моими видихомъ многіе снѣзи, на горахъ лежащіе въ средолѣтіе, о нихъ прежде писахъ довольно. Сего ради (Богу тако

хотящу) умислихъ тако въ Венеціи чрезъ зиму при Греческой 'пребити церквѣ, и бистъ тако. Молыхъ бо началнѣйшаго отъ священникъ онаго, иже и прежде, именуемаго отца Василия, да благословитъ ми пребити чрезъ зимное время въ ономъ вишереченномъ госпиталю, и абіе благослови безъ всякаго отреченія любяху. Послѣди же, видяху мя неотходяща отъ Венеціи, ктитори церковніе вписаху мя въ реестръ церковній, купно съ иными убогими, имъ же дается въ всякъ день неделній по пятнадцать сълидовъ (еже творитъ въ монетѣ Полской осмнадцать грошей, Московскихъ же два алтини), даяху же купно и мнѣ равную съ прочіими милостину. Отъ ихъ же руки азъ взимая и Бога благодаря за промишленіе его о мнѣ грѣшномъ, молихъ всегда за благодѣтелей своихъ, живущи тамо въ ономъ вишшеписаномъ госпиталю, при храмѣ святаго вел. мученика Христова Георгія. Послѣди же омерзѣ ми до зѣла празнованіе, яко не имѣхъ, что дѣлать, и не умѣхъ, едино точію ученіе Латинское, Русское и инное школьное знахъ, единъ бо отъ учащихся быхъ. Есть же тамо семинаріумъ, си есть школа Греческая, въ нейже дѣти Греческіе, отъ иныхъ странъ Греческихъ пришедшіе, учатся Италіанскому и Латинскому нарѣчію, даже по реторику. Семинаріумъ оное належитъ подъ протекцію болшихъ нѣкіихъ бояръ Венеціанскихъ, иже не тако (мню) своея ради славы, яко паче Божия, даютъ сумптъ болшой, платяще дидакалу, си есть учителю, за оніе чуждіе дѣти, кормяще и одѣвающе даже чрезъ шесть лѣтъ. Тамо азъ приходя частѣ и видя школьное ихъ ученіе, жelahъ зѣло, да нѣчто мало изучуся Гречески, и молихъ учителя ихъ, иже ми духовній отецъ бистъ, да не возбраняетъ ми приходить тамо на всякъ день. Онъ же не точію не возбрани, но соизволи, благослови, еще и повелѣ ученикомъ своимъ, да аще о че-

сомъ либо нибудь вопрошу, да показываютъ и научаютъ. Все бо мя Греки любяху, яко едину съ ними имамъ вѣру. Азъ же ходихъ и научахся граматикѣ Греческой и писанію ихъ, ожидая время тепла путешествію моему. Егда же увѣстѣшася нѣціи отъ Грековъ и отъ старшихъ церковныхъ о моемъ ползованію и въ таковой нищетѣ прилѣжанію въ науцѣ, благоволиша о мнѣ зѣло и подаваху мнѣ частѣе, аще и малу милостину; ктитори же церковніе видѣша мя нага, и дадоша ми одежду добру и теплу, и благодаривъ азъ Бога и, на болшую Его жъ честь и похвалу, учяхся. Обаче мало ползовался, понеже краткое къ наученію имѣхъ время, два дны бо просихъ милостини, ходящи по градѣ, третій же день учихся. Зѣло бо трудно въ Венеціи, найпаче убогому, жити, воскормленія ради, ибо каковою цѣною въ нашихъ странахъ три или четыре можетъ кормитися дны, тамо единъ не весьма доволенъ. Сіе же творихъ чрезъ три токмо мѣсяцы, сїесть Ноеврїй, Декемврїй и Януарїй, послѣди же лишнихъ, яко зѣло мя ненавидаху съжителіе мои въ госпиталю, частѣ со мною сваряпсая, и премудримъ мя именующе Соломономъ, насмѣвахуся и инная многая пакости дѣяху. Множицею бо книжици моя и писаніе школьное вѣмѣтаху въ огнь и прочая неугодная творяху. Азъ же иногда сваряхься, иногда же на Господа возвращахъ печаль мою, молящи, да Той мя препитаеть и по печали дастъ радость. Мѣсяца Февруарїя, егда начать теплѣти, начахъ и азъ о себѣ промыслиати. Зима бо тамо въ тихъ странахъ кратка есть и аки би нѣсть, чрезъ три бо оніе хладніе мѣсяцы ни единой жи не баше снѣгъ, аще докрьсть по горамъ и великъ баше, не можетъ бо тамъ, найпаче же въ Венеціи, яко стоитъ на морѣ, снѣгъ падати; аще бо когда окрьсть Венеціи биваетъ снѣгъ, тамо дождь, снѣгъ бо въ дождь растопне-

ваетъ и претворяется отъ теплоты диханія морскаго. Видя азъ, яко день отъ дне теплѣйшій является, начахъ паки о преждемъ своемъ промишляти намѣреніи и хотя весьма желаніе свое исполнити, моляхъ всемилостиваго Владiku и Творца моего, да якоже сподоби мя великому и дивному въ святыхъ чудотворцу Святителю Христову поклониться Николаю и якоже всесилоу его помощію многая святія сподобихся посѣтити мѣста, молихъ Всемогущаго Его, да и конечное путешествіе моего исполнить желаніе. Ходихъ, едва не на всякъ день, въ вечеръ на пляцъ Марка Святаго, си есть на базарь, рассмотря машкари, игри, продаваніе балсамовъ, діалоги, комедіи, обичая, привѣтствія и прочая, прочая, прочая, яже ищислити не могу. Есть бо воистину, что видѣти тамо, все бо, еже можетъ обрѣстися что либо нибудь чудесное и новое въ всѣхъ тамо окрестныхъ странахъ, къ Венеціи проходить. Тамо азъ различныхъ и чудесныхъ вещей много видѣ, о нихъ же послѣди изъяснити потщуся, здѣ же первѣе описаніе онаго, всей вселеной пресловутаго града, прекрасной Венеціи и яже въ ней въкратцѣ изъяснити подпущу. Обаче о семъ первѣе разумній вѣдай читателю, яко Венеція двояко именуется: единожди вся гради, и веси, и инсули морскіе, словомъ единымъ, все панство,лежащее къ принципу Венецкому, именуется Венеція, о нихъ же нѣсть здѣ глаголати подробну; вторицею самая столица, си есть первоначалній градъ, идѣже обитаетъ принцепсъ и вещь посполитая, именуется Венеція; и о сей азъ мало изъяснити потщуся.

Описаніе Венеціи града.

Венеція есть градъ прекрасній славою и честію по всемъ свѣтѣ сіяющій, дивной ради своей лѣпоты и чу-

деснаго на водѣ морской устроенія, вся въ себѣ имущій. Имать въ себѣ много костеловъ зѣло лѣпотныхъ и много вежей високихъ, при онихъ стоящихъ, и многія часи на нихъ устроеніе, найпаче же первоначальная въ градѣ церковь Святаго Апостола и Евангелиста Марка есть зѣло лѣпотна, обаче нинѣ въ костель отъ Римлянъ превращенна. Есть же лѣпота ей таковая: отъвнѣ имать верховъ пять болшихъ, цѣнію лѣпотнѣ покровенныхъ, и иными же многими персонами и различными гзімсами мраморными украшенна отъ всѣхъ странъ. Первая, си есть западная, стѣна мусією и различными мрамори украшенна, аки злато блещится, верху же мусіи различными малована фигурами, посредѣ же, на преди щита, четири кони позлащенніе, аки живіе, искуснѣ содѣланніе имать; часи отъ стѣни правой. Внутрь вся даже до половины, наченши отъ верха, прекрасно насажденна мусією, по мусіи же старинное Греческое имать иконописаніе, отъ половины же даже до земля разнolѣпотными таблицами и столпами отъ мрамора драгоцѣно насажденна и украшенна. Первоначалнѣй же престоль (повѣствуютъ), яко цѣни не имать, отъ многихъ бо дражайшихъ мраморовъ и каменей различныхъ еще коштомъ Греческимъ есть содѣланъ. Что же реку о павементѣ или помостѣ? Воистину удивленію великому достоинъ есть, како отъ различновидныхъ, малихъ же аки бобъ штучокъ мраморныхъ весь насажденъ, разніа фигури, птици, цвѣти, риби и прочая животная изображающій. Многи суть, якоже рѣхъ, прекрасни костели, обаче иніе отъ Греческихъ церковь превращенніе. И та самая Греческая церковь (при ней же азъ живяхъ) Святаго великомученика Георгія превращенна есть и не вся по древнему Греческому правилу творить отправу свою, якоже и ми, но въ многихъ разнствующе.

Описаніе церкви Греческой, яже есть въ Венеціи.

Церковь Греческая есть зѣло лѣпотна отъвнѣ и отъ-внутри, отъ единого превеликаго тесаннаго составленна камени стариннымъ расположеніемъ, ни единого въ себѣ имущая внутри столпа, токмо внѣ мало, и верхъ точію единъ великъ, цѣнію лѣпотнѣ покровень. Тамо Греки обикновенія не имуть нѣкогда приходити на утреню, аще би и въ наибольшій праздникъ, токмо на службу Божую и на вечерню. Тамо нищимъ въ церкви не волно просити милостини, но единъ отъ чину церковныхъ прокураторовъ есть поставлень, просяй, ходящи по церкви. на вся недѣля въ службѣ Божой, по окончаніи же раздавая инимъ, что повелѣнно, иже суть выписаны въ реестрѣ церковній, неписаннымъ же, что хотя. Въ отправѣ церковной согласуютъ въ всемъ зъ нами, токмо симъ разнствуютъ: 1) на службѣ Златоустаго, егда служатъ соборомъ, на первомъ выходѣ, си есть со Евангеліемъ егда речеть діаконъ: „премудрость прости“, вси единоголасно поють: „прійдѣте поклонѣмся и припадемъ къ Христу“, таже, входяще въ олтарь окончеваютъ и абіе поють такожде сами и тропари; 2) прокимена не поють предъ Апостоломъ, но чтеть, иже чтеть Апостолъ; 3) по Апостолѣ не поють на два крилоси „аллилуя“, но на единой странѣ; 4) „Господи помилуй“ и прочая къ ектеніи всегда панамарь отвѣствуетъ въ олтарѣ; 5) „Иже херувими“ на единой поють странѣ; 6) егда многолюдствіе биваетъ въ церкви, діаконъ не чтеть Евангелія посредѣ церкви, но возлазитъ на катедру високо, идѣже проповѣдь биваетъ, и тамо чтеть, лучшаго ради вниманія; 7) кинокликъ токмо на единой поется странѣ;

8) егда речеть „вонмѣмъ“ „святая святыхъ“, не отвѣщаетъ абіе понамарь: „единь святъ“, но первѣе глаголетъ: „на помощь всѣмъ побожнимъ и православнымъ христіаномъ“, таже: „единь святъ“ и прочая, до конца. На вечерни, егда служатъ соборомъ, сами священники поють „Свѣте тихій“, егда же ни, то поеть единь на крилосѣ и не входитъ въ Царскіе врата священникъ, донелѣже не услышитъ *приидишу солнцу на западъ*; не выходятъ насреди церкви пѣти ничтоже, ни стиховень, ни „Достойно“, токмо на клиросѣхъ, всегда же единь отъ нихъ что либо нибудь поеть, прочіи же токмо гудутъ и творятъ въ подобіе нѣкоего инструмента. Всенощное вкупѣ отправляютъ съ вечернею, утреню же всегда въ свое время; на всенощное же хлѣби великіе пекутъ, съ медомъ и кореніемъ, и раздають всѣмъ, отъ велика даже до мала, ни одинаго презирающе, яко въ насъ биваетъ. Единь точію разъ звонять на всякое набоженство: или на службу Божую, или на вечерню, или на утреню; въ неделю и въ инніе свята въ вся колоколы, по вся же дни въ единь. Токмо въ великіе зѣло свята звонять трижды: первій разъ, егда идетъ священникъ на проскомидію, второй, егда преноситъ дари, третій, егда глаголетъ: „съ страхомъ Божиимъ и со вѣрою приступѣте“. Въ четиредсятницѣ на преждесвященной не чтутъ парамеовъ посредѣ церкви, но на крилосѣ. „Да исправится“ поеть седмичній въ олтарѣ, а не якоже въ насъ, чтяй парамеи посредѣ церкви поеть и „Да исправится“. Поклоновъ творити не обикоша, токмо метаніе. На первой же недели поста, на павечерномъ канонѣ поклоновъ не творятъ, токмо крестятся, не вѣмъ чесо ради: или лѣности, или стида, да не возмѣются Италіане. Въ пятокъ не чтутъ Пассіи, токмо малое Евангеліе, вмѣсто же Пассіи чтутъ часть отъ акафиста Богородицы, раз-

дѣляюще по три икоси на пятокъ, чрезъ седмици, на повечерниці; на мѣстѣ же ономъ, идѣже требѣ чести канонъ, поютъ ирмоси отъ акафиста съ стихами даже до икосовъ, послѣди же выходитъ священникъ предъ намѣсній образъ Пресвятой Богородицы и рече: „ангелъ предстатель посланъ бистъ рещи Богородицы: радуйся“, 3-жди, и чтетъ три кондаки и три икоси, послѣди же престаеъ и поютъ клирици седмую пѣснь, съ стихи и прочая до конца втораго пятка подобнѣ творять, обаче три икоса и кондаки инніе послѣдующіе священникъ чтетъ; третаго пятка паки инніе три, четвертаго даже до конца окончиваютъ. И тако аки единый акафистъ чрезъ четири недели чтутъ. Обаче довлѣеть о семь и возвращаюся паки къ описанію Венеціи, идѣже мало помянувъ о лѣпотѣ костеловъ, обаче не могу ихъ исповѣсти, колико суть числомъ, суть бо премноги, и лѣпоты ихъ подробну не исповѣдую, понеже не всюду посѣщахъ. Токмо се пишу, яко многіе имутъ святыхъ Божіихъ мощи, тако Греческихъ, яко и Римскихъ, обаче не цѣліе, но маліе части, и не показываютъ никому же Суть же три токмо цѣліе Святіе Греческіе, въ Римскихъ лежащіе костелахъ, ихъ же токмо трижды въ годъ откриваютъ и показываютъ, си естъ на Воскресеніе, на Сошествіе и въ день ихъ празднованія. Первій святой именуется Іоанъ Милостивій, патріарха Александрійскій, иже лежитъ въ костелѣ, именуемомъ Sanct Ioane Bragula, на правой странѣ, въ златой рацѣ. Вторій святой именуется преподобный Сава, иже лежитъ въ костелѣ, именуемомъ Sanct Антонинъ. Третій святой именуется Аѳанасій, патріарха Александрійскій, учитель церковный, иже опочиваетъ въ монастырѣ Капуцинскомъ въ церкви. И сего ради, славится Венеція: 1) основаніемъ на водѣ; второе) лѣпотою и множествомъ прекрасныхъ костеловъ

и вежей; третье) множеством мощей Святых Божіих; четвертое) лѣпотою и строеніемъ прекрасныхъ полатъ и расположеніемъ улицъ, въ нихъ непрестанно вода морская проходитъ; 5) яко отъ улицы до улицы суть каменные мости, лѣпотнѣ устроеніе, прехожденія рады, суть же числомъ всѣхъ шестьдесятъ шесть, кромѣ деревянныхъ, ихъ же едва не толико изобрѣстися можетъ. Есть тамо мость, глава всѣмъ мостомъ, именуемій *Re-alto*, иже есть толь долгій, и широкій, и крѣпкій, яко много апотекъ, си есть коморъ купеческихъ, великихъ, цѣнію покровенныхъ, на себѣ стоящихъ имать; подъсподъ же его кораблѣ болшіе преходять; 6) Венеція есть славна и честна разнствіемъ купцовъ, иже приходятъ тамо отъ различныхъ странъ и куплю дѣютъ, яко то отъ Греціи, отъ Туркіи, отъ Арменіи, отъ Нѣмецкихъ, Гишпанскихъ и прочихъ безчисленныхъ странъ; 7) Венеція есть славна и честна того ради, яко нѣ сѣть, ни ореть, но всякое изобиліе имать; 8) Венеція есть славна и честна множествомъ богатыхъ и великородныхъ боярь и людми, иже свѣтлія и честніа обикопаша носить одежды; 9) Венеція есть славна и честна, яко въ ней принцѣ, или вождь всего Венецкаго панства живетъ и Вещь Посполита, на него же посмотриѣти съ асистенціею сенаторовъ, си есть Вещи Посполитой, и ужасно, и преславное есть, что азъ многажды видѣхъ. Принцѣ ходитъ въ порфири царской, отъ горностаевъ составленной, на главѣ же имѣетъ златій рогъ, его же и въ церквѣ не слагаетъ; сенатори же егда ассистуютъ ему, тогда въ червленныхъ, егда же ни, то въ черныхъ; обаче всегда ходятъ въ долгой одеждѣ, яже именуется латински *toga*, яже прознаменуєтъ покой, Венеція бо всегда сѣдитъ въ покой, ибо ея не отважится никто одолѣти, того ради и печатуетъся нетлѣн-

ною дѣвицею, яко ни отъ кого же есть пораженна; 10) Венеція есть славна и честна различными премудрыми мастерами и художниками искусными, иже нигдѣ не возмогутъ лучше, паче ихъ, обрѣстися; 11) Венеція есть славна и честна, яко имать премногое множество купеческихъ рядовъ и коморъ, въ нихъ вещи, каковыя могутъ изобрѣстися въ свѣтѣ, продаются; 12) Венеція есть славна плацомъ, или площадію, именуемою Святаго Марка: первое, яко широкое, чинное, премудрое и прекрасное имать расположеніе; второе, яко чудесная и удивительная творятся на ней чрезъ все года время, кромѣ первой и послѣдней недѣлы святаго великаго поста. Но довлѣтъ о семь, понеже совершенно даже до послѣдней вещи описать не могу, егда и времени, и труда, и паперу много приложить требѣ. Здѣ мало извѣщаю вещи, яже азъ видѣхъ и яже суть въ Венеціи.

Описаніе вещей, яже азъ видѣхъ въ Венеціи.

1) Видѣхъ пирь, или банкетъ, его же самъ Принцъ Венецкій болшимъ своимъ сенаторомъ, и великороднымъ бояромъ творить въ учрежденіе въ дни Празднованія Господа нашего Иисуса Христа. Банкетъ оный (якоже повѣствуютъ Венеціане) составляетъ трижды въ годъ, си есть: на Рождество, на Пасху и на зеленіе Свята, обаче всякъ различнымъ образомъ; на него же смотрѣти едва не вси грядутъ Венеціане, невозбранно бо есть. Тамо и азъ прійдохъ и узрѣхъ, еже не зрѣхъ отъ рожденія моего, того ради и перомъ изобразити совершенно не могу, понеже ни оцѣнити, ни распознати сложенія вещей не уразумѣхъ. Се токмо глаголю, яко многія тысящи денегъ къ составленію требуетъ, отъ

драгихъ бо вещей есть составлень, отъ нихъ же суть нѣціе, яко ни обрѣтаются въ нашихъ странахъ. На него же точію посмотри́ти есть удивительно, честно и преславно, ибо не простою сочиненній яствою, но вся яства персонами сочиненна, еще же персонами приличествующими къ яствѣ или питію, съ подписами, разумно приложенными, или отъ исторіи, или отъ фабуль рифмоторческихъ взятими, яко то Бахусъ, иже бѣше богъ пьянства, яко то Венера, иже бѣша богиня плодовъ земныхъ, и прочая, симъ подобная; еще же, кромѣ фигуръ человѣческихъ, звѣріе, птицы, риби, гори, дубрави, рѣки, источники и прочая безчисленная отъ ядомыхъ вещей, аки живіе, содѣланна суть. Тамо азъ долго присмотрѣяся, веліимъ удивленіемъ чюдяхся дозѣла. Довлѣеть только. Прочее бо азъ устѣ яснѣе вопрошающу мя исповѣсти обѣщаюся. 2) Видѣхъ дивное твореніе (еже по вся годи биваетъ) въ Баханаліи, си есть въ Мясопусти, предъ Четиредесятницею. Еще бо за пять или шесть недель предъ великимъ постомъ начинаютъ шалѣти и бѣсноватися, дѣти, ходяще по улицамъ и по базарѣ, играюще, скачуще, поюще, закрывающе лица своя машкарами и творяще скоки, игри, празнословія, смѣхотворенія, интермедіи и прочая, проч., проч., зѣло удивительная, тако отъ нищихъ, яко и отъ богатыхъ, даже до остатнаго дне мясопустнаго. Предъ запустами же, за шесть днѣй, сооружаютъ отъ древа великую и лѣпотную структуру посредѣ пляца Святаго Марка, въ подобіе нѣкоя полати, или вежи, всю малованну лѣпо, иже мнится, аки отъ камене мраморнаго составлена быти, на ней пороховъ и рацій многое множество таинственно сокровенни суть, паленія ради и показованія многихъ огневъ. По обою страну тоя вежи содѣловуютъ два театра, въ твореніе деалоговъ и танцовъ на чпадахъ и

прочіхъ дѣйствій. Окрестъ издалече устрояють полати, сѣденія ради народа и лучшаго ради виденія. Симъ же тако устроенимъ, изводятъ мясопродавци, повелѣніемъ Принципа, троухъ или четирыхъ воловъ и великимъ мечемъ всѣмъ отъ перваго до послѣднаго, предъ всенародними очима отсѣпають главы, аки би закалающе на угощевленіе пиршества Запустнаго. Послѣди творять танци и штуки, по обою страну на онихъ театрахъ. Таже тайно вжигаютъ сокровенніе порохи и раціи, на оной вишписанной вежи, еже аки огнь съ небесы спадшій мнитися бити съ громомъ. Егда же скончается, расходятся къ домоу. Паки, по двою или трію дню, внутрь Принципова двора устрояють полати на сѣденіе народа, и сходятся людій много. Изводятъ же вола, оцѣпивши за роги вервомъ и ведяще окрестъ издалече. Таже припускають псовъ, изученныхъ хватати за уши, и творять дотолѣ, донелѣже живому отгризуть уши. Таже изводятъ втораго, третіяго и четвертаго и творять всѣмъ такожде, даже до девяти; десятаго троватъ безъ верва, едина десятого привязують до висящаго верва, посредѣ двора Принципова, дванадесятому цѣлому отсѣкають голову и послѣди расходятся. Еже егда видѣхъ, аще и веселяхуся мнози, азъ едва не плакахъ, видящи таковое мученіе незлобиваго звѣра, отъ неблагословенной бестіи терпимое люте, и слышащи вопль и риканіе его ужасное и тяжестное, пронзающее утробу всякаго милосерднаго человѣка. Помянухъ бо азъ грѣшній тогда, глаголющи въ умѣ своемъ, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единый отъ иннихъ въ вертепѣ рождаемуся Христу Господу не сподобися служити, токмо онъ и подобный другъ его незлобивый осель. Еще же разсудихъ, яко силою и трудомъ его сѣмъ и собираемъ хлѣбъ на воспитаніе жизни нашей и его самаго снѣ-

даемъ, не благодаряще Бога, еще избыточествуемъ злѣ, паче любяще сквернаго и лукаваго пса, нежели благопотребнаго и незлобиваго вола. Что глаголю любить, нѣци бо еще въ любви и избыточествуютъ, ослѣпленни суще умомъ, цѣлующе, сѣдяще, вкушѣ ядяще и спяще, нищаго же ненавидяще и изгаяюще изъ очесей своихъ. О безумнїя человѣческаго! О человѣковъ безумныхъ! таковая неудобная и неугодная творящихъ! Но преидѣмъ отсюду къ иннимъ вещемъ, яже видѣхъ въ Венеціи. Видѣхъ по вся дни (кромѣ Святой Четиредесятници) отъ великородныхъ людѣй, тако полу женска, яко и мужеска, приходящихъ на всякъ ранокъ и вечеръ на пляцъ Святаго Марка на виденіе штукъ и дѣйствій. Се же тою ради облакаются въ машкарю, да не познаваеми будутъ родителми и други своими, безчестно бо есть тамо богату стояти и на оніе игри и чудеса смотрѣти. Тамо, аки на ярмарку, всегда народъ многъ, идѣже и азъ, едва не на всякъ приходя день, видѣхъ многая чудесная, обаче не волхвованіемъ, но наукою творимая. 1) Видѣхъ игра съ картами, иже извѣститъ на яку колвекъ кто замислитъ карту; второе, дастъ карту кому нибуть отъ окрестъ стоящихъ отъ среди пучка взяти и паки въ пучокъ положить и помѣшаетъ много разій, таже обратитъ лицемъ карти и яже притрафится на верху, глаголетъ тому, иже взятъ карту: аще твоя сія есть? отвѣщаетъ ему: яко нѣсть моя; онъ же полагаетъ лицемъ на сподъ и рече, яко твоя есть и превратитъ лицемъ къ горѣ и покажетъ ему предъ очи предъ всѣмъ народомъ, яко его есть; 2-е играютъ монетою сице: взимать отъ кишения и ищисляетъ предъ всѣми, таже положить въ ину руку и паки исчисляетъ и уже сотворитъ пятнадцать; второе снѣдаетъ кулю, взимаетъ отъ палца и влагаетъ ю въ уста и мнитъ ю снѣсти, вторую взимаетъ отъ втораго палца

مکرمه

и снѣдаетъ ю, 3-тую беретъ отъ маленькой палички и тую такожде снѣдаетъ и беретъ, идѣже хочетъ: едину отъ своего носа, вторую отъ чуждаго, третью на повѣтрѣ, и различнѣ, различнѣ якоже хочетъ творить. Видѣхъ паки обезьянъ и псовъ учонихъ, различная штуки показующихъ. Чудесніа органи и инструмента, но вси ово отъ Нѣмцовъ, ово отъ Франціи приходящіа. Видѣхъ всю процессію и церемонію на юбилеушѣ творящуюся въ Римѣ, въ деревяной скрини чрезъ оконца хрусталие, показующихъ како папа Римскій грядяше отъ своихъ полатъ къ церкви Святаго Петра Апостола, и како своими руками млатомъ толцаетъ въ двери церковніе, отверзаше ихъ, како присутствоваху ему кардинали, пелgrimовъ и народа людскаго многое множество и прочая. Видѣхъ паки двоихъ человекъ силнихъ, одинаго отъ странъ Римскихъ, другаго же отъ Французскихъ, въ Венецію пришедшихъ и различніа показующихъ храбрости. Римлянинъ таковую показаваше силу: наливаетъ цеберъ води полень и беретъ отъ зема зубами, заложивши назадъ руки, и труситъ тако, яко верху главы его вода летя, таже помалу наклоняетъ главу и поставляетъ на землю; паки тойжде цеберъ, одѣпивши вервомъ подемельть горѣ носомъ и держитъ якъ чрезъ *Вирю* и полагаетъ на землю. Паки двѣ арматы, едину на единомъ плечи, другую на другомъ положивше, держитъ; паки поставляетъ два сѣдалища и на онихъ возлегають горѣ чревомъ, одинаго дотикающихся главою, а другаго ногами, верху же персей своихъ тромъ человекомъ возлѣзти и стояти повелѣваетъ и тако стоящихъ на себѣ держитъ, всякъ главою и ногами на сѣдалищахъ и никакоже угинайся до земля; паки подіймаетъ человека зъ драбиною високо и держитъ на зубахъ; паки желѣзное великое ковадло, тысящу фунтовъ въ себѣ имущее,

полагаетъ верху персей своихъ, самъ лежаши на землѣ, два же человекѣ всею силою великими млатами верху ковадла бѣють. Французъ такожде силнѣй, о немъ же прежде рекохъ, таковѣя показа храбрости: 1) человекѣ стоящаго на драбинѣ возвишаетъ горѣ и полагаетъ верху зубовъ и держитъ и скачетъ; 2) паки бревно великое, яко троемъ человекомъ на плечахъ понести, верху зубовъ держитъ; 3) столъ съ потравами держитъ на зубахъ; 4) два цебря желѣзными окованны обручами и наполненни водою повѣшаетъ по обою страну креста дряна велика и держитъ на зубахъ; 5) вервь толстой, аки первѣй палецъ человекскѣй, прериваетъ. Паки видѣхъ по шнури скачущихъ и чудесная творящихъ человекъ и женъ и прочая, и прочая игри и штуки различнѣ дѣлающихъ. И тако ми помипляющу и сѣтующу надолзѣ, яко не могахъ обрѣсти корабля, случися ми тамо въ семинаріумъ Греческомъ (по волѣ Божественной) съ единѣмъ отъ учениковъ разглаголствовати о путешествіи, случаяхъ, нуждахъ, о желаніи и намѣреніи моемъ и совѣтова ми, да пойду въ отчество ихъ на инсули морскіе, идеже есть волная Греція, си есть подѣ принципа не подѣ Турка належашая, сказующи, гдѣ суть тамо Святыхъ Божіихъ мощи и како суть милосердны люде на путниковъ и прочая. И показа ми купца Грека, иже тамо имѣяше плисти отъ Венеціи съ товари, въ краткомъ времени. И настави мя, да прошу его. Просихъ же, и той пренебреже прошеніе мое. Умислихъ же просити ктиторей церкви Греческой, да сотворятъ за мя ходотайство къ оному купцу. И тако собиется (помощію Вишняго). Ходотайствовала бо за мя и обѣщася мя взяти безъ отреченія, токмо повелѣ ожидать благополучнаго морскаго времени. Азъ же радъ бихъ зѣло и благодарихъ Творца моего за таковую Его благостиню и при-

зрѣніе на мя грѣшнаго раба своего, яко не по моей, но по Своей пресвятой дѣлаеть со мною воли. Азъ бо желяхъ пуститися въ Далмацію, къ граду Задрѣ, идѣже опочиваютъ мощи святаго Симеона Богопріимца, и оттуду возвратитися къ отчеству, Богъ же посла мя въ Грецію, не вѣмъ на каковій конецъ. Ожидахъ же уреченнаго времени, предъуготовляючи себѣ потребная на путь. Первой бо недели (по обичаю христіанскому) Святой Чтиредесятниці предъуготовляхся къ Божественнымъ Тайнамъ и сподобихся, исповѣдавши грѣхи своя, причасникомъ бити онихъ, и уже въ всемъ бихъ готовъ на путь. Единаго точію не достояше ми и отчасти непріятно бистъ, яко не имѣхъ никакого другаго спутника себѣ. Се мнѣ мислящу въ субботу съ вечера, въ утрѣ, въ неделю, рано на пляцъ Святаго Марка изшедшу и разсмотряюшу, идѣже книги и образи продають. Узрѣ мя издалече нѣкій странній старецъ благочестивій и мняше мя священника бити, понеже на главѣ моей священническую шапку видѣ, юже еще зъ Полши принесохъ, и ятъ мя нечаянно за руку и рече ми: „Здравствуй, господине!“ Азъ же, видѣвъ его, удивихся, како тамо прійде и каковымъ образомъ таковій инокъ, и отвѣщахъ ему: „Здравствуй, отче честный“. И начать мя съ радостію вопрошати, откуда есмь? Азъ же рѣхъ ему, яко азъ нѣсмь ни священникъ, ни инокъ, точію единъ грѣшній простолюдинъ есмь. И рци ми: „Честный господине, что естъ честность твоя и откуда прійде, и камо гряде?“ — „Тебѣ бо первѣе реши подобаетъ, понеже честію и саномъ мя превозвишаеші“. Онъ же, смиренъ и простодушенъ сій и ничтоже хотя утаити предо мною, вся ми изрече подробну, начень отъ рожденія своего, сипце: „Азъ“, рече, „есмь родомъ отъ странъ Полскихъ, отъ града Острога, отъ шляхти Гур-

скихъ, отъ родителей благочестивихъ рождень и воспитанъ, близнецъ, отъ чрева матерня произшедый, единъ сій (умершимъ всѣмъ первій) послѣдній, благодатию Духа Святаго, не вѣмъ, на каковій конецъ снабдѣнь остахся. Егда же родители мои состарѣшася, разійдошася съ собою самовольно, бывшу мнѣ тогда въ двоюнадесять лѣтехъ, и взятъ мя маты моя съ собою, 1680 году, и иде въ градъ Кіевъ, бывшу тогда тамо гладу, и пострижеся въ монастирѣ панянскомъ въ инокини, мене же постриже въ иноки въ Софіи монастирѣ катедралномъ, держашу тогда престоль архіерейства митрополитѣ Варлааму Ясинскому. Мати бо моя, еще прежде рождества моего, сущу мнѣ въ чревѣ, обѣща мя Господевѣ, и тако по обѣщанію сотвори. Тамо точію рософоръ воспріяхъ, си есть малій иноческій чинъ, и жихъ точію тамо единъ годъ, въ полатахъ самаго архіерея, подъ началомъ, и послуговахъ ему всегда до трапези и братіи такожде, повеленіемъ его. Таже, егда повеленіемъ царя Россійскаго взимаху на Москву учителей, взятъ мя единъ отъ учителей, сродникъ мой, съ собою и привезе мя на Москву, и жихъ при немъ полгода. Таже Стефанъ Яворскій, митрополита Рязански, взятъ мя до себѣ и жихъ у его подъ послушаніемъ. Той ми даде мантію, діаконство и священство. Послѣди, по прошенію Калиста архієпископа Тверскаго и Кашинскаго, отпусти мя преосвященній Рязански къ ему, и тамо жихъ полгода. Тотъ благослови ми битъ строетелемъ въ монастирѣ Духовѣ, въ градѣ Кашинѣ. Тамо пребивахъ три года и построихъ церковь древяну красну въ имя преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, стараніемъ власнимъ, денгами же, спрошенными и собранными отъ народа. Оттуду, по смерти Калиста архієпископа, взятъ мя благочестивая царица Параскевія

Теодоровна и посла мя въ Великій Новгородъ къ преосвященному Іову, молящи чрезъ писаніе, да посвятить мя игуменомъ на оное мѣсто, идѣже въ еи маестнотехъ недавними времени явися, Богъ вѣсть откуда, чудотворній образъ Святителя Христова Николая. Тамо, повеленіемъ оная вышеписаннія царицѣ, помощію Святителя Христова Николая, денгами же паки, якоже и прежде, чрезъ прошеніе отъ народа собранніе, построихъ монастырь и собрахъ братію даже до двадесять и четырехъ человекъ и живяхъ три года, хваляци Бога и Его угодника Святителя Христова Николая и пасящи стадо Христово. По тріехъ же лѣтахъ, преосвященный Іовъ Новгородскій взять мя оттуду и посвати мя архимандритою на Великіе Луки. Тамо такожде пребывахъ три года, оздобляючи монастырь, церковь и вся потребная. По смерти же преосвященнаго Іова, царевичъ Алексѣй Петровичъ взять мя на болшій степенъ въ монастырь Тихвинскій. Тамо многимъ трудомъ и прошеніемъ милостины устроихъ чудотворную икону Пресвятыя Богородици златомъ и предрагими каменми, яже по воздуху ангелами отъ Цариграда баше пренесенна и три года стояше неукрашенна. Тамо жихъ 4 года. Таковое мое житіе, не вѣмъ чесо ради, или зависти ради и лучшаго ради терпенія, или на каковій инній благій конецъ, попусти Богъ многимъ возненавидѣти клеветникомъ, иже многажды и многимъ образомъ многа ложная клеветуеще на мя предъ Его Величествомъ Царскимъ Петромъ Алексѣевичемъ, Императоромъ Россійскимъ, великую ми наводяху скорбь и печаль, юже на Господа возвергохъ, молящи, да Той мя препитаеть и по печали радость даруетъ. Послѣди, видя азъ, яко не умалается, но паче растѣеть, и разсмотрѣвъ, яко богатство и слава, чини, престолы, господствія, начала и власти, вся сласти мира

сего ничтоже суть єдина, точію суета суетствъ, скорбъ, гордость, ненависть, тщеславіе и прочія безчисленніа раждающаа грѣхи. Сего ради, 1720 года, оставивши начало, чести, богатства и имѣніа, яже имѣхъ, и бѣжахъ въ полунощи, Октовріа 24, въ власть Полскую, въ страни Литовскіе, єдинаго спокойнаго житію своему ищущи мѣста, но не обрѣтохъ; аще бо и обрѣтахъ, то таковіе, сже болше телѣси, нежелѣ душѣ ползоваху. Тамо паки оставиша вся имѣніа собранная, бѣжахъ въ страну Волоскую, и тамо такожже много живущи на разнихъ мѣстѣхъ, аще и ради баху мнѣ людіе, обаче азъ не радъ, понеже не имѣхъ спокойнаго душѣ моей жилища. И тамо паки оставляющи многажди и отъ мѣста на мѣсто преходящи и хотящи утаитися отъ славы челоувѣческой, не могохъ. Таже, напоследокъ, лишихъ вся въ вся и обѣщахся путешествовати по свѣту, посѣщающе святыа мѣста, дотолѣ, донелѣже таковос обрящу мѣсто, идѣже би мя токмо Единъ знаеше Богъ и азъ Его“. Таже ми сказа вся, поряду, како посѣщаше моци святаго великомученика Теодора Тирона, лежащіе въ Сербяхъ, въ монастырѣ Оповѣ, и святаго Симеона Богопріемца, лежащаго въ Далмаціи, въ градѣ Задрѣ, и како шествоваше къ Бару граду, идѣже моци Святителя Христова Николая опочиваютъ. Паки, како дойде до пресловутаго града Рима и како тамо баше на трапезѣ у самага Папи Римскаго Венедикта тринадесятого, и како ему служаше, и како его держаше чотки въ своихъ рукахъ и цѣловаше, и благослови и отпусти съ честію. Паки, како оттуду возвратися и како дойде къ преславному и прекрасному граду Венеціи, и како съ мною совокупися, и прочая. Видящи азъ его добронравна и простодушна и любовна, и ему вся исповѣдахъ: како путешествовахъ, гдѣ бихъ, како сѣмо прійдохъ и камо ити хочу. И ради

бихомъ, яко Божіимъ изволеніемъ сиче сънїдохомъся съ собою, и дадохомъ слово, да не разлучаемся, но да совокупно въ любовѣ пребивающе шествуемъ въкупѣ, а може аще Богъ наставитъ ни. Онъ бо мною доволенъ быше, азъ же имъ, понеже видя его человѣка смиренна, благо-разумна и свята и доброе имуща житіе, видѣхъ бо на немъ вериги желѣзніе, пятнадцать фунтовъ ваги имущіе. И вопросихъ его, и рече ми, яко еще отъ младихъ лѣтъ наложи на себе и вмѣсто парамона иноческаго носить на обнаженномъ тѣлеси своемъ, терпя жестокое гризеніе его, яко на кожи его единъ по единому ржадающийся струпи незгоеваются никогда же. Паче же того любитъ нестяжаніе и нищету; прїйде бо къ Венеціи и кленущися крестомъ святымъ, рече ми, яко ни единого и малѣйшаго не имѣяше пѣнязя, кромѣ малаго окруха отъ хлѣба на воспитаніе жизни своей. Совѣтовахъ же ему да идетъ къ церквѣ Греческой и проситъ отъ ктитореи милостинны, понеже и мнѣ многу творяху и всѣмъ творять православнымъ. Бѣ же тогда день неделный, и тече воскорѣ со радостію, не тако взяти ради милостинны, яко паче слушанія святой литургіи. И прїйдохомъ, и поклоншися образамъ, идохъ и молихомъ старшихъ отъ церкви, да сотворять милостину убогому и странному старцу, и общаща. Таже по вислушаніи служби Божой дадоша. И не разлучахомъся съ собою и жихомъ въ шпиталю Греческомъ, ищуще себѣ сокупнаго корабля. Идохомъ же и молихомъ онаго купца, иже мя общася взяти въ Грецію волную, си есть въ Кефалонїю, и не хотяше, и паки просихомъ, но весма отиѣташеся, понеже имѣяше зѣло отягощенъ корабль людьми и товарами. Азъ же съ честнымъ онимъ вишшеписаннымъ іеромонахомъ Рувимомъ недоумѣвахомъ, что творити, понеже не хотѣхомъ со собою разлучитися, ко-

раблъ же онаго купца хотяше отплисти воскорѣ, и молихомъ всемогущаго Господа, да Онъ Самъ намъ вся устроить блага. И се обрѣтесе тамо нѣкій человекъ капитанъ, Сербской вѣри, именемъ Вуколя, иже егда увѣда нашу нужду и желаніе, многое надъ нами показоваше милосердіе и ходотайства къ нѣкому великому болярину въ Венеци, иже обладаетъ кораблями, просящи, да укораблить насъ въ Корфусъ, идѣже опочиваютъ мощи святаго Спиридона Тримифунскаго чудотворца, да отгуду возможемъ пойти въ Кефалонію. Сказаномъ же, яко еще имами желаніе (аще Богъ изволить) пойти въ Іерусалимъ поклонитися Гробу Христову, и ради бяху о словесѣхъ нашихъ. И тако, за ходотайствомъ онаго Вуколи Сербина, оній вишеписанный Венецкій боляринъ написа карту къ едину корабленнику купцу, подъ его сущему властію, таковую, яко не точію да би насъ взялъ во корабль безмездно, но да би отчисти и кормилъ, общаяся ему нагородити, и отсла насъ къ ему съ единѣмъ значнимъ человекомъ въ неделю въ вечеръ, Февруарія послѣднаго числа. Тотъ же корабля властелинъ абіе съ единѣмъ слугою посла насъ въ корабль и нощевахомъ тамо. Заутра же, въ понеделокъ, Марта 1 числа, пребивахомъ таможде, неисходно отъ корабля, ожидающе исхода корабля, понеже бяше вѣтръ противенъ и не могохомъ плисти, и спяхомъ тамо. Таже въ полунощи, Божіимъ изволеніемъ, возвѣя вѣтръ помощенъ и вси снѣдошася въ корабль и отплихомъ, уже начинающуся дню, даже за предградіе мѣста. И бистъ Марта 2 числа, заутра, въ второкъ, тишина велія, яко не могохомъ плисти, и тягнуша корабль, оцѣпивши вервами, въ лоткахъ малихъ, веслами гребуще, и не можашу, двоихъ ради вещей: первое, яко спаде вода и касашеся дна судно; второе, яко отягощенъ бистъ мно-

гими вещми. И тамо стояхомъ даже до ноци, ожидающе прибитіа вѣтра и води. Въ ноци же возвѣявшу вѣтру малу, начахомъ плити по малу и пустихомся на глубину морскую ꙗ пловехомъ два дни и двѣ ноци, си естъ чрезъ среду и четвертокъ, осмьдесятъ милъ, и пристахомъ къ нѣкому граду, на брезѣ морскомъ стоящому, ему же имя Паренса. Тамо замедлѣ корабля начальникъ чрезъ два дни, пятокъ и субботу, ово вѣтра ради, овоже купованія ради нѣкихъ вещей. Ми же, видяци патрона корабля ничто намъ къ ястію не дающа, аще и приказъ имѣяше, изійдохомъ со честнимъ моимъ спутникомъ. іеромонахомъ Рувимомъ Гурскимъ, прошенія ради милостини, испросихомъ, помощію Божією, пищу доволну къ препитанію нѣкихъ дній. Таже, Марта седмаго, въ неделю, рано возвѣявшу вѣтру мало помощну, плихомъ, воскрай брега морскаго, къ другому еше значнѣйшему граду, именуемому Рувинѣо. Тамо слисахомъ о монахъ, лежащихъ въ костелѣ Римскомъ, Святія великомученици Евфиміи, прехвалной дѣвици, и потщахомся воскорѣ изійти изъ корабля въ градъ, и идохомъ въ костель и просихомъ тамо начальнихъ священниковъ, да покажутъ намъ, понеже всегда суть затворенни, и не хотяху, понеже Римляне мощей святыхъ Божіихъ не обикоса показовати, найпаче же Греческихъ. Точію слисахомъ се, яко сама въ рацѣ моремъ отъ Халкидона припли. Видѣхомъ же гробъ, идѣже лежитъ, и чудеса много творима, и окрестъ ходяще многа народа и лобизающе его. Сподобихомся и ми грѣшни поклонитися и цѣловати. Замедлѣ же и тамо корабль два дни, понеделокъ и второкъ, и просихомъ милостини, якоже и въ первомъ, обаче болѣе смѣющихъ, нежели дающихъ обрѣтохомъ; нѣци бо нарицаху насъ сизматиковъ и иніи же геретиковъ и не хотяху давати. Оттуду отплихомъ въ среду

рано, Марта 10. Случижесе тамо случай таковій: яко инокъ мой въпаде въ глубину морскую, яко на пять сажней, лѣзучи въ корабль, азъ же вскричавъ, мня его погибшаго бити, но Богъ чудна дѣла творить. Егда бо, рече, призвавъ тамо, вънутрь моря, умою Пресвятую Дѣву Богородицу и великаго Чудотворца на помощь, абіе въздвижень, аки руками, и вознесенъ бистъ верху води, и яхъ его азъ за рукавъ одежды его, извлекохъ его въ цѣлосты, держаща подъ пахвою согненную рясу и чотки въ рукахъ. Да не въ забвеніе поидеть, и се глаголю: яко изшедшимъ намъ на море перваго дне и плывуще на самой превеликой широтѣ и глубинѣ его, видѣхомъ точію небо и воду морскую, и мнится бити, яко весь свѣтъ затопе и нѣсть ничтоже, кромѣ води и неба. Сице отъ превеликой широти мнится бити, яко ужасно и смотрѣти, найпачеже не бывающимъ на немъ; но, Божиимъ смотрѣніемъ, понеже бистъ тишина, не вредяше ничтоже. Въ утрѣ же, егда возмутишася волни на морѣ и начаша носити и колѣбати корабль дозѣла, яко множицею вода вливашеся въ корабль, и бистъ страхъ велій, но не всѣмъ, найпаче же мнѣ, первій разъ сущему на морѣ. Возмутися же ми сердце и завратися глава, яко едва не одурѣхъ, не можахъ бо ни внутрь, ни верху корабля сѣдѣти, одмлѣвающе и (прости ми, разумній читателю) не могій стерпѣти, блевахъ пятерицею до зѣла тако, не имій чимъ, едину нѣкую зеленъ, аки желчь, испущахъ. Азъ убо воздыхахъ, друзіи же смѣяхуся, глаголюще, яко не бойся, будещи послѣди лучше здравъ, нежели прежде, и немощень тогда бѣхъ чрезъ весь день. Иноку же и сопутнику моему, отцу Рувиму, не бистъ ничтоже, токмо мало болѣзноваше на главу, якоже бо онъ уже по мору плаваше, еще въ Москвѣ живущи. Послѣди же, егда отпусти ми мало,

глаголаху корабленници, яко всякое море отъ натури своея не можетъ въ себѣ ничтоже нечисто держати, аще бо би кто имѣлъ трутизну пятолѣтну, или десятолѣтну, или Богъ вѣсть како застарѣлу, найпаче же тотъ, иже не биваль, егда поиде на море, вся измещеть и будетъ здравъ. Паки море не любитъ грѣшна челоувѣка, найпаче въ грѣхахъ смертельныхъ сущаго; того ради всѣ христiяне, имущи плсти моремъ, аще не причащаются, то поше исповѣдають грѣхи своя. Таковая азъ чудная и дивная слишащи, видящи и самъ на себѣ дознавающи, аще и вся тогда вѣровахъ, аки юнъ и скудоумень, но послѣди по времени уразумѣхъ, яко сіе болѣе бываетъ отъ колѣбанія и непокоя, якоже зримъ блевающихъ отрочатъ въ колыскахъ и великихъ отъ колиханія оморочающихся. Паки видѣхъ иного дне птицу, падшую на корабль, ей же имя синица, яже не можаше прелетѣти широти морской, сѣде на отпочиваніе, юже аще и изгоняху, не отлетѣ, донелѣже не препочи довольно. Сіа азъ видѣхъ почудився много, яко и птицы знаютъ свою смерть и боятся. Се же не единожды, но и множицею видѣхъ и прославихъ Бога за премудрое Его твореніе. И тако плующимъ помалу, не бивающу вѣтру добру, продолжшася дни многи и уже не имущимъ намъ, что ясти, Марта 13, въ субботу, печаловахомъ, бесѣдующе и просяще Вседержителя, да свое о насъ грѣшнихъ устроить промишленіе. Богъ же, челоувѣколюбивъ сій и милостивъ и не хотяй зла никому же, услыша молбу нашу. Въ недѣлю бо, Марта 14, творящимъ намъ обычное наше моленіе, носимъ бистъ корабль непостоянными вѣтры, видѣхомъ же издалече градъ прекрасенъ и рѣхомъ, яко аще би милосердіе Божіе било съ нами, даби насъ принесло къ оному граду, да возможемъ испросити милостиню на пропитаніе. И се внезапноу возшумѣ вѣтръ отъ

страны и заврати корабль къ оному граду, и тако, аще и не хотяше властелинь корабля плисти, тамо припли. Богу тако чудодѣйствующу нашей ради нищети, не хотя уморити голодомъ творенія рукъ своихъ. И изійдохомъ изъ корабля въ градъ и просихомъ милостини даже до вечера и испросихомъ доволну (буди слава Богу) на препитаніе нѣколикихъ днѣй. Есть же тамо монастырець малъ святія Параскевіи, въ немъ же иноки Греческіе живутъ, и посѣщахомъ онѣй и дадоша намъ малу милостину, и благодарихомъ Бога, яко уже начахомъ въ благочестіе входить странни. Оттуду завтра, въ понеделокъ, Марта 15 числа, отплихомъ. Пловуще же видѣхомъ многіе прекрасніе острова, гори и холми, на водѣ посреди моря стоящіе, съ гради, и веси лѣпотними, на инихъ же пустелники на уединеніи спасаются. Плихомъ же благоутишно чрезъ весь той день, въ нощи же возвѣя вѣтръ противенъ, бурень и жестоць зѣло и ношашеся нашъ корабль, аможе Богъ хотяше, и уже отчаяхомъ жизни нашея, множицею бо вливашеся вода внутрь корабля. Ми же съ инокомъ, малодушни будуще, плакахомъ, воздыхахомъ, ожидающе смерти, возивахомъ же къ самому Христу Господу, да спасетъ ни, паки Святителя Христова Николая и многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, да свободятъ ни отъ потопленія морскаго. Тогда воспоминахомъ, Богомъ подвижи, Царствующаго Пророка сложеніе усти словеса: „низходящіе на море въ кораблехъ и творящіи дѣланія въ водахъ многихъ, тѣи видѣша дѣла Господня и чудеса Его въ глубинѣ“. Помянухомъ же тогда и оное присловіе простое: qui nescit orare, ascendat ad mare, то есть: кто не умѣетъ молитися Богу, нехай шествуетъ чрезъ морскую дорогу. Тогда воистину, аще би кто писалъ, како утопающій призываетъ Бога, како молится, аще би нерав-

ніе, то подобніе Златоустому услишалъ молитви, видима бо смерть страшна есть, якоже и намъ бистъ. Таже, нощи уже кончащейся и начинающуся дню, въ второкъ, Марта 16, паки воспятъ къ томужде граду, именуемому Ленсина, Божиимъ Промисломъ принесенни бихомъ, аще и не хотѣхомъ, но хотѣхомъ, понеже Богъ тако благоволилъ есть. Тамо замедлѣхомъ цѣлую седмицу, даже до понеделка, неблагополучнихъ ради часовъ и неспостоянныхъ вѣтровъ и мокроти дождевной, отчасти же Святъ ради Римскихъ, си есть Воскресенія ради Христова, бившаго тогда въ неделю Марта 21. Просихомъ же исперва милостини, но малу обрѣтахомъ, отчасти убогаго ради народа, отчасти же, яко дадоша еще исперва тамо намъ пришедшимъ. И недоумѣвахомъ, что творити, не имущи сокровенныхъ денегъ, еже бо что испросихомъ, то и снѣдохомъ, на путь же не могохомъ собрати хлѣба. Идохомъ же тогда, Марта 21, на Римское Воскресеніе, на наше же Вѣханіе Господа нашего Іисуса Христа, къ церкви Греческой на святую литургію, и бывшіи тогда тамо благочестивіи христіане отъ Грековъ и отъ Славяновъ сложившіся дадоша намъ милостину осмьнадесять мѣдницъ, и благодарихомъ Бога за промишленіе Его о насъ и идохомъ на торжище и не обрѣтохъ купити на препитаніе хлѣба, понеже (яко же рѣхъ), дни праздничніе бяху у Римлянъ. Идохомъ же отай внутрь дома единого хлѣбопродавца и купихомъ за всѣ пѣнязи, еже имѣхомъ, и идохомъ внутрь корабля и сѣдохомъ, ожидающе времени благополучна и просяще отъ Христа Господа вѣтра полезна путешествію нашему. Заутра же, въ понеделокъ, Марта 22 рано воставши отъ сна, не хотѣхомъ ити въ градъ, понеже многажды всеу ходихомъ и возвращахомся, и сѣдѣхомъ внутрь корабля, обычное свое творящи моленіе.

*

Богъ же паче пекийся о насъ, нежели ми сами о себѣ, внемли, благій читателю, внемли, что сотвори съ нами. Егда же Греци, изшедшии отъ онаго корабля на слушаніе служби Божой, возвратишася воспять, принесоша тридесять мѣдницъ милостини, отъ нѣкоея благочестивія грекинѣ присланніе, еже ми воспріяше радовахомся о Господѣ, видящи промышленіе Его на ни, и на того всю свою надежду полагаючи. Таже помалѣ възвѣя вѣтръ благополучень и отплихомъ тогожде дне, съ помощію Вишняго, и плихомъ день и ношъ благополучно. аще и малимъ вѣтромъ. Заутра же, въ второкъ, Марта 23, плихомъ до полудне добрѣ; послѣди же внезапно възвѣя вѣтръ противень, силенъ и шумень и едва не преврати корабля. И се видѣхомъ недалече на странѣ островъ великъ, на немъ же бяху прекрасніе гори каменіе, съ дресеси, окрестъ стоящіе, внутрь же его входитъ вода отъ моря. Тамо вбѣгше, помощію Божією, спасохомся отъ потопленія и стояхомъ даже до вечера. Ми же съ спутникомъ моимъ, честнѣйшимъ іеромонахомъ Рувимомъ, изійдохомъ исъ корабля на островъ и ходихомъ едва не окрестъ и на верхъ горъ, разсмотряючи красоту и лѣпоту его. Лѣпота же его бистъ такова: окрестъ води, внѣ и внутрь все стоятъ гори и холми, прекрасними дресеси украшенніе, дреса же не простіе, но все ово кипариси, ово яловець, ово древо бобковое, ово рожки турецки и протчіе, ихъ же имени не вѣмъ; на земли же мало каковое растеть инное зеліе, точію леванди премноего множество, яко и пройти за нею едва мощно, се же того ради, яко тамо земля на ню плодovitа до зѣла. Обрѣтохомъ же тамо нѣколико капліцъ Римскихъ, но пустихъ, и сокрихомся въ едину отъ дожда, и обрѣтше внутрь ея огнище и собравше дровъ много, сотворихомъ огнь великъ и грѣяхомся, присѣдаяще, даже до

вечера. Но прости, благій читателю, сотворихомъ бо великое угодіе тамо грѣшнымъ своимъ тѣлесемъ, паче же азъ моему, грѣшнѣйшій и окаяннѣйшій паче всѣхъ человѣкъ, подобнѣ аки въ бани пекуще и жаряще его съ великимъ улажденіемъ. Таже въ вечеръ прійдохомъ въ корабль и нощевахомъ. Не бистъ же намъ сладчайшой ноши никогда же, паче оная. Отсюду явѣ познати можемъ, яко баня есть великое угожденіе плоти человѣческой, аще великое угожденіе, то и грѣхъ великъ. Добрѣ бо написаша Отцы Святые въ Номоканонѣ, яко баня есть второй блудъ, и прочая. Заутра же, въ среду, Марта 24, аще и тишина бистъ, обаче, понеже не баше вѣтръ помощень, стояше корабль, и въ четвертокъ такожде. Въ пятокъ же, Марта 26, аще и зѣло малъ баше вѣтръ, обаче, понеже омерзѣ стояніе, пустихомся въ путь и плихомъ зѣло по волѣ. Таже внезапноу возвѣя вѣтръ противень, яко отнюдъ не могохомъ плисти, и возвратихомся паки на мѣсто первое и нощевахомъ тамо. Заутра, въ Великую Суботу предъ Воскресеніемъ Господа нашего Іисуса Христа, Марта 27, начахомъ печаловати дозѣла, многихъ ради винъ: первое, яко толъ многое погубихомъ время и конца не достигохомъ, неблагополучныхъ рады часовъ; второе, яко многіе насъ ненавидаху въ корабли, именующе насъ влачащихся въ свѣтѣ безъ potrzeby; третье, яко голодомъ изнуряхомся дозѣла, неимуще гдѣ испросити, ниже за что купити. Се точію благопріятно бистъ намъ, яко гладъ намъ въ постъ превратися, яко случися въ Великій Пятокъ, не имѣхомъ бо ничто отъ ястви, аще же и имѣхомъ би, не би ядохомъ. Обаче о будущихъ днехъ имѣхомъ попеченіе, яко дны прайдничніе Воскресенія Христова приближахуся и не имѣхомъ церкви, идѣже по христіанскому обычаю возмогли отпраздновати набоженство

свое. Слѣпахомъ же на томъ островѣ недалече, яже 8 миль, отстоящую весъ, совѣтовахомъ съ собою, да идемъ въ ню, испрошенія рады милостины и набоженства, мняще тамо благочестивую обрѣсти церковь. Мольдохомъ же начальника корабля, да повелѣтъ ни извергти на брегъ, и повелѣ безъ отреченія. Пойдохомъ же помалу къ вишшереченной веси въ субботу, Бога призвавши на помощь, но зѣло изнемогахомъ на пути, ово отъ неяденія чрезъ два дны, ово отъ отягощенія вещей, ово отъ жестокаго и твердаго пути и остраго каменнаго претиканія, и прешедше еще предъ вечернею, званны быхомъ отъ слуги его къ властелину веси тоя, иже воспросивши насъ: откуда есми, и видѣвши патента нашы, пріятъ насъ благодарственнѣ и представивъ намъ трапези. Обаче искушеніе пріяхомъ, благій читателю, отъ Бога ли, или отъ діавола, поставиша бо намъ яйца, уготованніе бывшой тогда Великой Суботѣ, обаче не ядохомъ, Богу насъ сохранишу, аще бо и чтохомъ въ Писаніи (представляемая вамъ ядите, ничтоже сумнящеся) но никакоже дерзахомъ, поминающе себѣ Господа нашего Іисуса Христа, иже въ дны тія не яде, ни пія, еще въ горкомъ страданіи душу свою положи за ны, дадохомъ бо вину неяденія нашего, на нюже Духъ Святый умудри насъ. Они же взяша воспять яству оную и повелѣша поставити риби мало, хлѣба и вина, и снѣдохомъ въ славу Божую, благодаряще Его, яко сохрани насъ отъ грѣха. Еще онѣй властелинъ даде и на путь намъ хлѣба мало и отпусти насъ со миромъ. Бистъ же вечеръ и не могохомъ паки къ кораблю возвратитися, идохомъ по селу, просяще милостины, но зѣло малу обрѣтохомъ, вси бо показовахуся бити скудни и убоги, найпаче въ хлѣбъ и денги, точію вина много, отъ него же и намъ даяху. Пришедшей же ноши, упросихомся у

единого челоуѣка добра, иже пріять насъ благодарственнѣ и учреди вечероу и питіемъ доволно и положи насъ на одрѣ, на немъ же самъ возлегаше. Молихомъ же полагающесе, да возбудитъ насъ Господь въ нощи на молитви, понеже бистъ праздникъ Воскресенія Христова, церкви же не обрѣтохомъ нашея, ни людій, уснухомъ твердо. Въ полунощъ же явися старцу моему, отцу Рувиму, нѣкій мужъ честень, брадатій, въ иноческомъ образѣ, въ подобіе преподобнаго Θεодосія Печерскаго, иже бодну въ ребро его и глагола: востани. И абіе воста и мене возбуди, и отправихомъ моленіе наше, якоже разумѣхомъ, имѣхомъ бо полуставъ великій и пѣхомъ все правило Воскресенію Христову и цѣловахомъ первѣе крестъ святыи, таже другъ друга, по обычаю христіанскому глаголющи: „Христось воскресъ“, „воистинну воскресъ“. По окончаніи же правила уже не спяхомъ, но ожидахомъ дневнаго пришествія, хотяще паки къ кораблю скоро возвратитися, бояхомся бо, да не оставивши насъ отъидеть, егда возвѣтъ вѣтръ благополучень. Того ради абіе начинающуся дню отидохомъ. При отхожденіи же нашомъ господарь цѣловася зъ нами, опроваждающе насъ, понеже зѣло любимъ челоуѣкъ баше. аще и Римской вѣры, и даде намъ на путь вина и оливи, и возложивши вещи наши на осла, облегченія ради и скорѣйшаго хожденія, отпусти насъ съ честію, пославши и сина своего зъ нами. Аще же и скорбно намъ бистъ, яко едва не всеу ходихомъ, обаче на Господа возвергохомъ печаль свою, паче же Христа ради воскресшаго веселихомъся. Слышавомъ же тамо въ селѣ отъ старихъ людей достовѣрну и чудесную вещь сиче. Суть тамо на томъ островѣ гори великіе и високіе, между ими же едина височайшая веѣхъ и иматъ три водруженіе на себѣ крести древяніе, на нюже ми, прохожденія ради, возлѣзше съ велимъ трудомъ и стра-

хомъ, съ трудомъ, понеже зѣло висока есть и неуглаженна къ хожденію, со страхомъ, понеже многіе пещери видѣхомъ змїевіе и бояхомся да не выпадемъ въ бѣду, но Божєю помощію не случися видѣти ни единого. Егда же возійдохомъ на верхъ, видѣхомъ оніе крести и лобизахомъ я. Возпросихомъ же онаго стараго человѣка, въ него же пощевахомъ: „что суть оніе крести и гора?“ И рече намъ, яко еще слиша отъ прародителей своихъ, еже и доселѣ славится, яко въ селѣ ономъ, еще въ ветхіе времена, все Еллини живяху, и егда разійдошася по жребію Апостолы въ миръ благовѣствовати, случися Свѣтому верховному Апостолу Павлу, грядущу въ Римъ на мученичество, ити чрезъ оную весъ. Тогда людіе, тамо живущіи, молиху его, да свободить ихъ отъ змїевъ, иже тамо во горахъ живуще, многія пакости дѣяху, поядюще дѣтей и уязвляюще людіи и скотовъ. Помолижеся Апостолъ Христовъ, и отъ того часа не точію престаша вредити, но еще утѣкають и боятся; въ знакъ же и въ будущее незабвеніе чудесе онаго, водрузи и крестъ своею си рукою на оной вишшереченной горѣ. Таже, по отпаденіи Рима отъ Свѣтія Соборніа Церкви, Божіимъ попущеніемъ бившу тогда мору, вси тамо измроша Греки, едину токмо или двоимъ заставшимъ. Таже послѣди населишася Римляне, иже живутъ и доселѣ. Богу и Папѣ Римскому ими обладающе. Оттуду ми возвратившеся, славяхомъ Бога, яко обрѣтохомъ корабль, еще стоящій на мѣстѣ и не отшедшій. Стахомъ же тамо на брезѣ, при единой капліцѣ, при ней же и вода сладка обрѣташеся, ожидахомъ милости Божіей свѣшше, да приплвуть ко намъ корабленницы и возмутъ паки съ собою въ корабль, не чаяхомъ бо, даби воспріяти бихомъ, понеже со вещми отъидохомъ и со благодареніемъ. Бистъ же тогда первій день Свѣтія

недѣлы, си есть Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, и не хотѣхомъ да безъ варенія въ толь великій праздникъ пребудемъ, аще бо и въ вся дни сухояденіемъ жихомъ, понеже поминахомъ себѣ, како родителіе, сродници, други и вси православніе христіане въ дны тія торжествуютъ, пиршествуютъ, ядуше, піюще и поюще въ славу Христа воскресающаго. Нарвахомъ же и ми зелія, еже простѣ именуется крошва, и уваривши оную, покропихомъ елеемъ и ядохомъ въ славу Божую и наситихомся. Имѣхомъ же мало и вина, еже принесохомъ въ тиквици со собою отъ села, и растворивше съ водою, пихомъ довольно яко довѣло чрезъ весь день. Заходящу же слонцу, припловша къ намъ на брегъ корабленници взятія ради воды и обрѣтше насъ, сожалешася, слушаши отъ насъ о нашей нуждѣ и суетномъ нашомъ трудѣ, и взяша насъ со собою въ чолнъ, привезоша въ корабль и нощевахомъ тамо. Заутра же, въ понедѣлокъ, Марта 29, паки начахомъ оскудѣвати въ хлѣбъ, мало бо принесохомъ со собою отъ села, и молыхомъ капитана корабля, да продастъ намъ отъ сухаровъ, дающе ему пѣнязи, онъ же устидѣся отъ насъ брати или не хотя, даде намъ по милости своей, яко на два дны прекормитися. Ми же, взявше оніе сухари, благодарихомъ Творцу нашему, яко чудеснѣ и нечаяннѣ промышляетъ о насъ, и на Того всю свою положихомъ надежду. Да не будемъ же ненавидими всегда въ корабли чрезъ ону непостоянну фортуна морскую, сѣдяще и да въ безмолвіи возможемъ творити обычное свое правило, изійдохомъ далече, яко за полпоприща отстоящій отъ корабля, на единъ малій, зѣло обаче прекрасній холмъ, на немъ же каплица въ имя Святителя Христова Николая, отъ камени созданна, стояше, и образъ его. Въ немъ тамо вселшася, жихомъ, аки пустинници, су-

харами оними, иже даде намъ начальникъ корабля. Въ второкъ же въ вечерь, Марта 30, помишляющимъ намъ, что будемъ ясти, понеже окончавахуся сухари наши. И се абіе, по Божію смотренію, два корабля велика приплювоша, противнимъ загнанны вѣтромъ въ той же загонъ морскій, идѣже и ми бихомъ. Тогда ми пойдомъ къ нимъ просити милостины, и дадоша въ единомъ сухаровъ, въ другомъ же фасолѣ, и возвратихомся паки на онъ островецъ въ каплицу, благодаряще Вседержителя за прѣзрѣніе Его о насъ. И прибывахомъ тамо, ожидающе и просяще отъ Господа благополучнаго пути нашему времени, кормихомъжеся оною фасолію, варящую въ морской водѣ, аще слана и горка бистъ, терпѣхомъ бо Христа ради, понеже не хотѣхомъ просити отъ корабля, да не стужаемъ имъ; пити же отъ моря не могахомъ, но избирахомъ по каменехъ, ходяще верху холма онаго и смотряще, гдѣ би мощно обрѣсти мало воды, отъ роси или отъ дожда когда спадшой, и пихомъ. Удивляхужеся намъ зѣло корабленници, како ми тамо и гдѣ обрѣтахомъ воду и почто не просихомъ у нихъ. Оттуду въ четвертокъ, Апріля 1, предъ захожденіемъ слонца, по Божію смотренію возвѣявшу вѣтру помощну, отплихомъ и изійдохомъ на самую глубину и широту морскую, не видяще ничесоже, кромѣ небеси, воды и своего си корабля, мнится бо, яко уже весь свѣтъ водою затопе. Видѣхомъ верху води вискакующіе и превращающіеся превеликіе риби, иже тамо именуются делфины, си есть свинѣ морскіе, отъ нихъ же величествомъ единъ баше въ долготу, яко пять сажней, или вѣщше, въ толстоту же, аки волъ. Именуютъ же ся свинѣ морскіе того рады, яко все подобіе и натуру имуть такову, яко свинѣ: глава свинная со ушима и пискомъ таковымъже; егда же превращаются, тогда сопуть, или стогнуть, аки свинѣ. Тако

ми широтою и глубиною пловохомъ въ четвертокъ ношцію, пятокъ и субботу до полудны. Таже возшумѣ буря велика и вѣтри непостояннѣе и едва не преврати корабля, и носими бѣхомъ даже до вечера, аможе не хотяхомъ. Тогда возивахомъ къ Богу и къ угоднику Его великому чудотворцу Спиридону, къ нему же грядяху на поклоненіе, да избавимся отъ тревоженія морскаго. Тогда азъ унивахъ сердцемъ и полумертвъ бѣхъ и (прости ми, благій читателю, да истинну реку) не могій стерпѣти диханія и фортуни морской, блевахъ съ болѣзнію трижды, зѣло бо есть трудно небывающему на немъ шествовати моремъ. Сидевимъ наводненіемъ и бурей носими бѣхомъ въ субботу до вечера и чрезъ всю ночь. Завтра же, въ неделю Ѳомину, Апрѣля 4, утишися мало, вѣтромъ же чуждимъ пловахомъ, иже не простѣ, но отъ страны дѣшаше, странный бо, или боковой вѣтръ тамо именуютъ быти чуждымъ. Таже, яко предъ полуднемъ, возвѣя вѣтръ простѣ и благополученъ, имъ же плихомъ чрезъ весь день и чрезъ всю ночь, и въ понеделокъ, и въ вовторокъ, и среду мало рано. Таже возвѣя вѣтръ противенъ, силенъ и шуменъ, иже всячески возбраняше плисти къ граду Корфусу; бистъ же недалече, точію за 20 миль отстоящъ. Ми же множицею сопротивляющеся и не хотяще всячески завратити корабля, егда бо бѣхомъ завратили, понесло било насъ или воспятъ къ Венеціи, или Богъ вѣсть камо, бистъ бо буря велика зѣло. Таже, зашедшу уже слонцу, едва съ веліею нуждою приплихомъ и стахомъ воскрай острова велика, подъ власть Корфуса града належащаго. Тамо вергше котвицу, нощевахомъ. Видѣхомъ же на всемъ томъ островѣ стоящіе прекрасныхъ много горъ, долины, сѣменей, полъ, весей и садовъ маслинныхъ, и удивляхомся, яко Богъ вѣру нашу православную на благой,

мягкой и плодovитой посаждаетъ землѣ: прежде бо въ Италіи, въ Гиппанѣи и въ Ерманѣи егда шествовахомъ, все видѣхомъ гори каменніе, идѣже съ нуждею сѣмена своя всѣвають. Тамо же вси гори мягкіе, ископанны и поораны, и насажденны всякими благи толь прекрасно, яко всякому взирающему на ны, усладити можетъ очеса, мало бо зѣло обрѣтается верху горъ камня, точію внутрь сокровенные. Богъ тако устрои, потреби ради. Сіи же стояху на томъже единомъ островѣ, на немъ же и градъ Корфъ, и биша намъ одесную, ошуюю же недалеко стояху иніе еще болшіе гори и уже належавшіе подъ власть Турецкую, на граници стоящіе, не на островѣ, но на брезѣ земли великой, но уже не таковіе, каменніе бо и великіе на себѣ имутъ снѣзы. И биша намъ гори сюду и сюду, путь же помежду ихъ предлагаше. Тамо на оный островъ къ весемъ зѣло изійти желлахомъ, понеже зѣло гладны бихомъ и не имѣхомъ что ясти, чаяхомъ же тамо милостину къ яствію испросити добру; но понеже бистъ вечеръ и никто же инъ хотя на землю изійти изъ корабля, молчахомъ же и ми и терпѣхомъ Христа ради, ожидающе до утра и чающе на ни челоувѣколюбія Божія. Бояхомъбоя болѣе начальника корабленнаго просити, понеже познавахомъ ему бити насъ омерзѣвшихъ и его криво насъ усматривающее око, того рады, понеже онъ отъ Римской быше вѣри, ми же отъ истинной Греческой православной, того ради они насъ тако любятъ, яко волкъ агнца, зрѣти же насъ тако терпятъ, яко солъ въ очесехъ, и, вѣру ми ими, благій читателю, яко паче жида или турка любятъ: быше бо тамо въ томъже и единомъ съ нами корабли единъ жидовинъ, и разглаголствоваху всегда съ нимъ любезнѣ и даяху ему частѣ ясти отъ хлѣба и пити отъ вина, намъ же никогда же, кромѣ тѣхъ сухаровъ,

ихъ же чрезъ полтора мѣсяца даде намъ властелинь корабля двоицею или третицею, ими же съ единою ихъ растворяюще и ядуще водою, и то съ ошадѣніемъ и воздержаніемъ, кормихомься. И ей истину ти глаголю, благій читателю, яко чрезъ все путешествіе наше нѣгдѣ неслучашеся таковой терпѣти нужды, яко тамо, найпаче въ яденіи. Того ради и всякаго христіанина, Греческую добръ содержащаго вѣру, перестерѣгаю, любве ради Божія и ближняго: аще кому, подобнѣ, якоже и мнѣ, случится гдѣ шествовати по морѣ въ кораблы, или да не идетъ вкупѣ съ Римляны, или да терпитъ поношеніе и всякую нужду Христа ради, или да всегда имать съ собою сребренники, тѣмъ бо многа творять блага человѣкомъ. Аще же кто не послушаетъ моего совѣта, то подобнѣ постраждетъ, якоже и азъ, или горѣе. Но не удивляйся сему, правовѣрной читателю, изначала бо мира никогда въ мирѣ не биеть Церковь Христова, но всегда гонима, иногда отъ идолопоклоникъ, иногда же отъ невѣрныхъ, иногда же отъ еретиковъ и иныхъ враговъ, иногда и отъ своихъ величавихъ и високомудрствующихъ Латиновъ (Богу премилостивому терпящу), но никогдаже ни отъ кого же преодоленна бываетъ, ниже будетъ (чаю и чаяти должны есми отъ Христа Спасителя нашего на ню заступленія), стоитъ бо недвижима, аки гора, красится красотою, аки невѣста, сіяетъ въ семь мирѣ, аки слонце, свѣтя на благія и злыя, пребываетъ тверда, аки адамантъ, процвѣтаетъ яко кринь посредѣ тернія, горитъ всегда непрестаннымъ пламенемъ любве, яже къ Богу, Его же никакимъ видомъ всякіе еретичествующихъ вѣтри угасити не могутъ, но еще паче возжигаютъ, и тѣмъ болшій любве Божія разширается огнь; никогда смущается, всегда веселится, побѣдну воспѣвающе пѣснь. Обаче умолчу прочее (аще

и тисящніе Церквѣ Святой возможно восписати похвалы), да не показуяй буду ясно перстомъ въ полудны слонце, си есть да не возмнюся тебѣ явитися учителемъ, вся добрѣ знающому (се же къ разумнымъ глаголю). Азъ единъ сій скудоумень, къ тому же и младъ, самъ еще учитися и ползоватися желающій. И тако ми при ономъ прекрасномъ вишпереченномъ островѣ пренощевавши, и заутра рано воставши отъ сна, въ четвертокъ, Апрѣля осмага числа, возвѣявшу зѣло малу вѣтру благополучну, извлекохомъ котвицу отъ воды и начахомъ плисти. Но по малѣмъ времени паки воста вѣтръ противенъ, обаче не тако силенъ, яко вчера, корабль же не преставаше отъ плаванія, но якоже можаше сопротивляшеся. Таже сотворися тишина велія и не можаше плисти корабль, ми же печаловахомъ, яко гладны бихомъ и не имѣхомъ отнюдь ничесо ясти. Молюхомъ Владику и Бога, да поне во вечеръ ко граду прибити возможемъ, но никакже, носими бо бѣхомъ сюду и сюду предъ онимъ вѣздомъ, помежду горами, сопротивляющеся вѣтру, но не могохомъ. Еще есть тамъ островецъ малъ, каменный весь, и иніе каменіе во водѣ лежащіе посредѣ пути, и бояхомъ, да не нисетъ и розбіетъ корабля, къ тому же и дождь бистъ. И тако совративше мало отъ пути въ загонъ и вергше котвицу, нощевахомъ, яко за 10 или вящше миль отъ града отстояще. Таже, во пятокъ, Апрѣля 9, зѣло рано, возвѣявшу вѣтру малу, точію помощну, извлекохомъ котвицу отъ води и пустихомъся къ граду, и Божіимъ изволеніемъ приплихомъ о полудны, пдѣже вергше котвицу подъ градомъ, оставихомъ корабль и вещи своя въ немъ, сами же идохомъ внутрь града къ церкви первоначальной святаго великаго угодника Божія и чудотворца Спиридона, въ ней же и мощи его святіе опочиваютъ, желающе ему должное отъ насъ

воздати поклоненіе. Егда же достигохомъ тамо, обрѣтохомъ церковь затворенну, бистъ бо тогда полудне, и ожидахомъ во притворѣ, донелѣже отверзуть врата на вечерню. И се, сидящимъ намъ тамо во притворѣ, снійдопаша ко намъ нѣцїи отъ Грековъ и начаша насъ вопрошати: откуда есми и како къ нимъ придохомъ, и камо грядемъ. Ми же отвѣтсвовахомъ поистиннѣ вся. Таже единъ вопроси насъ о сроднику своему, его же имѣяше на Москвѣ, и рекохомъ ему, како и въ коемъ чину пребываетъ, понеже знаеше его добрѣ сопутественникъ мой, честный отецъ Рувимъ, за что оній грекъ, бивши благодарень за таковое извѣстіе, зва насъ въ домъ свой, недалече отъ церкви святаго Спиридона стоящій, и представивъ намъ трапезу честну, ею же ми удоволившеся, зѣло благодарны бихомъ Господеви и оному человѣку, ибо гладни прїйдохомъ въ градъ, ничесоже ядуще, ничесоже имуще (якоже прежде рѣхъ). Послѣди же тотъ человѣкъ совѣтова намъ ити къ протопопѣ града того, иже такожде близъ церкви живяше, да просимъ у него мѣсто пребыванія и вся потребная намъ, донелѣже пребудемъ въ градѣ. Пришедшимъ же намъ, обрѣтохомъ его спяща и ожидахомъ во притворѣ церковномъ, донелѣже прїйдетъ на вечерню. Таже по вечерни, узрѣхомъся съ нимъ и поклонихомся ему, иже абіе начать насъ вопрошати: откуда и что, и почто прїйшли, и камо грядемъ. Ми же отвѣтсвовахомъ вся, якоже требѣ баше, и абіе даде намъ келію ко престоюнію, таможде при паперти церковной стоящую. Тамо ми, пренесше вещи своя отъ корабля, нощевахомъ. Заутра же, Апрѣля 10, въ субботу, начаша знати насъ мнози людіе и совѣтоваху намъ (якоже тамо обичай есть) да идемъ къ протопопѣ и возьмемъ хартію, си есть указъ, благословящъ просити милостини во градѣ. Ми же сія оставше, первѣе идохомъ въ церковь на

службу Божую, таже, по окончанію литургіи, Богъ, молитвами угодника своего, Святителя Христова Спиридона, посла намъ человѣка блага и зѣло добронравна, нѣкоего честнаго законника, именемъ Аѳанасія, да наставитъ ни во всемъ, иже тогда литургію имѣяше. Той, егда узрѣ, вопросы и увѣда насъ, что есми, абіе же намъ тако христіанскою прилѣпился любовью, яко ни на едину черту не лишился отъ насъ, но абіе тече къ писару протопресвитерскому и сказа ему, яко сіи странніе путницы, отъ странъ Московскихъ грядущіе на поклоненіе святыхъ мѣсть, требуютъ милостини, и абіе безъ всякаго отреченія написа грамоту волную ходити и просити въ градѣ милостини, донелѣже замедлѣти восхощемъ. Возвратившеся оттуду, принесохомъ оную хартію къ протопопѣ, иже подписавши самъ своею рукою имя, и посла зъ нами онаго-жъ вишеписанаго іеромонаха Аѳанасія просити по базару, си есть по всѣхъ купеческихъ коморахъ и торговыхъ аптекахъ, понеже ми не знаяхомъ, камо ходитъ во градѣ, странни суще. Пойдохомъ же, Бога на помощь призвавше и Его угодника, Святителя Христова и чудотворца святаго Спиридона, и; наченше отъ перваго даже до послѣднаго, всѣ ряди коморніе обходяхомъ даже до вечера, и собрахомъ милостиню немалу. (Буди Богу всегда слава за призрѣніе ни грѣшники). Заутра же, въ неделю, по обыкновенію тамошнему, ходихомъ едва не по всѣхъ церквахъ, во время правленія святыхъ литургій, и тогда милостину собрахомъ добру. Таже обизнахомся со людьми и начаша насъ мнози просити ово литургію отправляти, ово святити воду во домахъ своихъ, платяще и творяще намъ милостину. Ми же пребывахомъ въ оной вишпереченной келіи, церкви святаго Спиридона пристоящей, кормящися довольно милостиною оною, юже взирахомъ отъ всещедрой Творца

нашего десниці и отъ православнихъ Греческихъ христіанъ, и ничесоже намъ не бистъ оскудно, точію о единомъ печаловахомъ дозѣла, яко не ускорихомъ прійти на оное время, когда с. чудотворца Спиридона откриваютъ, и не видѣхомъ. Молихомъ же многихъ великородныхъ пановъ, ети-торей церкви и самого протопопи, да соберутъ ключи и покажутъ намъ: понеже суть ключей 4 и всякъ во разныхъ держится рукахъ. Аще же сіе дѣло и трудно есть, понеже никому же не показываютъ, кромѣ уреченаго времени; но понеже любими бихомъ ими, яко отъ странъ Россійскихъ есми, того ради обѣщавшася вси. Таже по нѣколицехъ днехъ, собравши протопопа вся ключи къ себѣ и въ нѣкій день, по святой литургіи, воззавши насъ внутрь олтаря и затвори вся двери; таже поведе насъ на правую страну святаго олтаря, идѣже опочиваютъ мощи Святаго и отверзе всѣ четири замки, имиже заключенъ быше гробъ его, въ немъ же другой еще, отъ камене изсѣченъ, быше, внутрь того еще третья рака, отъ древа кипариса содѣланна, покровъ же отъ таблицы чистой, христалной, ей же мала часть, въ ногахъ Святаго, отверзается, лобизанія рады. Тамо азъ грѣшній сподобихся, купно со честнымъ отцемъ Рувимомъ, спутникомъ моимъ, приложитися ногамъ Святаго, и видѣхомъ сквозѣ оную таблицу всего его до наименьшей вещи, со одеждою, на главѣ своей имѣеть подкапокъ и клобукъ, яже еще въ житіи своемъ носаше, и одѣянъ въ сакошь старинній, крестами истканній, ноги же оболченни въ мягкіе зѣло сандалія; во всемъ нетлѣнень, тѣломъ и одеждою, опочиваетъ, аки живій. Еще же протопопа самъ подіймоваше ризи Святаго, и показоваше голени его, и лобизахомъ и видѣхомъ тѣло его бѣло и чисто, и мацахомъ, и мягко, аки живое. И повѣда намъ самъ протопопа, яко все таковое тѣло, токмо тварь и рука лѣва

черни суть, правой же нѣсть и не вѣдають гдѣ, тако бо и въ Їорфусъ прійде. Попрошахъ же азъ, чесо ради тварь и рука черна суть. Отвѣствова ми, яко прежними временами не бѣше тако затворень, яко нинѣ, но стояше на ногахъ въ рацѣ своей, поставлень между намѣстными образами въ церкви, и приношаху людѣ ладанъ, смирну и ливанъ и вжигаху, аки предъ образомъ, свѣщи и лампади, и тако отъ непрестаннаго, деннаго и нощнаго, куренія и паленія лампадъ горѣнія учернися тварь и рука. Видящи убо начальници непочестъ такую, отъ того часа затвориша и не откриваютъ болѣе, токмо дважди или трижди въ годъ. Слышахъ же сѣце: яко егда откріють, взимають его со ракою, священники, облекшеся въ еелоны, творять процессію, обходяще стогни града и носяще его, аки живаго, стоящаго на своихъ ногахъ; таже, по окончаніи процессіи, паки вносятъ въ церковь и поставляютъ со ракою стояща между намѣстными образами, лобизанія ради народа, и биваетъ отворень 7 или 8 днѣй. По окончаніи же времени, паки полагають внутрь гроба, по правой странѣ олтаря стояща, и затворяють четирма замками, и разбирають начальници кійждо себѣ свой ключъ врученній. Первій ключъ держитъ губернаторъ града, вторій судія, третій протопопа, четвертій намѣстникъ его. Се ми получивше, благодарихомъ Бога всемогущаго, яко по желанію нашему намъ устрои, моляще, да и прочія святія сподобитъ посѣтити мѣста. Видѣхомъ еще тамо, въ другой церкви, иніе нетлѣннѣе мощи святой праведной Теодоры царицы, отъ нея же зѣло великое исходитъ благоуханіе. Тамо ми не точію внутрь града, но и внѣ ходихомъ просити милостины, всю лѣпоту и строеніе града разсматривающе. Градъ Їорфусъ есть зѣло изрядень, не тако лѣпотою и строеніемъ, яко насажденіемъ великимъ

надъ водою, подъ горами; великъ, на многи части раздѣленъ, многи высокія и крѣпкія каменнія ограды въ себѣ содержащій, со многими арматѣ, пушки; еще же и тогда новія фортеци созидаху; вездѣ пресловутій, ово ветхостію и заложениемъ еще при великомъ царѣ Константинѣ, ово мощми святаго Спиридона и праведной Теодоры царѣцѣ, ово же изобиліемъ и благоплодіемъ вина, оливи и прочіихъ вещей. Церквей благочестивихъ имать много, яко пятьдесятъ, со монастырми, обаче нѣ суть лѣпи отъвнѣ, точію отъвнутри; внутри бо имѣють прекрасное иконописаніе и строеніе лампадное, отъвнѣ же нѣ суть, аки въ нашей Россіи, церкви со главами и дивнымъ расположеніемъ угловъ, но аки простіе хати. Еще суть и Италіанскихъ костеловъ много, обаче тамо Италѣане нѣ суть тако противніе, яко въ иннихъ странахъ, ибо понеже болшее многолюдствіе и болшая власть Греческая есть, того ради, слишахъ, яко и отъ Папи Римскаго, лучшей ради згоды, имѣють позволеніе закупъ свята великіе празновати, якоже и празднують. Тамо ми отпѣхомъ литургій единадесять, по прошенію людій, жихомъ же, буди благодареніе Богу и чудотворцу святому Спиридону, въ градѣ томъ мѣсяцъ цѣлій. Таже обрѣтше корабль, плывущій въ Кефалонѣю, молихомъ начальника корабля, да возметъ ни со собою, поклоненія ради святыхъ мощей преподобнаго Герасима, о немъ же слисашомъ еще прежде, яко тамо опочиваетъ, и абіе взять насъ безъ отреченія. Всѣдохомъ же въ корабль въ субботу, Мая 8, и отплихомъ на ночь, приспѣхомъ ко Кефалонѣи (Божіимъ изволеніемъ) въ понедѣлокъ на ночь, Мая 10, и тогда не успѣхомъ внѣйти во градъ, но ношевахомъ внѣ града на брезѣ. Таже завтра въ второкъ, Мая 11, рано, оставшися на брезѣ со вещми учитель мой, честній отецъ Рувимъ, посла мя ко про-

*

топопѣ, прошенія ради мѣста къ престоюнію. Къ нему же егда азъ пришедь, пріять мя любезнѣ, понеже челоуѣкъ благъ и добронравень есть, къ тому же и знающе мало разглагоуствовати Московскимъ нарѣчіемъ, иже егда увѣда о насъ, абіе повелѣ принестися намъ со всѣмъ въ домъ свой. Совратихъ же ся азъ паки на брегъ и наявше ладію, привезохомъ вещи своя и пренесохомся въ домъ онаго протопопи. Тамо мнози снѣдошася, о многихъ насъ вещехъ вопрошающе, и замедлѣхомъ даже до полудне и снѣдохомъ трапезу, представленну отъ протопопы. Таже просихомъ, да покажетъ намъ путь ко святому Герасиму, бѣ бо внѣ града далече отстоящъ, въ единомъ монастырѣ, и превезохомся со протопопоу на другую страну воды 4 милъ, къ второму граду, именуемому *Аргостолъ*, первій же именовашеся *Ликсури*. Кефалонѣя бо есть разсѣянная на многи части, со монастыри и весми, но кромѣ того на началнѣйшіе части 3 раздѣляется, якоже прежде рѣхъ:—первая часть именуется *Лѣксури*, вторая *Аргостолъ*, тамо пребываетъ губернаторъ, третья фортеця, високо на горѣ стоящая, идѣже обитаетъ проведиторъ, еще началнѣйшій отъ губернатора, иже всею обладаетъ Кефалонѣею. О красотѣ ея послѣди реку, егда расмотрю лучше. Тогда ми воспросившеся о пути, пойдохомъ по землѣ отъ града *Аргостолъ* чрезъ великіе горы и зѣло високіе ко монастырю дѣвичому, за 10 милъ отъ града отстоящому, идѣже мощи опочиваютъ преподобнаго Герасима. Тамо придохомъ въ второкъ на ношъ, зѣло позно, идѣже абіе внідохомъ въ церковь и обрѣтохомъ ¹ еще игумена, правящаго повечеріе. По окончаніи молитовъ, поклонившися гробу Святаго, званни бихомъ игуменомъ въ це-

¹ Здѣсь въ Уваровскомъ спискѣ прерывается собственноручная рукопись Барскаго.

лію, иже вопросивши и увѣдавши, кто и откуда есми, и почто прійдохомъ къ нимъ, представи намъ вечеру вкратцѣ и даде намъ мѣсто къ пренощеванію. Тамо ми обычное свое сотворши моленіе и благодареніе Богови воздавши, уснухомъ крѣпко по трудѣхъ. Заутра же въ Среду, Мая 13-го, воставши отъ сна о отчетши обычное правило, молихомъ, да покажутъ намъ мощи святаго угодника Божія, и абіе инокиня едина, яже держаше врученній себѣ ключъ отъ раки Преподобнаго, безъ всякаго прекословія отверзе. Тогда должное сотворши поклоненіе, лобизахомъ въ лѣвую руку мощи его святія, яже открывается въ знаменіе народа. Видѣхомъ же его во всемъ цѣла лежащаго и слипахомъ благоуханіе веліе, и даде намъ она законница маленкую частицу отъ ряси его, въ ней же оболчень лежитъ; чудеса-же многіе, не точію изъ мощей, но и отъ образа творима бывають. Тамо ми, по прошенію инокинѣ, отпѣвши службу Божію и представленній отъ нихъ въ игуменской цѣли снѣвше обѣдъ, вопросихомъ о Святомъ, откуда бысть родомъ и како спасесе?—Отвѣща намъ, яко сей преподобній Герасимъ не тотъ, иже пребысть на Іордани, но родомъ бяше отъ земли Морейской. Послѣдній Святый бысть же путешествуя многа лѣта, посѣщая Святія мѣста. Таже Божіимъ изволеніемъ приплывъ въ Кефалонію и обрѣте оній монастырь зѣло малъ, точію едину церковь и при ней нѣколико инокинѣ, вселися тамо, сотворися строителемъ и наставникомъ, разшири и устрои обитель красну, и многія къ пути спасенному приведъ, препочи о Господѣ въ лѣто 1425, и отъ того часа тамо и доселѣ наставникъ инокинямъ или игуменъ поставляется старъ, служенія ради и правленія чину церковнаго; власти же надъ ними никакой не имать, кромѣ духовной, и кормится монастыр-

скимъ хлѣбомъ. Се ми услишавши и увѣдавши, благодарихомъ Бога, какъ сподобляетъ ни толь преславна и свята знати зрѣти и касатися имъ. Оттуду, по трапезѣ, Богу благодареніе воздавши и Его святому угоднику, преподобному Герасиму, и идохомъ, не хотѣще болше промедлѣти, помраченнима бо тамо на насъ взираху очима. Бысть же недалече вторій монастырь дѣвичій, яко за три поприща отстоящъ отъ перваго, и соизволися намъ посѣтити его. Тамо егда прійдохомъ, еще паче не пріяты бѣхомъ: не точію не просиша насъ пошевати, но ниже сидѣти, ниже хлѣба дадоша снѣсти, одинаго точію кваснаго питія, и то, егда сами испросихомъ, води хладной изнесоша, понеже жаждахомъ, упалу ради солнечнаго и горячести. Таже поклонившися въ церквѣ и приложившися святымъ иконамъ, пзійдохомъ внѣ монастыря, и сѣдше подъ оградю каменною, многая съ собою бесѣдующе и соравняюще своя монастыри Россійскіе съ сими, како сторицею суть краснѣйшіе и богатшіе и во всемъ милостивѣйшіе. Таже препочивши яко полчаса, пойдохомъ въспятъ къ граду Аргостолѣ, не хотѣще возвратитися къ протопопѣ, но умислихомъ нѣкое время замедлѣти въ Аргостолѣ. Таже возвратихомся къ первому. Даль же намъ тамо господу зѣло красну единъ священникъ, именуемій папа; сія да по залецѣнію одинаго знатнаго челоуѣка отъ Корфуса, въ листѣ писанномъ, и жихомъ тамо седмицу едину. Отпѣхомъ же службу Божию и собрахомъ милостиню, аще и малу, буды благодареніе Богу. Таже соизволися намъ еще пойти къ крѣпости, си есть къ замку, надѣющееся тамо нѣкую получить милостиню. Тамо егда прійдохомъ, Мая 19, въ Вовторокъ, пополудни, никто же намъ не изъявися пріятель, никто же ни малѣйшой не даде милостини, токмо ходихомъ къ прово-

дитору, Римской вѣри сущему, иже обладаетъ всею Кефалонією, той точію единъ пріять насъ, напои, накорми и милостиню даде; и тако ми абіе того же часа отъѣдохомъ оттуду. Пойдохомъ же, слонцу заходящу, къ единому дѣвичому монастыру, въ немъ же слышахомъ быти часть мощей святаго Апостола Андрея Первозваннаго, еже и сотворихомъ, и тамо отъ разглаголствія непочестныхъ и лукавихъ людей уразумѣхомъ, яко не благоволятъ о насъ, обаче уже не хотѣхомъ возвращатися къ граду, понеже ночь приближися, и обнощевахомъ тамо, снѣдше вечеру предъставленну. Заутра же, воставши рано, по утренни, начахъ азъ просити игуменіи о одежду, понеже ветху и раздранну имѣхомъ на себѣ, и абіе жестокими отрече словеси; ми же видѣхомъ, яко не обрѣтохомъ милостивыхъ людей, поклонившися оной вишшеписанной частіи мощей святаго Первозваннаго Андрея, отъѣдохомъ воскорѣ. Видѣхомъ недалече второй монастырь стоящъ, но уже сами не хотѣхомъ, разсмотрѣвше монастырскую на путниковъ честь и страннолюбіе, текохомъ же скоро къ граду Аргостолѣ, идѣже имѣхомъ ¹ ити, ниже озирающеся воспятъ, поминающе оніе самага Христа Спасителя словеса: „Идѣже аще не пріймутъ вы, ниже послушаютъ ви, исходяще оттуду и прахъ отъ ногъ оттрясите, во свидѣтельство имъ“. И тако возвратихомся оттуду воскорѣ паки ко градѣ Аргостолѣ и пребивахомъ тамо еще нѣколико днѣй, ово литургисающе, ово же водосвятіе творяще въ домахъ, по прошенію народа, и оттуду взимающе милостини и кормящися, овогда же и на инну страну превозихомся ко граду, именуемому Лѣксури, но малу милостиню взимахомъ отъ народа, вси бо отмовляхуся, яко нужни суть, и глаголаху мнози, яко не во

¹ келію. М.

время прїйдохомъ, понеже еще точію начинаху растѣти плоди; слышахомъ бо еще прежде, яко аще би прїйдохомъ мѣсяца Августа, егда собирають плоди овощніе, то би зѣло многу обрѣли милостиню, ибо дають плодовъ сирихъ и сухихъ много, ихъ же отнюдь невозможно снѣсти, но продавати и денги собирать, тако бо тамо живутъ нищїи; плоди же суть розинки маліе, иже тамо именуются ува, то есть увараса, языкомъ Венецкимъ или Италіанскимъ, си есть ягода сухая; родится же изобиліе великое, токмо не по вся годи. Кефалонїя нѣсть красна иждивеніемъ (кромѣ фортеціи), есть же островъ великъ, многочисленъ и многолюденъ, изобилень въ вино, хлѣбъ и овощи, людей имать много угодныхъ¹, но немного милостивыхъ, идѣже мало отъ посполитаго народа воспрїяхомъ милостини и токмо отъ единого значаго пана, именуемаго Анастасїя Корафи, милостиню взяхомъ добръ (Господи его спаси), многихъ надѣляетъ нищихъ, якоже видѣхомъ и слышахомъ. За медлѣхомъ же въ Кефалонїи мѣсяцъ цѣлїй. Іюня же четвертаго, въ Пятокъ, предъ захожденіемъ слонца, наявше за мзду кораблець малъ, пустихомъся въ Закинѣ островъ, понеже недалече отстояше, пловохомъ же день и ношь неблагополучно ради вѣтра и достигахомъ тамо въ Суботу по захожденїи слонца; пловуше, оставихомъ Кафалонѣю создаи, одесную же недалече, яко за четиридесять миль, видѣхомъ брегъ морскїй, землю велику, именуемую Морейя, яже уже не подъ Венецкую, но подъ Турецкую належаше власть. Но понеже запомнѣхъ тебѣ, любезнїй читателю, начертати: наченше отъ Венеціи даже до Закинѣа разстоянїя миль мѣста отъ мѣста на морѣ отстоящаго zde полагаю, яко прежде отъ Венеціи

¹ учонихъ. Ув. М. К.

къ Корфу шествовахомъ милъ 700, отъ Корфу же до Кефалоніи милъ 150, отъ Кефалоніи до Закинеа 50. Пришедше мы тамо въ Закинѣъ, идохомъ первіе къ протопопѣ (по обычаю тамошнему), просити мѣста престоянiя и благословеніе просити милостинѣ въ градѣ; онъ же безъ всякаго отреченiя даде намъ господу и обѣща написати хартію, еже бистъ тако; обаче мало ми въ ономъ пребывахомъ дому, понеже непокоенъ намъ быстъ, паче моему старцу, яко всегда людiе приходяху разглаголствовати и не даяху ниже правила чести, ниже инная потребная творити. И тако ми внѣ града избобрѣтохомъ единъ монастирець невеликъ, подѣ Синайскимъ инокомъ подчиненъ, обаче зѣло прекраснiй и спокоенъ, уединенъ же, отстоящъ отъ града яко за полмилѣ; тамо точію единъ съ послушникомъ игуменъ пребиваетъ. Тамо умислихомъ жити, по совѣту многихъ, даже до мѣсяца Септеврiя 1, да обрѣтемъ корабль безъ мзды даже до Царя-Граду, понеже въ Септеврiи тамо пребиваютъ различніе кораблѣ отъ различныхъ странъ, купленiя ради малыхъ розинковъ, яко тамо родится многое множество и въ Кефалоніи; такожде, второе, умислихомъ ожидать даже до Септеврiя того ради, да добрѣ воспріймемъ вѣсть о мирѣ Турка съ Россією, понеже слышахомъ еще въ Венеціи, Марта 1, въ Корфу и на инѣхъ мѣстѣхъ многихъ, яко благочестивiй нашъ Монарха, Императоръ Московскiй, Петръ Алексѣевичъ, по многотрудномъ и преславномъ своемъ житiи, препочи въ мирѣ лѣта Господня отъ Рождества Христова 1725, по смерти же его вся премѣнишася, того ради всячески намъ людiе претяху, да не како дерзаемъ ити въ страну Турецкую, аще нѣсть мира, да не подпадемъ въ неволю бесурману нечестивому. Тако мы тамо живуще разсмо-

трѣхомъ всю лѣпоту, чинъ и обикновеніе и многія иннія вещи, яже обрѣтаются во всемъ Закинѣскомъ островѣ: 1) зѣло многоплодень есть въ 'маліе розинки и въ вино такожде; 2) премного Греческихъ церковь и людій въ себѣ содержитъ; 3) пристанище есть различнымъ кораблямъ; 4) многіе различніе чудотворніе имѣть иконы; 5) много имать великородныхъ людій; 6) градъ имать красенъ строеніемъ, на брезѣ морскомъ, фортецію високо на горѣ такожде крѣпцѣ и добрѣ устроенну; 7) трясеніе земли часто биваетъ, трижди или четирижди въ мѣсяцъ; еще слишахомъ отъ людей тамо, яко 1723 года бяше тамо всюду чрезъ многи дни толъ великое трясеніе, яко многіе доми каменніе упадоша, мнози же разсѣдошася, еже азъ слисахъ ужасохся и много почудившися разсуждахъ: или стихій ради, или грѣховъ ради человѣческихъ то творимое бити; тамо обрѣтается источникъ дегтя, отъ земли текущъ; 8) многое имать изобиліе ¹; 9) чудесное, яко смокви тамо не на всякъ годъ одинако родятся: въ то бо время, егда начинаютъ дозрѣвати, аще вѣтри бывають полуденніе, суть сладки, аще пополудніе или полунощніе, не имуть вкуса добра; 10) протопощъ тамо поставляется отъ мирскихъ, а не отъ духовныхъ соизволенія (кое при насъ случися); дается же ему съ позволеніемъ Принципа Венетійскаго все одѣяніе червоное, си есть капеляшъ, подкапокъ, сутана и реверенда, зъ толъ широкими рукавами, яко воскрилія землѣ касается, и лѣска слоніова, толъ висотою, яко же и онъ; обаче токмо на пять годъ поставляется, по пяти же лѣтехъ паки инній, тотъ же биваетъ простій попъ, якоже и прежде; сіе мнѣ не возлюбися, не вѣмъ, како тебѣ, любезній читателю. Додѣ о семь, понеже нѣсть что

¹ вст. отъ маслинъ и оливы. Ув. М. К.

слишати. Тамо азъ, въ ономъ вишшеписанномъ монастирѣ живушій, многую пакость претерпѣхомъ отъ христоненавистнаго врага діавола, найпаче же мѣсяця Іюня, возбуждаша мя къ многимъ сквернымъ мислямъ и дѣломъ; азъ же разумѣвъ бити оную ненависть за посѣщеніе святыхъ мѣстъ, и молихъ Владику и Творца моего, да мя избавить отъ него, въ скорбѣ же оной таково сложихъ

Утѣшеніе

грѣшной и окаянной душѣ моей, изображающее имя мое и прозваніе мое въ началнихъ лѣтерахъ, подобень: Ахъ, зрадлива юность.

Востани, о душе, востани, что спиши,
 Грѣхами помраченна, 2, почто не радиши?
 Ахъ, время не вѣси, въ онъ же и съ тѣломъ тебѣ
 Разійтися весма 2, съ нуждою требѣ.
 Съ каковымъ отвѣтомъ прійдеши предъ Бога,
 Истиннаго судію, 2, сотворши зла многа.
 Иже всю жизнь твою начнетъ истязати.
 Горѣ тебѣ, яко 2, нѣсть, что отвѣщати.
 Лютѣ страждати будеши на вѣки,
 Окаянна еси, 2, между человѣки.
 Имаши молитвами ¹, но гдѣ ти помощнаго
 Рука можетъ быти, 2, оставится тошна
 Будеши кровными слезами ридати,
 Обаче не поможетъ, 2, ни отецъ, ни мати,
 Аще не сама ти разсудишь, что треба,
 Въ тѣлѣ еще сущи, 2, да вступишь неба.
 Ридай здѣ за грѣхи, еще прежде смерти,
 И тако можеши, 2, калѣ грѣховъ отерти,

¹ молвити. Ув. М. К.

Смерть бо грѣшнымъ люта, всякъ то можетъ знати.

Чисту душу вяхомъ, 2, чисту требѣ дати.

Кто же очиститъ ю, аще не перстъ Бога,

Иже сотвори, 2, Онъ надежда многа.

Сію псалму со вниманіемъ поющи и Бога на помощь призываючи, свободихся отъ искушеній діавольскихъ. Пребивахомъ же въ ономъ вишпереченномъ монастирѣ всегда, мало въ градъ ходящи (кромѣ нужной потреби), токмо въ недѣлю, прошенія ради милостини, ходящи по церквамъ, якоже есть тамо обичай. Имѣхомъ же тамо ожидать даже до Септеврѣя, по совѣту нѣкихъ тамошнихъ людій, понеже въ мѣсяцѣ Августѣ тамо собирають плоды отъ малихъ розинковъ, ихъ же тамо много родятся и отъ нихъ же странніе и убогіе великую собирають милостиню; мы же, понеже случися намъ корабль, иже пловяше въ страни Греческіе и Турецкіе, и еще къ тому корабелници насъ Христа ради взяти хотяху, ибо вси бяху Греки, истинніе хрістіане, аще и подъ властію Турецкою живяху. Сего ради оставихомъ вси инніе разніе мысли, вяхомъ едину, идѣже все намѣреніе наше бысть, и Единого Наставника и Управителя путешествію нашему имущи Господа, укораблехомся ¹, аще и различнѣ намъ разглаголствоваху о Туркахъ, немилосердію и великоѣ ихъ дани, на которое поплашеніе ниже десятой части не имѣхомъ денегъ, и шедше, уповающе на Бога, въ онъ же день имѣяше отплисти корабль, въ церковь святаго Діонисія, архіепископа Енигенскаго, поклонихомся его святимъ мощамъ, яже тамо во градѣ Закинеѣ опочивають (слишахомъ же еще инніе тамо бити мощи нѣкогого праведнаго Іоанна, иже бысть отъ тамошнихъ жителей, спасесе обаче, понеже недалече отстоя тамо), и

¹ *ест.* безъ всякаго сумнѣнія. Ув. М. К.

призвавше на помощь Бога и Его угодника святаго Діонисія, отплихомъ мѣсяца Іюля 21 въ четвертокъ¹. Отпливше же отъ града Закинеа за пятьдесятъ миль, видѣхомъ островъ невеликъ и прекрасень и на немъ устроенніе мури, и спросихъ пловцовъ: что есть? и рече: яко на ономъ островѣ есть единъ точію монастырь, обаче великъ и богатъ зѣло, въ немъже оній випшеченній Діонисій еще монашеское провождаше житіе и успе, погребесе тамо, таже принесень бистъ во градъ Закинеъ, ради озлобленія и глумленія Турковъ и разбойниковъ морскихъ, иже (якоже слышашъ) единожды набѣгоша на монастырь, разграбиша все злато и серебро церковное и всю утварь, и еще же нечестивіи бесурмане, не удоволишася тѣмъ, руцѣ отъ честныхъ мощей святаго Діонисія (Господу тако, грѣхъ ради нашихъ, попускающе) отрѣзаша и въ инной странѣ² продадоша; и тако отъ того часа оградю каменною крѣпко оній монастырь оградилша, честніе же мощи угодника Божія принесоша въ островъ Закинеъ, иже и доселѣ прославляется чудеси. Еще пловуще Бѣлимъ моремъ, си есть Архипелагомъ, видѣхомъ инныхъ много острововъ, яко двадесять или вящше, недалече единъ отъ другаго отстоящихъ, и на нихъ людій живущихъ, и спросихъ пловцовъ: что суть оніе острови и колико ихъ, и кто ими обладает? Рече же мнѣ единъ старъ и благоразумень пловецъ, иже обходи вся страни земля и вѣсть всякъ, и глагола ми: яко оніе острови вси потопишася³ въ потоппъ Ноевомъ отъ великаго колебанія воднаго, еже возмиси всю землю, приносяще отъ единаго мѣста на другое, и сотвори на горахъ долини и на долинахъ гори, на нихъ же прежде, въ ветхіе времена, идолопоклонники

¹ 21 Іюля было въ Середу. — ² Христіаномъ. Ув. М. К. — ³ сотворилася. Ув. М. К.

живяху, таже населишася христіане, иже повсюду, сокрушивше капища идолю, сотвори церкви святія и живутъ доселѣ, Богу ихъ снабдѣвающу, аще и во области Турецкой. Онъ сиче баснословяше, азъ же въ сердци смѣяхся и чудяхся простотѣ его. Вопросихъ же, колико суть острововъ всѣхъ морскихъ, и рече мнѣ, яко всѣхъ безъ числа суть, понеже мнози суть пуси и безлюдни; тихъ же, на нихъ же Греки обитають, христіане православніи, суть много, отъ нихъ же мало число начертавши здѣ, читателейъ моему, извѣщенія ради, коль много повсюду христіанъ процвѣтаетъ вѣра, предлагаю.

Реестръ острововъ морскихъ.

На нихъ же живутъ христіане подъ властію Турка: Спесія, Идра, Егино, Колури, Зія, Өермія, Серфо, Сифанто, Кумило ¹, Мѣло, Поликандро, Сикино, Сира, Егрипо, Андротино, Мѣхоно, Аксія, Порось, Антипарисъ, Кассандрія, Скіафо, Скопело, Келидронъ, Скиро, Агѣонъ, Оросъ, Набо ², Мимбо ³, Самофраки, Имбро, Тенедо, Москонѣсъ, Метелинь, Псара, Хіо, Некарія, Само, Патино, Лерь, Калимно, Станкіо, Нисиро, Пископи, Каришь, Симо, Родо, Кашероло, Корпато, Касо, Кроніо ⁴, Сантурини, Астипаля, Аналфи, Критъ, Кипръ. Еще же кромѣ тѣхъ, царствъ всякихъ и градовъ, недалече тамо отстоящихъ, много, яко то: Македонія, Троя, Анатолія, царство Аммарейское, царство Коринфское и прочая инная, еже слышашъ, безъ числа, оставляю, да не явлюся непріятень писателей ⁵ и слышателей. Возвращаюся паки къ описанію простаго путешествія. И тако ми отъ вишпереченнаго пресловутаго оноу града За-

¹ Кимуло. Ув. М. — ² Өззш. М. — ³ Лимно. Ув. М. — ⁴ Кростп, Ніо. Ув. М. К. — ⁵ читателей. Ув. М. К. —

кинфа преплихомъ за осмь дній триста миль къ инному острову невелику, уже Туркомъ обладаемому, на немъ же стоитъ малое мѣстечко, именуемое Миконо. Тамо мы доспѣхомъ въ Четвертокъ, Іюля 28¹, бояхомъ жеся псперва изійти изъ корабля на землю, да не сотворятъ намъ нѣкую пакость, безсурмане, слышахомъ бо отъ многихъ, яко аще не иматъ мира зъ Россією, сотворитъ ви неволники; обаче на Господа положивше надежду, идохомъ смѣло, турчинъ же насъ ни о чемъ же вопросы, и благодарихомъ Бога. Замедлѣхомъ же тамо 4 дни, даже до Августа, и сотворихомъ едину службу Божую въ первоначальной церквѣ, и снїдесе народъ слишати и сотвориша намъ милостиню добру (Господи ихъ спаси). Оттуду имѣхомъ намѣреніе пуститися въ святую гору Аеонскую, но совѣтоваху намъ тамо ити къ граду, именуемому Хіо, на островъ знаменитомъ стоящому, лучшаго ради совѣта и путешествія, понеже тамо пристанище есть всѣмъ кораблемъ и вскорѣ можемъ обрѣсти оказію, аможе кто хоцетъ; ми же послушахомъ онаго благого совѣта (Богу насъ наставляющу и хранящу отъ всѣхъ нуждъ) и отплихомъ во Вторникъ Августа 3. Приплихомъ же тогожде числа, о третьей годинѣ на ночь, недалече бо отстояше, точію 100 миль, еще же къ тому и вѣтръ баше благополучень зѣло, и нощевахомъ тогда внѣ града. Утро же въ Среду, возсіявшу слонцу, Августа 4, усумнѣвахомся исъ корабля ити во градъ, по заплащенія ради турецкихъ гарачевъ, понеже оскудни быхомъ; таже, уповающе на Бога, пойдохомъ смѣло, и абіе вопросы насъ турецкій досмотрщикъ, чрезъ толмача, по греческу, откуда есми и почто прїйдохомъ тамо и камо градемо? Азь же, понеже изучихься мало-

¹ 28 Іюля было въ Середу.

Греческаго языка, даде отвѣтъ, якоже мя Богъ настави, за себе и за старца своего, понеже онъ не знаеше никаковаго языка, кромѣ Русскаго. Таже онъ бѣсурманъ вопросы патентовъ «Россійскихъ», ми же не имѣхомъ, токмо нѣкіе патента Рускіе отъ монастырей и показовахомъ ему оніе, яже видѣхъ, посмотривъ своими очима скверними сѣмо и овамо, даде воспятъ и рече, да идемъ, аможе хоцѣмъ; ми же благодареніе Богу воздахомъ за Его призрѣніе надъ нами, яко умягти сердце нечестиваго, иже не токмо отъ насъ не взялъ дани, но ниже жестоко глаголаше. Слышахомъ же воскорѣ отъ людій, яко тамо въ ономъ градѣ стоитъ Хризанфъ патріарха Іерусалимскій премудрій, иже пришель просити милостины на откупленіе Гроба Христова, и удивихомся зѣло толъ великому его смиренію, яко самъ труждается, бивши толъ великая персона, и текохомъ вскорѣ къ нему, желающе получитьи благословеніе и весь совѣтъ. Егда же тамо прійдохомъ, узрѣша насъ первіе послушники его и вопросиша, откуда и почто прійдохомъ тамо, отвѣтствовахомъ, яко странніе путници есми отъ царства Россійскаго и желаемъ отъ его святѣйшаго пастира благословеніе получитьи; и абіе тѣжде возвѣстиша ему, и повелѣ призвати насъ въ полати, и прійдохомъ и поклонилися ему до лица земли, лобизахомъ честную и святую его руку. Таже вопросы насъ, кѣмъ языкомъ можемъ лучше разглаголствовати съ нимъ, кромѣ Русскаго, понеже онъ не знаеше, кромѣ же того бистъ премудръ и ученъ добрѣ во многихъ иннихъ языкахъ, азъ же отвѣтствовахъ, яко Латински могу добрѣ разглаголствовати, понеже учися, и вопрошаше насъ о мнозѣ, гдѣ путешествовахомъ и камо грядемъ и прочая. Таже ми его вопрошахомъ, аще свободно есть ити къ Іерусалиму и колико отсюду требѣ ити, и колико должно

ХРИСАНΘЪ

Патріархъ Святаго града Іерусалима и всея Палестины

1707—1731 г.

виплатити денегъ, аще кто хочеть вси Святїи мѣста тамо видѣти, и рече намъ, яко аще бы хотѣль кто и найхуждше обойтися, нужно требѣ есть сто левовъ; ми же рекохомъ поистиннѣ, яко не имами, владико святїй, ниже третїй части; онъ же рече, яко ниже помишляйте, понеже никакимъ невозможно пройти образомъ безъ денегъ; и тако намъ превратипаша мисли, и благодарихомъ Бога, яко даде намъ предосторогу. Хіо есть градъ преславнїй и прекраснїй строенїемъ; сѣдитъ на островѣ, подъ горами великими, надъ водою морскою; веселїй расположенїемъ улицъ и лѣпи строенїемъ домовъ, имущїй въ себѣ премного народа богатаго и славнаго; изобилєнъ въ хлѣбъ, вино и различнїя овощи и всякія вещи; имать въ себѣ четвероличнихъ вѣрь людїй: Турковъ, Грековъ, Римлянъ и Жидовъ; первїе Турковъ, понеже вся власть ихъ тамо, христїановъ же за ничтоже вмѣняють; градъ онїй есть тамо всюду пресловутїй, понеже есть пристанище различнимъ кораблемъ, отъ Цариграда недалече отстоятъ, отъ Аеонской же гори еще ближе, тамо множество Греческихъ церковь, прекраснихъ строенїемъ и лѣпотою, суть же и мощей части въ единой церквѣ святїа мученици Матрони, имъ же мы кланяхомся; есть же еще недалече монастырь, яко за шесть миль отъ града отстоящїй, великїй и богатїй и строенїемъ красєнъ, тамо мы ходихомъ посѣщати и видѣхомъ церковь лѣпотну зѣло, яже вся внутрь иконописана мусїєю, аки злато блестящее до половины насажденни царскїе врата ¹, свѣщники, маргиритною кожею (си есть перловою матицею) хитростнѣ упещренни и насажденнїе, звоновъ не имѣють Турка ради, внѣ града на мори двѣ стражники каменнїе, въ нихъ же чрезъ всю ночь

¹ иконостаси. Ув. М. К.

свѣтитя; тамо иноки показоваху намъ зѣло ветхіе, старинніе книги Святыхъ Отець, на паргаменѣ рукописанніе лѣпо, есть же тамо чудотворній образъ Пресвятія Владичици нашей Богородици, зѣло ветхій, его же ради явленія тамо внутрь ¹ созданъ ² коштомъ и стараніемъ еще ктитормъ Царя Константина Мономаха, року отъ Рожденія Христова 1001; братіи есть за двѣстѣ, якоже слышахомъ; еще внутрь церкви видѣхомъ двѣ свѣщи толь превеликіе, яко бервено, деревяніе, чудесь ради отъ великороднихъ и богатихъ купцовъ на оферу Богородицы сотворенніе, ихъ же никогда не вжнгають, но стоятъ обетшаніе и учерненніе даже доселѣ; игумену, вмѣсто лѣски, данна есть отъ ветхихъ временъ патеріца, драгими каменъми упещренна, и мантия съ псточники; таможе дадоша намъ, яко страннымъ, хлѣба, маслинъ и вина, еже снѣвши во славу Божию и возблагодаривше отидохомъ. Вся намъ тамо годѣ бысть видѣти, точію то непріятно, яко тамо Туркы приходятъ и многія пакости иконамъ маліованнымъ творять въ притворѣ церковномъ, ово очи, ово носъ, ово чело избодаютъ. Тамо мы съ спутникомъ честнымъ Рувимомъ что сотворимъ? Сотворивше совѣтъ, яко не можемъ пойти къ Іерусалиму, убожества ради нашего, и умислихомъ премѣдлѣвши нѣкій часъ; донелѣже обрѣтемъ корабль, пуститися въ Аѳонскую гору, его честность пребиванія ради ³, азъ же точію поклоненія ради святыхъ мѣсть, и отгуду имѣхомъ возвратитися въ отечество. Обаче не тако, яко человекъ, но яко Богъ хощетъ, тако устрояетъ добръ бо воистинну, аще и въ Латинскомъ нарѣчїи присловіе повѣствуєтъ: „Homo proponit et Deus disponit“, си есть: человекъ полагаетъ, Богъ распола-

¹ *вст.* и монастырь. Ув. М. Е. — ² создася. Ув. М. Е. — ³ *вст.* во вся дни живота своего. Ув. М.

гаеть; зри бо что случися. Уже бо намь обрѣтшимь корабль и имущимь за три дни отъехати, ходихомь къ патріархѣ, должную ему, яко пастиру своему, воздати честь и остатнее поклоненіе, иже даде намь нѣчто милостини отъ денегъ и подарункы Іерусалимскіе отъ Гроба Христова, и взявши благословеніе отъидохомь. И уже устрояющимся на пути и вся готова имущимь, се впаде въ печальную болѣзнъ сопутникъ мой Рувимъ, Августа 15 въ день неделній, въ праздникъ Успенія Пресвятія Богородици, разболѣжесе тамо дозѣла, яко изійдохомь тамо къ нѣкоей церкви слышати служби Божой и не можаше ити, совратися отъ пути и едва пришедъ къ келіи, паде на землю, валяшесе и стена, яко два часа, таже облегча мало, болѣзнъ же его не какая иная баше, токмо омлѣваніе, млость сердца и тяжестное диханіе въ персехъ, се же и самъ глагола и прочіи люди, яко се ему сотворися премногого ради хожденія ¹, еже въ путьшествіи подъятъ, обійде бо тогда болѣе паче мене, егда бо изійде отъ Москви, ненависти и клеветанія ради враговъ своихъ, пять лѣтъ путешествуя пребистъ, посѣщая Святія Мѣста и иская уединенія житію своему, пройде всю Русскую, Литовскую, Полскую, Волоскую, Сербскую, Болгарскую землю и всю Италію, бысть въ Барѣ ² святителя Христова Николая, въ Неаполѣ, въ Римѣ и всюду тамо пройде, идѣже азъ бихъ; еще къ тому самъ не имѣяй друга, и Божіе, мню, бити смотрѣніе, яко толъ многоязычніе страни оскудніе и немилостивіе пройде, многую же претерпѣвъ (якоже рече) нужду, ходя въ зимѣ и въ лѣтѣ, отъ хладнихъ вѣтровъ, отъ дожда и отъ великаго упала солнечнаго, якоже азъ самъ своимъ тѣломъ искусихъ добрѣ. Есть же тамо въ

¹ труда. Ув. М. — ² вст. у мощей. Ув. М.

градъ Хіо гостинница Греческая ¹ болѣзненнимъ, идѣже отъ коея страни челоуѣка пришедшаго, токмо православніа вѣри и разболѣвшагося, тамо воспріймуютъ, кормятъ же и врачуютъ Христа ради, даже или оздравіеть или умреть, на оній же шпиталь вси складають христіане; взяша же зъ господи, идѣже бихомъ, и отца Рувима моего и мене такожде вкупѣ въ понеделокъ, Августа 16, и пребистъ тамо три дни, въ болѣзни лежа немоществуя, якоже прежде и болѣе, таже въ четвертокъ предъ зачинаніемъ дне воставъ мало съ одра, возбуди же мене, послышавше въ себѣ немощь и провидѣвъ конецъ житія своего, повелѣ ми воскорѣ на исходъ души чести самъ своимъ устнима вручая Господевѣ духъ свой, аще и стогнаше немощи ради; егда же азъ скончахъ, абіе изпусти духъ свой, препочи о Господѣ лѣта отъ Рождества Христова 1725, Августа 19 ², честно, съ великимъ надгробнымъ пѣніемъ, внутрь подъ слудомъ единія прекраснія церкви, ея же храмъ именуется святаго Виктора. Бысть же на погребеніи его пятнадцать священниковъ, идѣже и азъ присутствовахъ, провождая его честніи мощи къ гробу, плача и ридая, яко синь духовній отца своего и яко послушникъ наставника и яко ученикъ учителя, къ тому же, яко путникъ сопутника своего. Оставшіеся мало денегъ по немъ взяпа властелини гостинници оной и раздѣлиша на поли, половину дадоша за душу его священникомъ своимъ, много и отъ себѣ приложивше, останокъ же мнѣ дадоша, нужди ради подорожной, повелѣша мнѣ пребивати въ оной гостинници, донелѣже обрящу корабль къ Святимъ Горамъ, понеже имѣхъ намѣреніе посѣтити, и повелѣша мене таможе кормити на всякъ день, да не погублю оніе денги

¹ страннопреемница. М. — ² ест. начинающуся двю. И погребоша его. Ув. М. К.

купуючи яству, но да сохранию на путь, обѣщаюся сами обрѣсти и корабль безъ мзды. Азь же тамо пребивахъ, благодаривъ Бога, доволствующися во всемъ, молящи Бога за душу преставшагося и за благодарившихъ и творящихъ мнѣ милостиню. Видѣша же мя Греки великіе купци осиротѣвша и оставшася при малихъ денгахъ, при нихъ же трудно возвратитися воспать, сожальхуся о мнѣ зѣло и обѣщавшася мя випроводити честно оттуду безъ утраты единой аспри, единъ же отъ купецъ тамошнихъ, именемъ Іоанъ Маврогордатосъ аще и младъ ¹, бояйся и любя Бога, той видѣвъ мя убога и въ ветхихъ ризахъ сущи, не глаголю каковую ми даде одежду, но, словомъ единимъ, одѣя мя отъ главы до ногу одеждою новою, яко ничто же на себѣ прежняго не имѣхъ, кромѣ сандаліи, за что, глаголю, да облечетъ его Богъ въ ризу спасенія ² и всякаго благополучія, да покріетъ въ долготу живота его, нигдѣ бо во всемъ путешествіи моемъ ни случися толь милостиваго человека, искаша ми корабля къ Святимъ Горамъ, но не обрѣташеся, понеже уже осѣнѣ начинашеся и великіе начаша являтися вѣтри, того ради престаяху малими кораблями ихати далеко, бояшеся фортуны морской, великіе же тамо купеческіе кораблѣ не ѣздятъ, понеже нѣсть потреби; случися же тамо корабль Французскій, иже пловяше недалече къ единому граду отъ Святихъ Горъ отстоящому, тамо мя укорабли оній вишереченній купецъ съ прочіими подобными себѣ страннолюбци купцами, и мзду корабль заплатити дадоша ми; не хотѣ бо мя любве ради Божой взяти, понеже Римлянинъ баше вѣроу. Исполнившимъ же уже четыремъ неде-

¹ *ест.* обаче во истинну истинный Израильтянинъ, въ немъ же исти нѣсть, человекъ. *М.* — ² п одеждою веселія. *М.*

лямы пребыванія моего въ градѣ Хіо, взяхъ свидѣтельствовавшую оттуду грамоту о умершемъ моемъ сопутникѣ, священно-іеромонахѣ Рувимѣ, да мя не требуетъ никто ¹ на пути, аще узритъ двоихъ именъ патента. Также ввійдохъ въ корабль и призвавше Бога на помощь отплихомъ въ четвертокъ по полудны Септеврія 9. Бысть же намъ плывущимъ градъ Хіо опуюю; земля-же великая, именуемая Анатолія, си есть Азія одесную. Анатолія она, якоже слышахъ, земля прекрасная и плодоносная есть; тамо бо родятся прекрасніе великіе родзинки, фиги баволни премногое множество. Оттуду бо проходитъ въ вся страны земля и въ иніе плоды изобилная. Воста же того дне уже заходящу слонцу буря превеликая, яже едва не преврати корабля, носими бо бѣхомъ полумертви сѣмо и овамо и уже помежду волнами аки помежду горами, многажды чающе бити погруженній корабль, егда бо волна морская разбѣгшеся вознесетъ корабль горѣ верху себе, тогда человекъ мнится бити не по водѣ плавающий, но по вѣтру носимій; егда же низпускаетъ паки на низъ зрится, яко уже корабль летитъ въ нѣкую пропасть и уже имать тамо или погрузитися, или разбитися, обаче (Богу не попускающему еще человеку умрѣти) паки чуднымъ его промишленіемъ и силою возвишается горѣ и паки на низъ низпадаетъ, и елико возвишается горѣ или низпадаетъ, низу толико всякъ вопіетъ: уви мнѣ Боже мой, помилуй мя; Греки же Θεός μου, Турки же: алла, алла; Французи же понеже подобніи съ Италиани имутъ языкъ, рекутъ: о Dio mio; Жыди же паки своимъ нарѣчіемъ. Се же того ради пишу, яко всехъ сихъ вѣрь тамо въ ономъ корабли бяху людие, и воистинну, еже чтохъ Псалтирь Духомъ Святимъ чрезъ Пророка напи-

¹ Отсюда въ Уваровскомъ спискѣ продолжается собственноручная рукопись Барскаго.

санная словеса, то уже своимъ очеси видѣхъ: „Нисходящій на море въ кораблехъ и творящій дѣланія въ водахъ многихъ тѣмъ видѣша дѣла Господня и чудеса Его въ глубинѣ“. Бистъ же оной вѣтръ великъ даже до полунощи. Таже по малу начать преставати. Заутра же рано, въ пятокъ, Септеврїя 10, тако сотворися тишина велія, яко ни мало не могохомъ плисти, — тую тишину именуютъ пловци морскіе бонаца; бистъ же оная яко до полудны; таже возвѣя вѣтръ великъ противень, яко не возмогохомъ отнюдъ плисти, аще и множицею сопротивляхомся, и убѣгши съ нуждею въ единъ загонъ острова, идѣже бистъ тишина, вергохомъ котвицу и стояхомъ даже до нощи. Таже яко о второй годинѣ на ночь возвѣявшу вѣтру малу, обаче помощну, пустихомся, призвавши на помощъ Бога, и пловохомъ даже до полудни простимъ вѣтромъ; таже возвѣя отъ страны обаче пловохомъ, якоже могохомъ, чрезъ весь день и чрезъ ночь; заутра же въ субботу, Септеврїя 11, начинающуся дню возшумѣ дождь аще и помощень, обаче зѣло шумень и силенъ, къ тому же помрачися свѣтъ облаками и бистъ тма велія, яко не видѣхомъ, камо плисти, къ тому блистанія и громи явишася и возлія дождь великъ; вѣтръ же безъ мѣри силенъ, и ношашася корабль, а може и не требѣ бистъ, покриваяйся волнами морскими, вѣтрило же едва не раздрашася отъ великаго дменія вѣтра и едва не преврати корабля, и всѣ биша въ великомъ ужасѣ, просяще Бога, да избавить отъ наглїя смерти, и уже чаяхомъ погибнути, обаче Богъ милостивъ милуетъ призывающихъ Его. Бихомъ же въ ономъ мрацѣ и великой фортунѣ яко часъ. Таже освѣтися мало; вѣтръ таковъ, яковъ исперва, и преста дождевное лїаніе; помалѣ начать преставати вѣтръ и обрѣтохмся недалече единого острова завращенны во-

спять и благодарихомъ Бога, яко не принесе корабля на нѣкакій островъ и не разби, бысть бо тма велія и не знаяху корабелница, камо правити корабль. Таже сотворися безмолвіе веліе, яко паки не можаше ни мало плисти корабль и стояхомъ даже до вечера на водѣ округъ обращающеса; заходящу же солнцу возвѣя вѣтръ аще и страненъ обаче помощень и пловохомъ онымъ чрезъ всю ночь; заутра же, въ неделю Септеврїя 12, яко о трехъ или четырехъ годинахъ на ночь паки сотворися бонаца, яко не могохомъ плисти и бистъ чрезъ всю ночь. Таже вѣтръ возвѣя отъ страны; въ понедѣлокъ же рано толь бистъ буря велія, якоже и прежде; въ второкъ Септеврїя 14 рано бистъ вѣтръ помощень; таже инъ явися противень, яко отнюдь не могохомъ плисти, но убѣгше въ единъ загонъ острова (понеже тамо въ странахъ Турецкихъ острововъ много), и вергше котвицу стояхомъ, ожидающе погоди, чрезъ весь день и чрезъ всю ночь. Заутра же въ среду, Септеврїя 15, начинающуса дню и по оной непогодѣ явившуса вѣтрицу малу и извлекохомъ котвицу отъ воды и пустихомся, обаче не имѣхомъ чрезъ весь день благополучія, все бо являшеса вѣтрець или противень, или странень, или аще и простъ, обаче зѣло малъ, или бонаца, си естъ тишина велія, се же, мню, яко грѣховъ ради нашихъ, или паче моихъ, творимое бистъ; къ тому же уже осѣнное надхожда же время, въ онъ же море ярится и волнуется дозѣла и дождеве бивають велици яко на семь же пути, дознахомся дважды, индѣ же и снѣзи являхуса. Якоже уже плувшимъ намъ недалече града Солуня, ошуюю намъ бистъ земля великая, именуемая Румелія, яже наченшпся тамо отъ берега морскаго разширается далече. Тамо видѣхомъ гори велики по надъ моремъ стоящія и на нихъ снѣзи новоспадшіе;

облаками окруженніе. Тогожде путешествія видѣхъ прекрасныхъ острововъ много, на нихъ же не тако, яко на прежнихъ, не видѣхъ не токмо древесъ, но ниже травы, точію единъ камень, но все древеся и лѣски прекрасніе и земля мало камене имущая, но мягка, точію песковатая (надъ землю бо Рускую въ семь свѣтѣ нѣсть лучшей къ благоплодію плодовъ, земь и странъ веселѣйшихъ и краснѣйшихъ нѣсть, земля воистину благословенная, земля млекою и медомъ кипящая). Тогда видѣхъ, недалече мимо ея пловущъ, и Богомъ благословенную, Богомъ спасаемую, Богомъ соблюдаемую святую Аѳонскую гору; на ея же изображеніе лѣпо воистинну всякому посмотриѣти, широка бо и кругла вся стоитъ на морѣ на ню же зъ моря смотрящи, зрится яко островъ есть, обаче нѣсть островъ, понеже отъ единія странны прилученна есть брегъ земному, къ ней же и моремъ и землею, аще кто хоцетъ, дойти можетъ, морскія бо жилци кораблями, земніи же ногами или коньми приходятъ на поклоненіе; верха ей зрѣти не могохомъ, понеже до половины въ облацехъ; повѣствуютъ же, яко въ лѣтѣ зрится, но имать снѣзи всегда на верху. Тамо азъ отъ острова Хіо имѣхъ на мѣреніе плести, но, размѣшенія ради смерти усопшаго спутника моего отца Рувима, не возмогахъ обрѣсти кораблеца, того ради, обрѣтій корабль, къ пресловутому граду Солуню пловущій, всѣдохъ и азъ, слышавъ бо, яко отъ града Солуня три дне хожденія сухимъ путемъ къ Святой Горѣ, того ради имѣхъ надежду въ Бозѣ дойти тамо, желаше бо душа моя зѣло поклонитися оному святому мѣсту, прекрасному иноческому жилищу, понеже не могохъ дойти къ Іерусалиму, убожества ради моего. Тогда же плывущи видѣхъ многое множество рыбъ морскихъ великихъ, именѹемыхъ делфиновъ, превращаю-

щихся сѣмо и овамо по предѣ кораблямъ. Пути бѣше отъ Хіо къ Солуню водою миль 400; еже аще благополученъ вѣтръ, за два дни съ ноцми припливають, ми же (понеже время осѣнное), пловохомъ цѣлую седмицу, въ четвертокъ бо отъ града Хіо отплихомъ, въ четвертокъ же другій Септеврѣя 23 приплихомъ къ пресловутому граду Солуню.

Описаніе града Солуня.

О описаніи града Солуня послѣди изъяснити потщуся, по возвращеніи отъ Святихъ Горъ, аще Богъ изволитъ, понеже имамъ намѣреніе возвратитися; къ тому же пребихъ въ Солунѣ точію день и не могохъ ничтоже разсмотрѣти. Пристанище мое тамо бѣсть благополучно, понеже обрѣтохъ отъ своея страни знаемыхъ людей, къ тому же и Болгаровъ, и тѣи мя угошаху и наставиша въ путь. Отъидохъ отъ града Солуня Септеврѣя 26, въ день неделній, пополудни, съ прочіими тамо живущими людьми, понеже не можетъ тамо человекъ единъ или два путешествовати, но требѣ великой компаніи, многи бо тамо обрѣтаются разбойники, найпаче отъ Турковъ, которіи не токмо обдирають, но и забивають, яко тамо частѣе слушатся оказіи, азъ же, понеже не возмогохъ премѣнити намѣренія моего, пойдохъ, надѣющеся на Господа и молящи Его, да сохранитъ мя отъ наглои смерти. Пришедше же того дне въ вечеръ къ нѣкоей веси, пойдохомъ въ домъ пощевати къ единому человеку, иже съ нами вкупѣ грядеше; той заутра не восхотѣ ити къ Святимъ Горамъ, но повелѣ намъ ожидати, донелѣже соберетъ гроздія отъ поля и сотворитъ вино; ми же, аще и не хотѣхомъ, обаче ожидахомъ, трудно бо и страшно бѣсть намъ ити въ малой компаніи, къ

тому же не знаяхъ и пути, и пребихомъ тамо три дни, таже разсмотрѣвъше ложь его и неправду, оставихомъ и обрѣтше инаго пойдехомъ въ четвертокъ рано, Сѣптеврѣя послѣднего числа, Бога хранителя себѣ призываючи Идохъ же и азъ тотъ день съ ними вкушѣ добръ; таже заходящу слонцу ослабѣхъ, се же того рады, яко много уже время преиде, егда ходихъ по земли, наченши бо отъ Венеціи дванадесять мѣсяцей все яздохъ по морѣ, того рады заби прежднихъ трудовъ тѣло и раслабися, болѣхъ же дозѣла ногами, яко едва могохъ ити, ибо по толь многому похожденіи шествовахъ, скоро сравняющеса въ бѣгу съ муломъ, иже далече скорѣ коня ходить; грядаше бо съ нами человекъ зъ муломъ, иже вещи людскіе везаше, съ тѣмъ убо вси неотлучно грядяхомъ, понеже всякъ бояся въ малѣ ити, къ тому же, кромѣ онаго проводника, всѣ чуждоостранніе бяху и не знаяху пути. Видѣвъше онимъ мя помалу грядуща, не хотѣша мене ради замедлѣвати, ускоряху въ Святую Гору бити въ субботу, понеже на всяку субботу тамо на базарѣ торгъ биваетъ и всякъ спѣшится что нибудь или продати, или купити, оставиша убо мя того вечера. Азъ же идохъ нѣкій часъ самъ добръ, донелѣже свѣтъ видѣхъ; таже егда приближися темнотрачна ношъ, безъ освѣщенія мѣсяца, погубихъ путь, самъ не вѣдахъ, камо шествовахъ, хотѣхъ бо обрѣсти весь, мня бити близу, но бистъ далече, якоже послѣди разсмотрѣхъ, и ходихъ помежду лѣсомъ и горами, омапуя ногама и рукама стезю, яко три или четири часа въ ношъ, но не слисахъ гласа ни человекъ, ни песія, воздыхахъ же къ Богу печалующи, да мя наставитъ на путь добрый, и ходихъ паки множицею возвращающеса и на страну удаляющися, того ради, яко многи пути ми являхуся, вѣдѣхъ бо ихъ отъ бѣлости, яко бѣла тамо земля баше;

обаче ходящи ничтоже успѣхъ въ благое, но въ болшую прїйдохъ скорбъ и утрудихся дозѣла, помянухъ же тотъ случай бити мнѣ Божіе наказаніе, грѣховъ ради моихъ множества. И положивше на себѣ знаменіе крестное, вздохнувъ ко Творцу моему, молящи Его, да мя сохранитъ отъ всякаго зла, и облегохъ, обаче не могohъ спати, помисловъ ради многихъ и страха, слышахъ бо множество по лѣсу бѣгающихъ и віющихъ волковъ, и молихъ Владику и Творца моего, да не оставитъ мя наглою погибнути смертію. Таже услышавши мало псовъ лающія далече, воставъ отъ каменнаго ложа и сотворши крестное знаменіе на челѣ моемъ и моленіе къ Богу, да мя сохранитъ отъ всякаго зла, пойдохъ, ищущи пути съ слышаніемъ гласа псовъ, обрѣтше же, Богу мя наставляющу, путь, идохъ чрезъ всю ночь и уже окончающейся ноши и начинающуса дневи (прїйдохъ) къ нѣкому селу и уснувши мало отъ труда, тамо раздранніе на мнѣ сандалія повергохъ и взяхъ на нозѣ новіе, понеже имѣхъ, пойдохъ самъ въ пятокъ Октоврія 1, испросивше людій о показаніе пути, и Господу себѣ поручивши, идохъ же весь день и скоро и добрѣ, безъ блужденія, Богомъ наставляемъ; и уклонившуся солнцу на западъ, прїйдохъ къ нѣкоей гостинниці, при пѣти близъ моря стоящей; тамо економъ инкоу началствуяй, прїять мя добрѣ, и пренощевахъ. Оттуду завтра въ субботу, Октоврія 2, пойдохъ предъ восхожденіемъ слонца и шествовахъ яко до полудни добрѣ, таже погубихъ путь и зайдохъ въ дубравы густіе и въ вертепи непроходиміе, плача и сѣтуя и молихъ Господа Бога, да дастъ ми кого отъ чловѣкъ обрѣсти, да быхъ возмогъ воспросити о пути. И тако ми блуждающу на многъ часъ, обрѣтохъ двоихъ чловѣковъ, христїаниновъ, ходящихъ съ оружіемъ по пустыни, тіи узрѣвше мя не у еще ми

вопрошающу ихъ о пути, они мя первѣе вопросиша грознымъ гласомъ: откуда есмь и иду камо? Та вся ми добръ отрекшу и немного глаголющую съ ними, познѣхъ бо отъ очесъ чловѣковъ лукавихъ суще, молихъ ихъ, да ми покажутъ путь къ Горѣ Святой, они же требоваху златици отъ мене за показаніе пути, азъ отрекохъ имъ, не токмо златици, но ниже дробнихъ денегъ что либо имамъ, понеже есть чловѣкъ странный, нищъ и убогъ, путешествуя Христа ради о единомъ хлѣбѣ и водѣ, ни денги собирая, но посѣщая Святія Мѣста. Они же не вѣроваху словесемъ моимъ, но требоваху, да что нибудь денегъ мало дамъ имъ; азъ же обѣщахся дати имъ едину пару Турецкую, точію да покажутъ ми первѣе путь. Они же всячески мя понуждаху, да первѣе дамъ обѣщанное. Имѣхъ же азъ особно сокровенну пару едину токмо, и иземше ю отъ мѣста дахъ имъ, они же хотяху болѣе, азъ глаголахъ имъ, яко не имамъ, друзи, болѣе, они же начаху мя трусити и искати повсюду, обаче не обрѣтоша ничтоже въ мене, кромѣ единаго ножа и мало сухарцовъ, ихъ же носихъ при себѣ, не брахъ бо ничтоже съ собою, но оставихъ вся въ Солунѣ градѣ, слышахъ бо еще прежде о разбойницѣхъ, аще бо имѣхъ нѣчто отъ денегъ, обаче добръ сокрихъ, ихъ же не обрѣтоша, Богу мя сохраняюще; ризи же на мнѣ худи бяху, ихъ же развѣ назъ взяти бы дерзнулъ. Таже возсмѣявшеся ми и пути не показахъ и оставиша мя тамо, отпедше во свояси; азъ же тогда въ велицей печали и радости бивши, въ печали, яко безпутень, въ радости, яко свободень отъ рукъ разбойникъ. Воздхнувъ отъ всего сердца къ Богу, благодарящи Его, яко убѣгохъ бѣдѣ храненіемъ сили Его, таже пойдохъ съ висоти горъ на низъ къ мору, хотящи брегомъ дойти, видѣхъ бо издалече Аѳонъ гору, понеже есть зѣло ви-

сока, обаче пути не обрѣтохъ пройти къ ней, шествовахъ же бегомъ морскимъ, идѣже аще мощно бѣше, а индѣже ни, то паки возлазяхъ на гору и паки низъ пушахся, и тако ми тогда весь день мучащуся и не токмо уже вторіи сандалія, но и одежду пораздиравшу, еще же и рудѣ и нозѣ, помежду дресеси и каменія лазящу, поразившу, и алчну и жаждну дозѣла бившу, благодарихъ Бога моего за вся мнѣ отъ него биваемая. Таже, уже приходящу слонцу на западъ, обрѣтохъ единого инока на брезѣ морскомъ сидяща и ловяща удицею рыбы, иже не отъ среди Святія Гори изійде, но живяше на виноградѣхъ, внѣ монастырей. Той прнвѣствова мя любезнѣ и азъ его. Вопросивше мя, откуда есмь, что и како, и увѣдавши о всей приключившейся на пути нуждѣ моей, любовію и страннолюбіемъ возгорѣся къ мнѣ и взятъ мя отъ берега морскаго и поведе на гору, идѣже обиташе съ прочіими законники, и приведа мя въ келію и повѣда прочіимъ законникомъ, кто есмь и вся прилучшася на пути, и вси пріяша мя благодарственно и посадиша мя въкупѣ съ собою на трапезу и учредиша довольно, любящи мя, яко странна. Таможе обрѣтохъ единого челоуѣка отъ своея страны, иже радъ бысть мнѣ зѣло. Тамо препочихъ три дны, понеже мѣсто красное, и перковъ святаго Василія лѣпа, и виноградовъ премного, и ясти и пити что обрѣтохъ и людей добрихъ; тамо уже начинается зватися Святая Гора Аѳонская, понеже тамо верху гори естъ поставленній крестъ, да разумѣтся граница начинающаяся входа Гори Аѳонскія, уже бо оттуду и монастыри недалече отстоятъ. Сотворши убо азъ тамо доброе тамо препочиваніе чрезь три дни утружденнымъ и болѣзненнымъ ногамъ моимъ, умислихъ и обѣщахся предъ Господемъ вся тамо святія монастыри обрѣтающіяся посѣтити. Суть же тамо всѣхъ монастырей,

якоже прежде слышахъ, послѣди же самъ видѣхъ, 20, кромѣ скитовъ, ихъ же суть множество.

Кратное описаніе горы Аѳтонскія.

Гора Аѳтонская есть великая и висока, велику пустыню и непроходиміе вертепи въ себѣ имущая; есть же продолженна, и монастыри не на верху, но нанизу по-над-моремъ стоятъ, десять отъ страни восточнія, и другія десять отъ западнія. Она гора отъ моря зрится бити аки островъ, понеже узокъ имать приходъ отъ земля, и едва не окрестъ обходитъ море. Отъ страни морской ея есть глава и чело, понеже наивисочайшая тамо верху иннихъ горъ. Гора стоитъ всегда темными покрывается облаки, именуемая гречески (Αἶψα) еже именуютъ славяне *Аѳонъ*, сице проименованная, якоже слысахъ до-стовѣрнѣ, отъ единого идола, тамо иногда стоящаго на версѣ, емуже имя баше *Аѳосъ* и емуже еще въ ветхіе времена поклоняхуся Еллины. Тамо егда населишася иноки, опровергоша его въ море, и на мѣстѣ ономъ создаша храмъ Преображенія Господня приличнѣ на горѣ *Фаворстѣ* показавшаго славу свою, иже и доселѣ стоитъ, обаче тамо никто не живетъ хладовъ ради превеликихъ и непостоянныхъ стихій, но точію единоши въ годъ, мѣсяца Августа, въ праздникъ Преображенія Господня восходятъ тамо иноцы и сотворяютъ святую литургію и абіе скоро восходятъ низу, да не како поразятся вѣтромъ хладнымъ и воздухомъ чуждымъ. Понеже тамо страна есть тепла, и повсюду низу горы, во монастырехъ, найпаче въ время лѣтное, горячесть превеликая, точію тамо горѣ *Аѳона* иная стихія. Отъ того древняго идола *Аѳони* наречеса и гора *Аѳонская*. И тако мнѣ умислившу всѣ тамо святіи посѣтити

монастыри, начахъ ходити чинно первѣе по странѣ восточной.

Описаніе монастыремъ,

отъ странны восточной стоящихъ, кромѣ сего, иже стоятъ на западной.

Вшедшу уже мнѣ внутрь саміасвятыя горы Аеонскыя, прійдохъ къ первому монастыру Болгарскому, Октовріа 5 числа.

1 Монастырь Ізографъ именуется.

Иже стоятъ далече отъ моря, между горами и пустынею, на мѣстѣ високомъ и красномъ лѣпо устроенный. Тамо азъ пришедши, видѣхъ врата и предвратіе честно созданіе и иконами Святихъ списаніе, и не зная чина и обикновенія Святогорскаго, коснухъся внѣйти въ врата, но абіе воспяти мя единъ отъ иноковъ, иже бысть вратарь. Той, видѣвъ мя по иночески одѣянна, разумѣвъ быти инока Святогорска, — азъ же не въ инока облекохся, но въ подобіе и въ сѣнь его, ибо не инокъ правиломъ и житіемъ, но точію черноризецъ сотворихся не чуждима, но своимъ руками самъ себѣ черніа наложивъ ризы, се же сотворихъ еще въ панствѣ Венецкомъ, на островѣ морскомъ, зовомомъ Кефалонѣя (о ней же прежде рѣхъ), по совѣту многихъ тамошнихъ иноковъ и священниковъ и нѣкихъ благоразумныхъ людей, и по изволенію преставлшагося спутника моего іеромонаха Рувима того ради, да не разлученъ буду спутшествующимъ, и да лучшее и свободнѣйшее имамъ путешествіе найпаче въ странахъ Турецкихъ. Аще бо и прежде черніе ношахъ ризы, путешествуя къ Риму и возвращаясь даже до Венеціи, обаче по чину пелgrimовъ Римскихъ, иже сѣе одѣваются: черна риза опоясанна, круцификсъ или крестъ повешенный на персехъ.

жезлъ въ рукахъ великій, яко едва мощно носити, плащъ краткій верху плечей, тиквица прп поясъ водоношенія дѣля, капелюшъ на главѣ, вся одежда черна, кромѣ же того еще и торбица, и та черна, въ ней же потребная носить. Аще же азъ вся та еще въ Венеціи оставихъ, егда случихся съ инокомъ, точію единъ капелюшъ ношахъ на главѣ моей, обаче мнози отъ Грековъ познаваху бити пелгрима Римска и усумнѣвахуся ми, дабимъ ихъ добрѣ содержаль вѣру, аще мя слишаху поюща и чтуща въ служеніи литургій съ инокомъ моимъ, обаче не вѣроваху, мняще мя въ путешествіи изучитися, и того ради малу милостину являху; Греки бо зѣло ненавидятъ Рима и слушающихъ его; ненавидяху же мя частѣ отъ капелюша, найпаче же отъ языка Римскаго, понеже еще тогда незнаяхъ Гречески, точію разглаголствовахъ или Римски, си есть Італьянскимъ, или Латинскимъ нарѣчіемъ, ибо Римляне, Італьяне или Венеціяне себѣ подобнимъ разглаголствуютъ языкомъ, мало въ чемъ разнящеся. Тогда азъ ничтоже болѣе премѣнихъ, точію капелюшъ на подкапокъ, клобука же не носихъ, понеже тамо таковъ обичай всѣхъ иноковъ. Тамо мя въ первомъ монастырѣ покушающаяся ити въ врата, стражъ вратный, разумѣвъ бити инока, и рече: отъ коего ти еси монастыря, яко не знаеши чина иноческаго? Азъ же отрекохъ: прости ми, отче святій, странень есмь и не вѣдахъ вашего обикновенія. Повелѣ же мнѣ пождати внѣ монастыря, самъ пойде возвѣсти игумену, кто есмь и откуда. И по благословенію его повелѣ ми внійти, и рече ми, яко сей есть чинъ и обичай въ всѣхъ монастырехъ Святыя Гори, да якоже видишь въ первомъ, тако и въ послѣднемъ. Похваляю же азъ сіе, яко безъ позволенія игумена, никтоже выходитъ внѣ монастыря. Тамо вшедшу, пойдохъ первѣе въ святую церковь, и воздахъ должное по-

клоненіе честнымъ иконамъ. Таже изшедши изъ церкви, видѣхъ игумена и братію, отъ ихъ же кійждо свое творяше послушаніе, и сотвори хъ метаніе. Повелѣ же мя игумень звати въ трапезу, и представиша трапезу, съчевицу варену, сирѣ, хлѣбъ, и мѣру вина, и ядохъ и наситихся, и благодарихъ Бога. Замедлѣхъ тамо два дны, и разсмотрѣхъ лѣпоту монастыря и чинъ церковній. Востають на утреню въ полунощи, отправляютъ по волѣ съ чтеніями по первой каѳизмѣ и по шестой пѣснѣ канона. Канонъ поють, а не чтутъ, якоже въ насъ, Псалтирь чтутъ на странѣ, а не посредѣ церкви. Егда начнетъ чести Ексапсалми, згапають свѣщи и паки, кончащимся, засвѣщаютъ на „Богъ Господъ“. Полунощницу, девятой часъ и павечерню чтутъ въ притворѣ, прочая же вся внутрь церкви. Литургія не на всякъ день бываеъ, токмо часи. По утрени расходятся по келіямъ на правило. Наченшуся дню, исходятъ всякъ на повелѣнное себѣ послушаніе. Предъ полуднемъ чтутъ часи. По окончаніи часовъ заразъ входятъ изъ церкви въ трапезу. На трапезѣ чтенія не чтутъ по вся дни, кромѣ неделѣ и праздника, понеже вичитують на утрени. По трапезѣ расходятся на послушаніе, — паки снисходятся на вечерню. По вечернѣ идутъ въ трапезу, кто хоцетъ, понеже не вси два рази ядятъ. По трапезѣ въ церковь на павечерницу. По павечерници кійждо въ свою келію, да что хоцетъ творить. Въ трапезѣ рано точію дается едино вареніе, въ вечеръ же сухояденіе; вино поставляется въ неделю, въ второкъ, четвертокъ и субботу. Въ прочія же дны вода.

Лѣпота монастыря того естъ такова: стоитъ между горами въ великой пустини, при водѣ здоровой, расположеній на четири углы, въ немъ же чинно и лѣпо келіи устроеніе, едни на другихъ даже до тріехъ степеней

високо стоящіе. Всякъ единъ особно свою имать келію. Церковь начальная посредѣ монастыря отъ камене лѣпо устроена. Глави покровенни имать цѣнію. Внутрь же вся иконописанна притчами евангелскими и иконами Святыхъ, лампадами, свѣщами и панѣкадилами лѣпо устроена. Низу дсками великими мраморными услана. Суть тамо двѣ иконы святаго Георгія: одна по мору дойде, вторая изобразися на платнѣ еще прежде строенія церкви. Той образъ зовется Изографъ, си есть, самописецъ,—отъ того и монастырь, созданный въ имя его, речется Изографъ. Кромѣ же тоя началнія церкви и инія малія помежду келіями имать лѣпо строеніе и иконописанніе, и трапезу такожде имать лѣпу, внутрь исписанну иконами святыхъ. Внѣ церкви особнѣ имать каплицу, создану отъ камене, и чаша посредѣ велика, отъ мрамора изсѣченна, водосвятія рады. (Стоитъ же сей монастырь на западней странѣ горы, и въ немъ обитають Болгары) ¹, а не (Греки) и Болгарское творять пѣніе же и чтеніе. Тамо азъ пребихъ два дны и пойдохъ къ монастыру иному. Той наречется Изографъ, отъ иконы святаго Георгія, яко самъ тамо изобразися.

Монастырь вторій, Хиландаръ зовомій.

Между горами низу, недалече отъ моря, яко полчаса отстоящій имущій въ себѣ иноковъ Сербскаго языка. Той зѣло множае строеніемъ и лѣпотою превосходитъ перваго, наипаче избранной ради своей церкви. Тамо бо похваляхъ, здѣ же чуждуся. Тая обитель именуется царствующая или Лавра Сербская, понеже царей Сербскихъ строеніе есть. Аще же монастырь и низу стоять

¹ Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

обаче церковъ на високомъ фундаментѣ, въ нюже степями входити требѣ. Внутрь имать четири столпи мраморніе великіе, и въ папертѣхъ двоухъ по два, вся же иконописанна лѣпо дѣломъ царскимъ отъ главы даже до подножія. Подножіе все насажденно мрамори различными, искуснымъ художествомъ, лѣпіе пестроты показующее; чистое же, яко зеркало, яко съ жалѣніемъ и хожденіе по немъ. Свѣщами и кандилами далече краснѣйше устроено тамо, нежели въ первомъ монастырѣ. Келіи и тамо строенія одинаковаго, токмо расположенія далече болшаго. Церковъ главъ много имать, и покровъ ея весь уже не отъ цѣни, но отъ нѣкоей руды, иже имать половину сребра, сотворенній отъ нѣкоего пребогата ктитора, иже имѣяше во области своей таковое мѣсто, отъ негоже ископоваше ону руду. Той изятъ цѣновій покровъ, иже прежде бяше, и сотвори оній многоцѣнній или безцѣнній. Отъ перваго же содѣлаша сосуди, потребніе въ монастырь, иже и доселѣ и обрѣтаются всѣ сосуди цѣновіе, маліе и великіе. Трапезу имать такожде прекрасну и велику, внутрь всю иконописанну лѣпими притчами и гисторіями, и отънѣ такожде. Имають же всѣ столи отъ мрамора бѣла и чиста сѣченіе, еще отъ ветхихъ временъ, коштомъ царей Сербскихъ. Весь монастырь висланъ каменемъ гладцѣ, воду имать текущую отъ горъ. Словомъ рещи,—вся лѣпа, вся во всемъ красна обитель; но точію, Божиимъ попущеніемъ, Богъ вѣсть откуда, издалече въ горахъ, между лѣсомъ, разжеся огнь и несень сильно шумнымъ вѣтромъ и испали многое мѣсто тамо лѣсовное, таже прійде и къ монастыру и сожже его до половины, кромѣ церкви. Того ради и братіи мало остана, яко разбѣгошася въ время падежа онаго; обаче, красотѣ ради его, паки начаху снисходитися. Имають части мо-

пей много, и кровь Христа Спасителя, якоже азъ самъ чтохъ напечатаное въ книзѣ Московской. Имать же много иконъ чудотворныхъ Пресвятія Богородици, Трое-ручици образъ, иже имать три руки изображеннихъ. Бистъ бо отъ иконописца съ двѣма написанна, послѣди же и третья явися. Тамо азъ пребихъ день единъ и ночь, и видѣхъ чинъ единъ тако въ церквѣ и въ трапезѣ, якоже и въ Болгарскомъ монастырѣ. Тамо пребывши день и ночь, и видѣвши и слышавши многая, пойдохъ далѣй по ряду къ монастырю иному.

Монастирь третій, Сименъ именуется,

якиби межи горъ, якоже слишахъ истолкованіе отъ инока, понеже отъ всѣхъ странъ горы, онъ же въ единомъ удолѣ равномъ стоитъ, на самомъ брезѣ морскомъ, егоже огради, и вратъ въ время вѣтра касается волна морская. Лѣпъ строеніемъ церкви и келій, токмо малъ и убогъ; обаче ничтоже отъ инихъ требуетъ, но доволенъ въ всемъ къ препитанію и управленію своему, и трапеза такожде лѣпа, иконописанна вся внутрь. Столи же имать деревяніе; иноковъ имать мало, по силѣ своей. Сѣдитъ при водѣ здоровой и сладкой, текущей отъ горъ; питается отъ моря, много ловящи животна, имать бо своя корабли и мрежа. Тамо азъ пришедши, идохъ первѣе въ церковь, ей же храмъ Вознесеніе Христова, и, сотворши свое путническое поклоненіе иконамъ святымъ званъ бихъ абіе въ трапезу, понеже время прійде; и пойдохъ, и снѣдохъ въ славу Божию, и наситихся. Тамо обитають иконы Греческіе, и чтутъ своимъ нарѣчіемъ; чинъ же одинаковій, якоже и въ прочіихъ. Оттуду пойдохъ къ монастырю иному.

Монастирь четвертій, Ватопеть именуемій, первій ветхостію строенія.

Болшій отъ всѣхъ первыхъ расположеніемъ, и красенъ строеніемъ. Церковъ начальную имать велику и лѣпу, главы покровенны цѣнію суть, внутрь же вся иконописанна иконами Святыхъ и исторіями, отъчасти же и мусією ушешренна, древнимъ дѣломъ, обаче искуснимъ. Храмъ Благовѣщенія есть. Подножіе ея все мраморомъ различнымъ усланое, кандилами же и свѣщниками лѣпо устроенна. Чудесами прославляется многими, отъ ихъ же zde три токмо полагаю началнѣйшихъ иконъ чудотворныхъ Пресвятія Богородица. Первая чудотворная икона Пресвятія Богородицы стоитъ внутрь великія церкви на горнемъ сѣдалищи, зѣло ветха, но вся златомъ покровенна, кромѣ лицъ Ея и Христа Младенца, Егоже держитъ на рукахъ Своихъ, иже черни и поразсѣдахуся ветхости ради своей. Отъ той иконы сотворися чудо таковое. Нашедшимъ тамо давнихъ временъ нѣкіимъ разбойникомъ, и хотящи раззорити и разграбити оную обитель, и разбѣгшимъ же инокомъ, кій камо можаше сокрытися, единъ отъ нихъ, памятуя и сожалѣваяся о иконѣ, да не како поругаются нечестивіи разбойницы, и текши воскорѣ внутрь олтаря церковна, похитивъ оную святую икону и свѣщу предъ ею велику горящую, и единъ крестъ деревяній, впусти та вся въ кладязь, иже отъ давнихъ временъ бистъ тамо сотворенній внутрь церкви, предъ престоломъ, не почерпанія рады и питія, но освященія ради води на новъ мѣсяць, якоже и нынѣ есть тамо обычай,—въ всѣхъ бо монастирахъ суть святилицы, особно, внѣ церкви, отъ камене лѣпо строеніе. И егда разбѣгшася старцы, страха ради онихъ разбой-

никовъ, и пребиваху въ иныхъ странахъ. Таже, по многихъ временехъ, паки помалу начаху собиратися, и та бисть по откровенію Божию съ тоеюжде свѣщою горящою, ни мало незгорѣвшою, Богу тако чудодѣйствующу въ иконехъ святыхъ, и прославиша вси иноцы Бога и Его Матерь, и доселѣ прославляютъ. Вторая икона испи-санна въ притворѣ, на каменной стѣнѣ церковной, о ней же сотворися таковое чудо. Единъ тамо отъ діаконѣвъ младъ помѣташе церковь, и егда утрудися, пойде къ трапезному, моляци его, да дастъ ему чашу испити вина. Трапезный, или не имѣяше времени, или иной ради коей вины, отрече. Оный разгнѣвася и пойде въ притворъ (мню, діаволомъ подстрекаемъ) и ставши предъ онимъ образомъ рече: азъ тебѣ служу всегда, очищаючи и омѣ-таючи тебе всегда, ти же ми не даеши единой чаши вина,—и, похитивъ ножъ, удари въ лице, и абіе изійде токъ крове бистръ и воскочи въ очеса онаго діакона, и ослѣпи его; и нападе страхъ нанъ великій, и паде полу-мертвъ на землю, и воскрича гласомъ великимъ отъ бо-лѣзни. И стекопаша иноцы, и видѣвши таковое чудо, прославиша Божию Родителницу, въ иконѣ чудодѣй-ствующую. Тойжде діаконъ до смерти живота своего, день и ночь приходящи предъ оную икону, плакашеся и ридаше, кающися и просящи Владичицу, да отпуститъ ему согрѣшеніе. И близъ смерти, бисть ему гласъ: отпу-щаюттися грѣси, токмо рука твоя, коснувшаяся сотво-рити сие, буди проклята. И егда оный діаконъ по смерти погребеся, тѣло согны, рука же по локоть и доселѣ не согнила, суха и черна пребываетъ, къ тому же и смер-дять, юже иноцы заключенну при образѣ держатъ, въ незабвенную память онаго чудесе. На образѣ же и нынѣ рана съ кровію есть, юже азъ видѣхъ самъ, и до-бизахъ грѣшными моими усгами. Третья икона Пресвя-

тія Богородици такожде на мурѣ написанна въ оной церквѣ подначальной. Тая возгласи по имени игумена, и претѣнися въ изображеніи своемъ: взять бо Младенца Христа (Егоже держаше) за руку, и приложи къ устамъ своимъ, и доселѣ тамо стоять, чудесми и величаними устъ чуждихъ прославляема. Тако и трапеза зѣло красна, внутрь вся иконописанна; столи же отъ мрамора бѣла, гладцѣ и лѣпотнѣ тесанніе. Тамо вода здрава, къ тому же изобилна. Имать своя корабля и мрежа и млинь, отъ потока горна мелющій. Тамо пребихъ день и ношъ. оттуду пойдохъ по ряду, чрезъ гори, лѣсъ и долини, къ монастиру пинному.

Монастирь пятій, Пандократоръ,

си есть Вседержитель, рекомій сиде отъ храма Преображенія Господня. Той монастирь, аще и не тако великъ есть строеніемъ, якоже прочіи, но и не малъ, обаче лѣпотенъ строеніемъ, якоже и иніи. Стоитъ прекрасно надъ самимъ моремъ, на единомъ обширномъ холмѣ каменномъ, пли, простѣ рекши, на скалѣ, въ нюже море біеть сильно въ время вѣтра, обаче монастира не вредить ничтоже. Имать церковь прекрасну, покровенну цѣвнію, посланну мраморемъ различнымъ, внутрь иконописанну, трапезу же убогу и пристарѣлу, очернену, съ столи деревяними. Имать своя корабля и мрежа и страннопріемницу красну и воду здраву, текущую отъ горъ. Чудеснаго тамо не видѣхъ ничтоже. Оттуду по пренощеваніи пойдохъ паки горами и пустынею къ монастиру пинному.

Монастирь шестій, Ставрониѣита проименованный,

стоитъ на таковомъ же мѣстѣ, яко и пятій (Пандократора), си есть, низко подъ горами надъ самимъ моремъ, на единомъ каменномъ холмѣ устроеннй. Подобитъ въ строеніи прочіимъ, токмо малѣйшій отъ всѣхъ прежде нихъ, и церковь такожде малу иматъ, обаче строеніемъ и лѣпотою красну. Трапезу иматъ убогу и малу съ столи деревянными. Имаѣ воду здраву, текущую. Монастирецъ оній тако отъвнѣ, яко и отъвнутрь есть красенъ, токмо убогъ, и братіи мало, обаче иматъ вся доволна къ кормленію. Откуда наречеса Ставрониѣита? Имя сіе есть сложено отъ двоихъ словесъ: отъ единаго *ставро* и втораго *Никити*. Ставрось есть слово Греческое, Русски толкуется крестъ; Никита же имя бистъ единому пустинножителю, иже тамо прежде даже монастирь не бистъ, жителствоваше и дѣлаше крести. Того ради отъ дѣланія крестовъ проименованъ бистъ оній пустинникъ Ставрониѣита, си есть Крестониѣита. Тамо, на мѣстѣ ономъ, егда и монастирь создася, сице наречеса. Монастирецъ оній уже вторицею воздвигнуся по раззореніи своемъ огненномъ. Храмъ тамо первѣе бистъ Святаго Іоанна Предтечи, нынѣ же Святителя Христова Николая. Чесо ради? По запусѣніи онаго монастыра (якоже слышахъ), пришедшимъ уже лѣтомъ многимъ, единъ изъ патріархъ Цариградскій приплы въ Святую Гору, посѣщенія ради, и егда прійде на оное мѣсто, на немъ же точію едина висока вежа стояше, та неврежденна огнемъ, — возлюбися оному патріарсѣ мѣсто то, ловленія ради рыбъ, и повелѣ вергти тамо мрежу. Сотворшии убо повелѣнное, извлекоша рыбъ множество и икону невелику, яко на лакоть, на децѣ деревяной изображенну. Бистъ же образъ Святителя

Христова Николая, его же лице покровенно бистъ маргаритною кожею, си есть, простъ рекши, перловою матицею, въ ней же они родятся. Се же сотворися сие Промысломъ Божиимъ, да невредимо будетъ лице святія иконы. Видѣвъ же ю патріархъ сие покровенну морскою чашею, повелѣ отодрати силою, понеже держашеся крѣпко, акиби пригвожденна, и егда отверзоша, видѣша лице святія иконы лѣпо изображенно, и язвѣ аки съ кровію, червленну имущее, нѣкимъ орудіемъ желѣзнымъ разсѣченну. Узрѣвъ же патріархъ и вси съ нимъ присутствующіи таковое чудо, прославиша всемогущаго Бога и дивнаго въ святыхъ Чудотворца *Николая*. И рече патріархъ, яко Божіе се изволеніе, еже сотворитися монастыру на мѣстѣ семъ въ имя Святителя Христова Николая. И созда монастырь оній, аще и малъ, обаче лѣпъ; чудотворную же оную икону, покривши златомъ и драгими каменъми, поставиша одесную въ церквѣ, иже и доселѣ стоитъ чудесами прославляема. На маргаритной же оной чаши, яже быше верху лица иконы, изобразиша искуснымъ ритимъ художествомъ панагію, съ нею же (якоже есть обычай) иноцы по трапезѣ творятъ трисвятое даже и доселѣ, незабвеннаго ради чудесе, яже вся та видѣхъ и лобизахъ азъ грѣшній. Се чудесно воистину, яко язва она, яже на иконѣ, червленна съ кровію, акиби въ живомъ тѣлѣ, къ тому и благоухаетъ. Образъ оній ветхій зѣло, повѣтствуютъ, понеже уразумѣся отъ числа иконописцева, въ кое время содѣла его. О язвѣ же, откуда взяся сие глаголютъ: яко въ время иконоборства, егда мнози востаха еретици, иже не хотяху поклонятися иконамъ святымъ, въ той часъ единъ отъ еретиковъ, ругающися, удари нѣкимъ орудіемъ желѣзнымъ и верже въ море. Се же мнѣ быти творимое въ Цариградѣ, понеже тамо наиболее бываше

ереси; обаче Божиими судьбами какову преїде глубину и широту морскую, и обрѣтесе въ Святой Горѣ, яже отъ Цариграда отстоитъ пятію сотъ миль. Но да вѣси, читателю тщаливій, каковаго неоцѣненнаго дѣла есть оная икона: не бо писана цвѣтами и колорами, якоже нинѣ творять иконописци, но вся драгими и дробными каменцами искусно истканна и насажденна, меншими пшеничнаго зерна, сїце гладко и лѣпо, яко, не при-смотрѣвшися, нѣсть мощно познати, писана ли или ни. О премудрости и тщанія древнихъ иконописцевъ! ихъ же нѣсть мощно обрѣсти въ нинѣшніе времена. Сего ради монастырець оній, аще есть и малъ строеніемъ и славою и богатствомъ убогъ, обаче повѣстію своею и оною чудотворною иконою есть великъ. Тамо азъ пребыхъ день единъ и ношъ и оттуду поїдохъ въ висоту гори къ монастыру иному.

Монастирь седмый Котлумушъ.

Оный монастырь есть красенъ отвнѣ и отвнутрь, стоитъ близу базара яко за польпоприща, отъ моря далече и високо, яко въ польгори, имать церковь лѣпу и пространну, внутрь всю иконописанну, съ подножіемъ мраморнимъ, пестротами устроеннимъ. Глави ея покровенни цѣнію. Трапезу имать високо стоящую между келіями, внутрь всю иконописанну, въ ней же столи началнѣйшіе мраморніе, послѣдніе же древяніе, обаче чинно устроенніе. Монастирь оній нѣсть сїце славенъ и богатъ, якоже прочіи началнѣйшіи, обаче иноковъ имать многа и вся на потребу доволна. Сѣдитъ при водѣ здравой, между лѣсомъ великимъ, каштановое древо имущимъ. Тамо азъ замедлѣхъ день и ношъ, и поїдохъ паки низу гори ко монастыру иному.

Монастирь осмый Іверъ.

Онѣй монастырь сѣе назвася отъ ктиторей и создателей своихъ, иже бяху отъ земли Іверскія; красенъ же строеніемъ и богатъ. Сѣдитъ близъ моря, на брежѣ, между высокими горами; имать церковь прекрасную, отъ камене созданную, покровенну цѣнїю, внутрь же иконописанну честно иконами святыхъ, отъ притчей евангелскихъ, поликандилами, иконостасемъ и лампадами устроена лѣпо. Подножіе ея отъ мраморей различныхъ цвѣтно и красно усланное, имать же въ единомъ церковномъ углѣ часовникъ, лѣпо содѣланный, съ четверогласными квадранси, доброгласенъ и сладко слышателенъ всѣмъ. Монастирь онѣй нѣсть зѣло высокъ, токмо обширенъ. Имаѣтъ же трапезу и прекрасну и пространну, внутрь всю иконописанну честно, столи же всѣ отъ камене мраморнаго, искусно и гладко тесанніе, имать. Есть же тамо и чудотворная икона Пресвятія Богородици, отъ Никей въ время иконоборства приплывшая, ей же возлюбися мѣсто при вратехъ монастырскихъ. Не хотяше бо въ великой церкви стояти, многажды исходяще оттуду. Таже единою и гласъ бистъ отъ нея сичевъ: „что мя стужаете? не прійдохъ, да мя стржете, но да стрегу вы“. Отъ того часа иноцы не преносиша оттуду, но создаша при вратехъ церковку малу въ имя Ей, и нарекоша имя иконѣ той нарѣчіемъ своимъ Греческимъ: Портантиса (еже есть) вратарница, понеже при вратехъ себѣ возлюби мѣсто. Есть же еще тамо вторій образъ Господа нашего Іисуса Христа. такожде чудотворнѣй, его же глаголють истинную мѣру и изображеніе быти, якоже въ мирѣ баше. Тамо азъ пребывахъ день единъ и ношей двѣ, и пойдохъ оттуду чрезъ великіе гори и долини къ монастыру иному.

Монастирь девятой Филосей.

Монастирь оный стоитъ далече отъ моря, на высокомъ мѣстѣ, яко въ полъгоры, на мѣстѣ прекрасномъ и равномъ, подъ горами высокими; расположенія подобнаго съ прочими, токмо меншаго. Високости мѣрной, понеже до тріехъ степеней кели, едини верху другихъ устроєніе. Церковь имать простаго строєнія отъ камене проста, отъ мрамора ничтоже тамо, и иконописанна не-искусно. Покровъ ея каменный, а не якоже въ прочихъ цѣновій. Монастирь оный есть убогъ, и иноковъ имать мало, обаче питается довольно, понеже сѣдитъ на равной и мягкой земли, при водѣ же зѣло здоровой и изобилной, непрестанно потокомъ великимъ, аки рѣчица, текущей; на ней поставленную имуть мельницу, отъ нея же приобрѣтають ничто користи; прочее же отъ огадини питаются. Тамо пришедши азъ въ субботу въ вечеръ, и токмо пренощевыхъ. Завтра же въ неделю пойдохъ рано къ монастыру иному на службу Божию, понеже бистъ недалече.

Монастирь десятый, Каракаль.

Той стоитъ еще подъ вишшими горами, близъ *Авона*, недалече отъ моря, яко за поприще едино; аще и малъ, обаче лѣпотенъ строєніемъ тако отвнѣ, яко отвнутрь; и церковь имать такожде малу, токмо красну и расположеніемъ, и зданіемъ, и иконописаніемъ, кандилами же и свѣщами честно устроєнну. Глави ея цѣнію покровенни, и подножіе мраморное гладкое, съ пестротами. Монастирь оный долгою и широтою малъ, висотою же мѣренъ. Иноковъ имать мало, обаче въ всякой потребѣ ненуждень, имать бо своя корабли и мрежа и прочая при-

битки, ими же пытається. Оттуду тогожде дне, по трапезѣ, пойдохъ на ношъ къ монастиру иному. Се же того ради незамедлѣвахъ нигдѣ, скорѣйшаго ради обхожденія всѣхъ монастирей, понеже не во время прійдохъ въ Святую Гору, уже бившу тогда мѣсяцю Октоврію. Бистъ же тогда осень и бояхся, да некако ускорить зима и не укончу посѣщенія всѣхъ монастирей. Зима тамо такожде велика есть, найпаче ядовитіе вѣтри отъ верху *Аѳона* исходятъ, и невозможно путешествовати боязни ради поврежденія.

Монастирь единадесятый Лавра.

Монастирь той стоитъ въ самомъ концѣ гори Святой, подъ самимъ онимъ превисокимъ *Аѳономъ* (о немъ же прежде рекохъ), на равномъ и прекрасномъ мѣстѣ, уединенъ далече отъ всѣхъ монастирей, отъ берега висока, яко за поприще едино. Расположеніемъ и строеніемъ и величествомъ похвали достоинъ тако внутри, яко и внѣ. Тамо посредѣ монастира суть двѣ церкви великіе, съ главами, покровенными цѣнію, и съ подъяжіемъ мраморнымъ цвѣтораазличнымъ, съ иконописаніемъ же лѣпотнымъ, и устроеніемъ кандилнымъ, и всякою лѣпотою удовлетворенны. Трапеза такоже и велика и красна зѣло, въ ней же столи отъ мрамора бѣла, гладкимъ и искуснымъ художествомъ изсѣченніе. Сѣдитъ при водѣ: здоровой, текущей изобилно отъ спуда *Аѳона*. Имать братій зѣло много, множае паче всѣхъ монастирей. Есть бо монастирь оній славою и честію, и богатствомъ и первенствомъ вся превосходящій, и акиби главою есть въ Горѣ Святой, понеже никаковій соборъ, ни судъ, ни что либо ино безъ его повелѣнія биваетъ. Обитель она много содержитъ мѣста. Ни въ чемъ есть

оскудна, но въ всемъ изобилна, тако въ пѣнязехъ, яко и въ прочіихъ прибиткахъ. Оттуду пойдохъ округъ онаго Аѳона, порядку, уже завращающися на страну западную Гори Святой. Идохъ же три дни зѣло нужнымъ, жестокимъ и прискорбнымъ, отчасти же и ужаснымъ путемъ, по сухомъ и остроу камени, помежду не проходими вертепами и не обрѣтохъ ни единого монастыра, токмо все пустинножителѣ, скитающися въ горахъ и вертепахъ, инни же въ пещерахъ. Аще же и при всякомъ монастырѣ суть много скитовъ, обаче нѣ суть иноки толъ жестокаго житія, якоже тамо суть двѣ мѣста, на нихъ же обитають оніе уединенніе пустинницѣ. 1) мѣсто именуется Капсокави; оное мѣсто есть сухо и голо, и знойно въ лѣтѣ дозѣла. Тамо иноцы особнѣ единъ отъ другаго живутъ, и всякъ въ своей келіи имуть церковцу малу моленія ради особнѣ, едину велику общую, въ ней же вси сошедшеся, въ неделю и праздники, творять бденіе. Тамо ничтоже имуть, ни ограда, ни сада, кромѣ древа лѣсоваго, и то мало, тако бо изволиша нужно тамо сѣдѣти, прискорбнаго Христа ради житія. Устроиша келіи на единомъ сухомъ камени, надъ крутинами и ужасными провалинами, помежду скалами, по надъ моремъ стоящими, подобнѣ яко птенцы гнѣзда своя. Питаютьжеся единымъ рукодѣліемъ, ово крести, ово ложици дѣлающе. Тамо бихъ у единого монаха стара, перваго между ними, и ношевахъ у него, ему имя Акакій, той прославляемъ есть отъ всѣхъ въ Святой Горѣ, богоугоднаго ради своего житія, и есть первій между всѣми, скитающимися тамо. Слышахъ же, яко имѣеть даръ Духа Свята прозорливости. Второе мѣсто именуется Святыя Анни. Тамо скитовъ четредесять вкупѣ, въ нихъ же по два или три старцы обитають, всякъ свое творяи рукодѣліе, отъ него же питается продающие; не мо-

жетъ бо тамо безъ рукодѣлія сѣдити, понеже нѣсть ни мало мягкой земли на сажденіе лозъ, или на всѣваніе зерна. Токмо шафранъ сѣютъ, мало гдѣ изобрѣтши земли. Скали же тамо великіе и остріе. Путь же при-скорбень тамо отвсюду, и чудесно строеніе келій въ подобіе ластовичихъ гнѣздъ, идѣже отнюдь неудобъ мнѣть поставитися келіямъ, обаче чудеснѣ (Богу ихъ вразумляющу) прилѣпляются чудеснѣ, гнѣздящися, якоже рѣхъ, въ истинну въ подобіе ластовицъ. Имуть же своего начальнѣйшаго, его же послушаютъ. Имуть же и соборную перковь, древню, въ имя Святія Богопраматере Анны, въ нюже въ недели и празники снисходятся вси. Тамо ми обычное сотворшу поклоненіе, (пойдохъ къ монастырю инному) ¹.

Монастирь дванадесятій, святаго Павла.

Именуется отъ создателя своего, святаго Павла Аѳонскаго; той стоитъ отъ моря, яко за польпоприща, различенъ строеніемъ отъ всѣхъ прежднихъ. Стоитъ подъ самимъ Аѳономъ, отъ страни западной, низу, устроенъ чудеснѣ на острой скалѣ, юже несоглаждающе въ стѣну вьмороваху. Съдѣланъ въ подобіе единой вежи узкимъ дѣломъ, обаче зѣло високимъ, яко даже до пяти степеней, едни на другихъ цѣліи стоятъ. Церковь, аже есть святаго Георгія, не имать главъ, но вся совокупленна вкупѣ съ келіями подъ единымъ покровомъ, обаче внутрь и строеніемъ, и иконописаніемъ лѣпа, найпаче же прекрасно свѣтилниками и полѣкандилами устроена. И трапеза такожде лѣпа. Сѣдитъ при водѣ здоровой и многой. Имать бо потокъ великъ и бистръ, текущъ съ

¹ Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

подъ самага спуда Аѳонскаго; при немъ же и мелницу сооружиша. Имать же своя корабля и мрежа. Обитель изрядня строеніемъ и необычнымъ; токмо убога, и иноковъ зѣло имать мало. Иноци же суть языка Сербскаго. Тамо прискорбное отчасти житіе, понеже сѣдитъ между великимъ яромъ, подъ стѣною високой гори, на сухомъ камени, и отъ лѣса, и отъ базара далече; обаче доброе мѣсто, аще кто хоцетъ жити на уединеніи. Тамо пребыхъ день и полъ и пойдохъ чрезъ великіи гори и яри, древа на себѣ великаго не имущими, токмо малое хвастіе и каменіе великое, и дойдохъ къ монастыру иному.

Монастирь третійнадесять, Діонисать.

И той такожде зовется отъ имени сооружителя своего; и той такожде високаго строенія и на високой острой каменной скалѣ стоитъ, якоже и святій Павелъ; токмо подъ нижшими горами и близъ моря, яко единости вергнути каменемъ. Расположенія ширшаго, и внутрь далече пространѣйшій и веселѣйшій. Церковь имать особнѣ раздѣленну, посредѣ монастыра стоящу, ей же имя Іоанна Предитечи,—лѣпотна строеніемъ и дѣломъ, якоже и во прочіихъ началнѣйшихъ монастырехъ, си есть, съ столпы каменными и подножіемъ мраморнымъ, гладцѣ посланнымъ. Свѣщами же и лампадами довольно украшенна, и иконописанна отъ верху до низу чисто, главы имать чино съоруженіе, и покровъ ея весь цѣновъ. Трапеза же толь красна и строеніемъ, и иконописаніемъ, яко дивитися воистинну, яже аще би имѣла столи отъ камене сѣченіе, якоже въ прочіихъ монастырехъ, превосходила би всѣхъ лѣпотою и величествомъ. Иноци тамо обитають Греческіе, числа доволнаго. Чинъ церковній управляютъ добрѣ. Кормятся довольно, наи-

паче жо отъ моря, имать бо своя корабля и мрежа, и мелницу на водѣ текущей, подобнѣ, якоже и въ прежнемъ. Стоитъ далече отъ лѣса и отъ базара, и трудное тамо путшество, обаче полезное къ спасенію. Тамо прійдохъ съ вечера и пренощевашъ. Таже заутра рано пойдохъ паки тяжестнымъ путемъ по-надъ моремъ, чрезъ высокіе преходящи гори и сухіе, на нихъ же мало гдѣ обрящещи великаго древа, токмо хвастіе мало, камене же много, и прійдохъ къ монастыру иному, четвертомунадесять.

Монастирь четвертїйнадесять, Григоріу.

И той такожде именуется отъ своего ктитора. Сѣдитъ на самомъ брезѣ морскомъ при водѣ, малъ и низокъ строеніемъ храмъ Святителя Христова Николая, неразлучень въкупѣ, но совокуплень, весь бо монастырь подъ единимъ покровомъ каменнымъ, и сверху ничтоже не познавается, токмо, яко едина полата стоитъ. Внутрь же имать вся сокровенна. Церковь простаго строенія, обаче лѣпаго украшенія, и подножіе бѣло мраморное. Трапезу имать малу, съ столи деревянными. Монастирь онїй прежде бѣше Болгарскїй (якоже слышашъ), суть бо тамо еще старіе и книги Болгарскіе. Таже по запустѣніи населишася Греки, иже и доселѣ обитають. Монастирець онїй малъ и некрасень, иноковъ же имать довольно, и питается добрѣ; имать же своя корабля и мрежа, Отъ лѣса стоитъ поблизу, отъ базара далече, яко четири часа хожденія имать. Сѣдитъ подъ горами высокими, при водѣ здравой; чинъ свой управляетъ, якоже и прочїи. Тамо мало замедлѣхъ, токмо сотворихъ свое обычное путническое поклоненіе, и снѣвши трапезу, пойдохъ паки по-надъ моремъ, высокимъ и тяжестнымъ пу-

темь, чрезъ гори, древесъ мало, токмо каменіе имущими, и прійдохъ тогожде дне, уже заходящу слонцу, къ монастиру пятнадцатому.

Монастирь пятінадцять, Симопететра.

Онїй монастирь зѣло удивительнїй и строенїемъ, и мѣстомъ, — яко не вѣмъ, како тебѣ, (благїй читателю), изобразити; многїи бо его видившіи (якоже слисахъ) чудятся, како и каковымъ образомъ тамо устроися, и како держится. Мѣсто же его есть таково: холмъ единъ каменнїй, великїй и високїй, отлучно отъ горъ, зѣло високо отъ берега морскаго, подъ самимъ верхемъ горъ стоящїй, на немъ же монастирь, подобнѣ яко и святїй Павелъ, устроенны си есть, даже до пяти степеней едини келїи верху другихъ стоятъ, обаче основанїемъ еще далече височайшїй, и строенїемъ чудеснѣйшїй. Аще бо и той на остромъ и високомъ холмѣ каменномъ стоитъ, но отъ единїя страны придержится горою, понеже близъ гори стоитъ; тойже на уединенномъ далече отъ горъ, на единомъ, зѣло високомъ холмѣ каменномъ, високо и кругло устроеннїй, аки едина нѣкая прекрасная вежа, или столпь стоитъ. Роги или угли онаго холма внутрь стѣнъ монастирьскихъ умурованны, понеже не могоша его соравнїти толъ високой махїни; внутрь же монастиря и нинѣ подножіе не равно, но индѣ гори, индѣ же долини. Широтою есть узокъ, якоже и холмъ; егда же кто отъ верху високихъ келїй низу смотритъ, тому душа униваетъ отъ великой високости, понеже около онаго холма яри глубокїе, и отъ моря страна крута. Монастирь онїй лѣпотень строенїемъ отвнѣ и внутрь; целїи едини на другихъ чинно устроеннїе, иноковъ имать довольно, суть же иноци Греческіе. Воду имать текущую издалече, отъ

*

верху горъ, по верху муровъ къ монастыру, понеже монастырь не касается горъ стѣною, того ради особнѣ содѣланнѣ мури отъ горъ даже до монастыра, прешествія ради воднаго. Церковь имать Рождество Христа Господа вкупѣ съ келіями съвокупленну, лѣпу, височайшую целій, ея же верхи цѣнію покровенни, и внутрь вся иконописанна съ подножіемъ мраморнымъ и со кандилнымъ устроеніемъ. И трапеза такожде красна и пространна. Обитель красна и чудесна строеніемъ, въ пищи доволна. Имають пристанище корабелное. Отъ лѣса недалеко, отъ моря високо, отъ базари три часа. Тамо азъ замѣдлехъ ношъ едину. Оттуду заутра пойдохъ пакы велики горами, обаче путемъ равнымъ и не толъ каменистымъ. Таже съблудихъ отъ пути, и пойдохъ между великіе горы и вертепы, и чрезъ непроходимій предирахся лѣсъ, ктому ліяшеся дождь и многую претерпѣхъ нужду и скорбъ даже до слезъ, омоченъ, отягченъ и утружденъ сій дозѣла, и ходяхъ тако безпутенъ, яко три часа, воздыхаючи и молящися къ Богу, да мя поставитъ на путь добрій. Таже обрѣтохъ стезю велику и по малѣ прійдохъ къ монастыру иному.

Монастырь шестійнадесять, Ксеропотамъ.

Той монастырь сѣдитъ на равномъ и красномъ мѣстѣ, подъ горами не великими, уже бо оттуду нижшіи начашася горы, отъ моря яко за поприще едино. Лѣсъ же всюду окрестъ великъ, воду имать здраву, текущу отъ горъ. Строенія обширнаго, токмо низкаго. Церковь имать красну и строеніемъ и иконописаніемъ, съ главами и покровъ цѣновимъ, и подножіемъ бѣлымъ мраморнымъ, и трапезу такожде лѣпу и велику. Монастырь изряденъ, токмо отчасти убогъ, питаетъ же ся нужно, и

братіи имать мало. Иноки же тамо обитають Греческіи.

Тамо азъ зѣло мало премедлѣхъ. Токмо бо пришедъ, сотворихъ свое должное путническое въ церквѣ иконамъ святымъ поклоненіе, и снѣдши трапезу, пойдохъ далей. Бистъ бо день суботній, и недалече отстояше монастырь Русскій, и ускоряхъ тамо прійти на вечерню, хотя послужити въ церквѣ, еже и бистъ тако.

Монастырь седмѣнадцатъ, святаго Пантелिमона.

Пришедшу ми въ монастырь Рускій еще прежде вечерни, узрѣхъся съ иноки, отъ моя страны сущими, и привѣтвовавъ съ ними, и рады бихомъ другъ другу, и пріяша мя съ любовію, яко странна, благодарствующе за толь великія труды и за посѣщеніе, и молиша мя, да пребуду съ ними вкупѣ въ монастырѣ, или, аще ни, то поне замедлю нѣкое время. Азъ же любве ради ихъ замедлѣхъ тамо три дни, и ходяще по вся дни на правило церковное, поюще и чтуще съ ними вкупѣ, и довольни биша мною, и видѣхъ чинъ ихъ въ церквѣ и трапезѣ такожде, яко и въ прочіихъ монастырехъ Святоторскихъ, а не тако, якоже вся инако творять въ своей земли, на Русіи. Чинъ же ихъ есть таковъ, якоже слышалъ еси прежде въ монастырѣ первомъ, Болгарскомъ. Монастырь оній не великъ, обаче лѣпотенъ, якоже и прочіи, бѣше строеніемъ, нинѣ уже обѣтша, понеже много лѣтъ пустъ стояше и не бѣше даже доселѣ кому онаго снабдѣвати. Сѣдитъ же на мѣстѣ паче всѣхъ монастырей краснѣйшомъ и вишшомъ, на самомъ верху горъ, на мѣстѣ равномъ, на земли мягкой и плодородной, камене неимущой, или зѣло мало. Токмо лѣсомъ окружень великимъ, въ немъ же древесъ до избытка довольно и къ паленію и дѣланію ручному, наиболше тѣхъ,

иже плодъ приносятъ къ яденію и иному употребленію, яко то дрѣвеса каштановіе, бобковіе и прочіи. Церковь тамо лѣпая, якоже и въ прочіихъ монастырехъ, си есть, верху покровъ цѣновій имать, внутрь же подножіе мраморное съ пестротами, и иконописанна отъ главы до ногу, токмо зѣло ветха и поразсѣдася на многихъ мѣстѣхъ, ктому же нѣсть тако устроена иконами, кандилами и лампадами, якоже индѣ; убога бо ѣсть, и не имать что откуду взяти, и не обрѣтается ктиторъ или досмотритель ея. Трапеза такожде и пространна и лѣпо внутрь списанна иконами Святыхъ. Воду имать сладку и здраву, текущую же и почерпателную. Словомъ рещи, довольно изрядна и на красномъ мѣстѣ стоящая обитель, токмо зѣло нища и убога, яко едва съ нудею воскормляется. Аще бо и много имать землѣ подъ своею властію, и села имѣяше, якоже свѣдильствуютъ грамоти старинныя, но нинѣ чужда рука владѣть, понеже нѣсть тамо кому простерти языка, ни рукъ въ снабдѣваніе онихъ добръ, строители бо или игумени все биша чужди, или отъ Грековъ, или отъ Болгаровъ, отъ Руси же ни единъ бистъ (якоже слишахъ); понеже тамо отъ Руси мало приходятъ, или аще и приходятъ поклоненія ради, то паки бѣжатъ воскорѣ, яко дивіе серны отъ тенета. И вѣру ми ими, истинну бо ти реку, благій читателю, яко наша Русь не токмо тамо, ни въ коемъ иномъ Святія Гори монастырѣ не можетъ долго пребивати, развѣ кто подражаетъ Іовлему терпѣнію. Въ нашой бо странѣ иноки въ монастырехъ аки святіе въ раю пребиваютъ, въ всякомъ доволствѣ и безмолвіи, не трудящеся ни о чемъ, токмо своемъ спасеніи, понеже тамо имутъ села и подданніе, иже вся потребная монастыревѣ содѣлываютъ. Въ Горѣ же Аѳонской ничтоже отъ сихъ имущіи, въ рукахъ Турецкихъ суще, иноки труждаются денно и

нощю, работающе съ изліяніемъ пота; днемъ копающе землю, и творяще лозіе винограда, и всѣввающе зѣрно пшенично, имъ же питаются; нощію же труждаются о спасеніи своемъ, — и того ради Россійщики бѣжатъ отгуду воскорѣ, яко ненавикомъ труда земледѣльнаго. Тамо же инако жити не можетъ, понеже единѣмъ трудомъ и себе всяку требѣ удовлетворити, и отъ Турка откупитися, емуже многія даютъ денги, да не изгнанны будутъ, понеже тамо лѣпотою есть инокомъ райское жителство. Тамо въ монастырѣ Русскомъ обрѣтохъ тогда четири токмо, иже пребываютъ законники: два отъ Руси, а два отъ Болгаровъ, и игумень Болгаринъ бѣше. Имуть свою мельницу и нѣколико скитовъ, отъ ихъ же мало користи взимають, и питаются, якоже могутъ и якоже ихъ Господъ управляетъ. Тамо азъ любви ради Русскихъ иноковъ и сожалѣнія ради осиротѣлой, убогой обители, премедлихъ три дни. Таже пойдохъ къ монастыру иному.

Монастирь осмыинадесять, Ксенофъ.

Той монастырь сѣдитъ на самомъ брезѣ, егоже въ время волненія касается вода морска. Строенія низкаго, подобнаго якоже и Рускій. Церковь имать лѣпу, съ многими главами, покровенными цѣнію, иконописанну внутри красно, съ подножіемъ мраморнымъ, и трапезу лѣпу довольно. Сѣдитъ при криницѣ здоровой, текущей отъ горъ. Убогъ едва не тако, яко и Руской. Имать своя кораблица и мрежа, и мельницу при потоку водномъ, отъ ихъ же мало користи взимають, проче отъ труда питаются. Монастирь оній прежде бѣше Сербскій, нинѣ же съ Греки смѣсишася. Чтутъ же въ церкви весь полъ и Гречески и Болгарски. Тамо

пребихъ полъ дня и ноцъ. Оттуду пойдохъ къ монастыру иному, порядку.

Монастирь девятыйнадесять, Дохиаріу.

Сиче реченній отъ ктитора своего, той монастырь обширнаго и високаго строенія и лѣпаго. Церковь же височайша строеніемъ и болша долготою, нѣсть въ всей горѣ, якоже тамо. Многія же главы верху имать лѣпо устроеніе и гладцѣ покровенны цѣнію. Подножіе ея чисто и гладко отъ мраморными дсками усланное; притворъ такожде великій и лѣпій, якоже и церковь. Вся же иконописанна честно, и кандилами и лампадами устроена зѣло красно, яко услаждаетъ зрящаго зѣници, и во истину едва мало не соравняется съ Хиляндарскою. Симъ токмо разнствуеть, ято тамо и покровъ и подножіе неоцѣненно имать. Такожде и трапезу велику и изряднѣ иконописанну имать. Иноци тамо изобилни, чтутъ Гречески, чинъ управляютъ лѣпо. Имѣють своя корабли и мрежа и всякое доволство. Монастирь оній и великъ, и лѣпотень отвнѣ и отвнутрь строеніемъ, и на веселомъ мѣстѣ стоитъ, на единой равнинѣ, мало вишше брега, подъ горами красными, всякое древо имущими, при водѣ здоровой и чудотворной (о ней же послѣди), отъ базаря два часи. Церковь, яже тамо есть, именуется храмъ Собора Святаго Архистратига Михаила и прочіихъ Силъ безплотныхъ, ихъ же чудесъ тамо иноки многа имуть, якоже слишахъ, и нѣкія отъ онихъ здѣ въ изявленіе инимъ полагаю. Первое. Единъ юноша, послушникъ сій монастырскій, нѣгдѣ, внѣ Гори Святія, на прибиткахъ монастырскихъ сѣдѣше, стрегій я и копающу ему тамо землю, по Божію смотрѣнію, случися обрѣсти сокровище. Оній юноша, бивши вѣренъ слуга обители

святой, хотяй и усыновлитися тамо, дойде къ монастыру и возвѣсти игумену. Игуменъ, возвѣстивши братіи и избравши тріехъ отъ иноковъ началнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ, посла тамо, да возьмше привезутъ е въ монастырь. Иноки, возьмше корабль, отплиша тамо, бяше бо на единомъ островѣ, недалече отстоящомъ отъ Гори Святія, и, дошедше тамо, обрѣтоша единъ конобъ великъ, полнъ злата, верху алабастровимъ каменемъ покровенъ; иземше же его отъ земля, вложиша въ корабль и отплиша вси, купно съ онымъ юношою. Пловущимъ же имъ, древняя злоба діаволь помрачи сердца иноковъ тѣхъ лакомствомъ, и всѣя имъ мисль, да камень оній, имъ же покровенъ бяше конобъ, оцѣпивше вервомъ, и привязавше до шіи оному юноши, вергутъ и въ море; сами же, раздѣлившеся онымъ златомъ, и сокривше его, дойдутъ въ монастырь и рекутъ, яко солга оній юноша и сведе ни, и не вѣми, камо убѣже. Но слиши, благій читателю, каковое чудо сотворися. Вергшимъ бо имъ того послушника въ море, внезапно невидимо предсташа два Ангела свѣтла, и взяша его, и принесоша, и поставиша внутрь церкви, яже въ монастырѣ, всего омоченна и съ каменемъ, яже на шіи его. Дошедшимъ же инокомъ къ монастыру и рекшимъ, яко написахъ прежде, и задрѣвшимся, еже не обрѣсти имъ ничесоже, — явѣ показася ложъ ихъ, егда изведенъ бистъ юноша отъ церкви въ видѣніе всѣмъ и повѣда, якоже бистъ. И исповѣвши грѣхъ свой, отдаша все злато, якоже обрѣтеса, и прославиша иноци Небеснія Сили, паче же Бога, и украсиша церковь и монастырь лѣпо; камень же той и доселѣ лежитъ въ олтарѣ. 2. Ищущимъ тамо инокомъ, гдѣ би обрѣсти воду, питія ради, Ангель Господень во снѣ показа, и ископаша тамо кладязъ, отъ него же и доселѣ почерпаютъ воду здраву зѣло. 3. Пришедшимъ

Тутъ же и достигши стѣны монастырь, Архи-
ерей, въѣхавъ въ монастырь, зашедши на кони, разгна-
въ и животы, и людей, и такъ спасе монастырь отъ
иже въ немъ быша и прочая многая чудеса,
иже въ немъ быша, и то, что въ книгѣ и поученіи зде
въ сѣмъ монастырѣ, сего. Тамъ въ ономъ монастыри
иже въ немъ быша, и то, что въ книгѣ и поученіи зде

Тои вѣрѣхъ сиихъ отъ кнѣзя своего. Бѣсть же ни
 въ обихажаніи свѣтлѣ Горѣ послѣдній, повеже, якоже
 прѣдъ рече,хъ, пѣдѣхъ сѣхъ монастырей тамо. Мона-
 стирѣ сиихъ вѣсѣхъ подобенъ строеніемъ Рускому, и пер-
 бонимъ и трапезомъ, и великимъ, токмо мѣстомъ раз-
 ствѣхъ, повеже: стоить въ долини, нѣзбо, между горами
 окрестъ обиташимъ, и между великимъ лѣсомъ кашта-
 новымъ, при водѣ сладкой и аравой, отъ горъ теку-
 щой. — отъ моря далече и отъ базара такожде хожденія
 три часа. Инокѣхъ имѣхъ мало. Нѣхъ же въ нихъ ни
 кораблей, ни мрежей, токмо нѣболѣго скитѣхъ подѣ
 властію, отъ нихъ же взимають користи мало, прочее же
 питаются, дѣлающе землю. Здѣ буди благодареніе Богу
 яко по желанію моему дойдохъ и посѣтихъ вся мона-
 стиря, иже сѣхъ въ Горѣ Аѣонской, Ему же отъ всѣхъ
 естъ честь и слава, нинѣ и всегда, и въ вѣки вѣковъ.
 Аминь.

Обидшу ми и посѣтившу монастыри, скити и вся
мѣста святѣ въ Горѣ Аѳонской и хотяшу пакы возвра-
титися въ градъ *Солунь*, прослуся нѣкая вѣсть, отъ
Царя-града тамо пришедшая, коея ради возбраненъ
продускъ *иноземцѣмъ* бѣше. Сего ради убояхся оттуду
идѣти, *къби* не впасть въ нѣкую напасть. И

земли Турецкой латво о тое, къ тому же проявляхуся частѣ студеніе вѣтри и дождеве безгодніе, и приближа-
шеся зима. Зима же тамо люта не тако, яко въ инихъ
странахъ. Сего ради удержажся тамо отъ Октоврія 1-го
до 1-го Февруарія чрезъ зимное время, и пребивахъ въ
монастирѣ Рускомъ, церковнымъ набоженствомъ и послу-
шаніемъ монастирскимъ упражняся, даже до мѣсяца
Февруарія. Разсмотрѣхъ же вся чини, обикновенія и
мѣста красоту Святой Гори Аѳонской, яже суть сія:
Гора Аѳонская подобится нѣкому панству невелику, въ
ней же монастыри началніе яко гради, а меншіе яко
двори панскіе, скити же яко фолварки, иноки же, яко
граждане. Величествомъ есть въ долготу два дни хо-
жденія, въ широту же единъ день. Есть же тамо мѣсто
посредѣ Гори, именуемое Карія, идѣже устроене суть
комори, купцевъ ради тамо приходящихъ и своего ради
продаванія нуждныхъ вещей, понеже отъ града далече,
и не исходятъ иноцы въ міръ, развѣ зѣло нуждной ради
потреби. Сего ради приходятъ тамо купци и торговци
съ различными товари. ово отъ острововъ по мору, ово
же отъ Селуня по земли, и собираются ярмарки трижды
въ годъ, якоже слишахъ, кромѣ иннихъ торговъ меншихъ,
иже на всяку субботу бивають; на него же егда свѣй-
дуться иноцы мнози, едино утѣщеніе сердечное и очсsemъ
лѣпотное зрѣніе, найпаче иноземцу зрящу является. По-
неже оное Богомъ избранное стадо, аки нѣкій ве-
ликий соборъ, или процессія, едино умиленіе человѣку
приносятъ, вси бо тамо, кромѣ приходящихъ торговцевъ,
не токмо иноцы, но и мірскіе послушники черновласными
одѣянны одеждami, съ преклоненными вѣями и лицемъ
смирненнымъ другъ другу прекланяюще главы, съ всякимъ
любезнымъ цѣлованіемъ, съ тихостію и кротостію, не
многоглаголюще, развѣ точію что нужно, и то съ лю-

бовію и всякимъ смиренномудріємъ. Наиболше въ нихъ слишится слово сіе: „благослови и прости“. Всякъ же свое, его же творить, продаетъ рукодѣліе: ѻвіи крести, иніи же печати просфорніе, нѣціи же ложки, друзи же чотки, прочіи же парамани, подкапки, сандалія, ножи прекрасніе и многоразличніе вещи, своими дѣлающе руками, продають и отъ труда питаются. Понеже тамо незнающему никакогого рукодѣлія и не имущему сребра зѣло нужно есть жити на уединеніи, въ монастыри же съ многимъ трудомъ хлѣбъ ядятъ, понеже не имуть подданихъ, якоже въ странахъ инихъ, но сами копающе и оруще питаются. Землю имуть добру къ плодородію. Хлѣба имуть довольно, понеже отъчасти сами сѣють, болше же привозять по суху отъ Селуня и отъ острововъ морскихъ по водѣ. Много пріяздятъ чловѣцы поклоненія ради и продаванія, аще кто что имать, и потребная такожде себѣ купують на благословеніе въ доми своя, яко то: крести, чотки, ножи и прочая. Вина много тамо раждается. Понеже ниже продають, ниже купують, но всякъ, иже піеть его, изобилно имать на потребу свою. Суть же нѣціи, иже никогдаже вкушаютъ вина и суть друзи, иже въ субботу и въ неделю; вси же три дни въ седмицу воздержуются, развѣ аще кто лакомій утаеннѣ испіетъ чашу, или недужный воскрѣпленія ради. Чинъ церковный благочестно въ моленіи имуть; кандила и лампади нигдѣже тако лѣпо не устрояють, яко тамо; кимваловъ не имуть вси, аще нѣгдѣ въ началнихъ монастырехъ и обрѣтаются, то развѣ въ дни неделны и празнични въ нихъ бряцають. Благовѣстятъ же на правило церковное по вся дни въ древаніе и желѣзніе била. На вечерню клеплють въ било великое деревяное. Аще же имать бити на вечерни „Блаженъ мужъ“, то и въ желѣзное клепало біють. Павечерницу поють въ притворѣ,

клеплютъ въ малое било деревяное. Егда же начинаютъ пѣти канонъ, то оглашаютъ въ малое клепалце желѣзное. На полунощницу благовѣстятъ въ тожде клепалце желѣзное, таже въ малое деревяное, и чтутъ въ притворѣ полунощницу. Скончавши же, клеплютъ въ великое било деревяное, и вшедши внутрь церкви, чтутъ утреню; канонъ на всякъ день поютъ. На девятой пѣснѣ въ малое клепало желѣзное бѣютъ. Чась же первій внутрь церкви чтутъ, не исходяще. На часѣ бѣютъ въ било въ малое деревяное и чтутъ въ притворѣ; обѣдницу же внутрь церкви, на службу въ било великое деревяное оглашаютъ, аще же полиелей биваетъ, то и въ желѣзное; на девятой часѣ въ малое било деревяное, и чтутъ въ паперти церковной. На трапезу въ особое било великое токмо три толка ударяютъ. Хлѣбъ же егда имутъ пекти, исходитъ седмичный пресвитеръ съ оиміакомъ надъ замѣшанное тѣсто, и покадивши его честно, глаголетъ: „Благословенъ Богъ нашъ.“ Трисвятое и по „Отче нашъ“, тропарь и кондакъ храму. Таже священникъ читетъ молитву ону, яже читается на бденіи, на благословеніи пять хлѣбовъ, и благословяетъ рукою своею крестообразно тѣсто, и отпустъ творить. Послѣди же братія дѣлаютъ хлѣбъ. Хлѣбъ тамо дѣлается малъ, понеже всякой особѣ единъ хлѣбъ на трапезу поставляется особнѣ, и мала мисочка варенія, и всякому особна мѣрица вина. Держать правило отъ ветхихъ временъ, еже не входити тамо женѣ никакоже, ниже поклоненія ради, аще би была и царица. Не токмо же женѣ, но ниже скота и всякаго животнаго женска полу не попускаютъ вніти тамо. Аще бо и имутъ скоти нужной ради потребы, то все мужеска полу; навѣтъ домашніи звѣри, коти, безъ нихъ же трудно, и тѣмъ вси суть мужеска полу, и пѣвнѣ, побудки ради, понеже купуютъ ихъ отъ купцовъ драго, которіе

пріяздять въ Святую Гору и привозять по суху или по мору. Ничтоже тамо обрѣтается женска полу, развѣ то-чю дикихъ звѣрей, яко то: елени, серни, дикіе кози, дикіе коты, лисицы, зайцы и прочая. Суть бо тамо прекрасніе и великіе лѣси, различніе въ себѣ содержащіе древа, яже суть сіи: певги, кипариси, тиси, кукунари, смереки, ялины, сосны, явори, дубы, ясены, бобки, наипаче же каштановъ многое изобиліе, и прочіи безъ числа, имъ же имени не вѣмъ. Много же древа садоваго по монастирамъ и скитамъ суть, яко то: черешнѣ, дулѣ, яблока, орѣхи волоскіе, орѣховъ лѣсковихъ премножество, виногради различни, смоквы, маслинъ изобилно, помаранчи, лимонѣ, сливы и прочая. Словомъ рещи, въ всемъ избранное иноческому житію мѣсто. Отъ всѣхъ бо странъ зрится море и кораблѣ, на немъ плавающе поблизу и издалеча, обходитъ бо едва не округъ море; токмо отъ единой полунощніи страни касается брега землѣ великой, на нейже все стоятъ чрезъ всю Болгарію, даже до Волохъ великіе горы. Мѣсто оное безмолвное и зѣло спокойное отъ міра, и не инному, токмо монахомъ прилично; токмо многую дань Турки налагающе, обнищаютъ его.

Годъ 1726.

На новое лѣто, Януарія 1-го, бяху снѣзи велики въ Горѣ Аѳонской, и мрази такожде. Зима бо тамо люта, но токмо кратка, и то на висотѣ горы снѣгъ и мразъ биваетъ. Воскрай же моря въ дождь притворяется, и ни мало хлада слышатъ живущіи развѣ отъ нѣкоего вѣтра полунощнаго. Всегда бо море отъ естества своего теплое испущаетъ дыханіе, и никогда же низу живущіи терпятъ зиму, поелику бо верху горъ падаютъ снѣзи,

потоплику низу являются дождеве. Въ монастырѣ Рускомъ святаго великомученика Пантелеимона, идѣже и азъ пребывахъ, хлади и снѣзи великіе суть. Въ то бо время, егда начаху падати снѣзи предъ Рождествомъ Христовымъ за седмицу, лежаху невредими даже до Богоявленія Господня. Таже, егда явился вѣтръ тепль, за два дни вся исчезоша, и послѣди не являхуся, понеже уже зима преставаше и начинашеся весна. Видящи же азъ приближающееся время путешествію своему, моляхъ всемогущаго Бога, преведшаго мя чрезъ многіе землѣ безвредно и безнападно, да и до конца исправитъ путешествіе мое благополучно, и преведетъ мя даже до отчества моего безвредно.

Богъ же вѣсть, колікое гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребываючи въ Горѣ Аѳонской, тося ради вини, яко по Латинскимъ странствовахъ странамъ, не хотяху бо мя на многихъ мѣстехъ воспріяти къ прежитію, много о мнѣ мняще въ своихъ мислехъ и еретикомъ мя оглаголствующе въ всей Горѣ, тако Греческіе иноки, яко и Болгарскіе, увѣдаху бо о мнѣ, яко ходихъ въ Римъ, и у папи Римскаго ядохъ трапезу, и въ церкви ихъ вхождахъ. Сего ради возбраняху ми причаститися Тѣла Христова, мняху бо мя имуща препятіе. Егда же увѣдаху чрезъ духовнаго отца моего, давшаго ми свѣдѣтельствовавшую хартію, яко ни въ чемъ препятія неимущему и волному приступити къ Пренайсвятѣйшей Евхаристіи, тогда едва съ покутою съ благословеніемъ архіерейскимъ, позволиша мнѣ, и причастихся Тѣла и Крове Господня въ остатной седмици поста предъ Рождествомъ Христовымъ. Таже извѣстившеся, яко повсюду миръ и тишина слышится, и Богу благодареніе воздавши, яко по желанію моему сподоби ми дойти Гори Аѳонской и поклонитися мѣстамъ

святимъ, изійдохъ оттуду мѣсяца Февруарія 1 дня, въ вторникъ на всеедной, съ инними двѣма челоуѣки, мірскими торговци, иже въ Святой Горѣ сѣдаху въ коморахъ на базарѣ и куплю дѣяху, но тогда идяху въ Солунь, иже и жилци тамошніе бяху. Огласиша бо отци Аѳонскіе, да вси мірскіе послушници, и ремесники, и торговци исходятъ вонъ, всякъ во свое отчество. Се же таковой ради нужди: Сироти и бѣдніе люде, убожества ради своего неимущіе дати Туркамъ дани, яже у нихъ зовется гарачъ, убѣгаху въ гору Аѳонскую, и тамо живуще свободни пребиваху всякаго поплащенія, понеже Турчинъ никогда же вхождаше тамо, но въ время раздаванія гарачу, на всяко лѣто посылахуся началнѣйшіе иноци въ градъ Солунъ, и куповаху точію сѣмъ сотъ. акиби не имуще въ Горѣ Аѳонской болше, яко пять сотъ челоуѣка. Есть же всѣхъ иноковъ и мірскихъ надъ двѣ тысячи народа. Чрезъ многое же время на всякъ годъ умножаху Турки дани, не вѣрующе бити малу числу, и уже даяху (якоже слышахъ) на всяко лѣто осмьнадесять кесій сребра, си есть, осмьнадесять мѣшковъ, мѣшокъ же содержитъ въ себѣ пять сотъ таларей. Но еще и тимъ гордѣй супостатъ недоволенъ, насилуовавше того году самъ гарачій ити въ Гору Святую, и самъ вся кому раздавати гарачійкіе листи, еже не бистъ никогдаже тамо. Много же его моляху и дари ношаху, но не могоша зависти его утолити. Сего ради повелѣша, да вси мірскіе изійдутъ оттуду, да еще пришедъ самъ гарачодавецъ, и видѣвъ число мало, не покусится на второе прійти лѣто. Глаголаху бо иноци, яко еще Турки будутъ входить въ Святую Гору сами собирать данъ, не останеть отъ иноковъ ни едина нога жива тамо. Здѣ всякъ разсуди, покушайся ити въ Гору Аѳонскую. Истинну ти реку, друже, яко райское би било инокомъ тамо жи-

телство, аще не би била Турецкая дань, Богъ же вѣсть что тамо нинѣ творится по отшествіи моемъ.

Идущу ми тогда отъ Гори Аетонской, остахся отъ содружества своего; и заблудихъ отъ пути, и идохъ самъ единъ, ускоряючи, хотящи ихъ постигнути, мняхъ бо, яко преди мене суть; они же остапаса, ожидающе мя, и разминухся, ускоряя зѣло. Случижесе мнѣ того дне въ разбойническихъ рукахъ бити близъ смерти третицею. Единъ бо мя стрѣте съ млатомъ великимъ желѣзнимъ, и начать на мя напастію налазити, воспящающе путь мнѣ, и покушающесе млатомъ мя ударити. Но видѣвъ мя жезль великъ въ рукахъ носяща, къ тому же болша себе, и жестоко ему отвѣтъ дающа, убояся, да не како мною одолѣнъ будетъ, не имѣше бо кромѣ млата никакогого оружія. Сего ради остави мя, отъиде въ свояси и разійдохомся безъ пораженія. Паки, прешедшу ми, яко стогну едину, стрѣтоша мя пятерица человекъ, и сіи не вси, мною, бяху разбойници, но разбойническіе хранители. Единъ же отъ нихъ бѣше истинный разбойникъ, въ раздраннихъ рубищахъ, страшень лицемъ и ужасень зракомъ. Очеса бо его напоенни кровію, исполненни же ненасытною завистію, руцѣ его къ убійству, хищенію и грабленію готови, нозѣ его къ бѣгству и гоненію скорі, сердце его огнемъ ярости дышущее, исполненно гнѣва и рвенія, и всякая злоби діявольскія. Главу имѣяй безсовѣстну, возвишенну, носящу поврежденніе чувства, вію продолженну имій, словомъ рещи, весь ужасовиденъ, и аки левъ готовъ на ловъ. Той, узрѣвши мя, абіе воскочи къ мнѣ, начать обнажати мя отъ ризи, юже ношахъ, мнѣ же сопротивляющуся ему. Онъ поятъ мя единою рукою за перси, другою же извлече ножъ, хотя мя пробости. Азъ же возопихъ къ нимъ Греческимъ языкомъ: „помилуйте мя,

христiане ли есте, что творите?“, бяху бо вси Греки. Они же емше его за руку, отьяша ножъ и свободиша мя отъ него. Азъ же бѣжахъ. Разбойникъ же начать гонити вѣслѣдъ мене, хотя постигнути и не постиже, бѣ бо пьянъ, и не можаше далече бѣжати, таже возвратися. Азъ же, благодаря Бога моего, яко не попусти мя нагло скончатися, идохъ далей, хотя дойти до веси, бѣ бо весь не весьма далече. Шедшу же ми, яко польпоприща, паки стрѣте мя единъ худоризецъ, оружiе огненное носяй, високъ и страшень образомъ, пьянствомъ дишай. Той, мню, бистъ христiанинъ; но начать мя вопрошати жестоко, что есмь и камо гряду? Азъ же, миная и уходя скорѣе, рекохъ Греческимъ нарѣчiемъ: „не знаю, что ти рече“. Онъ же паки Гречески тiа же рече словеса, и хотя возвратити мя, пойде вѣслѣдъ за мною. Азъ же бѣжахъ скорѣе и сокрихъся въ густиню лѣса, и той, не видя мя, прочее возвратися воспать, скверними мя безъчествующи словеси. Азъ же, вся та наказанiю мнѣ отъ Бога посылаему бити разсудивъ, и положивши крестное на себѣ знаменiе, пойдохъ паки и прiйдохъ къ единой веси, въ нейже самiе христiане живутъ, и вопросихъ о людехъ, съ ними же идохъ до Селуня, и ничтоже уразумѣхъ, и скорбѣхъ дозѣла, не вѣдый, что творити, не имѣхъ бо съ кимъ ни до Селуня, ни воспать ити, и упросившеся у одинаго челоуѣка, обнощевахъ. Случишажеся людiе отъ Селуня грядущiе въ Гору Аѳонскую, и нощеваху въ томъже селѣ. Заутра же, съ совѣтомъ многихъ людiй, совокупихся съ ними, еже возвратитися паки въ Святую Гору, и идохъ съ ними отъ утра даже до полудни. Таже стрѣтохъ противу мнѣ грядущихъ съпутниковъ моихъ, и возрадовался дозѣла. Совокупихъжеся паки съ ними, возвращаяся на предъумишленный путь свой, и благодарихъ Бога

яко исправи путешествіе мое. Идохъ же чрезъ силу, ускоряя за ними, бояхся бо, да не како вторицею оставятъ мя въ пустыни, и убіють разбойници. Тяжестно же бистъ тогда путешествовати: они бо мулами издыху, азъ же пѣшеходно. Тогда идохомъ зѣло труднымъ путемъ, не тимъ, имъ же азъ прежде идохъ къ Горѣ Аѳонской, но инимъ, чрезъ непроходиміе и високіе горы, великими снѣгами и пустыми мѣстами, поминающе села, кромѣ ношеванія. Се же того ради, понеже въ малѣ числѣ бихомъ, и бояхомся, да не како въ рудѣ разбойникъ впадемъ. Не случижеся (Богу насъ сохрани) ничтоже зло, и приспѣхомъ же въ градъ Солунъ Февраля 5, въ день суботный, въ вечеръ позно. И пойдохъ паки къ тому же страннолюбцу, у него же и прежде пребывахъ, и пріять мя, по милости своей. Быхъ тамо доволенъ пищею и питіемъ, ожидая время путешествію своему.

Описаніе града Солуня.

Градъ Солунъ стоитъ въ земли Македонской, на брежѣ морскомъ, въ царствѣ Турецкомъ, на положенію добромъ и веселомъ, подъ горами; огражденъ каменною стѣною, на четири углы расположенною. Широтою и распростертіемъ подобитя отчасти Риму, издали зрящи. Доми имать все каменніе, покровенніе черепицею, но строенія древнаго и нелѣпаго; суть же и иннихъ лѣпотнихъ полатъ богатирскихъ много, но инимъ образомъ, якоже въ Италіи. Улицы многіи суть каменіемъ уланни, но не вси. Доми стоятъ густо, но невысоко зданіе, якоже въ Италіи: тамо бо до пяти степеней, въ гору будованіе, едни на другихъ полати, въ Солуню же кромѣ до тріехъ степеней не суть вѣщшіе, но и тихъ мало, вси же доми до двохъ точію степеней

*

зданніе. Вратъ входнихъ тамо суть 5, бойницъ же великихъ три, покровеннихъ цѣнію и наполненнихъ арматами великими, надъ которыхъ болшихъ не случися видѣти. Фортеца стоитъ високо на горѣ внѣ, присовокупленна стѣнѣ града, въ ней же вся оборона содержится. Градъ оній воистинну пресловутій есть, не лѣпотою и крѣпостію, но ветхостію и пристанищемъ земнимъ и воднимъ, тамо бо приходятъ отъ Цариграда, отъ Египта, отъ Венеціи, отъ Франціи, отъ Англіи корабли, куплю дѣлющіи, такожде и по земли, отъ Нѣмцовъ, Волоховъ, Болгаровъ, Сербовъ, Далматіановъ и отъ всей Македоніи и Украйны торговци различіе, маліе и великіе, приходятъ, приносящіе разніе товары и пшеницу, Градъ той зѣло доволенъ есть въ пищу, наипаче же въ хлѣбъ, приходятъ бо тамо по вся годи корабли отъ земли Французкой и купуютъ пшеницу и наполняютъ я довольно; къ тому же и отъ иннихъ странъ и отъ острововъ морскихъ. Четырехъ вѣрь люде тамо живущіе обрѣтаются: Греки, Французе, Турки и Жидаи. Въ Солунѣ народа много, Жидовъ же паче всѣхъ множество. Турецкихъ джамѣй началнѣйшихъ, числомъ, якоже самъ числихъ, близко 30, при нихъ же столпи, гладко тесанимъ каменемъ мурованніе, въ широту яко единъ сажень человекъ, или полтора, въ висоту же яко сажней пятнадцать и вѣще. На онихъ убо столпахъ они оглашаютъ набоженство свое, въ кое время повинни. Но и о семь да вѣси, яко чрезъ день и ношъ пять разъ молитву творять: 1) на свѣтанню, 2) о полудни, 3) предъ захожденіемъ слонца, 4) о двохъ годинахъ въ ночь, 5) о полунощи, и непремѣнно тимъ способомъ чинятъ, кромѣ тилко того времени, когда биваетъ Романъ, то есть постъ, въ то время еще болше прилагаютъ набоженства. Но слиши, каковъ смѣхотворній и

неистовній постъ въ нихъ. Богатіи, иже не имуть нужди къ дѣланію, спять чрезъ весь день, точію встають въ время свое на набоженство, и убогіи такожде, или спять и проходяються, но отнюдь ничесо же работати не хотятъ, боящеся да не повредитъ здравія, постенъ бивши. Егда же увидятъ кого на базарѣ, що колвекъ ядуща отъ Христіановъ или Жидовъ, абіе біеть его, глаголя: «искушаеши мя», и много лаеть. (Се же разумѣй бити въ всей Турецкой земли). И тогда никто же можетъ въ видѣніе ясти, токмо сокровеннѣ. Зашедшу же токмо слонцу, по всѣхъ столпахъ начнутъ кричати на набоженство и всю ноцъ безъ сна провождаютъ, ядуще и веселящеся и банкетующеся; вежа своя украшающе многими лампадами и оніе по шнурахъ, аки по вѣтру, лѣтати творяще, и инніе штуки творяще. Наченше же отъ полунощи, даже до свѣта, непрестанно поють, отъ нихъ же слишахъ зѣло лѣпо поющихъ. Суть же едина установленіе, иже въ время поста ихъ яздыть по улицахъ на конехъ съ котли, оглашающе и возбуждающе ясти, да не како кто, сна ради не ядѣй чрезъ всю ноцъ, изнеможетъ, не могѣй терпѣти дня. Се же того ради творятъ, да твердо сохранять постъ чрезъ день, не токмо не ядуще, но ни піюще; въ ноци же ядыть, яко свини. Имуть же два Ромазани на годъ, болшій и меншій. Минувше же Ромазану, три дни имуть празникъ великъ, рекомій Байрамъ, въ онъ же торжествуютъ зѣло, якоже ми въ день Рождества Христова, или Воскресенія. Имуть же обикновенія за души умершіе молитися и офери приносить. Но да погибнетъ отъ земля животъ ихъ, довѣть о нихъ сице много глаголати. Еще слиши о другихъ ихъ: Жидовскихъ школъ вѣще яко шестьдесятъ, якоже слисахъ отъ самихъ ихъ. Въ наукахъ цвѣчаты и учонихъ имуть много. Имуть же и унѣвер-

салъную академїю, въ ней же различныхъ наукъ даже до философїи учатся, идѣже азъ посѣщахъ и видѣхъ между собою препирающихся философовъ, подобнимъ обичаемъ, якоже и въ иннихъ языкахъ. Жиди тамо суть зѣло богатіе и волю далеко болшую, нежели Христїане, (имуть) ¹, и всѣ куплѣ и дани и мита чрезъ онихъ руки переходятъ. Кромѣ убожства, всѣ въ реверендахъ чернихъ долгихъ ходятъ, на головѣ же, по ветхозаконному, подкапки темно червонїа зъ завиваломъ носятъ. Языкомъ разглаголствуютъ Гишпанскимъ, понеже они зъ Гишпанїи изгнани биша и прїйдоша доброволне въ Турецкую землю, и по повелѣнїю царскому населишася, найпачеже въ Солунѣ. Христїанскихъ церковь близъ 30, якоже рѣхъ, Французкїй единъ костель и той зѣло малъ, понеже гостей ради, а не жилцовъ, и то едва съ нуждею умолиша поставити. Есть же тамо и консулъ Французскїй, присланнїй отъ Цариграда, управленїя ради онихъ Французовъ, аби не турбовали ихъ Турки въ гарачѣ. Языка якового схочешъ знайдешъ: Италїянского, Французского, Гишпанского, Волоского, Руского, Лацинского, Арапского, Арнаутского, Болгарского и прочїихъ. Градъ Солунъ въ позоръ отъвнѣ лѣпотенъ и изряденъ, внутри же не тако, кромѣ цамѣй, которїи предъ тимъ христїанскими церквами били. Воду имать текущую фонтанами по всѣхъ панскихъ началнѣйшихъ Турецкихъ дворахъ и значнихъ улицахъ. Мури же въ полѣ съ древомъ простилающе созидають; мурують зъ блатомъ земленимъ, а не зъ вапномъ, токмо послѣди побѣляютъ вапномъ. Улицы вси суть посланни каменїемъ, аще и не гладко. Градъ весь окрестъ каменною стѣною високою окруженъ, аще и не лѣпимъ дѣломъ, но крѣпкимъ онимъ

¹ Слово въ скобкахъ въ подлинникѣ пропущено, а потому заимствовано изъ другихъ списковъ.

старосвѣцкимъ муромъ. По верху же стражници, аки домове побудованніе, въ нихъ же стражъ всегда на всяку ношъ стоитъ и кричитъ ажъ до полунощи; въ время же Ромазана и противу всякаго пятка на гвардію не ходятъ, ибо пятокъ имутъ они тако въ пошанованю, яко христіане недѣлю. Въ конци града, на горѣ, имать лѣцу, гладкимъ муромъ зданную фортецу, исполненную арматами и орудіями военными. Градъ оній отъ единія страны воскрай самой води морской. Окрестъ Солуня все гори великіе, каменніе, чрезъ все лѣто по верху снѣзи имущіе, но и древесъ довольно. Морскіе тамо отъ всѣхъ сторонъ видятся бреги, понеже тамо есть не равній брегъ, но морской куть, или загонъ, и есть аки нѣкое озеро, зѣло широкое, зрится бо отсюда земля. Рыбы морскойне весьма довольно, но помежду горами суть озера и рѣки, отъ нихъ же извлекають довольно. Земля тамо разнится отъ прежнихъ и нѣсть тако суха и неплодна, якоже Италія, но подобится Нѣмецкой. Се же того ради, понеже приближается къ нашимъ странамъ. Зрится недалече отъ Солуня пресловутая гора Олимпъ, високая и широкая, многія имущая чрезъ все лѣто верху снѣзи, о нихъ же предъ рекохъ, плывущи къ Солуню. Тамо (якоже слышахъ) подобнѣ, якоже и въ Святой Горѣ, саміе монастырѣ иноческіе обитають. Недалече отъ Солуня, днемъ единымъ, отстоятъ три криници тепліе, горячую воду точащіе, въ нихъ же міются, аки въ банѣ; ихъ же ми именуемъ теплицы, подобніе оной, о которой писахъ въ Нѣмецкой землѣ. Еще тебѣ, читателю, достовѣрную и дивную вещь реку: есть, днемъ коннаго хожденія отъ Солуня, въ горахъ, едина вода, чудесное въ себѣ естество имущая, сладка и здравая къ питію; отъ потока же ея каменіе твердое и великое рождается. Тамо бо, откуда починается, есть вода чиста и свѣтла, якоже и

прочіи води, таже имъ же далѣй течеть, тимъ огустѣваетъ подъ сподомъ и въ камень бѣлъ и твердъ, аки мраморъ, претворяется. Не вѣмъ, Божіею ли волею преестественнѣ сіе содѣвается, или отъ естества воднаго, или солнечнаго. А идѣже течаше зъ гори въ долину, по малу малу чрезъ многіе лѣта сотвори холмъ каменнѣй великъ, Турки же, хотящи искусити естества водной силу и мисляще, яко мѣстомъ дѣется, прекопаша ровъ на ину страну и завратиша теченіе ея на другое мѣсто, обаче и тамо всегда одиначе даже доселѣ дѣйствуетъ, сотворися бо и на другомъ мѣсту такожде скала каменная. Се же еще чудеснѣе есть, яко мала риновка яже отъ древа содѣланна и постановленна тамо, удобнѣйшаго ради питія, и та вся обросте каменемъ. На послѣдокъ, древеся, яже окрестъ стоятъ, лѣсовіе, низу въ долинѣ, на ихъ же вѣтвіе каплетъ оная вода, вѣтвіе и листвія обростоша каменемъ. Аще же азъ самъ не посѣщахъ той води, но достовѣрнѣ извѣстихся отъ посѣщающихъ и приносящихъ оттуду каменіе, раждаемое отъ нея, и древо съ листвіемъ, обростшее каменемъ, отъ коего камени и азъ взяхъ съ собою, лучшой ради вѣри и памятованія. Не могохъ же тамо пойти того ради, понеже тамо много суть челоукоубійцовъ, тако отъ Турковъ, якоже отъ безбожныхъ и распутныхъ христіанъ; Христіане бо Турковъ убиваютъ, Турки же Христіанъ. И не можетъ тамо единъ или два ни ихати, и ни пѣшествовати, но всегда совокуплшися 5 или 6 или десять; къ тому же къ оной водѣ зъ умыслу люде не издять, случаемъ биваетъ егда приходятъ къ оному селу, еже стоитъ близъ ея, или тимъ путемъ камо инуду шествовати; къ тому же тамошнимъ людемъ нѣсть она дивна, понеже родишася при ней. Паки суть недалече Солуня на двохъ мѣстехъ кри-

ници, теплую воду зѣло, яко на огни согрѣянную точащїе, отъ нихъ же въ единой бихъ азъ и михся, и удовольстворихся, якоже хотѣхъ. Источникъ води тоя въ едину яму, человѣку по уста, глубоку, широку на два сажни, кругло и гладко отъ тесанаго мрамора бѣлаго зданную, течеть, въ ней же внутрь въ водѣ и внѣ окрестъ приспи каменїе устроени лѣпо. Стоитъ же внутрь капищи, честно отъ камене съчиненной кругло отъ низу даже горѣ, сїце затвористо, яко отнюдъ ни камо пара отъ води дышущая изійти не можетъ, развѣ входа двернаго; верху же имать окна скляннїе, внутрь челюстей мурованнїе, лучшей ради свѣтлости. Внѣ же вратъ абїе течеть вода хладная и здравая, прохлажденїя ради или питїя мїющихся. Въ ямѣ оной мїются людїе различныхъ вѣръ и языковъ, всякому бо волно тамо приходити хотящему, понеже никто же владѣть особнѣ ею, но всего народа общая есть, и стоитъ внѣ одинаго села на поли. Что азъ видѣвши своима очима и осязавши тѣломъ, почудихся не мало, и Богу Вседѣтелю, чудная дѣйствующему, воздадохъ похвалу. Есть паки въ Солуню единъ мечеть великъ, круглъ строенїемъ, аки столпъ, и различенъ отъ иннихъ, отъ церкви превращенъ, яже иногда зѣло лѣпа бяше. Тамо обрѣтается купа великая сухаровъ, оставшихся отъ Христїанъ отъ ветхихъ временъ, егда воюющимъ Туркомъ Грецію запершися съ запасомъ сѣдыху, не хотяще покоритися. Сего ради даже до здѣ держать невѣрнїи, болшаго ради своего прославленїя и въ незабвенную память, отъ нихъ же и азъ мало имѣхъ съ собою.

О путешествїи къ Іерусалиму.

Всѣдшу ми въ корабль съ прочїими многими людми, Септеврїа 1-го числа, года 1726, идѣже много поклон-

никовъ бѣше, имущихъ путь къ Іерусалиму: отъ Грековъ, Сербовъ и Евреевъ же съ женами множество, нѣколько Турчиновъ и отъ Французовъ, понеже Французскій корабль бѣше; но сіи не вси грядяху къ Іерусалиму, понеже нѣціи купци бяху, плывущіи съ товари къ островамъ морскимъ, яко то: до Сакизу, албо Хіо, до Кипру и прочіихъ мѣсть; бѣше же всѣхъ душъ числомъ близу ста, христіановъ 58. Тогожде числа отплихомъ отъ града Солуня и пловохомъ на востокъ солнца паки тимъ же путемъ, имъ же первѣе до Солуня отъ Хіо. Плывущимъ же намъ тогда, не скоро идяше корабль, понеже не бистъ вѣтеръ помощень, но отъ странни; того ради мало того дне уплихомъ, такожде и второго и третаго. Четвертаго же дне и числа вишпереченнаго мѣсяця, зъ суботи ¹ на неделю, по полунощи, возвѣя вѣтръ помощень и пловохомъ добръ даже до утра и утро и до второй полунощи понеделка. Таже начатъ преставати помалу, и уже начинающуся дню толъ велія сотворися тишина, даже до полудне, яко отнюдь ни камо не могохомъ плисти, но все на единомъ мѣсту колѣблющися, подьносими бѣхомъ волною морскою, раздраженною отъ вишпереченнаго вѣтра. Таже по полудни возвѣя вѣтръ помощень и dospѣхомъ къ граду Хіо, или Сакизъ, въ вечеръ понеделка, по захожденіи слонца, Септеврїя пятаго числа, предъ праздникомъ чуда Архистратига Христова Михаила, бившаго въ Хонехъ ². И тако ми, неблагополучнихъ ради вѣтровъ, изъ вишпереченнаго града Солуня шествовахомъ чрезъ пять днѣй 400 миль; егда же вѣтръ добръ биваетъ, тогда двою дню съ ноцми въкратцѣ преплывають тамо. Тамо замедли корабль 5 день, ово купли ради, ово же неблагополуч-

¹ Суббота приходилась въ 1726 г. на 3 сентября. — ² Слово „въ Хонехъ“ въ подлинной рукописи Барскаго заклеено бумагой.

нихъ дѣля вѣтровъ. Нѣцїи люди тамо отъ корабля нашего остапаса, но вѣще вмѣсто тихъ прибиша въ корабль отъ Турковъ, Жидовъ и Христїанъ, инїи бо пловоша къ Кипру острову, и инїи къ Родусу, друзїи же къ иннимъ мѣстамъ, прочїи же къ Іерусалиму. Имѣхомъ же въ корабли двохъ протосингеловъ Іерусалимскихъ, Германа и Галактїона, съ прочїими четирма иноками, и единъ іеромонахъ, именемъ Дїонисїй, бистъ отъ Святїя Гори. Первїй протосингель, посланнїй бивши отъ патріарха Іерусалимскаго въ Сербскую землю, вѣзвращапсея вѣспятъ; другїй отъ странъ Венецкихъ, такожде повращапсе. Тамо спорядивъши кїждо своя вся, отпловомъ Божїею помощїю отгуду въ день неделный рано Септеврїя 11 числа. Тамо шествїе наше бистъ на полуденную странну; имѣхомъ ошуюю землю великую, зовомую Анатолія,—одесную же море пространное. Тогда идомъ между островами морскими двѣма, отъ нихъ же бистъ единъ ошуюю островъ, високую и пространную гору имущъ, зовомїй Само, продолженнїй добрѣ, вторїй же одесную, еще паче продолженнїе, но не тако высокіе гори имущъ, рекомїй Никарія. Пловомъ же того дне добрѣ даже до полудни вѣтромъ помощнимъ и простимъ, аще и не весма силнимъ. По полудни же явися вѣтръ чуждъ и пловомъ зѣло лѣностно даже до вечера, и въ ноци такожде. Ноци же минающей, внїйдохомъ узкимъ моремъ между онїе вишпереченнїе острови, и бистъ, егда явися свѣтъ дневнїй, Септеврїя 12 числа, не видѣхомъ окрестъ моря далече пути, но отъ вѣхъ странъ бяху острови густїе, единъ при единому стоящїе, и на нихъ гори высокіе, древа же или мало или ничтоже, но сухъ камень. Служапсеже намъ тогда вѣтръ вчерашнїй до полудне; та же явися вѣтръ помощенъ, аще и не силенъ, но простъ, созади, и несяше корабль спѣшно. Пलो-

хомъ же чрезъ весь день тотъ между окруженными горами, аки въ вѣнцу, и видѣхомъ на единой горѣ градъ, високо стоящъ, и другій ошуюю. Тогожде дне много рыбъ видѣхъ, превращающихся предъ кораблемъ поверху воды, иже бяху въ долготу болшіе, яко чловѣкъ, писки долгіе имущіе, ихъ же пловци морскіе зовутъ *sapi marinus*, песь морскій. Оминухомъ тогда и единъ корабль великій, рекомій Галонъ, далече подъ горами пловущъ. Заходящу же слонцу, минухомъ единъ градъ лѣпъ, имущъ фортецу крѣпку; по обою же страну града того многое множество древа садовнаго, ими же изда-лече зрится красенъ. Стоитъ на единомъ особномъ островѣ, именуется же Станко, и островъ весь такожде. Имать пристанище, идѣже и кораблей не мало зряхуся. Нощи же надшедшей и служащу намъ вѣтру полезну, изійдохомъ отъ-между острововъ тѣхъ на пространѣйшую широту морскую и пловохомъ все вѣтромъ добримъ до утра и утро, обаче отвсюду землею окружаеми бѣхомъ: одесную имущи острови, ошую же землю Анатолію. Утру же бившу, Септеврїя 13, пловохомъ даже до полудни воскрай острова, рекомаго Родусъ, на немъ же зряхуся лѣпотніе веси, съ многими садами, различнія дрeвеса имущими, такожде лозіе и точила виноградніе, отъ камене зданніе лѣпо.

О приходѣ къ острову Родусъ.

Таже приближающеса къ концу его, видѣхомъ градъ, отъ камени зданній, и замокъ, воскрай же его прекрасній, ровній брегъ морскій и на немъ много млиновъ вѣтрянихъ, чинно, якоже и въ Сакизѣ, единъ при единому зданнихъ, ихъ же вращахуся колеса вѣтромъ обра-

щаеміе, аки звѣзды. Таже изволеніемъ начальника корабленнаго приближихомъ къ пристанищу самаго града, такожде рекомаго Родусъ, понеже всякъ островъ отъ началнаго своего града именуется, и впливши узкимъ проходомъ внутрь пристанища, вергохомъ котвицу тогожде 13 числа Септеврѣя, предъ Воздвиженіемъ Честнаго Креста, въ полудни. Изійде же кійждо въ градъ творити потребу свою, ми же всѣ, колико бѣхомъ Христіане, съгласившеся единомысленно, пойдомъ къ единой церквѣ къ храму Въведенія Пресвятія Богородицы, поклоненія ради. Но понеже не приспѣло бѣше время вечерни, сего ради ходихомъ сѣмо и овамо, созираще градъ. Таже идомъ къ единымъ людямъ, имѣяху бо протосингели Іерусалимскіе знаемыхъ тамо людѣй, и идомъ вси купно съ ними и препочихомъ тамо мало. Таже водиша насъ тамошніе жилци по своихъ садахъ, идѣже видѣхомъ различніе лѣпніе дерева и источники водніе, отъ горъ текущіе; финики, лимонѣ, цитрини, помаранчи, фиги, фиги Індійскіе и прочіи инніе, ихъ же имени не извѣстихся. Тамо проходимъ довольно и пихомъ води здравіе и удовлетворихомся. Таже нѣцѣи воскорѣ възвратихася въ корабль, бѣ бо вечеръ и не хотяху затворенни быти въ градѣ. Прочіе же вѣдяще, яко не имать корабль отъйти воскорѣ, оставася въ градѣ, съ ними же и азъ, и идомъ къ вишпереченной церкви и слушахомъ вечерни. Таже азъ съ другимъ идомъ къ дому оному, идѣже предъ вечернею бѣхомъ, идѣже ношевахомъ; трапези же тамо намъ не дадоша ни единого хлѣба, но купивше за своя пѣнзѣи ядохомъ; точію постеля намъ дадоша и спяхомъ. По полунощи же идомъ къ вишпереченной церкви и слушахомъ утрень и служби Божой; всенощной же не бистъ. Воздвиженіе Честнаго Креста не тако творять,

яко на странахъ Рускихъ: 1) на славословіи не воздвигашу, но по окончаніи часовъ и по проскомидіи славословіе пояху вторицею; 2) не схиляється помалу на низъ даже на землѣ, таже горѣ сходитъ, но схилившеся мало низу, держить крестъ на единомъ мѣсту, до нелѣже не препокуть сто разъ „Господи помилуй“, таже погружаетъ въ воду и возвишаетъ горѣ, и сиде творить пятерижди. Послѣди же весь народъ, единъ по другому творять поклоненіе и лобизають его съ страхомъ, чesому и азъ бихъ участникомъ. Бистъ же единъ съ нами путешествуя іеромонахъ Святогорець, именемъ Діонисій, иногда бившій игуменъ монастыря Дохіарского. Той въ день праздника того тамо принесе въ церковь мощи святія Параскевіи, часть великую, кость отъ руки съ тѣломъ, юже егда лобизаху людіе въ время правленія литургіи святой и азъ лобизахъ. Такожде и крестъ съ животворящимъ древомъ принесе тамо вишшереченній протосингелъ Іерусалимскій Германъ, и лобизующимъ прочимъ христіаномъ сподобихся и азъ грѣшній лобизати его. Тамо всякіе обрѣтаются людіе: отъ Грековъ, Арменовъ, Французовъ, Жидовъ; Турковъ же болѣе всѣхъ. Мужіе Христіанскіи и Еврейскіи завивала носятъ рабіе, яко же и въ Сакизѣ и повсюду въ земли Турецкой; Армене же ходять въ шапкахъ червонихъ, футромъ подбитихъ съзади и съпреди по два роги имущихъ. Жени тамо Греческіе ходять въ одеждахъ долгихъ и въ фартухахъ, покривають же своя главы бѣлыми хустами; твари не натирають фарбами, но нѣкіи изображаютъ квѣти на ногахъ черниломъ толь крѣпкимъ, яко никогда же отмитися не можетъ, и сіи суть отъ Карпата, единаго островца малаго, созади Родуса обрѣтаемаго и подъ власть его належашаго. Строеніе того града есть отчасти лѣпое, понеже вси доми и вси стѣни

градскіе отъ одинакаго, на четири угли рѣзаннаго, мягкаго камени зданіе въ шахматѣ, крѣпко и гладко; дома же нѣ суть высокіе, точію инніе до двухъ степеней, инніе же до тріехъ. Всякъ домъ свои врата и дворъ имать, округъ стѣнами каменными високо ограждень. Дома обикоша маліе здати, токмо съ многими окнами, и покрова не имуть стеклистаго, острозданнаго, и отъвнѣ зрятся безъ покрова бити; обаче верху посипани суть землею равно и ринви отъ странни въ истѣканіе дождевой воды. Отъ верху дома зрятся, аки препростое село или пустое, понеже вси суть землею посипани и на иннихъ биліе порасте; внутрь же всюду лѣпо есть, понеже вси града улицы каменемъ, аще и не гладкимъ, посланни, вси же дворы насажденни каменцами черными и бѣлыми, рубомъ толь красно, яко лучше не требѣ. Тихъ каменцовъ тамо множество море на брегъ извергаетъ; обрѣтаютьжеся они и на Русіи, при рѣкахъ и потокахъ, ихъ же ми простимъ нарѣчіемъ именуемъ лужанци. Всякъ дворъ имать свой кладезъ и малъ садокъ; кромѣ же того имуть многое множество садовъ внѣ града. Градъ стоитъ на берегу песчистомъ, подъ горою, въ концу острова, весь окрестъ каменною стѣною високо ограждень, рѣзанимъ квадралнимъ каменемъ въ едину мѣру. Строеніе оное все есть Малтизкое, понеже въ то время (якоже слишахъ) создася, егда они тамо обладаху. Стоитъ же отъ приходу во водѣ морской; имать лѣпо зданній оній лиманъ, идѣже внутрь кораблѣ купеческіе стоятъ. Тамо бо стѣни въ водѣ глубоко, яко на два сажни, зданіе суть, къ нимъ же привязуются кораблѣ; предъ пристанищемъ же сѣмо и овамо двѣ вѣжи стоятъ, утвержденни арматами, ими же, яко врати въ лиманъ, си есть въ пристанище, кораблѣ входятъ; предъ пристанищемъ же внѣ града особѣ стоитъ на водѣ вежа

каменная, на ней же свѣтло свѣтитса въ нощи, удобнѣйшаго ради прихода кораблемъ. Есть же тамо армать великихъ спѣжовихъ нѣколико, оставшихся отъ Малтезовъ, отъ нихъ едина есть толь великая, яко внутрь можетъ человѣкъ воместитися пространно, юже (азъ лгати не хочу), аще своимъ очима не видѣхъ, но достовѣрно известихся отъ честныхъ персонъ, протосингеловъ Іерусалимскихъ, иже своимъ видѣша очеси. Тамо церковь христіанскихъ мало. Тамо ми премедлихомъ полтора дня, и егда сотвориша потребу свою, тогда извлекше котвицу отъ води и призвавше Бога на помощь, отпустихомся отъ пристанища того въ день Воздвиженія Креста Господня, въ вечеръ, при захожденіи слонца, Септеврѣя 14 числа. Тогда пловуще не видѣхомъ къ тому острововъ, но точію ошуюю бистъ Анатолія, земля великая, отъ всѣхъ же странъ море и небо. Шествоваше же корабль чрезъ ноцъ отчасти добримъ вѣтромъ. Утру же бившу, Септеврѣя 15, бистъ тишина на малое время; таже явися маломощнѣй вѣтрецъ и пловохомъ, якоже можахомъ. Послѣди же, предъ вечеромъ, даде намъ Богъ вѣтръ благъ и шествовахомъ даже до утра добрѣ. Утру же бившу, Септеврѣя 16 числу паки, якоже и вчера, умолкоша вѣтри, и не могохомъ плисти ни сѣмо, ни овамо, колѣблющеся на единомъ мѣстѣ. Взійдохомъ же того дне еще на болшую широту морскую и не видѣхомъ ни острововъ, ни берега нигдѣ же, токмо мало Анатоліи, ея же мѣсто Мирликія именуется, идѣже поживе и умре Святитель Христовъ Николай. Есть же тамо (слипахъ) и гробъ, идѣже первѣе святіе его лежаху мощи, таже пренесомася въ Баръ градъ; но и та въмалѣ ищезе отъ очей нашею, бистъ бо ея рогъ тамо и завратися на инну странну, си есть на востокъ, наше же шествіе бистъ противу полудне. Не имѣхомъ же

того дне нимало ни откуду вѣтра, но даже до вечера колебахомся на единомъ мѣстѣ. Таже заходящу слонцу, явися вѣтръ малъ, но помощенъ, имъ же шествоваше корабль добрѣ чрезъ два дни и двѣ нощи безмѣрною широтою морскою, идѣже не видѣхомъ ничтоже болѣе, токмо небо, море и свой корабль. Таже едва втораго дне узрѣхомъ издалече островъ Кипръ, аще и не весма високіе, но зѣло долгіе на себѣ гори имущъ, и пловохомъ цѣлій день воскрай его и не могохомъ оминуті величества и продолженія. Имѣяше же корабль нашъ нѣколько душъ въ Кипръ грядущихъ, сего ради, отпушенія ради ихъ и взятія новой воды, съвратихомъ отъ пути къ берегу, нощи надходящей, и вергше котвицу, стахомъ издалече до утра, Септеврїя 18, въ недѣлю. Утру же бившу, Септеврїя 19, въ понеделокъ, рано, припловохомъ къ берегу ближае, лучшаго ради исхода.

О пришествїи моемъ къ Кипру.

Пришедше ми къ Кипру нощю, не приближахомся близъ берега, да не татїи и разбойниковъ морскихъ разумѣюще бити, вергутъ на ни огненное оружіе жители тамошніи и поразятъ ни. Сего ради, по совѣту и разуму корабля правителя, вергше котвицу въ море внѣ издалече, стояхомъ даже до утра. На заутрѣ же, яко же рѣхъ, Септеврїя 19, въ понеделокъ, предъ восхожденіемъ слонца, извлекше котвицу, припловохомъ къ берегу ближае, подъ единъ градъ невеликъ, идѣже изійдоша отъ насъ много, всякъ потреби ради своей. Азъ же придержайся вишшеписанныхъ иноковъ Іерусалимскихъ, съ ними же ходихъ до двохъ церковь христїанскихъ, иже суть зѣло простаго отъ камене, но крѣпкаго и стараго строенія. Таже ходихомъ по садахъ и

и подъ сѣнію ихъ витахомъ, ядохомъ и пихомъ; тамо и препочивахомъ. Замедли же корабль намъ тамо полтора дня, и разсмотрѣхъ азъ вся тамо. Градецъ и малъ, и некрѣпкаго и нелѣпаго строенія, понеже домовъ отъ камене мало суть, но вси отъ плинѣхъ непаленихъ, отъ блата сотвореннихъ, зданіе и поверху посипани землею; токмо на брезѣ едину бойницу имать съ арматами. Стоитъ же на полѣ пространномъ, равномъ и зѣло прекрасномъ, подъ горами; имать же окрестъ далече много древа садовнаго отъ маслинъ, финиковъ, фигъ, ягодичинъ, грушъ, помаранчовъ, лимоновъ и прочихъ деревьевъ, ихъ же нѣсть въ странахъ нашихъ, отъ лозія же многое множество. Но вѣдомо буди, яко ми не прійдохомъ къ граду началному, но инъ есть тамо великій и славный градъ началный, иже имать пристанище корабленное славное и богатое, якоже и на прочихъ мѣстѣхъ. Островъ бо Кипрскій есть зѣло великъ: окрестъ вся земли имать сѣмьсотъ и пятьдесятъ миль и весей толикожде (якоже повѣствуются въ народѣхъ), градовъ же имать три или четири. Въ ономъ островѣ святій Лазарь епископомъ бистъ, егоже Иисусъ воскреси отъ мертвыхъ въ Вифаніи. Послѣди же преставися вторицею тамо; его же гробъ и доселѣ тамо есть, мощи же Богъ вѣсть камо. Есть же еще тамо монастырь лѣтъ иноческій, въ немъ же даже доздрѣ хранится икона Пресвятія Владычицы нашей Богородицы, юже самъ Евангелистъ Лука исписа. Обаче никтоже отъ насъ посѣщаше та, понеже имѣяше въскорѣ отыти корабль; къ тому же мѣста та отстояху въ горахъ далече, двою днію хожденія, и не могохомъ сотворити по желанію нашему, токмо путници Іерусалимскіе собраша, между собою сложившеся, милостину отъ пѣнязей и послаша въ онъ вишпереченный монастырь. Островъ есть зѣло прекрасенъ,

великъ, славенъ и богатъ, класа родящъ изобилно и лозія винограднаго. Оттуду исходятъ вина крѣпкіе и къ питію пріятніе и сладкіе и идутъ въ панство Венѣцкое и въ прочія странни Италіи. Рожковъ Турецкихъ толь многое изобиліе родится, яко многіе наполненни великіе доми имутъ и лопатами, аки гной сыгрѣбають, идѣже приходятъ купци великіе и наполняютъ корабль многіе и развозятъ въ инніе царства. Тамо ми замедлѣхомъ токмо полтора дня, и сотворше кійждо свое требованіе, собрахомъся въ корабль; извлекше же желѣзо отъ воды, пустихомъся оттуду, помощію Божію, въ Палестину, Септеврія 20, въ второкъ. Пलोхохъ же того дне и послѣдующей ноши вѣтромъ малимъ; втораго же дне съ ношію шествовахомъ вѣтромъ добримъ, но невидѣхомъ нигдѣ земли, кромѣ небо и море; слонца же восхожденіе мняшеся очесемъ въ пучинѣ бити морской. Таже третаго дне узрѣхомъ опуюю зѣло далече сѣнящіяся гори, стоящіе на предъреченной земли Анатолїи, между ими же зряшеся наивишшая гора, рекомая Кармилъ, идѣже спаша с. пророкъ Ілія, о чесомъ пишется въ книгахъ Царствъ. Пलोхохъ же того дне мало, токмо рано; таже до самага полудни бистъ толь тишина велія, яко и на десять степеней не могохомъ отплисти далей, но стояше корабль, вертящеся окрестъ и колѣблющеся сѣмо и овамо волнами играющаго моря, разярившагося отъ мимошедшаго вѣтра. Явившужеся вѣтру по полудни добру, пловохъ добрѣ, имущи опуюю издалече Анатолійскую землю. Оминухомъ же того дне предъреченную гору Кармилъ и градъ, иже нарицается Кайфа. Четвертаго же дне, въ пятокъ, Септеврія 23 числа, пловохъ недалече брега вѣтромъ добримъ, воскрай страни Палестинской, и мимоидохомъ градовъ два ветхихъ на брезѣ, далече между собою отстоящихъ:

*

первій именуется Тартуза, иже имать внутри людій живущихъ, и той стоитъ на крутомъ брезѣ, при високихъ горахъ; второй же стоитъ пустъ и разоренъ, на низкомъ брезѣ, на пѣскахъ, рекомій Кессарія. Пловохомъ же чрезъ весь день той воскрай брега низкаго и веселаго, на немъ же далече поле ровное, пѣсчистое распростресе и древесъ лѣсовихъ на немъ зеленѣютъ множество. Приближающимъ же ся намъ къ граду Іопи, оминухомъ единъ мечеть Турецкій, стоящій на брезѣ, пустъ, иже первѣе церковію христіанскою баше, послѣди же его Турки (якоже повѣствуется) проименоваша именемъ святаго своего, рекше Ибналемъ, еже мѣсто и доселѣ сие нарицается. Таже, при захожденіи слонца, dospѣхомъ къ Іопіи, идѣже не ближащеся къ граду, стахомъ внѣ издалече, вергше котвица корабля въ море. И бистъ шествія нашего отъ Солуня до Іопѣи 900 миль и 50.

О пришествіи моемъ къ Іопіи.

Еще плывущимъ намъ издалече къ граду Іиопѣи, юже именуютъ тамо Яфа, припловаша къ намъ устрѣтающе многими кораблецами людіе тамошніи, нелѣпозрачніи образомъ, языкомъ Арапскимъ бесѣдующіи, хотяще насъ перевозити въ градъ. Обычай бо тамо таковъ есть, яко кораблѣ великіе тамо не припливають близъ града, понеже пристанища нѣсть добра, но идѣже би кораблѣ имѣяху приставати, тамо суть жестокое и остро каменіе, инніе въ водѣ, другіе же вишше воды стоящіе; сего ради, да не поразими будутъ, обикоша стати внѣ, издалече. Верже тогда котвицу въ воду и нашъ кораблоправитель и удержа корабль далече отъ града, яко двѣма поприщма на морѣ отстоящъ. Тогда нѣции отъ насъ, иземше вещи своя отъ корабля и вложше въ ладія, от-

плиша къ граду на ноцеваніе, прочіи же отложиша на утро, бистъ бо вечеръ темень и вѣтръ шумень, великіе волни вознось. Остасьжеся и азъ тогда и ноцевахъ въ кораблѣ. Бистъ же тогда даже до полунощи зѣло буря велика и волненія морская толь сильно колѣбаху корабль, яко едва не превратиша, яко ни стояти, ни сѣдѣти, ни лежати безъ придержанія верви, или чесого иного, нѣстъ баше мощно. Наутрѣ же, возсіавшу дню суботному, Септявріа 24 числа, сотворихъ азъ благодареніе господо корабленнику, яко по милосердію своему, чаяй царствія небеснаго, превезе мя чрезъ толь великій путь безъ мзди, Бога ради. Таже, взявши своя рубища, препловохъ, мѣду давши, съ прочіими люди къ граду и пойдохъ въ метохъ или въ страннопріемницу Іерусалимскую, идѣже прочіи бяху поклонники, предварившіи насъ, отъ купцевъ богатихъ и благороднихъ, такожде и отъ священнихъ особъ немало, идѣже вси ожидаху времени, донелѣже пріидуть отъ Іерусалима возницы съ верблуди и повезуть ихъ тамо. Метохъ оній есть прежде 3 лѣти, новосозданній многимъ коштомъ патріархи Іерусалимскаго Хрисанфа, угожденія ради Христіанъ, путешествующихъ тамо, иже приложи много тѣшаніе о немъ и пѣнязей. Сиче же лѣпо и премудро устроень и расположенъ, яко отъ всякаго ходящаго тамо похваляемъ бываетъ и благодареніе творится потщавшемуся о немъ. Келій и домовъ много иматъ къ сложенію вещей и препочиванію страннихъ, чинно, якоже въ нѣкоемъ монастырѣ, устроеннихъ. Тамо препочивахомъ кійждо на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, по три и по четири въ келіяхъ. Бистъ же тогда день суботній, и преклоняющуся слонцу на западъ, идохомъ ко единой церкви на вечерню, идѣже на единой странѣ пояху по Греческу, на второй же по Арапску. Се же путниковъ ради, прибавшихъ отъ Греціи

(якоже слисахъ, сотворися); сами же тамошніи всегда по Арапску чтуть, понеже именуются Арапи бѣліе, бѣлой ради породы своей, и не знаютъ иннаго языка, кромѣ Арапскаго. Имуть же своя вся книги, къ церкви и вѣри требованію, яже суть не печатанни, но рукописанни; писмена же ихъ якоже и Турецкіе. Чинь въ отправѣ церковной весь держать Греческой, токмо каѳизму первую тогда чтоша три дѣтища, единъ по другому, по „Славѣ“, на конецъ. Вѣру Христіанскую православную содержатъ крѣпко и поють на тони Греческіе. Ходятъ въ долгихъ одеждахъ и глави не завиваютъ на подобіе Турковъ, якоже и въ иннихъ странахъ Турецкихъ. Жени такожде долгу носятъ одежду, лица своя закрывающѣ, глави же покрываютъ хустами зѣло долгими, яко воскрилія ихъ даже до земля висятъ. Церковь, о ней же предъ помянухъ, нѣсть церковь совершенная, въ еже би могла въ ней пѣтися литургія божественная, но аки часовня, идѣже нѣсть ни царскихъ вратъ, ни олтаря; поеть же ся тамо токмо вечерня, утреня и часи. Повѣствуютъ же вѣроятнѣ, яко то самій домъ есть, идѣже Апостоль Петръ дѣвицу умершую, именемъ Тавиоу, воскреси отъ мертвыхъ. Есть же домъ онъ каменезданъ, сие же зѣло обетша, яко иже прежде отъ бѣла камня составленъ быше, нинѣ мнится бити отъ черна, бо очернѣ и укурися дозѣла, ветхости ради, и стоитъ близъ брега морскаго. Близъ его стоитъ вторій престарѣлій домъ, въ немъ же жителствоваше Симонъ Усмарь, въ него же гостивши Петръ, предпочиваючи на горниці, видѣ плащеницу, отъ небесъ спущенную, въ ней же бяху животная чиста и нечиста и прочая, о чесомъ пишетъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, и инніе мѣста, идѣже с. Петръ хождаше, сѣдаше, поучаше и прочая. Та вся азъ видѣвши и увѣдавши, дадохъ славу Богу, яко сподоби мя

недостойного оніе святіе посѣщати мѣста, и возвратихся паки въ вишѣписанную гостинницу съ прочіими поклонники. Ноци же нашедшей, созва начальникъ, или игумень метоха того въ особную келію всѣхъ путниковъ, богатшихъ и началнѣйшихъ, и представивъ имъ трапезу честну и учреждаше ихъ довольно. Азъ же, убожества ради своего, не звань бѣхъ, но останахъ съ слугами и стоя внѣ дверей, созирахъ бывшее. По окончаніи же трапезы, по обычаю тамошнему биваемому, взяли игумень страннопріемницы единъ блюдь празденъ, и даяху вси, по силѣ своей, по нѣколико златиць, прочіи же сребники, и вписоваша вси имена своя, поминанія ради въ сорокоустахъ. Таже, благодареніе Богу сотворше, разидошася на своя мѣста. Азъ же послѣди звань бѣхъ съ слугами и послушники Іерусалимскими вечеряти и наситихся отъ збитковъ и укруповъ довольно. Заутра же, въ неделю, бихомъ на утрни въ тойжеде вишѣписанной часовниці. Наставшу же дню, пойдехомъ вси съ протосингелами Іерусалимскими къ другой церкви, внѣ града на распутіи стоящей, и слушахомъ тамо святой литургіи, яже въ полѣ, и Арапскимъ, и Греческимъ языкомъ, пояшеса, чтяху жеся двое Евангелія и два Апостоли, да разумѣють Арапи и Греки. Но внемли, благій читателю, истину ти реку, яко нѣгдѣже худшой, убогшой и бѣднѣйшой не случися видѣти церкви, яко та. Не глаголю бо о томъ, яко не имать никакогого украшенія внутрь: ни образовъ, ни свѣтилниковъ, ничтоже, но сіе болѣзненно, яко ни покрова, ни вратъ, ни оконъ. Что же имать? Точію три стѣны каменныхъ, и то не цѣли, четвертая же стѣна, яже отъ входу, развалися даже до землѣ, верхъ же завалися такожде, токмо надъ олтаремъ мало присѣненно тростію; внутрь же, идѣже стояше иногда иконостасъ, стоитъ прегражденна каменная стѣна

ветха такожде, якоже и церковь. Словомъ рещи, аки единъ пусть вертепъ, идѣже егда приходятъ литургію святую творити, вся сосуди и одежди священническіе, такожде книги и свѣщи, приносятъ съ собою, послѣди же паки относятъ. Вопросихъ же азъ, почто тамо Христіане оной не обновлятъ или инной не сотворять? Отвѣтствуютъ, яко бѣсурмане, иже тамо обладаютъ, отнюдь не соизволяютъ на тое, аще тысящными моленми, златомъ же, серебромъ и многими дарами пѣстунствуеми биша. Та и прочая азъ тамо слушаши и видяши, соболѣзновахъ сердцемъ неволѣ ихъ и похваляхъ въ умѣ моемъ твердость вѣри ихъ, яко аще и въ таковой нуждѣ обрѣтаются, обаче непремѣнно, яко и прочіи Христіане, даже доселѣ, на всякъ день молятся Господеви. Ходихомъ же на всякъ день на правило къ церкви, но всегда Арапское слушахомъ чтеніе, и пребивахомъ въ вишшенписанной гостинниці, ожидающе время путешествію нашему къ Гробу Господню.

О Іопѣи.

Іопѣя (или якоже тамо именуется Яфа) есть градъ малъ и тѣсенъ строеніемъ, но отчасти имать лѣпіе доми, отъ каменей четверуголнихъ, гладцѣ сѣченнихъ, зданіе, такожде и прочіи отъ самороднаго камене бѣла составленіе старомирскимъ, простимъ; улицы и стезѣ ускіе и не весма чистіе. Зданія домовъ не имуть покрововъ, горѣ возвишеннихъ, якоже въ иннихъ страннахъ, и зрятся бити безъ покрововъ, но покрови ихъ внутрь, между стѣнами суть, отъ каменцовъ малихъ, праха и вапни, вкупѣ съ водою смѣшеннихъ, сочиненное сиче лѣпо и гладко, яко ни токь гуменній, лучшій не можетъ бити. Суть же въ стѣнахъ и дири на улицы, ими

Фото-гипотр. Н. Ивгггггг, Карана. № 10.

Яффа

же отъ покрововъ онихъ дождевая истѣкаетъ вода. Полатъ високихъ суть мало, токмо нѣколико бѣсурманскихъ, прочіи же долове нѣ суть много високи, но иніе до двохъ точію степеней, едни верху другихъ, иніе же до тріехъ. Отъ моря зрится градъ бити строеніемъ високо, того ради, понеже стоитъ на брезѣ крутомъ, предъняя убо зданія стоятъ низу, а яже создади—на высочайшемъ мѣстѣ; отъ земли же, грядущи отъ Іерусалима, нижнихъ домовъ не зрится ничтоже. Мѣсто оное, ветхости ради своей и пристанища корабленнаго, есть бо повсюду тамо пресловутое, занеже кораблѣ Французкіе, Ангелскіе, Турецкіе, Венецкіе и отъ прочіихъ странъ тамо приходятъ, иніе съ товари, инніе же съ поклонниками Іерусалимскими. Обитають же тамо и консулъ Францускій, си есть совѣтникъ, управленія ради своихъ людій, тамо приходящихъ. Есть же и монастырецъ малъ Римскій, идѣже единъ инокъ брадатій, мню капуцинъ, живетъ, духовной ради потреби къ своему люду; церкви же Римской нѣсть, не соизволяютъ бо устроити невѣрніе. Имають къ тому градъ той двѣ крѣпостѣ, зѣлотѣсніе, съ арматами, къ сопротивленію враговъ устроеніе, и мѣсто къ сочиненію пристанища лѣпое могло бы бити, (якоже иногда и бистъ), аще би въ руки мудрихъ строителей отдано било. Іопѣя стоитъ на брезѣ близу, яко и домовъ основанія касается вода морская. Поля равнаго имають много, окрестъ протяженнаго, но землю пѣсковатую имущаго, идѣже хлѣба оскудно рождається и лозія зѣло мало, понеже Арапи природнѣ вина не обикопа пити и ни иннаго хмелнаго питія, тако богатіи, якоже и убогіи, токмо воду едину, того ради и лицемъ неблагообразни суть, но черни, сухи, звѣровидни; аще нѣпци и піють, то зѣло мало, и малочисленни такови обрѣтаются, развѣ тіи, иже проходятъ въ страну

Греческую. Воду имуть во студенцахъ копаннихъ, отъ спудовъ земнихъ исходящую и къ питію невестна здраву, найпачеже иностраннимъ людемъ. Древеса садовая, смокви, маслины и рожди токмо плодоносятъ, иніе же не обрѣтаются. О дрова нужно приходятъ и скупо продаются, понеже лѣса нѣсть близу, но далече продолжиша поля равніе, пѣсчастіе, кътому же сухіе и травы не родящіе и води мало имущіе, ибо въ той странѣ много жжетъ солнечная луча и горячесть велія есть, яко толща земли просядеся на земли на частихъ мѣстѣхъ, идѣже ни трава, ни биліе зеленѣти не можетъ, якоже въ странахъ Россійскихъ, но вся усихають, и аще уже тамо въ оное время мѣсяць Септеврій кончашеся, обаче таковая баше теплота, яковая биваетъ въ земли Руской посредѣ лѣта. Тамо недалече отъ Яфи отстоятъ многіе градове и веси, о нихъ же воспоминаніе творится въ Писаніи Божественномъ. Отъ восточнія убо странни суть сіи: Лида, иже есть отчество святаго великомученика Георгія, Назареть, Іерусалимъ суть далече отъ моря; на приморіи же суть сіи: мѣсто нарицаемое Ибсаялемъ, идѣже Христосъ Господь вопроси учениковъ: „кого Мя глаголють человекѣ бити, сына человекческаго? Инніи глаголаху, яко Ілію, другіи, яко единого отъ Пророкъ. Петръ же рече: „Ти еси Христосъ, Ти еси Сынъ Бога Живаго“. Нынѣ же на мѣстѣ томъ стоитъ джамѣя Турецкая, пуста. Таможде недалече стоитъ градъ пусть и раззоренъ, рекомій Кесарія Филипова; таже далѣ Тиръ, и Сидонъ и Кармилъ гора, идѣже постышеша пророкъ Ілія. Отъ полуденнія же странни Рама, Газа, таже далече Александрія, Египеть, Гора Синайская, Аравія, идѣже черніе Арапи жителствуютъ. Отъ западенія же странни море, къ всѣмъ странамъ путь имущее. Пребывающимъ убо намъ въ градѣ Іопѣи, въ вишпепи-

санномъ гостинномъ монастирѣ патріаршемъ нѣколикодній, дойдоша отъ Цариграда многое множество народа Арменскаго, не мало же и Жидовскаго, съ женами и дѣтищами, грядущіе на поклоненіе къ Іерусалиму; обрѣтохомъ же и отъ предъварившаго насъ народа изобилно, но ни отъ коея инія страны не бистъ толь много, яко отъ Константинополя, понеже убѣгаху оттуду много, бывшаго ради тамо великаго гнѣва Божія, моромъ лютомъ люди казнящаго. Сображеся тогда насъ народа всѣхъ поклонниковъ Іерусалимскихъ, отъ Грековъ, Арменовъ и Евреовъ, близъ тысящи душъ, и пребиваху вси въ особнихъ гостинницахъ, ожидающе время, донелѣже будетъ повелѣно пойти къ Іерусалиму отъ градоначалника, по обычаю тамошнему. Обычай убо есть таковъ: егда соберутся поклонниковъ много, ихъ же именуютъ тамо хадзии, тогда начальникъ града Іопѣи, именуемій папа, пишетъ посланіе къ Іерусалиму, да пришлютъ ему людій съ верблюди толико, елико могутъ вся вещи путниковъ взяти и отнести въ Іерусалимъ, и паки, да пришлютъ верблюдовъ, месковъ, ословъ и коней толикое число, елико можетъ всѣхъ ходзѣевъ, си есть путниковъ, на себѣ превезти. Посла же тогда папа вѣсть къ Іерусалиму, и присланни биша Арапи мнози съ верблюдами, ослами и проч. и взявше вся вещи путниковъ, повезоша тамо преди за мзду, Септеврїа 27 числа, въ вѣвторникъ. Таже, ноци надшедшей, приспѣша отъ Іерусалима другіе Арапи съ вящимъ и множествомъ различныхъ животныхъ, отнесенія ради всѣхъ путниковъ въ Іерусалимъ. Взятъ же папа Іопійскій отъ всякой души дань отъ пѣнязей и даде всѣмъ знаменія, на хартіяхъ написанная, въ еже би волно изійти отъ града. Дadoша же миряне вси по седмъ толярей и полъ, иноки же по три и полъ; равную же и азъ съ иноками дадохъ дань,

наставленіємъ протосингелей Іерусалимскихъ, пройдохъ бо вмѣсто инока удобно, понеже толь въ долгомъ моемъ путешествіи обрасль биль долгими власи главными и малою брадою, кѣтому же черніе всегда носяхъ одежди и покровъ главній, подобній иноческому, его же невѣрніи не разсмотряють. Богу же промишляющу о моемъ убогомъ странствованіи подь видомъ сипцеваго образа полезно ми бистъ. А иже по мирску одѣянь, аще би и худѣйшіе и послѣдніе рубища на себѣ носиль, долженъ есть дати равную съ прочіими дань, не зрять бо невѣрній на нищету, ниже имать милосердіе, но токмо исчисляеть главы. Милосердіе бо есть добродѣтель, а иже не имать вѣри, той ниже добродѣтели. Но вѣдомо буди всякому, хотящому знати, яко мзда она, юже именуютъ тамо кефари, того ради вземлется неотмѣнно отъ паши градоначалствующаго, понеже онъ посидаетъ людій своихъ въкупѣ съ поклонниками провозженія ради даже до Іерусалима. Аще бо би не било сипце, то би отнюдъ невозможно било тамо проходить никому же, разбойниковъ ради множества, тамо обрѣтающихся, иже, егда челоуѣка нѣкоего похитять въ свои руцѣ на поли, аще не убійють, то біюще каменіємъ, ели жива оставлять при пути, обнаживши его даже до послѣднего рубища. Сего ради, разсудивше, да не погибаетъ много, взимають мало и безъбѣднѣ проводими бивають страннѣпришелци. И тако, егда собра паша тогда отъ всѣхъ хадзіевъ, си есть поклонниковъ, мзду свою, даде всякому на малой хартіи печать свою, съ подписомъ, даде же и Араповъ коннихъ и пѣшихъ съ оружіемъ и дреколми, да шествуютъ съ нами въ Іерусалимъ и агу началствующаго представи надъ ними. Тогда предъуготовившися вси на путь, инни всѣдоша на верблюди, и инни же на кони, друзіи же на мески и прочіи на осли, и

кїйждо по мздѣ и воли своей. Азъ же, частію убожества дѣля, щадя пѣнязъ на нужднѣйшее, частію же Бога ради, на посѣщеніи святыхъ мѣстъ потрудитися хотящи, пѣшеходити изволихъ. Двигнухомъся убо отъ Іопѣи Септеврїа 28 числа, въ среду, предъ обѣдомъ, за два часа или ранше, идѣже исходяще изъ града, дахомъ вси печати своя, яже имѣхомъ отъ паши, и по двѣ пари стражникомъ, въ вратахъ стоящимъ. Таже изїйдохомъ вонъ, идѣже инніе Арапи скитающіеся по поляхъ въ худихъ и раздраннихъ одеждахъ, взимающе коней за брозди и не пушающе далѣй шествовати, искаху отъ всякаго нѣчто отъ пинязей, глаголище Арапскимъ языкомъ: „альбакпишъ“, то есть даждь даръ, и роздаяху сребренники на многихъ мѣстехъ; аще же кто не хотяше дати, то біяху жезліемъ, во слѣдъ гоняще осла или коня; искаху же и отъ мене, но не даяхъ имъ ничтоже, и попилаху мя, посмѣвающеся. Егда же отїдохомъ отъ града недалече на поле, ожидахомъ на единомъ мѣстѣ путниковъ прочіихъ, донелѣже собрашася вси въ единъ полкъ, и прїидоша провождающіи насъ Арапи съ началнимъ своимъ, отъ нихъ же пѣшеходци идоша преди, конніи съзади, посредѣ же чинно грядяху всѣ хаджіи. И тогда, призвавше Всемогущаго Бога и Творца своего вси на помощь, начахомъ шествовати, сіи на конехъ и сіи на верблюдахъ, аки на колесницахъ, ми же, въ имя Господа Бога нашего совокупившеся, нѣціи убозіи грядохомъ пѣши. Бистъ же насъ тогда всѣхъ полкъ великъ, яко до полтори тысящи душъ и зряшеся народъ, аки нѣкое войско, грядущое на брань. Имѣхомъ путь шерокъ, равнимъ и долгимъ полемъ, идѣже нѣсть ни древа, ни травъ лѣпихъ, но всюду пѣсокъ бѣлъ и земля просѣдшаяся отъ горячести солнечной и весей мало. Тогда прейдохомъ чрезъ едину весъ, зѣло

ветху и малу, яко едва живуць кто обрѣтається; таже мимоидохомъ ошуюю вторую весъ, именуемую Лида, идеже бяше отчество святаго великомученика Георгія. Послѣди полудни доспѣхомъ къ граду Ремли.

О градѣ Ремлы, или Рамѣ.

Входящимъ намъ въ градъ Ремль, устрѣтаху насъ множество народа отъ Арменъ, Римлянъ и Еѣиоповъ, тако отъ вѣри Греческой, яко и отъ Турецкой, и раздѣлихомъся вси, по обычаю тамошнему, на различніе гостиницы: Армени особъ, Евреи особъ, ми же, Христіане Греческой вѣри стахомъ особно въ страннопріимницѣ патріаршей, при храмѣ святаго Георгія стоящей, и ноцевахомъ тамо, ожидающе до утра, донелѣже намъ будетъ повелѣнно изійти отъ града. Бихомъ же въ церкви святаго Георгія на вечерни, утрени и службѣ Божой, идѣже чтеніе Еѣиопское есть, якоже и въ Іопѣи. Пришедше же иноки Іерусалимскіе съ поклонники Греческими въ полъ съ Арапи по Греческу пояху и чтаху. Зданіе храма того есть зѣло ветхое, отъ каменей бо сѣченнихъ великихъ лѣпо сложенъ есть, къ тому же и пространенъ внутрь и лѣпаго расположенія есть. Имѣяше же иногда извнѣ верху главы, нинѣ же разорени суть и поверху ихъ покровъ равень стоитъ и дира средняя главы закровенна бревнами деревянными. Отъвнѣ же никакой лѣпоти нѣсть, понеже стоитъ между домами инними, и сама есть, якоже нѣкій домъ. Стоитъ же низу, яко на 10 степеней въ землѣ. Се же того ради, яко ветха есть лѣтми, и по многихъ временехъ возрасте градъ вишше, она же нерушима единаче даже доселѣ пребываетъ. Внутрь имать токмо престоль единъ къ совершенію божественнія литургіи. Формъ внутрь нѣсть

къ поддержанію тѣлесь, якоже въ странахъ Греческихъ обычай есть многимъ бити въ церквахъ, идѣже распявши руцѣ обоуду, повѣшаютъ униліе тѣлеса своя, не глаголю старіе, симъ бо прилично, немощи ради ихъ, но юноши и младенци или, паче рещи, дѣти таможе вкупѣ въ чину старихъ стоятъ. Что же глаголю стоятъ, мнятся токмо стояти, вещь же самую вѣдять съ всякимъ угожденіемъ, еже гдѣ любо буди обрѣтается въ православной христіанской вѣри, и не лѣпо и съ грѣхомъ есть. Тамо же не тако, но вмѣсто формъ суть сотвореніе милици древяни, на нихъ же обикопша хроміе ходити, ими же подпираются старіе и немошніе на правилѣ церковномъ, прочіи же стоятъ посредѣ церкви, ниже до стѣни прикасающесе, еже достойное есть похвали. Подножіе храма того великими каменными дсками гладцѣ посланное и украшеніе образовъ отчасти лѣпотное. Суть же внутри столповъ високихъ мраморнихъ шесть отъ цѣлаго камня изсѣченнихъ гладцѣ, ими же обдержится верхъ церкви тоя; ихъ толстота, яко единому человеку едва обяти мощно руками. Отъ онихъ столповъ единъ есть образомъ и дѣломъ различень, въ углѣ отъ страни ошуия стоящъ и имущъ на себѣ ветхая Греческая написанія. Принесень тамо чудомъ святаго Георгія сиче ¹: Градъ тотъ (якоже рѣхъ) именуется Ремль. Се же Еѳіопскимъ, Греческимъ и Агаранскимъ языкомъ, Россійскимъ же или Славенскимъ Рама, о ней же воспоминаеть Евангелистъ Матѳей въ главѣ 2, егда пишеть о избіеніи младенецъ сиче: „Тогда Иродъ, видѣвъ,

¹ Въ подлинникѣ оставлено мѣсто для выписки изъ Житія св. великомученика Георгія и только съ боку замѣчено: „Чти въ житіи с. великомученика Георгія“; а въ другихъ спискахъ: „Якоже о томъ пространна есть исторія въ житіи святаго великомученика Георгія, изволяй да чтеть тамо“.

яко поругашася ему волсви, разгнѣвася зѣло, и пославъ изби вся младенци сущія въ Виѣлеемѣ. Тогда скончася реченное Пророкомъ, глаголющимъ: „гласъ, рече, въ Рамѣ слышася, рыданіе и плачь многъ; Рахиль плачущися чадъ своихъ и не хотяше утѣшиться, понеже не суть“. Рама мѣсто висококазывается, якоже чтохъ въ Толкованіи: есть же мѣсто сіе високое въ Палестинѣ. Случижеся въ жребіи племени Веніамина, Веніаминъ же быше сынъ Рахилинь, Рахиль же въ Виѣлеемѣ погребенна бысть. Сего ради Пророкъ Рахиль Виѣлеемъ нарицаеть, понеже въ Виѣлеемѣ Рахиль погребеся. Гласъ же, слышанный въ Рамѣ, сирѣчь въ мѣстѣ високомъ. Мѣсто оное нѣсть градъ, понеже не огражденъно стѣною окрестъ, отнюду же би моглъ защититися противу врага своего, но есть аки нѣкая знаменитая весь; аще бо и врата внутрь имать, но та всегда отворенна стоять, якоже и въ Іопѣи. Симъ токмо разнствуютъ, яко Іопѣя пристанищемъ славна, Рама же пристанища не имать, но стоитъ на земли равной, пѣсковатой, на мѣстѣ веселомъ, понеже окрестъ себе имать много садовъ, зеленающихся всегда отъ древа маслиннаго, маслина бо и въ лѣтѣ и въ зимѣ зеленое и здоровое листвіе имать, и равность поля отъ восточнія и западнія странни распространися, отъ полуденнія же странни гори Іерусалимскіе высокіе отстоятъ недалече, яко полдня хожденіемъ; кромѣ же того и внутрь имать дресва: финики, смовки, ройди, лимони и помаранчи, лозіе же не обрѣтается, ни вино, понеже Еѣиопи зѣло лѣнивъ и развращень народъ и самъ не піетъ вина и пити хотящимъ не плодородить; не токмо же то, но и на хлѣбъ мало землѣ орутъ, сего ради и скупою продается цѣною, единаче якоже и въ Іопѣи, еже бо въ Солуни третью часть сребника дати треба, тамо цѣлій за толикожде, и вся

третицею дражайше. Есть же тамо торжище, идѣже купеческихъ каморъ токмо двѣ или три, и то убогіе, прочее же ничтоже обрѣтается, развѣ свѣднихъ вещей, и то развѣ хлѣба и смоковъ или иннихъ плодовъ, сира мало, млека никогда же продають, понеже зѣло нужно жити овцамъ, ибо поля и гори безъ травы суть, ово камения и пѣска ради, овоже теплаго ради края, ибо дождеве тамо чрезъ все лѣто не омочають земли, развѣ въ зимное время: къ тому же народъ золь и лѣннивъ на всякое дѣло. Мясо обрѣтается, но драго; риба же отнюдѣ не обрѣтается, понеже окрестъ нѣгдѣ ни рѣки, ни езера нѣсть; аще и явится когда, то развѣ принесенна будетъ отъ Іопѣи, и тогда мало кто ея требуетъ. Арапи бо обикоса хлѣбъ ясти съ елеемъ, понеже елея довольно есть, ини же фаву и сочиво. Французи же, иже тамо нѣколико обрѣтаются, тѣи не ищутъ много, понеже всегда мясо и сирь ядятъ. Нужно же тамо ясти вареніе и хлѣбъ пеши, скудости ради дровъ, понеже нигдѣ окрестъ на поляхъ нѣсть лѣса, токмо отъ между горъ Іерусалимскихъ издалече приносятъ. Тамо обрѣтаются четирехъ вѣрь людіе: Христіане Еѣиопи вѣри Греческой, Римляне, Армене и Махометане. О Греческой церкви с. великомученика Георгія прежде рекохъ. Ходихъ же азъ тамо посѣщати и Арменскую гостинницу, виденія дѣля, идѣже церковь простаго каменнаго зданія, но имать свою лѣпоту внутри и украшеніе. Гостинница же ихъ зданія многа, пространна и лѣпа строеніемъ имать, съ насажденными древеси лимонными, и студенци, отъ камение гладцѣ устроенными, страннымъ ради почерпанія воды, въ нихъ же вода отъ дожда въ зимное время собрана стоитъ и пѣютъ ю даже до года, сипе и въ Греческой гостинници и въ всемъ градѣ, понеже въ землѣ источника трудно обрѣсти. Тогда бистъ тамо множество

народа отъ Армень, грядущихъ на поклоненіе къ Іерусалиму, яко наполнитися всѣмъ домоу тамо въ гостиници, аще есть и велика, аки нѣкій монастырь. Мало же отъ нихъ бѣше убогихъ, но все богатіе господіе и великіе купци, съ женами и дѣтми, бяху. наиболше же отъ Ковстантинополя, мора ради бывшаго въ немъ. Утру же бывшу, Септеврїа 29 числу, въ день четвертка, рано обійде вся гостинници самъ начальникъ мѣста того съ прочіими Махометани и подобнимъ обичаемъ тамо, яко же и въ Іопѣи, взяли мзду за стражъ, яже провождаше насъ. Творять бо, яже хошуть, въ рукахъ своихъ держаше мѣста Святая. Но тамо полъмзди Іопскія дается: отъ мирскихъ убо отъ всякія души, малія же и великія, взяша четири златихъ Турецкихъ, се же есть три таляри, отъ иноковъ же по два златихъ, си есть по полтора таляра и еще двѣма сребники вѣщше. Дадохъ же и азъ тогда равное съ иноки поплащеніе, Богу о мнѣ сїце промишляющу наставленіемъ добрыхъ людїй, черноризецъ бо и худоризецъ бѣхъ, сего ради не много презиранъ бѣхъ, но подѣ видомъ нища и убога инока пройдохъ. Егда же дадоша вси свое должное и взяша печати, подобнѣ якоже и въ Іопѣи, тогда испущенни бихомъ вси изъ града, давши имъ печати ихъ съ мздою двохъ сребникъ, еже есть двохъ парь, и изшедше того дне предъ захожденіемъ слонца внѣ Рамы, стояхомъ на поли равномъ, по хотѣнію провождающихъ ны, даже до чтирехъ часъ ноци и вѣщше. Таже двигнувшеся оттуду, яко близъ полунощи, и мѣсяцю полну тогда свѣтящу намъ, пойдехомъ въ свой путь. Тогда азъ пройдохъ преди, предваряя коннихъ, занеже между конними нужда пѣшу шествовати, ово подавленія ради, ово же праха ради, копитами скотскими горѣ възбіеннаго и въ очеса и носъ летящаго: вси бо, иже бяху пѣши, преди грядяху. Ви-

дящи убо азъ тогда Еѣиоповъ отъ полка нашего, пошедшихъ впредь, яко пятънадесять челоуѣкъ, послѣдовахъ по нихъ издаличе, понеже конници не исправиша народъ въ чинъ ко шествію. Егда же шествовахъ, яко четвертую часть часа, бѣхъ далече отъ полка своего, яко не токмо невидяшеся, но ниже гласъ народа слышяшеся можаше. Тогда начахъ усумнѣватися, да некако что зло постражду отъ Араповъ, слышахъ бо золь народъ сущъ и разбойническъ. Не вѣдахъ же что тогда творити, не смѣяхъ бо ниже выпредь шествовати, ниже въспять, ниже ожидать на пути, понеже и предидущихъ и послѣдующихъ мнѣ видѣхъ Еѣиоповъ издаличе. Обаче размысливши, положихъ помощь на Силнаго и грядяхъ, якоже и прежде. Богъ же (мню, любяй мя) попусти мя въ малое наказаніе, лучшаго дѣла исправленія: его же Богъ любитъ, того и наказуетъ, глаголетъ Писаніе. И се мя начаша постизати Еѣиопи, скоро бо шествуютъ, яко скоти, изученни отъ обикновенія всегдашняго, и всякъ достигій ощущаше пиру мою, юже на хребтѣ ношахъ съ хлѣбомъ, и иннии убо мимоидоша, видѣвше мя съ хлѣбомъ токмо и жезломъ шествующа, прочіи же прошаху хлѣба. Азъ же еще прежде увѣдавъ о нравахъ ихъ, ношахъ всегда съ собою хлѣбъ готовъ на раздаваніе, и иже убо прошае, даяхъ едины посмагъ, сухарь, и тымъ отчасты ползу мира получахъ. Псовъ бо яростныхъ многожде обикомъ хлѣбомъ отгоняти, и паки ничтоже благопріятнѣйшее можетъ бити алчущему, паче хлѣба. Аще же и самъ мало имѣхъ, но и той раздѣлихъ, хотя безъ пакости преити. Тогда мимоидоша мя едини и другіе и достигше попереди грядущихъ Еѣиоповъ и возвѣстиша имъ о мнѣ. Тѣи же завистнѣйше имущи сердце и аки лви на ловъ, готови суще на грабленіе и разбойничество, и видящи мя уединенна, далече

*

отъ народа, омедлиша мало донелѣже приближихся къ нимъ, и тогда возложше на мя руцѣ, яша мя и начаша торгати сѣмо и овамо, овѣи за ризу, овѣи же за пирю. хотяще мя обнажити и послѣднихъ рубищъ и глаголюще: „алѣ бакшишъ“, еже есть „даждь даръ“, аки би рещи: искупися. Азъ же, аще и не знаяхъ Арапскаго языка, но разумѣхъ умомъ, яко пѣнязей отъ мене требуютъ и недоумѣвахъ, каковымъ би языкомъ имъ отвѣтствовати, нарѣчимъ убо Турецкимъ, его же зѣло мало знаяхъ, рекохъ, кланяяся имъ, глаголющи: „что отъ мене ищете? азъ есмь человекъ нищъ и убогъ и ничтоже имамъ, токмо о единомъ хлѣбѣ и водѣ путешествуяй, оставите мя съ миромъ, Бога ради“. Они же не внимающе, свое дѣяху. Бяху же собранни числомъ, яко двадесять, вси пѣши, не имуще ничтоже, токмо жезлѣе въ рукахъ и ножи великіе. обоюдоостріе о чреслѣхъ своихъ. Единъ же между ними бистъ Агарянинъ, на ослѣ грядій; той убо аще и съ ними бѣше, но не отъ нихъ, си есть, аще едину и туюжде вѣру махOMETанскую съ ними вкупѣ имѣяше, но не отъ Еѣиопскаго народа бѣше, знающе же и языкъ ихъ. Той, яко старъ сѣдиною сущъ между ними, начатъ имъ претити, наказовати онихъ, да мя оставятъ въ мирѣ. Они же, не слушающе сего, не престаяху творити начатое и хотяху мя совлести отъ всего. Тогда начахъ азъ вопити къ предъреченному Агарянину и преступлши къ нему, лобизахъ руцѣ его, молящи прилѣжно, да мя заступитъ. Онъ же (виждь добродѣтель) слѣзе съ осла долу и взять мя за руку, другою же рукою отрѣваше отъ мене Араповъ, порѣвающихъ и толкущихъ мя въ боки, и непусти же имъ ничтоже отъ мене взяти, кленуще я Богомъ и вѣрою ихъ. Они же паче разгнѣвашася и на его и на мя, и пакости ми дѣяху, и хотяху исхитити отъ

рукъ его. Агарянинъ же не хотѣше кътому шествовати, но сѣдъ при пути и посадивши мя съ собою, ожидаше, даже приспѣ полкъ весь народа. Не отидоша же ниже они окаянніи, обсѣдше и оступивше окрестъ, много мнѣ ругахуся и пакости дѣяху, ови въ образъ, друзіе въ перси, нѣціи же въ вію и плещи, прочіи же въ боки руками приражаху, прекорчающе персты, и пястницами подбиваху, или, просто рекше, кулаками, инніи же, вмѣсто собченнихъ перстовъ, камень въ рукахъ держаще, бодяху, единъ же, имѣяше иглу велику, ею же купци мѣхи великіе наполненніе товары, зашивають, и бодящи мя ею въ вію, требоваше отъ мене пѣнязей, другій же возьмъ песку отъ землѣ и метну ми на образъ и засипа ми уста и очеса. Аще бо и возбраняше имъ оній Турчинъ и отрѣваше руки ихъ и отгоняше, аки псовъ, но не можаше ничтоже противу множества чинити. Азъ же ничтоже инно не отвѣщахъ, точію: „оставите мя, Бога ради, яко убогъ есмь человекъ и ничтожа имамъ“. Многажды же осязаху нѣдра моя и пиру ошущающе и ищущи динарій, но, Богу призирающу на мя, не обрѣтоша; аще бо биша были обрѣли, было бы нѣчто горѣ. Единъ же хотѣше изути сандалія отъ ногу моею, зане той имѣяше худшіе моихъ, сего ради зависть имѣяше, но не може, возбраняющаго ради Агарянина. Тогда воистинну приличествоваше мнѣ глаголати царствующаго Пророка словеса: „обійдоша пси мнози, сонмъ лукавихъ одержаша мя“, хотяще себѣ раздѣлити, не глаголю ризи, но рубища моя; и каковое тогда бяше помышленіе, аще не къ смерти, егда уже и ножемъ намѣрахуся и палицами! Молихъ же азъ въ часъ той Всемогущаго Владыку и Бога, да мя сохранитъ невредна и безъ пакостна, и бистъ Господь утвержденіе мое, помощникъ мой и защититель въ день печали моя,

нанъ упова сердце мое, и поможе, и избави мя отъ врагъ моихъ силнихъ и отъ ненавидящихъ мя. Ожидахомъ же тамо сѣдѣще, яко четвертую часть часа, и еще не уприспѣ ко намъ народъ, косняше бо на пути, нѣкоего ради препятія. Хотяше же Турчинъ всѣсти на осла своего и оставить мене, омерзѣ бо ему долго сѣдѣти; и егда воста отъ земли, паки двинушася Арапи на мя. И моляхъ его, да еще мало пождетъ, и сотвори со мною по милости своей, якоже хотѣхъ, отганяя Еѳиоповъ отъ мене и наказаніемъ и моленіемъ. Видѣша же разбойници, яко никакоже пользовашася отъ мене, начаша просити, да поне хлѣба дамъ имъ, хотящи мя лукавствомъ своимъ ухитрити, да егда бихъ снялъ пирю отъ плещей и началъ разрѣшати ю, могли би отъяти вся. Азъ же, предпознавая помышленіе ихъ, не покусихся отрѣшати ю, отвѣствуя, яко мало имамъ и самъ есмь скуденъ къ препитанію. И се dospѣша къ намъ отъ полка нѣколико Араповъ пѣшихъ и возвѣстиша, яко близъ градыше народъ. Они же воставше вси, идоша и гоняша мя, да иду преди, мнѣ не хотящу насиліемъ поганяху мя, попихающе созади. Шествовахъ же азъ медлящи и озирающися воспать къ народу частѣ. Егда же узрѣхъ очима близу, уклонихся нечаяннѣ отъ между ихъ и пойдохъ скоро воспать. Видѣша же, яко ничтоже мнѣ прежде не могоша отъяти, Агаранина ради, погнася единъ отъ нихъ за мною и взять каменъ въ обѣ рупцѣ великъ и постигнувъ мя, удари отъ всея сили своея въ хребетъ, яко ми пасти на землю и возопити. И абіе слышавъ гласъ мой предній яздець, прибѣже воскорѣ, но не обрѣте его, внезапно бо отбѣже злодѣй онъ къ другому своимъ. Азъ же съ нуждею совлекохся отъ земля, едва могій шествовати, и къ тому не лишихся людій, но вкупѣ шествовахъ съ ними. Бистъ же путь равній,

и углаженный, и шерокій, подобній, якоже и отъ Іопѣи, преїдохомъ все полемъ нагимъ и пѣщистимъ и безъводнымъ, нигдѣ бо на пути ни криници, ни студенца нѣсть. Почерпоша же тогда хадзѣ еще отъ Рами воду, елико довлѣти даже до Іерусалима, и везоша всякъ на своемъ скотѣ. Азъ же, понеже пѣшь грядохъ, не могъ довольно на себѣ понести, но сосудецъ малъ, его же при поясѣ носихъ, наполнихъ бѣхъ и тѣмъ хотѣхъ удовлетворитися, мало омочаючи въ время жажды уста. Обаче драпѣжній оній и безъчеловѣчный народъ Еѣиопскъ не остави ю имѣти, но отъяша тояже ноши и испиша, мене жаждею изнурятися сотвориша, празденъ сосудъ носяща. Шествовахомъ же чрезъ всю ночь, нигдѣ не препочивающе, ниже каковія любо веси обрѣтающе. Таже, восходящей денници солнечной, егда уже окончися равность поля и начахомъ входить въ гори узкимъ и каменистымъ путемъ, тамо по повелѣнію паши, провождающаго насъ, почихомъ мало, яко полчаса, донелѣже просвѣтихомся днемъ, бояхомъ бо ся ночью входить въ гори, да нечто зло постраждемъ, бяху бо жени и дѣти маліе съ нами. Утру же бившу рано, завратися путь нашъ на востокъ и поїдохомъ внутрь горъ и вертеповъ, узкій и тѣсенъ путь имущихъ, идѣже по два яздци токмо вкупѣ проходаху. Шествовахомъ же тогда все горами великими и высокими, ниже травы, ни билія имущими, но токмо едино каменіе твердое и бѣлое, аки варъ. Обрѣтаютьжеся и дрѣвеса, но мало и малаго возраста, води же нигдѣ не видихомъ, ниже ни единія веси преїдохомъ. И елико приближахомъ къ Іерусалиму, толико на вящшіе восходахомъ гори, и инніе убо преходяхомъ, инніе же обходяхомъ. Бистъ же тогда путь нашъ сѣмо и овамо покривленъ, въ подобіе ползющаго змія, идѣже не токмо пѣшимъ, но и коннимъ зѣло нужное бяше прехождение.

Шествовахомъ же сие даже до полудни, необрѣтающе нигдѣ людѣй живущихъ. Близъ времени же полуденнаго преїдохомъ село малое, именуемое Еммаусь, о немъ же Евангелистъ Лука въ главѣ 24 воспоминаетъ, егда самъ съ Клеопою грядяша тамо, въ день воскресенія, и бистъ бесѣдующема има, самъ Іисусъ приближися и идяше съ нима, и не познаста Его первѣе, таже въ вечеръ познася има въ преломленіи хлѣба и послѣди не видимъ бистъ. Весь Еммаусь отстоятъ отъ Іерусалима шестіюдесять стадій. Стоить же низу въ долині, между горами высокими, окрестъ обстоящими; имать же отчасти и дресеса садовнаго при себѣ отъ смоковницъ и маслинъ, прочее же ничтоже, опустѣ бо и мало домовъ имать, и христіане тамо не обитають, токмо нѣколико Араповъ. Поминувши же Еммаусъ, шествовахомъ еще болшими горами и долинами, идѣже азъ, ово отъ жестокаго пути и твердаго каменія, ово же отъ теплоты солнечной, ово же отъ жажды, изнемоглъ бѣхъ сие, яко едва насиліемъ влачахъ ноги свои. Прешедше же отъ Еммауса едину велику гору и низъпустившеся въ удоль, зѣло низкій, обрѣтохомъ источникъ хладенъ воды, текущій отъ спудовъ земленыхъ, и пиша вси отъ нея жаждущіи съ благодареніемъ. Оттуду же на вишшую, паче всихъ, восходихомъ гору. Егда же възїдохомъ верху ея, къ тому низу низпускахомъся, но идохомъ, яко полчася, по верху горъ, даже до самаго града Іерусалима. Какову же бѣду и нужду претерпѣ народъ отъ безъсгуднихъ и проклятихъ Еѣиоповъ, донелѣже преїде гори тія, воистинну изрєци невозможно. Егда бо исперва начахомъ входити въ великіе гори и прїїдохомъ къ узкому прохожденію въ едину долину, тамо предваряюще насъ многое множество собрася онихъ, иніи съ копіями, инніе же съ дрекольми, и ставше на пути, възбраняху намъ шествовати, ищуще отъ насъ

бакшиша, еже есть дара. Сопротивляхужеса много имъ провождающіи насъ, но ничтоже имъ внимаша, ни бо боятся кого, ниже срамъ имуть. Аще же и дадоша нѣчто отъ динарій попереди грядущіи поклонници, но не быша тимъ доволни, но грядяху вкупѣ съ нами при полцѣ и нападаху всякаго, воспящающе мески и осли и ищуще отъ коеяжде души по сребнику, и иже даяху, свободнѣе шествоваху, а иже, или скудости ради, или убожества, не даяху, тихъ попилаху и каменни толцаху создади. Прешедше же мало паки другіе и совокупившеса съ первими горшу бѣду народу творяху, нѣціи просяще хлѣба, друзіи же пѣнязей, и елика хотяху творяху. Паки, егда преїдохомъ далей, инніи нападаша, и тако на многихъ и частихъ мѣстехъ стояще уготовани и присовокупляющеса народу поклонникъ, вси вослѣдъ грядяху. Сображеса ихъ многое число, едва не равно съ нами, и твориша пакости людемъ многіе, и биша послѣдняя горша паче первыхъ. Что бо не дѣлаша беззаконіи! Множицею бо, бестудніи и безсовѣстніи, ко единому человѣку прихождаху и искаху отъ него бакшишъ, аще уже не единого, но и десятирицею взяша. Дотолѣ же удержаваютъ коня, или верблюда, или осла донелѣже ему не дастъ сребренника, и аще отбѣжитъ единъ, то по малѣ другій прискочитъ, и не оставитъ тя, донелѣ не даси и тому. Потомъ иній стужаетъ, таже по малѣ паки приходитъ тойжде, аки не познаваемъ, и ищетъ сребреника отъ тогожде, отъ него же взятъ, и аще и речетъ ему, яко уже еси взялъ не единого, но множицею, то запирается отнюдъ, глаголющи, яко еще первѣя отъ него ищетъ, и дотолѣ не отступаетъ донележе или прійметъ что отъ него, или украдетъ. Аще же не можетъ испросити сребреника, то поне хлѣба проситъ, да не тощъ оставитъ человѣка; аще же

ниже то получить, тогда ударяетъ или палицею, или каменемъ, и сохраняется между полкъ народа и не познается, вси бо одинаки ризи носятъ. Горе же женамъ бистъ, иже ни ополчители, ни сопротивитися имъ ни мало можаху и раздаяху множае сребникъ, нежели челоуѣци, и многіе пакости прїймаху отъ онихъ проклятихъ Еѣиоповъ, иже овихъ подбиваху пястницами, инихъ же каменми, а иже есть жестока сердца и хотяше сопротивлятися имъ, тоя и палицами коснушася. О роде невѣрній и развращенній! Невѣрній воистинну, яко мохометанскій содержитъ законъ, развращенній же яко не токмо никаковія добродѣтели, но ниже челоуѣческаго нрава или обичая иматъ. Что же болѣе о нихъ реку? Кому уподоблю народъ оній лукавъ, ехиднино порожденіе, синовъ Веелзевула, князя бѣсовскаго? Воистинну, недоумѣю. Родъ бо ихъ пребеззаконній кто исповѣсть? Ярость же звѣрскую и нравы скотскіе кто изрещи возможеть? Аще бо би кто по достоянію безчелоуѣчное ихъ житіе и обичая и явити восхотѣ, омерзело би не токмо пишущему, но и чтущему и слышащему. Въ всемъ воистину путешествіи моемъ таковыхъ мерзостныхъ и злонаправныхъ людей не случися мнѣ видѣти, и сего ради не вѣмъ, кому уподобити ихъ. Аще бо уподобихъ былъ Фараонитамъ или, простѣ рекши, Циганамъ, отъ нихъ же въ странахъ нашихъ послѣднѣйшаго народа нѣсть, но кое здѣ равенство можетъ бити? Сїи бо аще и лгутъ и крадутъ, инная неправедная творять, но егда что отъ кого просятъ и воспрїимуютъ, тогда благодарствуютъ, якоже челоуѣци, и доволни суть по единомъ прошеніи. Они же безсрамнѣ сторицею просятъ и сторицею воспрїявши, не токмо не единогожды не благодарствуютъ, но еще. помиловавшаго ихъ окрадаютъ и граблятъ; на послѣдокъ, еже есть крайняго безъчелоуѣчія, и бїють; бїють же не на единѣ, но

въ очесехъ всего народа біеніе, здѣ разумѣй единожды удареніе, или рукою, или каменемъ, или палицею. О крайнего безъсрамія и своея совѣсти не стыдящагося! Въ семь точію подобни суть Фараонитамъ, яко ни въ градѣхъ, ни въ весехъ не имутъ своихъ домовъ, но на поли, при пути и окрестъ мѣсть, въ шатрахъ обитають, иніи же въ пещерахъ, помежду горами, аки звѣріе, но недалече отъ градовъ. Ходять же токмо въ еднихъ кошуляхъ жени и дѣти ихъ, и сандалія на ногахъ носятъ, понеже тамо жестоко есть по каменехъ ходити, и мужіе такожде едини токмо хитони носятъ, даже за колѣна; ножной же одежды не носятъ, и всякъ иматъ ножъ при поясѣ великъ. Всеи же поверху кошуль носятъ ризи одинакіе, пестріе, отъ килима простаго сошвенніе, отъ нихъ обикоша купци мѣхи шити на товары. Ни сѣють же, ни орутъ, ни инній кій трудъ творять, но отъ монастырей христіанскихъ пищу испрошають и многу имъ обиду творять. Пища ихъ повседневная—хлѣбъ и елей, вина же, ни иннаго питія не вкушають, а елей сиче любятъ, яко хлѣбъ омочающе въ него ядятъ; аще же имъ гдѣ случится довольно обрѣсти, то ложицами ядятъ и піють, аки воду. О непомѣркованнаго стомаха! О скотскаго питанія! Кому уподобити достоинъ родъ сей? Животнымъ ли? Но многая животная въ потѣ лица своего пищу ядятъ. Сверѣпѣмъ ли звѣремъ? Но и тіи благодѣтелямъ своимъ покаряются и почитають ихъ. Они же ни отъ труда пищу ядятъ, ниже благодѣтелей своихъ почитають. Всегда бо къ монастыремъ приходящи просятъ хлѣба, и что глаголю просятъ, но аки по должное приходятъ, прошеніе бо ихъ не съ смиреніемъ, но съ грозбою, и взятіе милостини безъ благодарствія бываетъ. Сиче же неблагодарни суть, яко отъ тѣхъ самихъ монастырей инока, и знаема имъ, егда обрящутъ гдѣ на

пути, обнажаютъ даже до послѣднего хитона. И кій убо народъ можетъ бити горшій сего, иже не имать ничтоже въ себѣ похвали достойно? Бесѣда бо ихъ мерзостна къ слышанію, зрѣніе же и хожденіе звѣрское, а не человѣческое, цѣлованія же и привѣствія нѣсть, и яденіе и піеніе свинское имуть. Словомъ рещи, всего міра послѣднѣйшій народъ нравомъ и житіемъ. Ниже Бога боятся, ниже человѣкъ срамляйся, ниже властелинамъ покаяйся. Въ градѣхъ бо токмо егда что зло сотворять, судими суть отъ Турковъ, понеже яко царство, тако и власть ихъ тамо; внѣ же градовъ, что хошутъ и могутъ, то творять, ниже судящися, ниже кого устрашающися. Обаче не вси суть такови, суть бо инніи отъ тѣхъже самихъ Еѳіоповъ христіанскую православную вѣру содержащіи и тіи убо крещеніемъ святымъ просвѣщенни и истиннаго въ Троици славимаго Бога боящися, живутъ по человѣческу, но нравовъ своихъ природнихъ оставить не могутъ. безсрамни бо суть и чести иннимъ человѣкомъ воздавати не знаютъ и на трапезѣ неблагоговѣно и нелѣпо ядятъ, якоже мнѣ самому многажды случися видѣти. Тіи убо орутъ землю и плодородятъ хлѣбъ и всяку потребу и различная рукодѣлія работаютъ. Но христіанъ тамо мало суть и едва третья часть обрѣтается народа. Сія убо толь многореченная отъ мене слышай, благоразсудній читателю, не усумнѣвайся и не угашай любовію горящее сердце твое къ мѣстомъ святымъ, еже би тебѣ и инному не смѣти ити тамо, такового злаго ради прехожденія, но приложи болшее усердіе къ усердію и въоружися сими тремя добродѣтелми: вѣрою, надеждою и любовію, еже къ Богу, и тако отъ всея души твоея, и отъ всея крѣпости твоея, и отъ всего помышленія твоего всѣми силами тщися путешествовати на мѣста оніе,

идѣже стоятъ и ходистъ пресвятіе позъ Христа Спасителя нашего. Не буди страшливъ, якоже серна, яже не токмо отъ лица, но и отъ гласа человѣча бѣжитъ, она бо несмысленна сущи и никаковій совѣтъ себѣ могуща подати сіе творить, ти же уменъ сій и разумную имій душу, не убойся глаголовъ и словесъ, мною zde написанныхъ, еже бо писахъ, писахъ отъ избытка сердца моего, яко необыкшій между сицевимъ народомъ бити; кътому же вся начертаваю въ путешественной моей книзѣ того ради, яко аще кто тѣмъ самовидецъ возлѣнится бити, то поне чтущи, извѣстится. И не мни, благій читателю, яко яже слышиши отъ мене извѣствуема, то уже всякому, шествующему въ Іерусалимъ, пострадати требѣ несомнѣнно никакоже, ибо мнози обрѣтаются, ихъже не токмо удареніе отъ Араповъ, но ниже слово злое касается, зане никто же обидимъ бываетъ, развѣ отъ себе самага. Аще убо кто, несребролюбивъ сій, даетъ всякому нудящому и на пути сребникъ малъ, той преходитъ кромѣ всякой пакости, а иже не даетъ, безъ ударенія не биваетъ. Обаче оба мзду имутъ отъ Бога, яко той не щадитъ имѣнія своего любве ради Божія, сей же тѣлесе. О, воистинну блаженніи, и паки реку блаженніи суть христіане, (кромѣ мене грѣшнаго) шествующіи тамо! По евангелской бо ходять заповѣди, егда оставляютъ, аще и на время, отца и мать, и братію, и сестри, и жену, и чада, и сродники, и други, и села, и доми, имени ради Божія, и толь далекій творятъ путь, всякую претерпѣвающе нужду, и напасть, и прираженіе отъ злихъ человѣкъ. Напоследокъ, еже есть великія любве и теплоти къ Господу, нѣции и животь свой полагаютъ за Него, многіи же, аще и не полагаютъ, но готови суть на смерть въ морскомъ плаваніи, море бо смерть есть подъ ногами шествующаго

по немъ. Сего ради таковїи, по обѣщанію, неложніа истинніе Христа Спасителя миру сторицею воспріймутъ и животь вѣчній наслѣдятъ, и не токмо похваляеми будутъ въ вѣки на небеси, но и временно отъ челоуѣкъ на земли, яко собыватися пророческимъ глаголомъ, и будетъ честно имя его предъ ними, ибо многажды въ мирѣ семь видимъ въ чести сущихъ поклонниковъ Іерусалимскихъ, понеже Богъ въ вся дни живота ихъ благословить и долгоденствіе даруетъ и вся благополучна устрояетъ, яко благоу часть избравшимъ и доброе дѣло содѣлавшимъ о немъ. Самъ бо рекъ усти царствующаго Пророка въ псалмѣ 90: „Избавлю и покрію его, яко позна имя Мое, и воззоветъ къ Мнѣ, услышу его, съ нимъ есмь во скорби, и изму его, и прослаблю его, долготою дній исполню его и явлю ему спасеніе Мое“. Видѣть, слышателю, колика благодѣянїа обѣщаваеъ всещедрїй датель Богъ, имени ради Его благотворящимъ и трудящимся, не токмо бо въ жизни сей руку помощи, но и спасеніе вѣчное явити хошетъ. Обаче здѣ мое простресеъ слово не о тѣхъ поклонникахъ, иже, тщеславіа ради, да похвалу и честь отъ челоуѣкъ имѣти, труждаются въ далечайшіе странни не тако на поклоненіе, яко паче на прославленіе имени своему, въ еже би именоватися отъ народа хадзѣмъ, или путникомъ Іерусалимскимъ. Таковїи бо всеу ходитъ и тощъ возвращается, и на болшее осужденіе сіе себѣ творить. Но азъ о тѣхъ глаголю, иже возжегшихся пламенемъ любви къ Богу всѣмъ сердцемъ и всѣми силами желаюъ поклонитися и прикоснутися устнами мѣстамъ онимъ, яже съприсносущное слово Отчее Единородній Синъ Его, явлшися на земли во плоти хожденіемъ и страданмы осяты и прослави; желаюъ же сице, яко вся неблагополучїа, и бѣди, и нужди, и зной солнечній претерпѣвати и на смерть готови

быти обѣщаются. И сичевіи желаемое получаютъ и многую ползу душѣ своей ходотайствуютъ. Тѣмже убо всякому, богатому же и убогому, совѣтую о Христѣ не ужасатися путешествовати къ святому граду Іерусалиму, ниже лишатися поклоненія живоноснаго Гроба Господня. Аще бо богатъ еси и имаши имѣнія доволна, благодари Бога, яко ти далъ есть, и не сотвори, яко же оній челоувѣкъ, отъ Евангелиста Луки, въ главѣ 12, воспоминаемій, ему же угодился нива и недоумѣяше что творити, умисли же раззорити житници своя и болшіе создати, собранія ради плодовъ. Ти же возми словеса, отъ устъ его реченная, и обрати инуду. Той бо глагола: „что сотворю, яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ моихъ“; ти же рци: „что сотворю, яко не имамъ и невѣмъ, гдѣ сокривати имѣніе мое, его же ми часто овогда тля тлитъ, овогда моль поядаетъ, овогда же татіе окрадають“. Онъ рече: се сотворю: раззорю житници моя и болшія созижду и соберу ту вся жита моя и благая моя, и реку души моей: душе, имаши многа благая лежаща, на многа лѣта, почивай, яждь, пій и веселися“. Ти же убо рци: „се сотворю: оставлю зданія дому моего и взявши имѣніе, и принесу е въ Іерусалимъ и положу я въ новосѣченнѣмъ Гроба Господня кнотѣ въ немъ же никтоже кромѣ Іисуса, никогда же положенъ бѣ, идѣже уже не къ тому прочее тля иматъ тлити, ниже червь снѣдати, ниже татіе украсти“. И сіе рекъ словомъ, абіе потщися сотворити и дѣломъ. И сиче не на лѣта токмо многа, но вѣчную душѣ твоей пищу уготовиши. Аще же кто убогъ есть, да попуститъ себе въ смиреніе и трудъ и да претерпитъ всякую нужду, утѣсненіе и досажденіе, аще же случится, и біеніе. Обаче извѣстно буди, яко не можетъ тамо шествовати ничтоже сребра имій, понеже аще би милостини и не подалъ на

мѣста Святіе, то за превозъ морскій и Туркамъ поплатченіе неотмѣнно дати требѣ, понеже ими обладаема вся суть. Богатіи убо людіе многочисленная имѣнія взимають съ собою въ путь, но едва половину раздадутъ на Мѣста Святіе, прочее же истощають на Турецкіе дани. Средніи же по двѣстѣ, иніе же по сто златиць иждивають; нижніе же людіе, убогіе суще, съ двѣма ста талайрей едва нужно могутъ удовлетворити путешествіе свое. А иже кто хоцетъ токмо пойти и возвратитися, а милостини нигдѣже ничтоже дати, аще есть мирянинъ, отложить ему требѣ полтора ста талайрей на путь, на харчъ и на всяку потребу; аще же есть инокъ, довѣстетъ ему шестьдесятъ талайрей или пятьдесятъ. Аще же ниже толико кто иматъ у себе готово, то и той да не оставляетъ путешествія Іерусалимскаго, но да идетъ, просяи на пути милостини, и Богъ его не оставитъ, якоже и мене, очі бо Его на нищаго призираетъ. Се же ти, читателю, извѣстихъ, разсуждаючи начатій путь отъ моря; а иже кто есть отъ далекихъ странъ и не можетъ по земли даже до моря пѣшеходити, самъ да размыслитъ, колико требѣ. Аще бо и сухій путь отъ Цариграда къ Іерусалиму обрѣтается, но тамо путници не обикоша ходити, великаго ради драпѣжства и боязни отъ разбойникъ, къ тому же далече: шествію десять дній хожденіемъ пѣшеходца.

Се въ извѣщеніе подахъ всѣмъ хотящимъ чести и слышати сія, найпаче же Россійскимъ людямъ, совѣтуя и желая ити на поклоненіе животворящему Гробу Господню, понеже ни отъ коея же странни сіце мало поклонниковъ приходитъ, якоже отъ странъ Рускихъ. По пяти бо и шести лѣтахъ едва единъ является, чему Греки зѣло удивляются, яко ни Москвитини, ни Малороссійчичи усердія къ Святимъ Мѣстамъ не имутъ,

аще у нихъ паче всѣхъ христіанъ православнѣйшіе почитаются быти. Року бо того, его же азъ ходихъ тамо, единъ азъ точію бѣхъ отъ Руской земли. Прежде же моего пришествія, мимошедшимъ двомъ лѣтомъ, ни единъ не прійде, якоже слисахъ. И есть воистинну чесому чудитися, понеже идѣже царство христіанское есть и вѣра едина благочестива въ всѣхъ содержится, и людіе кромѣ всякіе работы, и нужди, и утѣсненія пребиваютъ, отгуду зѣло малочисленни приходятъ на поклоненіе; а иже царя врага имуть и подъ игомъ работы суть и данми отягченни многими, отгуду, аки пчели, прилѣтають, и отъ труда своего, аки сладкій медъ, милостиню подавають на откупленіе Гроба Христова отъ рукъ невѣрныхъ и еретическихъ. Аще бо не би всѣми силами имѣли христіане Греческіе попеченіе, уже би давно отъятъ былъ Гробъ Господень, отъ Махометановъ или Арменовъ искупленъ, яко и бистъ въ нѣкое время; но Богъ не попусти имъ долго обладати. Тѣмъ же Богомъ избранній Россійскій роде и вси повсюду далече отстоящіи христіане потщитесь отъ всего сердца вашего простерти нозѣ ваши на шествіе къ Святимъ Мѣстомъ и руки въ подаяніе милостини на откупленіе тѣхъжде, студъ бо намъ есть и поношеніе отъ еретыковъ и невѣрныхъ. Аще бо и отъ Греції христіанъ много идутъ на поклоненіе, но сьравнивши ихъ съ Армени или Еврей, зѣло мало мнятся, ибо тогда преходящимъ хадзѣмъ отъ Іопьи въ Іерусалимъ ниже познавахуся христіане между множествомъ числа Арменъ и Жидовъ. И аще убо тіи, ересьми поврежденни суще, толикое усердіе имуть къ Мѣстомъ Святимъ, яко небрегше домовъ и отчествъ, съ женами и дѣтми шествуютъ, тольми паче ми, въ блазѣй вѣрѣ воспитанни и чада Божія суще, долженствуемъ паче и спѣшитися на сіе дѣло и другихъ наставляти. И аще Іудеи, Авра-

амова ради гроба, толико трудъ и терпѣніе отъ ругающихся Еѳіоповъ воспріймуютъ, и приходятъ не токмо отъ странъ Турецкихъ, но и отъ Волоскихъ, и Полскихъ, и Украинскихъ, колми паче намъ, Гроба ради Христова, имъ же клятва потребися и смерть умертвися и животу вѣчному вси сподобихомся, безчисленніа труды, поруганія и ударенія терпѣти подобаетъ, и не токмо не щадѣти имѣнія, но ниже, аще би случитися могло, и души своя. Тѣмъже убо никтоже да не убѣгаетъ пути сего святаго и да ничто усумнѣвается, ни униваетъ сердцемъ, злаго ради и нужднаго прешествія отъ Араповъ сверѣпныхъ и распустныхъ, Божіе бо то смотреніе есть, яко попусти имъ на Земли Святѣй жити, яко да вси вѣрніи тамо шествующе и многія отъ нихъ пакости и нужды претерпѣвающе, болшую любовь являютъ къ Богу и болшую мзду душъ своей воспріймуть. Аще же кто хоцетъ миренъ и безмятеженъ путь имѣти, да ослѣпитъ сребромъ всякое завистное око, что бо есть раздати таларь или два Еѳіопомъ, любве ради Божія и Мѣсть Святыхъ. Аще же ни, то да терпитъ вся случающаяся ему злая, аще пакости, аще поруганія, аще ударенія, и да помишляеть, яко никтоже болшіа пакости, и поруганія, и ударенія не претерпѣ, якоже Спаситель мира Христосъ Господь. Обаче сие денари раздающіи, яко же удареніе терпящіи, мзду имутъ отъ Всемогущаго Творца воспріяти, аще токмо сіе творять любве ради, яже имутъ къ Богу и мѣстамъ отъ него освященнымъ. А еже аще кто усумнѣвается отъ убіенія, ниже да помишляеть о семъ, Еѳіопи бо сего никакоже творять, не токмо же не убиваютъ чловѣка, но ниже поражаютъ до крове. Въ семъ токмо злонравни суть, яко аще кого на пути единаго обрящють и или мало число, яко противу силъ своей, тогда вся отъемлютъ и совлачатъ

даже до хитона, еще же и бѣють, и поругаются, и послѣди оставляють, а еже животъ отъяти никакоже покупаются. Самы бо токмо между собою убиваются, сварящися и тяжущися, христіанъ же оставляють жити, вѣдаютъ бо окаяніи, яко отъ нихъ пищу себѣ пріобрѣтають и безъ нихъ жити не могутъ. Но ни се когда любо кому отъ чуждихъ приключитися можетъ, понеже хадзѣ, или, яснѣ рекше, поклонники Іерусалимскіе нигдѣже тамо далече сами не ходять, но всегда провождаемы съ стражею честно и небоязненно, и никтоже ниже пораженъ когда бываетъ. Аще убо таковое бы тамо обрѣталоса зло, кто же би смѣлъ ятися пути онаго? Но се безчисленныя народи отъ разныхъ вѣрь ходять и повращаются на всякое лѣто здрави и живи въ отчество свое и прославляютъ имя Христово. Убо и ти. благоразсудній читателю съ внимательнымъ слушателемъ, отложивше всякое сумнѣніе и мнѣніе, вооружившися о Бозѣ вѣрою, надеждою и любовію, подвигните на ю и иннихъ, аще возможно есть, къ сему душеполезному путешествію. Несите же имѣнія ваша съ собою, аки пчелы сотъ, и положите я въ неветшающемъ влагалищи, въ Гробѣ, реку, Христа Спасителя, и тако, милостинею вашею искупуемы, сохраняются отъ невѣрныхъ невредна Мѣста Святая, себѣ же благословеніе отъ Бога и патріяршего престола и отпущеніе грѣховъ получить можете. Но довлѣетъ о семъ мнѣ глаголати, понеже многу распростохъ бесѣду и далече удалихся отъ повѣсти путешествія моего. Сего ради возвращаюся паки на первое, еже вишше писахъ, си есть:

*

О пришествіи моемъ къ святому препро-
славленному и Богомъ соблюдаемому граду
Іерусалиму.

По многотрудномъ и жестокомъ морскомъ же и гор-
номъ прешествіи, сподобилъ мя есть преблагій Богъ,
купно съ прочіими христіянскими поклонниками, dospѣти
святаго града Іерусалима мѣсяця Септеврія послѣднего
числа, въ день пятка, въ самій часъ полудня. Вистъ же
(якоже прежде рѣхъ), егда въздохомъ на послѣднюю
велику гору, тогда шествовахомъ равнимъ путемъ, мало
низпускающимъ, пожежду краспми маслинными садами,
яко три поприща, и устрѣтаху насъ издалече, исхо-
дяще за градъ, многіе христіане, отъ духовнаго и мир-
скаго стана, и даяху всякому цѣлованіе любезное, съ
многимъ привѣтствіемъ и осязаніемъ рукъ, глаголюще:
„добрѣ пришли есте братія“ и елика таковая; и елико
приближахомся, толико вѣще насъ устрѣтаху и про-
вождаху. Егда же азъ узрѣхъ стѣни града, возрадо-
вахъся зѣло и забыхъ тѣлесной немощи, дадохъ же абіе
славу Богу, яко сподоби мя по желанію моему достиг-
нути тамо. Видѣхъ же крѣпкое и лѣпое каменное зда-
ніе огради, искуснимъ художествомъ строенное и немного-
лѣтное, и отъ всякаго похвали достойное, и почудихся
отчасти. Та же вси ввійдохомъ врати Давидовими, ни-
кимъ же воспящаеми, ниже бо стражіе бяху, ни воины,
но токмо многіе граждане, изшедшіи въ стрѣтеніе. Тогда
иноки тамошніе, по обычаю своему, вѣхъ насъ, не токмо
мужей но и женъ, отведеша въ первоначальній мона-
стирь Патріяршій, идеже въ то время патріярха не
бистъ, но отшелъ бѣ въ страну Греческую, прошенія
ради милостини на откупленіе Гроба Христова. Архи-

епископъ же, именуемій питропъ, вмѣсто его тогда обладающій, повелѣ всѣмъ дати гостинніе келіи къ упокоенію, и бистъ тако. Препочившимъ же намъ яко часъ единъ, званни бѣхомъ въ трапезу иноческую, идѣже представиша намъ два варенія постна и маслинніе плоды, бѣ бо тогда пятокъ, напояху же и виномъ, отъ рукъ своихъ подавающе всякому, хотящому пити, и наситихомся довольно и благодарихомъ Бога. По трапезѣ поведоша насъ иноки високо по степенехъ верху келій, созирати многая зданія и полати, и видѣхомъ строеніе монастыра того зѣло лѣпое и расположеніе премудрое. Многіе бо келіи и входи, и исходи имать, и покрови верху зданій низкіе и утаенніе, иже отъ земли не зрятся; суть же сотворенніе отъ пепела, съ водою растворенна, сиче же искуснимъ художествомъ, яко злившіися въ составленіе едино держатся крѣпко и твердіе суть, аки камень, и гладкіе аки токъ, отъ нихъ же вода стекаючи дождевая въ время зими и собирается въ студенци, питія ради. Зданіе монастыра оного есть высокое и сиче тѣсное, яко нигдѣ же праздна мѣста имать, но все келія. Устроень же есть чудесно на двѣ части: первая убо часть стоитъ отъ единія страни улицы и присовокуплена есть къ великой церкви, идѣже Гробъ Господень, вторая же на другой странѣ улицы; обѣ же части мостомъ каменнымъ крѣпкимъ совокупленни суть високо, прехожденія ради, а подъ мостомъ низу по вся дни ходять людіе сѣмо и овамъ и торжище собирается, или, яснѣе рекше, монастырь стоитъ сюду и сюду, посередѣ же путь къ торжищу, или улица. Оттуду ведоми бѣхомъ еще вишше по каменныхъ степенехъ на покровъ церкви великой Воскресенія Христова, идѣже созирахомъ внутрь окнами и видѣхомъ строеніе и украшеніе ся зѣло прекрасное, и желаше же душа моя крѣпко, да мя сподо-

бить Богъ дойти внутрь. Тогда показоваху намъ иноки главы церковніе, кая надъ каковымъ предѣломъ стоитъ. Отъ нихъ вси суть отъ самага камени зданніе гладкимъ и лѣпимъ дѣломъ, едина же паче всѣхъ болша, отъ древа составленна и внѣ цѣнію покровенна, а сверхи диру имуща велику, и сія есть надъ Гробомъ Христовимъ. Но о семь послѣди чти въ описанію великія церкви. Еще же и инная зданія многа далече и близу стояща, показоваху намъ перстами, яко то церковь Соломонову. домъ Давидовъ, гору Елеонскую и проча, о чесомъ послѣди изъяснити потщуся. Послѣди идохомъ въ церковь монастыра того, именуемую святаго Константина и Елени, и слушахомъ тамо вечерни, идѣже иноки поють чинно и лѣпо, съ всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ. Храмъ того ради въ имя святаго Константина есть созданный, понеже онъ быше ктиторъ и великой церкви и монастыру Патріяршему и вся онъ созда. Стоитъ же присовокупленній къ стѣнѣ великія церкви Воскресенія Господня, отъ онюдуже на странѣ лѣвой есть окно, и зрится Гробъ Христовъ и прочіе мѣста внутрь. Церковь она, аще и мала есть, но строеніемъ гладкимъ и лѣпотнымъ зиждема и внутрь побѣленна варомъ чисто, безъ всякаго иконописанія. По стѣнахъ же суть многоразлични повѣшенни иконы, украшенія ради, а намѣснѣе образи, обоюду царскихъ вратъ стоящіе, вси суть серебромъ позлащеннымъ покровенни, кромѣ лицъ. Столпъ токмо единъ имать внутрь, нмъ же поддержитися, не можетъ бо вмѣстити болше, малости ради своей. Подножіе зѣло гладкимъ, искуснымъ дѣломъ сочиненно отъ таблицъ мраморныхъ троякаго вида: бѣла, черни, и червленна. Что же реку о сѣдалищи, или тронѣ патріяршемъ и о прочіихъ столцахъ и наложцахъ? Воистинну многія похвали достойна суть, понеже вся дробнымъ и

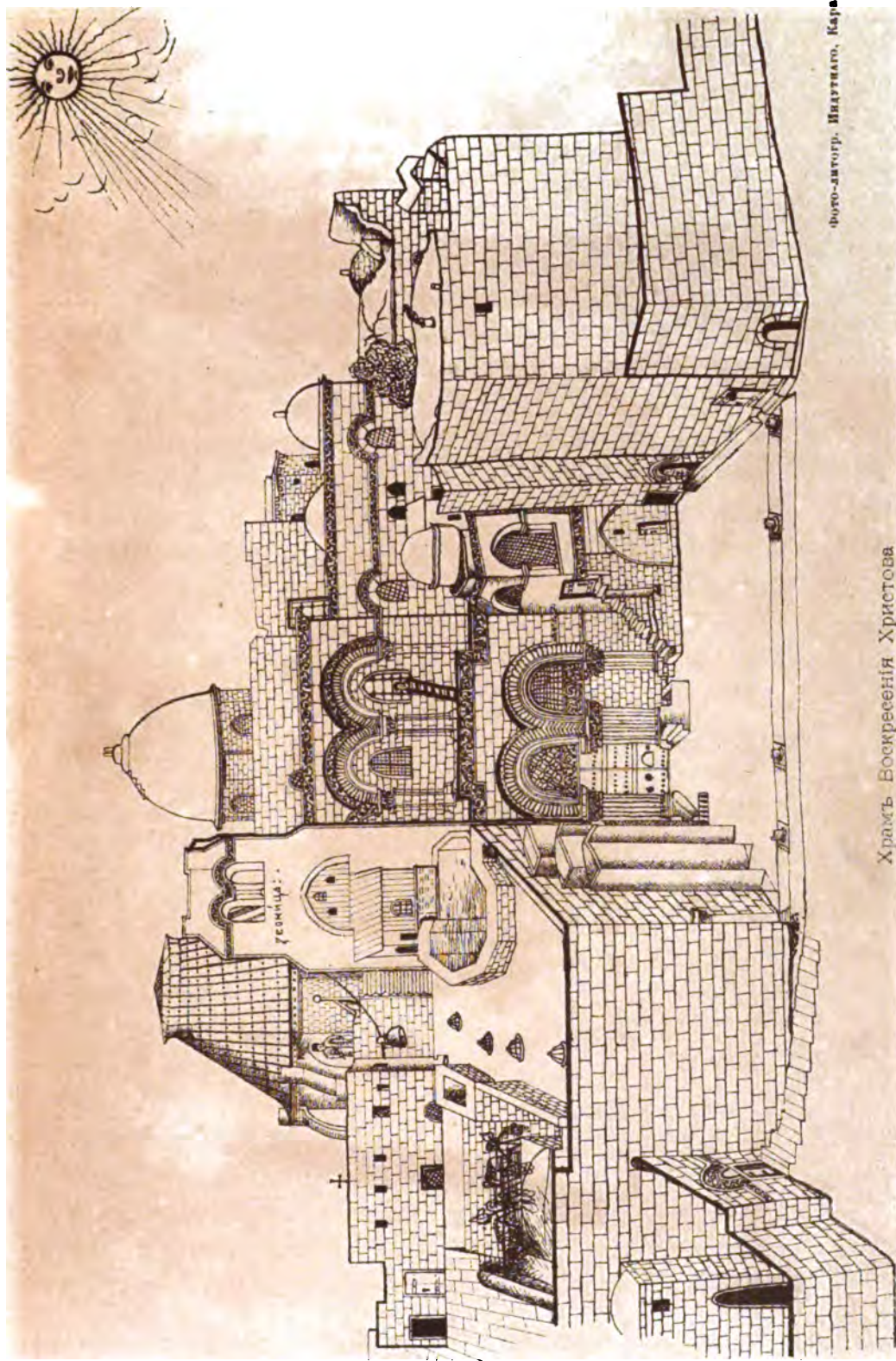

фото-аэрогр. Исаакиан, Караваевъ, № 16.

Храмъ Воскресенія Христова

избраннымъ художествомъ, бисернымъ чреповнокожіемъ, или, простѣ рекше, перловою матицею и инними драгими костми отъ рыбъ морскихъ насажденна и украшенна суть. Егда же, по вислушаніи вечерни, изійдохомъ отъ церкви, абіе биша въ било и званни бѣхомъ въ трапезу вечеряти и предъставиша намъ подобніе снѣди. якоже и въ часъ обѣда, служаще и частующе виномъ. Тогда наситившеся, благодарихомъ Бога и разійдохомся вси по келіяхъ своихъ. Заутра же въ субботу, мѣсяця Октоврія 1 дня, въ тойжде вишшереченной церквѣ бихомъ на утрени и слушахомъ правила даже до „Богъ Господь“. Наченшужеся чтенію Псалтири, по повеленію намѣсника патріяршего, дадоша намъ всякому свѣци, поведоша насъ нѣколько иноковъ внизъ многими степенми каменными, даже до земля, и изведоша насъ внѣ монастыра предъ врата великія церкви, именуемая по Греческу *Αἴα Πорта*, еже есть святая врата, и сотворше вси по три поклоненія до земля, лобизахомся. Святая же порта иматъ обоюду по три столпи мраморніе, бѣліе, отъ нихъ же одесную посредѣ стояй между двѣма просядеся до полу тако, яко персту чловѣчу влзати, и сотворше поклонія, лобизахомъ его по повеленію предъвожающаго насъ инокъ, иже именуется мерхадзи, еже есть имій свое послушаніе, повеленное отъ питропа, водити по всѣхъ мѣстахъ поклонниковъ. Оттуду прешедше нѣколько степеней, ошуюю стоитъ столпъ свѣтло-червленній, на подобіе порфира, не въ стѣнѣ церковной, но на уединеніи при единомъ притворѣ, иже внѣ церкви стоитъ. Тамо такожде поклоняющеся, лобизахомъ его, и абіе предводй насъ рече вину почитанія столповъ тѣхъ сице: Бистъ не предъ многими лѣти, егда Армене закупиша бяху отъ Турчина Гробъ Господень въ самообладаніе и обладаша лѣтъ, нѣколько, послѣди же оклеветанни бяху, яко не

снисхождаше къ нимъ огонь отъ небесъ въ великую субботу, якоже обиче Грекомъ молящимся снисходити. И приспѣвшу празднику Воскресенія Христова, снїдошася властелини Турецкіе съ прочіими многими Махомедани созирати и увѣсти истинну. Бяху убо Армене внутрь при Гробѣ Господнемъ молящи, а патріархъ со Христїяни своими внѣ церкви изїде и ста при ономъ вишшереченномъ уединенномъ столпѣ, плача и моляся Господеву, да прославить вѣру ихъ православную, а Арменъ проклятихъ да обличить лжу и ненависть. Бистъ же егда Армене молахуся, кричаще надъ Гробомъ Христовимъ и ничтоже ползоваху, се, Божією волею, отъ столпа онаго изїде огонь, иже есть при святыхъ вратахъ, и прескочивши къ другому столпу, при немъ же стояше патріархъ, и зажеде его пламенемъ зѣлнимъ, и абіе патріархъ зазже свѣща своя, и огонь невидимъ бистъ. Такожде и вси людіе зажегоша свѣщи и прославиша Бога, показавшаго имъ таковое чудо. Армени же посрамишася. Видѣвъ же сіе единъ отъ знаменитихъ Турчинъ, велія (рече) вѣра есть христїанская, и вѣрова въ Христа. Абіе же отъ инихъ Махометанъ похищенъ бистъ испалень, въ очесехъ всего народа, предъ церковію. Арменамъ же оттолѣ болшъ не попустиша владѣти, но паки въ руцѣ Грекомъ дадоша. Виждь, любимій читателю, вѣри православнїя силу! виждь чудеса Божїя, прославляющаяся въ ней, враждующимъ на обличеніе! Оттуду, мало поступивше, внїдохомъ въ едину тѣсну келїю, идѣже Марїя Египетская плакашеся зѣло, того ради, яко сила Божїя возбрани ей внїйти въ врата церковнїе и поклонитися Гробу Господню. Оттуду пойдомъ въ монастирь святаго Авраама, идѣже вшедши въ врата, идомъ помежду зданїями на гору многими степенми, и прїйдохомъ въ едину церковь невелику, но

лѣпу, яже при стѣнѣ великія церкви стоитъ. Тамо стоитъ мѣсто предъ царскими врати, сребромъ окрестъ, въ подобіе блюда, окованно, идѣже бѣше иногда Савековъ садъ и Авраамъ хотѣше сына своего заклати Богу на жертву, но Богъ, видѣ усердіе его, не попусти ему сего сотворити, но яви ему овна, и лобизахомъ мѣсто оное съ благоговѣніемъ и честію. Оттуду возвращающіи въ великій монастырь Патріаршій, поведоша насъ на мѣсто оное, идѣже явился Христосъ Маріи Магдалинѣ, яко вертоградарь съ копаницею, идѣже такожде поклоняхомся и лобизахомъ мѣсто святое. Таможде абіе пойдомъ въ церковь святаго Іакова, Брата Господня, иже первій епископъ въ Іерусалимѣ бистъ, и тамо въ оной церквѣ первій и ветхій тронъ его бѣше. Оттуду возвратихомся въ монастырь тѣмъже путемъ, имъже и первѣ изійдохомъ, и идохомъ паки въ церковь и слушахомъ до конца утрени и по окончаніи разійдохомся въ своя келіи. Просвѣтившужеса дню солнечнымъ сіяніемъ, паки въ томъже храмѣ святаго Константина слушахомъ святой литургіи, послѣди же творяху коливо за усопшихъ, и по отпѣтіи церковномъ, таможде неотходно сѣдшимъ всѣмъ раздаяху и вина по чаши всякому. Таже абіе всѣхъ путниковъ и новопришелцовъ, духовныхъ же и мирскихъ, еще же и жень, отведоша въ умивальницу и молыша всѣхъ сѣсти чинно, и бысть тако. Начатъ же пѣти пѣвецъ нѣкую стихирю лѣпимъ и умиленнымъ гласомъ, стоящи посреде умивальницы, изійдоша же шесть иноци, два носяще мѣдницу шероку и сосудъ съ теплою водою и лентіе, третій же препоясанъ завѣсою, такожде отъ другія странни, и наченше отъ перваго даже послѣднего всѣмъ умиша нозѣ. Чинъ же сипцевъ бистъ: единъ держаше готово лентіе бѣло къ отиранію ногъ, вторій нося съсудъ съ теплою водою, съ

нѣкимъ благоуханнымъ зеліемъ уваренную, и поливаше подѣставивши мѣдницу подѣ ноги путника, третій же преклонѣ колѣнѣ на зѣмлю, взявши первѣ десную ногу, потираше миломъ и омиваше согрѣянною водою и отерши лентіемъ лобизаше, аще быше инокъ, онѣ омивающаго главу, мирянина же сиче безѣ лобзанія оставляше, такожде и шуюю ногу омиваше подобнѣ, токмо не лобзаше, довлѣеть бо и единожды. Сѣдѣя же и мнѣ тогда въ чину прочіихъ путешественниковъ, аще и на послѣднемъ мѣстѣ, приступивше, умиша и мои грѣшніи нозѣ съ облобизаніемъ. Тогда азъ, не терпящи толь великаго смиренія ихъ и добродѣтели, испустихъ отъ очесъ моихъ слези, бяху бо и иніи прослезившіися, и сего ради не можахъ удержати тока зѣницъ моихъ. Егда уже умиша всѣмъ нозѣ, тогда носіша предѣ всякаго хадзѣя воду чисту и умиша вси, единѣ по единому, рудѣ сами себѣ, абіе единѣ послѣдоваше нѣкую воду, благоуханіями растворенну, носяи и кропляше коемуждо на рудѣ, и потираху ею лица своя. Послѣди же дадоша по чаши кафе, и бистѣ піющимъ привѣтствоваше краткою бесѣдою намѣсникъ патріаршій всѣхъ поклонниковъ, похваляючи благое произволеніе путешествія ихъ на мѣста свята и желаючи, даби Богъ сподобилъ вся та съ страхомъ, благоговѣніемъ и вѣрою посѣтити и лобизати и елика такова. По малѣ же времени званни бѣхомъ въ трапезу, и представіша намъ ядъ лучшую, нежели вчера, бѣ бо день суботній, и честоваху довольно виномъ. Наситихомъ же ся въ славу Божію и благодарихомъ. Послѣди, изшедше оттуду, поведе насъ паки верху церкви великія, якоже и вчера, тойжде инокъ, мерхадзій, или предитеча поклоническъ, многая намъ перстомъ показываше зданія внутрь и внѣ града мѣста святіе и довольно съ нами бесѣдова, что изявитися имать послѣде.

Послѣди приспѣвшу времени, обичнѣ идохомъ и слушахомъ вечерни въ предъреченномъ святаго Константина храмѣ; таже послѣдовательнѣ званни бѣхомъ въ трапезу и разійдохомся. За утра же въ день неделній, Октовріи второго числа, по вислушаніи ношнаго правила, егда просвѣтися день солнечнимъ сіяніемъ, повелѣніемъ намѣсника патріаршего созванни бяху вси хадзѣ въ газофилакію, еже есть въ скарбницу монастырскую, и дадоша милостину въ корванъ Гроба Христова всякъ противу силѣ своей, елико кого Духъ Святій наставилъ бѣ. Тогда же и Махометане прійдоша въ монастырь, по обычаю своему, взятія ради мзди за отверженіе вратъ великія церкви, они бо въ руцѣ своей держать и никого же отъ пришелець попустятъ внійти тамо, дондеже установленну дань отъ него не возмуть; взимають же токмо отъ мирскихъ, отъ иноковъ же ничтоже, не токмо отъ Іерусалимскихъ, но и отъ чуждихъ, понеже многу дань дають въ годъ монастырь Патріяршій на царя Турецкаго за монастыри, иноки и всякіе потреби, и сего ради воленъ входъ имъ есть на вси святіе мѣста, безъ всякаго поплащенія. Тогда убо миретіи поклонники вси дадоша по седмъ таларей и взяша Турецкіе печати, по обыкновенію тамошнему, да въ время вхожденія въ церковь покажетъ въ вратѣ оную и безъ воспященія впущенъ будетъ, уготовляхуся бо того вечера хадзѣ внійти внутрь, бистъ бо уже день третій гощенія въ монастыри и къ тому болше держати не обикоша ихъ тамо иноци. Приближившуся убо вечеру, прійдоша бѣсурмане съ ключами и отверзоша святіе врата, идѣже егда выпустити насъ, оставиша вратамъ отверзтимъ бити яко полчася, поклоненія ради народа Іерусалимскаго, послѣдоваша бо тогда по насъ людіе многы отъ жителей тамошнихъ, ибо Іерусалимнянь ради никогда же не отверзають церкви,

но егда наймутъ хадѣе, тогда и имъ волно внійти. Обаче стоятъ Агаране во вратахъ и стрегутъ, и никого же отъ чуждыхъ попускають внійти, аще кто прежде имъ не далъ мзди и не иматъ отъ нихъ знаменія печати, и не можетъ никто же тамо внійти хитростно, безъ заплащенія. Тогда, егда внійдохомъ во святыя врата, абіе мерхадзій, предводяй, показа мѣсто, идѣже Пресвятое Тѣло Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, снемши Іосифъ съ Никодимомъ съ Креста, обвиша плащеницею. Послѣди поведе насъ къ Гробу Господню, и поклоняхуся вси хадѣе съ вѣрою и страхомъ, коего поклоненія и азъ недостойній сподобихся. Оттуду не хотяше повести къ прочимъ святымъ мѣстомъ, но поведе насъ въ храмъ Воскресенія Господня предъ началній престоль, посередѣ церкви стоящъ, и тамо показа намъ на подножіи церковномъ пупъ, или посредствіе земли, о немъ же воспоминается въ Писаніи Божественномъ, яко спасеніе содѣя посередѣ земля Христосъ Богъ роду человѣческому, еже мѣсто съ любовію и поклоненіемъ лобизахомъ вси. Тогда абіе начаша Греческіе иноки пѣти вечерню и къ тому, не исходяще оттуду, слушахомъ. По вечерни ведали бѣхомъ степенми каменными на гору Голгофу и поклоняхомся мѣсту, идѣже Крестъ водружень стояше съ распятымъ на немъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Таможде видѣхомъ гору просѣдшую каменную въ время Страстей Христовыхъ, о чемъ пишется въ Евангеліи, яко земля потрясеса и каменія распадашася. Таможде лобизахомъ мѣсто оное, идѣже положивши Крестъ на земли и распростерши на немъ Христа Спасителя нашего, прибиша желѣзными гвоздіями. Оттуду изведше ни на низъ, показаху намъ пещеру подъ горою, идѣже Адамъ погребень бистъ и кровію Христовою освятишася кости его. Оттуду во-

дими бѣхомъ къ прочимъ мѣстомъ святымъ и любиза-
хомъ я вси съ многимъ поклоненіемъ и любовію, а
именно сіи суть: Камень, на немъ же посадивши Хри-
ста, терновъ вѣнецъ возложиша на нѣ; яма, идѣже свя-
тая Елена Животворящій Крестъ Господень обрѣте;
мѣсто, на немъ же о одежди Христовѣй метяху воины
жребія; темница, идѣже Христосъ затворенъ быше; ка-
мень съ двѣма дирама, идѣже Христови нозѣ привле-
ченни бѣху и заключенни; столпъ, къ нему же Евреи
привязавше Христа, біяху розгами, и прочіе мѣста, о
нихъ же послѣди подробну извѣститися имаши. По об-
хожденіи же мѣсть святыхъ, званни бѣхомъ отъ на-
чальствующаго въ церквѣ инока на трапезу, идѣже
въведши насъ въ едину гостинницу, представи вечеру
честну, якоже и въ монастырѣ Патріяршемъ бистъ, и
учреди ни ястіемъ и питіемъ довольно. Послѣдиже, по
обычаю ихъ всегдашнему, изнесенъ блюдь великъ, сре-
брокованъ, позлащенъ и на немъ книгу лежащую и хар-
тію, и чернило, и моляше милостини на потреби цер-
кови, и даяху вси по силѣ своей, елико кого Богъ на-
ставиль, и въписоваху имена своя въ книги церковніе,
поминанія ради. Таже, по оконченіи всего, въ той же
гостинници дадоша постеля къ спанію, и яже хотяху
спаша, прочіи же хождаху по церкви и рассматрѣваху
строеніе ея и мѣста святіе, съ ними же и азъ, и чу-
дихомъся лѣпотному, премудрому и пространному здавію
ея, и послѣди спяхомъ вси. О полунощи же, по всег-
дашнему обычаю своему, иноки, тамо пребывающіе, биша
въ било деревяное и возбудиша всѣхъ на пѣніе церков-
ное, и наченше отъ полунощницы вся по ряду, даже
конца утрени съ всякимъ благолѣпіемъ и благочиніемъ,
таможде при великомъ олтарѣ совершаху набоженство.
Тогда бившу славословію великому, якоже подобаетъ въ.

день неделній, священникъ служащій изнесе отъ олтаря на сребномъ, позлащенномъ блюдѣ крестъ, яко полтори пяди величествомъ, такожде среброкованъ, въ немъ же бѣаше посредѣ часть честнаго древа отъ Креста Христова, величествомъ яко два палци человѣчїи въ широту. И любизахомъ вси съ достождождною честїю и поклоненїемъ. Послѣди же слушахомъ службы Божой на горѣ Голгофѣ, отправованной при оной дири, идѣже Крестъ съ Христомъ стояше. Таже наставшу дню и возсіавшу солнцу, прїйдоша Турки и отверзоша врата святїе, и поклонившеся паки Гробу Господню и прочїимъ святимъ мѣстомъ, изїйдохомъ, давши славу Богу. Тогда азъ славяхъ и благодаряхъ Бога Вседержителя о всѣхъ, яже видѣхъ и слышяхъ, и всегда благодарю Его, яко сподоби мя толь пресвятїе и преславнїе посѣтити и любизати мѣста. Оттуда паки въ монастырь Патріаршїй возвратихомся и приспѣвшу времени трапезою угощеннїи бѣхомъ; по трапезѣ же, по повеленїю намѣстника патріаршего, разведоша иноци хадзѣевъ по монастырахъ на временное пребыванїе. Обычай бѣ тамъ страннымъ, не токмо духовнымъ, но и мирскимъ по монастырахъ жити, донелѣже обходятъ вси мѣста святїе и совершаютъ поклоненїе. И изїйдоша того дне отъ Патріаршего монастыря вси на инїе мѣста, идѣже кому возлюбися, обычай бо и постановленїе отъ давнихъ лѣтъ есть тамо, яко не угощеваютъ странныхъ, токмо три дни, послѣди же сами кормлятся въ монастырехъ сѣдяще, гостинницъ бо кромѣшнихъ ихъ ради нѣсть, а въ монастырехъ келїй суть много праздныхъ, а иноковъ мало обитающихъ. Разшедшимъ же ся тогда всѣмъ, мнѣ повелѣнно бистъ удержати еще тамо чрезъ нѣколько днїй, имѣхъ бо себѣ теплая заступника и ходатая она вишшеписанна два протосингела Іерусалимска, съ ними же вкупѣ еще отъ

моря творяхъ шествіе къ Іерусалиму, отъ нихъ же съ единимъ еще путешествуй въ земли Венецкой, познахъся въ градъ Киркѣръ, идѣже суть мощи Святителя Христова и Чудотворца Спиридона, съ другимъ же въ Македоніи въ Солуню. Тѣи убо вѣдоючи мя убога и немогуща отъ своего мѣшца кормитися, имѣяху о мнѣ попеченіе, Господы ихъ спаси. И тако за ихъ ходотайствомъ и милостію питропа, или намѣсника Патріаршего, преселиша мя въ монастырь святаго Архистратига Христова Михаила, идѣже совокупивши мя въ дружество съ другимъ, такожде оскуднѣ имущимся хадзѣмъ, или поклонникомъ, иже быше отъ странни Сербскія, отъ града Сегедина, именемъ Стоянъ Савинъ, дадоша обѣмъ едину келію, временнаго ради пребытія, и повелѣша на всякъ день пищу взимати отъ великаго монастыря. Прейдохомъ убо въ монастырь Архангелскій Октоврія 5 числа, въ среду, и хождахъ азъ на всякъ день дважды, въ полудни и вечеръ, къ монастыру Патріаршему по пищу, отъонюду же хлѣбъ, варенія и вино и вся яже братія ядяху, то и намъ даяшеся. За что, глаголю? Да умножаетъ щедръ и милостивъ Господь всякихъ благъ изобиліемъ обитель ону и живущихъ въ ней до скончанія вѣка. Ми же пребывающе съ прочіими тамо многими хадзѣями, творяхомъ, на неже прійдохомъ въ Іерусалимъ, хваляще и благодаряще Бога и благодѣтелей своихъ.

О монастырь Святаго Архангела Михаила.

Монастырь святаго Архистратига Михаила стоитъ недалече отъ Патріаршего, весь отъ камене зданъ п каменною огражденъ стѣною; строеніемъ невеликъ и тѣсенъ, иматъ въ себѣ довольно число келій и зданій,

но иноковъ мало, идѣже поклонници, на всякъ годъ приходяще, обитають и исполняютъ вся пражда келіа. Тамо церковь, аще и невелика, но лѣпа и отъ самага сѣченнаго камене гладцѣ устроена, имуща главу токмо едину каменну отъвнѣ и внутрь, подножіе же отъ мрамора и иннихъ каменныхъ доскъ искуснимъ художествомъ, якоже и въ монастырѣ Патріаршемъ, посланное. Монастырь той есть метохъ обители с. Савви, яже есть внѣ Іерусалима, въ пустыни, или, яснѣе рекше, причастенъ монастыру святаго Савви, идѣже есть млинъ конній, имъ же мелюще чуждая брашна, користь нѣкую приобретають. Таможде вино дѣлается и инніе потреби уготовляются и посылаются въ обитель Савви Освященнаго. Стоитъ же въкупѣ съ монастыремъ Римской вѣри иноковъ Францишкановъ. Живущи убо азъ тамъ, ходихъ едва не всякъ день съ прочіими хадзѣи поклонятися святимъ вратамъ великія церкви, по обикновенію тамошнему. Октовріа же 9 числа наый нѣкто Агарянь и отверзаху врата святіе на единъ токмо часъ, тогда азъ вторицею поклоняхся Гробу Господню и прочіимъ святинямъ, въ церкви обрѣтающимся. Октовріа 11 числа, въ вовторникъ, видѣхъ перемонѣю съвершаемую въ градѣ Іерусалимѣ о христіанинѣ, пріавшемъ вѣру Турецку, сице: Всадивше его на коня, и наченше отъ торжища провождаху по всѣхъ улицахъ града, въ труби гласяще и въ тимпани биюще. Предидаху же ему пѣшихъ челоуѣкъ въоруженныхъ 30, конныхъ же съ нимъ грядяху вящше десяти. Единъ же Агарянинъ преди всѣхъ грядяше и его же или устрѣташе, или обрѣташе на улиціи стояща или христіанина, или жида, требоваше бакшиша, си есть дара, и собираше пѣнязи новопріемшему вѣру махометанскую. Тоже, обшедше началніе улицы града, ведутъ на уреченное мѣсто и обрѣзуютъ его.

Доспѣвшу же числу шестомунадесять Октоврія, въ день неделній, по соизволенію мерхаджѣя провождающаго, ходихомъ вси поклонники Греческіе посѣщати инніе мѣста святіе, внутрь и внѣ града обрѣтающіеся. Воставши убо рано предъ восхожденіемъ слонца, идохомъ первѣе къ Святимъ Вратомъ Великія Церкви и сотворихомъ поклоненіе, оттуду пойдомъ страною восточною града, стоящею прямо горѣ Елеонстѣй, на низъ улицами, и дошедше лобизахомъ: 1) мѣсто, идѣже Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Спаситель всего міра, въ время волнаго своего за насъ страданія, егда носяше крестъ на распятіе Себе Самаго и изнемогъ отъ труда, препочи усѣдши. Оттуду улицею пройдохомъ мало на гору и видѣхомъ останки зданія Претора, идѣже, якоже Евангеліе свѣдѣтельствуєтъ, судимъ быше Христосъ отъ Ани и Каяфи, иже стоятъ високо, пресязающе чрезъ улицу въ попрекъ, а подъ ними, аки вратами, проходятъ люде. Тамо восходити неволно, понеже Турками обладаемо есть, и смотрѣти нѣсть что, понеже все раззоренно, токмо двѣ стѣнѣ зрятся и оконъ нѣколько. Тогда ми, мимоидуше, лобизахомъ низу стѣну зданія того. Оттуду пойдомъ више улицею тоеюжде и видѣхомъ дворъ Пилатовъ, иже есть великъ и пространенъ и стоитъ на мѣстѣ високомъ, каменною огражденъ стѣною, исходящи изъ града одесную есть. Тамо путники не входятъ внутрь, понеже бѣсурманъ знаменитъ нинѣ тамо обитаетъ и стражникъ у вратъ стоитъ, къ тому же нѣсть что отъ ветхаго вѣдѣти, понеже, по многомъ раззореніи Іерусалима, нова вся зданія биша. Оттуду прешедше мало на низъ тоеюжде улицею, поминухомъ одесную входъ къ святилищу Соломонову и стражу въ немъ стоящую и возбраняющую входитьи всѣмъ иной вѣри, кромѣ махометанской, о чемъ по-

слѣди широчае. Таже мало прешедше, мимоидохомъ, ошуюю стоящъ, домъ Іоакима и Анни, въ немъ же Пресвятая Богородица родися, и купель, въ ней же миса, якоже повѣствуется отъ народа. Оттуду мало прошедши, видѣхомъ ровъ, въ онъ же с. пророкъ Іеремѣя въвержень. Той есть зѣло широкъ и глубокъ, и внутрь на четыре страни каменными огражденъ стѣнами, идѣже ветхихъ временъ вся нечистота, отъ града истекающая, собираешя, нинѣ же, по многократномъ раззореніи Іерусалима, небрегомъ пребываетъ, въ немъ же внутрь оградная зеля всѣвають человекѣ. Оттуду абіе приближихомся къ вратамъ, рекомимъ Геосиманскимъ, понеже прямо веси Геосиманскія на востокъ стоятъ. Тамо внутрь града, въ камени, при вратехъ, изображенна есть стопа Ангелская. Врата оніе бяху прежде въ Великой Церкви, идѣже Гробъ Господень, таже, въ время заустѣнія Іерусалима, взяша оттуду и принесше, сотвориша порту градскую, иже и доселѣ стоятъ, почитаема и лобизаема отъ Христіанъ. Тогда ми, лобизавше стопу Ангелскую и врата, изійдохомъ вонъ изъ града и идехомъ съ гори долу, къ потоку Кедрскому. Не преходяще же потока, поклоняхомся мѣсту, на немъ же каменіемъ побіенъ бистъ с. первомученикъ и архиіакоу Стефанъ, о чесомъ пишеть въ Дѣяніяхъ Святихъ Апостолъ. Таже, оставивше весь Геосиманію ошую, преидохомъ потокъ Кедрскій. Обаче вѣстно буди, яко потокъ именуется не того ради, въ еже би имѣлъ въ себѣ воду непрестанно текущую, но отъ теченія дождевой воды въ время зими, и, яснѣ рекше, нѣсть потокъ, но ровъ между горами. Тогда начахомъ абіе восхождати на гору Елеонскую, помежду садами маслинными, и показа намъ провождая насъ мѣсто, идѣже Христосъ Господь, грядій на страсть волную, оставивъ ученики своя, самъ же отъиде моля-

шеся. Тако бо свѣдѣтельствуєтъ Евангелистъ Матѳей: „Тогда прійде съ ними Іисусъ въ весь, нарицаемую Геосиманія, и глагола ученикомъ: сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо; и поємъ Петра, Іакова и Іоанна, начать скорбѣти и тужити. Тогда глагола имъ Іисусъ: прискорбна єсть душа моя до смерти, пождите здѣ и бдите съ мною“. Оттуду мало прешедше, яко верженіємъ камене, показа намъ мѣсто, идѣже Іисусъ моляшеся къ Богу, Отцу Своему. Тако бо свѣдѣтельствуєтъ Евангелистъ Лука: „И изшедъ Іисусъ, иде по обычаю въ гору Елеонскую, по немъ же идоша ученици Его. Бывшу же Ему на мѣстѣ, рече имъ: „молите, да не внідете въ напасть“, и самъ отступи отъ нихъ, яко верженіємъ камене, и поклонъ колѣни, моляшеся, глаголя: „Отче, аще волиши мимо нести чашу сію отъ Мене, обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ“. Явижеся Ему Ангель съ небесе, укрѣпляя Его“, и прочая тамо чти. Тамо ми съ вѣрою и любовію поклоняхомся и лобизахомъ мѣсто оное святое, и взямахомъ мало отъ земля, на благословеніе. Оттуду прешедше нѣколико степеней на гору, поклоняхомся мѣсту второму, идѣже вторицею моляшеся Христосъ, якоже с. Матѳей глаголетъ: „И паки вторицею шедъ помолися, глаголя: Отче Мой, аще не можетъ сія чаша ити отъ Мене, аще не пію ея, буди воля Твоя“. Вѣдомо же буди, яко аще и трижды Господь нашъ Іисусъ Христосъ моляшеся, якоже тойжде воспоминаєтъ Евангелистъ: „Шедъ паки помолися третицею, тожде слово рекъ“, обаче два мѣста познаваются и исповѣдуются отъ Іерусалимлянъ, откуда явѣсть, яко Христосъ Спаситель на единсмъ на коємъ любо буди, или на первомъ, или на второмъ, дважды молитву творяше къ Богу и Отцу, а на другомъ единожды. На первомъ убо мѣстѣ нинѣ стѣна ка-

*

менная ограды садовой, а на второмъ мѣстѣ камень самороденъ, великъ, недвижимъ лежитъ. Оттуду восходящи далей на гору, покажаху намъ камень великъ, недвижимъ, при пути лежащъ, его же лобизахомъ такожде съ поклоненіемъ. Повѣствова же намъ мерхаджѣй, провожая насъ, сиче: яко въ время Успенія Пресвятія Богородици, егда Апостолы Христови облакомъ по воздуху отъ различныхъ странъ принесенни биша въ Геосиманію на погребеніе Божіа Матере, тогда Апостоль Ѳома не бяше съ ними, послѣди же третаго дне, по Божію смотренію, облакомъ принесень бистъ и поставленъ на ономъ камени, предъ Геосиманію. Повѣствуютъ же, яко сѣдящу ему тогда на камени, видяше возносимую ангелы Пресвятую Богородицу и возваше къ ней, глаголя: „Камо грядеши, Пресвятая Дѣво?“ Она же, не отвѣщаючи ничесоже, метну ему поясъ свой, его же егда показа прочіимъ Апостоломъ, не вѣроваши, даби онъ видѣлъ Матерь Божію, глаголюще, яко мы прежде тріехъ днѣй погребохомъ ю въ веси Геосиманстей; и пришедше вси, вкупѣ съ Ѳомою, отверзоша гробъ и не обрѣтоша тѣла, вскресе бо по третіемъ дни, якоже и Единородній Сынъ Ея Христосъ Господь, и на небо Ангели Божіими взята естъ. Оттуду послѣди пойдехомъ на верхъ гори Елеонской, идѣже возшедше, сѣдѣхомъ вси, препочиванія ради, и созирахомъ лѣпоту града Іерусалима. Оттуду бо зрится, аки на длани, все зданіе и вси дома его, наипаче же церковь Соломонова и полата его и окрестъ ограда зѣло лѣпотны къ видѣнію зрятся. Паки видѣхомъ многая каменная зданія, лѣпо содѣланная, яже верху гори Елеонской стоятъ. Таможде и мечеть Турецкій стоящъ, въ немъ же Богу молятся; такожде древо маслиннаго окрестъ многа, и прочая. Послѣди же прійдохомъ къ зданіямъ тѣмъ и посѣщахомъ домъ Меланіи

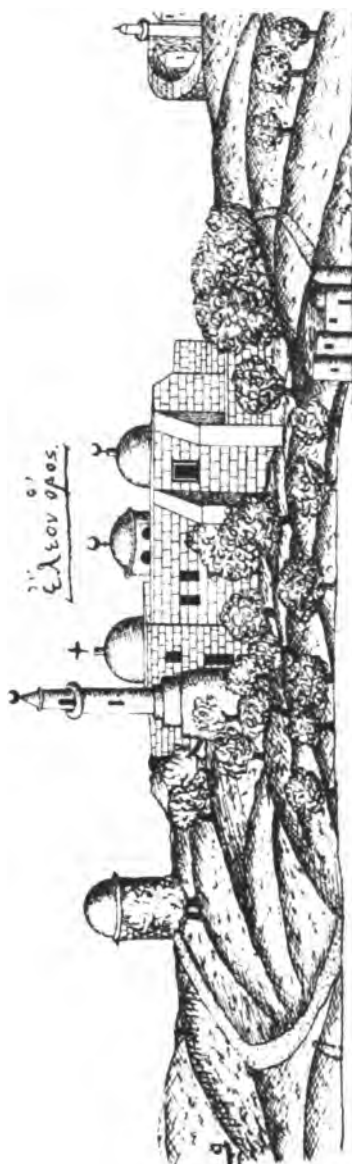
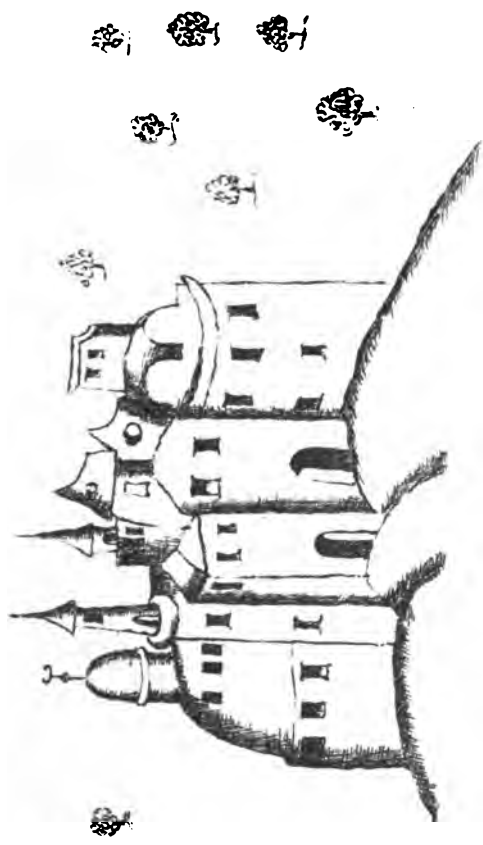

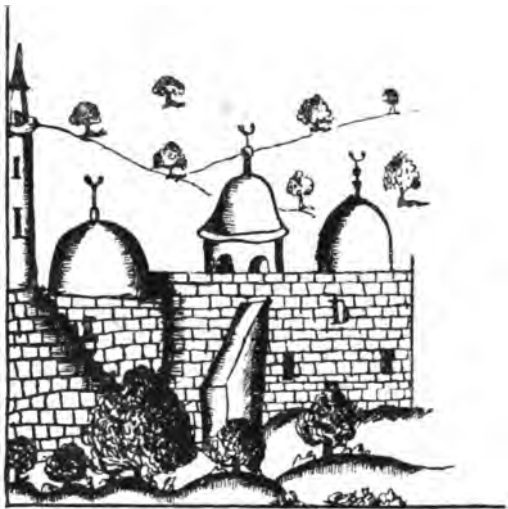
Фото-экскур. ИМАУТАНО. Караван., № 16.

Вершина Елеонской горы

Домъ Св. Меланіи.

Римлянини, въ немъ же житіе свое провождаше, иже пристроенъ и присовокупленъ прочимъ домомъ есть, и не входихомъ, ниже созирахомъ внутрь, понеже заключенъ есть и руками невѣрныхъ обладаемъ. Обаче сквозъ разсѣлину, яже баше въ вратехъ, видѣхомъ распространіе келія тоя невеликое; внутри же подъ спудомъ имать зданія нѣкая ветхая и темная, подъ спудомъ основанія стоящая. Оттуду абіе, безъ омедленія, ведемъ бѣгомъ отъ мерхардзѣя въ нѣкій дворъ широкъ и пространенъ, огражденъ

окрестъ високою каменною стѣною, стоящъ совокупленъ съ мечетомъ Турецкимъ. Тамо сѣдяху при вратехъ два махометане и взимаху отъ коегождо входящаго хадзѣя по двѣ парѣ монеты Турецкой. Егда же внѣдохомъ единими врати, видѣхомъ пляцъ, или подворіе, равное и широкое, и посередъ его, аки нѣкій храмъ малъ или церковь, гладцѣ и искуснѣ созданную кругло, въ подобіе столпа. Обрѣтаются же тамъ внутри и внѣ окрестъ обстоящихъ столповъ мраморныхъ числомъ 14, и не прикасающихся къ стѣнамъ зданія, кромѣ главъ и подножій. Тамо вшедше, паки по единому сребреннику дадоша вси стражевѣ, и поклонихомся мѣсту, отъоюду же Господь нашъ Іисусъ Христосъ вознесся на небо, и лобизахомъ слѣди пречистыхъ стопъ Его, яже на камени, аки на воску, изображеніе остави. Камень той стоитъ на подножіи, посередъ зданія того, иже баше иногда церковь, глубоко, окрестъ обложенъ мраморными

дсками. Величество образа его сверху зрится, въ долготу и широту, яко единъ степень чловѣчь, внизъ же, въ земли, величество его многое, самороднѣ бо въ горѣ бистъ и пребываетъ недвижимъ доселѣ; оттуду бо и познавается, яко гори тамо все каменніе суть, и камень той одинаго рожденія и подобія съ протчіими каменми, въ горѣ Елеонстей обрѣтающимися. Правія убо стопа не токмо мѣсто, но и палцовъ изображенія виразнѣ даже доднесь показується, лѣвія же не тако. Тамо внутрь никтоже литургисаетъ, ни отъ коея же вѣри, токмо суть внѣ храма онаго, на поли, созданніе каменніе престолы отъ Грековъ, Римлянъ, Арменовъ, Коптовъ и Сиріановъ, иже на всяко лѣто, въ празникъ Вознесенія Господня, службу Божую творять. Оная вся зданія ветха, яже обрѣтаются на горѣ Елеонстей, вся содѣланна суть отъ рукъ христіанскихъ, и бяху церкви божественніе, нинѣ же вся руками невѣрныхъ и наслѣдниковъ проклятаго Махомета обладаема суть, и превращенній храмъ Вознесенія Господня въ онихъ нечестивіе мечети. Тогда, поклоншеся (якоже предрекохъ) мѣсту святому, отъ него же вознесетъ Христосъ Господь на небо, идохомъ верху гори, яко на три верженія каменна, и поклавахомся показанному намъ мѣсту, на немъ же Пречистая Дѣва Богородица, по вознесеніи Христа Господа, восходила часто на гору Елеонскую, посѣщенія дѣля мѣста, отъ него же вознесетъ Синь Ея, и паки приходящи на мѣсто оное второе, взираше ко Іордану, идѣже крестися Христосъ, и поклоняшеся молившюся къ Сину своему. Сиде повѣствуютъ Іерусалимляне. Мѣсто же оно пусто, стоитъ на поли, ниже огражденно, ниже кимъ любо буди стрегомо. Гора Елеонская извнутри града зрится сиде: стоитъ же отъ страни восточной и есть височайшя, паче оная, на ней же Іерусалимъ сто-

ить; имѣтъ же много благой землѣ къ всѣванію сѣмень и растѣнію деревъ; такожде лѣпотна и весела въ позоръ человѣкомъ есть. Отъ верху ея зрится весь Іерусалимъ, аки на длани, такожде Іорданъ, иже стоитъ на востокъ, и озеро Содомъ и Гомора, иже за беззаконіи своя огнемъ и пожертіемъ земли скончашася. Нинѣ же на мѣстѣ томъ остася вода, яже Греки именуютъ *Νεκρά Θάλασσα*, си есть Мертвое море, о чемъ послѣди узриши.

Гора Елеонская Греческимъ языкомъ именуется *ὄρος τῶν Ἐλεον*, Россійскимъ или Рускимъ гора Оливная, или Маслинная. Се же того ради прозвася тамо, яко много имать на себѣ садовъ отъ древа маслиннаго, отъ него же елей, или, простѣ рекше, олива дѣлается. Суть нѣкіе маслинни великіе и сице ветхіе, яко еще отъ воплощенія Христова (якоже повѣствуютъ) даже доселѣ стоятъ и плодородятъ не усихающе, еже есть не токмо видѣти, но и слышати преславно. Оттуду возвращшеся, снѣдихомъ съ гори тѣмъже нутемъ къ Геосиманіи, яже стоитъ при потоцѣ Кедрскомъ, идѣже иногда весь бѣше, якоже чтется въ Писаніи божественномъ, и людіе жителствоваху въ ней, нинѣ же токмо садове обрѣтаются и Гробъ Матере же Божіа, стоящъ въ земли глубоко въ церкви, отъ нея же зданія внѣ ничтоже зрится, токмо входъ, имущъ внизъ степеней пятьдесятъ, идѣже посредѣ степеней, отъ обою страну, суть гроби Іоакима и Анни. Посредѣ же олтаря есть капица каменная, въ немъ же внутри гробъ Матере Божіа; капица же и гробъ отъ мрамора бѣла составленна, идѣже висятъ кандилы стекляныхъ 18: православныхъ 6, Римскихъ 4, Арменскихъ 4, два же кандила Коптовъ, а два Сириановъ. Церковь она, въ подобіе пещери, есть созданна въ земли отъ благочестивія царицы Елени, расположенна же есть кресто-

образно и есть въ долготу ¹, а въ широту ¹. Престоли къ литургисанію различніе секти имуть; Греки же на первоначалномъ престолѣ служатъ Божественную литургію и то не всегда, токмо въ нѣкіе праздники и неделѣ. Церковь та, или, паче рещи, пещера, стоитъ пуста, кромѣ всякой утвари; токмо егда литургисають, тогда отъ града иноки приносятъ вся съ собою аппарати. Нѣсть же тамо ни царскихъ, ни сѣверныхъ вратъ, никаковаго прегражденія, но откровеннѣ служатъ. Внѣ же церкви Геосиманской, абіе недалече одесную, есть мѣсто, идѣже (глаголють), яко Іуда лобзаніемъ Христа Господа предаде Іудеомъ и тіи, возложше нанъ рудѣ, яша его. Таможде и пещера, идѣже сокришася Апостоли, страхи ради Іудейска. Ошую же начало потока Кедрскаго и рова, въ немъ же хошетъ потекти рѣка огненная, предъ судищемъ Христовимъ въ послѣдній день. Тамо ми въ то время слушахомъ службу Божую и по окончаніи абіе изійдохомъ изъ церкви и пойдохомъ внизъ потока Кедрскаго, мимо гроби Іудейскіе, идѣже отъ ветхихъ временъ даже доселѣ погребаются Жидове. На всякомъ же гробѣ камень и написаніе. Между тими убо единъ гробъ знаменитъ, великъ и високъ, стоитъ отъ ветхихъ временъ даже донинѣ, отъ камене непоколѣбимо въ горѣ изсѣченъ, главу на себѣ имущъ остру и високу, аки столпъ. Гробъ же той есть Авесалома, сина Давидова, якоже единогласно отъ Іерусалимлянъ повѣстуется, и стоитъ прямо Соломонова Храма, внѣ града, въ потоцѣ Кедрскомъ. Тамо Евреи странніе, егда приходятъ посѣщенія ради, по обычаю своему, всякъ по единому каменцу малу вергаетъ, коими каменцами, чрезъ многолѣтнее время, едва не вполъ завергаша гробъ той. Оттуду мало прешедше, яко на полъ верженія каменна, посередѣ потока Кедрскаго показаша намъ мѣсто, идѣже

¹ Пропускъ въ подлинной рукописи Барскаго.

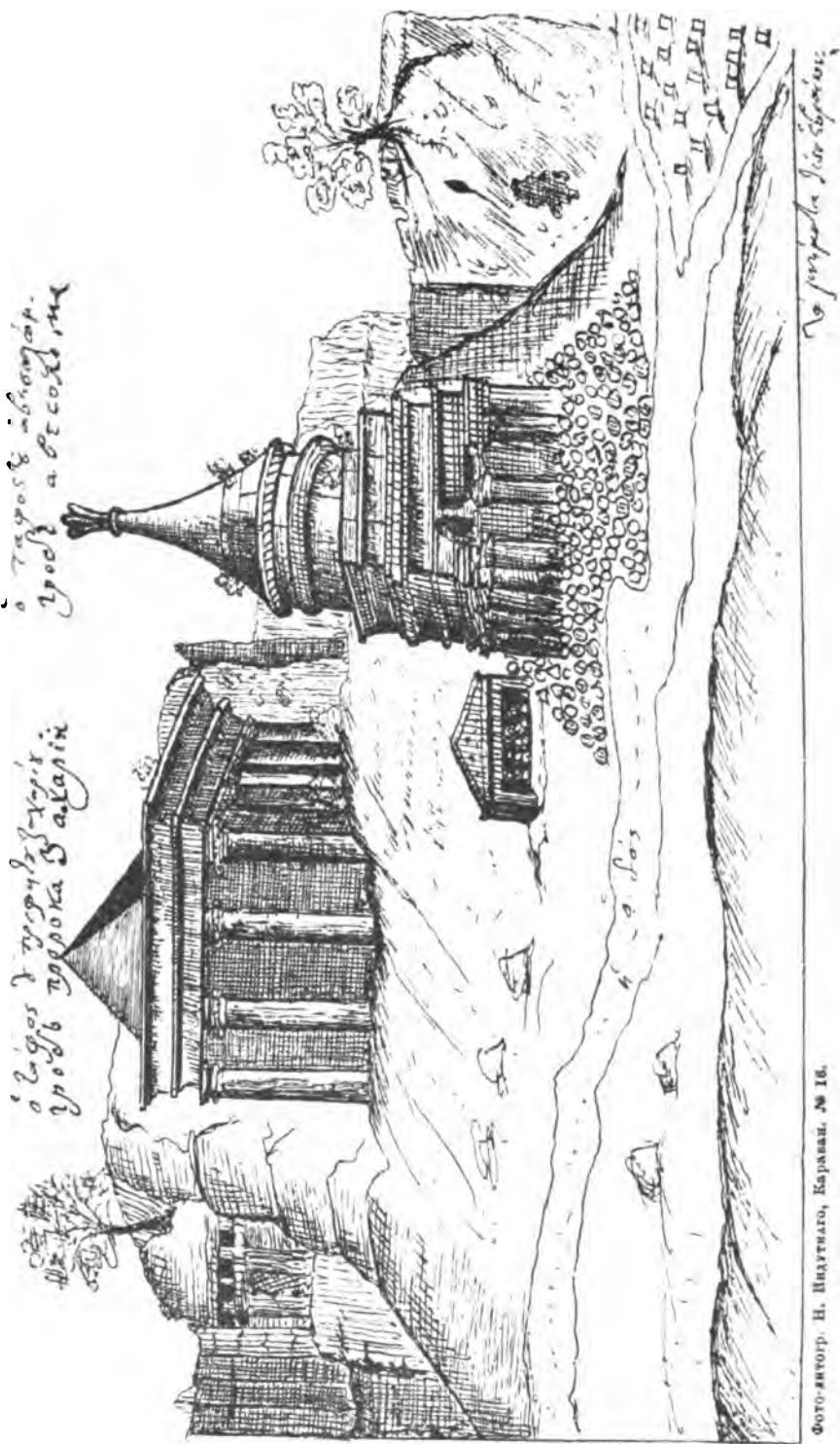

Фото-якоб. Н. Индигало, Карван, № 16.

Гробницы Авессалома и пророка Захарии.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ плюнулъ на землю и сотвори брєніе, и взятъ отъ брєнія и помаза очи слѣпорожденному, и посла его въ купель Силоамскую умытися, и прозрѣ слѣпорожденній. На мѣстѣ ономъ нѣсть никакова зданія, токмо камень нерушимъ въ земли пребываетъ, и поклоншеся вси, съ вѣрою и любовію лобизахомъ мѣсто оно святое. Таже пойдохомъ внизъ потока Кедрскаго далече; оставихомъ ошуюю весь Силоамскую, пойдохомъ купѣли Силоамъ. Избѣгоша же нѣколики Арапы обнаженніе, едини токмо хитони, и то раздраніе, носящіе, и предвариша насъ въ купели и возбраниша входъ, и не попустиша вніти, донелѣже вси поклонници не дадоша по сребнику, по парѣ. Тамо впедше внутрь, аки въ пещеру, на низъ степеней, умихомъ лица своя, благословенія ради, нѣцїи же, благоговѣнни суще, почерпши, пиша. Обаче къ питію нѣсть пріятна, понеже стоитъ въ земли нерушима, и аще начало свое имать, откуда исходитъ, обаче исхода не имать; къ тому же Еѣиопи возмущають, напаяюще овци и козлища и сами умывающеся. Оттуду, возвративше на странну полуденную, объ онъ полъ потока Кедрскаго, пойдохомъ окрестъ града, восходяще на гору Сионъскую. Показаху намъ мѣсто, на немъ же непокоривїи и жестокосердїи Іудеи прерѣзаша пилою древяною велегласнаго Пророка Ісаїю. Нинѣ же на мѣстѣ томъ велика ягодичина стоитъ, насажденна отъ давнихъ временъ и каменною приспою окруженна, незабвенной ради памяти. Ми же, поклоншеся тамо, съ вѣрою и поклоненіемъ лобизахомъ мѣсто оно, освященное мученіемъ святаго Пророка. Послѣди же веденни бихомъ мало далѣе, и показаша намъ мѣсто, идѣже баше столпъ Силоамскій, иже егда падеся, осмьнадесятъ мужей забы, якоже пишется въ Палеи, нинѣ же токмо корень, или основаніе его обрѣтается, въ немъ же и вода есть, о чѣ-

сомъ повѣствуютъ достовѣрнѣ, яко оттуду купель Силоамская свое начало имать, отъ Силоама бо и столпъ Силоамскій проименовася, и оттуду протяжеся сквозѣ гору, даже до потока Кедрскаго, о чемъ мало преди писахъ, идѣже о купелѣ и веси Силоамской. И сія два мѣста: святаго Пророка Ісаи и столпа Силоамля, низу гори Сіона, внѣ града близу, противу Святая Святыхъ. Оттуду взійдохомъ на верхъ гори Сіона, тамо посѣщяхомъ гроби мертвихъ и надписанія различна на мраморѣхъ созирахомъ, Греческимъ, Латинскимъ, Арменскимъ, Серіанскимъ и Коптійскимъ языкомъ начертанна. Таможде показоваху намъ оставшоеся каменіе отъ дому Зеведеова. Гора Сіонъ стоитъ отъ странни полуденнія града, есть же многими дѣйстви Христовими освященна (якоже достовѣрнѣ повѣствуютъ Іерусалимляне): 1, домъ Зеведеовъ тамо бяше, въ немъ же Христосъ Тайную Вечеру съ святыми Апостоли ядыше. Таможде и хлѣбъ въ тѣло Свое святое, а вино въ кровь Свою святую претворилъ; тамо и Апостоломъ ноги умилъ; тамо, въ томъже Зеведеовомъ дому, снїде Духъ Святїй въ огненныхъ языцѣхъ на Богомъ избраннїа Апостолы; тамо, уразумѣвають премудріе училиіе отъ писаній божественныхъ, яко имать Христосъ судити живихъ и мертвихъ въ послѣдній день; тамо и донинѣ обрѣтаются гроби Давида и Соломона, идѣже погребенни быша. Обаче нинѣ Христїяне не посѣщаютъ ихъ, понеже на мѣстѣ томъ Агаряне имуть мечеть свой и возбраняють входа. Тамо недалече отстоитъ село Скуделниче, си есть село крове, еже за тридесять сребникъ, возвращенныхъ отъ Іуди, купленно есть, въ погребаніе страннимъ, идѣже и донинѣ никого отъ тамошнихъ, токмо странныхъ и пришельцовъ погрѣбають. Таможде, близу, и студенецъ Іоавль. Обаче та мѣста не посѣщяхомъ въ

Μοναστήριον τῆς ἁγίας ἀποστόλου ἰακώβου ἐν τῇ πόλει
 Μοναστηрь святаго Апостола Іакова

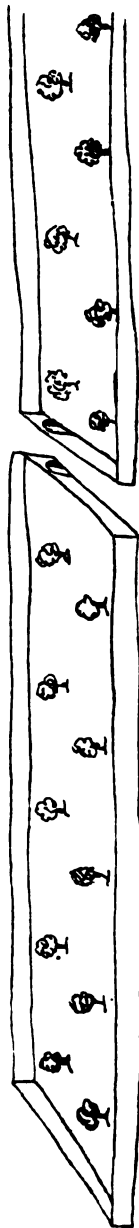
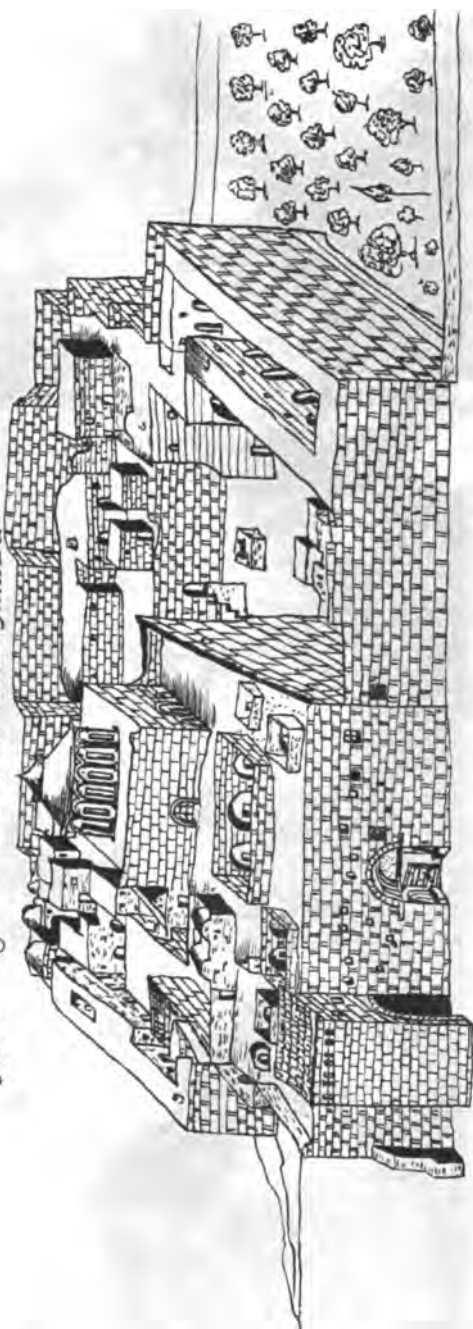

Фото-гипс. И. Никитского, Каракаш. № 16.

Μοναστήριον τῆς ἁγίας ἀποστόλου ἰακώβου

той день, но отложихомъ на инно время. Оттуду обшедше окрестъ града на странну западную, внідохомъ. паки въ святыѣ градъ врати Давидовими и разійдохомъся всякъ въ свое обиталище. Вѣстно же буди, яко Іерусалимъ имать шесть вратъ: чѣтыри главнихъ, а двое малихъ. Главніи именуются сиче: порта Давидова, и сія есть первая и началнѣйшая, стоитъ же отъ приходу отъ страни западней, а именуется Давидова того ради, яко близу ея полати царя Давида стоятъ. 2 порта Сіонская именуется, понеже на горѣ Сіонѣ стоитъ. Третья именуется порта Геосиманская, того ради, понеже стоитъ прямо Геосиманіи, къ горѣ Елеонстей, на востокъ. Четвертая же порта Варухова именуется, понеже за градомъ, внѣ вратъ, стоитъ пещера, въ ней же Варухъ сѣмьдесять лѣтъ спаше. Стѣна же града окрестъ лѣпо отъ каменей великихъ сѣченнихъ зданна и врата градскіе суть лѣпо устроеніе, съ подписаніями Турецкими и дверми, желѣзомъ облеченными. Многая же намъ повѣстми откри тогда мерхадзій, си есть предводящій насъ инокъ, о нихъ же особнѣ нижеа подробну вся начертанна обрѣтаются. Приспѣвшу дню 23 числу, на святаго Апостола Іакова, Брата Господня по плоти, бистъ праздникъ великъ въ Іерусалимѣ, и служаше епископъ Ѡаворскій божественную литургію соборомъ въ храмѣ святаго Іакова, иже обрѣтается при великой церкви Воскресенія Господня, въ монастырѣ патріаршемъ. Послѣди же весь народъ отъ Араповъ Іерусалимскихъ, Греческую содержащихъ вѣру, собрася въ монастырѣ патріаршій, съ женами и дѣтми, и испускающе по единому иними врати, даяху всякому, малому же и велику, по полъ-хлѣба и по чаши вина. Сиче бо есть обичай инокомъ, отъ прежнихъ временъ даже до нинѣ, на всяко лѣто творити. Послѣди, Октовріа 26 числа,

бывшу празднику святаго великомученика Димитрія, ходихъ съ прочіими хаджѣи до монастыра с. Димитрія на вечерню, утрению и божественную литургію, идѣже архіерей съ многими священники служаше лѣпо и церковь вся баше сребряными украшенна лампадами. Церковь тамо аще и невелика, но лѣпа, вся отъ камене тесаннаго зданная, главу же съверху токмо едину иматъ и подножіе, отъ проста каменя насажденное. Монастирь есть ветхаго строенія, зданій же и келій въ немъ суть много, но иноковъ мало, токмо потреби ради церковной обитають. Тамо такожде хаджѣе стоять, пришедшіи на поклоненіе въ Іерусалимъ. Тогда на праздникъ, по службѣ Божой, званни бяху хаджѣе отъ игумена въ страннопріемницу, съ ними же и азъ, и учреди ны трапезою краткою, предложеніємъ хлѣба, вина, маслинъ и сушеннаго винограду. По трапезѣ же обичнѣ о милостину просяше игумень на обитель, и даяху, елико кого Богъ наставилъ баше. Таже благодареніе сотворше Богу, с. Димитрію, отъидохомъ, отпущенни съ миромъ, и възвратихомся въ обиталища своя. Утру же бывшу, Септеврія ¹ 27 числа, dospѣша въ Іерусалимъ инніе хаджѣе, иже бяху отъ различныхъ странъ: иніе отъ Цариграда, другіе же отъ земли Волоской, прочіи же отъ острова Хію, не токмо же бяху Греки, но и Армене и прочіи; христіянъ же мужеска и женска полу прійдоша тогда числомъ 30 и 6 душъ. Ихъ же такожде христіане и иноци устрѣтаху, якоже и насъ, и угощевашу три дни въ монастырѣ патріаршемъ. Таже, Октоврія 29, дадоша поплоченіе Туркамъ и отверзоша ихъ ради врата Великія Церкви, и ввійдоша тамо на ношъ, поклоненія ради. Тогда и азъ съ ними бѣхъ. И угощеванни бяху и тіи вечерою честно, якоже и протчіи

¹ Въ подлинникѣ ошибочно вмѣсто: Октоврія.

путници, и водими по святыхъ мѣстахъ, и бистъ поклоненіе мое святинямъ, внутрь церкви обрѣтающимся, третицею. Тогда случися мнѣ поклонятися гробомъ Іосифа и Никодима, иже на той часъ Копти отверзаху входъ къ нимъ, инного же времени всегда заключено есть и обладаемо отъ Коптовъ. Послѣди же, на другій день, егда изійдоша изъ церкви, разійдошася по инихъ монастырехъ, тогда нѣци и въ монастырь святаго Архангела придоша нѣколико, и бистъ насъ множае, и вси въкупѣ хождахомъ посѣщати святіе мѣста.

Мѣсяцъ Ноеврій.

Ноеврія 2 числа, бившу празднику святаго великомученика Георгія въ монастырѣ женскомъ, ходихомъ посѣщати обитель ту, яже близъ святаго Архистратига стоитъ, и бихомъ на отправованію церковномъ, на вечерни, утрени и службѣ Божой, идѣже паки архіерей литургисоваше соборомъ, и тамо такожде, якоже и въ святаго Димитрія монастырѣ, угостиша насъ трапезою краткою, токмо хлѣбомъ и виномъ и сухими ягодами отъ лозія. Тамо церковь малаго и простаго строенія, не имуще верху ни единія главы, но лѣпа внутрь, и лампадами сребрянными многими въ то время баше украшенна. Монастырь же тій ветхолѣтень и тѣсенъ, и инокинъ малое число въ немъ обитають. Приспѣвшу дню шестому мѣсяця Ноеврія, ходихомъ посѣщати монастырь Честнаго Креста. Тогда изшедше изъ града на страну запада солнечнаго, врати Давидовими, идохомъ садами маслинными и полемъ, равній путь и землю добру имущимъ, идѣже аще и каменія много суть, но болше мягкости и къ растѣнію древесъ и жить мѣсто. Тогда созирахомъ и гробовища Турецкая, внѣ града стоящая, и пророка Іліи монастырь,

далече въ горахъ отстоящъ, и иніе прочіе мѣста, яже повѣда намъ мерхадзѣй. Шествовахомъ же тогда часть единъ равниною, поверху горъ, таже спустихомся въ доль и прійдохомъ въ монастырь Честнаго Креста. Монастырь оній есть первѣе созданъ отъ царя Иверскаго Татіана, таже прочіи Иверіане и патріархи Іерусалимскіе ктиторововаху о немъ. Есть же строеніемъ ветхій и величествомъ широти и долготи доволенъ; много же въ себѣ келій и зданій содержитъ и стѣною високою окрестъ ограждень, и внѣ окрестъ себе много древа маслиннаго имать. Стоитъ же въ единомъ равномъ роздолу, между горами, на мѣстѣ ономъ, идѣже израсте честное древо, на немъ же распяты Христосъ Господь, грѣхъ ради нашихъ. Тогда ми пришедше въ обитель ону, яко 220 вратъ въ всѣхъ зданіяхъ обрѣтаются, обаче зданія единн верху другихъ високо строеніе; входеніе же въ монастырь чрезъ три врата: чрезъ двое желѣзніе и единн деревяніе. Идохомъ первѣе въ церковь и воздахомъ должное поклоненіе честнымъ иконамъ, таже вѣдоми бѣхомъ внутрь олтаря и покланяхомся древу Честнаго Креста, идѣже мѣсто оное нинѣ стоитъ подъ престоломъ мраморнымъ, каменемъ покровенно, въ немъ же просѣченна дыра, въ глубину на лакоть, и окованна, якоже и на Голгофѣ, въ знаменіе и память бившаго тамо древа. Тамо три кандила висятъ сребріе, непрестанно свѣтящіе. Послѣди же слушахомъ божественной литургіи, и по окончаніи ея, изнесе священникъ служацій отъ олтаря крестъ святій, отъ животворящаго древа содѣланній, величествомъ болшій отъ полпяди, широтою же и толстотою яко палецъ человѣческъ, сребромъ позлащеннымъ окрестъ окованъ, на немъ же колоръ перцовій зряшеся бити, якоже и въ Іерусалимѣ, въ великой церкви Воскресенія Господня. Тогда ему съ благоговѣ-

ніемъ и страхомъ поклоняющесе вси хаджѣ, лобизаху, съ ними же и азъ грѣшній сподобихся недостойными моими прикоснутися устами. Послѣди созирахомъ зданіе и красоту церкви, яже аще отъвнѣ мало лѣпоты имать, но внутрь зѣло благозрѣча, иконостасъ бо великъ, не художѣленъ имать, вся же списанна есть иконами различными благо сверху даже до земли; сама же отъ сѣченнаго великаго камене зданна, шесть столповъ въ себѣ имущая, такожде отъ камене сложенныхъ, иже поддѣржатъ всю тяготу церкви; подножіе же ея нѣкогда бѣше мраморное, нинѣ же каменцами простыми бѣлыми, подобящимися мрамору, рѣзанными на четири углы, въ мѣру едину, дробно, яко мушкатній орѣхъ, насажденно есть лѣпо и удивленію достойно. Тамо престоль токмо единъ, идѣже божественная совершается литургія, и врата такожде едины входа церковнаго, предъ ними же и паперть, такожде отъ камене созданна. Въ всемъ изрядная церковь, расположеніемъ, красотою, висотою, долготою и широтою, въ ней же, егда поется правило, гласъ расходится многъ и къ слішанію внимателенъ. Въ долготу имать сажней 14, а въ широту седмъ и полъ, и строеніемъ въ всемъ подобится церквамъ, яже суть въ горѣ Аѳонской, идѣже кандилонъ всѣхъ въ церкви повѣшенныхъ суть 40, а неусипаемыхъ 7. Тамо видѣхомъ царей Іверскихъ и патріархъ Іерусалимскихъ изображенныхъ, иже приложиша попеченіе и тѣхъ обители той, и многая такожде пописанія и писмена, на стѣнахъ подъ иконами изображенная, иже подобятся мало Славенскимъ, но много отъ тѣхъ различна суть, ихъ же никтоже отъ насъ не можаше прочести. Видѣхомъ же паки на двохъ мѣstechъ черная знаменія на подножіи церковномъ, яже (якоже отъ лѣтописцовъ повѣствуется) сотворишася отъ крове иноческія, идѣже

Еѣиопи, единою нападше на монастырь, заклаша инокъ числомъ внутрь церкви, аки агнцовъ незлобивихъ, и разграбиша вся, ихъ же и икони изображенни суть на стѣнѣ, надъ мѣстомъ тѣмъ, и свѣща тамо вжигается всегда въ время правила церковнаго. Живяху же тамо иногда иноковъ множество, нинѣ же мало, якоже и въ прочіихъ монастырехъ Іерусалимскихъ, потреби ради церковной суть, да не попустится запустѣти мѣсто святое. Послѣди иніе маліе храми посѣщахомъ, яже въ монастырь обрѣтаются ихъ же суть числомъ четири. Таже званні бѣхомъ игуменомъ обители тоя въ гостиницу, иже учреди насъ трапезою зѣло доволною и честною, лучшею нежели въ патріяршемъ монастырь внутрь града. Тогда при оконченіи трапези, во время прошенія милостини на монастырь (якоже есть обычай), лучшаго ради умягченія сердець поклонниковъ, мерхаджѣй, си есть той, (якоже многажды рѣхъ), иже показываетъ мѣста святіе, повѣствова намъ о честномъ древѣ исторію вкратцѣ Греческимъ простимъ языкомъ, его же азъ разумѣяхъ въ то время. Повѣсть же, яже въ Греческихъ обрѣтается книгахъ, есть сичева: Въ время западенія Содомы и Гомора, егда Богъ огнемъ сожже гради тія за преумножившіяся ихъ беззаконія, и егда праведнаго человека Лота съ женою и со чади изводящи отгуду, (якоже чтется въ Библии), заповѣданно бистъ имъ, да никакоже дерзнуть възрѣти воспятъ, жена же Лотова не стерпѣ и възрѣ и обратися въ камень сланій, иже и доселѣ стоитъ за Іерусалимомъ, близъ Мертваго моря. Оставшу убо тогда отцу съ дщери двѣма и нощующи упоиша дщери отца своего Лота и грѣхъ сотвориша съ нимъ. Въ утрѣ же, егда отрезвѣ и возвистиша ему дщери о содѣяннѣмъ грѣсѣ, тогда печаленъ бивъ много, скорбяше дозѣла, не вѣдѣй, что творити и каковое би

покаяніе положить грѣху своему. Пойде же къ Аврааму патріярсѣ и исповѣдася ему и моляше, да и раздрѣшитъ отъ грѣха. И рече ему Авраамъ, яко грѣху твоему нѣсть равная эпитемія, токмо сотвори, якоже повелю ти. Рече же ему, да идетъ въ садъ Савековъ и возьметъ тамо три главни отъ онаго огнища, идѣже хотяше сина своего Ісаака заклати на жертву Богу, а главнѣ оніе да возьметъ отъ древа разнаго, едину отъ певга, вторую отъ кедра, третью отъ кипариса, и да посадить я въ долину оной, идѣже нинѣ Честнаго Креста монастырь стоитъ, вѣ Іерусалима, единъ часъ хожденія, да носить же на хребтѣ своемъ воду отъ Іордана на лѣто едино трижды и поливаетъ оніе главни, еже есть седмь часъ растоянія, и сие да творить чрезъ три лѣта. И рече ему, аще убо тако сотвориши и узриши, яко оніе главни оживуть и возрастуть въ древо, тогда разумѣй, яко отпущенъ ти есть грѣхъ отъ Бога. Се же все бистъ волею божественною и предъувидѣніемъ всемогущаго Творца, нашего ради спасенія. Сотвори же праведнѣй Лотъ повелѣнное ему, аще и не совершенно: заповѣда бо ему Авраамъ, да аще кто отъ него воспроситъ пити на пути, никакоже да возбранитъ ему, но абіе да дастъ; аще кто напіется отъ води тоя, да не несетъ ю къ тому на поливаніе главень онихъ, но да изліетъ вонъ и паки идетъ къ Іордану и возьметъ другую, да ни отъ кого же начатою водою поливаетъ древа оніе. И тако праведнѣй Лотъ, творя повелѣнное ему, многій трудъ понесе чрезъ три лѣта, всегда бо или человекъ, или жена, или отрочище просяше отъ него на пути води. Се же бистъ частію отъ случая, наипаче же отъ врага діавола, пакостящаго намъ въ спасеніи нашемъ, иже наводящи множицею мужа или жену и творяше препятіе покаянію Лотовому. Трудящися же сие чрезъ три лѣта, дважды

точію неначатаю водою полія главни оніе, обаче Богу, видяци его истинное покаянiе, сотвори прiятися и ожити главнемъ тѣмъ, и тако сцѣпившися въ купу три, возрасте древо едино отъ певга, кедра и кипариса, отъ него же Жидове содѣлавше крестъ, роспяше на немъ Господа нашего Іисуса Христа. Таковая азъ тогда слышавши, много чудихся прекрасной повѣсти оной и благодарствахъ Богу въ сердци своемъ, яко сподоби мя самовидцемъ бити толъ преславныхъ и достослышанныхъ вещей. Тогда, кто хотяша и можаше отъ хадзѣвъ, ущедрѣ милостинею обитель святую. Таже, воставше отъ трапези и воздавше благодареніе Богу, отъидохомъ оттуду и возвратихомся въ Іерусалимъ на своя мѣста.

Ноеврiя 7-маго ходихомъ вторицею посѣщати гору Елеонскую, гробъ Матере Божіа и прочіе святіе мѣста, низу по-надъ потокомъ Кедрьскимъ стоящіе, даже до гори Сіона, о нихъ же писахъ прежде. Ноеврiя 8-маго числа, на Соборъ святаго Архангела Михаила, бистъ праздникъ въ монастырѣ Архангелскомъ, идѣже азъ пребивахъ, и снiдесе народъ много отъ Іерусалимлянъ и хадзѣвъ, и бистъ въ навечеріи архіерей и благословяше пять хлѣбъ и утро пояше литургію съ священники съборомъ, бяху же пѣвци избранніе и торжество веліе, и церковь исполненна лампадами сребрянными и свѣщами, ихъ же еще не много число баше, но малости ради храма изобиліе зрашеса. Тогда вси хадзѣ званни бяху отъ игумена на честь и угощеваеми отъ него, и иже бяху новопришедшіи въ Іерусалимъ, иже еще не посѣщяху обители тоя, тіи даяху милостину. Чтяхужеса тогда на службѣ Божой два Апостола и два Евангелiя, Греческимъ и Арапскимъ языкомъ, въ еже би разумѣли Греки и Арапи, иже тогда бяху на набоженствѣ. Доспѣвшу Ноеврiя 9-му дню, изволися намѣснику па-

тріяршему отслати насъ на поклоненіе къ неусипаемой обители преподобнаго Савви Освященнаго, иже отстоятъ отъ Іерусалима далекостію четырехъ часовъ хожденіемъ. Тогда мерхадзій, предводяй насъ, собра всѣхъ и изійдохомъ съ нимъ утру бившу рано вонъ изъ града врати Давидовими, отъ запада стоящими, идѣже обрѣтохомъ много Араповъ, варяючи ни съ уготованными кони и осли. Обычай бо тамо таковъ есть, яко Арапи не оставляють поклонниковъ (аще би и произволеніе ихъ било) ходити пѣшо, но насиліемъ даютъ кони и мески и сами при нихъ пѣшеходяще, отвозятъ, гдѣ требѣ, се же прибитка ради своего творять. Тогда хаджѣ всѣдоша на скоти, азъ же никакоже сотворихъ се, аще много мя насилствоваху Арапи, желаніе бо мое бистъ и предъумишленіе, еже всегда по святыхъ мѣстехъ собственными трудитися ногами. Тогда пойдохомъ окрестъ града на страну полуденную и видѣхомъ два рови великіе и глубокіе, въ долинѣ низу стоящіе, и внутрь окрестъ каменными стѣнами, отъ камене тесаннаго, гладцѣ огражденніе, отъ нихъ же въ единомъ бяше купель или, простѣ рекше, сажалка, идѣже міяхуся жени Давидови; вторій же, еще глубочайшій, полнь бяше иногда води текущей, его же Давидъ вмѣсто езера имѣ, идѣже держаше риби и яздяше ладіями, утѣшенія ради и увеселенія, тако бо достовѣрнѣ Іерусалимляне повѣствуютъ. Паки мимоидохомъ село Скуделниче, за Сіономъ на другой горѣ стоящее, идѣже странніе и пришелци отъ чуждыхъ странъ суще, егда умирають, тамо погребаеми бивають. Село же оное купленно бяше еще отъ Жидовъ, въ время Страсти, за тѣ 30 сребренники, ими же проданъ бистъ отъ Іуди Господь нашъ Іисусъ Христосъ, тако бо свѣдѣтельствуєтъ Евангелистъ Матѳей, въ главѣ 26, въ зачалѣ 111. „Тогда видѣвъ Іуда, предаві Іисуса, яко осу-

*

диша его, раскаявся, возврати тридесять сребренники книжникомъ и старцемъ, глаголя: согрѣшихъ, предахъ кровь неповинну. Они же рѣша: что есть намъ? ти узриши. И повергъ сребренники въ церкви, отъиде и шедъ удавися. Архіерее же, пріемши сребренники, рѣша: не достойно есть ихъ вложить въ корвану, понеже цѣна крове есть. Совѣтъ же сотворше, купиша ими село Скуделниче, въ погребаніе страннымъ. Тѣмъже наречеса село то село крове до сего дне». Село же убо не оттуду нарицается въ еже би жителствоваху въ немъ людіе, никакоже, никтоже бо тамо обитаетъ, но, простѣ рекше, есть пляцъ, или майданъ, на горѣ обрѣтающъся, иже отстоитъ яко полпоприща отъ Іерусалима. Случижеса и самовидцемъ мнѣ бити чуждему погребанію, понеже инокиня едина Греческая тогда пріиде вкупѣ съ нами на поклоненіе въ Іерусалимъ, яже по единомъ мѣсяцѣ представися и погребенна бистъ на селѣ Скуделничомъ. Поминувшемъ же намъ село Скуделниче, шествовахомъ все долиною низкою, ея же начало есть отъ потока Кедрскаго, съ-подъ Іерусалима, конецъ же входитъ въ Мертвое море, идѣже гради Содомы и Гоморы земля пожре. Долину ту, или ровъ, Греки тамо именуютъ Пирнось Потамось (якоже предъ речеса), си есть огненная рѣка, яже имать на страшномъ судѣ потекти. Суть же тамо гори и доли многіе, лѣпотніе, въ нихъ же мало каменія обрѣтается, но все земля мягка и добра, индѣ черна, индѣ червлена, индѣ же бѣла, аки варъ, древа же ни мало нигдѣ не видѣхомъ, ни билія, токмо малу траву, въ долинахъ и раздолехъ растущую. Видѣхомъ же верблюдовъ пасомыхъ изобилно и гонимыхъ сквозѣ гори сѣмо и овамо отъ Еѣиоповъ. Води же нигдѣже не видѣхомъ, токмо на единомъ мѣстѣ, и то не чисту, отъ нея же токмо скоти напаваемы бивають, а не человѣци піють.

Тогда аще и много насъ устрѣтаху отъ Араповъ, но никакоже насъ смѣяху пакостити, бѣ бо насъ тогда провождаяй кафаръ, началствуяй надъ ними, его же хадзѣ наяху, удобнаго дѣля прехода. Приближающимъ-жеся намъ яко за поприще едино до обители преподобнаго Саввы, взійдохомъ на гори твердіе, ни мало земли, токмо великія каменія имущое, идохомъ же по-надъ тѣмъже ровомъ, о немъ же предъ рекохъ, иже тамо зѣло глубоко есть и ужасенъ къ видѣнію, аки нѣкая бездна; отъ обою же странну имать пещеръ многое множество и келій, помежду каменми зданнихъ, идѣже ветхихъ временъ скитахуся Святіи Отци пустинножителѣ и аки птицѣ гнѣздящеся единъ при единому, богоугодное препровождаху житіе, нинѣ же вся пуста суть, и лисици и иніе звѣріе въ нихъ обитають, и Арапи ношуютъ. Тогда идуще все по-надъ ровомъ тѣмъ, dospѣхомъ къ монастыру преподобнаго Саввы, иже въ томъже ровѣ стоитъ. Тогда провожаяй насъ Еѣиопъ, кафаръ глаголемій, ста въ вратехъ монастырскихъ и взять отъ коегождо хадзѣя четири парѣ мзди за трудъ свой. Тогда вшедше внутрь монастыра, устрѣтаеми бихомъ отъ иноковъ честно, нисходихомъ же внизъ многими каменными степенями, аки въ яму, помежду многими зданіи, и внійдохомъ первѣе въ великую церковь, посредѣ монастыра стоящую, и поклонихомся иконамъ честно, таже званни бихомъ въ трапезу, но понеже прійдохомъ нечаяннѣ, къ тому же бистъ день среда, того ради пріяти бихомъ сухояденіемъ и виномъ. По трапезѣ водими бѣхомъ по всѣхъ монастырскихъ церквахъ и зданіяхъ, горѣ и низу, идѣже видѣхъ зѣло чудесніе входи и исходи, и пищери, похвали и удивленія достойны. Вечеру же приспѣвшу, слушахомъ вечерни въ началномъ храмѣ, въ имя святаго Сави Освященнаго созданномъ, таже

званни бихомъ въ трапезу отъ игумена и братій, и представиша вечеру доволну и честну, подобнѣ, якоже и въ монастырѣ Честнаго Креста. Бяху же варенія три съ елеємъ и вина изобилно, яко всѣмъ благодарствовати хаджіемъ. При оконченіи же трапези, вси вписоваху имена своя въ поминники церковніе, инніи же родителей и братій своихъ, и ущедриша милостинею обитель святую, елико кто можаше и хотяше и елико кого Духъ Святій наставлялъ быше. Послѣди, воставше отъ трапези и благодареніе Богу сотворше, поведоша въ гостинницу, идѣже уготованна быше горница велія и послана многими килимами и колдрами лѣпо, яже путниковъ ради токмо и прочіихъ честныхъ гостей держать иноки, и снахомъ по трудѣ и по чести сладко и здраво. Заутра же бихомъ на правилѣ церковномъ и слушахомъ утрени и службы Божой, яже насъ ради рано бистъ, и тогда иноци показоу двѣ главы преподобныхъ Аркадія и Іоанна, брата его, и прочіихъ Святыхъ нетлѣннѣе кости, яже лобизахомъ вси. Таже, давше всякому хлѣбъ и по нѣколико маслинъ и по чаши вина, отпустиша въ мирѣ съ всякою честію и провожденіемъ. Мнѣ же зѣло возлюбися обитель оная, и молюхъ игумена да ми благословить нѣколики дни пребыти тамо, иже никакоже отрече. Пребивахъ убо тамо не мало время, ходя на всякъ день на правило церковное и упражняся чтеніемъ книгъ отъ вивліюенки монастырской. Разсмотрѣхъ же всю лѣпоту, и строеніе, и чинъ, и вся, суща тамо, и во истину многа похвали достойна имать монастырь оній. 1) Вся зданія имать отъ камени чиста и бѣла, гладко и лѣпо на четири углы тесаннаго и отъ всѣхъ странъ огражденъ есть високою каменною стѣною, аки нѣкій градъ. 2) Аще зрится и не весма бити великъ, обаче много домовъ и келій въ себѣ со-

ржитъ, ибо суть до тріехъ и четырехъ степеней, едины
арху другихъ зданіе, инніе же внутрь основанія мона-
гирскаго въ земли подъ спудомъ, многіе же внутрь гори,
ки пещери ископанніе, понеже часть гори внутрь мо-
настира стоитъ, ея же камень есть бѣль и удобенъ къ
зрушенію и сѣченію, сиче же лѣпо покопанны суть пе-
щери и въ нихъ построенніе келіи, яко всякаго странно-
пришелца удивляетъ умъ и слаждають зрѣніе очесъ. Отъ
нихъ же въ единой и азъ тогда пребивахъ. Суть же
все, кромѣ страннопріемницъ, маліе и тѣсны, единому
человѣку въ обитаніе сотворенніе, и по единому оконцу
имушіе, и тепліе довольно, въ нихъ же и одри, или кро-
вати, спанія ради, индѣ отъ камене сложенніе, индѣ
же отъ самородной скали неотдѣлно въ горѣ изсѣченніе.
3) Церковь велика, въ имя преподобнаго Саввы создан-
ная, есть красна и честна мѣрою и строеніемъ своимъ
внѣ и внутрь, ничтоже древяно, кромѣ иконостаса,
имать, иже закрываетъ престолъ, вся бо отъ основанія,
даже до верха, отъ плинѣхъ великихъ не скуделничихъ,
но отъ самородна въ горѣ камене, гладцѣ и искуснимъ
художествомъ рѣзанныхъ, лѣпо составленна; камень же
ея сиче бѣль, яко ни варъ въ стѣнѣ познавается, сего
ради ниже побѣленна есть отвнѣ, не требуетъ бо бѣлости
лучшей, паче, юже имать въ камени. На верху же покрова
ничтоже имать отъ древа, но отъ пепела и вара раство-
реннимъ нѣкако бреніемъ сиче красно и гладко покро-
венна, и она, и вся зданія монастыря, яко ни токъ гумен-
ній, равнѣйшій или гладчайшій можетъ бити, отъ нихъ же
вода дождевная въ время зими истѣкаетъ въ студенци,
питія ради. Сиче же покрови ихъ суть крѣпки, аки ка-
мень, и держатся до пятнадцати и двадцати лѣтъ,
таже поновляеми бивають. Церковь убо та, бѣлости своей
мнится бити не многолѣтна и аки нова, обаче по истиннѣ

зѣло есть ветха, повѣствуютъ бо яко отъ царя Константина, и та въ едино время создала, егда же и церковь Воскресенія Христова, яже въ Іерусалимѣ, идѣже Гробъ Господень есть. 4) Суть тамо еще малихъ церковь, особнѣ стоящихъ пять, въ нихъ же литургисають. Первая стоитъ при стѣнѣ началнаго храма, въ честь 40 мученикъ созданна. Вторая вишше всѣхъ келій, на единой вежи стоитъ, идѣже иногда ветхихъ временъ баше трапеза Святихъ Отецъ, нинѣ же храмъ Вознесенія Христова есть приличнѣ на горѣ Елеонстей бившу Вознесенію Господню и храму оному на горѣ стояти. Третья с. Іоанна Златоустаго, и сія стоитъ въ углѣ монастыра чудесно устроенная, внутри гори, стоящая надъ глубокимъ ровомъ и на мѣстѣ ужасномъ, зѣло бо тамо нависла есть гора и мнится падати, обаче волею Божественною чрезъ колю многое множество лѣтъ держится. Четвертая церковь с. Николая, лѣпа и просторная строеніемъ, такожде внутри гори въ пещери единой великой, яже токмо едину стѣну иматъ отъ входа, отъ камене сѣченнаго зданную, прочее вся изрита и ископанна есть и стѣнами прегражденна, верхъ же ея многому удивленію достоинъ есть, камень бо единъ неотдѣлень отъ гори и великъ велми надъ цѣлимъ храмомъ тѣмъ, аки висити мнится и покриваетъ его. Тамо внутри двѣ пещери великіи изрити суть и загражденніе отъ предистѣнами и наполненніе даже до верха костей ветхихъ Святихъ Отецъ пустинныхъ, иже тамо иногда окрестъ неусипаемой обители преподобнаго Сави жителствоваху, и отъ нѣкоего нечестива царя вси изсѣченни бяху, и пусто все баше, послѣди же, егда паки населишася иноци въ монастырь и видѣша костей много валяющихся и не гніющихъ, собравша вся и изнесоша на едино мѣсто въ пещеру ту, идѣже нинѣ храмъ с. Николай,

якоже више рекохъ. Лежащимъ же имъ первѣе открыто и созирающимъ всѣмъ приходящимъ тамо, хадзѣ нѣци (якоже повѣствуютъ) тайно взимаху по малой части отъ костей; обаче Богу небдаговляшу о томъ: егда возвращахуся въ Іопѣю, не можаху плисти на морѣ, многими волнами и страшливыми бурами носимы, и не могуща отыти въ отчество свое, повращахуся паки и отдаяху. Сего ради, повѣленіемъ нѣкоего патріярхи, загражденны бяху стѣнами и ниже входъ нинѣ къ нимъ есть, токмо едино оконце високо стоитъ и на немъ костей нѣколько положенно, знаменія ради; кости же, яко видятся изда-лече нѣ суть, якоже прочіихъ Святыхъ, бѣли и чисти, но черновидни. Пятая церковь въ пещерѣ святаго Сави Освященнаго, идѣже онъ житіе свое провождаше, со-зданна въ другомъ углу монастыра, подобнѣ надъ ро-вомъ тѣмъже глубокимъ стоящая, якоже и святаго Хризостома, и согласуютъ весма себѣ мѣстомъ; она бо въ единомъ углу монастыра стоитъ, сія же въ другомъ, и въ имя и память тогоже преподобнаго Савви учи-ненна; есть же мала и тѣсна велми, и идѣже иконостасъ имѣлъ бити, на томъ мѣстѣ стѣна каменная прегражден-на, исписанна иконами Святыхъ. Тамо вратъ сѣверныхъ нѣсть, тѣсноты ради, токмо царскіе врата едини, и ими же исходитъ, тими и входитъ священникъ и панамарь. Таможе вкупѣ, создади церкве, въ горѣ пещера, въ ней-же внутрь вторая пещера зѣло малая обрѣтается, идѣ-же угодникъ Божій преподобній Савва Освященній ски-ташеся; тамо непрестанно, день и ношъ, не усипная лампада елея горитъ. Суть же еще двѣ церкви, лѣпо-отъ камней составленіе, но пусти стоятъ, и не чтется въ нихъ правило никогда же. Есть же и гробъ св. Сав-ви въ монастырѣ томъ, въ немъ же въ день успенія своего положенъ быше, нинѣ же мощи его нѣ суть тамо.

но въ Италіи, въ пресловутомъ градѣ Венеціи обрѣтаются въ костелѣ Римскомъ, близъ церкви Греческой стоящемъ, якоже прежде писахъ. Обаче гробъ его и днесъ въ великой чести есть, верху бо онаго создася, столпъ кругль, отъ камене лѣпо, съ главою и входомъ, идеже не престающи, денно и ношно, горять два кандила елея полніе. При томъже гробѣ, подъ спудомъ въ земли, и прочіе многіе подѣланни суть гробове, въ нихъ же нинѣ живущіе тамо иноки погребаются. Тамо азъ ходихъ и посѣщахъ, и видѣхъ костей безъ числа. Гробница же Саввы стоитъ верху земли, а гробъ его внутрь земли глубоко, яко на лакоть пять, и прочіе токожде предъ великою церковію, посредѣ монастыра устроенніе. 5) Правило церковное есть совершенное и чтется лѣпо, съ страхомъ Божиимъ и съ всякимъ благоговѣніемъ, безъ шептовъ и бесѣдъ непотребныхъ. Литургія же рано не биваетъ никогда, (развѣ еще случится гостей ради) но всегда часомъ или двѣма предъ полуднемъ, егда время трапези приближается. Литургія на всякъ день не биваетъ, токмо въ недѣлю, во вторникъ, въ четвертокъ, и субботу, прочія же дни часи токмо чтутся, кромѣ еще случится праздникъ, тогда неотмѣнно всегда поется. 6) Трапеза есть лѣпо созданна, въ ней же столи, на нихъ же представляется снѣдь, зѣло майстерствомъ краснимъ и гладкимъ сложенни суть, яко отъ всякаго приходящаго тамо странна похваляеми бивають, наипаче же столъ первій, идѣже братія по вся дни трапезу ядятъ, отъ бѣлаго и чистаго простаго камене, рѣзаннаго сиде крѣпко, лѣпо и гладко сложенный, яко издалече отъ цѣлаго и одинаго камене изсѣченъ мнѣтся бити. 7) Чинъ въ монастырѣ добръ есть. На утреню иноки встають рано, службу Божию отправують позно, за часъ или два предъ полуднемъ, егда приближается время трапезованія; и

часи такожде; на всякъ пятокъ, по вечерни, исходятъ надъ гроби оніе (о нихъ же вѣмалѣ предъ писахъ) и поють канонъ за усопшихъ отецъ надъ коливомъ и виномъ, съ кажденіемъ ¹ ѳиміама и прочимъ благолѣпіемъ. По литургіи ² абіе идуть въ трапезу, и по вечерни такожде не расходящеся по келіяхъ. Въ трапезѣ чтенія не чтуть, развѣ при гостехъ, понеже суть вси прости и не разумѣють не токмо книжнаго писанія, но многи суть, иже Греческаго простаго языка не умѣють, кромѣ Турецкаго; сіи суть отъ Анатолиі, ³ все по Турецку бесѣдуютъ и другаго не знаютъ языка, аще же и Греческіе книги въ церкви чтуть, но не разумѣють, тако бо токмо изучаются чтенія ради церковнаго, да христіанская вѣра не исчезаетъ; прочіи же, аще и знаютъ по Греческу въ монастырѣ томъ, то суть или глухи, или слѣпи, или зѣло стари, таковыхъ бо тамо патріархъ оставляетъ жити, да не много глаголюще, пребываютъ въ молчаніи. Къ тому же вси суть монахи, кромѣ седмичнаго, его же одинаго обикова держати ⁴, такожде монахъ поставляется тамо, да памятующе вси, яко равни суть чиномъ, и смиряющеся спасаются. Въ трапезѣ, кромѣ священника, аще стару, аще младу, или вишше или низше сѣсти волно есть, понеже одина ядъ и равна часть всѣмъ предлагается, и коему-ждо особно; послушанія иннаго нѣсть имъ, кромѣ церковнаго и трапезнаго, понеже ни оградовъ, ни садовъ имуть, но всякая пища имъ посылается отъ Іерусалима, отъ монастыра патріаршего, и аще что любо буди дѣлають, никогда же одинъ или два, но вси совокупно. 8) Кладязовъ тамо суть 12, вси дождевную воду имущіе, и есть води довольно къ питію и ко всякой потребѣ мо-

¹ Далѣ въ подлинникѣ не достаеъ листа 157.— ² службъ же той М. —

³ идѣже мало христіанъ Христіане бо иже въ Анатолиі М.— ⁴ въ монастырѣ, и игуменъ М.

настирской ¹ ихъ же тамо мало помежду каменъми всѣ-
ваютъ отци. Есть же тамо и вода жива, текущая отъ зе-
мли, яже молитвою преподобнаго Савви явися; име-
нуютъ же ю тамо агіазма, си есть вода освященная
отъ преподобнаго Савви. Піють же ю Еѣиопи, про-
ходящїи сквозѣ пустыню, со многимъ благодарствїемъ,
понеже не обрѣтается тамо нигдѣ вода инна даже до
самаго Іордана. Обаче внѣ монастыра обрѣтается, зѣло
низу въ единой пещери, яже на нѣколико саженой подъ
монастырь протяжеса. Обаче иноци на всякъ день не
пїють отъ источника того, понеже тяжестень путъ къ нему,
наипаче Еѣиоповъ ради часто изъ монастыра исходити
не могутъ. 9) И строенїе и мѣсто зѣло дивно есть,
стоитъ бо при горѣ каменной, между прочїими пустими
горами, надъ зѣло глубокимъ ужаснимъ ровомъ, въ немъ
же (якоже повѣствуютъ) на страшномъ судѣ потечеть
рѣка огненная. Во огражденїи же своемъ пол-стѣни
имать самородной ² художествомъ, и внутрь монастыра ин-
дѣ ³ долини и ями и многа чудесна, и яже отнюдь по-
дробну исписати нѣсть мощно. Сквозѣ же монастырь
преходитъ потокъ дождевій, иже издалуче отъ-между
горъ начинается и впадаетъ въ ровъ рѣки огненнїя, она
же входитъ въ Мертвое море. И еще же есть тамо
столпъ високъ, въ стѣнѣ монастырской при вратехъ на
горѣ стоящъ, идѣже отъ-среди монастыря даже на верхъ
его 230 степеней человѣческихъ хожденїя есть, якоже
азъ самъ числихъ, а отъ-среди монастыря, внизъ рова, ко
источнику святаго Савви еще вѣщше. На столпѣ томъ
всегда единъ поставленнїй живетъ законникъ, стражи
ради, аще убо кто приходитъ, или отъ Еѣиопскихъ раз-
бойниковъ, или инъ кто безъ потреби, тому возбраняеть

¹ къ обращенїю зелїй, М.— ² отъ горы отъ полъ стѣны, сложеннїй М.—

³ вст. холми, нндѣ. М.

входа, и не повелѣваетъ икономъ впускати въ монастырь. Аще же видитъ кого отъ своихъ или христіанскихъ путниковъ толкуща во врата, тогда оглашаетъ братіи, да отверзутъ; оглашаетъ же и гортанію, понеже нужно есть услышати, разстоянія ради, но есть тамо верхъ сплетень отъ дрота зѣло долгій и прицѣплень отъ висоти столпа даже внизъ, до великой церкви, при концѣ же висятъ 3 колоколци маліе, и тими вѣсть подаеть. 10) Обитель она во всемъ прекрасно и угодна къ житію челоувѣческу ¹ и по истиннѣ пустинническая есть, понеже уединенна отъ мира и людій, и ничтоже иматъ окрестъ себя, токмо едини пустіе и безводніе гори, идѣже не токмо древа нѣсть, но и билія и травы мало, и то развѣ въ нѣкихъ ² долинахъ обрѣтается въ зимѣ, въ лѣтѣ же все согаряеть отъ зноя солнечнаго. Прибитка никаковаго иматъ, токмо отъ милостины живетъ, юже христіане приходящіи на поклоненіе подавають. Пещеръ много покопаннихъ суть и скитовъ, построеннихъ окрестъ монастыра еще отъ древнихъ Отецъ, нинѣ же вся опустѣша, егда нечестивій оній и злонаравній народъ Арапскій населися, и инніе звѣріе въ нихъ живутъ, иже частѣ исходяще отъ язвинъ своихъ, бѣгають внизъ рова подъ монастыремъ и собирають крупцы и окрушцы хлѣбніе, отъ трапези изметаемія, еже мнѣ самому случися видѣти многожды. Суть же еще въ горахъ тѣхъ едини звѣріе, именуеміе Греческимъ языкомъ сканцохери, ихъ же ми Руси называемъ яжами, и въ странахъ нашихъ суть, яко глава челоувѣча, костіе имуть, яко иглы верху себе, тамо же раждаются великіе, аки свини, и остіе на нихъ толстое и долгое, яко періе дрохвинное, въ крилахъ сущіе; ихъ инокомъ, смотрящимъ изъ монастыра, случается видѣти

¹ инокескому. М. — ² низкихъ. М.

рано ходящихъ по горахъ. Повѣтствуютъ же, яко окрестъ Іордана еще большіе раждаются, ихъ же убивающе Еѣиоци огненнымъ оружіемъ, собирають ости ихъ и приносяще въ ¹ Іерусалимъ, продають на торжищи; потребніе же суть на многіе вещи, найпаче же къ писанію. Наконецъ, монастырь той въ всемъ благолѣпенъ и безмолвень къ житію иноческому, токмо не малу нужду и озлобленіе имать отъ Араповъ драпѣжныхъ, иже тамо по между горами, окрестъ Іерусалима и Іордана, въ пустыни живутъ. И что глаголю живутъ? всегда бо и лѣто и зиму подъ сѣніями, или просто рекше въ шатрахъ, аки скоти, пребивають; иже аще би били христіане и сипевую нужду Бога ради терпѣли, якоже терпятъ, во истину всѣ би спаслися; обаче, иже держатъ вѣру христіанскую, тѣи не обитають въ пустыни, но въ градѣхъ, идѣже священники и церкви Божественніе суть, а иже сѣдятъ въ горахъ, тѣи вси суть махометанской вѣри. Тѣи убо приходяще на всякъ день, ово пять, ово десять, овогда же пятнадцать, двадцать, тридцать и всяко, якоже случается, вопіють подъ монастыремъ, толкуще въ стѣни каменіемъ и зовуще велегласно, да изнесутъ что снѣдно. Печеть же ся тамо особній черншій и крупнѣйшій хлѣбъ, Араповъ ради, и суть двѣ окна отъ обою страну монастыра, ими же въ кошницѣ, прицѣпленной вервомъ, низпускающе, пищу имъ подавають. Пища же ихъ сія есть: хлѣбъ, паки оцетъ, елей, лукъ, все въ единѣхъ сосудѣ смѣшанное; нѣкіимъ же знаменитшимъ даются и маслины, иногда же и вареніе братерское. Еще инніе, не довольни суще тѣмъ, и прочіихъ многихъ вещей ищутъ, и аще не получаютъ, много кричатъ, гнѣвающеся и біюще въ стѣни каменіемъ и вергающе внутрь

¹ Отсюда продолжается подлинная рукопись Барскаго.

монастира и инніе пакости творяще, и аще би не платили началствующему надъ ними постановленное въ годъ, давно би оставили опустѣти обитель, якоже иногда и бистъ. Сиче бо въ рукахъ ихъ суть, яко кромѣ нужди за врата исходити не могутъ, и то наймуютъ провождающаго стража. Обаче трудолюбивіи отци претерпѣваютъ вся и якоже могутъ живутъ, и тако, помощію Божіею и молитвами с. Савви, обитель его соблюдается. Пребывающу же ми тамо многи дни, имѣхъ многое тщаніе и попеченіе, како бихъ могль видѣти мѣсто Содома и Гомора, иже отстоитъ толико еще далече за монастыремъ, колико монастырь отъ Іерусалима, си есть четирма часи пѣшехожденія. Бяху же пришли въ той часъ отъ града, зъ монастыра патріяршего, иніе четири иноки, отъ нихъ же бѣше единъ знаменитъ протосингелъ и благодѣтель мнѣ, о немъ же више предъ писахъ. Той убо самъ наятъ двоихъ Эѳіоповъ, провожденія ради, и согласившеся насъ пятерица, отъидохомъ Ноевріа двадесять осмага числа. Облекошажеся оніе 4 иноки въ послѣдняя и зѣло худая рубища, яко ни разбойнику хотѣти взяти, бояхубося да не како будутъ напаствуеми отъ Араповъ; азъ же въ тѣхъже ризахъ, въ нихъ же присно хождахъ, бѣхъ, не жалѣя лишитися ихъ. Идохомъ тогда все горами и долинами, идѣже древа и води ничтоже, травы и билія мало, прочее же все каменіе обрѣтается; обаче идохомъ многими равними раздолами, лѣпу и мягку безъ камене землю имущими, идѣже аще би инніе люди жительствоваху, многіе би сѣмена всѣвати и виноградъ плодити могли, нинѣ же вся пуста суть. И елико далѣе шествовахомъ, толико на нисхождахомъ; егда же приближихомся къ послѣднимъ горамъ, тогда узрѣхомъ воду, велию въ долготу и широту, идѣже прежде бѣше Содомъ и Гоморъ. Тогда зѣло тя-

жестнимъ и неудобъ ходимимъ путемъ спустившеся внизъ глубокою зѣло долины, помежду ужасными каменными провалинами и вертепами проходяще, дойдохомъ тамо.

Мѣсто Содома и Гомора, каково нынѣ. Вода оная есть пространна, найпаче же въ долготу, и зрится аки нѣкое превеликое озеро, еже именуется тамо отъ Грековъ *Νεκρα θάλασσα*, си есть Мертвое море, того ради, яко отъ умертвія людскаго бысть, егда бо Содомъ и Гоморъ съ окрестными своими гради пожренны биша огнемъ, и земля пожре я, отъ того времени оста вода. Море же именуется того ради, понеже яко въ морѣ вода сланая естественнѣ есть, тако и тамо, и еще паче сланшая и зѣло горка, яко токмо палець омочивши и на языкъ возложивши, яки лютейшой нѣкой яди чело-вѣкъ стерпѣти же можетъ: смердить пожарищемъ и отчасти сѣркою не токмо она, но и берегъ издалече окрестъ его. Берегъ же далече нераздѣлно въ единъ бѣль камень изліяшася и далече внутрь мѣлькіе суть, яко на пятнадесять или двадесять сажней, но токмо тамо, идѣже ми посѣщакхомъ, на прочіихъ же мѣстехъ ниже берега мало имать, но отъ края абіе бездна неизмѣримая и гори високіе каменніе окрестъ обстоятъ. Вода, аще и бѣла видомъ зрится бити, но не свѣтла и нечиста и акиби блатомъ возмущенна; имать же верху себе нѣкую сласть или ситость, аки елей, въ drobнихъ капляхъ показующуюся и плавающую, и не стоитъ тихо, аще и въ найтишайшее время, но всегда шумить и малими волнуется цѣнами и превращается въ подобіе кипящаго котла, обаче горячести не имать, токмо малу теплоту. Тамо ни риба, ни инно что живеть и ниже раждается, токмо соли много, отъ води изливаемой на берегъ и оставающей между каменми въ ямицахъ (отъ нея же собирающа Арави продають и вси Іерусалимняне оную

ядять), яже отъ слонца верху води собирается въ едино, якоже тенкій ледъ отъ мраза. Бѣла есть, аки снѣгъ, а слана сипе, яко равна ей въ свѣтѣ необрѣтается. Кораблями, ни ладіями тамо когда плавають, ниже мощно есть, понеже разваряетъ и псуестъ въ маломъ времени, ниже что отъ одежды мити кто можетъ, понеже поядетъ и гноитъ вся, токмо къ митію тѣла есть здрава и помощна, понеже всяку свербъ и красту снѣдаетъ, идѣже Еѣиопи, мимоходяще, всегда миются. Тамо мы замедлихомъ яко 2 часи и вящше, ходяще по брезѣ и созирающе. Тогда на сухомъ брезѣ обрѣтахомъ отъ земли исходящую малимъ теченіемъ воду, смердящую злѣ, юже едва мимо ити возмогохомъ. Стоитъ же тамо на единомъ мѣстѣ близъ берега лѣсъ малъ, древо листвіемъ подобное кипарису родящъ, густъ же, понеже при немъ множество веліе трости раждается, тріехъ челоуѣкъ мѣрою високой и нижшой, того ради, понеже мѣсто есть зѣло низкое и воднистое. Много же суть источниковъ малихъ, сладкую воду имущихъ, иже толь бистримъ и крѣпкимъ теченіемъ исходятъ, яко не просто по земли, но аки кипящи, въ гору струю возносятся. Обрѣтохъ же тамо, между лѣсомъ и тростіемъ, едину рѣку узку и мѣлку, такожде сладку воду имущую, между камени текущую толь быстро, яко съ нуждею бродити въ ней, идѣже суть нѣкаковіи рибици и инообразніи раки, яковіи въ морѣ раждаются. Исходитъ же рѣка она сподъ горъ, отъ Іерусалимской страны стоящихъ, нѣціи же повѣствуютъ, яко сподъ самаго Іерусалима начинается, наконецъ (якоже самовидци быхомъ) впадаетъ въ оное Мертвое море, рекше въ озеро Содомы и Гоморы. Случижися тогда видѣти вепра дикаго, изшедшаго отъ лѣса на берегъ, его же хотяху Еѣиопи убить, но не постигнуша, сокрися бо воскорѣ и къ тому не

явился. Тамо мало между древеси препочивахомъ, яко пол-
часа, и снѣдохомъ по окруху хлѣба, таже михомъся вси
въ морѣ Мертвомъ, хотяще искусити и увѣдѣти есте-
ство и силу води оной, идѣже многа познахомъ чу-
десна.

Какова сила Мертваго моря? 1) Яко вода крѣпко слана
есть и горка, и сице лютѣ ястъ все тѣло, яко нужно
стерпѣти, обаче свербѣ, краста и инніе прищавки и вся
нечистота на тѣлѣ погибаетъ отъ нея. 2) Видѣхъ тамо
древеса, въ водѣ стоящіе, и касахомся ихъ, иже суть
дебели и високи, и наченши отъ корене до поло-
вини стоятъ въ водѣ, прочее же верху зрятъся издалуче,
суть же сухи и ни листвія ничтоже на себѣ имущіе,
толь же крѣпкіе, яко два вкупѣ возлазихомъ на ня и
ничтоже сокрушися. Не вѣсть же никто же, садовніе ли
и лѣсовіе бяху древа, обаче, что и како любо буди, мало
о томъ испытаніе. Се великаго удивленія достойно, яко
чрезъ толь тисящніе вѣки, волею Божіею, стоятъ не-
поколѣбими и не согниваютъ въ такой лютой водѣ, и
донелѣже ихъ касаетъ вода, дотолѣ каменною чудеснѣ
обраслоша кожею. Нетокмо же тѣи, но и прочіи дре-
веса, при брезѣ стоящіе, ихъ же касается вода, усуши-
шася и каменіемъ обраслоша, и нинѣ на всякъ день
обрастають, чесому азъ много удивляющися, взяхъ съ
собою отъ каменей тѣхъ и соли, яже тамо раждается.
3) Еже есть многomu недоумѣнію приличное и чудеси,
яко вода оная потопитися или понрути или погрузитися
человѣка не оставляетъ, сами бо искусихомъ достовѣрнѣ,
егда михомся въ ней, идѣже ни гребушихъся насъ, ни
движущихся, но легшихъ распростертима рукама и но-
гама, аки сосуди праздніе ношаше, и лежахомъ, аки на
постели мягкой; не могутъ бо понрути ни ноги, ни рудѣ
человѣка на низъ, якоже въ иннихъ сладкихъ водахъ

естественнѣ то дѣйствуется, и не наученъ плавати часто на глубинѣ утопаетъ. Таможе не тако, но человекъ, наченши отъ берега, токмо можетъ ити по земли донелѣ же висота его, аще же начнетъ далѣе въ глубину поступати, яко касатися устнамъ его водѣ, тогда абіе отъ земля горѣ насиліемъ воздвигаетъ нозѣ и носить верху себѣ человекъ, аки дску плавающего. Егда же изійдохомъ отъ воды, бяху тѣлеса наша побѣлenni и аки мукою потрушенни солію, и созирающеся другъ другу смѣяхомся, таже омившися въ сладкой водѣ, облекохомся въ ризи своя. Обаче послѣди, даже чрезъ три дни и вящше, баше слана кожа на тѣлѣ моемъ, чесому азъ зѣло чудихся и благодарствовахъ Господеву, яко сподоби мя видѣти толь неизреченная Его дѣйствія. Море Мертвое въ долготу протяжеся много, его же конца на брезѣ стояще не видѣхомъ, широта же отъ всѣхъ странъ зрится, окружаема високими горами, наипаче же гори зѣло високіе стоятъ обоньполь воды. Осязаетъ же мѣста всего окрестъ сѣмь сотъ миль морскихъ, си есть Италѣянскихъ (якоже согласно повѣствуется въ людехъ). Бяхомъ же ми тогда недалеко, яко осязаніе ока, отъ конца втораго, стоящаго отъ Іордана, и видѣхомъ на Мертвомъ морѣ аки рису, или нѣкую черту, идѣже вода съ водою сопротивляется. Повѣсть же такова о томъ проходитъ, яко Іорданъ рѣка, яже впадаетъ въ море Мертвое, великую часть проходящи его, къ тому прочее престааетъ отъ теченія своего и погубляетъ конецъ, и не вѣсть никтоже совершенно; инніи бо глаголютъ, яко моремъ Мертвимъ пожираемъ, кончается на оной предпомяненой чертѣ, другіи же глаголютъ, яко подъ землею идетъ и за Мертвымъ езеромъ, во пустыни, наки выходитъ и идетъ своею струею. Та и множае тамо увѣдавши, мислихомъ еще пойти къ Іордану, иже та-

*

кожде три или 4 часа отстоять отъ моря Мертва, но Еѳиопи не хотѣша повести ни (мню) боящеся, да не како увѣдани будутъ отъ началнаго своего и казними, понеже на Иорданъ единъ разъ въ годъ весь народъ, вкупѣ съ хадзѣями, и то за поплащеніемъ ходять, и тако прочее отложихомъ на ино время. Тогда наловивше раковъ въ водѣ сладкой и препочивше мало, возвратихомся тогожде дне преклоншуся слонцу на западъ, тѣмъже путемъ паки во монастырь, Богу насъ сохраняющу невредныхъ и безъпакостныхъ.

Мѣсяцъ Декемврій.

Мѣсяця Декемврія 5 числа (еще ми гостящу въ неусипаемой преподобнаго Савви обители) бистъ праздникъ его и снѣдеся народъ много отъ Христіанъ, отъ хадзѣевъ и Аравовъ Іерусалимскихъ. Совершашежеся церковное пѣніе лѣпо, обаче бденія всенощнаго не творяху, токмо на вечерни 5 хлѣбъ благословиша, и утрени въ свое время бистъ и служба Божая зѣло рано, народа ради. Архіерей же не прійде тогда отъ града, нѣкоего ради препятія, и бистъ торжество веліе и безъчиніе же не малое отъ Еѳиопъ, чрезъ два дни медлящихъ тамо, иже (якоже прежде рѣхъ) аще и Христіане суть, но нравовъ своихъ природныхъ свинскихъ липитися не могутъ, ядяху бо представленную имъ трапезу, аки свинѣ, нечисто, просипающе и проливающе, вопіяху и кричаху до избытка и плясаху, сваряхуся и біяхуся и прочая безъчинія творяху. Минувшу же празднику, абіе на другаго дне, Декеврія 6 числа, и возвращающуся народу въ Іерусалимъ, отъидохъ и азъ къ 1-му своему мѣсту, въ монастырь Архангелскій. Доспѣвшу Декемврія дню 10-му, ходихъ вкупѣ съ хадзіями посѣщати мона-

стирь другій святаго Георгія, въ градѣ стоящъ, идѣже иноки обитають, идѣже бихомъ въ церкви и слушахомъ Божественной литургіи. Тамо видѣхъ ланцухъ желѣзень, висящъ при иконѣ, его же остави свободенъ нѣкто отъ работы Агарянской чудотвореніемъ с. великомученика Георгія, той есть ветхолѣтенъ и блюдется въ храмѣ даже доселѣ. Тамо пріяти бѣхомъ хлѣбомъ и виномъ и сухими гроздіями, и сложивше нѣчто милостини възвратихомся въ доми своя. Обитель она убога есть и мало украшенна, стоитъ же на лѣпотномъ и веселомъ мѣстѣ, на горѣ; церковь подобна въ всемъ, якоже въ первомъ монастырѣ дѣвическомъ Святаго Георгія, о немъ же прежде писахъ. Тогда идохомъ единою улицею, идѣже въ земли и во стѣнахъ стоятъ основанія столповъ древнихъ, о нихъ же различно повѣствуется, се же извѣстнѣйше яко глаголють бити иногда тамо стѣну града и врата, понеже множицею разоряшеся Іерусалимъ, и сего ради нинѣ вся инако суть престоенна. Мѣсяця тогожде 11 числа, въ субботу, съ вечера нѣкто нанятъ Турковъ отверзти Святіе Врата токмо на единъ часъ, тогда паки сподобихся поклонитися Гробу Христа Спасителя. Тогожде мѣсяця, въ постъ Филиповъ, предъ Рождествомъ Христовимъ послѣдней седмици, по обычаю Христіянскому, причашихомся Тѣла и Крове Господней, идѣже таковъ чинъ совершашеся, по обыкновению Іерусалимскому: первѣе исповѣдохомъ грѣхи своя и предъуготовляхомся ходящи на церковное правило всегда; послѣди, по нѣколицѣхъ дняхъ, пришедши въ монастырь нашъ архіерей съ священники и сотвориша Елеосвященіе и мазаху ни масломъ святымъ, таже, паки по нѣколицехъ дняхъ, причащахомся; прежде же причащенія и словесъ изреченія на литургіи Божественной: „Со

11 Декабря 1726 г. приходилось въ Воскресенье. *Ред.*

страхомъ Божиимъ“, чтяше священникъ нѣкую молитву отъ Требника о разрѣшеніи грѣховъ, и послѣди даяше Тѣло и Кровь Божественную. Приблизившужеса убо празднику Рождества Христова, иже случися тогда 25 Декаврія, въ день неделній, идохомъ прежде днемъ единымъ, въ субботу, къ Виолеему, поклоненія ради, вкупѣ съ архіереемъ, грядущимъ тамо служенія ради. Виолеемъ отстоитъ отъ Іерусалима двоухъ часовъ хожденіемъ, идохомъ же добримъ и равнимъ путемъ и полемъ краснымъ, мало камня имущимъ, но все мягкую и къ всѣянію сѣмень изрядную землю, и поминухомъ монастырь, при пути стоящъ, пророка Іліи. Оттуду идохомъ малими горами, обаче веселими, понеже въ то время тамо, яко же въ насъ на веснѣ, травы прозябоша и цвѣти явишася на земли и зеленяхуся всюду древа маслинніе, маслина бо и зиму. и лѣто всегда листвіе на себѣ зеле-

ное иматъ. Входяши же въ ограды Виолеемскіе, оминухомъ при пути стоящъ гробъ Рахиилинъ, иже есть отъ камене зданъ на четири угли или въ четири стѣни

сице, яко нѣкая каплица, съ главою, гладцѣ устроень, расположеніемъ не великъ; имѣяше же первѣе отъ всѣхъ четирахъ странъ входи внутрь, нынѣ же отвсюду замуrowанъ стоитъ; при немъ же и иннихъ погребшихся тамо людій гробове маліе, зданніе такожде отъ камене, стоятъ. Отъ нихъ же суть иніе возвишенніе горѣ, инніе же токмо при земли каменіе верху себе имуть лежащіе съ начертаніемъ писменъ. Послѣди идохомъ зѣло рав-

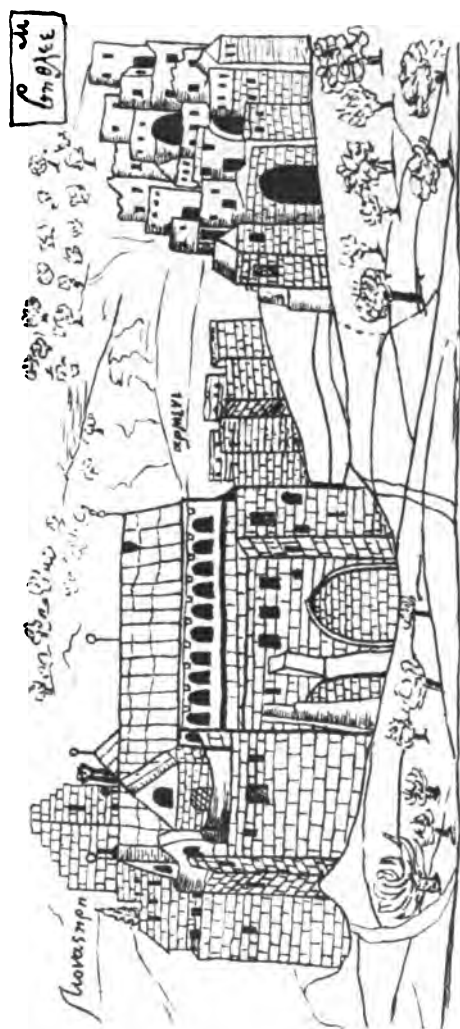

Фото-автогр. Н. Индугаго, Карачае. № 16.

Вичелемъ.

нимъ путемъ, на гору малу сходящи, и видѣхомъ садовъ много, стоящихъ окрестъ Виолеема, отъ дерева смоковничнаго и маслиннаго. Смокви убо безъ листвія бяху наги, якоже прилично древу въ зимѣ, маслини же зеленяхуся якоже посредѣ лѣта, таковое бо ея свойство. Таже dospѣвши Виолеема, не идохомъ внутрь веси, но воскрай ея, и пойдохомъ въ монастырь Греческій, иже на два верженія каменемъ отстоитъ, устроенъ при вертепѣ, въ немъ же Христосъ родися. Виолеемъ иногда бѣше градъ, якоже свѣдѣтельствуєтъ Божественное Писаніе, нинѣ же, по многомъ раззореніи Іерусалима, сотворися аки весь, обаче зданія и доми вси имать каменніе и строенніе отчасти лѣпо. Стоитъ на мѣстѣ веселомъ, на единой горѣ, окружаемой отвсюду долинами низкими, красными, въ нихъ же полно дерева садовна отъ маслынъ, и смоквъ и прочіихъ, отъ страни же полуденной зрятся гори недалече отъ Виолеема, вишшіе нежели Іерусалимскіе, на нихъ полно деревьевъ лѣсовнихъ, великихъ же и малыхъ. Тамо въ тихъ горахъ, шесть часовъ ходеніемъ, отстоитъ отъ Виолеема домъ Авраама патріарху ветхозаконнаго, иже сице страннолюбивъ бѣше, яко вмѣсто гостей сподобися Божественную Троицу пріяти въ дому своемъ, подъ видомъ тріехъ ангель (якоже пишется въ Палеи). Въ Виолеемѣ иногда бѣше весь народъ Греческой вѣри, нинѣ же, егда населишася тамо Римстіи иноци, всихъ къ своему правилу и обычаю привлекоша, не поученъми (якоже слышахъ), но златомъ милостиню дающе и дарствующе, имъ же оній убогій народъ зѣло прелщается. Суть же тамо нѣціи и Греческой церкви придерживающіися Арапи, обаче зѣло мало, иже яко нѣ суть народъ тамо искусенъ въ художествѣ и дѣлѣ ручномъ, найпаче же въ дѣланію крестовъ и чотокъ и иннихъ лѣпотнихъ вещей, отъ дерева

составленнихъ. Вертепъ, въ немъ же Христосъ родися, стоитъ внѣ Виѣлеема на два верженія каменемъ, въ тойжде горѣ, внутрь земли ископанъ, идѣже прежде Рождества Христова людіе скоти привязоваху и пищу даяху. Нинѣ же на мѣстѣ томъ великій, якоже градъ Виѣлеемъ, монастырь и лѣпій зѣло созданъ стоитъ, въ немъ же церковъ зѣло прекрасная, отъ Іустиніяна царя благочестива сооруженна верху вертепа, въ честь Христу рожденному. Обаче нинѣ тамо Францишкане, иноки Римскаго закона, обитають, чрезъ вражду бо нѣкую и сваръ прежде тридесяти лѣтъ отъ Грековъ отъяша, преплативши мзду велию паши Турецкому, Іерусалимомъ обладающему. Иноки же Греческіе таможде, при томжде монастырѣ, на единомъ столпѣ каменномъ, широкомъ и високомъ, иже бѣше звоница, монастырець себѣ возгнѣдше, обитають, не хотяще вовся лишитися мѣста святаго, идѣже и храмъ Рождества Христова сооружиша малъ, себе ради и Еѳіоповъ, вѣру Греческую имущихъ, идѣже попи Арапскіе вкупѣ съ иноки тамошними литургисають и все правило церковное чтутъ въполъ, своимъ и Греческимъ діалектомъ. Тогда ми идохомъ гостисти вси купно поклонници, съ архіереємъ въ предъ-реченній монастырець Греческій, на звонарнѣ стоящій, и тамо пріяти бихомъ игуменомъ и братією въ страннопріемницу честно и представиша намъ тогда въкратцѣ сухоядну трапезу. Таже преклоняющуся слонцу на западъ, идохомъ на вечерню, яже тогда соборомъ пояшеса, съ архіереємъ и многими священники и діакони, и многими свѣщами и кандилами украшенна церковъ бѣше, такожде пѣвци снѣйдоша отъ Іерусалима и пояху лѣпо, и бистъ праздникъ веселій. По вечерни же пять хлѣбъ благословеннихъ раздѣлиша и раздаде народу самъ архіерей своею рукою. Таже взїдохомъ паки го-

рѣ, церковь бо та внизу стоитъ на землѣ, при вишше-помянутой начальной великой церкви, совокупно стѣною, отъонуду же есть окно въ великую церковь и зрится входъ вертепа Христова; монастырь же, якоже предъ рекохъ, високо стоитъ верху звонницы, идѣже отъ низу горѣ вяще пятьдесяти степеней восходити требѣ. Тогда ми, по оконченіи вечерни, възѣдохомъ во монастырь и пріяти бихомъ отъ игумена трапезою довольною честно, и уснухомъ мало. Таже бихомъ на утрени, всенощна же бденія не баше, необикова бо сіе въ Іерусалимѣ творити, не вѣмъ чесо ради, идѣже на вся праздники въ навечеріи хлѣбъ благословляется, и прочее по вечерни пѣніе не биваетъ даже до утрени. Вистѣ же тогда абіе по оконченіи утрени служба Божая, и отпояхуся вся предъ восхожденіемъ денници. Послѣди идохомъ вси соборомъ Христіане, ми же пришелци и Еѣиопи тамошніе, вкупѣ съ архіереемъ и иноци въ великую начальную церковь, аже иногда баше Греческа, нинѣ же Римска есть. Идохомъ же внутрь пещери, идѣже Христосъ родися, аже стоитъ подъ великимъ алтаремъ, изрита въ земли еще прежде лѣтъ воплощенія Христова, и покланяхомся тамо двомъ мѣстомъ: 1-му, идѣже Пречиста Дѣва Богородица роди Христа, 2-му, идѣже повивши, положи въ яслехъ. Аще нинѣ вся пещера мрамори драгими постланна и столпами хитростнѣ сѣченными украшенна, но на мѣстѣ ясеель и нинѣ, якоже ясли, отъ доскъ мраморныхъ бѣлыхъ сочинено есть, и лампадъ неусипаемыхъ, си есть день и ношъ горящихъ, много сущѣ. Пещера оная внутрь покровами драгими шелковыми обитая, лучшой ради лѣпоти, понеже земля ея, отъ многого возженія свѣтилникъ и отъ частаго кажденія оиміама, очернѣ, и аще би не било покровенно, не лѣпо зрочно би било. Тогда поклоншеся вси, абіе возвратихомся въ

монастирь, и препочивше мало, ходихомъ съ мерхадзѣемъ посѣщати вторую пещеру, идѣже Пречистая Богородица съ Христомъ первѣе сокрися, егда утѣкаше въ Египту. Тая пещера нинѣ стоитъ пуста, внѣ монастыра, яко на верженіе камене, въ единомъ саду, въ ней же ничто же есть и всѣмъ невозбранно есть входитьи отъ Іерусалимлянъ, отъ чуждыхъ же входящихъ, яко то отъ хадзѣевъ, вземлетъ по сребнику отъ челоуѣка Еѣиопинъ, обладая ей. Внутрь пещери той пространно мѣсто, сѣмо и овамо покопано, на мѣстѣ же томъ, идѣже Пречиста Богородица съ Христомъ и обручникомъ Іосифомъ крѣяшеся, есть нинѣ каменный престолъ созданъ, идѣже кто хоцетъ отъ Христіанъ вжигаетъ елей, въ память Христову, иногда же попи Арапскіе и литургію творять. Суть же тамо нѣколико мраморныхъ столповъ, отъ нихъ же единъ зѣло оропаетъся, и взимають людіе росу ону на испѣленіе болнихъ очесъ. Нѣцѣи же повѣствуютъ, яко тамо не крѣяшеся Богородица, но спаргана закопа. Спаргана же суть нѣкіе останки отъ отрочате раждающагося остающіеся, ихъ же баби обикоша закоповати въ землю. Обаче что любо буди, намъ много испитовати не требѣ, во вѣрити, понеже людіе отъ толь многаго времени, забвенія ради, различно бесѣдуютъ. Тогда ми поклоншеся съ вѣрою и любовію, возвратихомся въ монастырь, и учреди насъ всѣхъ купно поклонниковъ игумень трапезою честною довольно, съ изобиліемъ яствія и вина, и отпусти съ миромъ въ Іерусалимъ, съ провожденіемъ и цѣлованіемъ. Азъ же остахся тогда съ архіереемъ и діакони его, двоихъ ради винъ: 1, да лучше видимъ и уразумѣю не токмо Виѣлеемъ, но и прочіе окрестніе мѣста; 2, понеже архіерей имѣяше литургисовати въ нѣкоей иной веси, и сего ради, понеже дни празднични бяху, не хотяхъ лишитися его. Тогда препочивши мало, собрашася

нѣколько Еѳиоповъ Христіянъ, взяша архіерея чество и отнесоша въ едину весъ, яже именуется *Ιχος τῆς Ευφρατῆς*, си есть домъ Еѳраѳовъ, о немъ и Писанія Божественна на многихъ мѣстѣхъ воспоминають, яже весъ отстоитъ отъ Виелеема единъ часъ и менше хожденія. Тамо егда внутръ вхождаше архіерей, изійде весъ народъ отъ веси съ женами и дѣтми въ стрѣтеніе ему и со многимъ торжествомъ, и кличемъ, и званіемъ, провождажу его, поюще и припѣвающе нѣкая словеса Арапскою бесѣдою, и вся по обычаю своему творяху отъ простоты и смиренія. иніе убо прибѣгающе къ коню, лобизаху руку его, другіи же, возлѣзше верху домовъ стояху и привѣтствоваху, веліимъ кричуще гласомъ, и другіи предъидяху, прочіи же послѣдоваху, „благословенъ грядій“ зовуще. Бяху же людіе вси прости и малоцѣнне одежди носяще, иніе же ветхіе и безъ сандалій босо-ходящіе, нѣціи же апостолскіе сандалія, токмо кожу подъ ногами имѣяху; сице не токмо тамо, но вси повсюду Еѳиопи, якоже прежде рѣхъ, сице обикноша ходити. Егда же ввійдохомъ въ весъ, отведоша насъ въ единъ домъ на престояніе. Тамо мало препочивши, егда приближашеся слонце къ западу, отведохомъ архіерея, въ мантію оболченна, съ подобающею честію въ храмъ Святителя Христова Николая, иже въ томъ селѣ единъ токмо обрѣтается. Послѣдоваше тогда и народъ много, съ женами и дѣтми, съ радостію многою и кличемъ, и отслужихомъ чинъ вечерни, якоже требѣ баше; баше же служащихъ священникъ 13, кромѣ архіерея. Послѣди возвратихомся, вкупѣ съ архієпископомъ въ предъреченную гостинницу. Тогда убогій оній Еѳиопскій народъ, всякъ противу силъ отъ дому своего, иній хлѣба, иній нѣчто варено, иній же нѣчто печено, и всякъ, что можаше, принесе въ гостинній домъ и предъставиша намъ трапезу доволну, яко

всѣмъ годѣ бистъ. И служажу намъ много народа отъ усердія и простоты сердца своего, иніе же предстояху; бистъ же сиче много, яко невоѣщати храминамъ, но отъ своихъ, отъ чуждихъ же, или рекше гостей, быше яко пятьдесятъ душъ, и ядоша вси и насытишася доволно, яко избыткомъ остатися, и воставше отъ трапезы, воздаша вси благодарствіе Господу, дающему пищу алчущимъ. Тогда разійдошася людіе, ми же вси гости спяхомъ на опредѣленнѣхъ мѣстѣхъ. Заутра же въ ноши востахомъ и идохомъ вси, купно съ архіереемъ, въ предъ-реченную церковь и слушахомъ утрени и службы Божой. соборомъ съ многими священники бывшой, и бистъ торжество веліе и родость людемъ, и изійдохомъ изъ церкви рано предъ восхожденіемъ слонца и возвратихомся паки въ вишшеписанную гостинницу, идѣже паки людіе оніе убогіе нанесше различнаго вареннаго и печеннаго яденія и угостиша насъ трапезою лучше, нежели вчера, и виномъ отчасти. Чудяхъ же ся азъ много, яко въ всемъ селѣ двохъ точію началнѣйшихъ видѣхъ, мало лучше одежду носящихъ, прочіе вси сугъ наги, иніи бо токмо въ единихъ хитонахъ, друзіи же коимъ либо вретищемъ покравенни, прочіи же вси по единой одеждѣ ношаху, аще тогда бистъ и зимное время. Одежда же ихъ обща есть (якоже прежде рѣхъ), толста есть, отъ вретища сошвенна нелѣпо, еже есть сѣтканно отъ власъ верблюжихъ, бѣлихъ и чернихъ, сандалія же иніи носятъ кожаніе, иніе же дрянніе, иніе же токмо кожу подъ ногами имуще подвязану въ еже би не уязвити ногу о камень остръ или о терніе, прочіи же многіе босо ходять, наипаче отъ женска полу. Домъ Еѳраѳовъ иногда быше градъ, якоже свидѣтельствуєтъ Божественное Писаніе, нинѣ же, по многократномъ раззореніи Святаго Града Іерусалима, превратися въ село, еже отъвнѣ

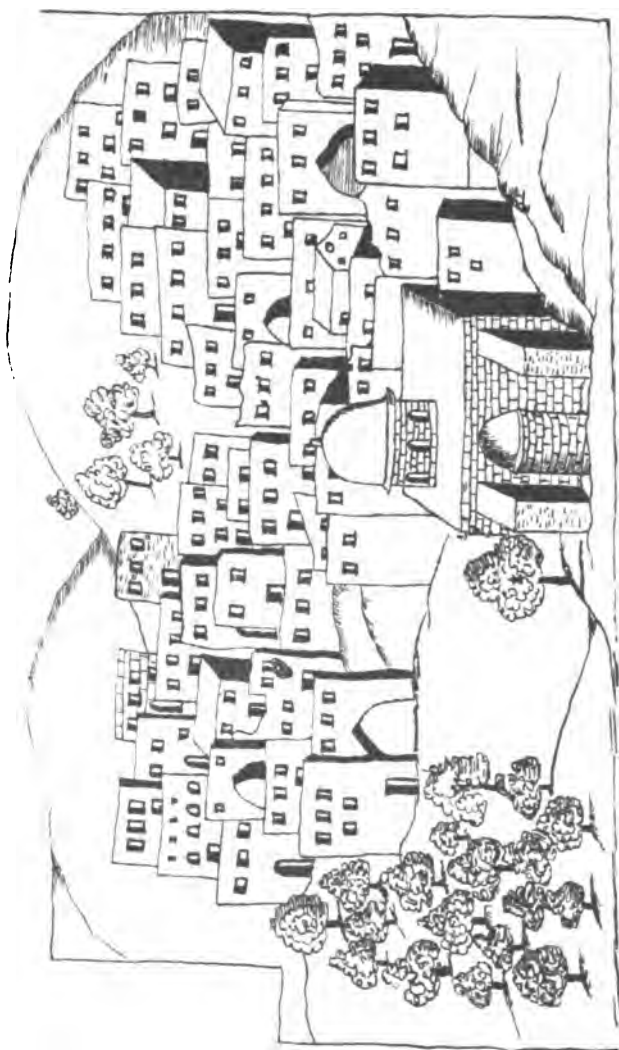

Фото-эскиз Н. Исаева, Казань. № 16.

Домъ Ефремовъ.

зритсѧ, аки нѣкій красній градъ, внутрь же никакой не имать лѣпоти, ибо, якоже обично въ весехъ, нечистоти между домами и улицами полно; обаче доми вси суть каменнозданіе, аще и не весма изрядно. Стоить же на мѣстѣ веселомъ и високомъ, подъ горами, много отъ древа маслиннаго и смоковнаго имущими; тамо почерпають людіе воду живу, си есть текущую отъ спудовъ землиныхъ въ студенцахъ; вси же суть Христіане вѣри Греческой и ни единого между собою имуть либо Римлянина, либо Турчина, либо коего инного. Богу тако ихъ хранящу, аще и прихождаху нѣщїи отъ Агарянъ тамо и вселяхусѧ на пакость насиліемъ, обаче Божїимъ изволеніемъ, мало нѣчто поживше, погибаху отъ жизни сеѧ. Увѣдавшѧ же множицею казнь Господню събивающуюся на себѣ, никогда же не вселяются тамо, но самихъ точїю Христїанъ пребивати оставляють. Тамо храмъ точїю единъ Святителя Христова Николая къ востоку съпреди села стоитъ, обаче дванадесѧть поповъ тамо живутъ, иже о церковномъ правилѣ и о паствѣ попеченіе имуть, иже по седмици, единъ по другому, держать церковную службу; есть же и діаконъ единъ, иже въ нарочитіе праздники великіе литургисаетъ. Домъ Еѣраѡвъ толкуется домъ утѣшенїя, того ради, понеже, егда родися въ Виѡлеемѣ Христосъ, ни едина тамо отъ окрестныхъ весей не возрадовасѧ паче оной, якоже сами свѣдѣтельствуютъ тамошніи людіе. Отнелѣже даже и доселѣ веселое свойство имуть, ибо (якоже прежде рѣхъ), егда прїйдохомъ съ архїепископомъ тамо, зѣло съ великою радостїю устрѣтаху и провождаху, наипаче же сеѧ ради вини, яко уже четвертое преїде лѣто, яко не прихождаше тамо никакой архїерей. Тогда, въ день собора пресвѧтіѧ Богородици, по святой литургїи и по трапезѣ, отъиде архїерей съ діакони своими къ Святому

Граду съ многимъ провожденіемъ народа даже на поле, внѣ села, азъ же съ игуменомъ Виѣлеемскимъ възвратихся паки въ Виѣлеемъ и пребихъ дній 2. Ходихъ же тамо въ великую церковъ частѣ, ею же обладаютъ Римстіи иноци, и въ пещеру, идѣже родися Христосъ, и рассмотрѣхъ всю красоту и великолѣпіе ея. Церковь та есть устроена отъ Іустиніана царя Греческаго благочестива (якоже слышахъ) въ лѣта держави его; есть же и расположеніемъ и величествомъ въ всемъ подобна церкви с. верховнаго Апостола Павла, яже обрѣтается въ Римѣ, внѣ града, точію внѣ покровомъ различествуеть, оная бо инаго, сея же покровъ на крестъ сочиненій отъ таблицъ оловянихъ, зѣло лѣпо и гладко, яко похвалити всякому взирающему нанъ; не токмо же покровъ, но и самій храмъ крестообразно устроенъ, каковое строеніе мало гдѣ обрѣтается. Есть убо онъ весь отъ камене зданъ, токмо покровъ отъ древа содѣланъ, а верху древяна оловянъ, въ висоту доволенъ и совершенъ, въ долготу же есть 76 степеней, въ широту же тридесять и 3, якоже азъ самъ тщателно размѣряхъ. Разумно же буди о степенехъ, яко не глаголю о стопахъ, но о ступаніи или о хожденіи ножномъ. Оконъ тамо суть више 40, столповъ же внутрь, ими же поддержится тяжесть церкви, суть всѣхъ равно 50, иже суть висотою, толстотою и лѣпотою равни и отъ единого камня несложно изсѣченніе; камень же той еще есть и простъ, обаче лицемъ является, аки краснѣйшій порфиръ, ибо есть бѣлъ, въ полъ съ знаменіи червленными, и сиче искуснимъ и гладкимъ художествомъ столпи сѣченни суть, яко аки кристалъ свѣтятся. Отъ онихъ убо 40 въ четири ряди, по десять, чинно зѣло стоятъ; внутрь же олтаря 10 обрѣтаются, и верхніе стѣни даже до столповъ вси суть насажденіе различновидными каменни

музикійскими, дробними, аки горохъ, сиче искуснимъ художествомъ, яко умъ удивляетъ человѣческой. И во истинну зѣло прекрасная и драгоцѣнная церковь. Пещера, или вертепъ, идѣже Христосъ Сынъ Божій родился, есть внутръ олтаря великаго, подъ подножіемъ церковнымъ, два входи имущая, отъ десніа и шуїа страны, 13 степеней низу отъ мрамора созданнихъ, и двери такожде обоюду мраморосѣченнимъ искуснимъ художествомъ составленни суть; внутръ же всея пещери подножіе и стѣни и тамо, гдѣ Христосъ родился и гдѣ во яслехъ положенъ, всюду низу и окрестъ, кромѣ верха, досками мраморными и порфирными осажденно есть сиче прекрасно, яко ни въ царскихъ полатахъ лучше можетъ бити, верхъ же есть обіенъ драгими покрови шелковыми, токмо надъ яслами Христовими откровенъ есть, въ знаменіе и въ лучшее увѣреніе людемъ, яко да всякъ, видяй гору самородну, а не отъ рукъ человѣческихъ сотворенную, познаетъ, яко та есть, а не ина пещера, въ ней же Христосъ родился. Тамо путници двомъ мѣстомъ поклоняются, единому, идѣже Христосъ Господь родился отъ пречистіа Дѣви, второму, идѣже въ во яслехъ положенъ бистъ, идѣже и нинѣ ясли маліе въ память отъ доскъ мраморныхъ бѣлихъ сочиненніе суть. Есть же въ тойже пещери иніе пещери, къ западу и полунощи, отъ нихъ же едина низу провлечеса и входа не имать, токмо оконцемъ созирають въ ню. Тамо въверженни биша 14 тысящъ младенецъ, избіеннихъ отъ Ирода за Христа. Вертепъ, въ немъ же Христосъ родился, многое имать украшеніе отъ золота и серебра, найпаче же кандильовъ серебряныхъ и хрусталнихъ полнъ есть, отъ нихъ же много есть неусипаемыхъ, си есть день и ношъ присно горящихъ. Та увидѣвши и увѣдавши, ходихъ втораго дне внутръ монастыря великаго, при церкви стоящаго,

иже (якоже прежде рѣхъ) иногда бѣше Греки обладаеми, нинѣ же Римляни и Францѣшкани, иноки Римскіе, обитають тамо. Тогда вся, по повеленію начальника, созирахъ обходящи, и видѣхъ множество прекрасныхъ зданій и келій, идѣже би мощно вмѣститися близъ двухъ сотъ инокомъ; обаче и нинѣ не мало отъ Римлянъ обитають, но кая намъ полза, съ ними же нѣсми едино? Ходихъ паки особнѣ съ инокомъ Греческимъ въ едину долину, внѣ Виолеема стоящую, идѣже пастиріе иногда пасяху овицы и возвѣщенни бѣша отъ ангелъ о Рождествѣ Христовомъ, идѣже нинѣ нѣсть ничтоже, токмо разоренная церковь, яже древле бѣше красна строеніемъ, якоже познавается отъ останковъ своихъ. Отстоитъ же отъ церкви недалече малая весъ, идѣже до четиридесяти душъ Араповъ обитають. Тамо показа ми инокъ Виолеемскій единъ студенецъ ветхъ и пражденъ же и безъ води стоящъ, отъ него иногда пресвятая Дѣва Богородица отнѣкуду грядущи и жаждна бивши, восхотѣ пити, и егда приниче надъ кладязь, узрѣ далече бити воду и не имѣяше чимъ почерпсти и ниже случися кому прійти тогда почерпанія ради, тогда словомъ воздвиже горѣ воду, и напившися паки повелѣ на свое возвратитися мѣсто. О чудесе пречудніа Божія Матере! Аще бо би текущая вода въ студенци обрѣталася, то и то веліе било би чудо, еже словомъ наполнитися горѣ; но сіе чудеснѣйшее есть, яко кладязь дождевную въ себѣ воду собираше и отнюдѣ не имѣяше въ себѣ никакого источника. Зри и втораго купно собившагося чудесе: егда бо приниче въ корито каменное колѣнными и ятсѣ пречистими своими руками верха кладязня, вся напечаталася на камени, аки на воску. Персти убо незрѣтсѣ нинѣ, понеже (якоже повѣствуютъ) вервами затрошася, якоже обично вервамъ не токмо въ камень,

но и въ желѣзо вѣдаться, отъ тяготи и отъ частаго тягненія воднаго, кътому же людѣ ветхіи не имѣяху то въ почитанію, понеже Дѣва Богородица еще за Еврейство то сотвори, и не бѣ прославленна; колѣнъ же знаменія въ коритѣ каменномъ даже и доселѣ обрѣтаются, ихъ же азъ сподобихся лобизати. О чесомъ, аще есть истинна, аще ли ни, читателя къ вѣроятію не принождаю, ниже свѣдѣтельствovati подѣ клятвою могу, понеже не отъ писанія божественнаго, но отъ повѣстей людскихъ сіе гласится. Обаче самовидца мѣсто то къ увѣренію приводитъ, понеже знаменія колѣнъ истинна являются бити; кътому же никтоже помислити можетъ, яко каменносѣчь я изобрази, понеже отнюдѣ тамо не потребна суть. Та и множайша азъ въ Виолеемѣ и окрестъ видѣвши и слышавши, и поклоняющися многимъ мѣстомъ святимъ, промедлихъ 5 день. Таже въ четвертокъ рано, Декаврѣя 29, отъидохъ отгуду къ монастиру с. пророка Іліи, идѣже на пути три посѣщахъ мѣста: 1) Гробъ Рахилинъ, о немъ же предѣ речеся; 2) мѣсто, идѣже повѣствуется, яко нѣкто отъ челоуѣкъ горохъ меляше, по случаю же мимоидій Іисусъ вопросы его, что твориши челоуѣче? не яко невѣдѣй, но якоже обично челоуѣкомъ вопрошати другъ другу приходящема, аще би и видѣлъ, что творить. Челоуѣкъ же той, коушунствуя, отвѣща: каменіе мелю. Видѣвъ же Іисусъ неправо сердце его въ отвѣтѣ, буди, рече, по глаголу твоему, и отъиде, и абіе горохъ обратися въ каменіе; челоуѣкъ же послѣди мелюще и ничтоже успѣвающе, остави вся и возвратися въ домъ свой тощъ, познавая согрѣшеніе свое. На томъ убо мѣстѣ, даже доселѣ, множество каменія дробнаго, гороху подобнаго. 3) Камень, идѣже съ Христомъ и обручникомъ Іосифомъ пресвятая Дѣва Богородица сокрися, страха ради Иро-

дова. Но вѣдомо буди, яко двое мѣста сокровенія Богородичина обрѣтаются въ Іерусалимѣ: едино близъ вертепа Христова въ Виѣлеемѣ, другое же внѣ Виѣлеема далече, при монастыри святаго пророка Іліи. Пришедши убо азъ къ обители св. пророка Іліи, и прежде, даже не входити внутрь, поклонихся мѣсту, на немъ же почиваше св. Ілія, возвращающися отъ гори Кармилской, идѣже знаменіе спяща чловѣка и доселѣ на камени, аки на воску, изображенно есть; есть же предъ монастыремъ, внѣ огради, при пути, понеже тамо путь, къ Виѣлеему ведущъ, воскрай монастыра лежитъ. Послѣди ввійдохъ внутрь монастыра св. пророка Іліи и пріять игуменомъ и братією, и премедлихъ тамо два дни, любве ради и распознанія мѣста святаго; а найпаче того ради, яко въ то время бистъ велми непостояно, съ вѣтри хладными и мглою великою, яко пѣшествовати зѣло нужно бистъ. Монастырь святаго славнаго пророка Іліи отстоитъ двою часу хожденія отъ Іерусалима, на пути Виѣлеемскомъ. иже аще и малъ отъвнѣ зрится бити, обаче внутрь многа зданія содержитъ, собранни бо суть въ немъ келіи, единостѣніемъ зданія и тѣсенъ есть внутрь. Имать же храмъ преизбраній, великъ и высокъ, съ главою одиною. яже зрится внѣ обители изда-лече, шестію же столпами поддержитъ, иже отъ единаго съ церковію камене составленни суть. Храмъ оній иногда бистъ иконописанъ зѣло лѣпо, но понеже обетша, сего ради поновленъ есть варомъ. Въ долготу, висоту и широту далече болшій отъ храма Св. Креста; сиде же тѣсно съ келіями совокупленъ окрестъ, яко низу ни откуда къ вратамъ пути имать, но иноки, правила ради, снисходятъ сверху зданій степеней каменныхъ низу къ дверемъ. Храмъ той къ пѣнію и чтенію есть изряденъ, понеже гласъ и шумъ великъ издаетъ противу устомъ че-

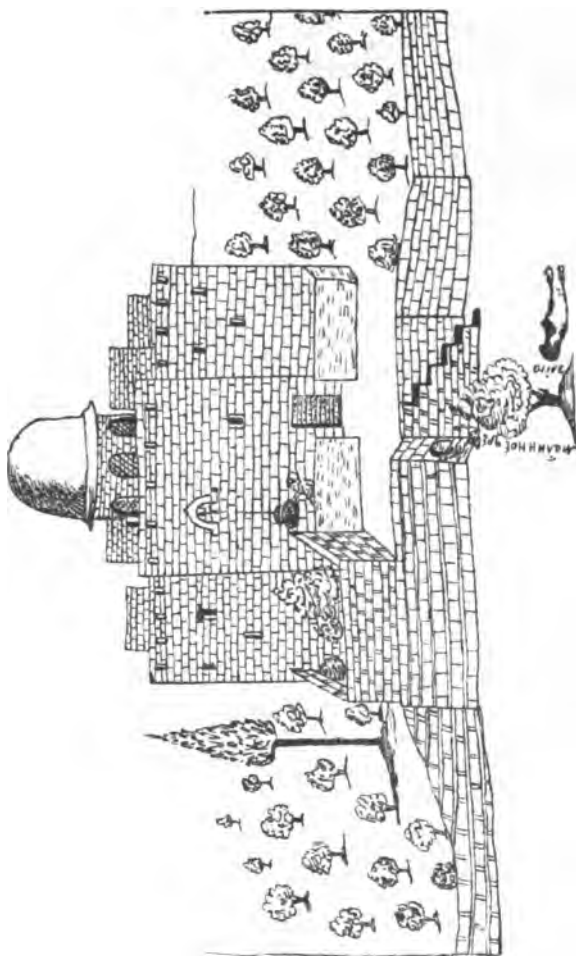

Фото-гипотр. Н. Ивдугаго, Караган. № 18.

Монастырь Св. пророка Ильи.

ловѣческимъ. Трапези зданіе мало есть и келій такожде мало суть, понеже церковь величествомъ своимъ наполни весь монастырь. Иноци малочисленни обитають, токмо елики довлѣють церковнаго ради пѣнія и нужднаго послушанія монастырскаго. Обитель она въ всемъ изрядна и къ тому же на веселомъ и високомъ мѣстѣ стояща, аще и не на високой горѣ, но на широкой, окрестъ себе много древа маслиннаго имать, и огражденна каменною стѣною. Внѣ монастыра, предъ врати, путь къ Виолеему, при пути же стоитъ древо маслинное и подъ нимъ мѣсто, идѣже спаше пророкъ Ілія, утружденъ сій отъ путешествія, егда возвращашеся отъ гори Хориви, о чемъ въ Библии чести лучше требѣ. Тамо піють воду дождевну; въ Іерусалимѣ бо нужно текущую въ земли воду обрѣсти, понеже мѣсто есть високо и ко копанію неудобно, каменя ради. Монастирь оній есть въ всемъ изряденъ и уединенъ и къ иноческому житію весма безмолвенъ, токмо отъ Араповъ имать нужду не малу, понеже по вся дни и нощи подавають имъ пищу оконцемъ малимъ, въ кошници низпускающе вонъ изъ монастыра. Тамо азъ пребихъ два дни, гостяще, третого же дне возвратихся въ Іерусалимъ. Приспѣ бо новое лѣто и изволися намѣстнику патріяршему въ великой церкви Воскресенія Господня парусію творити, си есть соборомъ, съ великимъ пѣніемъ и многимъ украшеніемъ церковнымъ и многочисленными священники, діакони же и свѣщеносци служити. Се же бысть отчасти на похвалу и болшую честь Божию, отчасти же на лучшее утвержденіе христіанскихъ и правовѣрныхъ поклонниковъ, понеже колики тамо суть секти вѣри христіанской: Греки, Римляне, Армени, Серіяне, Копти, сіи вси кійждо о себѣ лучше въ пѣніи и чтеніи церковномъ тшятся показатися.

*

Годъ 1727.

Новое лѣто, мѣсяць Януарій.

Приспѣвшу новому лѣту, изволи самъ намѣстникъ патріаршій съ многими священники въ великомъ и первоначалномъ храмѣ Воскресенія Христова служить, прійдоша бо тогда еще болше поклонниковъ послѣди насъ, и сего ради желяху видѣти вси соборное Іерусалимское служеніе. Тогда въ навечеріи въ субботу отверзоша Агаряне за мзду врата Святіе, и свійдохомъся вси поклонники и отъ Іерусалимлянъ, елико суть христіане, въ церковь. Прійде же и митрополитъ, держай престолъ патріаршій, съ всѣмъ клиромъ и бистъ вечерня съ чтеніемъ и пѣніемъ долгимъ и съ пѣвци доброгласно поющими; на входъ же и литію исхождаху священниковъ числомъ до тридесяти и діаконовъ пять; олтаръ же первоначалній, въ немъ же служажу, многими сребряними и хрусталними кандилами украшень баше. Тогда на вечерни и пяти хлѣбовъ благословеніе бистъ, кромѣ пшеници, вина и елея, таковое бо тамо обикновеніе, и раздобиша, и раздѣлиша народу. И ношевахомъ въ церкви, заключиша бо Турки врата даже до утра, и спяхомъ овѣи въ гостинницахъ, овѣи же въ углѣхъ церкви, понеже церковь есть зѣло велика, имать внутръ многая зданія, идѣже неисходно заключенны жителствуютъ, особно Греки, особно Римляне, Армени, Сербіане, Копти; имуть же гостинници, поварню и трапезу вси, гостей ради, особно мужемъ, а особно женамъ, къ упокоенію, кромѣ всякой нужди. Тогда воставше въ полунощи, пояхомъ утреню даже до утра, таже литургію божественную самъ намѣстникъ патріаршій со всѣми начальными протосингели, іеромонахи и презвитери служаше, таже процес-

сію творяше окрестъ Гроба Христова и великаго олтаря. Бистъ же тогда въ служеніи священниковъ болше тридцати, діаконовъ 5, а иподіаконовъ баше множество, отъ нихъ же овѣи крестъ архіерейскій и патерицу, иніе рипиди, прочіи свѣщи ношаху. Изнесоша же тогда рипидъ 7 среброкованнихъ, ими же покриваху приносяміе дари святіе и архіерея; намѣсникъ же патріаршій и вси архієпископи Іерусалимскіе литургисають безъ митри. Тогда, по оконченію пѣнія, изшедше изъ церкви, званны бяху вси поклонници на трапезу въ монастырь патріаршій и угощенни бяху довольно пищею и питіємъ; таже разійдошася по монастырехъ, понеже поклонници въ Іерусалимѣ, донелѣже совершать поклоненіе, въ монастырѣхъ пребивають. Се же того ради монастыри имуть зданія многа, а иноковъ мало.

Приспѣвшу празднику святаго Богоявленія или крещенія Господа нашего Іисуса Христа, бистъ паки парусія, подобная первой, въ великомъ храмѣ Воскресенія Господня, при пресвятомъ Его Гробѣ, идѣже баше толико зажденныхъ кандиловъ и облеченныхъ священниковъ же и діаконовъ и подіаконовъ, съ многими рипидами и свѣщами, якоже и первѣе. Такожде божественную литургію самъ намѣсникъ патріаршій съ соборомъ служаще и великое освященіе воды сотвори. Освящаху же воду во великихъ двохъ сосудахъ серебряныхъ, ихъже дарова императоръ Московскій Петръ Алексѣевичъ, и тогожде дне паки угощенни бяху вси поклонници Іерусалимскіе на трапезѣ въ монастырѣ патріаршемъ. Послѣди, Іануарія 27, по благословенію самаго епитропа, отъидохъ вторицею къ обители преподобнаго Савви Освященнаго. Тамо согласившися съ иними двѣма иноки, и наявше единого Еѣиопа, провожденія ради, отъидохомъ ношію къ Іордану на поклоне-

ніе, Януарія 29, въ недѣлю, въ вечеръ, противу праздника с. Тріехъ Святителей. Вѣстно же буди всякому, чтущу и слышашу, яко обичай есть всѣмъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ отходити на поклоненіе къ Іордану рѣцѣ, въ ней же Господъ нашъ Іисусъ Христосъ крестися отъ с. Предитечи Іоанна, въ великій понедѣльникъ, и всякъ платитъ Туркамъ по четири талари дани; иноки же, тако тамошніе, яко странніе, не обикоша ожидать онаго времени, но прежде, утаенно нощію, отъ обители святаго Савви ходять, и аще нѣкій случится поклонникъ убогій зѣло, не могій платити Турецкихъ даній, таковаго отай нощію вкупѣ съ иноки посылають. Таковое убо и о мнѣ благодѣяніе отъ епитропа сотворенно. Тогда убо ми (якоже прежде рѣхъ) собравшеся три и взявше съ собою едина Еѣиопа въ провожденіе, пойдомъ, положивше надежду на Господа. Одѣяхомъ же въ рубище толъ ветха, яко всякому гнушатися има, и идохомъ чрезъ всю нощъ, не предпочивающе нигдѣ же и утрудихомся сице, яко едва могохомъ влачити ноги наша, шествовахомъ бо пустимъ путемъ, преходяще гори и долини и претикающе ноги о каменѣ, ово бодяще о терніе, бѣ бо тогда нощъ несвѣтолунна; къ тому же находихомъ на многіе разбойники, въ нихъ же руцѣ, Богу насъ сохраняющу, едва не впадохомъ. Проходимъ нощи тоя великіе гори и вертепи, таже изйдомъ отъ между горъ на поле равное и пространное и зѣло благопріятное, идѣже баше Іерихонъ. Тамо земля мягка и блага, камене не имуща, и къ всѣванію сѣменъ и сажденію древесъ, обаче людіе не обитають, ниже весъ кая либо буди обрѣтается, но всюду пустыня; токмо пустинніе Еѣиопи разбойници днемъ проходятъ сѣмо и овамо, нощію же нѣсть никогоже. Идущи же онимъ полемъ, поминухомъ обитель преподобнаго авви Гера-

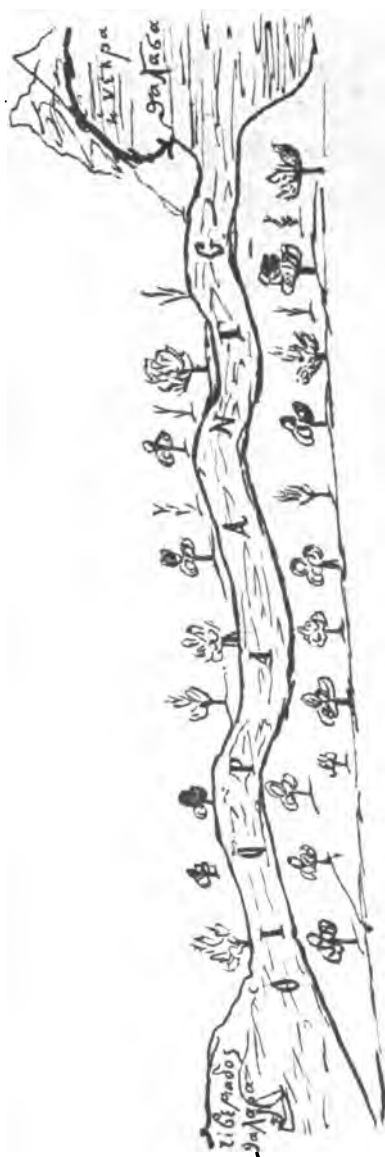

Фото-аэрогр. И. И. И., Карамая. № 16.

Иорданъ

сима; не хоташе бо насъ повести внутрь проводникъ, понеже вѣдѣше обычай разбойниковъ, яко множицею тамо собираются на ношеваніе, ибо обитель авви Герасима есть пуста и раззоренна, токмо останки основанія и стѣнъ даже доселѣ стоятъ, въ нихъже овогда отъ дожда, овогда же отъ слонца къ препочиванію сокриваются. Поминувши же монастырь авви Герасима, паки равнымъ полемъ идохомъ единъ часъ, таже dospѣхомъ къ преблагословенной рѣцѣ Іордану. Проліяся же тогда, Богу хотящу, дождь велій предъ восхожденіемъ денници и бистъ ліяйся даже до полудне, наполнишася же рубища наша воды, аки губа, и промерзохомъ хладомъ дозѣла, яко невѣдахомъ, что себѣ творити, токмо подъ вѣтвями деревесъ кріющеся сѣмо и овамо, притерпѣхомъ часъ онъ. Таже преставшу дождю, совлекохомъ рубища своя и омихомся въ Іорданѣ и урѣзахомъ себѣ жезли отъ древа, надъ рѣкою растущаго, благословенія ради, такожде и отъ воды взяхомъ въ сосуди.

Іорданъ рѣка, въ ней же Господъ нашъ Іисусъ Христосъ плотію отъ Іоанна Предтеча крестися, имать свое имя отъ двоихъ именъ сложенное: отъ Іоръ и Данъ, иже суть двѣ рѣцѣ, различнѣ текущіе, и впадаютъ въ Тивиріадское море; оттуду не исходятъ двѣ, но едина токмо рѣка, и того ради именуется Іорданъ, яко отъ Іори и Дана начало свое имать. Течетъ же Іорданъ зѣло бистрою струею, яко никогда же мнѣ не случися видѣти толъ скороточной рѣки, яко едва человекъ стояти въ ней до пояса погруженъ, съ нуждею можетъ погрузитися, не придерживайся древа и что либо буди не можетъ; нѣсть же много шерока, ни глубока; въ широту же имать, яко десять сажней, егда разліется въ зимѣ отъ дождевъ, въ глубину же яко сажень и полъ; а вода сице къ питію сладка и здрава, яко человекъ

насититися ея не можетъ. Повѣствуютъ же Іерусалимляне, яко посредѣ лѣта умалается, яко преходятъ людѣ ногами объ онъ полъ. Обоюду Іордана земля мокра, и зѣло много древесъ и трости раждаетъ. Древеса суть различна, ихъ же нѣсть въ странахъ нашихъ, не подобни бо суть нашимъ древесемъ, токмо едина верба подобится, на коемъ древѣ повѣствуютъ, яко Іуда повѣсився; тростіе же растеть въ висоту вящше чети-рехъ сажней, въ толстоту же, колико рукою чловѣкъ обяти можетъ. Іорданъ рѣка впадаетъ въ Мертвое море, си есть въ озеро Содома и Гоморра, и тамо кончается, понеже есть велико, и Богъ вѣсть, аще имать дно. Нѣ-ціи же глаголють, яко за Мертвимъ моремъ, въ пусти-ни, паки зѣ землѣ выходитъ и течеть далече. Обаче вѣ-роятнѣйше, яко отъ Содома далѣе не исходитъ, понеже и знаменіе зрится, гдѣ сладкая вода съ сланою сопро-тивляется. Разумно ти буди, благій читателю, яко ни Тивсріадское море, ни Мертвое не совокупляется съ мо-рями, иже всю землю окружають и кораблѣ по нихъ плавають, но особнѣ суть, аки озера. Тивиріадское убо море сладку воду имать и риби разніе внутрь, и есть благословенное отъ самаго Христа, Сина Божія, и отъ Святыхъ Апостолъ, имъ же Христосъ показася по вос-кресеніи ловящимъ риби. Сего ради двѣ оніе вишне-писанніе рѣци Іоръ и Данъ аще и впадаютъ въ море Тивиріадское, обаче не погибають, понеже сладкая вода, сладкой нѣсть противна, къ тому же и благословенна, и тако паки оттуду исходятъ, и бивають отъ двохъ малихъ рѣка болшая Іорданъ. Мертвое же море имать воду нечисту, густу, слану, смердящу, къ тому же есть мѣсто казни грѣшнихъ людій. Сего ради Іорданъ рѣка дождѣ токмо течеть, сквозѣ же его не проходитъ. До-ждѣ о Іорданѣ. Обычай же ходящимъ на Іорданъ ити

нощю, а день тамо сѣдѣти между деревеси и тростми, понеже днемъ ходять сѣмо и овамо Арапи, и того ради отнюдѣ невозможно шествовати: не яко убиваютъ, или обнажаютъ—никакоже, но уловивше, безчестнѣ приводятъ въ Іерусалимъ къ судіи и той налагаетъ (аще за Гречина) вину на монастырь патріаршіи таларей 50 за главу; аще ли же Арменинъ, аще Римлянинъ, или инъ нѣкто, туюжде платитъ вину. Ми же тогда, по изволенію провождающаго Арапа, не ожидахомъ даже до нощи, но егда по облацехъ и дождѣ возсія солнечній свѣтъ, уразумѣ, яко вси разбойници разбѣгошася по весехъ, требованія ради пищи, ми же, не у еще бывшу полудни, вооружившеся крестнимъ знаменіемъ и положивше надежду на невидимо насъ предъводящаго Бога, пойдомъ, и прешедшу яко часу единому, dospѣхомъ къ обители преподобнаго авви Герасима и ввійдохомъ внутръ, посѣщенія ради, но не видѣхомъ ничтоже цѣло, токмо останки монастыря и церкви, часть олтаря стоитъ списанна иконами Святыхъ, трапеза святая, на ней же совершашеся божественная литургія, обаленна лежитъ на земли, юже лобизахомъ съ поклоненіемъ, такожде и икони Святыхъ вселенскихъ церковныхъ учителей. Познаваетъ-же-ся, яко монастырь бѣше високою огражденъ стѣною и пирги на четири странни високи имѣяше; обаче отъ камене мягкаго, пѣсковатаго и некрѣпкаго созданъ бѣше, сего ради по многолѣтномъ запустѣніи обалися. Отстоитъ же отъ Іордана одинаго часа хожденіемъ. Тамо преподобный Герасимъ сотвори чудо оно, еже въ житіи его пишется: Егда по пустыни ходяше, преподобный узрѣ лва, имущаго въ нозѣ остъ терновень, его же иземши, обяза платомъ струпъ его, за что благодарствующи, левъ до смерти преподобному служаше, таже и самъ при гробѣ его издше. Есть же и другій

монастирь, еще болшій, на брезѣ Іордана стоящъ, въ имя святаго Крестителя Господня Іоанна созданъ, такожде раззоренъ и пустъ. Ініе же многи монастири бяху въ пустинехъ и горахъ, ово отъ преподобнаго Савви Освященнаго, ово же отъ иннихъ преподобнихъ созданіе, обаче нинѣ вси пусты и раззоренни суть, токмо основанія пребиваютъ, едина токмо неусипаемая обитель преподобнаго Савви, неусипними его къ Богу молитвами, даже доселѣ процвѣтаетъ. Оттуду поидохомъ спѣшно, и преклоняющуся слонцу на западъ, преидохомъ равное и внїидохомъ между великіе горы; внїидохомъ же въ единъ узкъ ровъ и, по совѣту провождающаго ны Арапа, сѣдѣхомъ даже зайде слонце, бояхомся бо шествовати днемъ, да не како нападѣмъ на нѣкихъ разбойниковъ и постраждемъ зло; вечеру же темну бившу поведе насъ инымъ далечайшимъ путемъ, но несумѣннымъ. Идохомъ же тогда зѣло спѣшно, ни гдѣже нимало не препочивающе, даже до полунощи, и утрудихомъся сиче, яко едва нуждею уже ноги наша влачахомъ. Таже dospѣхомъ, аки къ райскому пристанищу, къ монастиру преподобнаго Савви и толкнувше въ врата, возбудихомъ братію и игумена, и отверзше, прїяша ни внутрь съ любовію, и воскорѣ уготовше нѣчто варенное, укрѣпиша насъ снѣдію, и спяхомъ, аки полумертви, до утра и утро даже до полудне. Одушася же ноги наша и разболѣшася сиче, яко не могохомъ ходити, и препочивахомъ тамо четири дни, ничтоже работающе, таже возвратихомся паки въ Іерусалимъ и пребивахъ на мѣстѣ предреченномъ, въ монастирѣ святаго Архангела Михаила. Приспѣвшу великому посту, святія четиридесятници первой недели, по обычаю христіанскому, предъуготовившися, причащахся пречистихъ и животворящихъ Таинъ тѣла и крове Господа нашего

Іисуса Христа. Приспѣвшей же неделѣ Православной, паки давшѣ мзду Агарянамъ, правовѣрніи христіане отверзоша Святіе Врата началствующей церкви Воскресенія Господня, и бистъ парусія (си есть соборное служеніе) болшая, паче первыхъ и лѣпотнѣйшая, служажу бо въ то время божественную латургію и прочіи два архіепископи съ епитропомъ, си есть съ намѣстникомъ патріаршимъ, и освятиша единого отъ протосингеловъ въ архіепископа града, именуемаго Лиди, иже обрѣтается въ Палестинѣ, недалече отъ Іерусалима, и идѣже бистъ отчество святаго великомученика Георгія, якоже свѣдѣтелствуется отъ житія и страданія его. Тогда служажу архіереи 4, іереевъ же вѣщше 30, а на литіи, еже есть на процессіи, вѣщше 40, бѣше діаконъ 5, иподіаконовъ же зѣло много, отъ нихъ же овѣи свѣщи, овѣи крести и патерици архіерейскіи и прочая церковная украшенія ношаху; въ то время рипидъ среброкованнихъ бѣше 9, патериць архіерейскихъ 4 и крестъ. По изшествіи же изъ церкви, званни тогда бѣху вси поклонници въ монастырь патріаршій и угощенни трапезою честно. Минувшимъ же нѣколицемъ днемъ, Февруарія 23, паки ходихъ третицею къ обители святаго и преподобнаго Савви, послушанія ради монастырскаго, по прошенію игумена, понеже братій мало тамо обрѣтается, къ тому же немощни и стари, сего ради игумень нѣколико убогихъ поклонниковъ созва, помощи ради, идѣже и азъ бѣхъ, и пребивши тамо седмицу едину, паки возвратихъся въ Святій Градъ.

Наставшей же неделѣ крестопоклонной, паки отверзоша Святіе Врата церкви Воскресенія Господня, идѣже и Гробъ Христовъ обрѣтается, и бистъ соборное служеніе пресловутое и парусія избранная, еще болшая паче первыхъ, тогда бо бѣше вѣщше кандиловъ и лам-

падъ возженныхъ и всякой утвари церковной. 4 бо тогда вышенисанніе архієпископи служажу божественную литургію, а пятаго иннаго отъ протосингелъ освятиша архієпископомъ Газскимъ; самъ же епитропъ патріаршій крестъ святій отъ честнаго древа изнесе на блюдѣ среброкованномъ, позлащенномъ отъ божественнаго олтаря средѣ церкви, и поклоняхуся вси христіане, любяюще съ вѣрою, страхомъ и всякимъ благоговѣніемъ, и бяше въ то время рипидъ среброкованнихъ и позлащенныхъ 12 и патерицъ 5 и крестъ, иже носится предъ намѣсникомъ патріархи, діаконовъ бяше седмь, священниковъ же близъ 40, а на процесіи бяше пятьдесятъ. И угощенни бяху того дне трапезою вси ходѣе въ монастырѣ патріархіи. Послѣди, сѣдѣшу ми въ монастырѣ святаго Архангела съ прочіимъ множествомъ народа поклонниковъ, не можахъ потребъ моихъ молви ради творити, сего ради нужда ми бистъ нѣкако уединитися, и отъидохъ, по соизволенію честнаго игумена, въ монастырѣ Святаго Креста третицею, и сидящи тамо на уединеніи 14 днй совершихъ потребу мою, и возвратихся паки въ Святій Градъ, на мѣсто первое. Въ единъ же отъ днй, согласившися азъ съ сожителемъ своимъ, иже бяше отъ Сербіи, наяхомъ Агарянина, да поведетъ насъ во Горняя, поклоненія ради, понеже хадзѣе тамо на поклоненіе соборомъ не ходять, якоже на прочіе мѣста, но кто хоцетъ когда. Вина же сего двояка есть: 1) яко отчасти есть далече, тріехъ бо и четирехъ часъ хожденіемъ отстоятъ отъ Іерусалима; 2) яко Греки ничтоже тамо имуть, но вся въ рукахъ Римлянъ. Ми же отъ далечайшихъ странъ суще поклонници и болшее паче иннихъ желаніе къ посѣщенію имуще, согласихомся (якоже рѣхъ) и пойдохомъ пѣши, съ предъводящимъ насъ Агаряниномъ, и за два часа до-

Ὁ ἅγιος Ἰωάννης ἐστὶν ὁ ὄντων.

ФОТО-ЛИТОГр. Н. ИМАТНАГО, Каравак. № 16.

Пещера Св. Иоанна Предтечи близъ Горней.

спѣхомъ въ Горняя, идѣже бѣше иногда градъ, якоже свѣдѣтельствуеть божественное писаніе, нинѣ же мала весь обрѣтается и внутрь веси монастырь невеликъ, обаче зѣло лѣпотенъ, идѣже обитають Францѣпкане, Римскаго устава иноки. Созданъ же есть на мѣстѣ, идѣже честнѣй Пророкъ и Предитеча и Креститель Господень Іоанъ родися отъ неплодныхъ ложеснъ матернихъ и идѣже бѣше домъ Захаріинъ, и устрѣтесе Преподобнословенная Дѣва Богородица съ Елисаветою и цѣлоуастѣся обѣ. Тамо ми не входяше внутрь, отъидохомъ первѣе къ скиту святаго Предитечи, идѣже отъ пеленъ матернихъ изшедше, пустынное и безмолвное препровождаше житіе, еже мѣсто отстоять отъ Горнихъ единымъ часомъ пѣшехожденія. Тамо пришедше къ единой горѣ великой, стоящей надъ ровомъ глубокимъ, обрѣтохомъ въ камени изсѣченну малу пещеру, идѣже постническую и ангелску святѣй Предитеча провождаше жизнь, одесную же пещери течеть прекраснѣй живія воды источникъ, иже молитвою Святаго къ препитанію отъ Бога даровася. Прежде бо даже не обитати тамо святому Іоанну, ниже вода бѣше, ниже бо удобно мѣсто бити водѣ, понеже високо стоитъ въ конецъ гори, обаче благодатію Божіею угоднику его даровася, яже и доселѣ течеть непрестанно и неоскудно. Верху же пещери стоитъ церковь, послѣди отъ человекъ въ память Святаго созданна, нинѣ же опустѣла и разоренна есть, и древа, именуеміе акриди (еже есть рожки Турецкіе) при пещерѣ растутъ, отъ его же вершія ядыше святѣй Предитеча. Тамо ми поклоншеся мѣсту святому въ церквѣ и пещерѣ, и пивше отъ источника Предитечева благословенна, возвратихомся воскорѣ въ Горняя и идохомъ въ предѣреченнѣй монастырь къ инокомъ Римскимъ, и отверстѣй сущей церкви, идохомъ внутрь и

поклонихомся съ вѣрою и говѣніемъ мѣсту оному, идѣже родися с. Предитеча. Мѣсто же оное сице прекрасно мраморомъ бѣлимъ и чернимъ съ искуснимъ сѣченіемъ и премудрымъ майстерствомъ осажденно, яко всякому дивитися дозѣла. Послѣди же званни бѣхомъ, по повеленію началствующаго, иже именуется гвардіанъ, и угостиша насъ, яко странныхъ, хлѣбомъ и виномъ, и возблагодаривше Богу и страннолюбцемъ и возвратихомся въ Іерусалимъ. Егда же наста день недели цвѣтной, бистъ парусіа краснѣйша и болшая паче всѣхъ первыхъ, о нихъ же прежде писахъ. Тогда бо бистъ кандиловъ елейныхъ возженныхъ безчисленное множество, серебряныхъ же, хрусталныхъ и всяко различныхъ, не токмо бо Греки, но и Римляне, и Армени, и Копти, и Сиріани, словомъ рещи, всѣ еретиковъ секти, внутрь великой Воскресенія Господня церкви обрѣтающіися, на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ вжегоша кандила и лампы и покрывами драгими. И красяшеся тогда церковь огненнымъ свѣтомъ, аки небо звѣздами, серебромъ же и златомъ и инними утварми церковными, аки молніями, и тогда воистинну въ церкви стояще, на небеси стояти мнѣхомся. Бистъ же вечерное и утреннее пѣніе лѣпое и неспѣшное и пѣвцевъ множество, и бистъ сладкое бденіе и недремливое стояніе тогда, наипаче же, егда начаша раздавати ваія, раздаваху бо сами архіереи отъ рукъ своихъ людемъ. Даяху же всякой душѣ ваію едину финикову и вѣтву маслину и крестъ, отъ листвія финикова съплетенній. И служаше тогда самъ епитропъ патріаршій и съ нимъ два архіепископи, священниковъ же еще болше, нежели прежде бистъ. Егда же, по оконченіи божественной литургіи, изійдоша на литію архіерей съ іеромонахи, іереи, діакони же, иподдіакони и съ всѣмъ народомъ христіанскимъ, тогда обхождаху ве-

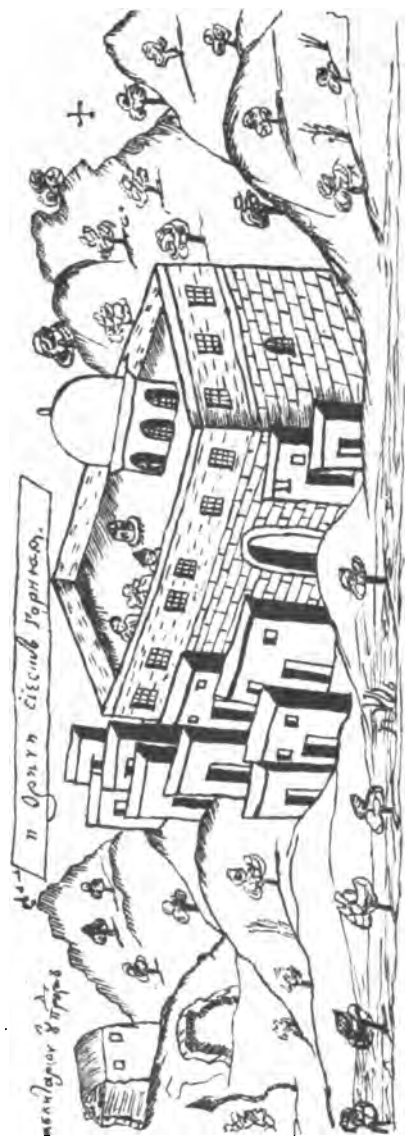

Фото-актор. Н. Ивугаго, Каран. № 16.

Горня

ликій олтаръ церкви и гробъ Господень. Тогда явился много отъ сокровища церковнаго и предношаху хоругвь иконописанныхъ 10, лампадъ же великихъ, аки дреколіе, отъ чиста и бѣла свѣговидна воска сотворенныхъ, многое множество, рипидъ серебряныхъ и позлащенныхъ 15, іереевъ яко пятьдесятъ и вѣще, діаконовъ бѣше близъ десяти, еще же ношаху на серебряныхъ блюдѣхъ три митри патріаршіе, среброкованніе и позлащенніе, и различными драгоцѣнными каменми насажденіе, и бѣсть празденство праздникомъ и торжество торжествомъ, шумъ же и вопль отъ пѣнія неизмѣримый, даже до небесъ досягающій. Греки бо въ великомъ соборномъ олтарѣ и окрестъ, Римляне же одесную церкве и Армени ошуюю, Копти же и Сиріяни создади, всѣ елико могутъ поють по преданію своему, наипаче же Римляне бездушнымъ своимъ органомъ всѣхъ гласи покриваютъ и заглушаютъ; Арапи же вѣри Греческой всегда на пренесеніи даровъ и на литіи частѣ повторяюще отъ всея крѣпости въпреки Римлянѣмъ вопіють: едина вѣра православныхъ христіанъ. Сіце же по вся годи творять, отъ ветхихъ временъ обикше. Тогда, по изшествіи изъ церкви, званни бяху вси поклонници въ монастырь патріаршій и угощенни трапезою честно, якоже и прежде. Утру же бывшу, въ великій понедѣльникъ, отъидоша вси поклонници къ преблагословенной рѣцѣ Іордану, овѣи на конехъ, инѣи же на верблюдахъ, прочіи же на мескахъ и ослахъ и всяко, якоже кто изволи. Отъидоша же съ многими вооруженными, съ копіями и хоругвами безчисленными. Се же того ради, да отъ пустынныхъ разбойниковъ безъ пакости сохраненни будутъ, иже окрестъ Іордана скитаются. Не токмо же Греки сами отъидоша, но и Римляне и Армене, и всякой вѣри люде, кромѣ Жидовъ, и бѣсть

тогда народа до тріехъ тысячъ и вѣще собраннаго. Таже третіяго дне возвратишася въ Іерусалимъ, си есть въ среду. Заутра же въ великій четвертокъ, единъ отъ архіереевъ съ іеромонахи сотвори елеосвященіе ¹ въ патріярхіи и помазаху всѣхъ пѣтниковъ и проче разрѣшительну молитву. Таже единъ отъ архіереевъ имѣаше служеніе соборное въ храмъ святаго Апостола Іакова, Брата Господня, иже стоитъ внѣ великія церкви; по литургіи же божественной изійде архіерей съ двѣмнадесѣте священники предъ Святіе Врата Великія Церкви, на предъуготованное мѣсто, и по свѣдѣтельству Евангелія, въ память Христову, якоже на Тайной Вечери ученикомъ своимъ сотвори, съвлекъ ризи своя и препоясався и уми всѣмъ двѣмнадесѣтемъ священникомъ нозѣ. Многому множеству народа предстоящу и смотрящу таковое архіерея благое дѣло. Заутра же, въ великій пятокъ, отверзоша Святіе Врата Агаряне, по мздѣ, и оставиша внѣйти внутрь всѣхъ страннихъ же и своихъ, Грековъ же, Римляновъ, Арменовъ, Сиріановъ, Коптовъ и Еѣіоповъ, многое множество народа отъ окрестнихъ странъ сошедшихся, и заключиша врата и не отверзоша даже до времени, въ онъ же является огнь отъ Гроба Господня въ великую субботу, и пояху вси на опредѣленномъ своемъ мѣстѣ правило, по обычаю своему и языку. Греки убо по преданію Святихъ Отецъ ношаху плащеницу и надъгробное Христу пояху пѣніе, тогда же единъ отъ учителей малое поученіе къ народу повѣствоваше; Римляне же и Армени и прочіи по своему творяху обикновенію. Римляне убо въ великій пятокъ въ полунощи, воставше отъ мѣста своего и облекшеся въ одежды своя священническія и клирическія, идоша первѣе

¹ Отъ слова „елеосвященіе“ до „единъ отъ архіереевъ“ въ подлинной рукописи утратилось.

на гору Голгоѳу, съ многими лампадами вожженными и псалмопѣніемъ, носяще крестъ съ распятимъ Христомъ, отъ древа срѣзаннымъ, и вознесе на Голгоѳу поставиша, поюще свое правило яко часъ единъ. Таже единъ отъ иноковъ ихъ Францѣшкановъ, учитель сій, изійде на среду и повѣствовалаше поученіе къ народу Италіанскимъ языкомъ, си есть Римскимъ общенароднымъ. По окончаніи же сняша съ креста икону Христову древяну и положивше на плащеници, несоша съ Галгоѳи низу и положиша на мѣстѣ ономъ, идѣже Іосифъ съ Никодимомъ, снемши тѣло Христово съ креста, обви плащеницею, и тамо такоже подобнѣ пѣніе сотворише, повѣсткова инъ учитель великое поученіе къ народу языкомъ Арапскимъ, на ползу Арапомъ, отъ нихъ же многихъ превратиша къ своей церкви. Послѣди же несоша икону Христову съ плащеницею и положиша ю верху Гроба Христова, и тамо третій учитель Гишпанскимъ нарѣчіемъ поученіе сотвори. Окончившимъ же всѣмъ ночное правило, угасиша вси кандила, яко ни единому нигдѣ же остатися. Обычай бо тамо есть отъ ветхихъ временъ сиче творити, понеже вси Христіане ожидаютъ новаго огня, иже является отъ Гроба Христова въ великую субботу о девятомъ часѣ дне по вся годи, егоже исповѣдуютъ и вѣруютъ Греки, Армени, Копти и Сиріане, и Еѳіопи вѣри Греческой, едини токмо Римляне не вѣруютъ и глаголютъ, яко хитростію никако Греки творятъ, сего ради отчасти, неимуще откуда огня взяти, отчасти же въпреки Грекомъ творяще. Заутра въ великую субботу рано, прежде даже не возійти слонцу, предъ Гробомъ Христовимъ ставятъ трапезу, украшенну сребромъ и золотомъ и свѣщами многими въ служеніе божественной литургіи. Творятъ огнь новій сичевимъ образомъ: возьметъ одинъ отъ Римлянъ инокъ

камень и желѣзо и губу, или простѣ рекше, кресиво, и ударяетъ дважды или трижды и не могуци зажегти, отдаетъ Турчину и той зажигаетъ и биваетъ огонь, и зажигаютъ тогда свѣщи и литургисаютъ предъ Гробомъ Христовимъ, еже многообразнии народи видяще, посмѣваютъ. Особнѣ же азъ, хотяши увѣдати тайну, единаго отъ законникъ ихъ вопрошахъ, почто сие творять? Отвѣствова ми, яко умершу Христу плотію, вся совершися и ветхая мимоидоша, во воскресеніе же вся премѣнишася и нова биша, сего ради и ми новій (рече) огонь, нѣ сущу ветху, содѣловаемъ. Обаче паки приступаю къ повѣсти, яко по оконченіи оной литургіи абіе собираютъ вся и входятъ вси Римляне вѣнутрь обители своя и заключаются и неисходно пребываютъ даже до явленія огня отъ Гроба Господня, отъ него же запалютъ свѣщи вси Христіане и Армене и прочіе секти, обрѣтающіися въ великой церкви Воскресенія Господня.

О чудотворномъ сгнѣ, являемомъ на Гробѣ Христовомъ и о еже како его воспріймуютъ христіане и въ кое время.

О огонь Іерусалискомъ многіи многая и различная глаголютъ словеса, нѣкая же и противная Богу. Нѣціи убо глаголютъ, яко огонь оній съ небесе съходитъ, иніи же отъ великаго усердія и неразсужденія рекутъ, яко нѣстъ онъ огонь, но Духъ Святій, другіи же глаголютъ, яко не палитъ, прочіи же глаголютъ, яко палитъ, нѣціи же баснословятъ, яко до тріехъ лицъ, си естъ, егда первый возжетъ отъ Гроба, другій же отъ перваго и третій отъ втораго, тріехъ человѣкъ не опаляетъ, аще и браду нанъ возложиши; четвертій же, егда возжетъ, опаляетъ его. Паки иніи повѣствуютъ, яко огонь оній, аки

живое серебро, на части маліе, кругліе, раздѣльшеся, вер-ху мрамора гробнаго движется, и нѣсть червленъ, но токмо синій, аки отъ сѣри возженій. Нѣцїи же глаго-лютъ, яко пламень великъ есть, яко всей каплици Гроба Христова наполняться. Обаче Богъ вѣсть, кому вѣру-яти требѣ, никто бо можетъ вѣдати совершенно о томъ, кромѣ того, иже входитъ внутрь первій и воз-жегши износитъ, ниже бо не можетъ внутрь Гроба внѣйти въ часть той, подъ великою и крѣпкою стражею, кромѣ патріярхи, или безъ битія патріярхи, иннаго архіерея, на мѣстѣ его служащаго. Обаче азъ, подъ со-вѣстію моею, тщательнѣй читателю, истинно ти вся и не-отмѣнно, якоже биваетъ тамо исповѣмъ и якоже азъ своимъ очима видѣхъ и увѣдахъ, никто же бо (мню) не имѣяше таковаго тщанія и испытанія отъ между толь-тисязнаго народа путниковъ, якоже азъ.

О церемонїи огня Іерусалимскаго.

Заутра убо въ великую субботу, вси лампы и свѣщи, елико могутъ обрѣстися въ церкви, сами Турки съ иноки Греческими и Арменскими вся престолы и углы цер-ковніе горѣ и низу обходятъ и созирають, аще могутъ гдѣ каково либо буди обрѣсти свѣтило, и всюду угаша-ють; такоже и вси христїане, найпаче же Арапи, блю-дуть, да не како останеть гдѣ нѣкое кандило горящее. Таже обшедше вся, нѣцѣи отъ началнѣйшихъ иноковъ Греческихъ и Арменскихъ и погасиша вси кандила, обрѣтающіися внутрь Гроба, понеже Гробъ Христовъ есть внутрь зданія, двое вратъ имущаго, внѣшніе и вну-трѣнніе, еже аки церковь мала стоитъ, съ главою (якоже предъ писахъ). Тогда народъ безчисленъ, отъ поклон-никовъ и Іерусалимлянъ, готовящеся съ великимъ говѣ-

*

ніемъ и усердіемъ, възлѣзающе на зданія и столпи церковніе и прицѣпляющесе другъ другу, едва на главу не възлѣзаше, и подавляхуса утѣсняющесе, всякъ хотя первій бити и первѣе отъ рукъ архіерейскихъ возжегти свѣщи. И азъ бо хотѣхъ потщитися и бити первѣйшимъ паче всѣхъ, но егда пріспѣ время, едва не послѣднѣйшемъ быхъ. И весь народъ, руки подносяще, вопіяху: „Кирие елейсонъ“. Приближающему же осмому часу дня, уготова новій кандиль начальникъ великія церкви, наполненъ елеемъ, и понесе внутрь Гроба Христова не возженъ и постави его верху камене гробнаго, на зажженіе новаго онаго Святаго огня, егоже Греческимъ нарѣчіемъ именуютъ *Αγιον φος*, си есть Святый Свѣтъ. Бившу же яко полчасу осмому, прійде нѣкій отъ знаменитихъ Турчиновъ и вшедши внутрь Гроба Христова, созираше, да не како кто утаится и сокріется тамо и да не останеть нѣкое кандило непогашенно, таже изшедши, заключи врата и печатію утверди, и окрестъ вратъ пристави стражъ крѣпку, и не вхождаше къ тому никтоже.

О исхожденіи огня.

Абѣ же намѣсникъ патріаршій, не сущу тогда въ Іерусалимѣ самому патріарсѣ, съ священники же и діакони и съ всѣмъ причтомъ церковнымъ, облекошася въ одежды священническія и егда огласи осмь часовъ, тогда весь освященній соборъ стояше внутрь великаго олтаря и ожидаше знаменія. Знаменіе же сичево есть: егда узритъ весь народъ нѣкое кандило, внѣ гроба въ церкви запаляемое, и самъ узритъ патріархъ или намѣсникъ его, тогда разумѣютъ, яко и внутрь Гроба Господня огонь есть несумѣнно; всегда бо, на всякъ годъ или пять,

или четири, или два, или поне единого запалѣются, обаче не горѣть, токмо просвѣщаются, аки пламенемъ огненнымъ, отъ нихъ же и азъ три кандила видѣти сподобихъся, два убо бяху мало блещашеся и по малѣ погасоша, третіе же, егда запалися изначала, пламенемъ веліимъ горяше зѣло прекрасно дотолѣ, донелѣже не погаси панамарь. Узрѣвши убо намѣсникъ патріаршій просвѣщаемія кандила святимъ онимъ свѣтомъ не рукокосятъ, такоже и вси людіе, абіе изійде съ всѣмъ священнымъ соборомъ и творяху обхожденіе окрестъ каплицы Гроба Христова, поюще: „Воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангелы поють на небесехъ“. Обшество же трижды священники вси возвратишася въ великій олтарь, митрополить же, намѣсникъ патріаршего престола, Турчину отрѣшившу печать и отверзшу двери внутрь Гроба, съ свѣщами невозженными ввійде. Стояху же нѣколько иноковъ, младихъ и силнихъ крѣпостію, уготовльшеся взяти архіерея Господня съ святимъ свѣтомъ и принести къ олтару, понеже аще не би било сице на всяко лѣто, народъ удавили биша архіерея единого. Вкупѣ же съ архіереємъ Греческимъ и архіепископъ Арменскій ввійде внутрь, обаче ничтоже не дѣйствуетъ, токмо зрить чудотворимое и стоятъ за первими врати внѣшними, при камени, иже отваленъ есть отъ гроба, архіерей же Греческій въ внутрнѣйшіе входитъ врата, идѣже есть Гробъ Христовъ мраморенъ, и тамо, не вѣмъ како и каковымъ образомъ, запалѣетъ свѣщи многи и даетъ единъ связанъ свѣщъ отъ руку своею Арменскому архіепископу, таже износитъ вонъ къ народу. Сиде о сокроуенныхъ слышимъ. Обаче да приступлю къ повѣсти начатой. Тогда митрополить Греческій, вшедши внутрь Гроба, замедлѣ яко чрезъ двое „Помилуй мя Боже“, таже изійде ко народу, въ десници и въ шуйцѣ многіе

запаленіе свѣщи носяще, и абіе похитивши иноки архіерея своего, несяху предъ великій олтарь, Армене же, похитивши своего, несяху къ своей церкви, и абіе всею силою возринуся народъ на архіерея Греческаго, наипаче же отъ страннихъ и далекихъ пришелцовъ, и сотворися мятежъ и вопль великъ, всякъ бо простираше рудѣ къ архіерею и угнѣташе другъ друга, и отрѣваше, и скакаху на плещи единъ другому, и всякъ хотяше отъ самага архіерея засвѣтити своя свѣщи; и тогда, хто силнѣйшій, той и первій баше, ктоже немошнѣйшій, той послѣдній бистъ. Запали весь народъ своя свѣщи, нѣщии отъ самага архіерея, ивннии же другъ отъ друга, обаче едина сила и благословеніе отъ всѣхъ воспріймуется. Архіерея же внесоша внутрь олтаря ели жива отъ угнѣщенія всенароднаго, и тамо препочивши, мало укрѣпися. Бистъ тогда церковь вся полна пламене огненнаго и зряшеса, яко рѣка огненная текущая, или аки пламенноноснии херувимъ, лѣтающіи во храмѣ Господнемъ, отъ него же страхъ и радость неизглаголанная пронзаше утробу человѣческую, и бистъ торжествованіе въ народѣ и удивленіе многое. Мало же подержавши свѣщи, погасиша, понеже всякъ путникъ оніе свѣщи въ свою странну несеть на благословеніе. И возжегше кандила серебряная отъ огня онаго въ великомъ олтарѣ и на Голгоѣѣ, начатъ епитропъ, съ всѣмъ освященнымъ соборомъ, пѣти божественную литургію, и тогда еще нѣкая кандила невозженная просвѣщашуся свѣтомъ, аки горѣти мняхуся, едино же зажжеша пламенемъ совершеннымъ и горяше чрезъ всю божественную литургію, послѣди же изшедъ понамаръ погашати кандила, тогда и тое погаси, невидѣвшу мнѣ; а еже яко не вжегомо бѣ, но само сожжеша, сіе азъ своимъ видѣхъ очима и тогда утвердихъ маловѣріе мое, ибо аще отъ-

ниѣ въ время то сиче нерукокоснѣ чудотворится, то колми паче внутрѣ Гроба (аще и никто же видитъ, кромѣ архіерея), требѣ всякому вѣровати, идѣже пречистое и пресвятое Тѣло Господа нашего Іисуса Христа положенно бистъ, и благодатъ Божая присно пребиваетъ. Аще бо Богъ, иже Израилтяномъ во пустыни отъ камене воду источи, и весъ свѣтъ и яже въ немъ отъ ничесого же сотвори, то не можетъ ли Тойже въ животворящемъ Своемъ Гробѣ (въ немъ же, яко человекъ, плотію усну и яко Богъ воскрес) показовати и являти чудотворнѣй огнѣ, на славу и похвалу правовѣрному христіанскому роду? И аще рекутъ противніи, яко прежде являшеся, нинѣ же, грѣховъ ради людскихъ, преста, на то да отвѣтствуимъ, яко аще и грѣси людстїи умножишася, обаче благодатъ и сила божественная, присутствующая въ Христовомъ Гробѣ, не умалися, но единаче, якоже и сперва, и нинѣ пребиваетъ и до скончанїя вѣка пребудетъ; а еже глаголють паки, яко архіепископъ Греческїй нѣкако притворнѣ и хитростнѣ обрѣтаетъ огнѣ, на сіе отвѣтствую азъ, яко аще би и сиче било (еже да не оставитъ Всемогушїй Богъ сичевому злотворенїю обрѣстися въ вѣрѣ нашей), унше есть вѣровати, нежели не вѣровати, вѣруяй бо лгушему на похвалу Божїю, грѣха не имать ни мало, лжай же, аще и на похвалу Божїю, грѣхъ тяжестенъ имать. Тѣмъ же болѣзнѣ невѣрія и лжи врага нашего да обрѣтается на главѣ его, и на верхѣ его неправда его да снїдетъ, ми же благодаримъ дивно во Троицу прославляемаго Единаго Всемогушаго Бога, сподобившаго насъ слышати и видѣти таковое чудо. А еже глаголютъ многїи отъ Грековъ, яко не опаляетъ человека и нѣстъ, якоже естественнѣ огнѣ, но свѣтъ, аще убо билъ би токмо свѣтъ, а не совершеннѣй огнѣ, убо просвѣщаль би точїю, а не

жегль; азъ же видѣхъ и искусихъ, яко нетокмо мене грѣшнаго, но и иннихъ многихъ добродѣтельныхъ мужей опаляетъ, аще кто прикасается ему тѣломъ своимъ; аще же би кто таковій обрѣстися возмогъ, его же би не жегль оній огнь, оттуду не можемъ глаголати, яко огнь неопалый и преестественъ есть, понеже не отъ сили огня чудодѣйствуется, но отъ Бога, добрыхъ ради дѣлъ и вѣри мужа онаго. Сиче убо и дѣтемъ Еврейскимъ въ Вавилонѣ иногда пламеньъ пещній естественній преестественнѣ сила божественная на хладъ преложи и тріехъ отрокъ не опали. Паки, аще би не жегль оній огнь, то билъ нѣкій свишше божественъ, въ немъ же иногда Боговидецъ Моисей въ горѣ Синайстей видѣ купину горящую и несогаряемую, и кто убо би смѣлъ, (рци ми), не глаголю прикоснуться, но возрѣти нанъ отъ насъ грѣшнихъ, въ смердящомъ семъ тѣлеси окаянная провождающихъ житіе? Аще убо праведній Моисей, божественій и преестественній оній огнь тѣлеснима и естественнима видѣти сподобивіися очима, гласъ страшенъ отъ Бога слышавъ сиче: „иззуй ремень сапогу твоею, мѣсто бо, на немъ же стоиши, свято есть“, то како би ми грѣшніи могли прикасатися ему, съ таковымъ безъстрашіемъ и безчینیемъ тиснущеся, яко едва архіерея Божія не угнѣщаемъ? Паки, аще би билъ огнь неопалній, то како свѣщи отъ него зажигаемъ и воскъ растопнѣваетъ, фитили же горяще очернѣвають и въ пепель обращаются. и кандила въ церкви отъ тогожде огня зажигаютъ, отъ нихъ нѣкая неусипно чрезъ весь годъ горять, якоже надъ гробомъ Христовимъ и на Голгофѣ. Паки, аще би билъ не якоже естественній огнь, то едва би въ тысящнихъ народѣхъ единъ удостоился видѣти или коснуться его, въ церквѣ же Іерусалимстей единъ другому подаваетъ и другъ отъ друга засвѣщаетъ свѣщи, и елико

добродѣтеленъ, толико и грѣшенъ и грѣшнѣйшій прикасается и равно участникомъ биваетъ; не токмо же правовѣрніи христіане, но и Армени, и Копти, и Сиріане равно и одиначе воспріймуютъ и вси вжигаютъ свѣщи отъ огня онаго. А еже вѣщи неразсудніи глаголютъ, яко сходитъ съ небесе, ни се есть истинна, аще убо нисходилъ би съ небесе, убо билъ би небесній, преестественній, неопалній, но якоже не едино отъ сихъ не имать въ себѣ, довлѣтъ убо всякому вѣровати, аще и естественъ есть, обаче безъ прикосновенія руки челоуѣческой верху Гроба Христова на мраморѣ является, и прежде даже ему не явится, кандила церковная вѣ Гроба всѣмъ видящимъ иная мнятся, яко свѣтитися, иная же запаляются и погасають, иная же зажегшися, елико елея въ кандилѣ довлѣтъ, горять. Довлѣтъ убо намъ нинѣшнихъ вѣковъ таковое чудо, и ниже сего достойни есми видѣти. Но приступѣмъ къ повѣсти. По оконченіи убо божественной литургіи, христіане зѣло радовавшися, благодаряще Бога, яко получиша желаемое, понеже поклонники не иной ради вини даже до Воскресенія Господня медлятъ въ Іерусалимѣ, токмо чудотворнаго ради онаго и освящающаго пламене, иже отъ мрамора гробна въ великую субботу, въ девятій часъ дне, является. Пребиша же вси поклонники неисходно въ церкви даже до дне Воскресенія Господня, стояще на всенощномъ бденіи и утро на божественной литургіи. Служаше же самъ намѣсникъ патріаршій съ всѣмъ освященнымъ соборомъ лѣпо, якоже и прежде. По окончаніи же службы Божой, въ свѣтлій день Воскресенія Господня, изійде весь народъ вонъ и заключиша Агаряне врата святая двѣма ключама и печатію, якоже и прежде. Званни же абіе бяху отъ иноковъ, повелѣніемъ епитропа, вси поклонники въ монастырь патріархію и учрежденни биша.

послѣднею обаче изобилною и мирскою трапезою, заклаша бо ихъ ради 40 овецъ, кромѣ иннихъ вареній и сотвориша пированіе со тимпани и труби и съ многими честными поздравленіи и привѣтствіи, благодарствоваше самъ намѣсникъ патріаршій за трудолюбіе и милостиню, юже сотвориша мѣстомъ святымъ. Бяше же душъ ядущихъ яко 400 и вѣще, и ядоша вси и наситишася до изобилія и яко избыткомъ остатися многимъ, на няже нападше Арапи христіане, вся та расхитиша въ мгновеніи ока. Пребиша же въ Іерусалимѣ поклонници даже до Ѳоминой неделѣ, предъуготовляющесе на путь и отслаша Свѣтлой седмици вси свои вещи въ Іопію, сами же обходяху и посѣщаху нѣкіе мѣста святіе, ихъ же не посѣтиша прежде, иніи недуга ради, инніи же вѣкаковаго дѣля препятія. Тогда убо и азъ посѣцахъ домъ Давидовъ и Горняя. Домъ Давидовъ стоитъ близъ первоначальныхъ вратъ града, путь имущихъ къ Хеврону, ихъ же иніи именуютъ врата Давидови того ради, яко близъ дому Давидова стоятъ, Арави же именуютъ врата Хевронскіе. Полати Давидови сущъ на столпѣ толстомъ и високомъ, отъ каменей великихъ зданномъ. Сущъ же и инніе подобніе ему два столпа, стоящіе едынъ одесную и единъ ошуюю; стоятъ же въ стѣнѣ градстей и окрестъ ихъ ровъ глибокъ содѣланъ, отъвнѣ и внутръ града чрезъ ровъ же къ полатамъ мостъ утверждень къ переходенію, идѣже нинѣ Турки крѣпость и защищеніе граду содѣлаша и наполниша арматами и иными орудіями бранними. О Горнихъ же прежде писахъ. Приспѣвшей убо Ѳоминой неделѣ, отверзоста Агаряне по мздѣ Святія великія церкви Воскресенія Господня врата еще съ вечера. и пребиша тамо на пощномъ пѣніи и утро на божественней литургіи и воздавши послѣднее поклоненіе и пѣлованіе Пречистому и Животворящему

Гробу Христову и прочіимъ святымъ мѣстомъ, обрѣтающимся внутрь храма; изшедше же изъ церкви, уготовашася на путь и всякъ себѣ нанять скота. Заутра же, въ понедѣльникъ по Ѳоминѣй неделѣ, рано, всѣдше на кони, мески, верблюди же и осли и всяко, якоже кто можаше, убогіи же пѣше ходяще, отъидоша вси отъ различныхъ вѣръ поклонники отъ святаго града Іерусалима въ Іопію къ пристанищу морскому, идѣже доспѣша третіяго дне. Бистъ же тогда всего народа отъ Грековъ, Римлянъ, Арменъ, Коптовъ же и Сиріановъ яко три тысячи и вѣцше, и помощію Божіею благополучнѣ прейдохомъ, кромѣ всякой пакости, а не якоже прежде, понеже бистъ съ нами знаменитій паша, съ множествомъ воевъ провождаѣй насъ, сего ради ничтоже пустинніе Еѳіопи не смѣяху путникомъ пакости творити, токмо подобнѣ, якоже и прежде, въ Рамѣ и въ Іопіи данъ вспадоша. До здѣ о посѣщеніи святаго града Іерусалима. Славлю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онимъ, яже въчеловѣчившися Самъ своимъ Пречистимъ Тѣломъ и Пресвятымъ Духомъ освяти. Еще же молю, да сподобитъ и прочіихъ правовѣрныхъ христіанъ, отъ всего сердца желающихъ дойти и поклонитися тамо, еже всесилною Его помощію буди, буди. Аминь.

Пребившимъ убо намъ въ Іопіи нѣсколько днѣй и сущимъ на пристанищи кораблемъ многимъ Французскимъ, въ различніе странни пловущимъ, тогда всякъ отъ поклонниковъ въ свое отчество отплы: инніе въ Константинъ градъ, иніе въ Солунъ, прочіи въ Кипръ островъ, нѣціи же въ Египеть, друзіи же въ Анатолію, и всяко, идѣже кто требоваше, седмици оной разлучишася. Азъ же еще прежде имій желаніе и попеченіе отъйти, по-

клоненія ради, въ гору Синайскую, и обрѣтъ корабль, плывущъ къ единому граду знамениту, именуемому Дамята, отстоящему близъ Египта, на пристанищи морскомъ, всѣдохъ въ онъ съ прочіими, Априля 17, минувшей седмици по изшествіи изъ Іерусалима. Наченшу же кораблю шествовати, единаго дне пловохомъ вѣтромъ помощнимъ, втораго же дне явился вѣтръ противенъ и уже приближающимся къ пристанищу Дамяти, несяше корабль воспятъ. Нехотящимъ же возвращатися, пловохомъ сопротивляющесе сѣмо и овамо шесть дній. Видящи же начальникъ корабля, яко вѣтръ день и ношъ единъ пребываетъ, къ тому же оскудѣ нѣкимъ пища, такожде и вода возсмердѣся, сего ради, по совѣту его и всѣхъ, пустихомся въ островъ Кипрскій, купленія ради хлѣба и почерпленія воды, понеже тамо вѣтръ гоняше. Пловохомъ же еще четири дня и едва нужно достигохомъ пристанища Кипрскаго. Богъ же вѣсть, каковую нужду претерпѣхомъ, піючи смердящую, еще и тую не довольно, но отъ своей воды начальникъ корабля подаваше всякому малою мѣрою, юже не токмо пити, но принести къ устамъ или къ носу нужда бистъ. Таже Апрѣля 26 приспѣхомъ къ Кипру, къ граду Лемесу.

О пришествіи моемъ вторицею къ Кипру острову.

Видящи азъ, яко Богъ тамо, идѣже не хотѣхъ, принесе мя, отгуду уразумѣхъ, яко ищетъ отъ мене, да должное святимъ мѣстомъ, въ Кипрѣ обрѣтающимся, воздамъ поклоненіе. Сего ради, давши мзду за мя, оставихъ корабль плести въ свояси, азъ же остахся, совокупшися съ единымъ іеромонахомъ Діонисіемъ святогорцемъ, азъ поклоненія ради, онъ же милостини ради на монастырь и поклоненія. Естъ же мѣсто то,

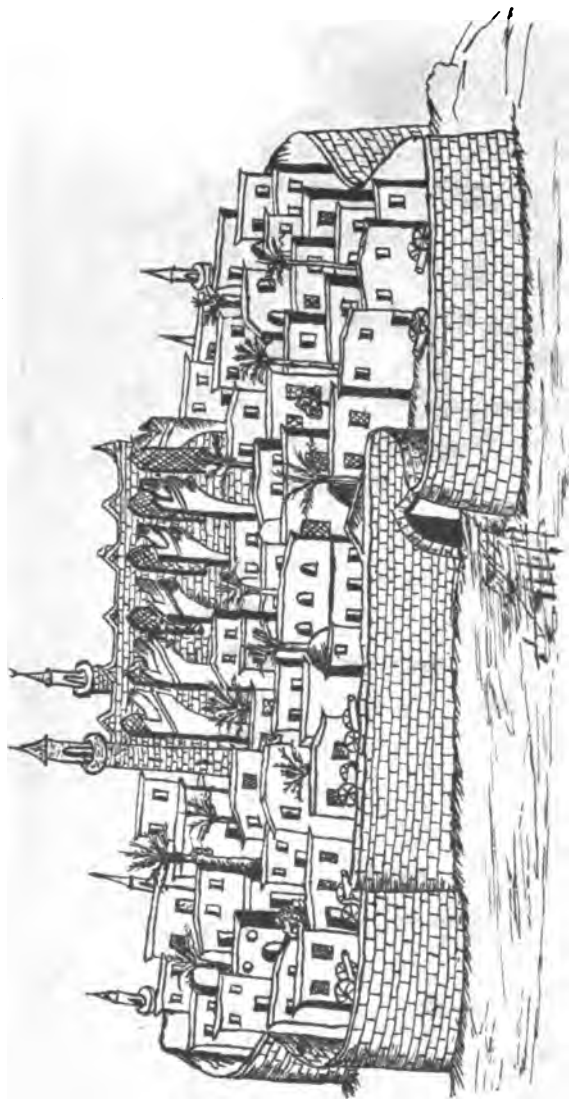

Фото-антогр Н. Икитчаго, Караван. № 16.

Левкосія.

идѣже ми пристахомъ, рекомое Лемесо, еже есть малъ градъ, и аще зданія мало лѣпотна суть, понеже отъ плинфѣ блатянихъ, не паленихъ жиждемая, но на равномъ, веселомъ же и мягкомъ полѣ, при брезѣ морстемъ стоять, идѣже древесъ акриднихъ, си есть рожковъ турецкихъ, внутрь же и окрестъ града древа много садовнаго, отъ финиковъ, лимоній, помаранчовъ. роидовъ и древа шелковаго изобиліе, такожде и маслиннаго и фиговаго, хлѣбъ же и вино и вся вещи на малой цѣнѣ продаются. Тамо замедлѣвше 4 дни, отъидохомъ на мскахъ къ первоначалному граду Кипрскому, рекому Левкосія, Мая 1, и dospѣхомъ тамо третіяго дне, идѣже идохомъ первѣе къ архіепископу всего Кипра, иже есть тамо въ великой чести, и давши намъ свое архіерейское благословеніе, отсла насъ на малое пребываніе въ гостиницу, при храмѣ святаго Антонія стоящую, яже иногда баше монастырь, нинѣ же мирская церковь. Премедлихомъ же тамо нѣколики дни и посѣщахомъ вси церкви града и монастыри. Левкосія градъ въ островѣ Кипрскомъ есть первоначалній и болшій, понеже тамо властелинъ Турецкій, всѣмъ Кипромъ обладая, обитаетъ, и первенствующій архіепископъ христіанскій и вся суди тамо совершаются. Баше же иногда градъ зѣло прекрасенъ, егда обладаху Венети, Венецкаго бо есть не простаго зданія, якоже отъ стѣнъ градскихъ и отъ ветхихъ основаній домовъ, мало оставшихся, познавается, найпаче же отъ повѣсти народа. Егда же Агаряне, чрезъ брань, Божіимъ попущеніемъ, взяша въ своя руцѣ, опустошиша вся и раззориша доми и прекрасніе палати до основанія, отъ нихъ же нѣкіи останки зданій и церковь даже доселѣ обрѣтаются, иже бяху лѣпаго строенія, найпаче же обрѣтается даже доселѣ перковъ святія Софіи, велика и зѣло прекрасная, отъ камене рѣзан-

наго зданна, яже издалече внѣ града зрится; нинѣ Турки превратиша ю на свой мечеть, идѣже собирающесе молитву дѣють, и нѣсть христіянину волно вніти внутрь. Сего ради, ниже азъ могу явити красоти ея внутрьня, токмо слисахъ отъ христіянъ майсторовъ, иже нѣкоего времени потреби ради зданія, повелѣніємъ Агарянъ работаху внутрь, яко зѣло лѣпа есть. Нинѣ же, верху основаній ветхихъ каменныхъ, вси доми суть зданіе отъ плинфъ блатянихъ, непаленнихъ, внутрь же варомъ побѣленныхъ. Тамо вси началнѣйшіе и богатшіе людіе и купци обитають, болше же Турковъ, нежели христіянъ, обрѣтаютьжеса Римляне и Армени. Церковъ христіянскихъ внутрь града всѣхъ суть 9, прочее же все турецкіе мечети, иже отъ святыхъ церквей превратиша; монастира нѣсть ни единого Греческаго внутрь, Французскій же единъ и едина Арменская церковъ. Прочее градъ отъвнѣ стѣною есть крѣпокъ и лѣпотенъ, внутрь же зданія не весма лѣпотна, токмо отъ множества древа садовнаго зѣло прекрасенъ, издалече аки нѣкій вертоградъ зрится, понеже всякъ домъ иматъ свой садъ отъ лимоній, помаранчовъ, яблокъ и прочіихъ различныхъ древесъ, найпаче же отъ финикъ изобиліе многое. Градъ оній иматъ три врата, съ стражею, и по стѣнамъ града армать нѣколико, окрестъ же града окопанъ ровъ, иже во время дожда наполняется води. Стоитъ же на полѣ равномъ, низу, окрестъ же обстоятъ гори високіе издалече, и иматъ воду, текущую отъ горъ, внутрь изобилну, отъ нея же вси вертогради напаяются. Тамо ми пребихомъ 10 дній, и оттуду, Мая 13, прійдохомъ до Ларнаки, иже есть мѣсто недалече моря стоящее. Ларнака нѣсть градъ, ниже весъ, но мѣсто близъ берега морскаго стоящее, идѣже обитають консули Французскій и Ангелскій, управленія ради и сужденія своего люда, по морю

кораблями приходящаго. Есть же близъ Ларнаки инное мѣсто, рекомое Аликесъ, на самомъ брезѣ при морѣ стоящее, еже есть пристанище кораблемъ, идѣже припливають кораблѣ отъ различныхъ странъ, Французскіе, Ангелскіе, Турецкіе и прочіи и привозятъ товары, аже требуетъ Кипръ, отъ Кипра же взаимъ иніе взимають товары и развозятъ въ своя странни, яко то: вино, сирь, масло, медъ, рожки турецкіе, фарби, родящіеся въ Кипрѣ, и прочая. На пристанищи ономъ обрѣтається храмъ святаго Лазаря, великъ и високъ, крѣпкимъ и здивеніемъ сооруженъ, якоже нѣкая царекая палата; о немъ же не ложно повѣствується, яко созда святій Лазарь, оній, его же Господь нашъ Іисусъ Христосъ по четвертомъ дни умертвія его въ Виваніи воскреси отъ мертвихъ. Къ тому же лучшее имамъ свѣдѣтельство, яко въ томъже храмѣ, въ великомъ олтарѣ, внутрѣ въ земли, яко насажденъ глубоко есть гробъ, аки мала пещера изрить, въ немъ же бяху положенни мощи с. Лазаря, егда успе вторицею, по епископствованіи своемъ въ Кипрѣ (якоже отъ житія его свѣдѣствується). О мощехъ убо не слышашъ, гдѣ обрѣтаются, гробъ же и до нинѣ въ церкви есть, въ чести и почитаніи христіанъ. Ларнака отъ Аликесъ отстоитъ яко полпоприща, и сего ради, яко едино населіе есть, людіе бо непрестанно сѣмо и овамо, потреби ради, проходятъ; обаче въ Ларнацѣ все суть знаменитіи людіе и вѣще домовъ и церковь три, въ Аликесъ же токмо едина церковь святаго Лазаря; обаче обрѣтаются и здѣ и тамо прекрасніе палаты, наипаче же консуловъ и купцевъ Французскихъ. Есть же въ Ларнацѣ едина церковь Французкая и монастырь францѣшкановъ, иноковъ Римскихъ. Близъ же Аликесъ суть двое езера, имущіе воду слану, идѣже раждается соль бѣла и чиста; обаче отъ христіанъ никто же обла-

даетъ ими, токмо Турки, но и тїи закупающе, дань даютъ царевѣ. Мѣсто оное стоитъ на равномъ и веселомъ полѣ, но садовъ мало, лѣса же ничтоже; не весма же далече, яко двою или трїю часу хожденія, гори обстоятъ и оттуду древа лѣсовніе къ паленію имуть. Води доброй мало обрѣтается, вина же и хлѣба, и елея, и всего довольно. Недалече же пристанища, рекомаго Аликесь, отъ странни западнія, отстоитъ гора висока, яко четырехъ часъ хожденіемъ, верху оной убо гори обрѣтается монастырь Святаго Креста, его же святая Елена царица создала. Но о семъ послѣди ясно изъяснити потщуся. Поклонившися убо ми тамо гробу святаго Лазаря, и пребихомъ тамо даже до оконченія мѣсяця Мая, творяще своя потреби. Таже, Іюня втораго числа отъидохомъ паки къ Лемесу пристанищу, о немъ же предъ писахъ, идѣже пребивши мали дни, отъидохомъ, Іюня 13 ¹, числа, въ понедѣлокъ, къ монастыру, иже именуется Панагіа ту Кикю, поклоненія ради, иже отстоитъ двою днію хожденія отъ Лемесо, между великими горами, во пустыни. Ми же шествующе медленно, dospѣхомъ тамо третіяго дне; прїяти же бихомъ (не сущу игумену) братією честно и премедлихомъ тамо гостяще цѣлую седмицу, лѣпоты ради обители и мѣста святаго. Монастырь онїй именуется отъ инихъ Кикось, а оттуду Панагіа ту Кикю, си есть Богородица Киковская, есть зданіемъ невеликъ, но строеніемъ и расположеніемъ изряденъ, весь отъ камене зданъ, покрови же на основаніи древяномъ керемидніе, си есть отъ черепици; зданіе токмо двоихъ степеней, единъ верху другихъ устроеніе суть. Церковь тамо особнѣ стоитъ, не весма велика, но лѣпотна, имущая едину главу, возвишенну горѣ, съ окнами, толика же есть мѣрою въ широту, елика въ долготу, внутрь вся списанна иконами Святихъ. Тамо въ храмѣ обрѣтается едина

¹ Въ 1727 г. Понедѣльникъ приходился 12 Іюня. *Ред.*

икона Пресвятія Дѣви Богородици, именуемая Одигитрія, держащая на правици Господа нашего Іисуса, яко младенца зѣло умиленна, сицевимъ образомъ ¹. Ея же исписаніе не зрится,—вся покровенна есть, кромѣ лица, среброкованною шатою. Чудотвореніемъ отъ ветхихъ временъ—даже до нинѣ—прославляемая; предъ нею же на всякъ день иноци молебній канонъ поють. Не токмо же Кипрскій народъ, но и окрестніе далекіе странни въ велицемъ почитаніи икону ту имуть. Церковь есть расположеніемъ троепрестолная, входовъ же вратныхъ 5 имать; трапеза верху келій и зданій високо стоитъ, идѣже иноци пищу ядятъ. Монастырь оній нужди и дани великой отъ Агарянь не имать, и крести верху зданія церковнаго водруженни имать, еже есть веліе въ Турецкой земли; се же отчасти того ради, яко стоитъ въ пустыни, между великими горами, уединенъ отъ градовъ и народа, найпаче же, яко благодать и призрѣніе Препоблагословенной Дѣви Богородици присно пребываетъ тамо. Обитель она стоитъ зѣло въ великой пустыни, на мѣстѣ високомъ и прохладномъ, и благопріятномъ, и весма къ иноческому уединенному житію приличномъ. Воду, потреби ради монастырской, отъ дожда собираемую въ кладязяхъ имуть, къ питію-же есть источникъ предъ врати монастырскими, внѣ въ долину малою струею текущъ, но вода паче оная въ всемъ Кипрскомъ островѣ лучша обрѣстися не можетъ, понеже чиста, яко хрусталь, хладна же, аки ледъ, яко едва зуби понести могутъ піющаго ю, здрава же и легка на стомахъ сипе, яко не токмо неболѣзненну, но и немощну помощна. Именуеть же ся оній источникъ *Αγίασμα Παναγίας* си есть освященіе Богородици, понеже искусствомъ доходятъ,

¹ Въ подлинникѣ оставлено мѣсто для рисунка, который не сдѣланъ. *Ред.*

Путешествіе Барскаго.

яко изсподу храма церковна начало теченія своего имать. Словомъ рещи, во всемъ обитель изрядна, не токмо мѣстомъ, и строеніемъ, и святинскою, но и добрыми иноки, иже суть добродѣтели, смиренни и страннолюбиви зѣло и благоговѣнни; ихъ чинъ церковній и пѣніе и монастырское обикновеніе изрядна суть; кимваловъ не имутъ, токмо двое била, древяно и желѣзно, ими же оглашаютъ потреби мопастиря. Нѣсть же тамо ни вертограда, ни сада, ниже внутрь, ни внѣ обители, но всюду окрестъ пустыня и гори высокіе, на нихъ же деревья токмо лѣсовна суть: певги, кедри, платани, дубіе и прочіе. Вѣстно же буди, яко певгъ Греки именуютъ сосну, аже обрѣтается повсюду, кипарисъ же, аще не повсюду, но въ многихъ странахъ обрѣтается, кедръ же мало гдѣ; елико бо шествіе творяхъ землею, между великими горами, не токмо видѣти, но ни слышати не случися. Въ Кипрскомъ же островѣ, недалече монастыра сего, на единомъ токмо мѣстѣ кедри растутъ многи, отъ него же древа много во зданіи монастыря обрѣтается, чесо ради искусства ради и видѣнія, ходихъ азъ одинаго дне въ пустыню и видѣхъ образъ растенія его. Но о семъ на иномъ мѣстѣ явить слово. Еще же обрѣтаются кедри краснѣйшіе въ горѣ Ливанѣ, въ предѣлахъ Галилейскихъ и Іерусалимскихъ, инамо же не слышатся. Прилично убо zde явити повѣсть и о сей иконѣ Апостола Евангелиста Луки, понеже нѣціи глаголютъ, яко нѣсть его, но инна. Исторіографи Греческіе повѣствуютъ, яко три иконы различніе Пресвятія Богородици въ животѣ своемъ написа, отъ нихъ же едина обрѣтается въ Малой Россіи, въ градѣ, именуемомъ Вилно, и тая зовется Елуса, которая на лѣвой руцѣ держитъ Господа нашего Іисуса Христа; вторая въ Морей, въ великой пещери, и тая стоитъ на ногахъ, и, простерши руцѣ мало, молится;

о третьей-же пишутъ, яко нѣсть извѣстно, гдѣ обрѣ-
тается. Въ монастырѣ же ономъ Кипрскомъ имуть иноки
лѣтописецъ, идѣже извѣстно показываетъ, яко есть едина
отъ иконъ (Евангелиста Луки и именуется Одигит-
рія). Бистъ убо иногда въ Константинополѣ православ-
ній дуксъ христіанскій, именуемій Исакій, его же дщери
случися впасти въ недугъ великъ и не можаше отъ
него исцѣлити, многу врачемъ имѣнія раздавшу отцу ея.
Бистъ же въ то время въ Кипрскомъ островѣ нѣкій
добродѣтелній и подвижній старецъ, именемъ Исаія, въ
пустини, между горами, въ единой пещери вселся жи-
вый, Богу работая (и нинѣ пещера она есть въ горѣ
высоко, недалече монастыра); тому убо явися Пресвятая
Дѣва Богородица во снѣ, глаголющи: иди въ Констан-
тинополъ и повели именемъ моимъ, яко аще хоцетъ, да
дщерь его цѣлбу получитьъ, да пошлетъ икону мою ону,
яже Евангелистъ Лука написа, въ Кипрѣ, да создастъ
церковь на мѣстѣ ономъ (еже мѣсто показа старцу,
идѣже нинѣ есть монастырь). Пустиножитель убо абіе
немедленно отъиде въ Цариградъ, извѣсти дуксу Исаку,
иже егда обѣщася сотворити, въ той часъ воста отъ
одра болѣзни дщерь его, и отсла съ многымъ провожде-
ніемъ и честію икону ту святую отъ Цариграда въ Кипрѣ
на повелѣнное мѣсто, и церковь малу созда, яже по-
слѣди многими ктитори разширися монастырець малъ,
таже совершенній и первій въ Кипрѣ Киновъ, идѣже
иноковъ обрѣтается вящше ста, аще внутрь по вся дни
мало сидятъ, понеже на послушаніе въ метохи, си есть
въ причастія монастырская, разсилаются, отъ коихъ ме-
тоховъ всякую пищу и питіе приносятъ и всякіе при-
битки отгуду имуть. И тако и донинѣ икона оная пре-
бываетъ, прославляема чудеси, и обитель она прекрасна
благодатію ея, невредна процвѣтаетъ и иноци всякое

*

доволство имуть. Премедливше убо ми (якоже прежде рѣхъ) въ оной обители едину седмицу, отъидохомъ къ монастыру святаго Маманта, Юня 19 числа, иже отстоять отъ Кика одинаго дне хожденіемъ и вѣщше. Монастирь оній стоитъ на полѣ зѣло равномъ и веселомъ, отъ странни восточнія близъ горъ, отъ странни же западнія близъ морскаго берега за едину милю; есть же строеніемъ въ подобіе града, на четири стѣни расположенъ, строеніемъ низкій, въ широту же и долготу довольно пространенъ, двое вратъ великихъ, аки градскихъ, имать, яко найвишая колесница вползти внутрь можетъ; есть же весь отъ сѣченнаго въ едину мѣру камене великаго, бѣлообразнаго зданъ гладкимъ и лѣшимъ художествомъ, подобенъ якоже храмъ святія Софіи, иже есть въ градѣ Левкосіи, о немъ же предъ писахъ. Церковь тамо святаго мученика Маманта зѣло изряднаго строенія, яко ни едина церковь, ею же нинѣ христіане обладаютъ, краснѣйша обрѣтается въ всемъ Кипрѣ; есть же висотою и широтою и долготою довольно, внутрь десятию столпами великими поддержива; трое престолная же, якоже и въ предреченномъ монастырѣ, но токмо въ среднемъ началномъ алтарѣ литургисують; низу же на подножіи каменными дсками лѣпо посланна; оконъ имать яко двадцать и вѣщше, дверей семь, отъ нихъ же суть началнѣйшихъ великихъ пять; верху же имать горѣ возвишенну главу едину, съ осмерицею оконъ. Церковь воистинну въ всемъ лѣпа, въ ней же одесную стѣни стоитъ икона святаго мученика Маманта и гробъ мраморень, идѣже, нѣціи глаголють, яко суть мощи, друзіи же глаголють, яко нѣ суть, еже есть вѣроятіе, понеже въ Турецкой земли цѣліе мощи нинѣшнихъ вѣковъ мало гдѣ слышати могутъ. О семъ же вѣстно буди, яко отъ гроба

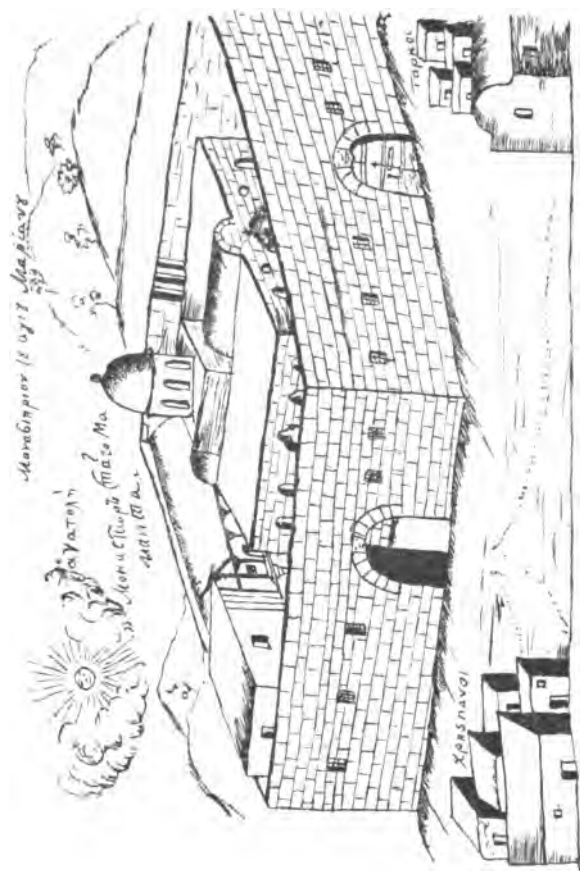
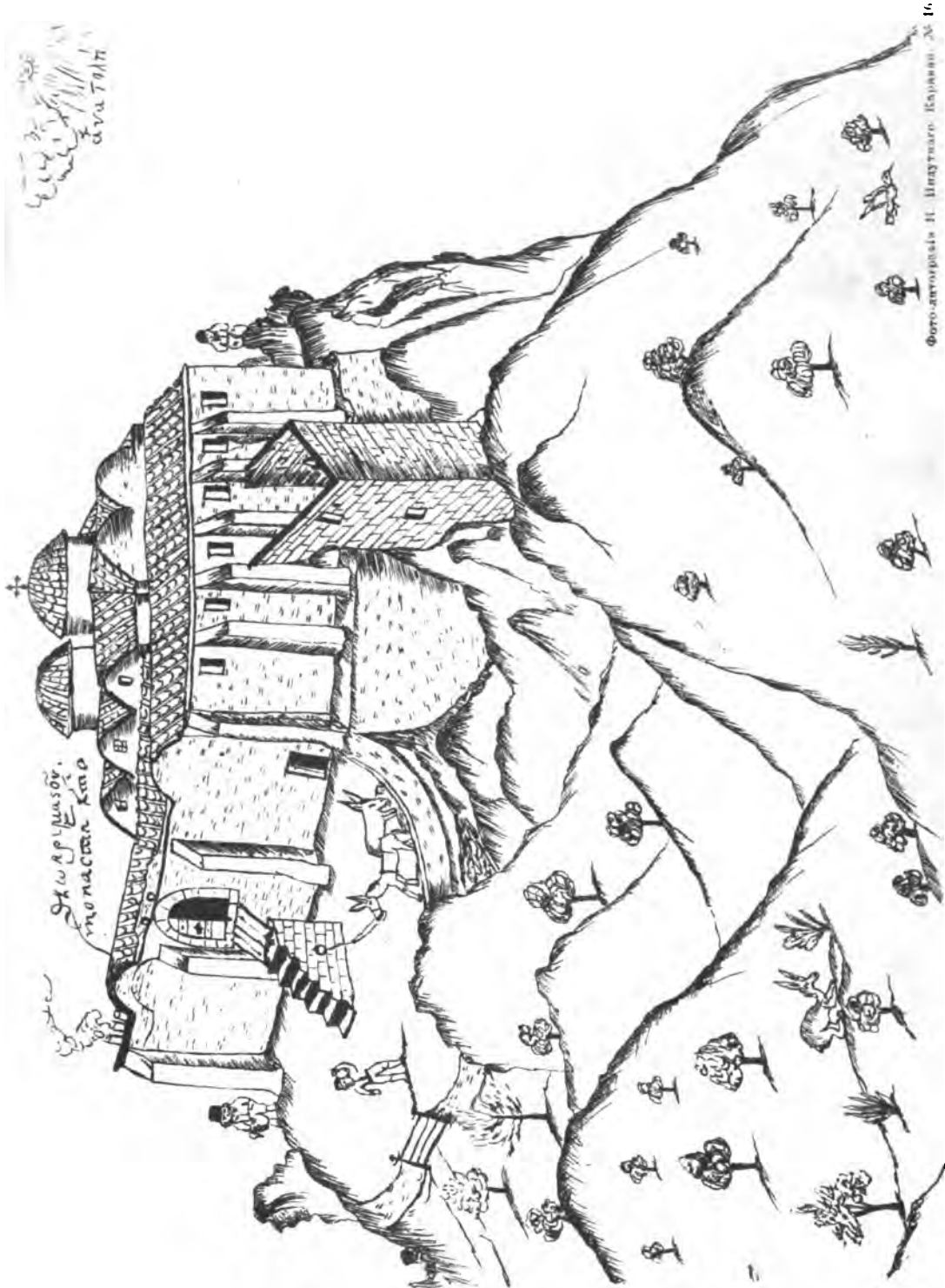

Фото-автографъ Н. Илюмина Карава. № 16.

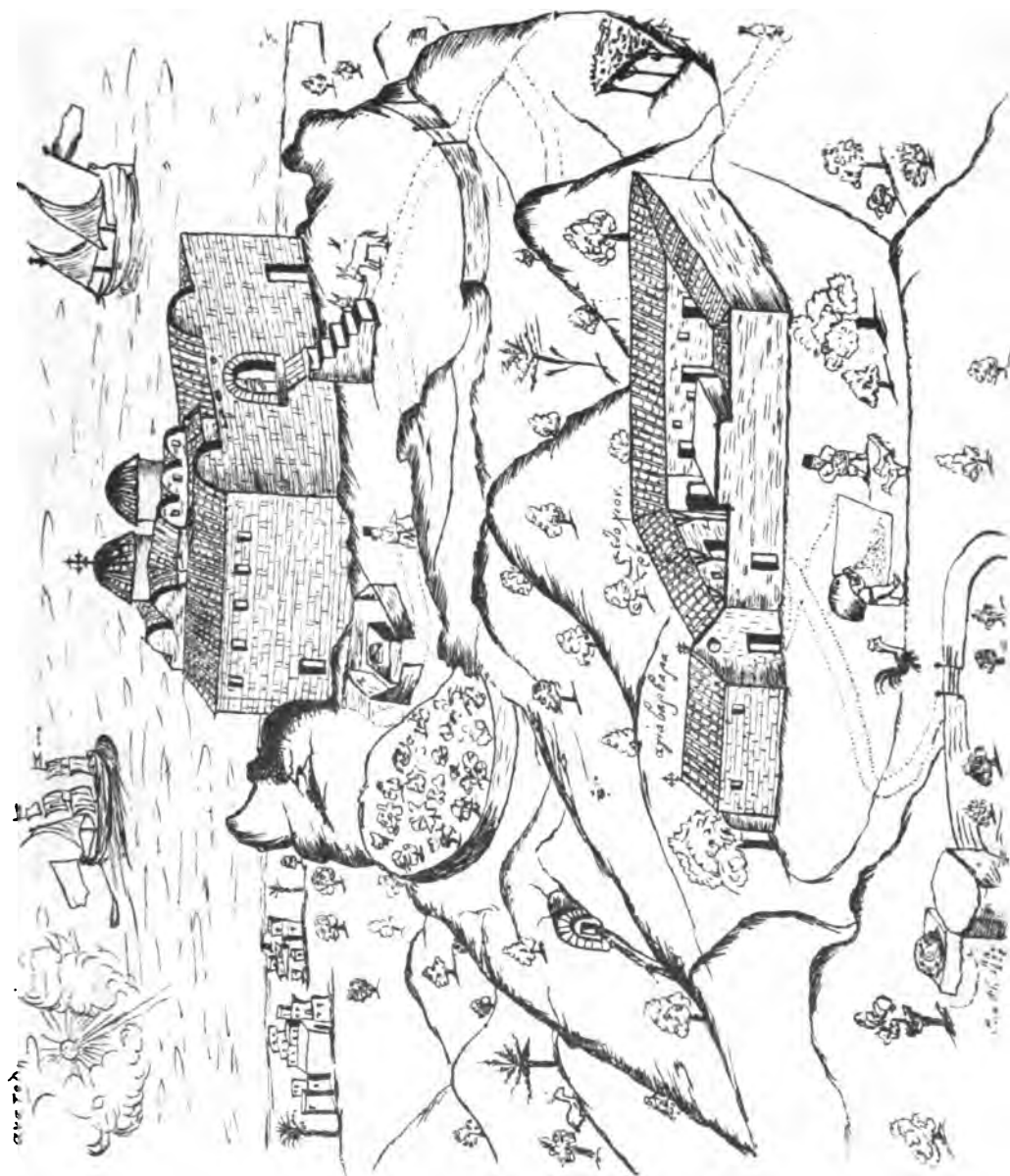
Манастирът Св. Маманта, на о. Кипръ.

его миро является, имъ же мажущеся правовѣрніи, цѣлбу недугомъ получаютъ. Стоитъ же церковь посредѣ монастыра особно, неприкосновенна къ иннимъ зданіямъ, окрестъ же суть келіи, єдини верху другихъ, въ подобіе вѣнца. Обитель та иногда, въ время христіянства, бѣла богата и множество имѣла інокѡвъ, нинѣ же єсть убога и інокѡвъ мало суть, понеже стоитъ въ єдиномъ селѣ, между молвою народа, недалече отъ града, идѣже Турки въ полѣ съ христіани обитають и тяжкіє дани налагають, завидяще лѣпотному строєнію. Єдиною бо Агаряне хотяху отъяти отъ інокѡвъ монастырь оній и превратити церковь въ мечеть къ богомоленію своему, понеже въ то время не живяху Турки въ веси той, но приходяще отъ града или грядуще откуду, потреби ради, препочиваху случаємъ или ношеваху тамо, и сего ради, ниже капища своего имѣяху, но хотяху отъяти церковь въ руцѣ свои, еже аще би Богъ хотѣлъ, удобно би било, и нинѣ єсть, обаче Богъ, молитвами святаго великомученика Маманта, не попусти сщевому ушербленію бити. Игуменъ бо обители тоя моли Агарянь, да не отымуть церкви, и обѣща имъ сотворити иное капище новое, еже и сотвори (Господи его спаси), и тако свободи обитель отъ рукъ невѣрныхъ. Тамо убо ми, поклоншеся гробу святаго, премедлихомъ полдня, препочиванія ради, и угости насъ игуменъ трапезою; и оттуду тогожде дня паки прійдохомъ въ предѣреченній градъ Левкосію, потреби ради спутника моего и взятія ради хартіи Турецкой, рекомой мухуртягату, си єсть отъизднаго листа, безъ котораго никто же тако отъ своихъ, яко и отъ чуждыхъ, не можетъ вонъ изъ Кипра изійти. Пребивши убо ми тамо мало днѣй, до окончєнія мѣсяца Іюня, и взявши отъ паши отпустную хартію, отъидохомъ, Іюлія числа 3,

паки въ Ларнаку и Аликесь къ пристанищу морскому, идѣже недалече отстоятъ, хожденіемъ 4-рехъ часъ, монастырь Святаго Креста, на горѣ високой. Мислихомъ убо потрудитися тамо, поклоненія ради, таже раскаяся съпутникъ мой. Въ единъ же отъ днѣй самъ азъ тамо отъидохъ и сотворихъ должное поклоненіе и премедлихъ три дни: посѣтихъ же и иніе монастырскіе мѣста вкупѣ съ игуменомъ обители тоя. О монастырѣ ономъ сиче извѣстно есть: яко въ время оно, егда Святая Елена царица обрѣте Животворящій Крестъ Господень въ Іерусалимѣ и возвращашеся въ Константинополь, когда приста въ Кипръ, и видящи ону гору високу еще издаले на морѣ, и възйде на ню, посѣщенія ради, и угодно ей бистъ мѣсто, и созда храмъ Воздвиженія Честнаго Креста и монастырецъ малъ, понеже мѣсто узко верху, и содѣлавши крестъ отъ древа великъ, яко сажень въ висоту, вложи часть Христова Креста не малу и остави на благословеніе обители, яже и донинѣ силою Всечестнаго и Животворящаго Креста и молитвами ея соблюдается. Монастырь онѣй зданій много не иматъ, понеже токмо церковь пространна въ широту же и долготу, низка же строеніемъ, но изрядна; двѣ маліе иматъ сверху главы, внутръ же шестію столпами есть поддержива; триипостасна иногда бяше, нинѣ же токмо на среднемъ престолѣ литургисують; келіи въ монастырѣ мало суть, токмо четири или пять, и тѣсно къ церкви призданы суть. Обаче зѣло мѣсто лѣпое и веселое, безмолвное же и уединенное и прохладное, понеже тамо, висоти ради, всегда вѣтръ обрѣтается, аще низу и нѣсть. Иноци токмо два тамо неисходно сидятъ, церковнаго ради пѣнія, прочіи же по метохахъ монастырскихъ, низу гори, понеже горѣ ничто же нѣсть, токмо камень сухъ и земля неудобна къ всѣмъ

Монастырь Честнаго Креста на о. Кипръ,
Юго-Западная сторона.

Издание 1880 года, № 15

Монастырь Честнаго Креста на о. Кипръ, Северо-Западная сторона.

нію, найпаче же, яко нѣсть води, но отъ дожда собираемую піють. Есть же вънизу гори, яко поприще едино, далече источникъ текущъ, Агіазма с. Креста, но неудобенъ путь къ ношенію горѣ, яже вода есть зѣло здрава, найпаче же недужнымъ. Въ низу гори, отъ страни западнія, есть метохъ первій монастыря того, рекомій Святая Варвара, понеже храмъ имать святія великомученици Варвари; есть же зданіемъ, якоже и монастырь, великъ. Тамо живутъ нѣколико иноковъ и тамо вся пища и питіе монастыря хранится, и аще что требѣ, горѣ въ монастырь оттуду приносятся. Поклоншися убо азъ въ оной обители честному и животворящему древу и замедливши тамо и на иннихъ мѣстѣхъ монастыря 3 дни, возвратихся къ своему паки сопутнику, и абіе отъидохомъ къ первому нашему пристанищу Лемесу, идѣже три дни замедлихомъ, готовящеся въ предъумишленній путь, и обрѣтше корабль Французскій, хотящій плисти въ Александрію, наяхомъ и вкораблившеся отплихомъ отъ славнаго острова морскаго Кипра, Іюля 18 числа, хотяще дойти въ Александрію, яже 500 миль отстоятъ. Не сущу же времени благополучну, пловохомъ по мору шесть дній и уже близь сущимъ Александрію намъ явіся буря велія и противная путешествію нашему, яко отнюдъ не можахомъ плисти. Сего ради господинъ корабля приста къ единому пристанищу, нижей Александріи сущему, именуемому Апонерія, иже есть мѣсто убого и оскудно въ вся, понеже на пѣску стоятъ идѣже ничтоже не раждается, токмо финиковъ многое множество, отъ нихъ же Арави кошници плетуть зѣло лѣпотнымъ художествомъ и продають въ вселенную. Тамо христіяне не обитають, токмо саміе Агаряне. Увѣдавши же отъ пришелецъ, яко въ Александріи патріарха нѣсть, но въ Египтѣ, понеже патріарха ради тамо хо-

тѣхомъ дойти, а не инной вини, сего ради пренесше своя вещи въ инъ малъ корабль Еѳіопскій и замедливше тамо два дни, третіяго дне отплихомъ къ граду, рекомому Рахить, идѣже первѣе плихомъ моремъ, таже дванадесять миль рѣкою Ниломъ. Рахить нѣсть градъ стѣною оточенъ, но касапась, си естъ множество народа и зданій, якоже градъ, имущъ. Стоитъ же при Нилѣ рѣцѣ, за дванадесять миль отъ берега морскаго, на равномъ и прекрасномъ зѣло мѣстѣ; много имать древа садовнаго отъ смоковъ, бросквинъ и лимоній, наипаче же финиковъ безчисленное множество, иже, аки лѣси, лѣто и зиму зеленѣютъ, понеже отъ онихъ деревесъ никогда же листвіе отпадаетъ, отъ нихъ же дѣлаютъ Еѳіопи кошници, верви, клѣти и прочая, на потребу купеческихъ товаровъ; 12 бо миль отъ мора, даже до Рахита, вси бреги и острови Нила полни суть деревесъ финиковихъ; сиче же лѣпоту являютъ человекъ, яко не могутъ насладитися очеса его. Естъ же пристанище великое и богатое, понеже отъ Египта Ниломъ рѣкою тамо вси товары купеческіе приходятъ и оттуду въ иніе странни разносятся. Приходятъ же тамо по суху и по водамъ торговци великіе отъ всея вселенніа: отъ всея Анатолиі, Чермнаго же и Бѣлаго моря, отъ Венеціи и всей Италиі, и взимаютъ оттуду кафе, рижъ, ленъ, плоды финикови, тканія различна и инніе вещи драгіе, отъ Индіи приходящіе. Не приходятъ же тамо кораблѣ великіе, но маліе все, понеже рѣка мѣлка естъ; сего ради оттуду товары купеческіе преносятся малими кораблецами въ Александрію, яже стоитъ на пристанищи морскомъ, и оттуду развозятся кораблями великими въ инніе странни. Въ Рахитѣ строеніе домовъ высокое и зѣло лѣпотное, понеже оконъ множество малихъ же и великихъ имутъ, яко полати, аки сѣтъ сквозѣ зрятся

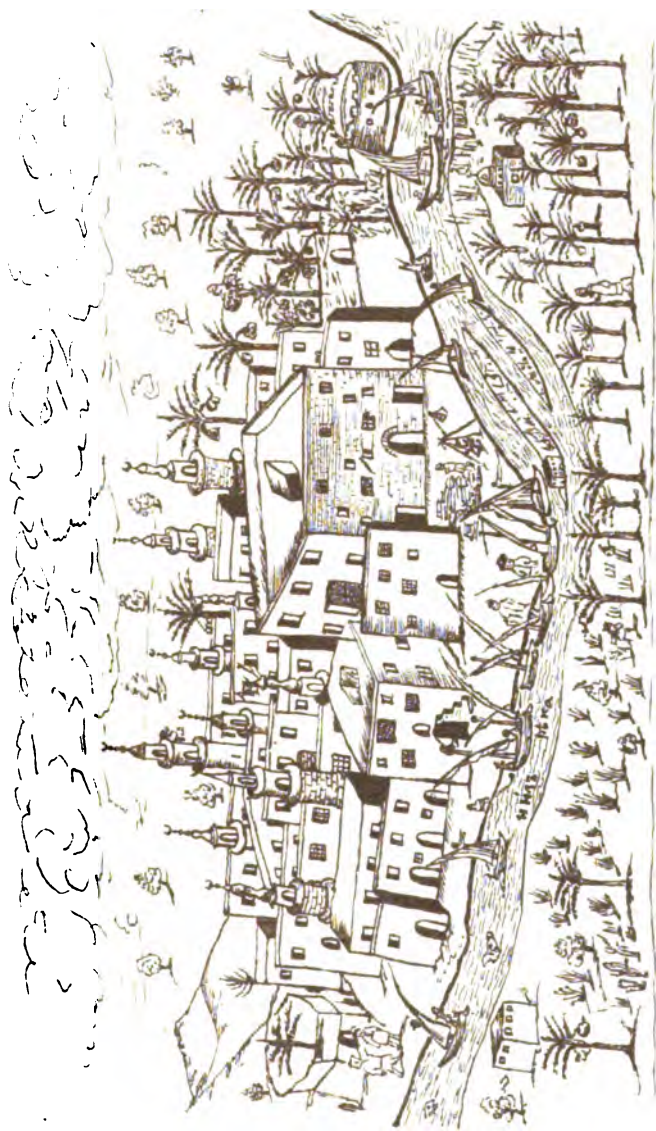

Фото-литограф Н. Индугиного, Караван. № 16.

Рахитъ.

и вѣтръ дихаетъ внутрь отъ всѣхъ странъ; вся же зданія суть отъ плинѣй дробнихъ, печеннихъ, а не отъ камене, понеже тамо каменя трудно есть обрѣсти, ибо нѣсть нигдѣ же горъ, но всюду равное поле и земля мягка, якоже въ Російскихъ странахъ. Тамо различнаго языка и вѣри людие обрѣтаются: Греки, Римляне, Армени, Копти, Жидове, Турки же и Арави. Христіянскихъ церковь двѣ токмо: греческая, ею же обладаетъ патріархъ Александрійскій, и Римляновъ монастирь съ перковію, прочее же Турецкихъ мечетовъ полно. Тамо брашно и всяко яденіе нѣсть скупо, токмо вино, понеже тамо не раждается, но привозится отъ иныхъ странъ, христіянъ ради и Жидовъ; Турки и Еѳіопи, по правилѣ вѣри своея, не піють вина, развѣ нѣкій тайно, не храняй твердо вѣри своея. Тамо кладязовъ и источниковъ къ питію нѣсть, но весь народъ отъ рѣки Нила почерпають и піють; аще и ископають студенци, то слану воду обрѣтають, яже точію къ помиванію сосудовъ угодна есть. Тамо азъ разлучися съ вишшеписаннымъ съпутникомъ, іеромонахомъ отъ гори Аѳона, и замедливши 3 дни, отплихъ рѣкою Ниломъ въ великій градъ Египетъ, Іюлія послѣднего дня, и приспѣхъ тамо четвертаго дня.

О пришествіи моемъ къ великому и вездѣ прослутому граду Египту.

Пришедши азъ въ великій градъ Египетъ и не вѣдуши (яко страненъ и нищъ), гдѣ главу поклонити и обитель обрѣсти на нѣкое время, моляхъ всещедрого Бога, да попечется о мнѣ грѣшномъ. Идохъ же въ мѣстохъ къ инокомъ горы Синайскія, си есть въ дворяхъ, въ немъ изшедши отъ монастыря иноци potrzeby

ради въ Египетъ или въ ину странну градуше чрезъ Египетъ. тамо препочиваютъ нѣколики дни, иніе же всегда сѣдятъ. ради послушанія монастырскаго, яко то пшеницы ради, едея, сира и прочіихъ вещей. яко вся на пищу, на потреби монастырскіе отъ Египта купующе, посылаютъ тамо. Пришедшу же ми въ метохъ и сушу тамо на то время архіепископу горы Синайскія, именемъ Іоаникію, абіе идохъ къ нему и привѣтствовавши его по достоянію, сказахъ ему намѣреніе и вину, коея рады прійдохъ въ Египетъ. Отвѣща ми, яко аще би кто тысящи истощалъ, не можетъ нинѣ пойти въ гору Синайскую: не токмо бо странніи, но ниже ми своихъ иноковъ прекормити, ниже отсюду послати тамо, се же того ради, яко ми не могуше прекормити Еѳіоповъ, избѣгохомъ вси иноци нинѣ въ Египетъ, токмо оставихомъ малихъ числомъ, ради церковнаго правила, да обитель святая не опустѣетъ. Еже бистъ истинно, въ то бо время слыхашеся отъ всего народа, яко Арави путь заключиша къ монастыру и невозможно есть никому пойти. По изволенію убо архіепископа, дадоша мнѣ едину келію къ обитанію на время внѣ метоха, съ куппами Греческими, идѣже замедлѣвши дный нѣколико, ходихъ всякаго дне къ инокомъ на трапезу и питахъся отъ нихъ. Вопросахъ же послѣди вторицею и третицею архіепископа аще мощно есть мнѣ не лишитися онаго святаго поклоненія, отвѣща ми паки, яко невозможно есть отнюдъ нинѣ, донелѣже не примиримся паки съ Еѳіопи и отверзется монастырь, а еже когда то будетъ, ми не можемъ вѣдати, или по нѣколицехъ мѣсяцехъ, или по нѣколицехъ лѣтехъ; тожде рѣша и прочіи иноцы. Тогда азъ прискорбенъ бихъ зѣло, недоумѣя, что творити, понеже возвращатися въ отчество кромѣ сего поклоненія, толь многіе благодатію Божіею посѣтивши святіе мѣста, зѣло

печално ми бистъ, ожидать же паки, не вѣдуши конца времени и како и откуду би питатися, и истощаніе на путь имѣти, зѣло неудобно мняшеся бити. Прочее возвращохъ на Господа печаль мою, да Той мя, якоже Самъ вѣстъ, препитаеъ, положивши въ умъ своемъ, яко еще есть воля Божія желаніе мое исполнити, Онъ вся добрѣ промислитъ о мнѣ. Случившужеся тогда бити въ Египтѣ святѣйшему патріарсѣ Александрійскому Козмѣ, и хотящу оттуду изійти въ Рахитъ, желехъ пріяти отъ него благословеніе. Въ единъ убо отъ днѣй идохъ въ дворъ патріяршій и, угоденъ часъ получивши, удостоихся его святую лобизати десницу и пріяти благословеніе, купно же и събесѣдовати, иже мя вопроси: кто есмь и откуду, и чесо ради прійдохъ въ Египетъ, яже вся азъ вѣкратцѣ извѣстихъ. Съжалижеся о мнѣ, яко въ толъ далечайшій странны прійдохъ, найпаче же въ нищетѣ сій и не мый, гдѣ главы приклонити, совѣтова мнѣ, да сотворюся отъ него инокъ и пребуду съ нимъ вкупѣ, мнѣ же на то не преклоншуся, остави мя и рече, яко въ гору Синайскую неудобенъ есть проходъ, но еще имаши намѣреніе премедлити нѣкое время въ Египтѣ, ожидая угоднаго времени поклоненія твоего, сѣди zde въ дворѣ моемъ и кормися вкупѣ отъ трапези инокъ моихъ, донелѣже ти есть угодно; даде же ми и писаніе общее къ всѣмъ христіаномъ, еже мя миловати, и самъ отъ своєї десници даде ми милостини. Азъ же сподобившися таковую воспріяти отъ него благодать, припадъ къ ногамъ его и святѣйшую его облобизавши десницу, благодарествовахъ до зѣла. Препоручи же мя своими усти инокомъ, ихъ же остави малыхъ числомъ въ дворѣ своемъ, ради управленія церкви и христіанъ. Сказа же въ день неделній поученіе къ народу Греческимъ діакетомъ, ради Грековъ, иже тамо обрѣтаются много; купно

же при боку его стояше и толмачъ, иже, яже слышаше отъ устъ святѣйшаго патріарха глаголемая словеса, абіе таяжде къ Арапомъ христіаномъ Арапскимъ языкомъ толковаше. По поученіи же всѣмъ людемъ, въ церкви сущимъ, общее разрѣшеніе прочте. Таже вѣутрѣ изійде отъ Египта, съ многою честію провождающу его духовному собору и всему клиру церковному. Тогда архіепископъ Синайскія горы примирился съ святѣйшимъ патріархомъ, понеже прежде между собою распрю нѣкую имѣяху. По отшествіи убо святѣйшаго патріарха остана азъ въ Египтѣ, въ дворѣ его, съ прочіими иноки, пищею и питіемъ питаемъ довольно, якоже въ дворѣ родившаго мя отца, и обитахъ тамо, ожидаючи день отъ дне угоднаго времени путешествію моему, въ Греческомъ поучаяся языку, славяхъ же и благодаряхъ Бога и великаго благодѣтеля моего, святѣйшаго патріарху Александрійскаго Козму; труда же и дѣла чуждаго никаковаго же не имѣхъ, развѣ токмо на свою потребу; токмо иноки сотвориша мя на время трапезаромъ, имъ постилахъ и измѣтахъ трапезу и самъ купно съ ними ядяхъ, яковаго послушанія азъ самъ паче хотѣхъ, нежели они. Любаху же мя иноци вси, патріарха ради, понеже мя онимъ любезно вручи, и препровождахъ дни благополучно и сотворихъ многихъ себѣ знаемыхъ и другихъ, съ ними же, аможе хотѣхъ, свободно ходихъ въ Египтѣ и рассмотрѣхъ всю красоту, величество и строеніе града, еще же вся чини и обычая народа Египетска, еже послѣдуетъ въ описаніи Египта.

О великомъ и пресловутомъ градѣ Египтѣ.

Египетъ есть градъ зѣло ветхій, не зданіемъ, но лѣти, еще бо прежде Рождества Христова и прежде ветхаго закона, Моисеомъ даннаго, бистъ; изъ него же

изведе пророкъ Божій Моисей людъ Израильскій, си есть Жидовскій, свободящъ отъ работи Фараонови и преведе ихъ чрезъ Чермное море, о чемъ ясно и пространно пишется въ старой Библии, въ книгахъ Исхода; самое же видѣніе паче слуха увѣряетъ: вѣкъ бо града суть многіе горы, яже не суть естественни, но чрезъ толь многіе времена народъ, въ Египтѣ обрѣтающійся, змѣтающе своя доми и стогни и вергающе вѣкъ града, сотвориша горы отъ смѣтія. Вѣдати же подобаетъ, яко Египетъ раздѣляется на два именованія: Египетъ именуется вся страна Египетская и Египетъ именуется градъ; градъ паки Египетъ именуется двогубо: Египетъ ветхій и Египетъ новій, еже есть градъ ветхій и новій градъ, убо ветхій, иже прежде бѣше, въ время жидовское, нинѣ зѣло обѣтша, стѣни же и доми падоша мнози, обаче нѣсть въ вся разоренъ и пустъ, но и нинѣ народъ обитаетъ, наипаче же отъ христіанъ много; новій же градъ мало отъ ветхаго есть отдаленъ, въ немъ же князи и вельможи великіе и богатіе купци и многъразличенъ народъ обрѣтается, и о семъ Египтѣ слово мое предлежитъ. Египетъ есть слово Еллинско, еже происходитъ въ Славенскомъ и Латинскомъ язицѣ, простимъ же языкомъ Римскимъ именуется *Gran Cairo*, Турецкимъ—Мисиръ и Арапскимъ—Мауаръ. Египетъ стоитъ на равномъ, веселомъ и добромъ мѣстѣ, надъ рѣкою славною Ниломъ, яже великіе користи творить въ странѣ той, токмо крѣпость, то есть замокъ, на высочайшемъ отъ града мѣстѣ, при горѣ рекомой, яже прежде не бистъ тамо, но въ время святѣйшаго патріархи Александрійскаго Герасима бывшу нѣкому уничиженію на вѣру христіанскую, молбами его и всѣхъ христіанъ, наипаче же за моленіемъ единого богоугоднаго и добродѣтельнаго мужа, сапожника суца отъ Але-

ксандріи, повелѣніемъ божественнымъ подвижеся отъ мѣста своего издалече и прійде тамо, о чемъ несумѣнно и достовѣрно въ исторіяхъ пишетъ и нинѣ неотмѣнно въ Египтѣ народъ повѣствуетъ, и отъ каменія гори оной храми, полати и вся зданія строятся. Тамо доми иніе отъ родимаго каменс, иніе же отъ плинѣи суть зданіе строеніемъ высокимъ и лѣпотнымъ, много чардаковъ и оконъ имущіе, ради прохладенія, понеже зѣло тепель и неудобъ стерчимъ край есть. Найпаче же капища Турецкая и полати благороднихъ мужей и отъвнѣ довольно лѣпотни, найпаче же внутръ зѣло красни, верху позлащенны или цвѣтами исписанни, низу же искуснымъ художествомъ различными мрамори упещренны и драгими одеждами посланни, яко мѣста плюновенію нѣсть. Тамо обичай есть ходити босима ногама внутръ домовъ, понеже чисто восходи и нисходи измовенни суть. Улицы тамо мало обрѣтаются широки, но все узкіе, и домовъ строеніе тѣсное зѣло, яко къ многимъ домомъ входъ точію единъ, идѣже обитають пять или шесть господаровъ вкупѣ, съ женами и дѣтми, едини низу, а другіе горѣ; се же множества ради народа, населпагося тамо, таковая есть тѣснота. Обрѣтаются бо самихъ токмо капищъ Турецкихъ, якоже повѣствуетъ народъ, до шести сотъ, домовъ же числа никто же вѣсть; народа же толь много, яко на всякъ день не токмо на базарѣ, но але въ всѣхъ и малихъ стогнахъ градскихъ разминутися нужное есть; не токмо же въ дни, но и въ нощи много людій обрѣтается, понеже тамо вси въ единъ часъ никогда же не усипають, но иніи въ дни труждаются, иніи въ нощи, найпаче вещи къ яденію и питію въ нощи дѣлають. По стогнахъ же кандилы зажженни чрезъ всю нощь горять, да не преткновенну имуть стезю, ходящія въ нощи; тому же и злый человекъ абіе

познанъ и уловленъ биваетъ. Обычай бо есть тамо ноцію проходити дозорцемъ стогни градскіи, злочинцовъ ради, иже егда нѣкоего уловить, аще и малѣйшее знаменіе имущаго къ злу, абіе на стогнѣ, кромѣ всякаго суда, въ главу устѣкается; сего ради тамо весь народъ съ великимъ страхомъ и опасствомъ ноцію ходять. Обрѣтаются въ Египтѣ многая капища Турецкая, пространна и велика и лѣпо зданна, имущая внѣ, на версѣ главы возвишеніе, имъ же би зѣло прилично бити церквами христіанскими, аще би токмо било изволеніе Божіе. Улицы градскіе нѣ суть посланни каменми, якоже въ иннихъ странахъ, но имуть землю естественную, и началнѣйшіи суть чисти и помѣтаемы на всякъ день, нѣпціи же обрѣтаются полни смѣтія и нечистотъ. Се же отчасти, яко народъ Египетскій варварскъ и небрегливъ, отчасти же, яко тѣсно людіе обитають, нѣсть бо града болшаго въ всей Турецкой земли, паче Египта, чесо ради Италѣяне, искусивши и разсмотрѣвши многіе гради и странни, повѣствуютъ общее слово сие: *tre paeze bono tropo grande gran Cairo di Siria, Milano di Lombardia e Parizo di Franza*, то есть: три на всей вселенной градове болшіи народомъ и протяженіемъ суть: Египетъ въ Сиріи, Медіоланъ въ Ломбардіи, въ Италіанской земли, и Парижъ въ Французкой. Въ Египтѣ обрѣтаются людіе различнаго рода, различной вѣри и различнаго языка, яко то: Турки и Арави, аще и единая вѣри суть, такожде Греки и Арави православніи христіяне, иже имуть церквій 3: первая Святителя Христова Николая и сія есть въ новомъ градѣ и есть двопрестолная, вторая святаго велико мученика Георгія въ Египтѣ ветхомъ, и сія есть въ монастыри, въ немъ же убогіе инокины, немощніе старицы и бѣдніи сироты обитають и пищу имуть отъ милостивы христіанъ. Тамо обрѣ-

тается икона Пресвятія Дѣви Богородицы, яже пренесенна есть отъ Венеціи единымъ купцемъ, повеленіемъ и откровеніемъ ему бывшимъ въ снѣ, 1727 году. Третья церковь есть Пресвятія Богородицы, и та есть весма пуста, ниже вратъ, ни затвора, ниже каковаго либо внутри украшенія имущая, обаче и тамо на всяку суботу литургія биваетъ ради усопшихъ, понеже тамо тѣлеса ихъ погрѣбаема биваютъ. Храмъ убо той довольно есть пространенъ въ висоту, въ долготу же и широту, и познавается, яко иногда зѣло лѣпотенъ бяше, и зѣло же ветхъ есть, обаче число лѣтъ уразумѣти нужно есть, понеже писмена и подписанія вся отропаса, точію имя святѣйшого патріархи Александрійскаго Григорія, о чесомъ нѣсть извѣстно, аще ли въ время его созданна, или обновленна бысть. Обрѣтаеться въ церквѣ той образъ Пресвятія Дѣви, отъ главы до ногу на древѣ списанъ, держащъ на руку Христа Господа, зѣло обетшалій, о немъ же повѣствуютъ, яко въ время гоненія на христіани закопаша въ землю въ церквѣ, купно съ кандиломъ запаленнымъ; послѣди же, опустѣвшей церкви и многимъ лѣтомъ прешедшимъ, впаде въ недугъ великъ властелинъ Египетскій, иновѣренъ сій, и егда не можаше отъ врачей исцѣлится, бистъ ему явленіе въ снѣ, да повелитъ откопати образъ онъ и отъ кандила да помажется и здравъ будетъ. Еже сотвори безъ законѣнія, и обрѣтоша икону съ кандиломъ незгасшимъ, и помазався болній, и абіе (о, великія благодати Твоя, Мати Божія!) изцѣлѣ и здравъ бистъ, и отъ того часа даде паки въ область христіаномъ церковь оную. Обрѣтаются еще въ Египтѣ Римляне. иноци же и мирстїи, и церковь имутъ двѣ: едину въ новомъ, а другую въ ветхомъ Египтѣ. Литургисають же и въ предреченной опустѣлой церкви, таможе и погрѣбаются не токмо

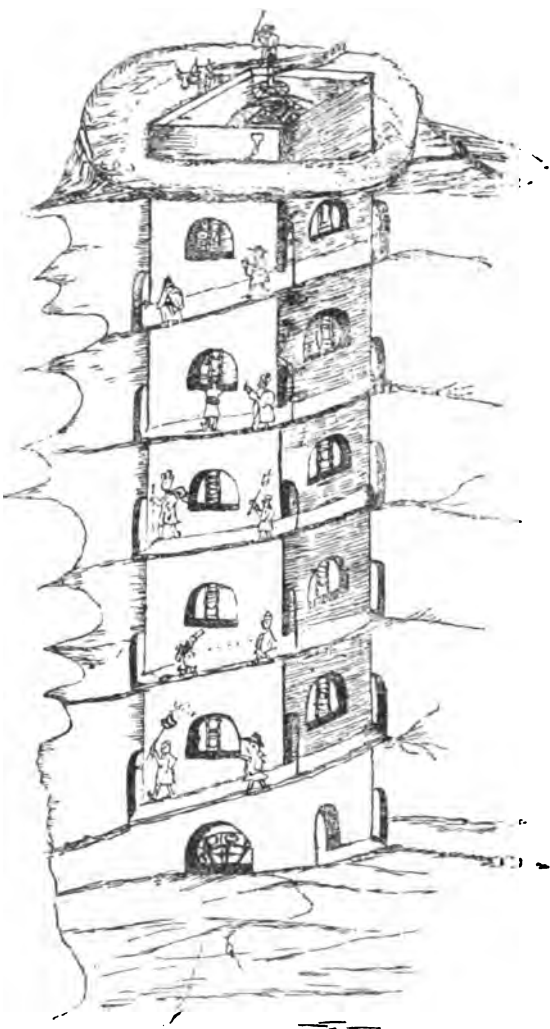
Французи, Венеціани и Гишпани, и консулъ Французкій, иже обладаетъ ими. Обрѣтаются же въ Египтѣ Англезы и консулъ ихъ. Суть паки Арменъ множество, и церковь свою имутъ и патріарху. Обрѣтаются еще нѣкіи христіане еретики, именуемы Копти, си есть обрѣзаны, иже и крестятся, и обрѣзуются, и многихъ прочихъ ересей держатся, и тихъ суть множество въ Египтѣ и церковь ихъ обрѣтается число не мало; имутъ же своего особнаго патріарха и себе съ нимъ за православныхъ быти и патріарху своего достойно Александрійскій престоль держати мнятъ и проповѣдуютъ. Греческаго же патріарху и всѣхъ купно съ нимъ за неправославныхъ быти почитаютъ. Обрѣтаются тамъ и Жиудовъ много и свою такожде синагогу и жилище оособно имутъ. Многое же множество Турковъ странныхъ отъ Константинополя, Анатолиі и отъ иныхъ великихъ городовъ и острововъ морскихъ обрѣтаются тамъ; но Аравовъ безъ числа суть, тамъ бо ихъ родъ и отчество есть. Египтяне не имутъ иной воды къ питію, токмо вси пють отъ рѣки Нила. Египетъ есть славенъ множествомъ купцевъ, различными и драгими товары, понеже есть пристанищемъ торговцевъ, отъ Индіи возвращающихся. Египетъ великіе користи иматъ отъ Нила рѣки и отъ Чермнаго моря, начало убо его совокупляется съ окіаномъ, конецъ же отстоитъ отъ Египта три дни хожденія землею, идѣже есть пристанище, рекомое Сувезъ. Возвращающиеся убо купцы кораблями отъ Индіи чрезъ окіанъ, проходятъ чрезъ Чермное море и приносятъ въ Сувезъ ливанъ, смирну, перецъ, кинамонъ и прочая аромата и кореніи благоуханная, такожде сосуди драгіи фарфорніи и инніи многоцѣнныя вещи; приносятъ же кафе, иже раждается въ Емени, надъ Чермнымъ моремъ, яже страна не въ власти Турецкой есть, но оособно. Та убо вся вещи

приносятся чрезъ море Чермное, даже въ Сувезъ, а оттуду по земли въ Египетъ; отъ Египта же на Чермное море посылается рижъ, пшеница, фава, сочиво и вся ядоміе вещи, яже тамо оскудни суть. Се Чермное море коль велию користь приноситъ Египту. Не малое добро и Нилъ рѣка творить, яже разливается на всякъ годъ и наполняетъ, и тогда копаютъ людіе ровы и напаяютъ вся поля Египетскіе отъ сладости рѣки, толь бо сладку и здраву воду имать, яко на островахъ рѣки тростіе раждается, сокъ сладокъ имущое, отъ него же дѣлаютъ пукоръ. Егда же напаятся поля и рѣка испадеть, тогда сѣютъ пшеницу, рижъ, бобъ, сочиво и прочая, яже вся благословеніемъ Божиимъ толь убожаются, яко всей Аравіи отъ Египта изобилувати, тако-бо много раждается рижя, яко въ нашихъ странахъ жита или пшеницы. Товари же вишереченніи идутъ отъ Египта Ниломъ рѣкою въ Бѣлое море, а оттуду въ всю Турецкую странну и прочіе. Кораблецовъ и ладій, яже на рѣцѣ Нилѣ путешествуютъ, суть многое множество, непрестанно бо иніе отъ Александріи, инніи отъ Рахита, инни отъ Дамяти приходятъ въ Египетъ, иніе же отъ Египта возвращаются тамо. Египетъ, аще и подъ державою есть султана Турецкого, обаче не весма ему покаряется, токмо данъ даетъ ему, и паша, иже обладаетъ Египтомъ,ставляется отъ Цариграда. Обаче паша тамо не долго господствуетъ, единъ бо другаго низлагаетъ; той лучшій, иже крѣпчайшій, единъ бо другому отъ господій не покаряется и единъ съ другимъ домъ на домъ бранъ творить. Въ Египтѣ пляцъ, или пазаръ, или торжище великое зѣло есть, на немъ же безчисленное множество народа на всякъ день обрѣтается, и комори купеческіи зѣло тѣсно устроенни суть. Истиннѣ же рекше, весь градъ торжищъ исполненъ, идѣже въ всѣхъ стогнахъ

низу комори, верху едины на другихъ полати високо строеніе суть, въ нихъ же оконъ и чардаковъ множество, ради прохладженія, суть. Верху же всѣхъ домовъ Египетскихъ, аки комини или столпи устроеніе, въ ня же дшпетъ вѣтръ и проходитъ въ вся келіи зданій, даже до низу, и прохладяетъ обитающихъ, и се есть зѣло нужно и потребно тамо, понеже, ради тѣсныхъ улицъ и високихъ зданій, не можетъ вѣтръ дихати внутрь домовъ, инако же би не мощно било жити народу, ради горячести солнечной. Въ Египтѣ вода продается, аще и рѣка при боцѣ есть, понеже отъ домовъ, воскрай рѣки стоящихъ, сами людіе почерпають воду, а иже внутрь града далече обитають, не могутъ на всякъ день ходити къ рѣцѣ, но суть на то особніе чловѣцы—водо-продавницы, иже почерпають мѣхами кожанними отъ рѣки воду и, возлагающе на верблюди, приносятъ въ градъ и продають; инной же води къ питію нѣсть, понеже страна та есть слана, и аще обрѣтаются тамо кладязи въ всякомъ дворѣ, но въ всѣхъ слана вода обрѣтается, ею же токмо сосуди омивають. Имуть же въ Египтѣ ископанъ ровъ, имъ же рѣка, въ время умноженія воды, входитъ внутрь града, и тогда на малой цѣнѣ воду продають. Суть же въ многихъ дворяхъ господскихъ стерни, то-есть ями, въ подобіе кладязомъ созданны, яже тогда купующе наполняютъ и піють до года. Въ Нилѣ рѣцѣ рыбы довольно различной. Начало же ея есть отъ одинаго озера, или ями рекомой Заира, яже обрѣтается въ Хабесіи, и егда убо яма та воскипитъ и умножаетъ воду, тогда и Нилъ много разливается въ широту и многи користи творить обитающимъ людемъ при немъ. Проходитъ же чрезъ всю Ефіопію, и ниже Египта раздѣляется на три части: часть течетъ во Александрію, часть въ Рахить, часть въ Тамать, нако-

нецъ впадаетъ въ Бѣлое море. Въ Египтѣ обрѣтается древесъ садовнихъ много: помаранчовъ, лимоній, родій, найпаче же отъ финиковъ; ограднихъ плодовъ тамо веліе изобиліе въ зимѣ и лѣтѣ. Хлѣбъ, елей, сирь, масло, кафе и вся вещи, яже къ пищѣ, на малой цѣнѣ продаются, вино же и горѣлка скупю, понеже отъ Бѣлаго моря приходить, а не тамо дѣлается. Сребра тамо изобилно обрѣтается, и удобно тамо можетъ человекъ обогатѣти, найпаче же умѣющъ художество, на всякаго бо художника зѣло тамо добрѣ есть. Египетъ на четири имени раздѣляется: первое именуется Египетъ, идѣже обще весь народъ обитаетъ и торжища началнѣйшая суть. Тамо убо и церковь Греческая, и Синайскій метохъ, и дворъ святѣйшаго патріарха Александрійскаго обрѣтается, въ немъ же намѣстникъ его съ иноки, иногдаже и самъ купно обитаетъ; тамо и азъ пребихъ вся дни замедленія моего въ Египтѣ. 2) Крѣпость, или замокъ, и стоитъ особно на мѣстѣ високомъ и именуется Кале, идѣже азъ множицею ходихъ; тамо имуть армати и прахи. Тамо обитаетъ папа и прочіи начальници; тамо суди дѣйствуются и главы осужденныхъ посѣщаются; тамо монета, или пѣнязи, мѣдніе, серебряніе и златіе дѣлаются, еже самъ своимъ очима видѣхъ. Обрѣтаютсяжеся тамо и донинѣ еще полати Фараона и Іосифа Прекраснаго, иже суть нинѣ пусти и раззоренни. Фараоновихъ убо полать зѣло гордое и высокое строеніе, отъ великихъ каменей, и внутрь познавается, яко позлащенни бяху. Тамо же недалече обрѣтаются останки единого зданія великаго, идѣже нинѣ торжище есть; тамо суть столповъ много единокаменныхъ, толь великихъ, яко чудитися всякому зрящему на ня, како и каковою силою толь велія тягота камене подвизашеся и здашеся, толстота бо ихъ, яко тріемъ человекомъ обяти, въ высоту

же шесть или седмъ сажній суть, еже не вѣсть никто же, что бѣше, но мнѣмъся, яко домъ судилища бысть иногда, въ немъ же дѣйствовахуся суди въ время царствованія Фараонова. Обрѣтаются жетамо вънутрь крѣпости и полати Прекраснаго Іосифа, иже иногда царствовалаше въ Египтѣ и въ нихъ обиташе, иже такожде пусти суть и падоша, токмо двѣ стѣнѣ стоятъ, на нихъ же смотрѣти зѣло лѣпо и удивительно есть, понеже насажденни суть позлащенною и различно - цвѣтною муссеею и маргаритнымъ чрепѣмъ, то есть перловою матрицею; не простимъ же художествомъ, но сие хитримъ и искуснимъ, яко землю, цвѣти разніе, древеся, плоды, птицы и прочіе вещи изображенни суть.

Таможе вънутрь Кале есть кладязь Іосифовъ, егоже азъ посѣщахъ и соглядахъ; изобразити же или описати совершенно, якоже есть въ себѣ, веліе мнѣ есть не удобство, понеже

таковой вещи нигдѣ индѣ не случашеся ми видѣти. Кладязь оній разсуднымъ умомъ и мудрымъ совѣтомъ есть сотворень; обаче хитрость копанія его нужно есть изъяснити, понеже вся въ земли есть и ничтоже отъ внѣ зрится. Обаче азъ разсудному уму описую и начертаваю сице: кладязь оній не имать никакого притворнаго внутръ зданія или стѣнь, но въ самой естественной земли, въ мягкомъ камени есть ископанъ на четири углы, равно въ широту и долготу, яко на четири сажни и вѣще, глубокъ же безъ мѣри. Окрестъ убо того кладязя есть путь копанъ, аки улица или пещера, иже иногда бѣше даже до конца глубини, нинѣ же точію до половины, идѣже въ стѣнахъ кладязя окна суть просѣченни, ради просвѣщенія, обаче мало подають свѣта, во глубинѣ суще, но нужда есть сходить съ огнемъ, якоже и азъ снѣйдохъ. Тамо работники приставленніи низводятъ внизъ воли, запрягаютъ ихъ въ колесо, хитростнѣ учиненное, имъ же горѣ воду тягнетъ отъ дна кладязя даже до половины, и сливается въ едину яму, а оттуду верху кладязя иными волами, подобнѣ запряженными, витягается вонъ сосудами, на вервахъ повѣшенными, инако бо сверху даже до низу единимъ влеченіемъ вервь неудобно досягнути воды, ради великой глубини. Отъ верхнихъ убо воловъ даже до вторихъ, суть нисхожденія степеней 200, якоже азъ самъ измѣрихъ, а оттуду ниже мало вода зрится. Повѣствуютъ же тамо труждающіися работники, яко еще вѣщая половина есть внизъ, нежели оттуду горѣ. Вода же нѣсть сладка, но мала слана, обаче въ нужду безъбѣдно питися можетъ. И се о двохъ частехъ. 3) именуется ветхій Египетъ, о немъ же предъ рекохъ, яко тамо обрѣтается монастырь Греческій святаго великомученика Георгія и церковь Пресвятія Богородици, такожде монастырець законниковъ

Римскихъ и три церкви Коптскихъ, отъ нихъ же въ единой обрѣтается единъ домъ малъ внутрь земли, въ немъ же (повѣствуется отъ христіанъ) обиташе Пресвятая Дѣва Богородица съ Христомъ, избѣгши изъ Іерусалима, даже до умертвія Иродова; таможе есть и мѣсто купели, идѣже омиваше Пречистая Владичица Христа Спасителя. Между новимъ и ветхимъ Египтомъ есть високій каменній каналъ устроенъ, имъ же отъ рѣки даже до Кале течеть вода; стоитъ-же на столпахъ на подобіе моста. Четвертое мѣсто именуется полако, которое отдѣлнѣ мало отъ града стоитъ, воскрай берега рѣчнаго. Тамо суть полати красніи и великіе и садовъ лѣпотнихъ много суть. Тамо индукта и торговое поплащается. Тамо коморъ и имбаровъ подъ полатами множество суть, въ нихъ же торговцы слагають своя товары. Обаче вся та мѣста предреченна, аще и особніи имени имуть, но вся единъ Египетъ бити именуется. Недалече отъ Египта, обонъ полъ рѣки Нила, суть рукотвореніе гори, а отъ Грековъ нарицаеміе пирамиди, иже суть четверограничны; всякая граница на стопь 75, висота же ихъ есть на стопь пятьсотъ. Между ими же три височайшіе суть и именуются гори Фараоновъ, понеже Фараонъ, сущи древле царемъ Египетскимъ, своимъ иждивеніемъ созда, мислящи суетная, якоже повѣствуется, да имать прибѣжище тамо, внагда би случилось Божіимъ попущеніемъ разлитися рѣдѣ до зѣла и потопити вся поля Египетская. Еще же вѣстно буди наконецъ и се, яко въ Нилѣ рѣдѣ, горѣ далече, отъ Египта, на единомъ мѣстѣ обрѣтаются змѣеве, именуеміе крокодили, на подобіе ящурки сущіе, съ четирма ногами, обаче великіе, якоже бѣлуги или есетри, и могутъ жити въ водѣ и на земли: на время бо въ водѣ суть, на времяже излазять на берегъ, между сладкое тростіе, и

ядутъ е, или препочиваютъ въ нихъ; аще же случается, то и человѣка снѣдаютъ. Вѣстно же буди въ конецъ и се, яко въ Египтѣ въ церкви Греческой двоя язики чтется правило церковное: Греческимъ и Арапскимъ; Греческимъ убо иноки, Арапскимъ же попи мирскіи. Имуть же чинъ церковній въ чтеніи и пѣніи, и въ служеніи лѣпотень, тако присудствующу патріарху, якоже и безъ присутствія его. На литургіи же божественной всегда два апостола и два евангелія чтутся, гречески и аравійски, развѣ инако случается въ повседневіе, егда едва кто приходитъ къ церкви; въ праздники же Господскія, Богородични и иннихъ нарочитихъ святыхъ соборное служеніе биваетъ и по двѣ литургіи: ранная и позная, подобнѣ и по вся недели. Иноци Синайстіи приходятъ въ церковь патріаршую служить службы Божой по вся недѣли и праздники, понеже въ своемъ метоху церкви не имуть, токмо часовню прежде имѣяху, но бившимъ сваромъ между ими и патріархомъ Александрійскимъ Козмою, отъяша Турки и сотвориша свой мечеть. Та убо и тѣмъ подобная азъ увѣдѣвши, видѣвши же и слышавши, и твоей любвѣ, тщательній читателю, вкратцѣ написавши, совершихъ, Богу благодареніе, рокъ 1727, сидящи въ предъреченномъ дворѣ патріаршемъ въ великомъ и славномъ градѣ Египтѣ.

Ad M. G. D. Bea. V. M ¹.

Конецъ первой части

¹ Ad Majorem Gloriam Dei (et) Beatae Virginis Mariae — Къ превеликой славы Божіей и Пресвятой Дѣвы Маріи.

Р и с у н к и.

	КЪ СТРАН.
1. Снимокъ съ письма В. Григоровича-Барскаго (двойной).	XXXII
2. Гробница В. Григоровича-Барскаго въ Кіевѣ	XXXVI
3. Хрисанъ, патріархъ Іерусалимскій	208
4. Яффа	280
5. Храмъ Воскресенія Христова	310
6. Гробъ Христовъ въ Іерусалимѣ (двойной).	316
7. Вершина Елеонской горы	324
8. Домъ Св. Меланіи	324
9. Мѣсто Вознесенія Христова (въ текстѣ).	325
10. Гробницы Авессалома и пророка Захаріи	328
11. Монастырь Св. Іакова	330
12. Гробница Рахили (въ текстѣ)	358
13. Вилеємъ.	358
14. Домъ Ефраимовъ.	364
15. Монастырь Св. пророка Іліи	370
16. Іорданъ.	374
17. Пещера Св. Іоанна Предтечи близъ Горней	380
18. Горня.	382
19. Левкосія	396
20. Аликеъ и Ларнака	398
21. Монастырь Св. Маманта на о. Кипрѣ	404
22. Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ, юго-западная сто- рога	406
23. Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ, сѣверо-западная сторона	406
24. Рахитъ	408
25. Каиръ (двойной).	412
26. Колодезь Іосифа (въ текстѣ)	421

Оглавленіе.

	СТРАН.		СТРАН.
Предисловіе	I	Католъка	55
1723 годъ.		Ариминѣнѣ	56
Кіевъ	2	Сенегалѣя	57
Почаевъ	3	Анкона	58
Броди	4	Лоретъ	59
1724 годъ.		Калаврія	67
Львовъ	5	Санктъ Михаелъ	70
Самборъ	13	Барлета	72
Воля	15	Таранъ	74
Грушевъ	16	Баръ	75
Каменцы	17	Барлета	87
Ганиска	20	Троя	92
Гестъ	21	Путь къ Неаполю	94
Тардъ	22	Неаполь	96
Денгешъ	23	Гарияно	109
Гатванъ	24	Римъ	111
Будимъ	25	Флоренція	143
Комарно	27	Рувиго	147
Вѣденъ	29	1725 годъ.	
Маріяцель	35	Венеція	149
Навмаргъ	41	Рувинѣо	175
Филохъ	43	Море	176
Понтава	44	Ленсипа	178
Валюежонъ	45	Море	181
Кордоватъ	46	Корфусъ	191
Портогуаро	47	Кефалонѣя	195
Венеція	49	Закинѣъ	201
Доля	54	Море	205

	СТРАН.		СТРАН.
Хіо	207	Путь въ Іерусалимъ	297
Море	215	Іерусалимъ	308
Солунъ	218	Путь къ Св. Саввѣ	339
Путь на Афонъ	219	Монастырь Св. Саввы	341
Афонская гора	223	Мертвое море	351
Ізографъ	224	Іерусалимъ	357
Хиландаръ	227	Вилеемъ	359
Сименъ	229	Домъ Еераовъ	363
Ватопеть	230	Вилеемъ	367
Ставреникита	233	Монастырь Св. пророка Іліи	370
Котлумушъ	235	Іерусалимъ	371
Іверъ	236		
Каракаль	237	1727 годъ.	
Лавра	239	Путь къ Іордану	373
Діонисіатъ	241	Іорданъ	375
Симопететра	243	Монастырь Св. Герасима	377
Св. Пантелимона	245	Монастырь Св. Крестителя Іоанна	378
Ксенофъ	247	Іерусалимъ	379
Дохіаріу	249	Горная	381
1726 годъ.		Іерусалимъ	383
Аѳонская гора	251	Іупія	395
Путь въ Солунъ	257	Море	396
Солунъ	259	Левкосія	397
Море	265	Аликесъ	399
Родусъ	269	Монастырь Кикось	400
Кипръ	273	Монастырь Св. Маманта	404
Море	275	Монастырь Св. Креста	406
Іонія	277	Апокерія	407
Путь въ Іерусалимъ	285	Рахитъ	408
Ремль	286	Египетъ	409
Путь въ Іерусалимъ	291	Рисунки	425
Еммаусъ	296	Оглавленіе	427

